

ЧЕРНОБЫЛЬ. ТРУД И ПОДВИГ

Красноярским ликвидаторам
последствий Чернобыльской аварии
посвящается

УДК 621.311.254—044.367
ББК 31.47
Ч49

Ч49 **Чернобыль. Груд и подвиг.** Красноярским ликвидаторам Чернобыльской аварии посвящается. — Красноярск: Поликор, 2011. — 304 с.

ISBN 978 – 5-91502 – 040 – 4

Редакционный совет:

Карлова О. А., заместитель Губернатора края — заместитель председателя Правительства Красноярского края.

Клешко А. М., заместитель председателя Законодательного Собрания Красноярского края.

Гаврилов П. М., генеральный директор ФГУП «Горно-химический комбинат».

Михайлов В. А., председатель правления Красноярской краевой общественной организации инвалидов «Союз «Чернобыль».

Польнская О. Н., заместитель начальника управления информационной политики Губернатора края.

Репин Ю. В., начальник отдела управления информационной политики Губернатора края.

Щедрухина О. В., консультант организационно-методического отдела управления информационной политики Губернатора края.

Консультанты и авторы тестов:

Михайлов В. А., председатель правления Красноярского Союза «Чернобыль»; Сперанский В. К., председатель Железнодорожного отделения Союза «Чернобыль»; Русанов В. А., заместитель главного инженера по ОТ и РБ ФГУП «Горно-химический комбинат»; Рыженков Б. В., заместитель начальника ОСО ФГУП «Горно-химический комбинат»; Царегородцев М. Е., бывший генеральный директор НПО «Сибцветметавтоматика»; Гурков В. И., доцент кафедры общей физики ИФП СФУ.

Издательская группа:

Директор издательства Щелканова Е. В.

Редактор-составитель Елинская Т. Н.

Исследователи и авторы очерков: Елинская Т. Н., Елисеенко А. Г., Мармышев А. В., Лебедева Ю. В.

Книга издана на средства ФГУП «Горно-химический комбинат» (предприятие Государственной корпорации «Росатом»)

УДК 621.311.254–044.367
ББК 31.47)

ISBN 978 – 5-91502 – 040 – 4

© ООО «Поликор», 2011

Уважаемый читатель!

Авария на Чернобыльской АЭС — одна из самых крупных техногенных аварий в мире. Однако масштабы бедствия были бы намного серьезнее, а жертв значительно больше, если бы не мужество и подлинный героизм людей, занимавшихся ликвидацией последствий этой страшной аварии. При этом сами чернобыльцы героями себя никогда не считали — просто добросовестно делали свою работу.

Главная ценность книги, которую вы сейчас держите в руках, — простые, безыскусные и от этого особенно пронзительные рассказы очевидцев и участников тех страшных событий. Важно, чтобы наши дети и внуки помнили о подвиге этих замечательных людей, помнили и гордились своим народом.

Губернатор
Красноярского края
Л.В. Кузнецов

Уважаемый читатель!

26 апреля 2011 года исполняется 25 лет Чернобыльской трагедии. Эта книга посвящается красноярцам — жителям Красноярского края, которые участвовали в ликвидации этой аварии. Горно-химический комбинат является одним из тех предприятий, специалисты которого работали на самых напряженных участках чернобыльского фронта.

Немного истории. Начало Атомного проекта СССР было сопряжено с решением жизненно важной задачи — в кратчайшие сроки мы должны были создать оружие сдерживания — атомное оружие. Атомщики первого поколения сделали невозможное — в период 1945 — 1949 годов, в условиях послевоенной разрухи, они создали атомную промышленность и 29 августа 1949 года положили конец американской монополии на обладание этим сверхоружием. Это было время, когда счет шел на месяцы и дни. Люди, не считаясь ни с чем, шли на осознанный риск, работая в больших радиационных полях. Это были великие люди, которые делали свой выбор ради жизни своей великой страны, которая победила фашизм. И сила духа хранила этих людей.

Министерство среднего машиностроения стало олицетворением всего самого передового, что было в нашей стране. Под эгидой атомного министерства нашла убежище от гонений генетика, объявленная «лженаукой», с целью доставки боеголовок получили мощный импульс к развитию авиация и ракетостроение, практически все отрасли промышленности и знания были затронуты решением невиданных ранее задач. Ответив на ядерный вызов США и создав оружие сдерживания, наша страна первой в мире создала атомную электростанцию и атомный ледокол. Это было время научно-технической революции и больших надежд — казалось, что атом покорен навсегда. В середине 1960-х было принято политическое и экономическое решение руководства страны о передаче

атомной энергетики министерству энергетики, наряду с тепловой и гидроэнергетикой. Сегодня это выглядит роковой ошибкой, но тогда это казалось разумным.

Одна из крупнейших в мире, Чернобыльская атомная электростанция была спроектирована и создана министерством энергетики СССР, а реактор — Минсредмашем. Непонимание физических особенностей работы атомной установки работниками Минэнерго привело к запроектной аварии на 4-м энергоблоке.

Первыми 26 апреля 1986 года под огонь попали персонал Чернобыльской АЭС и пожарные расчеты, которые получили огромные дозовые нагрузки и ценой собственной жизни предотвратили распространение пожара на соседний, 3-й, энергоблок. В этот же день была сформирована Правительственная комиссия, затем принято решение об эвакуации населения и начаты работы по ликвидации последствий. К середине мая 1986 года стало окончательно ясно, что справиться со сложившейся обстановкой может только Минсредмаш. Тогда и было принято решение поручить руководство всеми работами по ликвидации последствий аварии атомному министерству, а заодно и вернуть ему контроль над атомной энергетикой.

Предприятия Минсредмаша из Красноярска-26 — Горно-химический комбинат и трест «Сибхимстрой», наряду с другими предприятиями «большого» Красноярска, внесли значительный вклад в ликвидацию последствий аварии. Им, ликвидаторам из Красноярска, посвящается эта книга.

Генеральный директор ФГУП «Горно-химический комбинат»
Петр Гаврилов

Уважаемый читатель!

Катастрофа на Чернобыльской АЭС — это целый конгломерат событий, фактов, причин и последствий.

С одной стороны, она стала шоком для высшего руководства страны и ее граждан. Как? Почему? Что делать? Но времени для растерянности не было — разбушевавшийся атомный реактор требовал незамедлительных решений. Советский Союз единым фронтом заслони́л мир от ядерной беды.

Сотни тысяч людей поехали в маленький украинский городок Чернобыль, чтобы принять участие в ликвидации последствий катастрофы. Не остался в стороне и Красноярский край. Наши предприятия направили в зону бедствия технику и людей. Военкоматы объявили массовую мобилизацию военнослужащих запаса и кадровых офицеров. Трудовые коллективы края перечисляли денежные средства на расчетный счет 904 — в помощь пострадавшим от Чернобыльской аварии. Одновременно с этим наш край принимал эвакуированных из зоны отчуждения. На нашей земле они смогли обрести кров и найти работу.

С другой стороны, катастрофа разделила жизни простых людей на две части: до и после. Вот жил-был человек, работал, растил детей и вдруг к нему постучались с повесткой из военкомата: «Мол, надо, Вася!». И один, обняв жену и детей — ну, раз надо, так надо — пошёл. Другой побежал прятаться за справки, за заступничество начальников и знакомых. А делать-то всё равно кому-то надо было. И те, кто не струсил, не дрогнул, поехали и сделали, и защитили всех нас. Страну и землю.

Эта книга задумывалась нами не только как рассказ о том, КАК это было, но и для того, чтобы упомянуть ВСЕХ, кто там был, кто ликвидировал последствия этой страшной беды. ВСЕХ, кто не подвёл, не дрогнул...

Чтобы помнили.

Председатель правления Красноярского краевого Союза «Чернобыль»
Владимир Алексеевич Михайлов

Чернобыль разный, но один на всех

25 лет назад, в далёкой от наших сибирских мест Украине, прогремел взрыв на Чернобыльской атомной электростанции. Глубокой ночью 26 апреля 1986 года был разрушен атомный реактор четвертого энергоблока. Этот день теперь известен всему человечеству — Чернобыльская авария стала одной из крупнейших техногенных аварий в мире.

Государственная растерянность и шок длились недолго. В считанные часы была создана Правительственная комиссия и началась организация работ по ликвидации последствий аварии. Тысячи человек со всего Советского Союза отправились на борьбу с невидимым врагом. Всех их впоследствии стали называть «ликвидаторами». Тогда мало кто понимал, что ждёт впереди — на устранение последствий аварии ушло долгих четыре года.

Во всех сберкассах страны был открыт «счёт 904» для добровольного перечисления денег в помощь пострадавшим от аварии. В Железнодорожном городском музейно-выставочном центре хранятся благодарности Госбанка СССР в адрес гражданки Марии Петровны Кошелевой, жительницы Красноярска-26, регулярно перечислявшей личные сбережения пострадавшим от Чернобыльской аварии. Они трогательны искренностью чувств — первое пожертвование Мария Кошелева сделала 10 июня 1986 года. Это лишь один из примеров. За первые полгода на счёт 904 поступило 520 миллионов рублей от организаций и частных лиц.

Опыт ликвидации последствий аварии на ЧАЭС доказывает, что можно в считанные часы принимать важные, выверенные решения без проволочек, долгих согласований, сотен виз и так далее. Оказалось, мы можем работать слаженно, эффективно и легко перешагивать через ведомственные барьеры. Многие технические задачи в Чернобыле были решены впервые в мире.

Красноярский край воспринял чернобыльскую беду как свою собственную и отправил на ликви-

дацию последствий аварии своих лучших сыновей и дочерей, помог деньгами, техникой и одеждой.

Книга «Чернобыль. Труд и подвиг» посвящена трагическим событиям двадцатипятилетней давности. Это совместный издательский проект Правительства Красноярского края, железнорского Горно-химического комбината и Красноярского краевого Союза «Чернобыль». В нашей книге мы впервые так полно и подробно рассказываем об участии предприятий Красноярского края и его жителей в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС, в том числе и о ведущей роли закрытых атомных городов — Железнодорожска и Зеленогорска.

Для данной книги собрано более 100 воспоминаний ликвидаторов, большое количество фотографий, подготовлены трехмерные иллюстрации.

Перелистывая интервью участников ликвидации, понимаешь, что у каждого был свой Чернобыль и свое отношение к уходящим в историю событиям. Важно другое — для каждого из них участие в ликвидации стало новой точкой отсчета, иным мерилom человеческих ценностей.

Ликвидатор из Железнодорожска Владимир Константинович Сперанский пишет в своих воспоминаниях: «Эхо Чернобыльской трагедии прозвучало не только во всех уголках планеты. Испытание Чернобылем прошел каждый человек, который хотя бы на секунду задумался о случившемся. Чернобыль высветил души людей, и теперь о человеческой нравственности я сужу по тому, как тот или иной относится к трагедии Чернобыля».

Техногенные катастрофы на планете, к сожалению, не редкость. Недавние взрывы на АЭС «Фукусима-1» в Японии еще раз напомнили со всей жестокостью — основной причиной всех техногенных катастроф является человеческий фактор. Даже последствия природных катаклизмов зависят от того, как общество к ним готовится и какие меры принимает после их наступления. Например, строительство потенциально опасных предприятий в сейсмоопасных и густонаселённых зонах заведомо увеличивает число возможных жертв, а тем самым — и человеческие масштабы несчастья.

Столичный город Киев почти рядом.
Авария реактора ЧАЭС
Нам показала, как опасен атом,
Как хрупок мир,
И нет в нем тихих мест.

...Последствия ошибок и расчетов
Дай, Бог, нам силы снова пережить.
И выполнить нелегкую работу —
Осколки взрыва в недрах схоронить.

Так в 1987 году написал о Чернобыле красноярский врач и поэт, участник ликвидации Виталий Горелик.

Японскую аварию уже сравнивают с чернобыльской. К сожалению, наш бесценный опыт ликвидации последствий радиационной аварии оказался востребованным спустя 25 лет. Как и у нас, в Японии обозначена 30-километровая зона отчуждения, а закрывать разбушевавшийся реактор планируют саркофагом.

За прошедшие 25 лет про то, что теперь называют просто «Чернобыль», написано немало правды и лжи, домыслов и легенд. В каком-то смысле Чернобыль — имя символичное. Оно может быть переведено как «черная трава». А на Украине так называют горькую траву полынь.

Авторский коллектив книги «Чернобыль. Труд и подвиг», опираясь на федеральные и краевые документы, воспоминания красноярских ликвидаторов, исследования ученых и мнения специалистов, постарался воссоздать непредвзятую картину событий тех тревожных и героических лет ликвидации Чернобыльской аварии.

Надеемся, что книга «Чернобыль. Труд и подвиг», созданная при непосредственном участии железногорского Горно-химического комбината, передаст дань нашего уважения всем землякам, принявшим участие в ликвидации крупнейшей техногенной катастрофы прошлого столетия. Люди, чья судьба тесно сплетена с Чернобыльской трагедией, сегодня живут рядом с нами. Они нуждаются в нашем внимании и нашей заботе.

Большая часть вошедших в книгу материалов книги представлена впервые. Авторы раскрывают тему долга и мужества ликвидаторов в борьбе с последствиями радиационной катастрофы, рассказывают об их творчестве, подвижничестве, ярких и поучительных судьбах.

Стихотворения, вошедшие в книгу «Чернобыль. Труд и подвиг» написаны самими ликвидаторами. Зачастую они несовершенны по форме, но подкупают своим содержанием. Это исповеди, крик души тех, кто не в силах забыть пережитое.

В книге «Чернобыль. Труд и подвиг» показаны также различные аспекты международного чернобыльского движения солидарности.

Союз «Чернобыль» в городе Красноярске был создан 28 февраля 1991 года. Краевая организация была создана 21 декабря 1991 года. Первым руководителем краевой организации был инженер-строитель из Железногорска Александр Владимирович Бевза. Сегодня краевой Союз «Чернобыль» возглавляет Владимир Алексеевич Михайлов.

В составе краевой организации 16 местных отделений, которые отстаивают интересы ликвидаторов последствий Чернобыльской катастрофы, а также защищают права граждан пострадавших от радиационной аварии на ПО «Маяк», от испытаний на Семипалатинском полигоне и лиц, служивших в подразделениях особого риска, а также членов семей этих категорий граждан.

Особое место в книге «Чернобыль. Труд и подвиг» уделено непосредственным красноярским участникам ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС. В данной книге они представлены поименно.

Низкий поклон вам от всех нас, кого вы заслонили собой от радиационной беды. Всем тем, кто не подвёл и не дрогнул в трудный для всего мира час. Мы будем помнить ваши имена.

С уважением, редакционный совет и авторский коллектив книги «Чернобыль. Труд и подвиг»

Мне имя Чернобыль

В 1966 году Совет министров СССР утвердил государственный план ввода атомных электрических станций на ближайшее десятилетие. Одна из них должна была появиться на территории Украинской ССР. Площадка под строительство новой АЭС была выбрана в 4-х км от села Копачи Чернобыльского района, на правом берегу реки Припяти, в 12 км от города Чернобыля. Будущей станции дано название Чернобыльская.

*Из толкового словаря Владимира Даля:
«Чернобыль — крупный вид полыни».*

Первая украинская

Согласно госплану, Чернобыльской атомной электростанции суждено было стать первенцем атомной энергетики советской Украины и одной из самых мощных АЭС в Советском Союзе.

Из книги Григория Мегвегева «Чернобыльская тетрадь»:

«Чернобыльская АЭС расположена в восточной части большого региона, именуемого Белорусско-Украинским Полесьем, на берегу реки Припять, впадающей в Днепр. Места в основном равнинные, с относительно плоским рельефом, с очень

небольшим уклоном поверхности в сторону реки и ее притоков.

Общая длина Припяти до впадения в Днепр — 748 километров, ширина около трехсот метров, скорость течения — полтора метра в секунду, средний многолетний расход воды — 400 кубометров в секунду. Площадь водосбора у створа атомной станции — 106 тысяч квадратных километров. Именно с этой площади радиоактивность будет уходить в грунт, а также смыываться дождями и талыми водами в реки...

Хороша река Припять! Вода в ней коричневатая, видимо потому, что вытекает из торфяных полесских болот, густо насыщена жирными кислотами, течение мощное, быстрое... Берега тихие, песчаные, поросшие молодым сосняком, вдали железнодорожный мост, по которому в восемь вечера грохочал пассажирский поезд «Хмельницкий — Москва».

...И ощущение перевозванной тишины и чистоты. Перестанешь грести, черпнешь рукой коричневатой воды, и лагерь сразу стянет от жирных болотных кислот, которые впоследствии, после взрыва реактора и радиоактивного выброса, станут хорошими коагулянтами — носителями радиоактивных частиц и осколков деления...».

Проектное задание на строительство новой атомной станции было выполнено Уральским отделением института «Теплоэлектропроект» и утверждено Минэнерго СССР 29 сентября 1967 года. Для эксплуатации предлагались три вида реакторов: графито-водный реактор РБМК-1000, графито-газовый реактор РК-1000, водо-водяной реактор ВВЭР.

Применение на ЧАЭС реактора РБМК-1000 было определено совместным Постановлением Минэнерго СССР и Минсредмаша СССР от 19 июня 1969 года и утверждено Советом Министров СССР 14 декабря 1970 года.

РБМК в ходе подготовки проектного задания проигрывал конкурентам по некоторым показателям, однако его создание занимало гораздо меньше времени и средств, чем, например, широко применяемых в мире водо-водяных реакторов ВВЭР. Вместе с тем реактор РБМК позволяет производить перегрузку ядерного топлива без снижения мощности, что обеспечивает повышение коэффициента использования его мощности и экономичности энергоблока в целом.

Чернобыльская АЭС была третьей станцией с реакторами типа РБМК-1000 после Ленинградской и Курской АЭС, пущенных в 1973 и 1976 годах.

Из рассекреченных архивов КГБ УССР:

Справка о начале строительства Чернобыльской АЭС

СЕКРЕТНО

«В соответствии с директивами 24 съезда КПСС в Киевской области, Чернобыльском районе, вблизи деревни Копачи сооружается первая в УССР Чернобыльская АЭС электрической мощностью 2,0 млн квт.

АЭС строится по проекту, разработанному Уральским отделением ВПИ Теплоэлектропроект, повторяющему по выбору и компоновке основного оборудования (реакторы, турбины, генераторы) принципиальные решения сооружаемых Ленинградской и Курской АЭС, пуски которых намечаются на 1972 и 1974 гг., соответственно.

В административно-хозяйственном отношении дирекция строящейся Чернобыльской АЭС подчинена Главатомэнерго Минэнерго СССР, а генеральным подрядчиком строительства является «Кременчуггэсстрой», подчиненный Главатомэнергостроя того же Министерства.

Промплощадка АЭС располагается на левом берегу р. Припять, которая является источником подпитки замкнутой оборотной системы технического водоснабжения АЭС, основным сооружением которого является пруд-охладитель.

По условиям генплана АЭС, месторасположения относительно центров электронагрузки, водоснабжения и выдачи мощности в энергоси-

стему в последующем возможно расширение АЭС до мощности 4,0 млн квт.

Реакторы изготавливаются и разрабатываются организациями Министерства СССР.

.. Представляется, что вопросы подбора, расстановки и обучения строительно-монтажного и эксплуатационного персонала Чернобыльской АЭС должны проводиться более тщательно, чем на обычных энергетических предприятиях, т.к. последствия халатного или злоумышленного отношения и действий персонала АЭС могут привести к более тяжелым и опасным для окружающих последствиям.

[Справка подготовлена с использованием материалов Минэнерго УССР]

2-е Управление КГБ при Совете министров Украинской ССР
19 сентября 1971 года

В мае 1969 года была утверждена смета на строительство первоочередных объектов ЧАЭС, а 17 декабря министр энергетики и электрификации СССР подписал приказ о создании с 1 января 1970 года дирекции Чернобыльской атомной электростанции. В мае того же года строители начали подготовку котлована под первый энергоблок АЭС.

Следующим этапом возведения Чернобыльской АЭС стал приказ Минэнерго СССР от 30 марта 1970 года, который поручал дальнейшее проектирование станции институту «Гидропроект». Проект реакторного отделения первой очереди станции выполнил институт ВНИПИЭТ Минсредмаша СССР.

Всероссийский проектно-изыскательский и научно-исследовательский институт «Гидропроект» имени С.Я. Жука — ведущая советская организация по проектированию гидроэнергетических и водохозяйственных сооружений. В числе осуществленных проектов института канал им. Москвы, Волго-Донской канал, Братская и Усть-Илимская ГЭС, Асуанская плотина в Египте и многое другое. Большая заслуга в создании и формировании коллектива «Гидропроекта» принадлежит выдающемуся учёному-гидротехнику, Герою Социалистического Труда, академику Сергею Яковлевичу Жуку, имя которого было присвоено институту. Он был первым начальником и главным инженером «Гидропроекта».

ВНИПИЭТ — Всероссийский проектный и научно-исследовательский институт комплексной энергетической технологии. Одно из ведущих предприятий министерства среднего машиностроения СССР. Основное направ-

ление работы — проектирование объектов атомной промышленности, в том числе для зарубежных стран. Наиболее значимые разработки предприятия: первые в СССР исследовательский и промышленный реакторы, заводы по обогащению урана, предприятия по переработке топлива промышленных реакторов, первая в мире атомная электростанция в городе Обнинске.

Генеральным подрядчиком строительства Чернобыльской атомной станции на первом этапе стало предприятие «Кременчуггэсстрой», находившееся в подчинении министерства энергетики СССР. В связи с принципиальным изменением профиля работ в сторону строительства атомных электростанций, приказом Министра энергетики и электрификации СССР за № 252 от 5 июля 1974 года управление строительства «Кременчуггэсстрой» было реорганизовано в строительно-монтажный трест «Южатомэнергострой».

В апреле 1970 года директором Чернобыльской АЭС имени В.И. Ленина назначен Виктор Петрович Брюханов, возглавлявший строительство и эксплуатацию станции до апреля 1986 года.

В середине 1971 года на строительной площадке ЧАЭС появились первые строители, в основном это были коллективы строителей Трипольской ГРЭС и Киевской ГЭС.

В начале 1972 года были начаты бетонные работы по главному корпусу первой очереди АЭС. В День строителя — 15 августа 1972 года — в 11 часов был торжественно уложен первый кубометр бетона в основание деаэрационной этажерки главного корпуса первой очереди станции, произведена закладка нержавеющей капсулы с письмом к будущим поколениям.

Строительство Чернобыльской атомной электростанции продвигалось сложно. Установленные сро-

Строительство ЧАЭС

ки пуска 1-го энергоблока в 1975 году уже с начала строительства оказались под угрозой срыва в связи с низкими темпами проектных, строительных работ и несоблюдением сроков поставок оборудования смежными организациями.

14 апреля 1972 года вышло Постановление ЦК КП Украины и Совета Министров УССР № 179 «О ходе строительства Чернобыльской атомной электростанции». В нем было отмечено, что управление строительства «Кременчуггэсстрой» медленно разворачивает строительство Чернобыльской атомной электростанции. План работ не выполняется. Строительно-монтажные работы выполняются на низком инженерном уровне, допускаются большие потери рабочего времени строителей, недостаточно используется строительная техника. Дирекция атомной электростанции несвоевременно и некомплектно выдает на строительство необходимую проектно-сметную документацию. Длительное время не решается вопрос о резервном источнике электропитания строительства. 30 января 1973 года оформлено решение Минэнерго СССР «О вводе в действие 1-го энергоблока ЧАЭС в 1975 году». Выполнение указанного решения было сорвано, и 30 апреля 1975 года первый секретарь ЦК КПУ В.В. Щербицкий подал докладную записку о проблемах обеспечения строящейся АЭС оборудованием Председателю Совета Министров СССР А.Н. Косыгину. Сигнал «наверх» помог, однако время было упущено, и ввод 1-го энергоблока перенесли на 1976 год.

Тревогу били и в украинском КГБ. Бдительные киевские чекисты в августе 1976 года докладывали своему руководству о том, что из 1052 запланированных к сдаче помещений на ЧАЭС на первое число месяца было введено только 70.

ЧАЭС была ударной комсомольской стройкой

Из рассекреченных архивов КГБ УССР:

[Специальное донесение в Комитет государственной безопасности при Совете Министров Украинской ССР]

СЕКРЕТНО

В процессе осуществления чекистских мероприятий на вновь строящейся Чернобыльской атомной электростанции Управлением КГБ при СМ УССР по г. Киеву и Киевской области получены оперативные данные о невыполнении трестом «Джэтомэnergострой» плановых заданий по сооружению и сдаче в эксплуатацию производственных помещений станции, что ставит под угрозу срыва пуск I-го энергоблока АЭС мощностью в I миллион киловатт, назначенный на 4-й квартал 1976 года. По состоянию на I августа с.г. из 1052 производственных помещений дирекции АЭС сдано в эксплуатацию только — 70, находилось в отделке — 250 и под монтажом оборудования — 161 помещение.

.. Основными причинами такого положения на Чернобыльской АЭС, по мнению ведущих специалистов, являются:

— задержка в выдаче АЭС технической документации на важные объекты № 81 и № 89 некоторыми проектными организациями (Московский институт «Гидропроект» имени Жука, Ленинградский институт комплексного проектирования с его Новосибирским филиалом;

— несвоевременная поставка на строительство АЭС отдельными заводами-поставщиками оборудования и низкое качество строительных материалов..

.. В марте 1976 года при производстве кровельных работ на деаэрационной этажерке участком «Джэnergомонтаж» рулонные кровельные материалы не очищались согласно требованиям СНиП и ТУ от пыли и талька, клеились на невысушенные основания, что привело к образованию в кровле пустот и течей. В связи с этим кровля машинного зала уже сейчас требует ремонта.

.. Об имеющихся недостатках на строительстве АЭС нами проинформированы Чернобыльский районный и Киевский областной Комитеты Компартии Украины.

Докладываем в порядке информации.
Начальник Управления КГБ при СМ УССР
по г. Киеву и Киевской области
генерал-майор [Вакуленко]
17 августа 1976 года

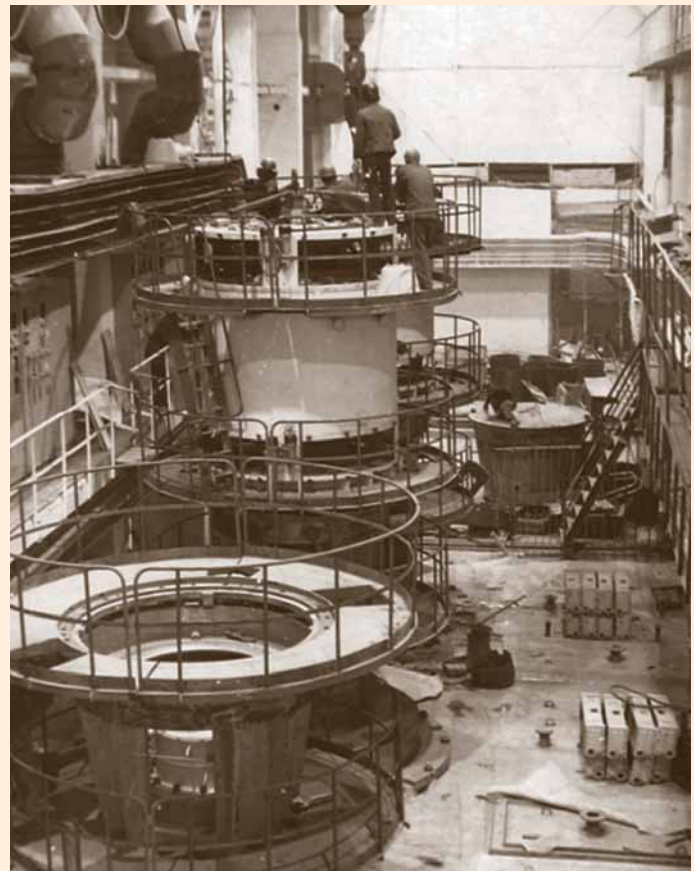
Строительство тормозила и острая нехватка рабочих кадров. В 1976 году на АЭС дефицит по квалифицированной рабочей силе достигал 1500 человек. Частыми были нарушения технологии, брак приходилось ликвидировать, что опять же вело к потере времени. На некоторых участках дирекция ЧАЭС ввела круглосуточный режим работы. Многие трудились самоотверженно. Но сроки снова приходилось сдвигать.

Стройка постепенно приобретала всесоюзный характер. В Чернобыль ехали и с Кавказа, и с Дальнего Востока. Специалистов привлекали из «закрытых» городов, в том числе и Красноярск-26 (Железнодорожск).

15 мая 1976 года в соответствии с требованиями технического проекта и СЭС установлен регулярный дозиметрический контроль в районах зоны прилегания к АЭС.

16 мая 1975 года приказом директора ЧАЭС создана комиссия по подготовке и проведению пуска 1-го энергоблока.

С начала октября 1975 года на склад свежего топлива стали поступать первые топливные сборки. В связи с отставанием от плановых сроков была организована круглосуточная работа, 23 ноября издан приказ директора об организации непрерывных работ по графитовой кладке 1-го энергоблока.

Специалисты были уверены в безопасности новой атомной станции

Пруд-охладитель ЧАЭС

В октябре 1976 года приступили к заполнению пруда-охладителя. В этом же году для выполнения наладки, а также обеспечения ремонта энергетического оборудования машинного зала на ЧАЭС был организован производственный участок предприятия «Львовэнергоремонт».

В начале мая 1977 года коллектив монтажников, строителей, наладчиков и эксплуатационный персонал ЧАЭС приступили к пуско-наладочным работам на 1-м энергоблоке.

С 8 июня 1977 года в связи с началом работ по сборке топлива была организована зона строгого режима (ЗСР).

1 августа в 20:10 произведена загрузка первой ТВС, а 14 августа в 11:55 полномасштабная загрузка топлива была завершена.

18 сентября 1977 года в 16:17 начался подъем мощности реактора, и 26 сентября в 20:19 включен в сеть турбогенератор № 2 первого блока. Турбогенератор № 1 включен в сеть 2 ноября.

14 декабря 1977 года подписан Акт приемки первого энергоблока ЧАЭС в эксплуатацию, 24 мая 1978 года первый энергоблок был выведен на мощность 1000 МВт.

Таким образом, строительство Чернобыльской АЭС от котлована до пуска 1-го энергоблока заняло более пяти лет.

Из воспоминаний Евгения Яшина, бывшего начальника химического цеха ЧАЭС, ранее трудившегося на Горно-химическом комбинате Красноярска-26 [Из архива информационно-аналитической группы ЧАЭС]:

«Чернобыльская станция была не первой в ряду станций с реакторами РБМК. Но так получилось, что она стала первой атомной в Украине, а блок № 1 — первым в украинской атомной энергетике. В 1977 году я был оператором спецводоочистки 5-й группы. Приехал в Чернобыль по вызову с Красноярского горно-химического комбината и осваивал рабочее место на установке по переработке трапных вод.

Вспоминается атмосфера того времени. Обстановка была очень оживленная. Были готовы основные системы реактора, турбины. Шла большая заключительная работа на вспомогательных системах. На реакторе проводились заключительные работы по подготовке к физпуску. Вовсю продолжались монтажные и изоляционные работы. Пребывая на площадке, мы, вновь прибывшие, поражались количеству народа и «географии» съехавшихся на площадку специалистов. Ведь здесь был представлен практически весь Союз — от Дальнего Востока до Западной Укра-

Имя - Чернобыль

ины. Негаром ЧАЭС называлась всесоюзной ударной стройкой. Главным лозунгом стройки был: «Приложим все усилия к пуску первого энергоблока в 1977!» И все работники действительно стремились к тому, чтобы не переносить этот срок.

...Запомнились также многие бытовые мелочи того времени. Очень хорошо было организовано общественное питание. Желающих пообедать было много, но всем хватало места в столовых «Филалка», «Ромашка», «Эврика», «Электроника». Это только на промплощадке. Кормили нормально, были наваристые борщи, приветливый персонал столовых. Правда, до чистоты было далеко, потому что строители обедали в робах. И эксплуатационники выгодно отличались от них. Свободного от работы времени было мало. Первые месяцы были посвящены учебе. На всех нас надвигалась неминуемая сдача экзаменов. Но находили время полюбоваться природой, чудесными лесами, собирать грибы, ловить рыбу в Припяти.

...Приятно отметить, что труд части работников нашего цеха в числе других эксплуатационников, строителей, монтажников был отмечен правительственными наградами. В частности, награды получили Николай Анненков, Владимир Горячев, Григорий Вихорев и ваш покорный слуга».

Из воспоминаний Николая Анненкова, начальника смены химического цеха ЧАЭС
[Из архива информационно-аналитической группы ЧАЭС]:
«Подготовка к пуску блока была очень напряженным временем. Я в ту пору куриро-

Из горьких бед 20 столетия
Весной случилась та одна.
Сегодня знаем, без сомнения -
Пришла Чернобыля беда.

В краю богатом и привольном,
Где с песней спорились дела,
В домах с цветущими садами
Бурьяном поросла земля.

Здесь не услышишь крик младенца,
И аист уж гнезда не вьёт,
И ветка с сочными плодами
Смертельный яд в себе несёт.

Те, кто участвовал в спасении,
Иных уж нет, а кто живёт,
Борясь с болезнями сегодня,
Надеется и что-то ждёт.

Смерть по пятам идёт за нами,
Затеми, кто творил добра.
Кто жизнь отдал своё здоровье,
Спасая вас. А для чего?

Чтоб позабыты ми остались
Могилы, память навсегда,
Выходит, выгодно сегодня
Забывать чернобыльцев дела.

Мы жить хотим не существуя,
Не виноваты в этом мы.
И вы, избранники народа,
Когда-то всё понять должны.

Сергей Ульянов, г. Минусинск
26.08.2000 г.

Железнодорожная станция Янов

вал монтажные работы на конденсате очистки. Насколько помню, сначала планировалось запустить первый турбогенератор. Но из-за неготовности пришлось первым запустить генератор № 2. Персонала не хватало, и меня перевели с курирования в смену. Таким образом, посчастливилось именно 26 сентября 1977 года где-то в 20 часов 20 минут быть на рабочем месте. Отсинхронизировали второй турбогенератор, и машина была включена в сеть. Тогда наладкой занимался персонал «Львовэнергоремонта». Их инженер прибежал к нам и сообщил эту радостную весть. Возможно, я сделал небольшое отступление от регламента, но этот факт зафиксировал в оперативном журнале: «Ура! Синхронизирован второй турбогенератор. Машина в сети!». Мне было тогда 26 лет...».

Радость пуска 1-го блока первой атомной станции УССР сменилась трудовыми буднями. Работы по возведению ядерного объекта продолжались. Теперь все было почти по графику. В январе 1979 года был введен энергоблок № 2, в декабре 1981 года — энергоблок № 3. 8 марта 1982 года станция выработала 50 миллиардов киловатт-час электроэнергии (для сравнения: примерно столько производят за год все электростанции Красноярского края).

28 марта 1984 года на АЭС снова был праздник — досрочно запущен на проектную мощность 4-й энергоблок, тот самый.

Предвестники беды

Еще в ходе строительства Чернобыльской АЭС случались разного рода неприятности. Так, по данным КГБ Украины, только с января по сентябрь 1978 года травмы на стройке получили 170 человек. Строители торопились, и не всегда соблюдалась техника безопасности.

Но это было только начало. Когда основные работы были выполнены, инциденты посыпались как из рога изобилия.

18 февраля 1979 года был аварийно остановлен первый энергоблок станции. По предварительным данным, дали сбой главные циркуляционные насосы, что подавали воду для охлаждения реактора. В их гидросистему, как выяснилось, попал воздух. Техническая комиссия тогда признала — причиной стало несовершенство дренажного устройства. В Чернобыль были вызваны представители Ленинградского проектного института для устранения неполадок. Энергоблок вывели на заданную мощность спустя 26 часов. Было потеряно почти 12 миллионов киловатт-часов электроэнергии.

Только в 1977 — 1981 годах на ЧАЭС было зафиксировано 29 аварийных остановок, в том числе восемь по вине персонала, а остальные — из-за технических неполадок.

Очень серьезным звонком стала авария 9 сентября 1982 года. В этот день после среднего планового ремонта во время пробного пуска реактора 1-го энер-

глобока на мощности 700 МВт тепловых при номинальных параметрах теплоносителя произошло разрушение тепловыделяющей сборки и аварийный разрыв технологического канала № 62—44. От разрыва была деформирована графитовая кладка активной зоны, а в реакторное пространство выброшено значительное количество радиоактивных веществ из разрушенной тепловыделяющей сборки.

Из рассекреченных архивов КГБ УССР:

Информационное сообщение КГБ УССР от 14 сентября 1982 года

СЕКРЕТНО

9 сентября 1982 г. на Чернобыльской АЭС в ходе пробного пуска реактора I-го энергоблока (после планового капитального ремонта) при подъеме его мощности до 20% от номинальной произошел разрыв одного из I640 технологических каналов. В результате оборвалась штанга, на которой крепились две тепловыделяющие сборки. В образовавшийся разрыв из обеих сборок ушло топливо (двуокись урана, подлежит извлечению). Радиационного заражения технологических помещений не произошло. Для устранения аварии потребуется около 10 суток. УКГБ приняты меры по контролю и глубокому изучению оперативной обстановки на АЭС с целью установления причин аварии, выявления виновных лиц и возможного враждебного умысла с их стороны.

Осуществляемые УКГБ мероприятия КГБ УССР взяты на контроль.

КГБ СССР и обкому Компартии Украины доложено.

**ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
УКРАИНСКОЙ ССР С.Муха**

Выброс радиоактивных веществ привел к загрязнению территории. Ликвидация последствий ЧП заняла больше трех месяцев. Канал 62—44 и участок активной зоны, непосредственно примыкающий к разрушенному каналу, навсегда были выведены из работы. После аварии проектировщики наконец взялись за усиление защиты реакторных блоков.

Специалисты называли три версии аварии 1982 года. Первая — прекращение циркуляции теплоносителя в канале вследствие грубого нарушения персоналом цеха наладки технологического регламента во время регулирования поканальных расходов воды или попадания в канал инородного предмета. Вторая — остаточное внутреннее напряжение в стенках циркониевой канальной трубы,

Припятский порт

возникшее вследствие самовольного изменения заводом технологии её производства. И третья — локальный всплеск энерговыделения. Ни одна из них, впрочем, не стала общепринятой.

Проблемы несли не только реакторы. Сами конструкции энергоблоков сохраняли значительные недостатки. В 1984 году на третьем блоке на трех отметках были выявлены трещины в плитах перекрытий, смещения ригелей и плит. В феврале 1985 года на строительстве цеха укрупнительной сборки схем реактора 5-го энергоблока при передвижении откатной части кровли произошла потеря ее устойчивости, в результате чего панель кровли (вес 49 тонн) сошла с рельсов и зависла на подкрановых путях.

Ведомственная комиссия, расследовавшая аварийную ситуацию, установила, что ее причиной явился неправильный расчет конструкции панели. То есть в данном случае, если верить данным КГБ, имела место ошибка со стороны проектировщиков.

В 1985 году Чернобыльская АЭС снижала по разным причинам свою мощность 26 раз. Страна недополучила более полумиллиарда киловатт-часов электроэнергии. С 1 по 21 января 1986 года таких случаев было девять.

Из рассекреченных архивов КГБ УССР:

Специальное сообщение о недостатках в проектировании Чернобыльской АЭС Начальнику 5-го отдела 6-го Управления КГБ СССР полковнику Поделякину А.А. 18 июля 1985 года

СЕКРЕТНО

В ходе осуществления контрразведывательного обеспечения Чернобыльской АЭС выявлены факты некачественного проектирования НИИ «Гидропроект» им. С.Я.Жука (г. Москва) действующих и строящихся энергоблоков станции. В 1984 г. на 3 энергоблоке на

отметках 35,5, 39,0 и 43,0 м были обнаружены трещины в плитах перекрытий, смещения ригелей и плит. Причиной повреждения указанных конструкций, по мнению компетентных специалистов, явился значительный перегрев стен помещения барабан-сепараторов из-за низкой эффективности предусмотренной проектом теплоизоляции. Предполагается, что используемая в качестве теплоизолирующего материала минеральная вата разрушилась под воздействием высоких температур и ее постоянного радиоактивного облучения. Подобная теплоизоляция запроектирована и для 4 энергоблока.

В феврале 1985 г. на строительстве цеха укрупнительной сборки схем реактора 5 энергоблока при передвижении откатной части кровли произошла потеря ее устойчивости, в результате чего панель кровли (размер 24*21*2 м, вес 49 тонн) сошла с рельсов и зависла на подкрановых путях.

Ведомственная комиссия, расследовавшая аварийную ситуацию, установила, что ее причиной явился неправильный расчет конструкции панели (не учтены возможные поперечные напряжения). Проект конструкции разработан группой рабочего проектирования института «Гидропроект» им. С.Я.Жука. Восстановление деформированной панели потребовало дополнительных затрат в сумме 7300 рублей.

[...] из числа специалистов отмечают также несоответствие поступающей на АЭС технической документации требованиям пожарной безопасности. Управлением пожарной охраны УВД Киевского облисполкома в мае 1984 г. В рабочих чертежах строящегося 5 энергоблока выявлено 47 несоответствий действующим противопожарным нормам. До настоящего времени эти недостатки в проектной документации не устранены, коррективы в чертежи в полном объеме институтом «Гидропроект» не внесены.

Ввод в эксплуатацию 5 энергоблока, пусковой комплекс которого предварительно оценен в 225 млн рублей, планируется на 4 квартал 1986 г. К настоящему времени указанным институтом выдано проектно-сметной документации по этому блоку лишь на 120 млн рублей, что не дает возможности своевременно разместить заказы заводам на изготовление строительных конструкций, приводит к затягиванию сроков строительства объектов.

Докладываем в порядке информации.

Заместитель начальника 6-го Управления
подполковник Н.Г.Гибадулов

Река Припять

«Китеж-град» на реке Припяти

В мире десятки, если не сотни, брошенных городов. Есть много причин, по которым они были покинуты людьми. Некоторые из этих городов посещаемы туристами, некоторые — забыты вовсе.

Город Припять занимает в их списке особое место. Прежде всего потому, что был оставлен в совсем юном возрасте. Он просуществовал только 16 лет.

***Китеж** (Китеж-град, град Китеж, Большой Китеж) — мифический гревнерусский город, находившийся якобы в северной части Нижегородской области около села Владимирского и города Семёнова на реке Люнде. На месте, где, по преданию, некогда стоял Большой Китеж, теперь располагается озеро Светлояр.*

Легенда об исчезнувшем с лица земли славянском городе Китеже:

«Когда войска хана Батыйа дошли до Владимиро-Суздальского княжества, русичи встретили их возле Малого Китежа. В битве полегла большая часть дружины, а князь Георгий Всеволодович с уцелевшими воинами укрылся в лесах и построил город Китеж Большой на берегу озера Светлояр. Батый узнал, где укрылся князь, и убил его. А жители собрались в храме и обратились к Богу с молитвой не допустить к ним захватчиков. Бог внял молитве, из-под земли хлынули потоки воды, которые, не причиняя вреда жителям, залили город по маковки церквей. Но и они вскоре скрылись. А на месте города разлилось озеро. С тех пор это место стали почитать святым...».

Старт строительству образцового города атомщиков был дан 4 февраля 1970 года. Припять стал девятым в Советском Союзе атомоградом.

Город возводился очень быстро и по канонам того времени. Во главе угла стоял принцип «треугольной» застройки, авторами которой были московские архитекторы из команды Николая Остоженко. Правда, правки в проекте сделали и украинские специалисты. Однако основные градостроительные решения были сохранены.

Для «треугольной» застройки общей характеристикой является смешение жилых домов обычной этажности (в пять этажей) с высотками. Тем самым город просматривается как бы «на ладони», кроме того, имеются свободные пространства. Именно такой, по замыслу архитекторов, и была Припять. По планировке город несколько напоминает Зеленогорск Красноярского края.

К 1986 году в Припяти построили 160 домов на более чем 13000 квартир. Там проживало около 50 000 человек. Для тех, кто не трудился на АЭС, работы тоже хватало. Они обеспечивали социальную сферу, жилищно-коммунальное хозяйство. Поселиться в этом городе будущего желали многие.

Из книги Григория Мегведева «Чернобыльская тетрадь»:

«Я часто вспоминал Припять, городок атомных энергетиков. Он при мне строился почти с нуля. Когда я уезжал в Москву, было уже за-

селено три микрорайона. Городок уютный, удобный для жизни и очень чистый. Часто можно было слышать от приезжих: «Какая прелесть — Припять!». Сюда стремились и приезжали на постоянное место жительства многие отставники. Порою с трудом, через правительственные учреждения и даже суд, добывались права жить в этом райском уголке, сочетавшем прекрасную природу и удачные градостроительные находки».

К моменту аварии на ЧАЭС в городе проживали люди 25-ти национальностей, ежегодно там рождалось до 800 детей. Припять могла вместить и больше — город застраивался как 80-тысячник.

Названия улиц соответствовали духу времени — проспект Ленина, Дружбы народов, Героев Сталинграда — как дань советской реальности, Леси Украинки — как дань украинской истории, Курчатова — в честь советского физика-ядерщика.

Город Припять окружала удобная развязка дорог. Рядом была железнодорожная станция Янов, пристань на реке и множество автотрасс.

Город был очень зеленым и ухоженным. Именно таким его увидели первые ликвидаторы, прибывшие на украинскую землю весной 1986 года.

Город Припять был очень чистым и уютным

ВОЙНА ЗАКОНЧИЛАСЬ НЕ ДЛЯ ВСЕХ

В июне 1945 года о нависшей над нашей страной атомной угрозе знали едва ли три десятка человек. В этот момент угроза была еще призрачной — за океаном шла подготовка испытания «Тринити», все ждали — сработает или нет первое ядерное устройство. Но это напряжение царило среди очень узкого круга лиц. Страна пела: «Ехал я из Берлина по дороге прямой, на попутных машинах, ехал с фронта домой! ...Эй, встречай, с победой поздравляй!..». Армия, разгромившая в континентальной Европе фашистскую Германию, занимала ударные позиции на границе Манчжурии, чтобы поквитаться, наконец, с японцами за Порт-Артур и Цусиму. И на этот раз у Японии не было никаких шансов — блестящее управление войсками и тылом, эффективное взаимодействие родов войск, полный профиль лучших вооружений, мощный боевой дух и четырехлетний опыт сражений — в 1945 году Советская Армия на суше не знала себе равных.

За три дня до начала советского наступления в Манчжурии американцы сбросили на Хиросиму урановую бомбу, которая убила 80 000 человек. Информация об этом была мгновенно передана в газеты и на телетайпы информационных агентств. С подробностями о мощности взрыва и его разрушительных последствиях.

Человечество 1945-го года вряд ли было сильно потрясено количеством жертв. Совсем недавно в Европе армады американских бомбардировщиков в пыль разбивали немецкие города. 130 000 жертв среди мирного населения в одном только Дрездене за один налет. Но в отличие от обычного оружия, у атомной бомбы были налицо все признаки сверхъестественного. У любого человека, попавшего под обычную бомбежку, всегда есть шанс выжить. Атомная же бомба казалась гневом божьим, огнем, который низвели с небес. Бомба породила страх, который заметно отличался от страха перед обычной войной. Страх у тех, кто не обладал этим оружием, и чувство властителей мира у того, кто этим оружием обладал. Появление в мире атомной бомбы означало ее неминуемое применение.

Сегодня кажется невероятным, что цивилизованные народы могли уничтожать друг друга десятками миллионов, не испытывая при этом особых проблем с моралью и нравственностью: гибель одного — трагедия, гибель миллионов — статистика. «Взрыв будет большим, как в аду» — предупредил свой экипаж подполковник Тиббетс, когда Б-29 «Энола Гэй» взял курс на Хиросиму. Тогда было обычным делом назвать бомбардировщик именем своей матери — Энола Гэй. Что ж, помнит имя матушки Тиббетса будут действительно долго.

Атомная бомба стала чудовищным оружием в первую очередь потому, что мораль и нравственность того времени легко и просто допускала ее боевое применение. И упрекать в этом американцев — все равно что упрекать орды Чингисхана за опустошительные набе-

ги — это был менталитет, изменить который удалось лишь Советскому Союзу четыре года спустя.

В первой декаде августа 1945 года США двумя атомными бомбами уничтожили два вполне мирных японских города. Во второй декаде того же августа Советская Армия разгромила и вынудила к капитуляции миллионную Квантунскую армию. В день окончания военной кампании в Манчжурии, 20 августа 1945 года, Государственный комитет обороны (ГКО), все еще заменяющий собой Совет Министров, принял секретное постановление об образовании Специального комитета при ГКО (в дальнейшем — при Совете Министров СССР) по освоению атомной энергии. При Специальном комитете было образовано Первое главное управление — ПГУ. Именно оно отвечало за создание атомной промышленности.

Руководителем Специального комитета был назначен Лаврентий Берия, начальником ПГУ — нарком Борис Ванников.

Первое главное управление, Министерство среднего машиностроения, Минатом, Росатом — так в разные времена называлось атомное ведомство России.

Руководители СССР в 1945-м уже очень хорошо понимали масштаб атомной угрозы. Благодаря блестящей советской разведке, американский Манхэттенский проект с 1942 года находился под пристальным вниманием советских специалистов. В этот момент было еще непонятно — получится что-либо из идеи сделать урановую бомбу, настолько сложной была задача. Еще 28 сентября 1942 года по настоянию группы физиков и благодаря тревожным разведанным, ГКО издал Распоряжение об организации работ по урану. Согласно этому, Академии наук СССР вменялось в обязанность проведение исследования по возможности создания атомного оружия или атомной электростанции. В результате была создана Лаборатория № 2, которую возглавил Игорь Васильевич Курчатов — в среде физиков он был главным энтузиастом в работах по урану еще с довоенных времен — верил, стремился, создавал, пробивал. Сегодня Лаборатория № 2 — это знаменитый Курчатовский институт, руководит которым академик Евгений Велихов.

К 1945 году в Советском Союзе уже очень неплохо представляли алгоритм создания атомного оружия. Оставался один главный вопрос — взорвется или нет? Вкладываться в создание заводов или нет? Одно дело — теоретический расчет и совсем другое — реальное испытание.

Дня 16 июля 1945 года в осведомленном разведкой СССР ждали с наименьшим нетерпением, чем в США. В этот день на полигоне Аламогордо (штат Нью-Мексико) была испытана первая в мире атомная бомба.

Сталин и Трумэн в это время находились на Потсдамской конференции — определяли послевоенное устройство мира. Даже Черчилль отметил неадекватную возбужденность американского президента, ког-

да Сталин довольно равнодушно отреагировал на его сообщение о том, что в Америке испытана бомба невероятной разрушительной силы. Председатель ГКО СССР выразил надежду, что новое оружие поможет Америке быстрее закончить войну с Японией. «Он просто не представляет, что это за БОМБА!», — сказал Трумэн Черчиллю, раздраженный невпечатленностью Сталина.

Возможно, Сталину не стоило кокетничать, в этот момент он знал про американскую бомбу больше самого Трумэна, который занял пост президента США лишь в апреле 1945 года. До этого он был вице-президентом, вторым лицом в государстве, и решительно ничего не знал об оружии, которое совсем скоро изменит мир.

16 июля, после успешного испытания в Аламогордо, американская бомба стала реальностью. Теперь Советскому Союзу необходимо было вкладывать огромные ресурсы в создание атомной промышленности. У нас было одно преимущество — мы уже точно знали, что «эта штука работает». И один недостаток — страна только что вышла из страшной разрушительной войны, истощившей все мыслимые ресурсы.

Четыре года упорной работы потребовалось благополучной Америке, чтобы получить первую критическую массу плутония — 5 килограммов. 16 июля 1945 года на полигоне Аламогордо прогремел первый в истории человечества атомный взрыв, названный «Тринити» — Троица. Через две недели Окридж догнал Хэнфорд — была получена первая критическая масса урана-235 — 50 кг. Этим ураном снарядили «Мальш» и без единого полигонного испытания бомбу «стоимостью в авианосец» сбросили на Хиросиму. Америка очень сильно спешила продемонстрировать в реальной войне свое новое сверхоружие. Теперь оно стало оружием шантажа.

Была ли реальной угрозой ядерного нападения на СССР? Само по себе наличие планов ни о чем особенно не говорит. Любой квалифицированный штаб должен иметь планы на все случаи жизни, включая нашествие инопланетян. Но когда для реализации плана необходимо потратить весьма заметную часть национального бюджета, то это уже прямое свидетельство о намерениях. В США началось именно это — лихорадочное создание огромного ядерного арсенала при полной уверенности, что у нас ничего нет.

В 1945-м году Америка произвела 6 бомб, в 1946 — 11 бомб. Потом включились в работу дополнительные мощности, которые были построены сразу после того, как стало ясно, что технология работает. Теперь количество бомб прирастало сотнями. В 1951 году Пентагон имел в своих арсеналах более 500 ядерных боеголовок, необходимых для «комфортной» атаки на СССР. Война становилась неизбежной.

К счастью, за два года до американской готовности к ядерному нападению, произошло одно событие, которое заметно ограничило возможности США наслаждаться чувством превосходства — 29 августа 1949 года на Полигоне № 2 под Семипалатинском состоялись успешные испытания первой советской атомной бомбы РДС-1 с плутониевым боезарядом. По сути, это была копия американского «Толстяка», сброшенного на Нагасаки. Стоит также сказать, что РДС-1 стояли на вооружении очень недолго, буквально через два года их все разобрали, чтобы использовать плутоний в более совершенной бомбе уже собственной разработки.

Америка притормозила, но это была лишь временная передышка. До 1953 года ЦРУ удалось узнать только название и имя: атомной бомбой в СССР занимается Специальный комитет при Совете Министров, а руководит им Берия. Несколько лет американская разведка

Американские ядерные испытания на острове Бикини в Тихом океане, 1946 г.

была не в состоянии определить местоположение и параметры весьма крупных промышленных объектов. Наконец, настал их день — 26 июня 1953 года Берия был арестован Политбюро. В этот же день взамен Специального комитета и Первого главного управления было образовано Министерство среднего машиностроения.

Дело № 1

Необходимо было спроектировать и построить ряд производств, которых раньше не существовало. «Минимальный комплект», который было необходимо реализовать на атомном проекте СССР, выглядел следующим образом.

Комбинат № 813 в Новоуральске занимался разделением изотопов урана. Задача — получить уран-235 в оружейной концентрации. Комбинат № 817 в Озерске получал в реакторах плутоний-239, извлекал его на радиохимическом производстве в виде диоксида, затем восстанавливал этот диоксид в металл плутония и делал отливки деталей ядерного боезаряда по чертежам Арзамас-16. В Арзамасе-16 собирали бомбу. Только построив все эти производства, можно было надеяться на то, что атомное оружие станет реальностью. Пока только надеяться.

В Советском Союзе еще не было ничего — ни достаточного количества урановой руды, ни производства по получению из нее металлического урана, ни производства сверхчистого графита. «Не было», «не было», «не было» — были только люди.

Можно говорить о том, что невероятный старт советского атомного проекта сопровождался неизбежными во время отладки любой технологии «протечками-утечками». Но говорить о том, что все делалось по принципу: «любой ценой» и «не считаясь с жертвами», нельзя — ценили и берегли и людей, и природу. Другое дело, что сегодня «дело № 1» атомной промышленности — это экология и безопасность, а тогда была — бомба.

Какое там — «любой ценой дайте бомбу»! Вы слишком просто хотите жить. Добавьте к этому «у страны нет ресурсов, поэтому обеспечьте такую экономическую эффективность, чтобы уложиться в отведенные вам ресурсы». У многих сложилось ложное представление о том, что атомщики катались как сыр в масле и им все давали по первому требованию. Редко кто понимает, что часто давать попросту было нечего. Поэтому все, что было создано, в большинстве случаев самими атомщиками и создавалось.

Изначально в основу атомного проекта были заложены основы радиационной безопасности. Все прекрасно понимали, что это воздействие есть, что существующего опыта недостаточно, чтобы сразу создать безопасные регламенты работы. Но было также ясно, что если не сделать бомбу в 1948–1950 годах, то исследовать радиационные факторы придется уже на руинах

Москвы, Ленинграда, Горького... Каждый делал свой выбор. Люди осознанно шли на риск, работая в больших радиационных полях. При этом опыт работы с радиоактивными элементами стали накапливать с первого дня, превращая его в регламенты безопасной работы. По всем звеньям — от добычи руды до обращения с атомной бомбой на складе.

Благодаря тому, что эта работа была организована сразу, большая доза радиации досталась главным образом тем, кто начинал на комбинате № 817 (ПО «Маяк»). На комбинатах № 816 (СХК) и № 815 (ГХК) было уже гораздо проще. И странным образом оказалось, что «смелого пуля боится, смелого штык не берет». Первое поколение советских атомщиков практически сплошь получило запредельные дозовые нагрузки, но многие из них отличаются поразительным активным долголетием. Пример тому — министр Славский. До 88 лет работать атомным министром — это надо иметь выдающееся здоровье. Складывалось впечатление, что люди, крепкие духом, радиации не подвластны.

Накануне

Советский атомный проект, начиная с первого правительственного документа — распоряжения ГКО об организации работ по урану от 28 сентября 1942 года — подразумевал мирное использование внутриядерной энергии. Это было явно прописано в документе — сделать заключение о возможности создания урановой бомбы и (или) уранового топлива. И сразу после решения задачи по созданию атомного оружия, Специальный комитет целенаправленно взялся за создание энергетического ядерного реактора для народного хозяйства.

Первая в мире атомная электростанция была запущена в Обнинске в 1954 году. Это был специальный опытный проект на базе уран-графитового реактора канального типа АМ-1. Далее были введены в строй три энергетических реактора на «боевых» производствах. В Северске на СХК (Томск-7) в 1958 году запустили «Иван энергетический», реактор ИЭ-2 и реактор АДЭ-3, в 1961 году. В 1964 году в Железногорске (Красноярске-26) на ГХК запустили реактор АДЭ-2. В этом же 1964 году стартовали Белоярская и Нововоронежская АЭС.

А 29 сентября 1966 года Постановлением Совета Министров СССР был принят план ввода в строй энергетических мощностей на атомных электростанциях на период 1966–1977 годов, общей мощностью 11,9 млн кВт, в том числе 8 млн кВт с реакторами РБМК-1000. В этом же постановлении было отражено то, что считается едва ли не главной причиной чернобыльской аварии. Минсредмашу оставался контроль за разработкой реакторов, проектные работы, поставка рабочих чертежей на заводы-изготовители, контроль физического пуска и вывод на рабочие режимы эксплуатации. Ну и, конечно, — обеспечение топливного цикла. А Минэнерго предписыва-

лось осуществлять общее проектирование, строительство и эксплуатацию атомных электростанций.

Как выяснилось впоследствии, у Минэнерго и Минсредмаша были разные представления о том, что такое технологический регламент. Судя по репликам «неатомных» академиков, у энергетиков регламент должен описывать все, даже самые невероятные сценарии, а для атомщиков он описывает единственно возможный способ действий. И эти позиции, судя по всему, никто не состыковал. Казалось, что атом покорен навсегда, и атомная энергетика стала обычным явлением мирной жизни. Более того, в СССР, за полным отсутствием явления, не рассматривалась угроза террористического проникновения на АЭС, соответственно, никто не думал о контейнентах — защитных бетонных колпаках, которые сегодня обязательны для всех новых реакторов.

Минсредмаш сопротивлялся такому решению руководства страны, и следы этого сопротивления явно обозначены. Ленинградскую и Игналинскую АЭС с реакторами типа РБМК проектировал средмашевский ВНИПИЭТ, строил и эксплуатировал Минсредмаш, который попросту не отдал их в Минэнерго. Остальные станции с реакторами РБМК, в том числе и Чернобыльскую, проектировали, строили и эксплуатировали структуры Минэнерго. Причем даже на средмашевской Ленинградской АЭС, куда персонал набирали с оборонных комбинатов с полувоенной дисциплиной, были инциденты, которые сегодня некоторые считают предвестниками чернобыльской аварии.

Минсредмашевские ученые и инженеры обсуждали особенности реакторов РБМК, их «агрессивность» и «наброс» мощности при сбросе АЗ в результате действия «концевого эффекта» стержней управления и защиты (СУЗ). Но все их предупреждения не нашли оперативного отражения даже на средмашевских АЭС, где руководство спокойно полагалось на вышколенный персонал и регламент эксплуатации. Здесь персонал был родом с «военных» ПУТРов типа АДЭ. На «ленинградку» и «игналину» народ из Северска и Железногорска уезжал едва ли не целыми сменами, он «пальцами чувствовал» реактор и понимал значение регламентов эксплуатации. Вряд ли кому из средмашевских СИУРов (СИУР — старший инженер по управлению реактором) пришло бы в голову рвать реактор из йодной ямы, да так, будто регламента для этой ситуации в природе не существует.

Естественно, если даже на минсредмашевских АЭС предупреждения о вздорном характере реакторов РБМК увязли в процедурных вопросах, то добраться до АЭС Минэнерго у них не было никаких шансов. Кроме того, все эти предупреждения не были «помечены красным» и никак не меняли теоретический характер МПА — максимальной проектной аварии. Решительно никто во всем мире, а уран-графитовые реакторы были во всех атомных странах, не предполагал, что реактор может «так взорваться».

На Западе энергоблоки накрывали контейнментом, но делалось это по индикатору террористической угрозы, которой, как известно, в СССР не было. Никто и нигде даже теоретически не предполагал, что фрагменты активной зоны могут вылететь из шахты реактора, и для этой позиции были все основания.

Максимальная проектная авария — это потеря охлаждающей воды. При этом активная зона плавится, реактор приходит в негодность, но остается на месте и останавливается СУЗами, которые ходят по независимым каналам. О том, что аварийный наброс мощности может совпасть с обильной подачей воды, никто тогда не предполагал. Когда активная зона плавится, и в ТК засаживается «козел», это полбеда, но когда при этом в реакторе обилие воды, то она и является главной причиной разрушительных последствий.

Почти мгновенно превращаясь в пар, вода дает то самое «рабочее тело парового взрыва», наличие которого никто и нигде не учел в теоретических расчетах МПА. Просто потому, что сочетание кризиса теплоотдачи в результате аварийного наброса мощности с наличием «регламентной воды» никто предположить не мог, так как первое возникало как раз в результате отсутствия второго. Чтобы устроить такое, надо было действительно совершить невозможное. И об этом «невозможном» тоже думали.

Лев Дмитриевич Рябев, министр среднего машиностроения после Славского, главный руководитель работ по ликвидации аварии от Министрства:

«Буквально за месяц до Чернобыля я обсуждал с руководителем главного управления, которое отвечало у нас в Минсредмаше за атомную энергетику, применение кодо-блокирующих устройств, чтобы не мог человек вмешаться и отключить системы безопасности без соответствующего контроля и надзора. Но тогда меня не очень понимали и мы не успели проанализировать все ситуации, чтобы представить убедительные обоснования, как произошел Чернобыль».

В общем и целом совокупность причин, приведших к аварии наиболее емко сформулировал академик Александр Юрьевич Румянцев, атомный министр 2001 — 2005 годов. В кратком изложении:

— конструктивные недостатки реактора РБМК-1000, имевшие место в 1986 году;

— несовершенство системы управления защитой реактора, приведшее к тому, что персонал смог сделать ее неэффективной в ручном режиме;

— отсутствие у персонала должной квалификации, поскольку квалифицированный персонал, несмотря на положительный коэффициент реактивности и неэффективную систему защиты, никогда не допустил бы создания подобной аварийной ситуации.

Дни испытаний

Мало кому известный украинский городок Припять вошел в мировую историю 26 апреля 1986 года. Большие беды чаще всего приходят ночью. Эта ворвалась в нашу жизнь в 1 час 23 минуты взрывом ядерного реактора.

Хроника аварии

На 25 апреля 1986 года на четвертом энергоблоке Чернобыльской атомной электростанции был намечен профилактический ремонт и запланированы ответственные испытания. Их смысл состоял в том, чтобы турбогенератор уже после своего отключения в случае аварии мог на остаточном ходу в течение 45–50 секунд продолжать надежное электроснабжение систем аварийного охлаждения реактора (САОР).

Реактор — не только источник электроэнергии, но и ее потребитель. Пока из активной зоны реактора не будет выгружено ядерное топливо, через нее необходимо непрерывно прокачивать воду для того, чтобы не перегрелись ТВЭЛы. Обычно часть электрической мощности турбин отбирается на собственные нужды реактора. Если реактор остановлен (замена топлива, профилактические работы, аварийная остановка), то электропитание реактора идет от соседних блоков, внешней электросети. На крайний аварийный случай предусмотрено питание от резервных дизель-

генераторов. Однако в самом лучшем случае, они смогут начать выдавать электроэнергию не раньше, чем через одну—три минуты. Возникает вопрос: чем питать насосы, пока дизель-генераторы не выйдут на режим? Необходимо было выяснить — сколько времени с момента отключения подачи пара на турбины они, вращаясь по инерции, будут вырабатывать ток, достаточный для аварийного питания основных систем реактора.

Однако при первых же испытаниях выяснилось, что на выбеге генераторы прекращают давать ток быстрее, чем ожидалось. И в 1986 году институт «Донтехэнерго», чтобы обойти это препятствие, разработал специальный регулятор магнитного поля генератора. Его-то и собирались проверить 25 апреля.

Как установили впоследствии специалисты, программа испытаний была составлена непродуманно. Это стало одной из причин трагедии. Корень ошибок заключался в том, что эксперимент сочли чисто электротехническим, не влияющим на ядерную безопасность реактора.

Предусматривалось, что при падении тепловой мощности реактора до 700–1000 МВт прекратится подача пара на генератор № 8 и начнется его выбег. Чтобы исключить срабатывание САОР в ходе эксперимента, программа предписывала заблокировать эту систему, а электрическую нагрузку насосов САОР имитировать подключением к турбогенератору четырех главных циркуляционных насосов (ГЦН).

В этом пункте программы специалисты позднее усмотрели сразу две ошибки. Во-первых, отключение САОР было необязательным. Во-вторых, и это главное, подключение циркуляционных насосов к «выбегающему» генератору напрямую связало, казалось бы, «электротехнический эксперимент» с ядерными процессами в реакторе. Если уж требовалось имитировать нагрузку, для этого ни в коем случае нельзя было брать ГЦН, а следовало использовать любые другие потребители энергии.

Итак, согласно графику, ровно в 1 час ночи 25 апреля дежурный персонал станции приступил к медленному снижению мощности реактора, работавшего на максимальных параметрах.

По зафиксированным данным, в 1 час 6 минут оперативный запас реактивности (ОЗР) равнялся 31 стержню. ОЗР является важной физической характеристикой реактора с точки зрения управления и безопасности. Запас реактивности для РБМК-1000 принят равным 30 стержням РР. При 15 стержнях регламент предписывал отключить реактор.

В 7 часов 10 минут ОЗР составил 13,2 стержня.

Из книги Анатолия Дятлова «Чернобыль.

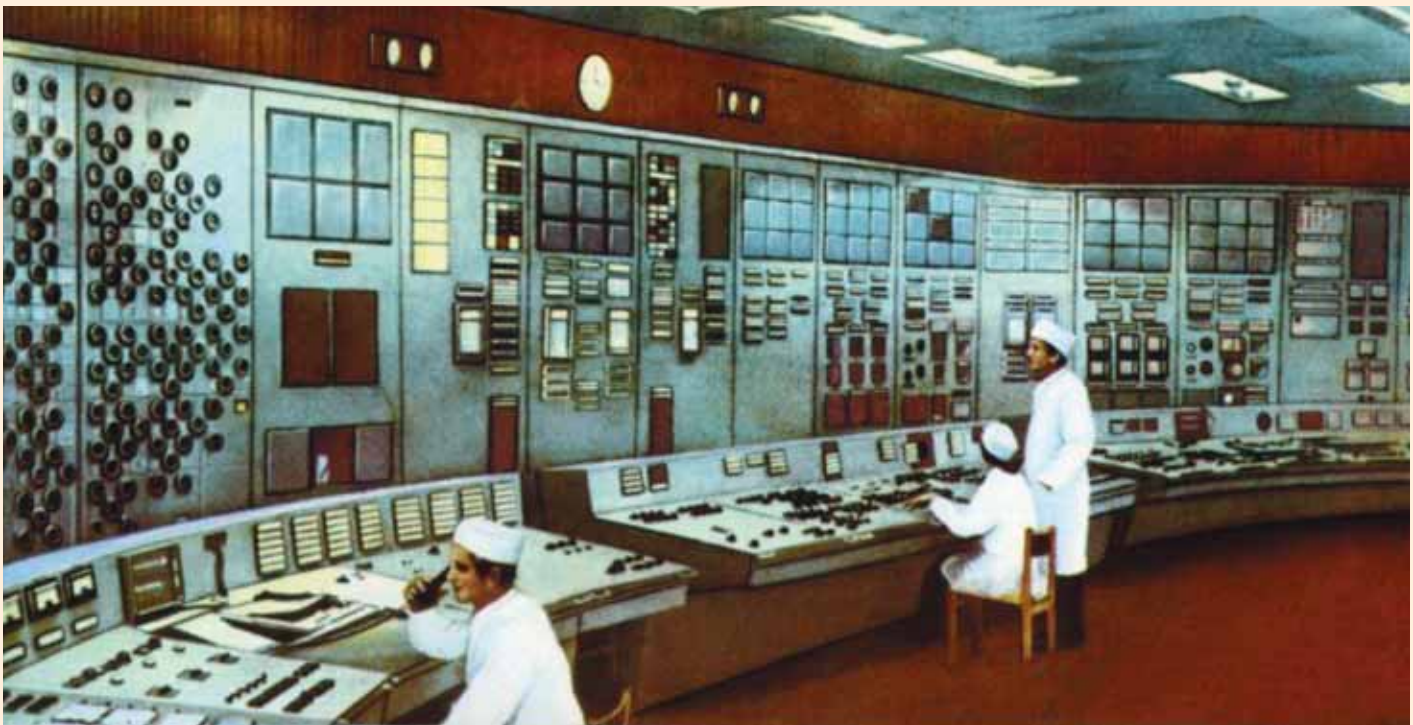
Как это было»:

«Обычно ОЗР необходим для возможности маневрирования мощностью. Сконструировать реактор с нулевым коэффициентом реактивности не представляется возможным, поэтому при изменениях режимов работы необходим

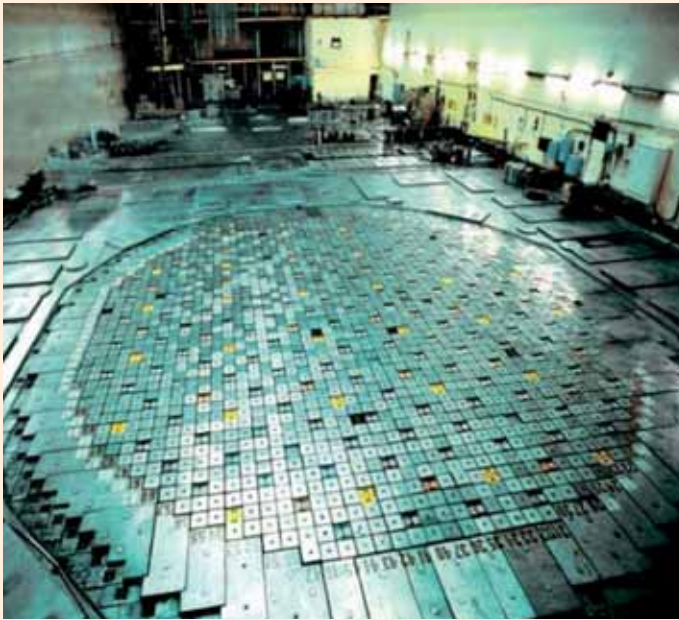
какой-то запас реактивности. И по экономическим соображениям, и по условиям безопасности он должен быть минимальным. Вначале в проектных документах на реактор РБМК не накладывалось никаких ограничений на минимальный запас. В 1975 г. на первом блоке Ленинградской АЭС при выходе на мощность после срабатывания АЗ произошла авария с разрывом технологического канала из-за перегрева небольшой части активной зоны. Уменьшить в этой части мощность путем погружения стержней здесь и извлечения в других местах не представлялось возможным. Из-за отравления реактора ксеноном запаса реактивности не было.

...Ничего этого в нарушение обязательных правил по запасу реактивности не было. После аварии нам говорят — это самый важный параметр реактора. Позвольте не поверить. На станции каждый приямок для сбора протечек в помещении имеет сигнализацию о заполнении и, зачастую, автоматическую откачку. А самый важный параметр, взрывающий реактор при отклонении, ничего не имеет — даже прибора непрерывного контроля.

...Нарушать ОЗР мы не собирались и не нарушали. Нарушение — когда сознательно игнорируется показание, а 26 апреля никто не видел запаса менее 15 стержней».

Чернобыльская атомная электростанция. Зал управления реактором РБМК-1000

Реакторный зал ЧАЭС

К 13 часам мощность снизилась вдвое — до 1600 МВт. Также был остановлен турбогенератор № 7. Питание систем блока переведено на турбогенератор № 8.

В 14 часов 00 минут отключена САОР. Но возникла непредвиденная ситуация — диспетчер «Киевэнерго» потребовал задержать остановку блока: конец рабочей недели, вторая половина дня — потребление электроэнергии растёт. Реактор продолжал работать на половинной мощности. И здесь, в нарушение правил, персонал не подключил САОР вновь. Об этом нарушении часто говорят, доказывая низкий уровень технологической дисциплины на станции. Но справедливости ради следует отметить, что оно не повлияло на ход событий.

В 23 часа 10 минут диспетчер снял свой запрет, и снижение мощности было продолжено. Вскоре тепловая мощность реактора достигла 720 МВт.

Вспоминает Игорь Иванович Казачков, начальник смены 4-го энергоблока ЧАЭС [Из книги Юрия Щербака «Чернобыль»]:

«25-го апреля 1986 года я работал в смену с 8 до 16 часов. Смену я принял от Саши Акимова. С утра мы готовились к испытаниям турбины на выбег, практически всю программу закончили к двум часам дня и уже собирались провести сам эксперимент.

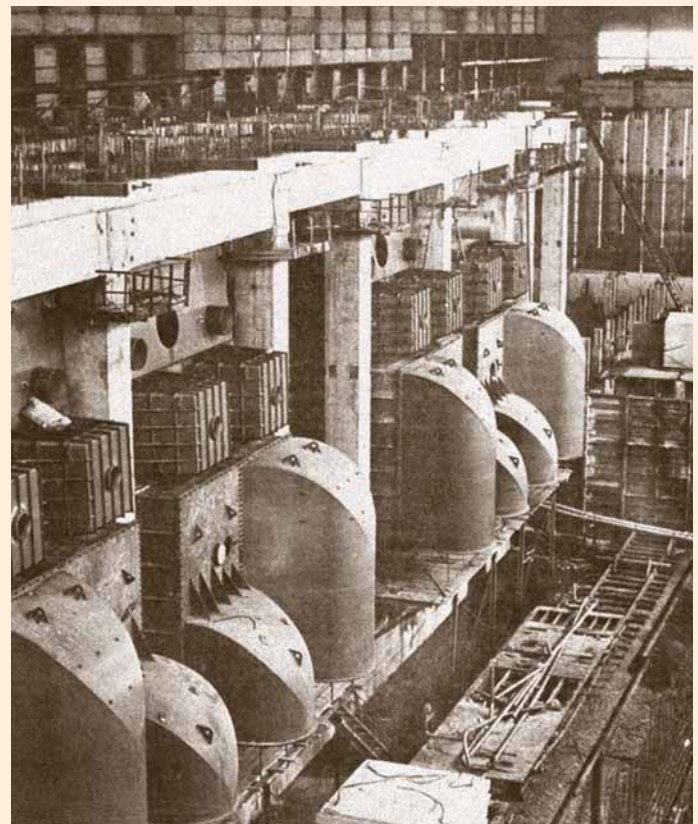
...Но не случилось. Потому что в два часа дня, минут за пятнадцать до начала испытания, позвонил начальник смены Баранов и сказал, что испытания откладываются из-за того, что отключился блок на какой-то электростанции и образовался дефицит электричества, и наш

блок — он давал в то время пятьсот тысяч киловатт, то есть пятьдесят процентов мощности — должен еще поработать. Ситуация эта в общем обычная, встречается нередко. Мы ведь в системе Минэнерго. Молились на план, на киловатт-часы, на все остальное.

...Мы должны были быть полностью готовы к проведению эксперимента в 14.15–14.20. Именно в это время, как я теперь понимаю, могла произойти авария. Но... судьба распорядилась иначе... Позвонил диспетчер, и эксперимент отложили.

...Я даже разочарование испытал... Интересный эксперимент, посмотреть на все это дело хотелось. ...В 16 часов я сдал смену Юре Трегубу и ушел домой. В Припятъ.

Конечно, хотелось посмотреть на эксперимент, но диспетчер сказал неопределенно, сколько еще времени придется блоку давать энергию. Эксперимент перенесли на «потом» — он должен был состояться либо до двенадцати ночи, на смене Юры Трегуба, либо позже — на смене Саши Акимова. Мне не резон было оставаться, потому что еще восемь часов ждать — зачем? Хотя очень интересно было. Если бы это сразу было, в следующей смене — я бы обязательно остался...».

Машинный зал ЧАЭС

Вспоминает Юрий Юрьевич Трегуб, начальник смены 4-го энергоблока ЧАЭС [Из книги Юрия Щербака «Чернобыль»]:

«Смену сдал мне Игорь Казачков. Испытания должны были быть на его смене, но потом были перенесены вроде бы на мою смену... Казачков говорит: «Ожидай, когда тебе диспетчер разрешит. Он разрешить должен где-то в районе 18 часов». А смена у меня была от 16 до 24 часов.

...САОР (система аварийного охлаждения реактора) начали выводить на смене Казачкова. Это очень большая работа — у нас ведь ручная арматура. Представляете, одна задвижка требует минут сорок пять. Задвижка — это как штурвал на паруснике, только чуть поменьше и стоит горизонтально. Чтобы ее закрыть, она требует усилий двух людей, а лучше — трех. Это все вручную делается. Казачкову потребовалась практически вся смена на вывод аварийной системы. Это очень тяжелая работа.

А сколько бы мне потребовалось, чтобы ее вновь ввести? Я бы ее не ввел. А если бы снова надо было ее вывести для проведения испытания? Кстати, как показал ход аварии, САОР все равно ничего бы не дала, потому что отлетели все разъемы, все отлетело, сразу все задвижки.

Только в начале десятого стало известно: в 10 часов вечера будут испытания. Диспетчер Киевэнерго разрешил блоку разгрузку. Вообще-то я удивляюсь такой постановке вопроса, когда атомной станцией командует диспетчер. Ведь у нас даже при авариях, разрывах разных диспетчер мог не дать разрешения на остановку. Но ведь это же не тепловая станция, не котел простой, который лопнет в помещении... Всегда очень трудно с диспет-

Имя - Чернобыль

На смерть ликвидатора
Владимира Вершкова

Безумное скорбное время
Немыслимых скоростей —
Людское отравлено племя
Воспроизводством смертей...

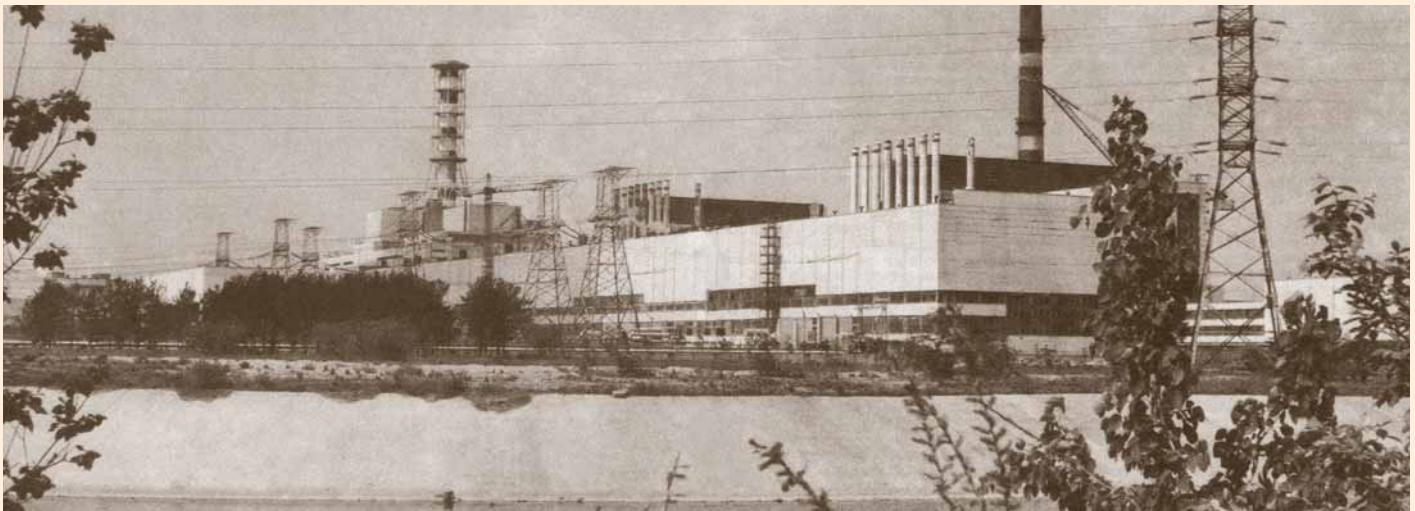
Все больше губительной грязи
Расплатой за чудеса.
Убийцы невидимы даже —
Не ощущает душа.

Во благо ль душе излученья,
Которые телу — вред?
У правила есть исключенья —
У первых и правил нет.

Всевышнему принадлежащих,
Нас жертвенных, как овец,
Бьют первых, потом и лежащих:
Соблазном все знать — конец.

Безумное скорбное время —
Безвыходный компромисс.
Лишь в том, что не сразу, но все мы —
Расплата за жизни смысл.

А. Грабовский, г. Сосновоборск
27.02.95 г.

Чернобыльская атомная электростанция до аварии

черами... там куча пререканий... и с другой стороны, может, так и надо: все-таки блок-миллионник — и его остановка для энергосистемы может иметь серьезные последствия. Частота может упасть до аварийной...

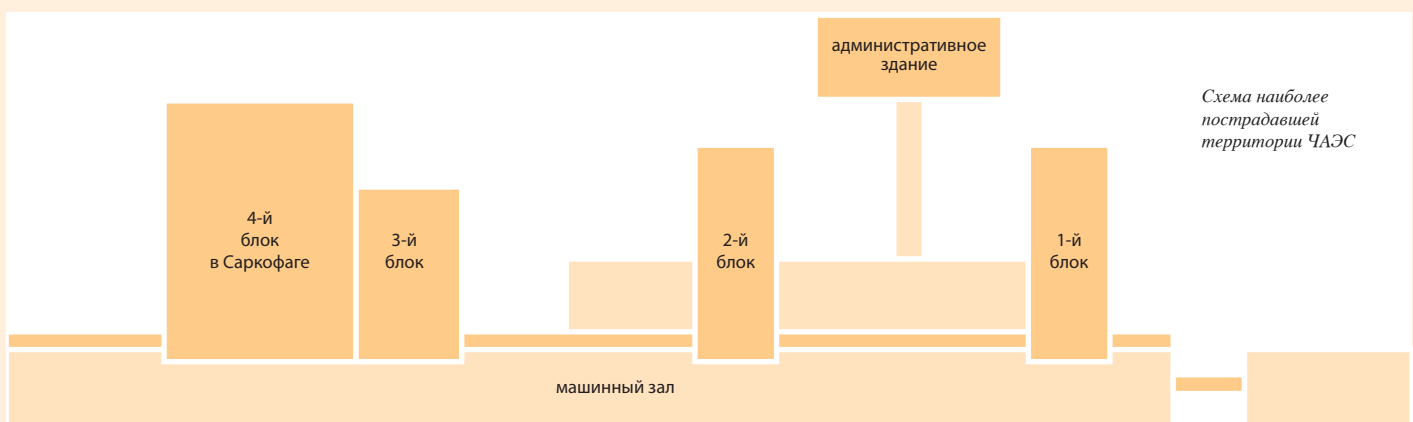
...Саша Акимов пришел в начале двенадцатого, в половине двенадцатого он уже был на месте. ...А я уже понял, что на моей смене этого испытания не будет. И остался, чтобы присутствовать на испытаниях. Я мог уйти. Но... очень хотелось посмотреть, как поведет себя турбина, каков ее выбег. Была ночь, и я отрывал время от своего отдыха перед будущей сменой. Я поступил немного эгоистично — словом, как начальник смены. Я не мог приказать Сергею Газину, инженеру со своей смены, остаться. Я его просил. Говорю: «На твоей турбине будут испытания. Как ты можешь не остаться?». Он говорит: «Ладно, останусь». Если бы знать, чем это кончится...

На той смене были Саша Акимов — начальник смены блока, Леня Топтунов — СИУР, Столяр-

чук — СИУБ, Киршенбаум — СИУТ и пятый — начальник смены турбинного цеха. Это обычный состав смены — пять человек. Плюс мы вдвое с Газиным остались — это семь человек. По замеру вибрации было минимум два человека, из Донтехэнерго — тоже минимум двое. Был еще Орленко, начальник смены электроцеха, был там Лелеченко, покойный, Дятлов был... Еще какие-то ребята из цеха наладки. В общем, достаточно много народу было. Это нормальная ситуация для всех испытаний».

В 24 часа 00 минут Юрий Трегуб сдал смену Александру Акимову, на пост инженера по управлению реактором (СИУРа) заступил Леонид Топтунов.

26 апреля в 00 часов 28 минут мощность достигла уровня, при котором управление полагается переключить с локального на общее автоматическое регулирование. В этот момент по непонятной причине системе не была подана команда «держат мощность». В результате мощность резко упала до 30 МВт, при таких мощностях (1% от номинала)

идет быстрое «отравление» реактора продуктами распада, прежде всего йодом. Называется эта ситуация «йодная яма». По правилам эксплуатации в такой ситуации следует заглушить реактор. Но тогда не состоялись бы испытания. И персонал не только не остановил реакцию, но, напротив, попытался поднять ее мощность.

В час ночи мощность была повышена лишь до 200 МВт вместо предписанных программой 700 — 1000 МВт. Из-за продолжающегося отравления увеличить ее больше не удавалось, хотя стержни автоматического регулирования были почти целиком выведены из активной зоны, а стержни ручного регулирования подняты оператором.

В 1 час 03 минуты началась непосредственная подготовка к эксперименту. В дополнение к шести основным циркуляционным насосам подключен первый из двух резервных. Их было решено запустить, чтобы после окончательной остановки «выбегавшего» турбогенератора, питающего энергией четыре ГЦН, остальные два насоса вместе с двумя резервными (включенные в общую электросеть станции) продолжали надежно охлаждать активную зону.

В 1 час 07 минут был пущен второй резервный ГЦН, заработали восемь насосов вместо шести. Это увеличило поток воды через каналы настолько, что возникла опасность кавитационного срыва ГЦН, а главное — усилило охлаждение и еще больше снизило и без того слабое парообразование. Одновременно уровень воды в барабанах-сепараторах опустился до аварийной отметки. Работа блока стала крайне неустойчивой.

Первые часы после взрыва

Оказались затронутыми и ядерные процессы в реакторе. Дело в том, что коэффициент размножения нейтронов в РБМК зависит от соотношения объемов воды и пара в его каналах: чем больше доля пара, тем выше реактивность. Иначе говоря, паровой коэффициент реактивности РБМК (составная часть общего мощностного коэффициента реактивности) положителен, то есть возможна положительная обратная связь: если реакция усиливается, в каналах может образоваться больше пара, отчего коэффициент размножения нейтронов увеличится, реакция вновь усилится и т. д. Правда, пока процесс шел в противоположном направлении: пара становилось меньше, и реактивность падала, так что стержни автоматического регулирования еще приподнялись.

До саморазгона оставались уже считанные минуты.

В 1 час 19 минут оператор увеличил подачу питательной воды (конденсата, поскольку уровень воды в барабанах-сепараторах был опасно низким). Одновременно персонал заблокировал сигналы аварийной остановки реактора по недостаточному уровню воды и давлению пара. Такое отступление от регламента эксплуатации программой испытаний не предусматривалось.

В 1 час 19 минут 30 секунд уровень воды в сепараторах начал расти. Однако теперь из-за притока относительно холодной питательной воды в активную зону парообразование там практически прекратилось.

Это приблизило опасность вплотную. При отсутствии пара в каналах РБМК цепная реакция становится очень чувствительной к тепловым возмущениям: ведь в этих условиях увеличение содержания пара в теплоносителе на 1% по массе вызывает прирост объема пара на 20%; это соотношение во много раз больше, чем при обычной доле пара в каналах (14%). Значит, создается ситуация, когда вклад положительного парового коэффициента реактивности в общий мощностной коэффициент может стать настолько большим, что начнется саморазгон.

Между тем стержни автоматического регулирования, препятствуя снижению мощности, окончательно вышли из активной зоны, а так как и этого оказалось мало, оператор поднял выше и стержни ручного регулирования. Все это недопустимо снизило оперативный запас реактивности (ОЗР), то есть долю стержней, опущенных в зону.

Когда конец стержня находится вблизи границы активной зоны (внизу или сверху), его окружает меньший объем топлива, следовательно, его движение слабее влияет на цепную реакцию. Реактор хорошо откликается на перемещение стержней, лишь когда их концы близки к центру зоны. Значит, при полностью поднятых стержнях заглушить реакцию быстро не удастся: ведь высота активной зоны РБМК-1000 — 7 м, а скорость введения стержней —

40 см/с. Вот почему так важно оставлять в зоне достаточное количество полуопущенных стержней.

В 1 час 19 минут 58 секунд давление продолжало падать, и автоматически закрылось устройство, через которое излишки пара раньше стравливались в конденсатор. Это несколько замедлило падение давления, но не остановило его.

В 1 час 22 минуты 30 секунд расход питательной воды снизился больше, чем требовалось, — до 2/3 нормального. В этот момент станционная ЭВМ «Скала» распечатала параметры процессов в активной зоне и положения регулирующих стержней. Согласно распечатке, оперативный запас реактивности был уже столь мал, что полагалось немедленно заглушить реактор.

В 1 час 22 минуты 45 секунд расход питательной воды и содержание пара в каналах наконец выровнялись, а давление начало медленно расти. Реактор, казалось, возвращался в стабильный режим, и было решено начать эксперимент.

Трагическая эстафета причин и следствий вышла на финишную прямую.

В 1 час 23 минуты 10 секунд четыре циркуляционных насоса, работающие от «выбегающего» генератора, начали сбавлять обороты. Поток воды уменьшился, охлаждение зоны делалось все слабее, а температура воды у входа в реактор поднималась.

В 1 час 23 минуты 30 секунд кипение усилилось, количество пара в активной зоне возросло — и вот реактивность и мощность стали постепенно повышаться. Все три группы стержней автоматического регулирования пошли вниз, но не смогли стабилизировать реакцию — мощность продолжала медленно нарастать.

В 1 час 23 минуты 40 секунд начальник смены дал команду нажать кнопку АЗ-5 — сигнал максимальной аварийной защиты, по которому в зону немедленно вводятся все стержни-поглотители.

Это было последней попыткой предотвратить аварию, последним действием персонала до взрыва.

Произошел почти мгновенный скачок мощности и парообразования. Стержни остановились, пройдя лишь два-три метра. Оператор отключил удерживающие муфты, чтобы стержни упали под действием собственной тяжести. Но они уже не шевелились.

В 1 час 23 минуты 43 секунды начался саморазгон. Мощность достигла 530 МВт и продолжала катастрофически расти: коэффициент размножения на мгновенных нейтронах превысил единицу. Сработали две системы автоматической защиты — по уровню мощности и по скорости ее роста, но это ничего не изменило, так как сигнал АЗ-5, который посылает каждая из них, уже был дан оператором.

В 1 час 23 минуты 44 секунды мощность цепной реакции в 100 раз превысила номинальную. За доли секунды ТВЭЛы раскалились, частицы топлива, разорвав циркониевые оболочки, разлетелись и застряли в графите. Давление в каналах многократно возросло, и вместо того чтобы втекать (снизу) в активную зону, вода начала вытекать из нее.

Это и был момент первого взрыва.

Реактор перестал существовать как управляемая система. Давление пара разрушило часть каналов и ведущие от них паропроводы над реактором. Давление упало, вода вновь потекла по контуру охлаждения, но теперь она поступала не только к ТВЭЛам, но и к графитовой кладке.

Начались химические реакции воды и пара с нагретым графитом и цирконием, в ходе которых образуются горючие газы — водород и окись углерода, а также, возможно, реакции циркония с двуокисью урана и графитом, реакция ядерного топлива с водой. Из-за бурного выделения газов давление вновь подскочило. Накрывавшая зону металлическая плита массой более 1000 т приподнялась. Разрушились все каналы и оборвались уцелевшие трубопроводы над плитой.

В 1 час 23 минуты 46 секунд воздух устремился в активную зону, и раздался новый взрыв, как считают, в результате образования смесей кислорода с водородом.

ГАЗЕТНЫЕ ХРОНИКИ / «Правда», 4 мая, 1986 г.

Но тем не менее случилось то, чего все-гда больше всего опасались физики: закованное в броню сердце реактора оказалось открытым. Часть радиоактивности была выброшена вверх, а затем внутри начался пожар. Причем погасить его

необычайно сложно, так как ни залить водой, ни какими-либо химическими веществами нельзя — из-за высокой температуры они мгновенно испарялись бы и поступали бы в атмосферу. Создалась сложная и необычайно трудная ситуация.

Отметим сразу: к чести тысяч людей, которые работают на АЭС и живут рядом, паники не было, хотя отдельные паникеры и появились. Однако случившаяся беда настолько сплотила людей, что они сами быстро навели порядок.

дом и окисью углерода. Разрушилось перекрытие реакторного зала, около четверти графита и часть топлива были выброшены наружу. В этот момент цепная реакция прекратилась. Горячие обломки упали на крышу машинного зала и в другие места, образовав более 30 очагов пожара. К 15 часам 26 апреля 1986 года было достоверно установлено, что реактор разрушен, а из его развала в атмосферу поступают огромное количество радиоактивных веществ.

Взрывы выбросили наружу газы, аэрозоли и пыль, образовавшиеся в активной зоне. Взрыв на высоту до 6 км, они были подхвачены ветром. Гигантское радиоактивное облако понеслось на северо-запад. Наиболее тяжелые частицы выпали в прилегающих к ЧАЭС районах, а легкие понеслись через Белоруссию, Польшу и Балтийское море в Скандинавские страны, оставляя на земле широкий след радиоактивных осадков. Когда ветер сменил направление, оставшуюся часть выброса широким фронтом понесло через Финляндию на Ленинградскую область и далее на Москву. 27 апреля смертоносное облако, сильно поредевшее, окончательно рассеялось в атмосфере, не долетев до столицы 400 км. Это был первый и самый мощный выброс радиоактивных веществ в окружающую среду.

О природе взрывов пишет кандидат физико-математических наук Борис Горбачев [Журнал «Вокруг света», апрель 2006 года]:
«За сотые доли секунды тепловыделение в реакторе возросло в 1500–2000 раз, ядерное топливо нагрелось до температуры 2500–3000 °С, вызвав тепловой взрыв. Тепловой, но не ядерный. Атомные реакторы не могут взрываться, как атомные бомбы, потому что скорость развития неуправляемой цепной реакции в них во много миллионов раз меньше, чем в ядерной бомбе. Поэтому ни огненного шара, ни всепоглощающей ударной волны при взрыве чернобыльского реактора не было. Через 15–20 секунд тепловой взрыв дополнил взрыв водородно-

Чернобыльский набат

Петр Николаевич Хрумов, г. Москва:

— Его звали Виталик, он был основательно младше меня, а худоба заставляла казаться его совсем маленьким. Летом 1986 года сверстники-одноклассники разъехались особенно рано, а я, традиционно ждавший июля и отпуска родителей, не знал, чем заняться, и поэтому появление во дворе новенького, пусть и не совсем подходящего по возрасту мальчишки, скрасило тот жаркий июнь.

Виталик всегда очень ловко уходил от вопросов о своей семье и месте откуда приехал, я лишь знал, что это где-то на Украине. Я замечал тоску в его глазах, когда он говорил о родителях и о том, как ему хочется к ним вернуться. И опять замыкался, когда я пытался расспросить поподробнее. Жил он в соседнем доме, с бабушкой, в квартире на втором этаже, куда я уже привык заходить с утра, чтобы попить киселя, который она варила каждый день, и забрать Виталика для очередных игр и проделок.

Этот неунывающий паренек, несмотря на свой возраст, оказался отличным товарищем и вскоре стал закадычным другом, к которому я с радостью вернулся после отпуска родителей. Так бывает в детстве, знакомы несколько месяцев, а кажется — будто всю жизнь. Осенью он стал иногда пропадать на день, на два, иногда на неделю. Всегда неожиданно, но всегда возвращался. Однажды он появился стриженный налысо, но несмотря на мой неподдельный интерес по-прежнему отшучивался при любых вопросах о причинах своего отсутствия и переменах во внешнем виде.

Но в конце ноября он уехал и больше не возвращался. Его бабушка говорила, что он уехал домой и больше не приедет. Я не хотел верить, что он не зашел даже попрощаться, и думал, что бабушка меня обманывает, тем более что она отводила глаза, вздыхала и явно тяготилась моими визитами. В детстве, пусть уже и позднем, везде мерещатся ведьмы, и я заставил маму сходить и убедиться, что не случилось ничего страшного.

Мама вернулась плачущей и сообщила, что Виталик заболел и действительно больше не приедет. Я так расстроился, что уже вполуха слушал какие-то ее объяснения.

Мой личный удар Чернобыля настиг меня через год после катастрофы, когда мама привела меня на могилу Виталика. Не знаю, чего она хотела добиться этим, но я определенно благодарен ей за то, что узнал правду. Сейчас благодарен. А тогда... Тогда я стоял и смотрел на необычайно основательный для нашего кладбища постамент с фотографией Виталика в окружении родителей, и только одна мысль осталась в моей голове: «Он к ним вернулся!».

Имя - Чернобыль

Марш черныбыльцев

Когда в Чернобыле рвануло,
И вырвался тот страшный джин,
Не мог остаться равнодушным
Любой советский гражданин.

Хоть годы быстро пролетают,
Мы будем помнить все равно,
Как шли в атаку на рентгены,
Которых видеть не дано.

Теперь мы братья все по крови,
Кто в зараженный шел объект.
Пусть же скажут дети, внуки:
Он поступил как человек.

Другой награды мы не просим,
И будем помнить все равно,
Как шли в атаку на рентгены,
Которых видеть не дано.

Простите, кто уже не с нами,
Кто сжег себя, закрыл отсек.
Прости, что руки не подставил,
Но я всего лишь человек.

Но знай, тебя мы не забыли,
И будем помнить все равно,
Как шли в атаку на рентгены,
Которых видеть не дано.

Года идут, и мы стареем,
И нас все меньше потому,
Что смерть-злодейка выбивает
Из строя нас по одному.

Но дружбе мы верны, как прежде,
И будем помнить все равно,
Как шли в атаку на рентгены,
Которых видеть не дано.

Алексей Винников, г. Минусинск

воздушной смеси, имевший химическую природу.

В разрушенном реакторе образовалась раскаленная смесь из диоксида урана, графита, циркония, воды и других частей активной зоны. В этой массе начались химические реакции, горение графита. Когда разгорается последний, температура среды достигает 2500–3000 °С, плавится все вокруг, а такие компоненты, как радиоактивный цезий испаряются в течение нескольких секунд. Радиоактивный распад продуктов деления в ядерном топливе еще сильнее разогревает среду.

Под действием этого тепла в реакторе образовалась раскаленная смесь, проплавившая его дно и вылившаяся в подреакторное пространство. Она продолжала вариться, образуя новое вещество, названное позже «ядерной магмой». Внешне оно похоже на вулканическую лаву и по-научному называется «лавообразные топливосодержащие материалы». Остыв примерно до 1700 °С, «магма» растеклась по помещениям и через аварийные клапаны проникла этажом ниже, а оттуда еще ниже, в бассейнбарботер. Вступив в реакцию с водой, расплав оставил на дне бассейна кучи пемзообразного высокоактивного материала. В отдельных помещениях толщина языков «ядерной магмы» достигала 4 м. Ее потоки застыли на полу и стенах здания причудливыми фигурами: сталактитами, струями, будто от водопада. Смесь окончательно затвердела 6 мая 1986 года. Только тогда уменьшились (в десятки раз) радиоактивные выбросы в атмосферу».

Вспоминает Юрий Юрьевич Трегуб, начальник смены 4-го энергоблока ЧАЭС [Из книги Юрия Щербака «Чернобыль»]:

«Мы не знали, как работает оборудование от выбега, поэтому в первые секунды я воспринял...

появился какой-то нехороший такой звук. Я думал, что это звук тормозящейся турбины. Я все это как-то серо помню... сам звук я не помню, но помню, как его описывал в первые дни аварии: как если бы «Волга» на полном ходу начала тормозить и юзом бы шла. Такой звук: гу-гу-гу-гу... Переходящий в грохот. Появилась вибрация здания. Да, я подумал, что это нехорошо. Но что это, наверное, ситуация выбега.

БЩУ грожал. Но не как при землетрясении. Если посчитать до десяти секунд — раздавался рокот, частота колебаний падала. А мощность их росла. Затем прозвучал удар.

...Все были в шоке. Все с вытянутыми лицами стояли. Я был очень испуган. Полный шок. Такой удар — это землетрясение самое натуральное. Правда, я все-таки считал, что там, возможно, что-то с турбиной.

...Потом... а вот что было. ...Надо было в машзале... Кровля машзала упала — наверно, на нее что-то обрушилось... вижу в этих дырах небо и звезды, вижу, что под ногами куски крыши и черный битум, такой... пылевой. Думаю — ничего себе... откуда эта чернота? Такая мысль. Это что — на солнце так высох битум, покрытие? Или изоляция так высохла, что в пыль превратилась?

Потом я понял. Это был графит.

...Позже на третьем блоке мне сообщили, что пришел дозиметрист и сказал, что на четвертом блоке 1000 микрорентген в секунду, а на третьем — 250. И они уже проводят йодную профилактику. Мы там минут 20 потратили на задвижку — она большая. Вернулись. Я к йоду — йода нет, вернее, йод там остался, но уже не было воды, в общем, что-то такое всухую выпил, то ли йод, которым примочки ставят, то ли что. И мне дали в это время «лепесток».

Встречаю Проскуракова в коридоре. Он говорит: «Ты помнишь свечение, что было на улице?» — «Помню». — «А почему ж ничего не делается? Наверно, расплавилась зона...». Я говорю: «Я тоже так думаю. Если в барабан-сепараторе нет воды, то это, наверно, схема Е накалилась, и от нее такой свет злоеющий».

Я подошел к Дятлову и еще раз на этот момент ему указал. Он говорит: «Пошли». ...Вышли на улицу и пошли мимо четвертого блока... определить. Под ногами — черная какая-то копать, скользкая. Кто-то еще был с нами. Впереди Дятлов, я за ним, а третий увязался за нами — помоему, кто-то из испытателей, из посторонних людей, любопытных. Я его чуть матом не отсылал, чтобы он не лез. Мне уже стало ясно, что

здесь... Но он шел за нами... Если человек хочет... Прошли возле завала... я показал на это сияние... показал под ноги. Сказал Дятлову: «Это Хиросима». Он долго молчал... или мы дальше... Потом он сказал: «Такое мне даже в страшном сне не снилось». Он, видимо, был... ну что там говорить... Авария огромных размеров».

Из доклада Комиссии Госпроматомнадзора СССР «О причинах и обстоятельствах аварии на 4 блоке Чернобыльской АЭС 26 апреля 1986 года»:

«Причины аварии скрыты не в программе [испытаний — ред.] как таковой, а в незнании разработчиками программы особенностей поведения РБМК-1000 в предстоявшем режиме работы».

Из выступления М.С. Горбачева по советскому телевидению [Опубликовано в газете «Правда» от 15 мая 1986 года]:

«Что же произошло? Как докладывают специалисты, в период планового вывода из работы четвертого блока мощности реактора внезапно возросли. Значительное выделение пара и последовавшая затем реакция привели к образованию водорода, его взрыву, разрушению реактора и связанному с этим радиоактивному выбросу. Сейчас пока рано выносить окончательное суждение о причинах аварии. Предметом пристального рассмотрения правительственной комиссии являются все аспекты проблемы — конструкторские, проектные, технические, эксплуатационные. Разумеется, по итогам выяснения причин происшедшей аварии будут сделаны все необходимые выводы, приняты меры, исключющие повторение подобного».

Труд, равный подвигу

В хаосе и шоке первых послеаварийных часов ограничить последствия аварии позволили самоотверженные и героические действия персонала станции, пожарных, милиционеров, врачей.

Сигналы тревоги почти одновременно прозвучали в военизированной пожарной части по охране ЧАЭС и в сводной военизированной пожарной части (СВПЧ-6) по охране города Припяти, подняв на выезд дежурные караулы. Был 1 час 28 минут. С этого момента начался отсчет времени короткого, но яркого подвига советских пожарных, в котором сплелись воедино мужество, преданность долгу, моральная стойкость и великое самопожертвование.

Первый караул из пожарной части по охране АЭС под командованием лейтенанта Владимира Правика прибыл к аварийному энергоблоку меньше чем через две минуты после тревожного сигнала. Еще подъезжая к разрушенному корпусу, Правик передал по радиации: «Виден огонь. Есть разрушения» и подтвердил третий номер вызова, согласно которому к месту аварии должны были направляться дополнительные силы из других городов и районов. Став первым руководителем тушения пожара, Правик сумел быстро оценить обстановку и принять правильное решение задержать распространение огня в направлении соседнего энергоблока и начать тушение кровли машинного зала. Первые рукавные линии были проложены именно к этим очагам горения, и ствольщики приступили к их тушению.

В 1 час 35 минут, то есть через пять минут после приезда первого караула, на помощь прибыло подразделение СВПЧ-6 во главе с лейтенантом Виктором Кибенком. Преодолев несколько километров, отделявших их часть от АЭС, пожарные с ходу вступили в битву с огнем. Именно они начали тушить самый опасный в отношении радиации очаг пожара вблизи разрушенного реактора.

Майор Леонид Телятников, начальник пожарной части по охране АЭС, ещё числился в отпуске. Узнав о беде, он через двадцать минут был на передовой.

Вспоминает Герой Советского Союза, начальник военно-пожарной части № 2 Чернобыльской атомной электростанции, майор внутренней службы Леонид Петрович Телятников [Из книги Юрия Щербака «Чернобыль»]: «В карауле лейтенанта Правика было семнадцать человек. В ту ночь он дежурил. Третий караул не был таким идеальным, как пишут в газетах. И если бы не этот случай, никогда, конечно, о нем не писали бы. Это был очень своеобразный караул. Это был караул лично-

стей, так можно сказать. Потому что каждый был сам по себе. Очень много ветеранов там было, очень много своеобразных ребят.

Володя Правик, пожалуй, был самый молодой — ему 24 года. По натуре очень добрый, мягкий — ну, и подводили они его иногда. Он никогда в просьбах никому не отказывал. Он считал, что должен идти на уступки. В этом, может, была какая-то слабость с его стороны — бывали и стычки, а он виноват оставался, потому что в карауле и нарушения были... тем не менее он придерживался своей линии.

Он очень увлекающийся был, Володя Правик. Любил радиодело, фотографию. Он был активный работник, начальник штаба «Комсомольского прожектора». «Прожектор» был самой действенной формой борьбы с недостатками, жестоко хлестал все, даже малейшие недостатки. Он и стихи писал, и рисовал, выполнял эту работу с удовольствием. Ему много помогала жена. Они очень подходили друг другу. Жена его окончила музыкальное училище и преподавала музыку в детском садике. Они внешне даже были чем-то похожи друг на друга, оба мягкие, их взгляды на жизнь, отношение к работе — очень тесно все переплеталось, было единое. За месяц до аварии у него родилась дочь. В последнее время он просил, чтобы его инспектором перевели, все соглашались, но просто ему не было замены...

Самым старым в карауле по возрасту и по сроку службы был Бутрименко Иван Алексеевич, водитель. Ему сорок два года. Это один из тех, на ком все держится. На него все равнялись. И начальник караула, и секретарь партийной и комсомольской организации. Иван Алексеевич был депутатом городского Совета, вел очень большую депутатскую работу... Работали еще в нашей части три брата Шаврея, белорусы. Самый младший — это Петр, он работал инспектором части, а Леонид — самый старший — и Иван — средний — работали в третьем карауле. Леониду тридцать пять лет, Иван года на два-три моложе, а Петру тридцать лет. Работали они так: надо — значит, сделали.

В жизни как бывает? Пока не ткнешь пальцем — никто даже не шевельнется. Это не только у нас, это везде так. На занятиях, на учениях кто-то старается в сторону уйти, отдохнуть, полегче работу взять... Здесь этого не было. Когда авария случилась, несмотря на какие-то трения в карауле, несмотря ни на что, весь караул пошел за Правиком, пошел без оглядки... Там битум горел. Машинный зал — сгораемое покрытие, и основная стоимость, если на рубли перевести, — это машинный зал.

Все чувствовали напряжение, чувствовали ответственность. Только назову, сразу погбегает: «Понял». И даже не слушал до конца, потому что понимал, что надо делать. Ждал только команды.

И ни один не дрогнул. Чувствовали опасность, но все поняли: нужно. Только сказал — надо быстро сменить. Бегом. Как до аварии бывало? «Чего я иду да почему?». А здесь — ни слова, ни полслова, и буквально все выполнялось бегом. Это, собственно, самое главное было. Иначе пожар тушился бы очень долго и последствия могли быть значительно большими.

Как я уже говорил, караул Правика первое время находился на машинном зале. Там потушили, и отделение оставили на дежурство под его руководством, потому что машинный зал оставался в опасности. А городская часть, поскольку она чуть позже прибыла, была направлена на реакторное отделение. Вначале машинный зал главным был, а потом — реакторное отделение. Ну вот, Правик потом даже свой караул оставил, побежал на помощь городской части. Из нашего караула погиб только Правик. Остальные пять человек, что погибли, — это были ребята из шестой городской части. Так получилось, что они первыми начали тушить на реакторе. Там было наиболее опасно. С точки зрения радиоактивной опасности конечно. С точки зрения пожарной — на машинном зале, поэтому там наш караул и действовал в начальный момент аварии».

Более полутора часов пожарные боролись с огнем в условиях мощного радиационного излучения, в токсичной атмосфере сильного задымления, на высотах от 12 до 70 м при постоянной угрозе обрушений. И все-таки они сумели на большинстве участков

Чернобыльский набат

Владимир Ильич Лебедев, 1944 г.р., г. Красноярск:

— В 86-м году я работал в органах, и наша семья жила за три тысячи километров от Чернобыля. И все, что у меня вызывала эта авария — недоумение. Боже мой, такая авария, отчего, почему. И потом — не говорили же ничего. Показывать-то стали, когда уже все почти закончилось. Даже у нас в КГБ об этом ничего не говорили. А вот вражеские голоса говорили, что радиоактивное облако гуляло по Европе и даже до нашей Туркмении дошло. А официально была тишина. В Чернобыль ездил один мой коллега, потом вернулся и все время пил водку, говорил, она стронций выводит.

Юлия Комиссаренко (Лебедева), 31 год, г. Красноярск, журналист:

— Мне было 8 лет, когда случился Чернобыль. Мы жили так далеко, в Средней Азии, и, если честно, каких-то особых воспоминаний и не было. Помню, я тогда уже ходила во второй класс, в школе прошел слух, что в актовом зале свозят раскладушки, и там теперь будут размещать детей, эвакуированных из Чернобыля. Но, по-моему, так никого не привезли, хотя байка это была популярна. Потом так же мы ждали пострадавших от землетрясения в Армении и раненых из Афганистана. Но все же Чернобыль был мне ближе, чем другим. У нас в Киеве жили родная мама и тетя и очень близкая мама подруга. И хотя бы раз в год мы старались туда выбираться. Украина для нас была как другой мир: метро, другой язык, другие люди, большой аэропорт, Днепр. Приезжали и летом, и зимой. В 1986 году тоже поехали. Как раз в августе, перед школой. Не боялись. Наверное, потому что особо и не знали, что такое радиация, какая угроза, опасность. Жила же в Киеве тетя Валя, значит безопасно. А рядом с домом, где мы жили, на улице Тимошенко, рядом был рынок, и там всегда продавали цветы, ягоды, грибы. И я помню, идем мы с мамой, а там женщины продают гладиолусы, здоровушки такие, красивые и цвета такие насыщенные, я подобных раньше никогда не видела. А тетя Валя строго-настрого запретила нам их покупать: «Они могут быть чернобыльскими». И так же про ягоды, грибы строгим полупотом: «А если чернобыльские?». И я уже тогда знала, что это что-то очень страшное, связанное с атомной войной. А в мое время атомной войной детей начинали пугать еще в детском саду. Как сейчас помню, показывали в кинотеатрах мультик про то, как бомбили Хиросиму. Очень страшный мультик, я его дважды не смогла досмотреть до конца, начиналась истерика. Гладиолусы я с тех пор, кстати, и не люблю.

локализовать или полностью ликвидировать пожар. В 2 часа 15 минут были локализованы последние очаги горения на крыше машинного зала. К этому времени из Киева уже прибыла оперативная группа областного управления пожарной охраны, продолжали прибывать пожарные подразделения.

В общей сложности к утру в зоне аварии было сосредоточено 37 пожарных подразделений, насчитывавших 240 человек личного состава, и 81 единица пожарной техники. Была налажена дозиметрическая служба, позволившая определить наиболее опасные в отношении радиоактивности участки. Теперь уже задача состояла не только в том, чтобы быстрее потушить оставшиеся очаги пожара, но и уберечь от поражения радиацией как можно больше людей. Поэтому в опасную зону были введены, главным образом для замены пострадавших пожарных, строго ограниченные силы, обеспеченные дополнительной защитой, которые и сумели окончательно локализовать пожар к пяти часам утра и полностью ликвидировать его в 6 часов 35 минут. В общей сложности на его тушение было затрачено около пяти часов, что при подобных условиях и количестве людей можно считать рекордным временем.

В июне 1986 года журнал «Пожарное дело» сообщил: «Отдавая должное мужеству этих людей, испытываешь двоякое чувство: с одной стороны, верность долгу, высокий профессионализм и умение действовать в сложной обстановке, а с другой — техническая неподготовленность к действиям в экстремальных условиях, к реальной оценке опасности, а значит, и высокая степень риска, для некоторых — обреченность».

Практически все, кто первыми вступили в борьбу с пожаром, получили опасные дозы облучения, но ценой жизни и здоровья они сумели предотвратить распространение беспрецедентного пожара в большую по масштабам и последствиям катастрофу».

Вспоминает Леонид Михайлович Шаврей, старший пожарный караула Владимира Правика ВПЧ-2 [Из книги Юрия Щербака «Чернобыль»]:

«Из области постепенно начали машины прибывать, и к пяти часам уже полно было. Нам сказали: «Давайте, хлопцы, спускайтесь, все нормально, мы вас меняем». Это наша смена приехала. Мы давай вниз. Стали спускаться — вроде бы жарко стало. Когда еще на крыше были, Володя Прищепа мне говорит: «Ты привкуса никакого не чувствуешь?» — «Вроде нет». А блок дымил, огня не было. Синеватый дымок. Мы спустились вниз, нам говорят: «Давайте идите в столовую, таблетки принимайте». Я сигаретку закурил, а она сладкая. Что за черт? Я выбросил. Говорю: «Что это за сигареты такие сладкие?». В столовой нам

дали таблетки, я только в рот взял и воды выпил — как рвота началась. Начало тошнить, пошло крутить. Противно до невозможности. Пить охота, а напиться невозможно — сразу тошнит. Но я в санчасть не пошел. После смены взял машину и вывез из Припяти жинку с гитом. А 26-го вечером, когда жинку я уже отправил, мы с хлопцами пошли в больницу проведать наших. Нас в больницу не пустили, мы под окнами стояли. На втором этаже все выглядывали в окна, здоровались, все нормально, все веселые, как обычно. У Правика, правда, лицо было набрякшее, опухшее, он изменился. Я разговаривал с ним. ...Прощались до завтра, а назавтра нам сказали, что их увезли в Москву».

Их было 28 — пожарных Чернобыля, первыми вступившими в борьбу с атомной стихией: Владимир Правик, Виктор Кибенок, Леонид Телятников, Николай Ващук, Василий Игнатенко, Владимир Тишура, Николай Титенок, Борис Алишаев, Иван Буtrimенко, Михаил Головненко, Анатолий Хахаров, Степан Комар, Андрей Король, Михаил Крысько, Виктор Легун, Сергей Легун, Анатолий Найдюк, Николай Нечипоренко, Владимир Палачега, Александр Петровский, Петр Пивоваров, Андрей Половинкин, Владимир Александрович Прищепа, Владимир Иванович Прищепа, Николай Руденюк, Григорий Хмель, Иван Шаврей, Леонид Шаврей.

Их подвиг равен только великим эпохальным событиям во имя мира и людей всей планеты. Они спасли, они заслонили собой всех нас. Шестеро из них — ценой своей жизни. Теперь они покоятся на Митинском кладбище Москвы.

Лейтенантам Виктору Кибенку и Владимиру Правика посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Золотой Звездой Героя был награжден и Леонид Телятников. После лечения он продолжил службу, стал генералом. Но болезнь не отступала. Герой ушел из жизни в 2004 году.

Из книги Юрия Щербака «Чернобыль»:

«Шесть портретов в черных рамках, шестеро прекрасных молодых парней смотрят на нас со стен пожарной части Чернобыля, и кажется, что взоры их скорбны, что застыли в них и горечь, и укоризна, и немой вопрос: как могло такое случиться? Но это уже сейчас кажется. А в ту апрельскую ночь, в хаосе и тревоге пожара, не было в их взглядах ни скорби, ни укоризны. Некогда было. Они работали. Они спасали атомную станцию, спасали Припять, Чернобыль, Киев, всех нас».

Лейтенант
внутренней службы
Владимир Павлович
Правик

Сержант
внутренней службы
Владимир Иванович
Тищура

Старший сержант
внутренней службы
Николай Иванович
Титенок

Сержант
внутренней службы
Николай Васильевич
Вашук

Старший сержант
внутренней службы
Василий Иванович
Игнатенко

Лейтенант
внутренней службы
Виктор Николаевич
Кибенок

Начальник Главного управления пожарной охраны МВД СССР генерал-майор А. Микеев [Опубликовано: Алексей Митюнин // «Атомный штрафбат»]:

«Что бы случилось, если бы «шеренга № 1» пожарных вдруг растерялась? Трудно даже предположить. Давайте представим ситуацию: отдельные загорания (как следствие повреждения некоторых маслопроводов, коротких замыканий в электрокабелях) возникли в машинном зале у одного из турбогенераторов. По меньшей мере пять очагов пожара вспыхнуло на разных этажах реакторного зала, в аппаратурной. И главное — огонь двинулся в сторону соседнего блока, грозил перейти в машинный зал, где возле каждой турбины стоят большие емкости с маслом. И еще — он мог охватить кабельные каналы,

разрушить систему управления и защиты всей станции. Словом, последствия могли бы быть немислимими».

Заместитель министра энергетики и электрификации СССР по атомной энергетике Г.А. Шахарин [Опубликовано: Дьяченко А.А. Правительственная комиссия. //Чернобыль: Катастрофа. Подвиг. Уроки и выводы]:

«Трудно себе представить масштаб катастрофы, если бы поистине героическими действиями пожарных подразделений не был локализован пожар, если бы пламя перекинулось на примыкающий 3 и далее — на 2 и 1 энергоблоки. Это легко могло произойти, учитывая незначительную огнестойкость материалов покрытий крыш машинных залов».

Памятник героям-пожарным в Чернобыле

Мемориал ликвидаторам катастрофы в Чернобыле

Вскоре после взрывов на ЧАЭС в Припятском городском отделе внутренних дел сработала сигнализация. Дежурный тут же направил оперативную группу к месту происшествия. Буквально через несколько минут ими было передано, что на АЭС пожар. Был поднят по тревоге весь личный состав горотдела. О происшествии немедленно сообщили в Управление внутренних дел Киевского облисполкома. Для оперативного руководства мероприятиями по охране общественного порядка на территории города и в районе АЭС был создан оперативный штаб, который возглавил начальник Припятского ГОВД майор милиции В. А. Кучеренко.

В первые часы после аварии непосредственно в районе атомной станции дежурил наряд вневедомственной охраны. Срочно были созданы контрольно-пропускные пункты, перекрыты дороги на ЧАЭС, сформированы дополнительные наряды патрульно-поисковой службы.

В боевом журнале МВД СССР записано, что на 8 часов утра 26 апреля было госпитализировано 33 работника милиции.

Вспоминает заместитель министра внутренних дел СССР генерал-майор милиции Геннадий Васильевич Бергов [Из книги Юрия Щербака «Чернобыль»]:

«Скажу сразу, что Припятский горотдел внутренних дел предпринял все возможное, чтобы исключить радиационное поражение людей. Весь город был быстро оцеплен. Но мы еще полностью не сориентировались в обстановке, так как милиция своей дозиметрической службы не имела. А с АЭС сообщали, что произошел пароводяной выброс. Эта формулировка считалась официаль-

ной точкой зрения руководства атомной станции. Я туда подъехал часов в восемь утра.

Сначала зашел в пустой кабинет Брюханова. Увидел полную беспечность. Окна распахнуты. Людей нашел уже в кабинете Фомина. На вопрос «Что произошло?» мне опять ответили: «Разрыв паропровода». Но посмотрев на Фомина, я понял, что все серьезнее.

Сейчас понимаю, что это была трусость, сопряженная с преступлением. Ведь они какую-то реальную картину уже имели, но нам честно об опасности не сказали. Может быть, тогда некоторые наши сотрудники и не попали бы в больницу».

Диспетчерская «Скорой помощи» располагалась по соседству с приемным покоем в здании Припятской больницы. В ту ночь дежурство несли врач Валентин Белоконь и фельдшер Александр Скачек. Вызов с АЭС поступил вскоре после прогремевших там взрывов. Что произошло, толком не объяснили, но Скачек выехал на станцию. Вскоре он позвонил оттуда и сообщил, что есть обожженные люди и требуется врач.

28-летний доктор Валентин Белоконь вместе с водителем Анатолием Гумаровым срочно направились к станции, практически ничего не зная о том, что там происходит. Как потом выяснилось, в больнице не нашлось даже «лепестков», защищающих органы дыхания. За машиной врача выехали еще две «кареты», но без медработников.

Валентин Петрович Белоконь находился в непосредственной близости от четвертого энергоблока более суток. Через его руки прошли практически все пострадавшие на АЭС, после смены доехал до дома и помогал соседям. Вечером 27 апреля был госпитализирован в терапию Припятской больницы.

Старшего фельдшера Татьяну Марчулайте вызвала ночью на работу санитарка. Где-то в 2 часа 40 минут она уже принимала в приемном покое первых пострадавших.

Вспоминает Татьяна Марчулайте [Источник: Атомная энергетика: история и современность]:

«В отделении стоял какой-то рев. У привезенных со станции открылась сильная рвота. Им требовалась срочная помощь, а медицинских работников не хватало. Здесь уже были начальник медресанчасти В. А. Леоненко и начмед В. А. Печерица. Удивлялась, что многие поступившие — в военном. Это были пожарные. Лицо одного было багровым, другого — наоборот, белым, как стена, у многих были обожжены лица, руки, некоторых бил озноб. Зрелище было очень тяжелым. Но приходилось работать. Я попросила, чтобы прибывающие складывали свои документы и ценные

вещи на подоконник. Переписывать все это как положено было некому...

Из терапевтического отделения поступила просьба, чтобы никто ничего с собой не брал, даже часы — все, оказывается, уже подверглось радиоактивному заражению, как у нас говорят — «фонило».

Со станции звонил Белоконь, говорил, какие лекарства ему повезти. Запросил йодистые препараты. Но почему их не было там, на месте?

У нас свои проблемы. Одно крыло терапевтического отделения находилось на ремонте, а остальное до конца заполнено. Тогда мы стали отправлять тех, кто лежал там до аварии домой прямо в больничных пижамах. Ночь тогда стояла теплая.

Вся тяжесть работы по оказанию помощи поступившим поначалу легла на терапевтов Г.Н. Шиховцова, А.П. Ильясова и Л.М. Чухнова, а затем на заведующую терапевтическим отделением Н.Ф. Мальцеву. Требовалась, конечно, подмога, и мы направили по квартирам санитарку. Но многих не оказалось дома: ведь была суббота, и люди разъехались по дачам. Помню, подошли медсестра Л.И. Кропотухина (которая, кстати, находилась в отпуске), фельдшер В.И. Новик.

У нас, правда, имелась упаковка для оказания первой помощи на случай именно радиационной аварии. В ней находились препараты для внутривенных вливаний одноразового пользования. Они тут же пошли в дело.

В приемном покое мы уже израсходовали всю одежду. Остальных больных просто заворачивали в простыни. Запомнила я и нашего лифтера В.Д. Ивыгну. Она буквально как маятник успевала туда-сюда. И свое дело делала, и еще за нянечку. Каждого больного подержит, до места проведет.

Чернобыльский набат

Ольга, г. Москва:

В 1986 году я заканчивала 6 класс. Жили в Казани. Помню, как родители почти матом ругали власти, глядя по телевизору демонстрацию 1 Мая, где показывали детей в белых бантах, идущих по улицам города Киева в первую неделю катастрофы.

Папа тем летом выбил командировку на Украину в Нежин (это Черниговская область, очень близко от Киева и от Чернобыля, пострадала от аварии достаточно сильно, но в зону эвакуации она не входила) и привез к нам 8-летнего сына друзей. Санька провел у нас все лето. Я шутила, что это мой братик. Вместе ходили тем летом на сплав в Кировскую область, вместе ездили к бабушке в Донецкую область (это тоже Украина, но достаточно далеко от места аварии). По-моему, классное было лето. Скучать точно было некогда.

Кстати, потом история с вывозом "чужих" детей из потенциально опасных районов повторилась, когда возникли слухи (только слухи!) о ядерной аварии где-то в Сибири. Тогда мама в один день смоталась к моему двоюродному брату и привезла в Казань моего 2-летнего племянника. К счастью, слухи не подтвердились, а племянник все равно с тех пор каждое лето до школы проводил у нас.

Еще про Чернобыль. Я тем летом ездила в лагерь на море в Анапу. До последнего не знали, поедем или лагерь отдадут чернобыльским детям. Поехали. А соседние лагеря были заселены ребятами из чернобыльской зоны. В них по вечерам не звучала музыка: дети очень уставали, и было не до дискотек. А пионерская аллея 22 июня, в которой участвовали все лагеря, по словам наших вожатых, была гораздо короче по времени, чем обычно. Именно потому, что ребята из соседних лагерей просто не могли стоять долго на солнцепеке по состоянию здоровья.

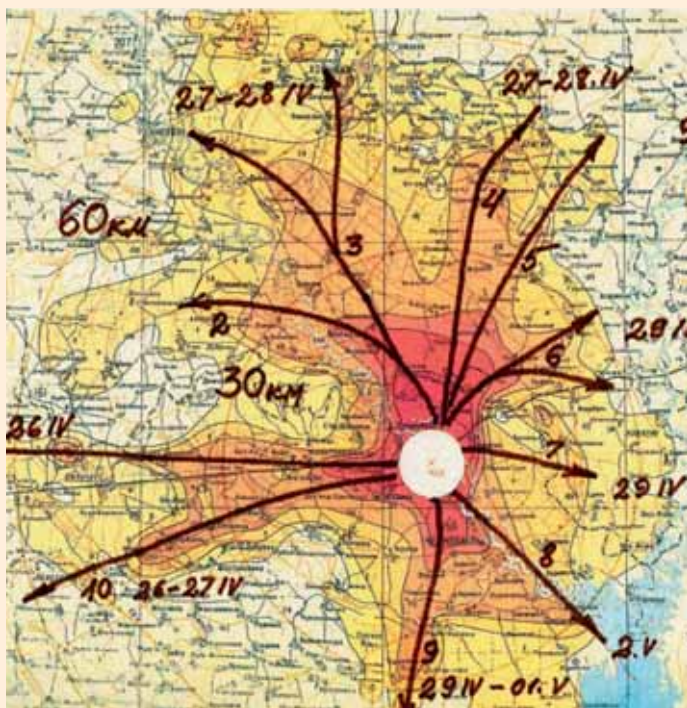
И еще. В деревне, где я проводила каждое лето, у меня была подруга из Припяти. В то лето я ее не видела. То ли в следующем году, то ли через пару лет она мне рассказывала, как все было тогда там. Про эвакуацию, про неизвестность и неопределенность. Про отсутствие самой элементарной информации. Про то, что они не знали, что уезжают навсегда. Про то, что им достаточно быстро дали на новом месте квартиру и вообще помогли обустроиться. Где она сейчас и что с ней — не знаю. Детские приятельские связи недолгие.

Остался в памяти обожженный Шашенок. Он ведь был мужем нашей медсестры. Лицо такое бледно-каменное. Но когда к нему возвращалось сознание, он говорил: «Отойдите от меня. Я из реакторного, отойдите». Удивительно, он в таком состоянии еще заботился о других. Умер Володя утром в реанимации. Но больше мы никого не потеряли. Все лежали на капельницах, делалось все, что было можно.

В работу по обработке больных включились и наши хирурги А. М. Бень, В. В. Мироненко, травматологи М. Г. Нуриахмедов, М. И. Беличенко, хирургическая сестра М. А. Бойко. Но под утро все абсолютно вымотались. Я позвонила начме-ду: «Почему больных на станции не обрабатывают? Почему их везут сюда «грязными»? Ведь там на АЭС есть санпропускник?». После этого наступила передышка минут на 30. Мы за это время успели разобрать кое-какие личные вещи поступивших. И где-то с 7.30 утра к нам стали привозить уже обработанных и переодетых больных. В 8.00 нам пришла смена, а к вечеру самые тяжелые больные были отправлены в Москву».

Сотни людей самоотверженно и профессионально выполняли свой служебный долг, спасая пострадавших и локализуя последствия аварии. Вот только никто заранее не обучил их действиям в таких авариях, не предоставил никаких средств защиты, не защитил законодательно.

В первые дни после аварии

В эти первые — самые трудные — часы после аварии в зоне 4-го энергоблока трусом не оказалось и среди персонала станции. Те, кто в первую очередь отвечал в ту ночь за управление реактором, то есть Дятлов, Акимов, Топтунов, не покинули своих мест. Дятлов уже на исходе физических сил добрался до бункера, где размещалось руководство ЧАЭС, доложил о случившемся и попал в медсанчасть. Акимов оставил свой пост лишь после того, как его в шесть утра официально подменили. Топтунова практически вынесли в очень плохом состоянии.

До последнего работали здесь и многие из тех, кто оказался ночью на станции по собственной инициативе, чтобы перенять опыт ведения работ по остановке реактора и организации испытаний.

Первыми жертвами аварии стали операторы реакторного цеха. Валерий Ходемчук не был найден после аварии и навечно остался в 4-м энергоблоке ЧАЭС, Владимир Шашенок скончался от ожогов через несколько часов.

Персонал сделал многое, чтобы не допустить разрастания аварии до еще более опасных масштабов. Люди тушили пожары и предупреждали новые. Ограждали от опасности 3-й реактор, а это было и трудно и смертельно опасно.

Из рассекреченных архивов КГБ Украины

О взрыве на Чернобыльской АЭС

Из Киева, КГБ УССР
гор. Москва, КГБ СССР
26 апреля 1986 года

СЕКРЕТНО

26 апреля с.г. в I час 25 мин. в помещении 4-го энергоблока Чернобыльской АЭС при подготовке его к плановому среднему ремонту произошел взрыв с последующим пожаром, который был вскоре ликвидирован. От взрыва обрушился шатер перекрытия реакторного и кровля машинного залов, воспламенилась также крыша 3-го энергоблока, в связи с чем последний был аварийно остановлен. К 6.00 пожар на крыше этого энергоблока также ликвидирован.

Во время взрыва в помещении 4-го энергоблока находилось 17 человек сменного персонала, от полученных ожогов 9 человек госпитализированы, в том числе 3 находятся в тяжелом состоянии, один — Шашенок В.Н., 1951 г.р., наладчик пусконаладочного участка — скончался. Кроме того, на медицинском обследовании находятся 112 человек. Не установлено место нахождения старшего оператора реакторного отделения Ходемчука В.И., 1951 года рождения.

Имя - Чернобыль

По состоянию на 15.00 26 апреля с.г. радиационная обстановка в районе аварии характеризуется уровнем радиации гамма частиц в непосредственной близости от очага до 1000 микрорентген в секунду, на территории АЭС до 100, в отдельных районах гор. Припяти от 2 до 4 мкр в сек., которая постоянно контролируется.

Под руководством партийных и советских органов организованы работы по дезактивации дорог, убывающих из города транспортных средств, ограничен въезд-выезд частных автомашин. Проведено совещание с руководителями и секретарями партийных организаций предприятий по разъяснению населению сложившейся обстановки.

Временно прекращены работы по строительству блоков No 5 и No 6, суббота 26 апреля с.г. объявлена выходным днем.

Энергоблоки No 1 и No 2 работают в нормальном режиме.

На месте происшествия работают оперативно-следственные группы КГБ УССР и УКГБ по г. Киеву и Киевской области во главе с Заместителем Председателя КГБ УССР, которые во взаимодействии с органами МВД и прокуратуры проводят комплекс оперативно-следственных мероприятий.

Для обеспечения работы правительственной комиссии развивается ВЧ-связь.

Приняты меры к повышению мобилизационной готовности подразделений Комитета и УКГБ по г. Киеву и Киевской области.

Управлениями КГБ по Запорожской, Николаевской и Ровенской областям усилен официальный и оперативный контроль за обстановкой на действующих атомных электростанциях.

Обстановка на АЭС, в г. Припяти и прилегающих населенных пунктах нами контролируется. ЦК Компартии Украины доложено.

Председатель КГБ УССР
генерал-лейтенант С.Н.Муха

Первые. Гимн огнеборцам

Когда мир и горит и плавится,
Задыхаясь в едком дыму,
Только первые могут справиться,
Побеждая огонь и тьму.

Не откажутся, не отступятся,
Не забудут про долг и честь,
Только первые, только лучшие!
Служба первых была и есть.

«Ноль один» - это служба риска,
Та, что будет всегда нужна!
Нет конца у святого списка,
Где чернобыльцев имена.

Где над каждым именем доблестным,
Остывающем от огня,
Светлый лик встает Богородицы,
До последней секунды храня...

Опаленные, легендарные,
Окращенные тем огнем,
Героические пожарные
На посту и ночью и днем.

И когда все горит и плавится,
Задыхаясь в дыму вражды,
Только первые могут справиться,
Заслонить других от беды!

...Кто-то будет из камня высечен,
Кто-то будет забыт, как сон.
Гибнут первые, сотни и тысячи.
Мир их праху и низкий поклон!

Автор не известен

Покидая Припятъ

*Он по ночам, конечно, оживает,
Наш город, опустевший на века.
Там наши сны бредут, как облака,
И лунным светом окна зажигают.*

Любовь Сирота

В первые часы после аварии практически никто не сумел объективно оценить случившееся и принять верные решения. И это само по себе один из уроков Чернобыля.

Ни один из руководителей станции и города Припятти не взял на себя смелость объявить сложившуюся обстановку чрезвычайной и сообщить об этом в Киев и Москву. Требовалось прежде всего точное знание радиационной обстановки. Однако измерительные приборы на ЧАЭС были маломощными и не могли дать полной объективной информации об уровнях ионизирующего излучения. Так был подготовлен документ, из которого следовало, что уровни радиации действительно повышены, но не до такой степени, чтобы объявлять общую тревогу, проводить какие-то массовые предупредительные мероприятия.

Из воспоминаний Разима Ильгамовича Давлетбаева, заместителя начальника турбинного цеха № 2 ЧАЭС: «На БЩУ-4 [блочный щит управления энергоблоком № 4 — ред.] я спросил у дозиметриста, какая мощность дозы излучения (к этому времени было ясно, что произошла какая-то авария в реакторном отделении, одновременно с этим появилось постоянное чувство тревоги за радиационную обстановку). Дозиметрист приблизился ко мне и сообщил, что от меня зашкаливает прибор, и мне необходимо переодеться. На мои дальнейшие расспросы он ответил: «На БЩУ оперативном, где мы стоим, мощность дозы 500 мкР/с, на неоперативном — 1000 мкР/с, в машинном зале тоже 1000 мкР/с. По профессиональной привычке мгновенно оценил часовую дозу 3,6 бэр, стало быть, 10 бэр (разрешенная аварийная доза) может быть выбрана за 3 часа. Дозу в 10 бэр, оправданную в случаях, требующих выполнения работ, предотвращающих аварию на АЭС, по Правилам радиационной безопасности необходимо было согласовать с директором или главным инженером АЭС. У меня на это согласование не было

Город Припятъ до аварии был красивым и ухоженным

времени, ни возможности, покинуть машинный зал в этой ситуации я не мог. ...Когда я находился уже в больнице, мне сообщили, что 1000 мкР/с — это предел измерения прибора, фактические дозы были в сотни раз выше.

26 апреля первый секретарь Киевского обкома Г.И. Ревенко составил секретное донесение в Центральный комитет коммунистической партии Украины, в котором сообщалось, что в результате аварии радиационный фон на территории станции повышен незначительно и опасности для населения нет, а партийными, советскими и хозяйственными органами принимаются необходимые меры по ликвидации последствий взрыва.

В действительности, утром 26 апреля обстановка в городе Припяти была тяжелой.

Из воспоминаний Леонида Павловича Хамьянова, начальника отделения Всероссийского научно-исследовательского института по эксплуатации атомных электростанций:

«26 апреля 1986 г. рано утром на моей квартире зазвонил телефон и главный инженер «Союзатомэнерго» Прушинский Борис Яковлевич сообщил, что на Чернобыльской АЭС крупная авария. Как член Межведомственной группы оказания помощи АЭС в случае аварии (группа ОПАС) я должен был прибыть в Союзатомэнерго для участия в оценке ситуации и разработке первоочередных мер...

После нескольких часов сборов группа ОПАС и несколько человек из других ведомств на военном самолете летит в Киев. В аэропорту Жуляны нас встретили и на автомобилях, в сопровождении милиции, быстро поехали в г. Припять.

...26 апреля 1986 г. был ясный, солнечный день и полное затишье. В результате этого радиоактивные вещества из разрушенного реактора горячим потоком воздуха поднимались вверх, а затем медленно, путем диффузионных процессов распространялись во все стороны. В момент прибытия группы ОПАС в г. Припять (около 14 часов 26 апреля) мощность дозы в городе составляла около 40 мкР/с (140 мР/ч), а рано утром (когда Прушинский говорил по телефону с Брюхановым) было около 4 мкР/с (14 мР/ч). Искажение при передаче информации утром произошло из-за того, что приборы на ЧАЭС имели шкалу в мкР/с, тогда как обычно мощность дозы сообщают в единицах мкР/ч. Таким образом, уже утром мощность дозы в городе Припяти приблизительно в 1000 раз превышала естественный фон...

...Возвратившись в горком партии и доложив приехавшему А.А. Абагяну о ситуации в городе,

я решил подготовить расчётную справку о возможной дозе облучения, которую может получить население г. Припяти за ближайшие двое суток, особенно дети. Абагян одобрил это предложение. Приблизительно через час, уже в начале 27 апреля 1986 г. я принес справку (оценка радиационных последствий аварии на ЧАЭС) в горком партии, где её подписал А.А. Абагян. Мы показали справку сначала В.Л. Сигоренко, представившему в Правительственной комиссии Госатомнадзор, а затем замминистра здравоохранения Воробьеву Е.И. К этому времени уже созревало мнение о необходимости эвакуации населения г. Припяти, и наша справка это подтвердила. По документам, решение об эвакуации принимал Минздрав СССР. Воробьев Е.И. попросил нас прийти в 2 часа ночи на заседание Правительственной комиссии, где будет сделано предложение Б.Е. Щербине (председателю комиссии) об эвакуации. На заседании Воробьев Е.И. сделал это предложение, Б.Е. Щербина сразу согласился. Радиоактивное загрязнение в направлении на Киев началось после 28 апреля, когда повернул в эту сторону ветер, но к этому времени уже произошел общий спад радиоактивности, и это несколько спасло Киевскую область от большого радиоактивного загрязнения».

Официальное решение об эвакуации было принято утром 27 апреля. До этого местное население защищали от ионизирующего излучения тем, что мыли город из поливальных машин, да детям в школе раздавали йодистые таблетки. Не очень организованно и не объясняя толком причин, к вечеру разнесли таблетки по квартирам. Велели запить их молоком и закрыть в доме все форточки.

Александр Юрьевич Эсаулов, заместитель председателя горисполкома г. Припяти [Из книги Юрия Щербака «Чернобыль»]:

«Ночью меня подняли, двадцать шестого, где-то в четвертом часу. Звонила Мария Григорьевна, наш секретарь, сказала: «Авария на атомной станции». Какой-то ее знакомый работал на станции, он пришел ночью, разбудил ее и рассказал.

Без десяти четыре я был в исполкоме. Председателя уже поставили в известность, и он поехал на атомную станцию. Я сейчас же позвонил нашему начальнику штаба гражданской обороны, поднял его в ружье. Он жил в общежитии. Прилетел сразу. Потом председатель горисполкома приехал, Волошко Владимир Павлович. Мы собрались все вместе и стали обсуждать, что делать.

Мы, конечно, не совсем знали, что делать. Это, как говорится, пока жареный петух не клюнет. Я вообще считаю, что у нас гражданская оборона оказалась не на уровне. Но тут просчет не только наш. Назови мне город, где ГО поставлена на должную высоту. У нас проводились до этого обычные учения, да и то все игралось в кабинете. Тут еще и такой момент надо учесть: даже теоретически подобная авария исключалась. И это внушалось постоянно и регулярно...

...Ну вот. Поехал я в наше АТП, решил организовать мойку города. Позвонил в исполком Конныхину, попросил прислать моечную машину. Пришла. Это же песня! На весь город у нас было — не поверишь — четыре поливо-моечных машины! На пятьдесят тысяч жителей! Это несмотря на то, что исполком и горком — у нас были очень задиристые и тот и другой — выходили на министерство, просили машины. Не предвидя аварии, а просто для того, чтобы в городе поддерживать чистоту.

Приехала машина с баком, где они ее откопали — не знаю. Шофер был не ее родной и не знал, как насос включить. Вода из шланга лилась только самотеком. Я его погнал обратно, он приехал минут через двадцать, уже научился включать этот насос. Мы стали мыть дорогу возле заправки. Сейчас я уже понимаю задним числом, что это была одна из первых процедур пылеподавления. Вода шла с мыльным раствором. Потом оказалось, что это как раз было очень загрязненное место».

Было решено вывозить людей автобусами прямо от подъездов жилых домов. Организация вывоза легла в основном на органы внутренних дел. Весь город был поделен на секторы, и в ночь на 27 апреля участковые милиционеры вместе с сотрудниками паспортного стола совершили подворный обход всех жилых домов. Было определено количество жителей, проживающих в каждом подъезде, составлены соответствующие карточки. Расчеты показали, что в городе 160 домов с 540 подъездами. Общее число жителей составило 47 000 человек, из них 17 000 детей и 80 лежачих больных.

Вспоминает помощник заместителя Председателя Совета Министров СССР Б.Н. Мотовилов [Из книги «Уроки Щербины» Владимира Григорьевича Чирскова, министра строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР]:

«А в том, что эвакуация неизбежна, большинство членов [Правительственной — рег.] комиссии стали склоняться уже где-то к полуночи

Эвакуацию контролировали военные

26 апреля. Тогда более или менее точно определилась радиационная обстановка в городе.

Борис Евдокимович объявил перерыв в работе Комиссии и крепко задумался. Уединившись в одном из кабинетов Припятского горкома партии, он через меня последовательно приглашал к себе ученых-атомщиков (В.А. Легасова, В.А. Сигоренко и др.), медиков (в составе Комиссии был первый замминистра здравоохранения СССР Е.И. Воробьев), военных, местных руководителей и после 1,5–2 часов такой напряженной работы вновь собрал Комиссию на заседание. В полном составе. К тому времени закончились эти бесконечные сутки 26 апреля 1986 г., шли первые часы нового дня.

Итак, решение об эвакуации 50-тысячного города было принято, началась его практическая реализация. Следует сказать, что по предложению Председателя Совмина Украины А.А. Ляшко, еще до принятия решения об эвакуации (на случай, если оно будет принято), из Киева в сторону Припяти начала двигаться колонна пассажирских автобусов и грузовых автомобилей, приспособленных для перевозки людей. К утру 27 апреля эти автобусы (около 700 единиц) и примерно 150 грузовиков выстроились многокилометровой колонной от Припяти в сторону Чернобыля, районного центра одноименного района Киевской области (между Чернобылем и Припятью 19 км).

Таким образом, транспортом для эвакуации людей мы были обеспечены. Оставалось главное — оповестить население, причем сделать это так, чтобы не спровоцировать панику. Щербина поручил мне подготовить текст обращения к жителям города. Это, казалось бы, несложное поручение превратилось в очень непростую проблему. Трудность заключалась в том, что

надо было убедить людей не брать с собой ничего лишнего, кроме документов, денег и минимума личных вещей, а этого можно было достигнуть только пообещав, что все вернутся в свои квартиры буквально через несколько дней. Комиссия прекрасно понимала, что все будет не так, что жители города не вернутся в него никогда или в лучшем случае смогут побывать в своих квартирах через много месяцев на короткое время, но было принято единодушное решение искажать в обращении истинное положение вещей.

Кстати, это обстоятельство впоследствии вызвало ожесточенную критику в средствах массовой информации, а также и в книгах отдельных авторов, писавших о Чернобыле. Но я уверен, что никому из тех, кто принимал решение об эвакуации, не в чем себя упрекнуть. Уверен также, что стоило лишь нам заявить, что Припять будет брошена навсегда, мы бы наверняка сорвали проведение эвакуации со всеми вытекающими последствиями.

Конечно, можно сегодня обвинять Правительственную комиссию и ее председателя в массовом обмане людей, но это был тот случай, когда этот обман был неизбежен, необходим».

Из книги Председателя Совета Министров СССР Николая Ивановича Рыжкова «Перестройка: история предательства»:

«Когда мы с Лигачевым прилетели в Киев, то оказалось, что ни первый секретарь ЦК Компартии Украины Щербицкий, ни его ближайшие соратники за эти уже долгие дни ни разу не удосужились побывать в зоне бедствия! Нас ждали! Единственной из высшей власти, побывавшей до нас в Зоне, была Валентина Семеновна Шевченко — Председатель Президиума Верховного Совета республики. Видно, женщины быстрее откликаются на беду.

Штаб Правительственной комиссии осел в здании райкома партии. Нас уже ждали. Об обстановке коротко рассказали Щербина, Легасов, Майорец, Велихов, председатель Госкомгидромета Израэль. Потом медики выступили, химики о своих проблемах, а вернее, об общих.

Легасов в воспоминаниях абсолютно прав: мы во всем ориентировались только на мнение специалистов. Но был вопрос, который предстояло решить именно нам. Мне. На стол легла крупномасштабная карта, на которой нанесена была неровная уродливая клякса — Зона опасного радиоактивного поражения, откуда следовало эвакуировать жителей. Если ткнуть иглой циркуля в точку с надписью «Чернобыль» и провести окружность радиусом 30 километров,

то самые глинные и тонкие «языки» Зоны уперлись бы в нее. Правда, в очередном круге оставались и не попавшие в Зону места, где уровень радиации, по представленной информации, позволял жить...

Все ждали решения. Ошибиться было нельзя.

— Эвакуировать людей будем из 30-километровой зоны!

— Из всей? — переспросил кто-то.

До этого спорили, предлагали: давайте не станем торопиться, еще раз уточним границы Зоны. Их же все-таки с некоторым запасом определяли. К тому же вертолетная радиационная разведка — а иной там нельзя было провести — не самая точная.

Всегда любил поговорку: семь раз отмерь... Увы, но в тот момент она не подходила к ситуации. Времени не оставалось семь раз отмерять — следовало торопиться. Экономить, выгадывать на эвакуации, на здоровье людей — этого я ни понять, ни принять не мог. Лучше перестраховаться, а то как бы потом не просто дорожке, а хуже для людей не вышло...

— Из всей! — решительно подвел я черту. — И начинать немедленно».

27 апреля в 13 часов 10 мин по местному радио было передано сообщение Припятского горисполкома об эвакуации населения. К этому времени на второстепенных дорогах в районе города Чернобыля было сосредоточено более 1200 автобусов (из них 100 — резервных) и примерно 200 бортовых грузовых автомобилей. На железнодорожной станции Янов подготовили два дизель-поезда на 1500 мест.

Объявление об эвакуации из Припяти:

«Внимание, внимание! Уважаемые товарищи! Городской совет народных депутатов сообщает, что в связи с аварией на Чернобыльской атомной электростанции в городе Припяти складывается неблагоприятная радиационная обстановка. Партийными и советскими органами, воинскими частями принимаются необходимые меры. Однако, с целью обеспечения полной безопасности людей и, в первую очередь, детей, возникает необходимость провести временную эвакуацию жителей города в населенные пункты Киевской области. Для этого к каждому жилому дому сегодня, двадцать седьмого апреля, начиная с четырнадцати часов, будут поданы автобусы в сопровождении работников милиции и представителей горисполкома. Рекомендуется с собой взять документы, крайне необходимые вещи, а также, на первый случай, продукты питания.

Мощность дозы по одному из пунктов наблюдения в городе Припяти

[Источник: «Чернобыльская радиация в вопросах и ответах», И.Л. Абалкина, С.В. Панченко, ст.н.с. ИБРАЭ РАН]

Время измерения	26 апреля 03 ч 00 мин.	26 апреля 12 ч 00 мин.	26 апреля 22 ч 00 мин.	27 апреля 07 ч 00 мин.	27 апреля 13 ч 00 мин.	27 апреля 21 ч 30 мин.	28 апреля 19 ч 00 мин.
Мощность дозы, мР/ч	14,4	14	61	200	540	540	400

Все жилые дома на период эвакуации будут охраняться работниками милиции. Товарищи, временно оставляя свое жилье, не забудьте, пожалуйста, закрыть окна, выключить электрические и газовые приборы, перекрыть водопроводные краны. Просим соблюдать спокойствие, организованность и порядок при проведении временной эвакуации».

В 13 часов 50 минут жители города были собраны у подъездов своих домов. В эти часы мощность дозы радиоактивного излучения достигла максимума и держалась на этом уровне еще не менее суток.

В 14 часов к подъездам были поданы автобусы, началась посадка. Затем в сопровождении машин ГАИ колонны из 20-ти автобусов и пяти грузовых машин направились в путь до пунктов дезактивации в Ивановском, Вышгородском и других районах Киевской области, а оттуда — в места расселения в деревнях.

В 16 часов 30 минут эвакуация города Припяти была практически завершена. Большинство людей вывезли на автобусах, часть — поездами и теплоходами. Некоторые отбыли на личном транспорте. Во время эвакуации было перекрыто движение судов на реке Припяти и закрыта железнодорожная станция Янов. Для эвакуации населения военными саперами был дополнительно наведен понтонный мост через реку Припять. По нему и прошла часть автобусов.

Юрий Николаевич Щербак в своей книге «Чернобыль» пишет: «Эвакуация. Массовый исход тысяч людей с насиженных мест поставил множество сложнейших проблем — организационных, бытовых, нравственных. Все было непросто, и одной розовой краской изображать эти события нельзя. Конечно, газеты тех дней, расписывая радушие, с которым встретили эвакуированных местные жители, не ввали. Это было, факт. Украинское Полесье, жители которого именуется полещуками, проявило свои вековые черты — мягкость и доброту, радушие и сострадание, желание помочь человеку, оказавшемуся в беде. Но это лишь половина правды. Ибо каждому должно быть понятно, какая кутерьма и суматоха воцарились в Полесском и Ивановском районах в начале мая. Родители искали детей, жены мужей, работавших в день эвакуации на атомной станции, со всех концов Союза в несуществующее уже отделение почты города Припяти летели тревожные телеграммы от родных и близких...

Эвакуация... Это правда, что проведена она была организованно и четко. Это правда, что мужество

и стойкость проявили большинство эвакуируемых. Все это так. Но разве только этим ограничиваются уроки эвакуации? Неужели снова начнем себя тешить и успокаивать полуправдой, закрывая глаза на горькие истины, открывшиеся в те дни? Разве организованностью и дисциплиной удастся закрыть, заглушить горькие вопросы тысяч людей? Вопросы, обращенные к тем, кто обязан был руководствоваться не холодным равнодушным расчетом трусливого чиновника, а горячим сердцем гражданина, патриота, коммуниста, ответственного за жизнь и здоровье своего народа, за его будущее — детей».

Вспоминает секретарь Припятского горкома комсомола Анелия Перковская [Из книги Юрия Щербака «Чернобыль»]:

«После эвакуации я еще оставалась в Припяти. Ночью, когда все уже выехали, вышла из горкома — город затемнен. Он вообще был просто черный, понимаете? Никакого света нигде не было, окна не светились... На каждом шагу военизированная милиция стоит, проверяет документы. Я как вышла из горкома, достала удостоверение, так и дошла до своего подъезда. Пришла — в подъезде тоже света нет, зашла в темную ночь — на четвертый этаж. У меня квартира уютная, но квартира уже как не моя.

В понедельник, двадцать восьмого, выехали мы в Варовичи, проводить партсобрание. Мы там целую ночь провели. Только приехала, начали переписывать по сельсоветам людей, возникла масса неясностей. Собрали, наконец, коммунистов, а потом комсомольцев. А на следующий день я поехала в Полесское, потом меня забрали в Иванов — там организовали штаб, там были наши люди: от горкома партии — Трианова, Антропов, Горбатенко, от исполкома — Эсаулов, от горкома комсомола — я.

Там работала с восьми утра до двенадцати ночи — и в штабе, и по селам ездила. Толпы людей, огни ищут своих детей, другие — внуков...

Дело в том, что не было никакой схемы вывоза, и мы не знали — в каких селах какие размещены припятские дома или микрорайоны. Я до сих пор не пойму: по какой схеме вывозили людей, кто куда выезжал? У нас в Полесском был список детей. Вот я звоню в сельсовет и спрашиваю: «У вас нет таких-то и таких-то родителей? Их дети ищут». А они мне могут сказать: «У нас

Карта 30-километровой зоны отчуждения вокруг ЧАЭС

Правительственной комиссией было принято решение об эвакуации населения из 10-километровой, а затем 30-километровой зоны вокруг ЧАЭС.

2–3 мая 1986 года было вывезено 10 000 человек. 4 мая началась эвакуация из 30-километровой зоны с территории Украины и Белоруссии. Проводилась она поэтапно. В Киевской области, например, сначала эвакуировали жителей Чернобыля и близлежащих населенных пунктов. Всего до середины августа 1986 года из 81 населенного пункта Украины было эвакуировано 90 784 человека. Около 25 000 человек было эвакуировано из 107 населенных пунктов Белоруссии. В России в зону отчуждения вошли 4 села Брянской области.

Зона отчуждения сегодня — это заповедная зона с административным центром в Чернобыле.

есть такие-то и такие-то дети, которые без родителей. Мы вообще не знаем, откуда эти дети». Сидишь и звонишь по всем сельсоветам. Иногда выяснялось, что в таком-то селе бабушка добрая сидела с чужим ребенком и никому ничего не говорила...».

Вспоминает Светлана Егоровна Толстихина, ныне жительница города Железнодорожского:

«Мы переехали в Припять в 1974 году по совету грузей. Город понравился сразу — красивый, ухоженный. В Припяти я получила двухкомнатную квартиру и родила ребенка.

Помню, что в ночь аварии мы спали и взрывов не слышали. 26-го нам никто ничего не сообщил. Моя сестра 22 апреля родила и находилась с малышом в роддоме. Мы с зятем пошли к ней, и она рассказала нам, что из больницы спешно выписали всех, кто мог передвигаться хотя бы на одной ноге, но ничего не объясняли. Мы тоже ничего не могли понять. Вечером стали разносить таблетки по квартирам.

В день эвакуации велели взять вещи и еду на три дня и стали подавать автобусы к подъездам, а мою сестру велели забрать из роддома самостоятельно и везти в Чернобыль. Я своего сына отправила с зятем, а сама поехала эвакуировать сестру. У водителя автобуса попыталась узнать, куда они направляются. Тот точного места назначения не знал, сказал лишь, что за 30 километров от Припяти.

К вечеру я забрала сестру, и мы вернулись с ней в ее припятскую квартиру переночевать. Оказались одни в целом опустевшем доме. Да еще с малышом на руках. Мне стало так страшно! А сестре я сказала, чтобы не расстраивать, что в доме еще остались жители. Помню, что во дворе всю ночь дежурили милиционеры. Я несколько раз выходила к ним: «Ребята, только не остав-

ляйте нас здесь одних!». «Не переживайте, мы не уйдем, пока все не уедут». Всю ночь эти молодые ребята самоотверженно охраняли покой опустевшего города. Какую дозу радиации они получили за время этого дежурства?

Утром они нас проводили и помогли добраться до Чернобыля. А там — солдатики на бронетранспортерах сидят. Боже мой, как война! Ночь мы там переночевали, а утром велели срочно забирать сестру и из Чернобыльской больницы. Куда нам ехать? В Белой Церкви жил брат моего зятя. Он военный. Я с трудом до него дозвонилась, и он приехал за нами. Но в сам Чернобыль его не пустили. Мы выбрались за 30-километровую зону, и оттуда он нас забрал. Я оставила у него сестру и ее малыша и поехала разыскивать своего ребенка.

Ни в одном из эвакуационных списков зятя и сына не оказалось. Я вернулась в Белую Церковь. Потом объехала все киевские больницы, а там только пожарные лежат. Такие, что страшно смотреть — все в белых целлофановых костюмах.

Снова обратилась в эвакуационный пункт, и они объявили моих родных в розыск. Искали около двух недель. Оказалось, что их поселили в отдаленном хуторе, где не было никакой связи — ни почты, ни телефона. Зять посадил моего сына на плечи, и они пешком стали выбираться оттуда самостоятельно. Долго шли в сторону Чернигова, где жила мать моего зятя. А мы уже искали у нее, незадолго до их прихода уехали оттуда. Бедная женщина тоже перепугалась — где же мой сын? Может, вы от меня что-то скрываете?

До деревни под Черниговом они добрались черные от грязи и усталости. А через день электричкой приехали к нам в Белую Церковь. 18 мая мы с сестрой и детьми улетели домой в Железнодорожское. Зять остался работать на ликвидации аварии.

Украинские власти убеждали меня, что лучше остаться там и вскоре получить квартиру в Киеве. На прощание сказали: «Намаетесь вы в России с жильем. Еще вспомните нас». Так оно и вышло. Сестра-то вскоре вернулась и быстро устроилась в Киеве, там они и живут сейчас. А для меня началось хождение по инстанциям. Правда, работу предоставили быстро — я в торговле всю жизнь отработала. А вот равноценное жилье получить я так и не смогла. Даже в Москву писала. С трудом добилась полторки вместо двухкомнатной. Потом долго не могла получить удостоверение чернобыльца. Из архива Железнодорожского таинственным образом исчезли мои документы, думаю, что ими кто-то воспользовался. Пришлось все восстанавливать.

Где-то в ноябре нам разрешили вернуться в Припять за документами. Наша квартира была про-

Въезд в Зону только по пропускам

верена дозиметристами и оказалась «чистой», но много ли увезешь с собой? Забрала сменную одежду, немного посуды.

До сих пор Припять помнится мне красивым и любимым городом, и я не хочу вернуться туда сейчас, чтобы увидеть его разрушенным. Хотя ключи от моей припятской квартиры храню до сих пор, рука не поднимается выбросить».

Вспоминает Ирина Витальевна Полюенко, ныне жительница города Железнодорожска:

«Во время эвакуации никакой паники не было. Нам сказали взять паспорта, а 1 мая пообещали возвращение. Продукты мы не брали. Выехали на своем автомобиле. По дороге пробило колесо, но вернуться нам уже не разрешили. Нас эвакуировали в Полесское сначала. Практически в чистое поле. Там солдаты готовили для нас еду и обеспечивали быт. Через некоторое время нам разрешили уехать. Наша семья вернулась домой в Железнодорожск. После разрешили забрать вещи из Припяти. Все было в полном порядке, никаких следов мародерства мы не увидели».

После 18 часов провели повторный обход Припяти и обнаружили около двух десятков человек, которые не захотели уезжать и спрятались в городе. В самые короткие сроки они были эвакуированы.

Припять полностью опустела не сразу. В городе остались работники коммунальных и других служб (они покинули его после проведения неотложных работ по консервации городского хозяйства), члены Правительственной комиссии, оперативные группы различных министерств и ведомств. Также здесь остался оперативный персонал, обслуживающий неотложные нужды АЭС, который насчитывал 150–200 человек. Люди занимались контролем состояния реакторов и консервацией оборудования. Но и они 28 апреля переехали в пионерский лагерь «Сказочный», расположенный примерно в 50 километрах

Чернобыльский набат

Сергей Дубинцов, г. Красноярск

— В апреле 86-го года мне было десять, я делал блестящую карьеру по пионерской линии и, конечно же, был неплохо политически подкован, так как читал газету «Пионерская правда», журналы «Следопыт» и «Юный натуралист», а самое главное — беспрепятственно смотрел телевизор, сколько мне вздумается. На следующий день после того, как новость о Чернобыле облетела газеты, мне нужно было выступать на школьной политинформации. По тому, как относились к теме взрослые, я уловил, что важнее темы на сегодня нет. Но в чем суть, каков масштаб трагедии — не понимал. Унылая черно-белая фотография с АЭС, на которой не сразу различишь разрушения, эмоций не вызывала. Сухой канцелярский стиль сообщения — тем более. Сейчас-то я понимаю, почему это так подавалось. Мы жили не на Западе, где утром, случись у них что-то подобное, «Бильд» дал бы своим читателям на всю первую полосу портрет кричащей от горя матери с заголовком «Обреченные на смерть». Аналитики «Нью-Йорк Таймс» не сообщили нам в тонкостях о том, какие страшные медицинские и экологические последствия придется расхлебывать всему континенту. «Си эн эн» не показало мне, дудинскому школьнику, как толпы беженцев на телегах и машинах, со всем своим унылым советским скарбом, корзинами, коровами и курами, в панике бегут, сами не зная куда. Мы не узнали про бледного солдатика срочной службы, которого ночью подняли с койки и бросили на передовую, на которой не будет выживших. Мы не задумались, каково ему было видеть это месиво из людей и пожитков с борта военного «газика», едущего в противоположном направлении. Нас, не втянутых в трагедию напрямую, сознательно делали равнодушными. Чернобыль — это что-то чужое и не про нас. И многие до сих пор думают так. К сожалению.

от ЧАЭС. В этот же день Правительственная комиссия, оперативные группы и штаб по ликвидации последствий аварии передислоцировались в Чернобыль.

Покинутый людьми город Припять был обнесен ключей проволокой и погрузился в долгий радиационный сон. А для бывших его жителей начался иной отсчет времени — «после аварии».

Зона отчуждения

Радиационная обстановка ухудшалась, и Правительственной комиссией было принято решение об эвакуации населения из 10-километровой, а затем и 30-километровой зоны вокруг ЧАЭС.

Эвакуация из 10-километровой зоны была начата в 18 часов 2 мая и закончена к 19 часам 3 мая. Из этой зоны было вывезено 10 000 человек.

4 мая началась эвакуация населения из 30-километровой зоны с территории Украины и Белоруссии. Проводилась она поэтапно. В Киевской области, например, сначала эвакуировали жителей Чернобыля и близлежащих населенных пунктов. Вывозили, как и припятчан, на автобусах и грузовиках. Было выделено также около полутора тысяч специальных автомобилей для перевозки скота.

К этому времени на границах Зоны были уже развернуты передвижные автозаправочные станции, пункты дезактивации транспорта и санитарной обработки населения.

Из книги Евгения Ивановича Игнатенко «Самые трудные дни»:

«3 мая началась эвакуация из 10-километровой зоны. Потянулись колонны с ревущим скотом, колонны грузовиков, заполненные клетками с разнообразной домашней птицей. Жители перевозились автобусами.

Зрелище, надо сказать, было угручающим, особенно когда 4 мая началась эвакуация из г. Чернобыля и прилегающих к нему крупных и богатых сел Залесье и Черевач.

Люди вели себя по-разному: одни были угрюмы в своей безысходности, другие были возбуждены. Многие, особенно старики, отказывались эвакуироваться, заявляя: «Немца пережили, переживем и радиацию».

По воспоминаниям очевидцев, в «первую неделю после аварии Чернобыль опустел, умер: все было заброшено, дома хранили следы поспешного бегства. Потом началось оживление — в город приехали строители, ликвидаторы...».

С 25 июля 1986 года эвакуированные могли вернуться в оставленные в спешке дома и забрать некоторые вещи и документы, но при условии, что дозиметрическая служба признает их пригодными к вывозу.

Дезактивация домов в 30-километровой зоне

Всего до середины августа 1986 года из 81-го населенного пункта Украины было эвакуировано 90 784 человека. Около 25 000 человек было эвакуировано из 107 населенных пунктов Белоруссии. Эвакуированных сначала разместили в гостиницах, санаториях, домах отдыха в близлежащих населенных пунктах, а затем расселили преимущественно в Киеве и Чернигове, а чуть более 1 000 семей — в Молдавии, Прибалтике и России.

Процесс самовольной репатриации начался практически сразу после эвакуации. Несмотря на решение Правительственной комиссии и высокий уровень радиации, все же часть эвакуированного населения вернулась в свои дома.

По данным сотрудника государственного предприятия «Чернобыльский радиэкологический центр» (ГСНПП «Экоцентр») Дениса Вишневого, работавшего в зоне отчуждения, все началось еще во время эвакуации: «Например, около сотни жителей с. Ильинцы отказались от эвакуации и исчезли из поля зрения эвакуационных штабов. Можно предположить, что в данном случае сказался богатый партизанский опыт, полученный местным населением во время войны».

В течение примерно двух лет в свои дома возвращались в основном люди преклонного возраста — жители сел и частного сектора Чернобыля.

В опросах самосёлы называли две основные причины возвращения — неустроенность на новом месте и тоска по родному дому.

Первое время жители сёл, как могли, скрывали своё пребывание, даже печи топили по ночам. Позже они, что называется, вышли из «подполья» и с упорством и терпением отстаивали своё право жить и умереть на родной земле.

Официальные власти ничего не могли противопоставить требованиям возвращенцев. С одной стороны, они нарушали закон и их действия подлежали соответствующим санкциям. С другой — их понимали, им

сочувствовали и уж точно не видели в них социальной опасности. Единственная акция принудительного выселения, которую милиция проводила в 1989 году, была прервана вмешательством личного состава одной из армейских частей, расположенных в этом районе. Таким образом, самосёлы стали неотъемлемой частью реальности зоны отчуждения.

По данным Чернобыльского РОВД, которые приводит в своем исследовании Денис Вишневский, весной 1987 года их было 1086, осенью — уже 1200 человек. Это было максимальное значение, дальше из года в год их число будет уменьшаться в результате выезда и естественной смертности. Выезжали всегда, но больше всего в 1989 — 1992 годах.

До 1992 года руководство Киевской области представляло жильё тем, кто изъявил желание покинуть Зону.

Денис Вишневский пишет: «В 1993 году произошла условная «легализация» самосёлов, что несколько разрядило их автономное существование. Главное, подключили к инфраструктуре — подвели свет и телефон (минимум один на село). Автолавка раз в неделю привозит некий минимум необходимого — соль, масло, спички и т. п. Раз в месяц — поездка на базар за Зону, в город Иванков. Ну и доставка пенсий само собой. Медицинское обеспечение состоит из спецмедсанчасти в Чернобыле и «скорой помощи». За селами закреплены участковые милиционеры. Радиационное состояние мест проживания самосёлов отслеживается в ходе выполнения радиационно-экологического мониторинга зоны отчуждения.

...Пожалуй, наиболее характерной чертой этих людей является полное отсутствие радиофобии. Система аргументов проста и ясна — «радиации не видно и не слышно», «кошка котят приносит много и нормальных», «на здоровье не жалуемся». Второй характерной чертой является самодостаточность — они не жалуются на власть и ничего у неё не просят. На всё смотрят с мудростью людей, имеющих большой жизненный опыт и сделавших свой очень важный жизненный выбор. Мир за Зоной для них как другой континент и его события они воспринимают достаточно абстрактно. Единственным связующим звеном с этим миром являются родственники.

Населённые пункты, где они проживают, условно делятся на три рабочие категории:

1. «Периферия» — 8 сёл с населением до 10 человек в каждом.
2. «Золотой треугольник» — 3 села с населением около 40 человек в каждом.
3. Город Чернобыль — население 100 человек.

В силу возраста самосёлов, вероятно, вначале опустеет периферия, а золотой треугольник и Чернобыль продержатся дольше. Но, в конце концов, будет перевёрнута и эта уникальная страница истории Полесья».

Из рассекреченных архивов КГБ СССР

СЕКРЕТНО
Справка

По состоянию на 26 июня 1986 года в 5 населенных пунктах Полесского района проживает 1881 человек, эвакуированных из г. Припяти. Из них 1644 человека расселены в пгт. Полесское. На предприятиях района трудоустроено 1481 человек.

Изучение обстановки в среде эвакуированных показало, что для них по-прежнему наиболее острой проблемой остается получение жилья. Она может значительно обостриться в связи с возвращением с отдыха матерей с детьми. Кроме того, эвакуированные высказывают требование о вывозе из г. Припяти оставленных ценных вещей, мебели, домашней утвари, который согласно утвержденному плану предполагается начать с 1 июля с.г.

Многие из эвакуированных являются высококвалифицированными специалистами, однако трудоустроить их на предприятиях Полесского района не представляется возможным. В связи с этим отдельные из них высказывают недовольство заработной платой, требуют трудоустроить по специальности.

В связи с поступающими сигналами о неудовлетворительном обеспечении эвакуированных продуктами питания, были приняты меры по наведению должного порядка. Установлено, что причиной отмеченных недостатков явилась, прежде всего, нераспорядительность некоторых работников райпотребсоюза, на что им указано.

В результате принятых мер отмечается заметное улучшение снабжения эвакуированных и населения района продуктами питания, прежде всего маслом, молоком, овощами. Проведенным обследованием были выявлены грубые нарушения правил, предъявляемых к оборудованию и содержанию источников водоснабжения. Многие артезианские скважины (обследовано всего 32) не оборудованы защитными зонами, в непосредственной близости от отдельных из них производилась мойка автотранспорта. Некоторые водонапорные башни не обвалованы, не герметизированы, верхние люки многих емкостей вообще отсутствуют. По данному вопросу информирован Полесский райком Компартии Украины и райисполком. Принимаются необходимые меры по наведению порядка.

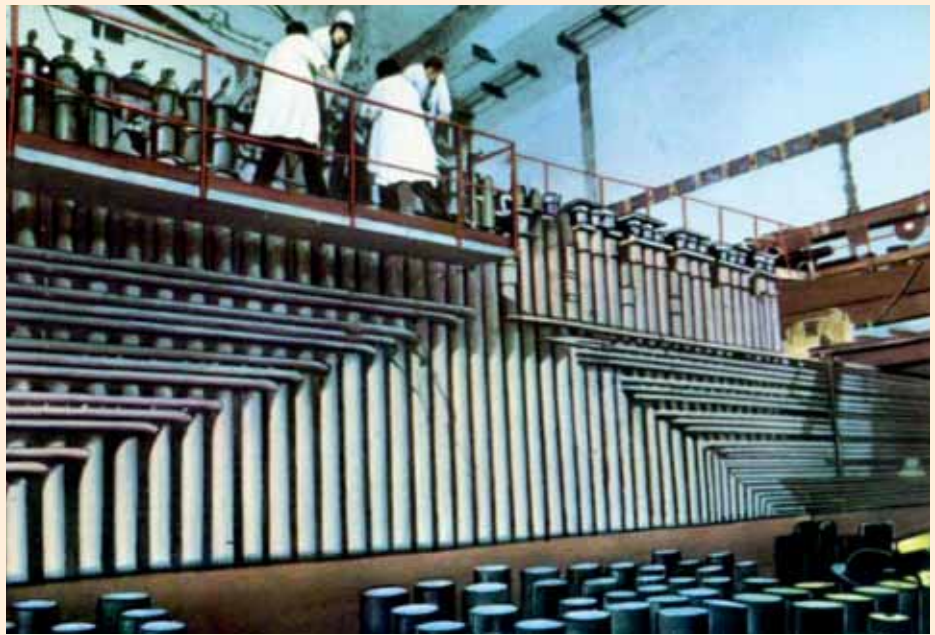
Многие жители Полесского района считают, что они работают в зоне повышенной радиации и в связи с этим должны получать двойную оплату труда, как это решено в отношении жителей г. Припяти и Чернобыльского района.

Начало ядерной энергетике было положено пуском 27 июня 1954 года первой в мире АЭС в городе Обнинске. На этой станции заработал каналный водографитовый реактор.

Сегодня каналные реакторы составляют заметную долю в атомной энергетике стран бывшего Советского Союза и России. Ими оснащены Ленинградская, Курская, Смоленская, Игналинская АЭС.

В настоящее время основным типом каналных водографитовых реакторов, используемых на отечественных АЭС, является реактор РБМК-1000. На данный момент серия этих реакторов включает в себя три поколения.

Установка верхних пароводяных коммуникаций реактора

РБМК-1000

Аббревиатура РБМК расшифровывается как **реактор большой мощности** каналный (иногда буква «к» трактуется как «кипящий»).

РБМК-1000 является реактором с графитовым замедлителем, модель которого была разработана в Советском Союзе. Он работает на обогащенном (2% уран-235) топливе, являющемся двуокисью урана. Это кипящий реактор, работающий на основе легкой воды с прямой подачей пара на турбины без промежуточного теплообменника. Вода закачивается в нижнюю часть топливных каналов и по трубам давления обеспечивает подачу пара, который вращает две 500-мегаваттные электрические турбины.

Вода служит в качестве охлаждающей жидкости и также является источником пара, который вращает турбины. Трубы вертикального давления содержат двуокись урана, защищенную циркониевым

сплавом, вокруг которого проходит охлаждающая жидкость. Специально разработанный механизм замены топлива обеспечивает подачу нового топливного материала без необходимости выключать при этом реактор.

Замедлитель, чья функция состоит в том, чтобы уменьшать скорость нейтронов и делать их более эффективными для расщепления топлива, состоит из графита. Между графитовыми блоками циркулирует смесь водорода и гелия, что сделано в основном для предотвращения окисления графита и для улучшения передачи тепла, производимого взаимодействием нейтронов и графита из замедлителя, в топливный канал.

Активная зона реактора представляет собой графитовую кладку из блоков сечением 250x250 мм. В центре каждого блока выполнено вертикальное

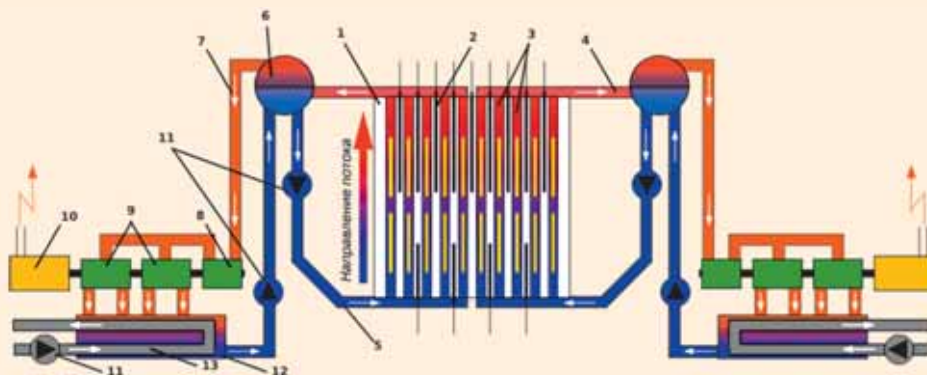

Схема энергоблока АЭС с реактором типа РБМК

- 1 — Графитовый замедлитель
- 2 — Стержни управления и защиты
- 3 — Технологические каналы
- 4 — Пар
- 5 — Вода
- 6 — Барабан-сепаратор
- 7 — Сухой пар
- 8 — Турбина высокого давления
- 9 — Турбины низкого давления
- 10 — Электрический генератор
- 11 — Циркуляционные насосы
- 12 — Охладитель (конденсатор)
- 13 — Вспомогательный водяной контур

О реакторах

Самая страшная проектная авария на уран-графитовом реакторе, которую могли предположить ученые до 1986 года - это потеря воды. Еще во время пуска первого промышленного реактора И.В. Курчатов написал: «начальникам смен ни при каких обстоятельствах не оставлять реактор без воды, иначе будет взрыв».

Охлаждающей воде в реакторе уделяется колоссальное внимание. На Горно-химическом комбинате в Железногорске, например, электропитание циркуляционных насосов реакторов резервировалось из трех независимых источников, и регламент предписывал при потере даже одного из них немедленно глушить реактор. Мало того, на случай внезапной потери сразу всех внешних источников стояла резервная электростанция на авиационных турбинах. А на случай «что бы вообще ни случилось», над агрегатом находился резервуар, откуда вода может самотеком поступать в реактор вообще без всяких насосов и обеспечить аварийное охлаждение активной зоны. Ни одна из этих систем за 52 года работы реакторов на ГХК не понадобилась, но они были и постоянно поддерживались в рабочем состоянии.

Именно на такую максимальную проектную аварию был рассчитан и реактор РБМК — разрыв трубопровода. Но в Чернобыле произошло все наоборот — воды было слишком много.

отверстие (канал), в которое помещается парогенерирующее устройство. Совокупность парогенерирующего устройства, кладки и элементов их установки называют **технологическим каналом**. Он включает в себя трубу, состоящую из центральной (циркониевой) части, расположенной в области графитовой кладки, и двух концевых частей, выполненных из нержавеющей стали.

Внутри центральной части трубы подвешивается тепловыделяющая сборка (ТВС), состоящая из двух последовательно расположенных пучков. Каждый пучок состоит из 18 стержневых твэлов наружным диаметром 13,6 мм, толщиной стенки 0,9 мм и длиной 3,5 м.

В нижнюю концевую часть трубы каждого канала поступает вода от главного циркуляционного насоса (ГЦН) и движется вверх, омывая пучки ТВС. При этом вода нагревается до состояния кипения, частично испаряется и с массовым паросодержанием примерно 15 % направляется в барабан-сепаратор. Здесь вода и пар разделяются: пар направляется в паровую турбину, а вода с помощью ГНЦ снова возвращается в технологические каналы.

Активная зона (графитовая кладка) окружается стальным герметичным кожухом и заполняется смесью гелия и азота при небольшом избыточном давлении. **Габариты активной части реактора** составляют примерно 7 метров в высоту и 12 метров в диаметре.

В реакторе предусмотрены четыре охлаждающих насоса, один из которых является запасным. **Реактивность или изменение мощности** реактора контролируется путем опускания или поднятия 211 контрольных стержней, которые находясь в активной зоне поглощают нейтроны и регулируют коэффициент их размножения.

Мощность этого реактора составляет 3200 мегаватт [термальных мегаватт] или 1000 электрических

мегаватт, хотя имеется и более крупный вариант аналогичного реактора, производящий 1500 электрических мегаватт.

Различные **системы безопасности**, такие как система аварийного охлаждения реактора (САОР), а также норма, предусматривающая минимальный оперативный запас реактивности (ОЗР), равный 30-ти контрольным стержням, были включены в технический регламент реактора с момента его создания.

Наиболее важная характеристика реактора РБМК состоит в том, что он обладает **«положительным топливным коэффициентом»**. Это означает, что если увеличивается мощность при уменьшении потока воды, то в таком случае увеличивается объем производимого пара в топливных каналах, с тем чтобы нейтроны, которые должны были бы быть поглощены более плотной водой, в таком случае обеспечивали бы большее расщепление ядерного топлива. Однако по мере увеличения мощности растет и температура ядерного топлива, и это имеет своим последствием сокращение притока нейтронов **«негативный топливный коэффициент»**.

Чистый результат этих двух противоположных характеристик реактора изменяется в зависимости от уровня мощности. На высоком уровне мощности при нормальной эксплуатации доминирующим оказывается **температурный эффект**, таким образом, увеличение мощности не ведет к чрезмерному перегреву ядерного топлива. Однако при работе реактора на низких мощностях, т.е. примерно менее 20 % максимума, положительный топливный коэффициент начинает играть доминирующую роль, и реактор становится нестабильным и способным выдавать неожиданные «вспышки» мощности. Это и было основным фактором, приведшим к аварии.

Диксон

Хатанга

Дудинка

Норильск

Игарка

Турханск

Туря

Вайгач

Северодвинск

Енисейск

Абакан

Красноярск

Ачинск

Катангуй

Уяр

Красноярский край

Красноярск

Красноярск

Красноярск

Красноярск

Красноярск

Красноярск

Красноярск

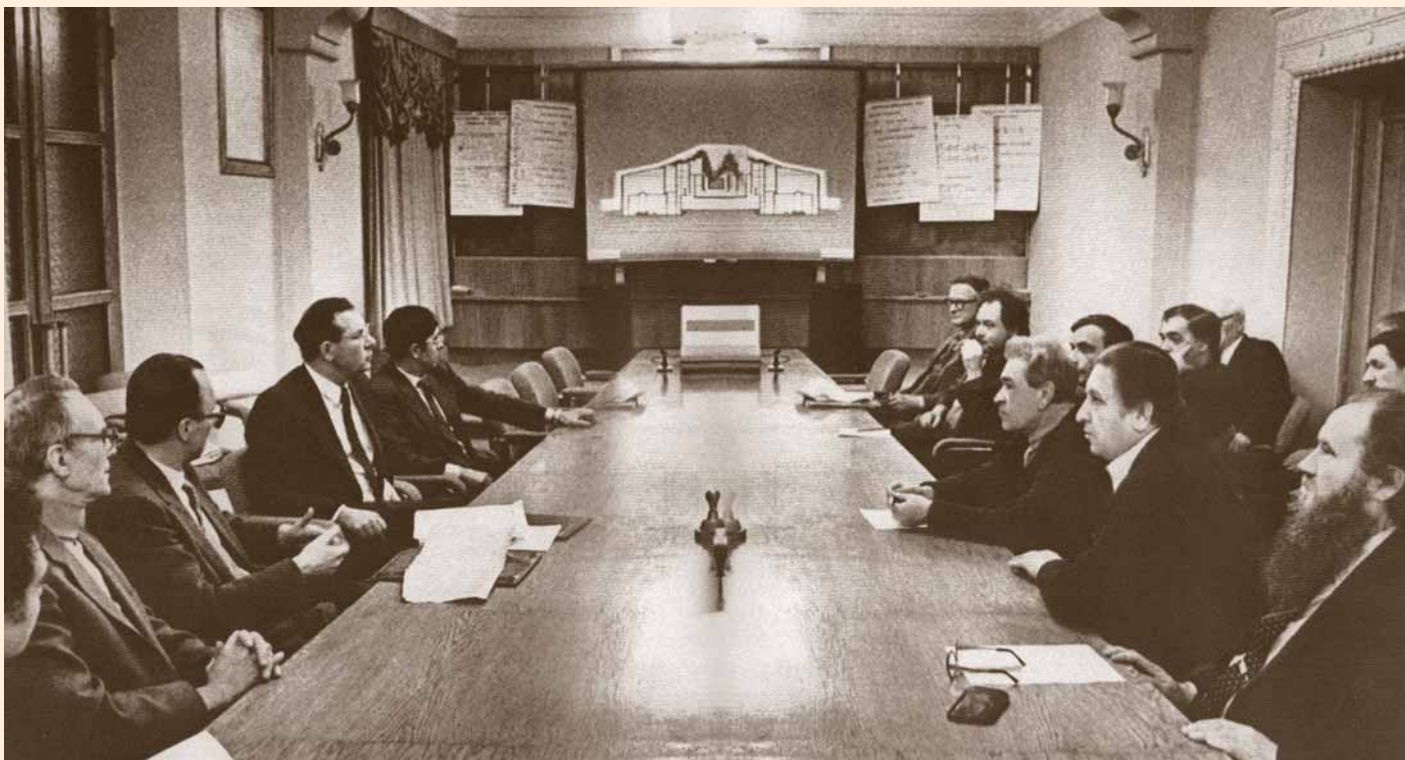
ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Вклад Красноярского края в ликвидацию последствий аварии на Чернобыльской АЭС

На ликвидацию последствий аварии ушло почти четыре года. В этой поистине героической эпопее приняли участие граждане всего Советского Союза. Точное количество ликвидаторов не известно, говорят о 600—800 тысячах человек. Не остался в стороне и Красноярский край.

Одними из первых из Красноярска в Чернобыль выехали специалисты НПО «Сибцветметавтоматика», строительных управлений «Сибхимстрой» и «Сибхиммонтаж» города Красноярска-26, УС-604 города Красноярска-45. Основную часть красноярских ликвидаторов, около 1600 человек, составили военнослужащие запаса и кадровые военные. В Чернобыль поехали врачи, повара, шофёры.

Красноярский край занял свое достойное место в ликвидации последствий катастрофы, направив в зону бедствия около 2600 человек.

Учёные ИАЭ им. И.В. Курчатова разработали научные рекомендации для аварийной ЧАЭС

Первые дни

Перечень самых первых действий советских государственных органов после катастрофы в кратком изложении выглядит так:

- создана Правительственная комиссия под председательством Б.Е. Щербины, сосредоточившая в своих руках все силы и средства страны, необходимые для локализации катастрофы и ликвидации ее последствий;

- образована Оперативная группа Политбюро ЦК КПСС по ликвидации последствий аварии под руководством Н.И. Рыжкова;

- для координации работ созданы республиканские комиссии в Белорусской, Украинской ССР и в РСФСР;

- организована работа областных штабов, штабов министерств и ведомств, оперативных групп МО СССР, начальников химических и инженерных войск, ГО СССР;

- создан Межведомственный координационный совет по проблемам Чернобыля при Президиуме АН СССР;

- разработана программа по консервации энергоблока № 4 ЧАЭС, защите водного бассейна от радио-

активных веществ, дезактивации загрязненной территории, пуску 1-го, 2-го, 3-го энергоблоков ЧАЭС.

Правительственная комиссия определила основной объем работы: локализация катастрофы, контроль за радиационной обстановкой, дезактивационные работы, строительство укрытия, защита населения. Затем начались работы по очистке территории и захоронению разрушенного реактора.

От Правительственной комиссии ждали немедленных и эффективных действий. Но не все было так просто. Наиболее сложными в решении были вопросы, связанные с ядерным топливом, а именно: ядерная тепловая и радиационная опасности.

Ядерная опасность — это возникновение цепной реакции. Но уже не управляемой человеком, как в реакторе, а самопроизвольной.

Значительный вклад в ликвидацию последствий аварии на ЧАЭС внес Институт атомной энергии им. И.В. Курчатова (ИАЭ) — разработчик реактора РБМК. Уже в первый день после взрыва группа курчатовцев — В.А. Легасов, А.К. Калутин, Е.П. Рязанцев, Л.П. Федуленко — была в Чернобыле. Именно эти физики-профессионалы сделали заключение,

1. ИТР, начальники смен и прорабы УС-605 после награждения в День строителя. 10.08.86 г.
2. После аварии Чернобыльский район стал запретной зоной
3. У памятника героям ВОВ в Чернобыле
4. Командование в/ч 55237 в районе ликвидации аварии

Фото из альбома красноярского ликвидатора Ивана Викторовича Усевича.

Имя - Чернобыль

Чернобыль в наших сердцах
Апрель, 26

Чернобыль 10 лет назад
Я помню, как ни странно,
Похожим был на дивный сад -
Цвели черешня и каштаны.

Лягушки квакали в прудах,
Летали в небе птицы.
И жили в каменных домах
Красавицы-девицы.

Веселый праздник Первомая
Готов был город встретить.
Своих ударников труда
Торжественно отметить.

Жизнь мерно шла, без суеты,
Красиво и богато.
Как воплощение мечты
Работал мирный атом.

АЭС в Чернобыле была
Объектом гордости народа,
Никто не ведал и не ждал
Беды чудовищной прихода...

Мне испытать ее пришлось
С надеждой - Бог поможет...
Когда в реакторе рвалось,
Никто не верил, - быть не может!

Но пламя страшного огня
До самых дальних звезд взметнулась.
И мать-страдалица Земля,
От боли содрогнулась.

Вода, земля, дома и лес -
Все стало в миг радиоактивно...
День после взрыва на ЧАЭС,
Стал днем трагедии всемирной.

Виталий Горелик, г. Красноярск

что продолжение цепной реакции невозможно.

Сразу же после катастрофы в ИАЭ заработали группы физиков, дозиметристов, специалистов по ядерному топливу. Это был штаб по выработке научных рекомендаций для высших государственных звеньев управления.

Другой не менее важной задачей, стоявшей перед Правительственной комиссией, был бушующий пожар внутри разрушенного реактора, выбрасывающий в атмосферу радиоактивные вещества. Горела активная зона реактора 4-го энергоблока. Под угрозой находились обширные территории с множеством населенных пунктов. Надо было задержать, хотя бы временно, поступление в окружающую среду выделяющихся радиоактивных продуктов, особенно короткоживущих радиоактивных изотопов.

На основе коллективных научных консультаций, в которых участвовали ведущие ученые страны, было принято решение о заглушке реактора с воздуха набором различных веществ. Такое решение было одобрено Правительственной комиссией и принято 27 апреля в 8 часов утра.

В качестве одного из компонентов такого вещества было решено использовать песок. Во-первых, потому, что его было в избытке, во-вторых, он был способен физико-химическим взаимодействием связать или замедлить выход в атмосферу наиболее опасных радиоактивных изотопов цезия, стронция, редкоземельных элементов, подгруппы циркония, урана и плутония, задержать поступление аэрозолей топлива в атмосферу. По расчетам, для засыпки толщиной в один метр необходимо было около 50 000 мешков вещества-поглотителя. Единственным средством доставки мешков к аварийному реактору и его засыпки признавались вертолеты. Других средств на данный момент просто не существовало.

Одновременно с песком сбрасывали борную кислоту (как поглоти-

Председатель Совмина СССР Н.И. Рыжков в Чернобыле

тель нейтронов), доломитовые глины и свинец. Свинец как вещество, имеющее большую, чем ядерное топливо, плотность и достаточно высокую температуру кипения (более 1700° С), проникая через остатки активной зоны реактора, должен снижать ее температуру, образовать жидкую линзу под ней и тем самым воспрепятствовать проплавлению конструкционных материалов на нижних отметках. Это должно было предотвратить проникновение высокорadioактивного расплава под фундамент реакторного отделения.

Практическое выполнение задач по засыпке реактора легло на плечи вертолетчиков под руководством начальника штаба ВВС Киевского военного округа Н. Т. Антошкина.

Боевые летчики, за плечами которых был Афганистан, теперь героически сражались с радиацией. В период с 27 апреля по 2 мая ими было совершено 1800 вылетов, доставлено 1780 тонн песка, 900 тонн доломита, 2400 тонн свинца, 40 тонн борной кислоты. К 6 мая выбросы радиоактивности значительно снизились.

О самоотверженном труде вертолетчиков по засыпке реактора Правительственная комиссия в протоколе от 2 мая записала: «Отметить высокую организацию работ, проведенных ВВС в период с 27 апреля по 2 мая на Чернобыльской атомной электростанции, самоотверженность, проявленную личным составом, высокие личные качества и инициативу генерал-майора Н. Т. Антошкина».

Вспоминает бывший генеральный директор производственного объединения «Комбинат» Евгений Иванович Игнатенко [Из книги Е.И. Игнатенко «Самые трудные дни» научно-публицистической монографии «Чернобыль: Катастрофа. Подвиг. Уроки и выводы»]:

«28 апреля после обеда первые мешки с песком стояли на намытом под расширение г. Припяти пляже, и вертолет расположился на клумбе около речного вокзала. После загрузки первой партии мешков, состоящей всего из шести штук, он отправился их метать. Как же много оставалось еще от этих первых шести до 50 тысяч штук, которые надо было сбросить на цель! Вскоре экипаж вернулся и доложил попадание 100 %. Как всегда, мне самому захотелось посмотреть, как это делается, и проверить результат. В это время как раз прибыли грузовики с борной кислотой, которые в соответствии с вчерашним указанием нам доставили. Было уже примерно 16 часов. Борную кислоту в мешках выгрузили около той же клумбы. Новую партию из 6 мешков загрузили в винтокрылую машину. Я поднялся в вертолет, и мы взяли курс в сторону четвертого блока, который был хорошо виден вблизи.

..Антошкину удалось отлично организовать засыпку реактора песком. Заработала знаменитая авиационная «карусель» в исполнении летчиков, по 2—3 раза побывавших в Афганистане. Вертолеты с подвешенными на бомбосбрасывателях тормозными парашютами, наполненными мешками с песком, один за другим выходили на центральный зал (реактора) четвертого блока, над которым они освобождались от своего груза. Действия их направлялись корректировщиками, расположившимися на крыше гостиницы «Полесье» г. Припяти, — оттуда хорошо просматривался четвертый блок со столбом дыма над ним и подходы к нему».

Вертолёт вернулся с очередного задания

Вспоминает бывший начальник штаба ВВС Киевского военного округа генерал-майор авиации Николай Тимофеевич Антошкин [Источник: «Независимое военное обозрение»]:

«В составе группировки вначале было почти 80 машин. Они базировались на оперативных аэродромах Чернигов, Гончаровское, Овруч. На полевом аэродроме в Малейках организовали дезактивацию авиатехники. Насколько мне известно, сейчас там осталось кладбище вертолетов и двигателей. Бориспольскую вертолетную эскадрилью я использовал только для доставки пассажиров и грузов из Киева и Жульян. Для аэрофотосъемки задействовали также специальные самолеты Ан-30.

Каждое утро вертолеты перелетали с оперативных аэродромов на три площадки, расположенные вблизи АЭС. На каждой находились машины только одинакового типа. Это было обусловлено технологией их загрузки, а также методикой выполнения полетов по наиболее эффективным схемам заходов.

...Работа шла слаженно. На каждой площадке имелся свой руководитель полетов и бригадир с радиостанцией, который распоряжался группами рабочих. Заготовка и подвоз грузов в основном осуществлялись заблаговременно, в ночное время. Авиация на ночь на площадках не оставалась. По окончании рабочего дня вертолеты перелетали для дезактивации на аэродром Малейки, а оттуда — на свои оперативные аэродромы».

Вскоре в 30-километровую зону вокруг ЧАЭС стали прибывать специалисты, командированные для проведения работ на аварийном блоке и вокруг него, а также воинские части, как регулярные, так

и составленные из срочно призванных резервистов. Их всех позднее стали называть «ликвидаторами».

Ликвидаторы работали в опасной зоне посменно: те, кто набрал максимально допустимую дозу радиации, уезжали, а на их место приезжали другие. Основная часть работ была выполнена в 1986—1987 годах, в них приняли участие примерно 240 000 человек. Общее количество ликвидаторов (включая последующие годы) составило около 600 000.

Во всех сберкассах страны был открыт «счёт 904» для пожертвований граждан, на который за полгода поступило 520 миллионов рублей.

ГАЗЕТНЫЕ ХРОНИКИ / «Красноярский рабочий», июнь, 1987 г.

Это и наша боль

Сегодня в Красноярске начинаются гастроли ансамбля «Песняры». Накануне в коллективе состоялось собрание. На нём артисты решили дать в нашем городе дополнительный концерт,

средства от которого перечислят в фонд пострадавшим от аварии на Чернобыльской АЭС.

Концерт состоится 6 июня в Большом зале Красноярской филармонии. Её творческие коллективы тоже восприняли беду, случившуюся в

Чернобыле, всем сердцем. Работники искусства постановили перечислить в фонд помощи свой однодневный заработок и перечислить деньги, полученные от ряда концертов.

Л. Винская

Плац воинской части 41173, июнь 1986 г., второй слева — краснорец А. В. Вахлюев

В дело вступает армия

Звонок председателя Совмина Николая Ивановича Рыжкова маршалу Советского Союза Сергею Федоровичу Ахромееву запустил в действие огромный механизм вооруженных сил Советского Союза. Вслед за вертолетчиками Припятский «фронт» пополнил свои ряды войсками радиационной, химической и биологической защиты (РХБЗ). Именно они, а также инженерно-строительные части стали основной армейской группировкой под Чернобылем.

Из книги председателя Совета министров СССР Николая Ивановича Рыжкова «Перестройка: история предательства»:

«Министра обороны С. Л. Соколова на месте не оказалось — в командировке. Дозвонился до начальника Генерального штаба маршала С. Ф. Ахромеева. Я рад был, что именно он взял на себя организацию переброски требуемых воинских частей к АЭС. Мне нравились его

педантичная четкость, немногословность, умение уходить от суеты и паники даже в самых трагических ситуациях, делать то, что нужно сию минуту, и не размениваться на пустяки. Казалось бы, чему тут удивляться? Военный же человек! К сожалению, я встречал и других военных. Не знаю, кому и какие приказы он отдавал, но уже к воскресному утру в Чернобыле были и вертолетчики, и химики. Утром же прилетел туда и командующий химическими войсками генерал В. К. Пикалов. Впоследствии за ликвидацию этой аварии он заслуженно получил звание Героя Советского Союза».

Уже утром 27 апреля в Чернобыле под руководством начальника химических войск Вооруженных сил СССР генерал-полковника Владимира Карповича Пикалова заработала Оперативная группа министерства обороны СССР, в которую вошли офицеры управления химических войск, Военной академии химической защиты.

По распоряжению Пикалова, ближайшие части химических войск были подняты по тревоге и выдвинулись к месту катастрофы, но для прибытия, развертывания, организации работы им нужно было время. А времени как раз не было. Тогда генерал Пикалов лично сел за рычаги разведывательной машины РХМ «Кашалот» и вместе с механиком-водителем произвел радиационную разведку местности вокруг Чернобыльской АЭС, выявил направление распространения радиации и движения радиоактивного облака. На месте механика-водителя сидел доброволец из солдат срочной службы, которому генерал объяснил как ответственность, так и опасность предстоящей разведки. Когда к месту катастрофы подошли первые воинские подразделения, схема наиболее опасных участков местности была уже готова, что позволило с ходу приступить к выполнению боевых задач.

Радиационная разведка силами химических войск велась сначала непосредственно на территории АЭС, затем — в прилегающих районах. Три раза в сутки снимались уровни радиации в 29-ти, а затем в 750-ти точках. При этом военнослужащим зачастую приходилось покидать бронированную спецмашину, накапливая дозу радиации.

Совместно с авиацией военные химики провели операцию «Крест» по измерению суточного выброса из кратера 4-го энергоблока. В ходе этой операции вертолеты поднимались в небо 70 раз. По общей команде они крестообразно забирали пробы воздуха на расстоянии до 2-х километров. Это позволило правильно спрогнозировать выпадение радионуклидов в удаленных районах.

Особое место в чернобыльской Оперативной группе вооруженных сил принадлежит Военному научно-исследовательскому испытательному институту химических войск министерства обороны (современное название — 33 ЦНИИИ МО РФ). Среди военнослужащих его называют «Шиханы», по месту дислокации института в Саратовской области.

Военные работали на всех объектах Чернобыля. Первый справа – красноярец А.И. Русских

На военном объекте «Шиханы» разрабатывали и испытывали средства защиты от оружия массового поражения, рецептуры для специальной обработки вооружения и военной техники, технические средства специальной обработки и РХБ разведки, а также маскирующие и огнеметно-зажигательные составы и технические средства. Все это было необходимо для обеспечения деятельности Вооруженных сил в военный период времени.

Вполне естественно, что о Шиханском институте вспомнили уже 26 апреля. Вскоре из Шихан тяжелыми транспортными самолетами в район Чернобыля была доставлена спецтехника и передовая группа химиков 122-го мобильного отряда, которую возглавлял командир отряда подполковник Н. А. Выбодовский.

122-й мобильный отряд, численностью несколько сотен человек, был специальным подразделением, военнослужащие которого изначально готовились к ликвидации возможных катастроф подобного рода. В Чернобыле они выполняли задачи на спецмашинах с высоким уровнем защиты, которые позволяли работать при радиации свыше 100 рентген в час.

По данным, представленным в монографии Анатолия Дьяченко «Чернобыль: долг и мужество», в мае в зараженной зоне были развернуты 2 бригады, 7 полков и 3 отдельных батальона химической защиты. Общая группировка химических войск к концу месяца превысила 10 000 человек.

Вспоминает руководитель операции по удалению высокорadioактивных элементов из особо опасных зон Чернобыльской АЭС генерал-майор Николай Дмитриевич Тараканов [Николай Тараканов «Чернобыль: солдаты и генералы»]:

Имя - Чернобыль

«Практически все, кто работал на АЭС, имели возможность, сами того не зная и не замечая, нахвататься радиоактивной гряди выше разумных пределов. Но прежде чем посылать солдат на всякие работы, офицеры, особенно химики, шли первыми, замеряли уровни и составляли картограмму радиоактивного заражения местности, объектов, оборудования и прочее. А разве было возможно все это облечение учесть?».

Армия работала на всех объектах Чернобыля. Занималась дезактивацией, очисткой крыши, обеззараживанием населенных пунктов, вырубкой «грязных» лесов.

Николай Дмитриевич Тараканов: «Я вполне ответственно заявляю, что основная тяжесть работы по оценке радиационной обстановки, вплоть до взятия десятков тысяч проб грунта, воды, легла на армию. В этих операциях я много раз лично участвовал и руководил этими работами. Результаты исследований докладывались регулярно шифровкой в соответствующие инстанции. Наиболее правдивая и полная карта радиационной обстановки была подготовлена нами».

Дезактивация проводилась в гигантских масштабах. В среднем на каждом пункте ежедневно обрабатывалось 200–400 единиц техники и 350–550 человек личного состава. Только в 1986 году было дезактивировано 373 тонны одежды различных видов, а санитарной обработке подвергнуто за это же время более миллиона человек.

Когда стала ясна масштабность работ по ликвидации аварии, ЦК КПСС и Совет министров

Чернобыль в наших сердцах
Апрель, 26

Я призван был – солдат –
служить под боевое знамя.
Мне доля выпала тушить
Прожорливое пламя.

Осколки взрыва хоронить
В карьерах и обвалах,
И стены наспех возводить
Стального саркофага.

Не ради денег и наград
Трудились, отдыха не зная,
Десятки тысяч нас – солдат,
Летели из родного края.

С Кудани, Томска, Костромы,
Хабаровска, Кавказа...
Все честно исполняли мы
Команды и приказы.

Потери нес наш славный полк
В борьбе со злой бедою.
Мы с честью выполнили долг
Перед страной родною.

Не наша, в общем-то, вина,
В том, что она распалась.
И что гражданская война
С Афгана нам досталась.

И что в громаднейшей стране
Для многих нет работы,
И накормить своих детей
Не может часто кто-то...

Не наша, в общем-то, вина
Что корчимся от боли,
И отказаться от вина
Нам не хватает воли.

Прости же, Господи, прости
Друзей безвременно умерших!
Не брось на жизненном пути
Детей осиротевших.

Виталий Горелик, г. Красноярск

Красноярец Е. И. Чадин. Полевой военный лагерь в/ч 41173. 1987 г.

СССР приняли постановление № 634—188 от 29 мая 1986 года о призыве военнообязанных запаса на специальные учебные сборы сроком до 6 месяцев.

В августе 1986 года Чернобыльская группировка войск насчитывала около 40 000 человек, в следующем году она поддерживалась на уровне 20 000 человек. В дальнейшем количество военнослужащих в районе ликвидации последствий катастрофы постепенно уменьшалось вплоть до завершения крупномасштабных работ в 1990 году, когда с Вооруженных Сил по постановлению Совета Министров были сняты основные задачи.

Военнослужащий срочной службы Александр Баранов, уроженец Сухобузимского района, в момент аварии служил в Белоруссии, в полку гражданской обороны. 19-летний солдат находился в палаточном городке Брагинского района Гомельской области. Именно эта территория значительно пострадала от радиоактивного выхлопа 4-го энергоблока.

Александр Александрович рассказывает, что солдаты об аварии узнали практически сразу. Русскоязычная радиопрограмма «Голоса Америки» была вполне доступна — граница с западным миром проходила в сотнях километров. «Через день нас подняли по тревоге, загрузили технику, и вперед», — вспоминает Александр Баранов. Военных не жалели. Их бросали то на дезактивацию местности, то на санитарную обработку людей. Были и «высокие миссии».

Однажды 259-й полк готовил вертолетную площадку к прибытию в Чернобыль министра обороны Соколова. Все шло благополучно, прилет-отлет. Однако в конце своего визита министр достал дозиметр — на площадке оказался высокий радиоактивный фон. Это привело к скандалу.

Молодые, веселые срочники и их командиры часто попадали в забавные ситуации. Александр Баранов вспоминает, как проводили дезактивацию в одной деревне: «И вышла бабушка с ведром вареной картошки. Ну и спрашивает, голодные мы или нет. Ну, мы замерили, нормальная вроде картошка была. Командиром взвода снабжения тогда Ермаков был. Подошел, взял, очистил, навернул. Сказал, нормально. Ну, а старушка поблагодарила, говорит: «Спасибо, сынок. А то я свиным сварила, думала, давать или нет». Там все в «осадок» выпали. Юмора хватало».

Анатолий Дьяченко приводит следующие данные: «В докладной записке штаба Гражданской обороны Украины о ходе ликвидации аварии на ЧАЭС сообщалось, что по состоянию на 31 августа 1986 года в ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС принимают участие 111 соединений и частей общей численностью 39 245 человек, в том числе дивизий — 1 (25 МСД), бригад — 2 (25, 26 БрХЗ), полков — 23 (в т. ч. ОМП ГО-9), батальонов — 28 (в т. ч. ГО-1), рот — 8, отдельных подразделений — 49».

Помимо войск химической защиты одними из первых на место катастрофы прибыли военные связисты. Уже 27 апреля была развернута военная полевая система связи с использованием частей и подразделений связи Киевского, Белорусского и Прикарпатского военных округов.

Из монографии Анатолия Дьяченко «Опыт ликвидации Чернобыльской катастрофы»: «На первом этапе, с 26 апреля и по 10 мая 1986 г., главными задачами в области связи стали организация непрерывной, устойчивой, закрытой связи непосредственно с АЭС и создание необходимого числа каналов по линии высших органов управления Правительства и Министерства обороны.

На втором этапе (с 10 мая и, ориентировочно, по 20 июня 1986 г.) шло развитие системы, связью «накрывался» уже обширный регион для решения задач управления воинскими частями командами различного назначения, прибывшими для участия в ликвидации аварии, организации взаимодействия между оперативными группами КВО БВО и ПрикВО и обеспечения радиационного контроля местности.

И наконец к третьему этапу можно отнести период, когда процесс как бы стабилизировался, все необходимые связи функционировали устойчиво и ситуация подсказывала, что нужно, не нарушая действующие связи, приступить к переводу элементов системы (там, где это можно) на стационарную базу и таким образом высвободить, обработать и поставить «в строй» боевую технику».

Органы внутренних дел и внутренние войска МВД внесли значительный вклад в ликвидацию последствий катастрофы на ЧАЭС. Работы по созданию рубежа охраны 30-километровой зоны были не менее ответственными, важными по значимости и сложности.

Вспоминает председатель Енисейского Союза «Чернобыль» Евгений Иванович Тополь:

«В те годы я был сотрудником МВД и служил в звании старшего лейтенанта в поселке Буча Ирпенского района, в 25-ти километрах от Киева. До Чернобыльской атомной станции напрямую около 100 километров.

Ранним утром 6 мая нас подняли по тревоге, на сборы отвели не более получаса. Нас было человек 20, и мы ничего не знали о том, куда направляемся. Заехали в Киев, взяли с собой стройматериалы, доски, гвозди, молотки.

На машине ГАЗ-66 выехали за город — все радовало глаз: изумрудная зелень деревьев, цветущие поля, ухоженные сельские хаты. Я родился и долго жил на Украине, и местная природа восхищала бесконечно.

Военный городок в с. Ордженикидзе, август 1986 г., командир роты спецобработки капитан В.Н. Алексеев из Красноярска

Уже в дороге, переговариваясь между собой, догадались, что нас везут в Чернобыль. Про себя я подумал, что он словно преследует меня. По окончании филологического факультета Киевского университета декан предложил мне распределение в село Чернобыльского района, на границе с Белоруссией. И я, зная, что там атомная станция, отказался. И вот через четыре года Чернобыль меня нашел.

Когда мы прибыли на место, с нами никто долго не разговаривал, в детали не посвящал, а просто поставили задачу — построить контрольно-пропускные пункты 30-километровой зоны. Первым делом мы протянули ограждение из колючей проволоки длиной около 10 километров и наладили пропускной режим. Затем в самые короткие сроки возвели три КПП. Дозиметров и средств защиты нам не выдавали.

Каких-то особых впечатлений от пребывания в 30-километровой зоне у меня не осталось, потому что когда трудишься, некогда размышлять. Да и находиться там долго было нельзя — быстро построили и уехали. Это уже после там ввели вахтовый метод работы по специальному отбору, стали замерять дозы полученной радиации. А в первые дни после аварии

«Партизаны» из в/ч 41173 на ликвидации, слева — старший химик Виталий Шешуков (Енисейский район)

мы оказались географически ближе других, нас и задействовали.

В 1991 году, когда я уже дослуживал в поселке Шишмареве Енисейского района Красноярского края, на мое имя пришел конверт, в котором были удостоверение и знак чернобыльца. В справке сроки пребывания в зоне ликвидации аварии были обозначены просто — с 6 мая. Получается, я до сих пор еще там».

Сергей Наберушкин родился в 1961 году в закрытом атомном городе Красноярске-26 и по окончании техникума служил рядовым строительной воинской части № 11862, дислоцировавшейся в белорусском городе Мозыре. Об аварии на ЧАЭС солдаты узнали из программы «Время», но вся серьезность ситуации стала ясна лишь в августе, когда роту Наберушкина

перебросили в Брагинский район Гомельской области, наиболее пострадавший от чернобыльской катастрофы.

Сергей Николаевич вспоминает, что солдаты-срочники строили временное жилье для «партизан», занимались дезактивацией территорий, «отмывкой» техники: «Работали мы ежедневно по 8—9 часов примерно 2,5 месяца. Кормили очень хорошо: в изобилии были мясо, яйца, сгущенка. В свободное время нам показывали фильмы — «Чапаев» и еще какие-то про войну.

Дозиметров нам не давали, поэтому об уровне радиации мы не знали. Однажды я взял у одного «партизана» дозиметр-карандаш — он показал 1 рентген на нашем участке.

Я в должности нормировщика много ездил по разным точкам и как человек, знающий о радиации больше своих сослуживцев, предупреждал их об опасности. Но все равно солдаты собирали грибы, ели местные ягоды и фрукты».

Еще один нынешний железнодорожник, а тогда старший лейтенант, выпускник Ярославского высшего военно-финансового училища Игорь Овсиенко, на момент аварии служил в закрытом атомном городе Пензе-19.

Вспоминает Игорь Николаевич Овсиенко:

«Медицинская комиссия признала меня негодным к службе в чернобыльской зоне, но ехать все равно пришлось — некого было отправить. Мы прибыли на станцию Тетерев, где стоял военно-строительный отряд, там я поменял своего предшественника, принял у него должность и начал работать. Передо мной стояла задача финансового обеспечения подразделения: ежемесячный бухгалтерский баланс — зарплаты, учет материальных ценностей и так далее.»

ГАЗЕТНЫЕ ХРОНИКИ / Газета «Красноярский комсомолец», ноябрь, 1986 г.

Поздравление из Чернобыля

Вчера из Чернобыля возвратилась группа красноярцев, в состав которой входили заведующий отделом крайкома ВЛКСМ В. Руденко, представитель крайвоенкомата В.Ф. Ануфриев и специальный корре-

спондент «Красноярского комсомольца» В. Хребтов.

.. Багаж членов группы состоял из четырех чемоданов и двух огромных коробок, в которых лежали подарки от трудовых коллективов, в которых они работают. Эти подарки мы и вручили под бурные аплодисменты.

.. По просьбе всех наших земляков, участвующих в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС, передаём их родным и знакомым, всем жителям края огромный привет и поздравления. Все добровольцы здоровы, с большим энтузиазмом выполняют свой долг перед Родиной.

Чернобыль, в/ч 41173, в центре стоит Николай Дураков из Енисейска, 1987 г.

В основном работал в Тетереве, эпизодами выезжая в Чернобыль к вышестоящему руководству с различными вопросами, докладами. На самой станции я не был ни разу. Это офицеры Киевского состава дежурили там, в освинцованных зонах, а нас, финансистов, туда не посылали.

В Тетереве было попроще — там уровень радиации был нормальный, жили местные жители, вода была нормальная. А вот когда приезжали в Чернобыль, воду нельзя было пить, носили респираторные маски.

У меня в бухгалтерии работали вольнонаемные местные жители. Работали в спокойных условиях, оттуда никто в Киев не побежал.

Через некоторое время бухгалтерию перевели в Иванково, в полк, но там люди были грустные: и офицеры, и наемные. Все жили в лагу, была солидарность. Все знали, что делать и для чего. Общее дело объединяло. Мы жили одной идеей — все закончим быстрее, скорее домой поедем.

Условия были отличные, в Иванково особенно. Там такие домики хорошие были, где мы жили —

тепло, светло. Хотя мои товарищи рассказывали, что поначалу все жили в палатках.

В декабре закончился срок моей командировки, но приехали представители министерства из Москвы и сказали: «Парень, остаешься на второй срок». Был бы я наемным, я мог бы конечно отказаться, но я был военным, и в связи с отказом, могли быть неприятные для меня последствия.

А так после пошел карьерный рост. В 88-м я переехал в Красноярск-26, получил майора и должность начальника финансового отдела.

По окончании командировки мне поставили официальную дозу 2,6 рентген. Но, как правило, эти данные не соответствовали действительности. После Чернобыля проходил медицинское обследование, каждые полгода назначали обязательную профилактику. У меня, к сожалению, есть такие заболевания, которые медицина связывает именно с пребыванием в Чернобыле. Все это проявилось позже и до сих пор проявляется. Сейчас вот с ногами проблемы — ходить тяжело, но, дай Бог, хоть так вот еще. Чернобыль отразился на всех, это безусловно».

1-го мая 1986 года военнослужащие части № 5448 в городе Минске отмаршировали на праздничном военном параде, а на следующий день прямо во время просмотра фильма всех подняли по тревоге и объявили о срочном выезде на ликвидацию аварии на ЧАЭС.

Командир роты собрал сержантский состав и для командировки отобрал лучших военнослужащих. В их число вошел заместитель командира взвода старший сержант Вадим Бондарь, уроженец Одесской области, а теперь житель Енисейского района Красноярского края.

С собой взяли постельные принадлежности, средства защиты от оружия массового поражения — ОЗК, противогазы, респираторы, изделия М-65 (дубинки), щиты, каски с забралом, слезоточивый газ «черемуха».

3 мая около полудня колонна вышла из Минска в сопровождении ГАИ и через сутки прибыла на место новой дислокации — поселок Брагин Гомельской области. Батальон расположился в клубе, все занялись обустройством жилья и в этот же день приступили к несению службы — охране периметра 30-километровой зоны. Круглосуточные караульные посты находились на расстоянии 60–90 километров от места расположения батальона.

Перед каждым караулом офицеры проводили подробный инструктаж: запрещалось брать еду у местного населения, употреблять спиртные напитки, вступать в неслужебные связи с местными жителями.

В селах 30-километровой зоны проживали в основном пожилые люди, прошедшие войну. Они воспринимали солдат как родных людей и помогали им чем могли. Единственное, о чем просили — не надевать противогазов, пугались очень.

Периодически на блокпосты наведывались с проверкой офицеры да приезжали специалисты с лекциями о том, как вести себя в условиях радиации и какие могут быть последствия.

Осень 1986 года. В составе в/ч 41173 в ликвидации аварии участвовал А.В. Петрунин (Красноярск). Стоит слева

Красноярец Ю.П. Юшков (4-й справа) был командирован Штабом ГО СССР. Передавал данные по радиационной обстановке в зоне ликвидации для первых лиц государства

Вадим Григорьевич Бондарь вспоминает, что сразу по приезде всем военнослужащим выдали таблетки йода и велели принимать их регулярно, чтобы в щитовидной железе не накапливался радиоактивный йод. Регулярно проводились заборы крови для анализов, брались пробы воздуха, замерялся уровень радиации. Тщательно проводили дезактивацию людей и техники.

В июле 86-го года Вадим Бондарь демобилизовался из армии и поселился в Житомире, а в 1995 году переехал на жительство в Красноярский край.

В августе 1986 года Олегу Зорину исполнилось двадцать лет. Юбилей был скромный, в то время уроженец Красноярска по окончании техникума служил в стройбате в Новосибирске. «В сентябре командир сообщил, что набирают добровольцев на ЧАЭС и «предложил» мне поехать: «Зорин, на тебя билет уже куплен», — вспоминает Олег Алексеевич.

Вскоре наш земляк в числе других военных строителей срочной службы засыпал песком землю для снижения радиационного фона в 30-километровой зоне. Надо было в кратчайшие сроки возвести временное жилье для ликвидаторов. Сами солдаты жили в палатках неподалеку от Черемошни.

Каждый день обязательна была баня, устроенная в специальном грузовом автомобиле. А после, помытые и переодетые в чистую от радиации одежду парни шли на танцы в местный клуб, где собиралось человек 15–20. Там можно было послушать магнитофон и пообщаться с гражданскими.

Особисты просили об одном: не распространять неверную информацию местному населению. В противном случае «говоруна» ожидало возбуждение уголовного дела. И еще об одном предупредили сразу: не есть ничего из того, что здесь растет и чем угоща-

ют местные, и не сходить с песка на землю.

Тех, кто попал на ликвидацию чернобыльской аварии через военкоматы, из военного запаса, называли «партизанами». Откуда пошло это прозвище — точно не известно. Утверждают, что за слишком расхристанный для военного человека внешний вид. Как и в войну, в строй вставали вчерашние шоферы, геологи, строители, инженеры, учителя, партийные работники. Это были уже отслужившие, умудренные опытом семейные люди. В Чернобыле все они на разных участках выполняли трудную и опасную работу — устраняли последствия аварии.

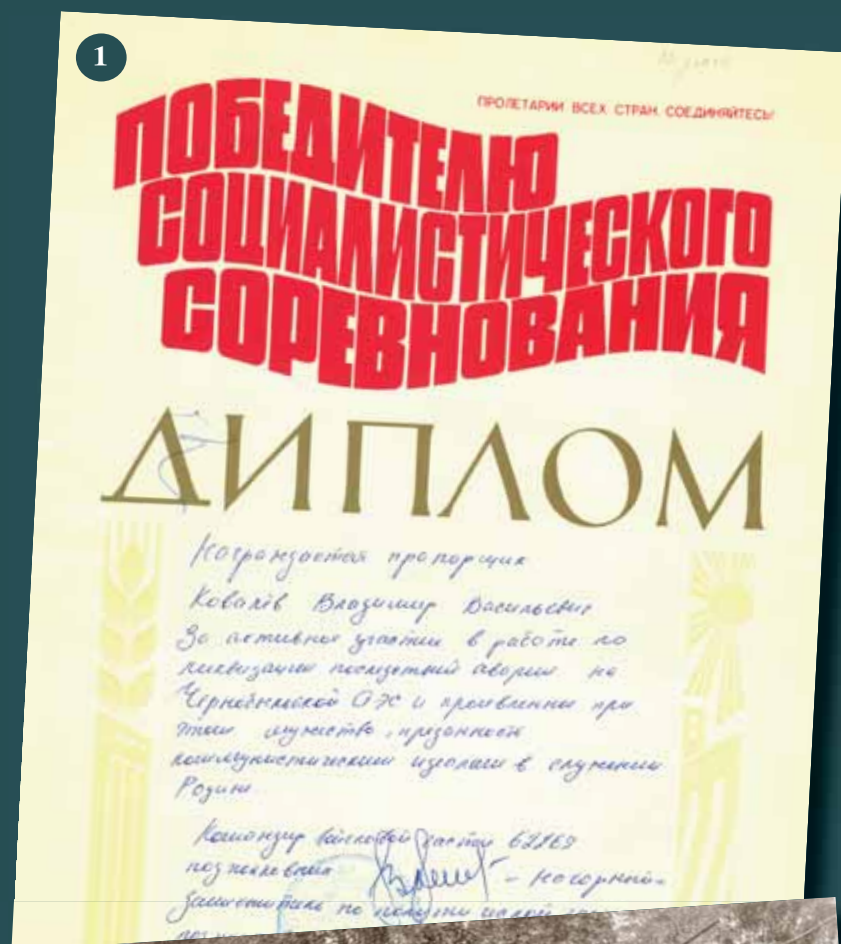
В рядах чернобыльских «партизан» оказался и уроженец Тюттетского района Владимир Чеботарев. На тот момент он работал плотником в одном из красноярских ЖЭКов.

Вспоминает Владимир Васильевич Чеботарев, г. Красноярск:

«Когда я явился по повестке в военкомат, то сразу же сказали, куда и зачем мы едем и выдали полное военное обмундирование. Домой уже не отпустили, родным позвонил по телефону, жена пришла провожать. Была только грусть долгого расставания, и никакого страха — мы понятия не имели, что такое радиация, да и про аварию не знали толком ничего.

До Белой Церкви мы долетели самолетом, а оттуда нас везли на машине. 30 июня 1986 года, прибыв на место, разместились в палаточном лагере, а на следующий день нас повезли к месту работы на станции.

Разрушенная АЭС произвела на меня дикое впечатление, впервые стало страшно. Но времени на раздумья не было — требовалось сроч-

1. Труд ликвидаторов был отмечен грамотами и дипломами
2. Военнослужащие срочной службы на ликвидации аварии
3. г. Чернобыль, зима 1987 г.

Имя - Чернобыль

Тучи Родины

Скомкали тучи вечер, словно в кокон.
Настойчиво, упорно дождь хлестал,
Как барабанщик, по отливу окон,
И издали степенно приближался гром,
А я смотрел в окна, невольно наблюдал,
Как ветер треплет ветви за окном.
И вновь почувствовал — бывает так в несчастье,
Какое это всё-таки большое счастье,
Когда имеешь Родину и дом.
И вспомнилось вдруг лето восемьдесят шесть,
Когда палатку буря дёрнула за шест.
Военный городок, болота, ночь, Чернобыль.
Ещё порыв — палатка просто лопнет.
Кнуты спящих молний яростно стегали,
Не нас, болота, будто ангелы не знали,
Совсем не те проблемы нас достали.
Таблетки мы уже пилотками глотали.
И закрывать глаза от молний было бесполезно.
Господь воспринял ту беду небезболезненно.
Очередной удар, со вспышкой опять.
От нас-то что хотят, что мы должны понять?
Двум мнениям здесь просто тесно —
случилась страшная беда,
Спасайте Землю, господа.
И вновь почувствовал — бывает так в несчастье,
Какое это всё-таки большое счастье,
Когда имеешь Родину и дом.

Александр Калинин, г. Красноярск

но расчистить территорию вокруг станции, проложить дороги. И я стал работать водителем скрепера. Это такая землеройная машина, снимающая загрязненный грунт слой за слоем. Очищенные участки земли потом засыпали песком, покрывали бетоном, асфальтировали.

Последние 10 дней командировки я отработал на расчистке крыши 3-го энергоблока. Лопата и контейнер — все наши орудия труда. Сначала надевали тяжелую защитную экипировку, килограмм 20 весом, а после надо было еще наверх подняться.

Хочется отметить, что отношения в коллективе были замечательные. Общая беда сплотила людей, все хотели одного — выполнить свою задачу и уехать домой.

Я бы и сейчас, уже зная всю правду и осознавая меру опасности, поехал туда. А если не я, то кто? Кто-то же должен был все это сделать. Деньги мы за эту работу получили символические — 3 рубля 80 копеек за месяц.

Сейчас понимаю, что слишком много было в нас бесшабашности. Не думали о мерах безопасности, о последствиях для здоро-

вья, да и никто нас особо не контролировал. Ходили по ближайшим хуторам и собирали яблоки. А они сочные — откусишь, и сок бежит! Самогон местный покупали, по 3 три рубля за трехлитровую банку. Пробирались в Припять и катались на брошенных машинах. Пока есть бензин, столько и едешь, а потом бросали там же. Кормили нас очень хорошо. Я еще и домой рюкзак сгущенки привез, там по дешевке продавали. В Красноярск я вернулся 19 сентября, получив официальные 38 рентген. Работать уже не мог, ухудшилось здоровье. А в 1989 году получил 3-ю группу инвалидности».

Уроженец города Полтавы Сергей Михайленко родился и жил на Украине без малого 30 лет. Обзавелся семьей, в которой родились двое детишек. А в самом конце апреля 1986 года младшего сержанта запаса Михайленко подняли по тревоге и приказали срочно прибыть на военные учения и спешно отправили в зону ликвидации чернобыльской аварии. Там он пробыл с 3 мая по 20 августа 1986 года. Все время жили в палаточном городке. И от дождя прятались в палатках.

Сергея Алексеевича определили водителем на «скорую помощь» при военно-полевом госпита-

ле. Он считает эту командировку «обычной шоферской работой»: «Я всего лишь возил дежурного врача. Люди, как и везде, болели, ломали себе что-нибудь. Приходилось выезжать на вызовы и в «рыжий» лес и на реактор. Эти районы в то время считались самыми опасными, и мне платили по четыре оклада».

Работали со сменщиком по графику: четыре дня подряд с 9 утра до 1 часу дня, а после четыре дня — с 14 до 18 часов. Ездил до конца июня на одной и той же машине, а когда она стала сильно «фонить», пробовали обработать на мойке химией. Не помогло, в итоге пришлось ее поменять на такую же, неоцинкованную, без всяких средств защиты от радиации».

После чернобыльской командировки Сергей Алексеевич Михайленко уехал на строительство БАМа, в 1991 году дороги судьбы привели его в Красноярский край, где он вместе со своей семьей получил по программе «Жилье ликвидаторам» квартиру в городе Дивногорске. Там он сейчас и проживает.

По данным Генерального штаба министерства обороны СССР, с апреля 1986 года по ноябрь 1990-го группировка войск министерства обороны выполнила колоссальный объем работ в составе 210 соединений и частей общей численностью 340 000 человек.

Виктор Вихор (Красноярск) принимал участие в ликвидации аварии в составе в/ч 41173 в 1987 г.

Специалисты НПО «Сибцветметавтоматика» в Чернобыле. Слева направо: В. П. Ганькин, А. В. Каптур, В. Ф. Ромазанов

Люди и машины

Ликвидация аварии на ЧАЭС потребовала огромного количества техники. Как в военные годы, тысячи машин по всей стране были мобилизованы и направлены на Украину. На железнодорожных платформах, под мерный стук колес, двигались в зону бедствия бульдозеры, еще вчера работавшие в карьерах, краны, снятые со строек, автобусы, совсем недавно курсирующие по городам. Отдельными составами доставлялась военная и гражданская специальная техника, машины-роботы.

Из Красноярского края одними из первых на место катастрофы выехали специалисты производственного объединения «Сибцветметавтоматика». Они сумели в кратчайшие сроки оборудовать челябинские бульдозеры радиоуправлением, обеспечив тем самым возможность расчистки территории в особо опасных местах без участия водителей. Это были одни из немногих радиоуправляемых механизмов, которые смогли работать в условиях высокой радиации. Высокотехнологичная японская и немецкая техника зачастую не выдерживала радиационной атаки.

Однако ни одна машина в чернобыльской зоне не сумела полностью заменить человека. Самоотверженность, мужество и героизм ликвидаторов выручали там, где отказывала даже техника.

Пульт для бульдозера

Накануне 9 мая 1986 года Михаил Егорович Царегородцев, генеральный директор красноярского научно-производственного объединения «Сибцветметавтоматика», был в гостях у соседа — полковника КГБ. Мужчины сели за стол, поговорить и отметить годовщину Победы в Великой Отечественной войне. В этот момент раздался звонок, в комнату вошла супруга Михаила Егоровича.

— Миша, Москва на проводе.

Царегородцев быстро подошел к телефону. Первым заговорил начальник главка, которому подчинялось НПО «Сибцветметавтоматика».

— Ты про беду (авария на ЧАЭС — прим. ред.) нашу слышал?

— Краем уха, — ответил Михаил Егорович.

— Что у тебя есть готового?

— Два бульдозера. Один опытный, второй в Балее, на складе.

К разговору подключился заместитель председателя Совета министров СССР Борис Евдокимович Щербина. Он был немногословен.

— Тебе даются чрезвычайные полномочия. Любые твои пожелания будут выполнены.

Выбор на Царегородцева пал не случайно. Михаил Егорович слыл грамотным руководителем с твердым характером и умением отстаивать собственную позицию и взгляды. Как говорится, за словом в карман не полезет. Во время работы главным инженером золотодобывающей шахты в Забайкалье у него произошел серьезный конфликт с высокопоставленным партийным работником, и Царегородцев вынужден был переехать в Красноярск. Вскоре он возглавил объединение «Сибцветметавтоматика». При нем предприятие существенно окрепло — из небольшого учреждения, со штатом сотрудников всего в 430 человек, выросло в гигантскую структуру с 15000 работников. В его составе числился институт, два опытных завода и 19 управлений по всей стране. Неслучайно, Царегородцев получил прозвище «Спрут».

В 70-е годы прошлого века «Сибцветметавтоматика» вела разработку радиоуправляемых бульдозеров ДЭТ-250. На тяжелую технику ставилась специальная аппаратура, оператор с помощью пульта управления подавал на нее команды. По каким-то причинам, после первых испытаний работы были прекращены, а документация в весьма сыром виде направлена в архив. В 1983 году по заказу «Забайкалзолота» работа возобновилась. Фактически пришлось заново формировать команду инженеров-разработчиков. Часть аппаратуры была изготовлена по имеющимся документам, часть пришлось разрабатывать вновь. Первый бульдозер ДЭТ-250 на радиоуправлении был испытан в деревне Хмелево летом 1983 года. Бульдозер был сдан заказчиком, документация ушла в архив и работы прекратились в очередной раз.

Вот эти разработки и легли в основу правительственного задания. Столичное руководство дало Михаилу Царегородцеву распоряжение в сжатые сроки подготовить 10–12 бульдозеров, оснащенных системой радиоуправления. Такая техника требовалась для работы на ЧАЭС, в районах с высоким уровнем радиации.

Вспоминает Иван Прокопьевич Розманов:

«9 мая 1986 года. День Победы! Солнечное утро. По плану я должен был ехать в деревню к своему отцу, инвалиду Великой Отечественной войны 1-й группы. Но в 9 часов позвонил генеральный директор и сказал, что нужно срочно прибыть на работу. Я в то время работал в должности главного конструктора НПО «Сибцветметавтоматика»... Уже в 10 часов сидел в кабинете Царегородцева... Михаил Егорович докладывает, что министр цветной металлургии СССР П. Ф. Ломако дал указание готовить 10–12 комплектов радиоуправляемых бульдозеров для работы в особо опасных зонах Чернобыльской АЭС.

Первый вопрос, который в ответ был задан: «Неужели в вооруженных силах СССР нет машин для работы в зонах с высокой радиоактивностью после взрывов ядерных и термоядерных бомб?!». ...За весь день 9 мая и следующую ночь были скопированы и откорректированы 10 комплектов конструкторской документации. Ровно в 10 часов утра 10 мая в кабинете генерального директора состоялось совещание, которое проводил заведующий оборонным отделом крайкома КПСС В. И. Молодан. На нем присутствовали главные инженеры Красмаша, Сибтяжмаша, радиотехнического, телевизионного, комбайнового заводов и Крас-

*Михаил Егорович
Царегородцев*

*Иван Прокопьевич
Розманов*

*Виктор Михайлович
Калинников*

*Владимир Агамович
Щепанский*

лесмаша. Конструкторская документация на отдельные узлы аппарата была отдана на эти заводы. Последовали долгие бессонные ночи наших специалистов. Уже 12 мая были изготовлены все узлы, и началась настройка аппаратуры, продолжавшаяся по 20 часов в сутки.

Вечером 13 мая первая группа специалистов объединения во главе с Михаилом Егоровичем

Царегородцевым специальным авиарейсом вылетела в Челябинск для монтажа и наладки первых бульдозеров.

14 мая все узлы аппаратуры были настроены, и вторая группа таким же спецсамолетом прибыла в Челябинск.

15 мая первый бульдозер был опробован на полигоне, и его возможности продемонстрировали заместителю министра цветной

Приказ № П14-к
от 12 мая 1986 года по НПО «Сибцветметавтоматика»

На основании указаний министра цветной металлургии СССР Ломако П. Ф. и заместителя министра цветной металлургии СССР, председателя ведомственной комиссии и ответственного руководителя аварийно-восстановительных работ на Чернобыльской АЭС от министра цветной металлургии СССР Арбиева К. К. ,

Приказываю:

1. Образовать в составе НПО «Сибцветметавтоматика» для выполнения правительственного задания специализированную группу по наладке, доработке, сервисному обслуживанию и испытанию радиоуправляемых бульдозеров и погрузо-доставочных машин на Чернобыльской АЭС. Сроки деятельности — по указанию Минцветмета СССР.

2. Специализированную группу организовать в следующем составе:

Царегородцев М. Е. — руководитель группы	Смекалин В. И. — инженер-наладчик
Розманов И. П. — заместитель руководителя группы	Шумов Б. И. — инженер-наладчик
Краснов А. С. — заместитель руководителя группы	Ромазанов В. Ф. — инженер-наладчик
Лейбович Б. И. — бригадир слесарей — наладчиков	Козлов Б. В. — инженер-наладчик
Алейников А. П. — бригадир наладчиков от Норильского СМНУ	Синьков Ю. М. — инженер-наладчик
Полков Н. П. — наладчик-конструктор	Тихонов В. А. — слесарь — наладчик
Королев Е. А. — наладчик-конструктор	Ивкин В. М. — слесарь — наладчик
Калинников В. М. — инженер-наладчик	Анашкин В. С. — слесарь — наладчик
Обушенков А. Г. — инженер-наладчик	Зайцев Ю. И. — слесарь — наладчик
Россиев А. И. — инженер-наладчик	Зайцев В. И. — слесарь — наладчик
Белин В. В. — ведущий инженер-механик	Каптур А. В. — слесарь — наладчик
Каблуков Г. Г. — инженер-наладчик	Леонов В. Я. — слесарь — наладчик
Лихачев С. П. — инженер-наладчик	Бирюков Н. Д. — слесарь — наладчик
Ампилогов И. В. — инженер-наладчик	Бутенко В. Т. — слесарь — наладчик
Корольков В. Д. — инженер-наладчик	Цибилев В. П. — слесарь — наладчик
Щепанский В. А. — инженер-наладчик	Ганькин В. П. — слесарь — наладчик
	Савинов А. П. — слесарь — наладчик
	Зарицкий Г. И. — слесарь — наладчик
	Сарычев А. П. — слесарь — наладчик

3. Состав группы, в случае необходимости, дополнить по результатам первичных испытаний радиоуправляемых бульдозеров на Чернобыльской АЭС и уточнения объемов и сроков выполнения работ специализированной группой.

4. Контроль за исполнением настоящего приказа оставляю за собой.

Генеральный директор
М. Е. Царегородцев

металлургии СССР К. К. Арбиеву и начальнику Главэнерго О. Н. Багрову. Бульдозер на полигоне хорошо управлялся с пульта управления на расстоянии до 1 км. Здесь же состоялся краткий разговор с Арбиевым. На мой вопрос: «Какой уровень радиации в зонах, где нам предстоит работать?» Кемаль Казбекович заявил, что не больше нескольких миллирентген. Я усомнился в такой величине, но был успокоен, что есть места, где радиация выше, но незначительно. Это было далеко от реальных фактов. ...Вечером 15 мая группа специалистов «Сибцветметавтоматики» в составе И. П. Розманова, А. С. Краснова, В. В. Белина, А. Г. Обушенкова, В. А. Щепанского, В. Н. Ивкина, А. П. Сарычева, В. Т. Бутенко, Н. Д. Бирюкова с первым бульдозером на спецрейсе ИЛ-76 вылетела на Украину. Ночью мы приземлились в аэропорту Жуляны. К обеду 16 мая мы прибыли в Вышгород, где нас разместили на ближайшей базе отдыха. Была суббота, и мы в этот день отсыпались. Не обошлось и без курьезов. Поскольку в домиках воды не было, проснувшись, мы пошли искать умывальник. Недолго думая, многие из нас решили искупаться в протекающем рядом Днепре. Потом уже узнали, что вода в реке заражена радиацией. В воскресенье началась работа по наладке первого бульдозера на базе мастерских Управления механизации. Организационные вопросы нам помогал решать исполняющий обязанности начальника управления Евгений Павлович Марчиков. От него мы узнали об усло-

Имя - Чернобыль

Посвящается Анатолию Богданову,
организатору Красноярского Союза
«Чернобыль»

Сухие слезы вытри,
Беззвучный вопль уйми.
Мы все здесь ненадолго,
Ты сам это пойми.

Ушел солдат без долга.
Чисты его пути.
Теперь он воин Бога.
И ты его прости.

Ему не дали орден.
Теперь он орден сам.
Он был в атаке твёрдым,
Об этом знают Там.

Прости, что не успели
Твой орден отстоять,
Но будем мы сражаться
За честь свою опять.

Ты орден свой получишь,
Его внесут в твой дом.
И на твоей могиле,
Мы говорим о том.

Александр Калинин, г. Красноярск
2010 год

виях работы наших бульдозеров в зоне аварии. Особенно нас настроил на серьезный лаг уровень радиации третьей степени опасности.

19 мая бульдозер был опробован в карьере неподалеку от Вышгорода. Все команды бульдозером выполнялись. К 22 мая все изготовленные для ЧАЭС радиоуправляемые бульдозеры были перевезены на самолетах из Челябинска в Киев. С последним ДЭТ-250 прилетел лично Михаил Царегородцев».

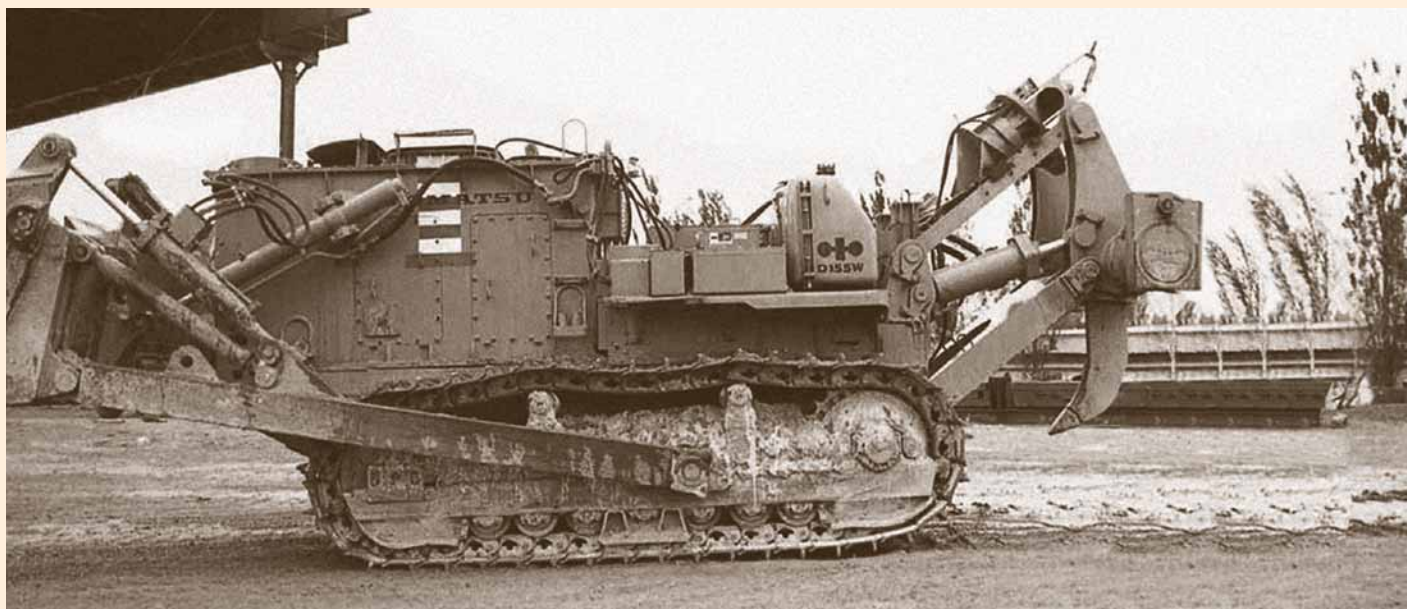
Вспоминает Виктор Михайлович Калинин:

«9 мая 1986 года я был дежурным по НПО. Часов в 9 утра позвонил Михаил Егорович Царегородцев. Он сказал, что только что ему звонил министр и приказал срочно изготовить 10 комплектов аппаратуры системы радиоуправления бульдозером для работы в Чернобыле. Несмотря на праздник, к вечеру большинство нужных работников НПО были собраны, и закипела работа. Трудились сутками напролет. Некоторые элементы были изготовлены на НПО, а некоторые, по нашей документации, на других предприятиях города Красноярска. В аппаратуре радиоуправления использовались маломощные, малогабаритные радиостанции УКВ-диапазона «Ласточка». По существующим тогда правилам, мы должны были получить разрешение на рабочие диапазоны в соответствующих органах и только потом заказывать радиостанции на заводе-изготовителе. Это, конечно, было неприемлемо. Армия выделила нам

некоторое количество стоящих на вооружении УКВ-радиостанций Р-105 и десять рабочих частот по количеству бульдозеров. Радиостанции громоздкие, тяжелые, но мощные, что оказалось ценным качеством в условиях Чернобыля.

...К вечеру 15 мая первый бульдозер увезли на полигон для испытаний. Собралась представительная комиссия, были и представители министерства цветной металлургии СССР, которому подведомственно наше НПО. Неожиданно стала не всегда выполняться команда: «Поворот влево». Проверка показала, что электроника работает нормально, что-то случилось с сервоприводом. Сходу найти причину не удалось, и мне пришлось перед комиссией гонять бульдозер по полигону так, чтобы исключить необходимость левых поворотов. Ночью первый бульдозер улетел в Чернобыль с группой наших работников во главе с И. П. Розмановым».

Причина случайных отказов сервопривода стала понятна при монтаже четвертого или пятого бульдозера. Возвратные пружины электромагнитов оказались сильно упругими и иногда не сжимались. Виктор Калинин пришел к выводу, что «откус» одного витка у пружины делает исполнение команды четким. Отправили телеграмму в Чернобыль, но оказалось, что там Иван Прокопьевич Розманов уже пришел к аналогичным выводам — пружины укоротили. Одновременно был решен вопрос по запуску двигателя с пульта, а аппаратура закрыта свинцовыми листами.

Радиоуправляемый японский бульдозер Komatsu

Радиуправляемый бульдозер ДЭТ-250 расчищает площадку вокруг 4-го аварийного блока. ЧАЭС, 12 июня 1986 года, до разрушенного реактора не более 250 м

Радиуправляемые бульдозеры ДЭТ-250 были направлены на расчистку завалов и строительство дорог к разрушенному энергоблоку, работы по созданию фундамента под Саркофаг. На этом участке были задействованы 7 бульдозеров, остальные распределены по соседним участкам.

Для сервисного обслуживания ДЭТ-250 были сформированы команды, в составе двух инженеров-наладчиков и двух слесарей-наладчиков. Был случай — бульдозер уперся в завалы и заглох. Радиация высокая, но и бросить дорогую технику нельзя. Решение принял Владимир Щепанский. Сорокалетний главный конструктор по разработке геофизической аппаратуры НПО «Сибцветметавтоматика» некогда служил в этих местах. Будучи механиком-водителем тяжелого танка, принимал участие в учениях на Припяти. Тогда танки преодолевали учебные опасности по дну реки. Сейчас опасность была иного рода, невидимая, но требующая не меньшего присутствия духа, чем форсирование Припяти. И Владимир Адамович вылез из защищенного ИМРа, бросился к ДЭТ-250 и завел двигатель.

Вспоминает Виктор Михайлович Калинин:

«Задача у работников НПО в Чернобыле была одна — радиуправляемые бульдозеры должны были надежно работать. Возникшие неисправности обычно устранялись на площадке АБК (административно-бытового корпуса). Там, после отмывания, бульдозеры заправлялись топливом и проходили техническое обслуживание. Бульдозеры отмывались снаружи, а наша аппаратура, установленная в кабине, была, как говорится, «по уши» в радиоактивной пыли, нам приходилось в ней копаться.

Бульдозерами управляли опытные бульдозеристы, обученные работе с радиуправлением на окраине Вышгорода, где для этого был оставлен один ДЭТ-250. Управляли, находясь в инженерной машине разграждения (ИМР), имеющей очень толстую броню, обеспечивавшую максимально возможную защиту от радиации.

Жили мы в городе Чернобыле и каждый день ездили на АБК, где нам было выделено служебное

Испытания бульдозера ДЭТ-250. За пультом управления инженер-наладчик НПО «Сибцветметавтоматика» В.И. Смекалин

помещение. По окончании работы — санобработка с полной заменой одежды, и на отдых в Чернобыль.

В это время у 4-го блока работала кроме нашей и иностранная радиоуправляемая техника: две финские погрузо-доставочные машины Тога и японский бульдозер Komatsu. Финские машины в работе я не видел, но, по приказу М. Е. Царегородцева, мне пришлось ремонтировать их аппаратуру радиоуправления, которая была залита водой при отмывании машин. Разобрал, просушил, хорошо укутал пленкой, и больше к нам с этой техникой не обращались. А японский бульдозер очень понравился. Хорошо отработанная техника, пульт управления удобный, легкий, маленький. В нем же расположен радиопередатчик и аккумуляторная батарея. Но если в нормальных условиях маломощный передатчик обеспечивал радиоуправление на расстоянии 50–100 м (а больше и не надо), то в условиях Чернобыля — при ионизации воздуха — дальность управления сокращалась до нескольких метров. Естественно, что оператор и машина, в которой он находился, пребывали в гораздо худших и опасных условиях, чем бульдозеристы ДЭТ-250, которые могли управлять своей техникой из надежного укрытия.

Михаил Егорович Царегородцев поручил мне провести испытания работоспособности нашей системы радиоуправления при высоких уровнях радиации и получить количественные оценки. Испытания были проведены 15–16 июня 1986 года в районе 4-го блока. ...В жестких ситуациях люди ведут себя по-разному. В моей группе в Чернобыле был радиоинженер Андрей Геннадьевич Обушенков. Я не хотел брать его на испытания, ни к чему лишние рентгены, молодой еще. А он стал просить: «Виктор Михайлович, возьми. Быть в Чернобыле и не побывать у 4-го блока!». Я его очень зауважал и взял на испытания. Бульдозером управляли из ИМРа, а группа наблюдения разместилась в освинцованном БТР. Я сидел справа от водителя и через триплекс контролировал работу бульдозера. Как раз в это время заливали бетонный фундамент будущего Саркофага. В основе фундамента были трейлеры, установленные довольно плотно друг к другу с приваренными к ним большими листами железа. А из большой трубы, откуда-то из-за 4-го блока, на эти трейлеры лился бетон. Он разливался на большой площади и бульдозеры землей пытались сократить потери бетона с внешней стороны объекта «Укрытие». Кстати, начало работы по возведению Саркофага привело к резкому снижению радиации у 4-го блока, так что для испытаний не удалось найти место с уровнем радиации более 100 рентген в час.

Каждую минуту дозиметристы сообщали об уровне радиации внутри маши-

ны. 10 рентген, 12,5 рентген, 15, 16... На нервы действовало. Вскоре они потребовали прекратить работы и возвращаться, так как мы набрали допустимую разовую дозу. Но я не давал команду на возвращение, хотелось завершить испытание. И вдруг бульдозер перестал исполнять команды. Причиной непослушания стал аккумулятор в радиостанции. После его замены испытания были продолжены и показали возможность применения красноярской техники в условиях очень высокого радиационного фона».

Вспоминает Иван Прокопьевич Розманов:

«С 10 по 20 июня основные работы по наладке и испытанию радиоуправляемых бульдозеров в зонах радиации были завершены. Генеральный директор, он же руководитель группы, Михаил Егорович Царегородцев согласовал с руководителем Правительственной комиссии объем работ и дальнейшее использование ра-

диоуправляемых бульдозеров ДЭТ-250, погрузо-гоставочных машин Того-250 и Того-400 в зонах ликвидации аварии. Обычно это происходило на ежедневных утренних планерках в обстановке полного понимания и без особых трудностей. Но запомнилась одна планерка у заместителя руководителя Правительственной комиссии Корзона, где Царегородцев отчитывался о работе бульдозера в районе строящегося Саркофага. Ему в резкой форме была предъявлена претензия: «Почему не расчищено железнодорожное полотно?». Михаил Егорович ответил, что такого задания мы не получали. Корзон завелся и пообещал отдать нас под суд. Назревала серьезная конфликтная ситуация. Положение спасла моя многолетняя привычка все задания тщательно фиксировать в рабочем блокноте, который я показал Корзону. Договорились, что все последующие задания будут выдаваться в письменном виде».

Вручение наград за работу по ликвидации аварии на ЧАЭС. Красноярск, декабрь, 1986 г.
Слева направо: И.П. Розманов, В.В. Белин, В.С. Анашкин, М.Е. Царегородцев, А.С. Краснов

Из протокола испытания аппаратуры радиуправления бульдозером ДЭТ-250 на радиационную стойкость

1. Для испытаний использовался бульдозер, на котором в течение 7 дней выполнялись работы в ручном режиме.

2. После пуска двигателя была выполнена проверка работоспособности трактора в ручном режиме и режиме радиуправления в зоне радиации уровнем 50–200 мРн/час. Проверка бульдозера в режиме радиуправления осуществлялась подачей одиночных и групповых команд с пульта управления на расстоянии 20–50 метров от бульдозера. Подача команд осуществлялась машинистом бульдозера. Исполнение команд фиксировалось зрительно машинистом и рабочей группой испытаний. Все подаваемые команды были выполнены и зарегистрированы зрительно всей рабочей группой.

3. После проверки работоспособности бульдозер в режиме радиуправления был выведен в зону повышенной радиации (60–100 Рн/час). Расстояние от места проверки до рабочей зоны составило 1500 м, время в пути 10 минут. Управление бульдозером при транспортировании осуществлялось машинистом, находящимся в ИМРе с расстояния 20 м. Замечаний к фиксации бульдозера во время управления бульдозером со стороны машиниста и рабочей группы нет.

4. Испытание работоспособности бульдозера в зоне повышенной радиации (60–100 Рн). Управление бульдозером осуществлялось машинистом бульдозера, находившимся в ИМРе с расстояния 20–100 м. За время работы выполнено конкретное задание — перемещение к возводимым стенкам защиты № 1 и № 24-го блока в зоне с уровнем радиации до 60 Рн/час и произведена планировка прилегающей территории. Через 1 час работы 14.06.1986 г. перестали выполняться все команды управления. Бульдозер был оставлен на месте с работающим двигателем. При анализе отказа был обнаружен неисправный аккумулятор передающей радиостанции Р-105. После замены аккумулятора испытания продолжались в течение 1 часа 20 минут до окончания производственного задания. Бульдозер работал в зоне с радиоактивностью до 60 Рн/час. Испытания были продолжены 15.06.1986 г. Бульдозер работал около 1 часа в зоне с радиоактивностью до 100 Рн/час. Данные об уровнях радиации получены с карты радиационной обстановки в Управлении строительства ЧАЭС на 14.06.1986 г. и 15.06.1986 г.

5. По результатам проверки не зарегистрировано изменений работоспособности бульдозера в зоне до 100 Рн/час.

" У Т В Е Р Д А Ю "

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР НПО

"СИБЦВЕТМЕТ АВТОМАТИКА"

М. Кузнецов ДИРЕКТОР ОДЦВ М.В.

" 24 " 06 1986 г.

Т О К О Л

аппаратуры радиуправления
бульдозером ДЭТ-250 на радиационную стойкость.

г. Чернобыль

территория Чернобыльской АЭС,
4-ого блока.

Проверка функционирования аппаратуры радиуправления в условиях повышенной радиации (60–100 Рн)

Объект: Бульдозер ДЭТ-250 ИОС.

Состав: Приемная ИМР, приемный полукомплект радиостанции Р-105 № 102586, блок питания радиостанции БП № 013, блок умножителей мощности передающей полукомплета в составе радиостанции ПУ № 011, прибора в ИМР и блока питания БП № 002. Комплект установлен на бульдозере ДЭТ-250 ИМР.

Для испытаний использовался бульдозер на котором выполнялись работы в ручном режиме. После пуска двигателя была выполнена проверка работоспособности трактора в ручном режиме и режиме радиуправления в зоне радиации уровнем 50–200 мРн/час. Проверка работоспособности бульдозера в режиме радиуправления осуществлялась подачей одиночных и групповых команд с пульта управления на расстоянии 20–50 м от бульдозера. Подача команд осуществлялась машинистом бульдозера. Исполнение команд фиксировалось зрительно машинистом и рабочей группой испытаний. Все подаваемые команды были выполнены и зарегистрированы зрительно всей рабочей группой.

В.М. КАЛИШНИКОВ

А.Г. ОБЩЕВЕНКО

О.И. ПОДВИЧ

В.А. РЕПЕЛОВ

УМЗР
СТРОИТЕЛЬСТВО

15.06.86

МИНИСТЕРСТВО СВЯЗИ СССР		ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА	
Принят: _____ го _____ час. _____ мин.		Передача: _____ го _____ час. _____ мин.	
Бланк № 477 *		Номер раб. места _____	
Принят: _____	<i>Москва</i>	Автоответ пункта приема _____	<i>4/1-87</i>
Кассовый № _____	Адрес _____	Передал: _____	

*Т. Розманову и.р.
Я тоже поздравляю!
4.01.87 М.Курт*

ПР МОСКВА III408/29 2/1

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ КРАСНОЯРСК ЧЕРПАК ЦАРЕГОРОДЦЕВУ=
КОЛЛЕГИЯ МИНИСТЕРСТВА СЕРДЕЧНО ПОЗДРАВЛЯЕТ С НАГРАЖДЕНИЕМ ВЫСОКИМИ
ГОСУДАРСТВЕННЫМИ НАГРАДАМИ ВАС И РАБОТНИКОВ ВАШЕГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
УДОСТОВЕРЕННЫХ ЗА САМООТВЕРЖЕННЫЙ ТРУД ЭТО ПРОЯВЛЕННЫЙ ПРИ ЛИКВИДАЦИИ
АВАРИИ НА ЧЕРНОВЫЛЬСКОЙ АЭС И УСТРАНЕНИЕ ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЙ РОЗМАНОВА
ИВАНА ПРОКОПЬЕВИЧА ОРДЕНОМ ЗНАК ПОЧЕТА АНАСКИНА ВЛАДИМИРА СЕРГЕЕВИЧА
ОРДЕНОМ ТРУДОВОЙ СЛАВЫ 3 СТЕПЕНИ КРАСНОВА АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВИЧА
МЕДАЛЬЮ ЗА ТРУДОВУЮ ДОБЛЕСТЬ БЕЛИНА ВЛАДИМИРА ВАСИЛЬЕВИЧА МЕДАЛЬЮ
ЗА ТРУДОВОЕ ОТЛИЧИЕ ЖЕЛАЕМ НОВЫХ ТРУДОВЫХ УСПЕХОВ ЭТО КРЕПКОГО
ЗДОРОВЬЯ И БОЛЬШОГО ЛИЧНОГО СЧАСТЬЯ В НОВОМ 1987 ГОДУ=
ВДТ18360 МНЖК МНЖК МИНИСТР ЦВЕТНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ СССР ДУРАСОВ=

Специалисты НПО «Сибветметавтоматика», участвовавшие в ликвидации последствий чернобыльской аварии, по прибытии в Красноярск были представлены к государственным наградам

Челябинско-красноярские дистанционные бульдозеры были не единственными машинами-роботами. На ЧАЭС работала еще целая группа подобной техники. С ее помощью проводилась радиационная разведка, разбирались завалы на разрушенном реакторе, захоранивались радиоактивные материалы.

Первыми были закуплены в Германии два дистанционно-управляемых мобильных робота MF-2 и MF-3. Но они практически сразу вышли из строя под действием ионизирующих излучений. Испытали японского робота, внешне похожего на человека. Однако, не дойдя нескольких метров до радиоактивных обломков, стальной «японец» остановился. Затем подобная техника была запрошена у отечественных отраслей и ведомств. В результате на станцию прибыли два экспериментальных образца

мобильных роботов — «Белоярец» ПО «Атомэнерго-ремонт» и МВТУ-2, созданный в МВТУ им. Н. Э. Баумана. Однако МВТУ-2 сразу потерпел аварию, немного проработал и робот «Белоярец».

Легендарный в Чернобыле специализированный транспортный робот (СТР-1) разрабатывался десятками советских научных институтов. Примечательно, что для создания концепции СТР были использованы наработки по самоходному шасси лунохода. Робот эксплуатировался при уровнях гамма-фона до 3000 рентген в час. В некоторых местах (у основания вентиляционной трубы № 2) уровни излучения доходили до 10000 рентген в час. По некоторым источникам СТР-1 позволил очистить кровлю ЧАЭС от 90 тонн высокоактивных материалов, благодаря чему уровни радиационного фона удалось снизить в 20 раз.

Владимир
Петрович
Аблаев

**Вспоминает
Владимир Петрович Аблаев:**

«Машины, которые отмыть не могли, закапывали в могильники. Там таких много. И с Припяти также все свозили, сваливали, в яму, потом сообщаешь, место указываешь, прилетает вертолет и сверху заливают чем-то таким, как пластикат. А были такие, кто снимет с машины запчасть, жалко же — столько добра пропадает, кладет в сумку и в часть. А вечером заходит дозиметрист, начинает проверять, звенит, открывает: это что такое? Домой мне, в деревню. Так, выбрасывай. Или одежду новую выдали, а он только надел, даже этикетку не успевает отрывать, а ее уже менять. А он такого никогда не видел, а уже выбрасывать. Прятали, чтобы домой увезти. Поэтому я с дневальным ходил все время проверять. Ох, не любили нас за это. Приходилось объяснять, что здоровье дороже».

Один из самых мощных и эффективных роботизированных комплексов «Клин-1» был разработан по решению Правительственной комиссии по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, изготовлен в Ленинграде в одном экземпляре в июне 1986 года и применялся в районе аварии по декабрь 1986 года. Комплекс был создан на базе военных гусеничных машин и состоял из дистанционно-управляемой машины-робота и машины управления с экипажем из двух человек. С помощью комплекса «Клин-1» были выполнены в том числе и работы по ликвидации «рыжего» леса. После выполнения миссии он был зарыт в могильнике. Подобного роботизированного комплекса в нашей стране больше так и не появилось.

В ликвидации чернобыльской аварии использовались и другие известные марки машин-роботов, тем не менее, челябинские бульдозеры с красноярским радиоуправлением внесли неоценимый вклад в устранение страшных следов радиоактивного пожара. Они работали на площадке четвертого блока, на захоронении грязных фонающих останков, очистке и восстановлении железной дороги — словом, везде, куда не должна была ступать нога человека. Но и машины постепенно накапливали смертельную для них дозу радиации. Большая часть чернобыльской техники осталась в могильниках.

Технический интернационал

Ликвидация последствий чернобыльской аварии была бы невозможной без широкого применения практически всех типов спецтехники, автотранспорта и других механизмов, которые прибыли на ЧАЭС не только из республик Советского Союза, но и из-за рубежа. С уверенностью можно сказать, что 1986 год собрал на Украине лучшие образцы мировой технической мысли.

Во всем разнообразии проявили себя КамАЗы, БелАЗы, способные поднимать 42 тонны груза. Эти автомобильные монстры и раньше были своими на местных дорогах — машины активно использовались на строительстве Припяти, города энергетиков. Один БелАЗ был переоборудован в поливомоечную машину УМП-1. При помощи этой машины пытались «отмыть» улицы и дома в Припяти. Струя воды легко выбивала окна в домах.

Грузовики «Урал-375» стали базовой платформой для пожарных автоцистерн АВ-40. В частности, в ночь 26 апреля 1986 года эти машины были в составе пожарного караула ЧАЭС и первыми прибыли на место взрыва.

Для возведения Саркофага потребовались мощные краны. Вскоре на объекте появились три автокрана немецкого концерна Liebherr со 110-метровой стрелой и компьютерным управлением. Они предназначались для строительства Игналинской АЭС в Литве, но судьба распорядилась иначе. Обе кабины и компьютер обшили свинцом и отправили в Чернобыль. Важным событием стало появление на строительной площадке ЧАЭС настоящих монстров — немецких самоходных гусеничных кранов Demag, каждый стоимостью в миллион инвалютных рублий.

Выдержки из книги И. А. Беляева «Бетон марки «Средмаш»:

«В середине июня на станцию Тетерев начали поступать платформы с конструкциями трех кранов «Демаг». Их стали различать по последним цифрам заводского номера. Таким образом краны с заводскими номерами 41016, 41020, 41021 превратились в короткие боевые — 16-й, 20-й, 21-й.»

...Чтобы представить все трудности и опасности этой работы, достаточно сказать, что узлы и детали каждого крана занимали при перевозке 32 железнодорожные платформы, а весил кран в собранном виде 1200 тонн.

...К 8 июля конструкции всех трех «Демагов» были доставлены в Чернобыль и уже 21 июля, раньше установленного срока, первый «Демаг» — № 16 — самоходом двинулся к аварийному четвертому блоку.

...«Демаги» № 20 и № 21 были в то время кранами нового поколения. За счет дополнительного устройства — суперлифта весом 480 тонн, они обладали большей грузоподъемностью, чем «Демаг» № 16 (500 т), и были оснащены основной и вспомогательной стрелой длиной по 76 метров каждая. Эти краны, имея грузоподъемность 650 тонн при минимальном вылете на основной стреле, могли осуществлять подъем груза весом 200 тонн на высоту свыше 60 метров».

Для управления кранами на них была установлена телеаппаратура. Но с наступлением вечера камеры «слебли». Требовалось освещение строительной площадки. Для этих целей использовали привязной аэростат, изготовленный специалистами Вольского воздухоплавательного испытательного центра ВСС и Долгопрудненского конструкторского бюро автоматики. Привязной аэростат был установлен у южной стены энергоблока. На нем была установлена осветительная «люстра» мощностью 40 кВт.

Кстати, идею использования «Демагов» приписывают Александру Усанову, заместителю министра среднего машиностроения. «Именно он принял решение использовать германские краны», — вспоминает инженер из Зеленогорска Николай Черников.

При строительстве Саркофага использовались иностранные бетононасосы фирм Worthington, Putzmeister и Schwing. Их основная задача — подача бетона под давлением на определенную высоту. Для этого на шасси грузового автомобиля устанавливается насос большой мощности и стрела, состоящая из нескольких секций и приводимая в рабочее состояние при помощи гидравлики. Все бетононасосы были оборудованы пультами дистанционного управления и видеокамерами для дистанционного управления. Объем укладки одним автобетононасосом в сутки доходил до 1200 кубических метров бетона.

Вспоминает Александр Васильевич Гарус:

«Я возил бетон из Копачей на вторую площадку станции, где работали красноярцы. Помогали и остальным районам по мере необходимости.

Миксеры обычные были, не освинцованные. Нам выдавали защитные костюмы, но они весили по 90 кг и вести машину в них было неудобно. Мы просто старались тратить меньше времени на выгрузку.

Помню впечатление от своего первого рейса. На выезде из Копачей был рыжий лес, на краю которого установили дорожный знак, предписывающий двигаться с максимальной скоростью из-за высокой радиации. Там было очень много рентген. Обычно километров по 100–120 пробегали. Потом поворот на станцию. Радиационный фон — 600 Р/ч. На разгрузку — максимум полторы минуты. Что успело вылиться, то и выгрузили. Остальное на пол вылили за это время. Разлитый бетон потом убрали к стенкам».

Александр
Васильевич
Гарус

Вячеслав
Михайлович
Марьян

Валерий
Владимирович
Ракитин

Для пассажирских перевозок использовали разнообразные автобусы. В них были установлены свинцовые листы, закрывающие большую часть окна, отсутствовал люк в крыше, задняя площадка в салоне (над двигателем) была отгорожена (сидячих мест там не было), также была установлена система фильтрации воздуха.

Вспоминает Вячеслав Михайлович Марьян:

«В Чернобыль я поехал добровольцем из Железнодорожска. Был членом партии, опасности особо не представлял, к тому же был молод и здоров. Работал на автобусе ЛАЗ с сентября по ноябрь 1986 года. Большой частью развозил с работы и на работу военнослужащих по воинским частям. Приходилось гелать до трех рейсов в день. Дороги в чернобыльской зоне узкие, и автомашины двигались по ним непрерывным потоком в обе стороны. Было много аварий. А с октября наладили более четкое регулирование движения, график стал четче, и за его срыв водителей наказывали».

Вспоминает Валерий Владимирович Ракитин:

«До аварии я работал водителем в Железнодорожске. Когда случилась чернобыльская беда, в нашей автоколонне пошел набор за набором. В сентябре 1986 года попал туда и я. Сначала меня посадили на автобус, обслуживающий столовую. Работать приходилось целый день, с 6 до 19 часов. Через месяц стал возить начальника второго района на автомобиле «Нива».

Чернобыль запомнился большим количеством людей, суевой, спешкой. Сам я был молодой и зачастую бравировал, не понимал опасности: пули-то не свистят, а радиация не видна».

Армейская техника

Армия со своей техникой оказалась на месте чернобыльской катастрофы одной из первых и приняла активное участие в ликвидации последствий аварии с помощью всех имеющихся ресурсов.

По воспоминаниям красноярца Александра Сильченко, в то время капитана в/ч 835640, уже 27 апреля в Вильчу прибыла первая армейская техника — ИМР, МДК, БАТ-М. 1 мая начал разворачиваться полк химической защиты из Днепропетровска. Своим ходом пришла инженерная бригада штурма и разграждения из Броваров.

Рабочей лошадкой в чернобыльской зоне стали БТР-70. Обшитые свинцовыми листами бронетранспортеры активно использовались для передвижения руководителей разного уровня, радиологической разведки и перевозки личного состава.

Вениамин Будков, командир взвода поливальных машин 29-го сибирского полка, рассказывает, что «дороги надо было поливать и днем, и ночью, чтобы микрочастицы радиации в организм не попадали, станция ведь постоянно «плевалась». Хлопки были слышны постоянно, раз в 2–3 дня, радиационный выброс произойдет — и на какую деревню все это осядет? У меня было 2 взвода, одни поливали дорогу, другие снимали слои земли».

Вспоминает Вениамин Евгеньевич Будков:

«Я отработал на ликвидации 3,5 месяца. Первые 15 дней ездил только в Припять. Совершенно пустой город, огни военные. Будучи офицером, я составлял график работ, следил за его выполнением. Работали на расчистке стадиона, уничтожали универмаг. Помню, как солдатик выносит пальто женское, такое хорошее, воротник богатый, офицер тут же берет, ножом режет, и только потом в кузов. За порядком следили. В городе все подьезды были заблокированы, чтобы никто не лазил. Мы солдатам постоянно говорили: «Ничего не подбирать, ничего не есть, яблоки не есть!». Это уж после Припять разграбили.

Вспоминается чернобыльский черный юмор: «Сбылась мечта Курчатова — мирный атом вошел в каждый украинский дом».

Вспоминает Александр Владимирович Сильченко:

«В июне я получил приказ срочно организовать работу техники и забрать из Краматорска ИМРы с 1000-кратной защитой. До этого в Чернобыле работали инженерные машины с 400-кратной защитой. А вскоре из Ленинграда пришли комплексы с 16 000-кратной защитой, с ТВ-камерами и манипуляторами, высокой степенью автономности.

Привезли нас в село Корогод Иванковского района, в 15-ти километрах от Чернобыля. Солдат разместили в школе, технику в автопарке, офицеров в отдельных домах. Вскоре из нашего полка был выделен батальон спецработ, в котором было 16 инженеров, у каждого в подчинении взвод техники и три роты. Мы расчищали территорию в 30-километровой зоне, вокруг станции, работали и на крыше реактора.

В первые дни все почувствовали металлический привкус во рту, насморк, озноб. Как потом пояснили, это реакция организма проявлялась до тех пор, пока он не наберет 10 рентген.

При нашем штабе работали пятеро солдат-срочников. Их использовали в качестве писарей, старались беречь, не посылали на особо опасные работы. Понятное дело — молодые еще ребята.

Мы носили повседневную военную форму, которая очень пачкалась, ведь вертолеты всюду распыляли латексную мастику, чтобы понизить радиоактивный фон. Перед входом в помещение всегда стояли корыто с водой и щетка — все максимально чистились, прежде чем войти в здание.

В Чернобыле были открыты новые свойства местной глины. С давних лет она использовалась для изготовления посуды, а оказалось, что ее раствор может частично дезактивировать. Облепляли ею машины, а когда глина затвердевала, то сбивали. Так «мыли» свою технику».

Авиационная техника применялась в Чернобыле как единственно возможное средство для детальной разведки состояния 4-го реактора, проведения радиационных замеров над разрушенным реактором. Для дезактивации АЭС и населенных пунктов широко использовались вертолеты. На самые мощные из винтокрылых машин устанавливали по три большие емкости, что позволяло буквально за 5 минут рассеять широкой полосой 12 000 литров жидкости.

Одним из первых на ЧАЭС были брошены экипажи из в/ч 12382, что стояла под Одессой. В их числе был уроженец Тюхтетского района Красноярского края бортмеханик Юрий Николаевич Конопелько. Несколько месяцев назад капитан вернулся из Афганистана. 31 мая у него родился сын, и вот, новая командировка.

Вспоминает Юрий Николаевич Конопелько:

«В канун майских праздников часть подняли по тревоге. Был парково-хозяйственный день, а поступила команда произвести предполетную подготовку. Звонит комэск: «Бери деньги и тревожный чемоданчик». «Учения?», — спрашиваю. В этот день ушли два звена — 8 вертолетов. В июле на замену собрали два экипажа. В один из них попал я. Вылетели на Ми-8. На второй день с инструкторами облетели Зону. Командиром экипажа был майор Александр Ламбин из Тюмени, штурманом — Кузнецов.

Вертолеты Ми-8Т летали на разведку, возили химиков. Летал с нами генерал Полухин. После шли вертолеты Ми-26, с них лили патоку (по 20 тонн), а мы до и после замеряли обстановку. Нередко перед поливом уровень радиации в 500 раз превышал норму. Высота полета — 200 метров. У нас было 19 заходов на реактор. Для безопасности вертолеты мыли, продували паром двигатель, пилотскую кабину чистили спиртом. Вертолеты пытались обшивать свинцом, но он сильно мешал обзору. Когда получил дозу в 16–18 рентген, меня на три дня отстранили от полетов. 6 августа хватанул 4 рентгена, мы тогда сделали 4 захода на реактор. За время командировки у меня вышло 170 часов полета, в то время как в мирное время налет за год был всего 50 часов. А в Афгане за год у меня было 300 часов налета».

Со временем достроили Саркофаг, возвели над ним второе укрытие. Техника, которая раньше защищала от радиации, теперь сама стала источником излучения. Кое-что удалось «отмыть», остальное бросили здесь — вертолеты, самосвалы, трактора. Самую «звонкую» технику собрали и захоронили на могильниках, которые оборудовали прямо в Зоне, в больших котлованах рядом с реактором.

Вениамин
Евгеньевич
Будков

Александр
Владимирович
Сильченко

Юрий
Николаевич
Конопелько

Укрытие для реактора

15 мая 1986 года Политбюро ЦК КПСС поручило министерству среднего машиностроения совместно с другими министерствами и ведомствами СССР выполнение работ по консервации разрушенного 4-го блока ЧАЭС.

В этот же день был создан штаб отрасли под руководством заместителя министра среднего машиностроения Александра Николаевича Усанова. Одновременно при штабе был создан производственно-диспетчерский отдел во главе с Игорем Аркадьевичем Беляевым, который координировал вопросы снабжения, транспорта, размещения людей и их питания, осуществлял связь между различными ведомствами и многими организациями в пределах министерства.

Минсредмаш

Атомная отрасль в Советском Союзе начиналась с созданного при Совете министров Специального комитета, который в 1953 году был преобразован в общесоюзное Министерство среднего машиностроения СССР. Славный путь Минсредмаша отмечен такими достижениями, как строительство и ввод в эксплуатацию первой в мире атомной станции в городе Обнинске, первых в мире реакторов на быстрых нейтронах, атомного ледокола «Ленин» и энергетического реактора БН-350. Главками Минсредмаша построено 10 закрытых и десятки открытых городов на территории СССР, сооружены шахты пусковых установок ракетных войск, атомные станции в СССР и за рубежом. Научно-исследовательские и промышленные предприятия Минсредмаша проектировали и производили реакторы для кораблей и подводных лодок ВМФ, ядерные боеприпасы для МО СССР, добывали уран и золото.

Из книги Владимира Сперанского «Сибиряки с черновыльской отметиной»:

«Александр Николаевич [Усанов] был грамотным, эрудированным инженером-строителем, спокойным, выдержанным, по виду даже суровым человеком. Поражала его эрудированность в принятии сложных решений и еще большая уверенность в их исполнении. В Чернобыле я просто заряжался уверенностью, исходящей от этого руководителя, черпал силы для работы в экстремальных ситуациях при строительстве Саркофага. Чернобыль подорвал его здоровье, и этот замечательный человек преждевременно ушел из жизни.»

20 мая 1986 года приказом министра Минсредмаша Е.П. Славского для ликвидации последствий аварии на ЧАЭС создано управление строительства № 605 (УС-605). В разные периоды времени в его состав входило более 23-х структурно-производственных подразделений: строительные и монтажные районы, бетонные заводы, управления механизации и автотранспорта, энергоснабжения, производственно-технической комплектации и многое другое.

Управлению строительства было подчинено управление военно-строительных частей в составе двух военно-строительных полков, военно-строительный и санитарно-эпидемиологический отряды, а также подразделения обеспечения. Кроме того, в непосредственном контакте с управлением строительства в зоне Чернобыльской АЭС работало свыше 10 научных, проектных и других организаций Минсредмаша — РИАН, СНИИП, ИАЭ, химкомбинат «Маяк» и другие.

Первым начальником УС-605 стал генерал-майор Евгений Васильевич Рыгалов, в то время — начальник строительного-монтажного управления № 604 города Красноярск-45 (в настоящее время — город Зеленогорск).

Генерал-майор Е.В. Рыгалов

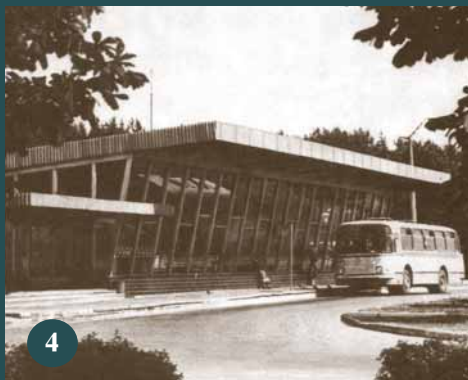
1

3

2

4

5

1. Территория 2-го района обозначена, никто из водителей не проедет мимо. На фото главный инженер В.М. Прокофьев
2. Руководство УАТ УС-605 около Саркофага, октябрь 1986 г.
3. Задачи инженерным войскам в зоне действия 2-го района определены
4. Автовокзал в Чернобыле до аварии
5. Автовокзал в Чернобыле. Приехал министр Е.П. Славский, слева от него Г.Д. Лыков, в центре (в галстукe) А.Н. Усанов

С 20 июля 1986 года УС-605 возглавил уроженец города Абакана Геннадий Дмитриевич Лыков, директор Новосибирской строительной организации «Сибкадемстрой».

В третью смену, с 23 сентября 1986 года, начальником управления строительства № 605 был назначен Илья Александрович Дудоров, главный инженер из Димитровградского управления строительства, бывший главный инженер «Сибхимстроя», отработавший в Красноярске-26 около пяти лет.

«Утверждаю»

министр _____ Е. Славский

23 мая 1986 г.

Первоочередные мероприятия по 4-му блоку Чернобыльской АЭС, связанные с ликвидацией аварии

1. Утвердить выбранные площадки под жилые городки, размещение баз в районе г. Иванков.

2. Поручить Оргстройпроекту организовать проектные группы для проектирования утвержденных объектов. Срок 26 мая.

3. Т. Рыгалову Е. В. и т. Барабаш представить график выполнения проектных работ 25/V-86.

4. Определить местом приемки грузов ж/дорожную станцию Тетерев.

5. Смонтировать передвижные бетонные заводы и растворные заводы в районе г. Чернобыль по согласованию с Минэнерго (т. Кизимой). Суточную производительность определить согласно графику строительства (срок июнь, отв. II ГУ)

6. Организовать штаб стройки, оперативной и проектной групп в г. Чернобыль. Срок 30/V-86, отв. Ермаков Ф. А., Егоров М. Н., Рыгалов Е. В.

7. Организовать в г. Киеве и на базе «Строитель» постоянные представительства для обеспечения приема и размещения прибывающих работников, отв. Рыгалов.

8. Разработать эскизные проекты по консервации 4-го блока и связанных с ним сооружений ВНИПИЭТ срок 27 мая 1986 г.

9. Установить сроки выполнения первоочередных проектных работ.

.. По заявке управления строительства т. Якутину В. Н. обеспечить приборами и оборудованием для дозиметрического измерения

Председатель штаба по ликвидации аварии

Зам. министра Усанов А. Н.

23. 05. 86 г.

Постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР от 5 июня 1986 года было официально утверждено решение о долговременной консервации 4-го энергоблока и сооружении объекта под названием «Укрытие 4-го блока ЧАЭС». Генеральными проектировщиками работ стали ленинградский институт ВНИПИЭТ и московский «Оргтехстройпроект». Научное руководство было поручено Институту атомной энергии им. И. В. Курчатова.

Фактически же проектирование «Укрытия» началось еще 20 мая. Пока проводились неотложные мероприятия на станции, из ленинградского ВНИПИЭТа в Москву был вызван главный инженер института Владимир Александрович Курносов. Он и возглавил бригаду проектировщиков. В ленинградской команде Курносова были отважные и ответственные люди: главный инженер проекта Алексей Андреевич Бицкий, главный конструктор Евгений Петрович Цуриков, руководитель группы архитекторов Иван Климович Моисеев, руководитель группы проектировщиков Вадим Михайлович Багрянский.

Комплексная бригада из специалистов ВНИПИЭТа была размещена в институте «Оргстройпроект» в Москве. Перед ней стояла уникальная задача. Подобных сооружений никто и никогда в мире не строил, позаимствовать опыт было не у кого. Требовалось перекрыть разрушенный энергоблок площадью, равной шести футбольным полям, все виды строительных работ надо было проводить максимально дистанционно и завершить за 3–4 месяца.

С учетом важности задач были проработаны несколько десятков вариантов защитного устройства. Предлагались «Холм» из песка, бетона и металлических шаров, железобетонная «Арка», купольный «Зонт» и многое другое. Выбор пал на конструкцию с максимальным использованием сохранившихся после взрыва железобетонных конструкций, включая деформированные при взрыве сооружения и, как выяснилось потом, это было единственное решение, которое позволило до предела сократить сроки возведения объекта, названного «Укрытием».

Это был инженерный риск, но другого выхода не было. Для обеспечения надежности будущего сооружения выполнялись сложнейшие расчеты, конструкции, на которые опиралось «Укрытие», были усилены с помощью корсетов и коронок. Наиболее ответственные опоры были дистанционно испытаны.

Короткие сроки требовали использования для возведения «Укрытия» материалов, поддающихся высокой механизации. Был выбран монолитный бетон — хороший материал для биологической защиты, который можно быстро изготовить и транспортировать на большие расстояния с помощью бетононасосов практически без участия людей.

Владимир Александрович Курносов вспоминал: «В начале оформилась главная идея — постепенно бетонируя подступы к 4-му блоку, и тем самым подавляя радиацию, приблизиться к его завалам и, максимально используя оставшиеся после взрыва конструкции, закрыть эту чертову дыру стенами и крышей. Именно так во время ликвидации челябинской аварии (взрыв на химическом комбинате «Маяк» в 1957 году — ред.) мы загоняли радиацию под бетон».

Начиная с середины мая, сменяя друг друга через 25–30 дней, в Чернобыле работала на постоянной основе бригада проектировщиков ВНИПИЭТа. Практически до окончания стройки проект «Укрытие» дорабатывался на месте с учетом ситуации. Так, в связи с появлением кранов «Демаг» грузоподъемностью 650 тонн, строительные конструкции были перепроектированы на более крупные элементы весом до 200 тонн, что позволило значительно сократить количество опор внутри разрушенного энергоблока, трудоемких по исполнению.

История строительства объекта «Укрытие» четко делится на три этапа, вахты, как говорили строители.

Первая вахта — с 20 мая по 15 июля 1986 года. В этот период был самый высокий радиационный фон. И самое главное — неизвестно, где можно «хва-

тануть» дозу. От взрыва всё разлетелось в разные стороны. В первую вахту провели максимальную дезактивацию местности, изготовили первые металлоконструкции для «Укрытия». В это же время построили бетонный завод, транспортные коммуникации, организовали первое жилье и столовые для ликвидаторов.

Вторая вахта — с 16 июля по 15 сентября 1986 года. В этот период был выполнен основной объем строительных работ по сооружению Саркофага. Трудозатраты строителей здесь были максимальны.

Третья вахта — с 16 сентября по 30 ноября 1986 года. Строительно-монтажные работы завершились и объект «Укрытие» был принят Правительственной комиссией.

Для выполнения громадного объема работ были привлечены все строительные и монтажные организации Минсредмаша. Из них в составе УС-605 были созданы 12 районов ликвидации аварии. Каждый район формировался, начиная от руководителя до рабочего, из одной строительной организации в составе министерства. Это давало большой выигрыш во времени, так как специалисты подбирались под выполнение конкретных работ, зачастую хорошо знали друг друга и имели навыки совместной работы. Большинство районов

Группа проектировщиков объекта «Укрытие» в здании автовокзала в Чернобыле

Заместитель министра Средмаша А. Н. Усанов (в центре фото в очках) проводит совещание в бункере. Третий справа (стоит) — главный инженер ВНИПИЭТа В.А. Курносов

получили географические названия. Например, в «Челябинском районе» работали ликвидаторы из закрытого минсредмашевского города Челябинска-40 и других населенных пунктов Южного Урала, в «Красноярском районе» работали специалисты Красноярска-26 и ликвидаторы из Красноярского края. Томск-7, Сосновый Бор, Обнинск... Лучшие умы и руки Минсредмаша были собраны в районе катастрофы.

1-й район, Челябинский, отвечал за работы с северной стороны центрального зала 4-го блока.

2-й район, Красноярский, работал с западной и северной стороны 4-го блока.

3-й район, Томский — южная сторона, вдоль машинного зала.

4-й район, город Сосновый Бор Ленинградской области, возводил стенку между 3-м и 4-м блоками машинного зала и работал на деаэрационной этажерке.

5-й район был образован на базе Обнинского строительного управления. Основные задачи — строительство бетонозаводов, затем — выпуск бетона.

6-й район возводил в помещениях 3-го блока разделительную стенку между 3-м и 4-м блоками и укладывал бетон в каскадную стенку.

7-й район работал на объектах соцкультбыта.

8-й район обеспечивал перегрузку бетона в поселке Копачи.

9-й район образован на базе строительного управления города Желтые Воды. Базировался в Иванкове. Основные задачи — строительство летного городка и казарм в зимнем исполнении.

10-й район образован на базе Московского строительного треста. Строил материально-техническую базу для управления строительства УПТК-1, 2, 3, жилпоселок «Вахта-1000».

11-й район обеспечивал работу бетононасосов.

12-й район занимался дезактивацией техники.

Из книги Владимира Сперанского «Сибиряки с черной отмычкой»:

«Евгений Васильевич Рыгалов подтвердил зону работ нашей стройки — района № 2 по ликвидации аварии на ЧАЭС (Красноярский район). Соседом справа были томицы, которые вели работы по машинному залу четвертого блока, слева — уральцы. Им было поручено разделение взорванного блока от третьего блока, который впоследствии был пущен в эксплуатацию, и дезактивация территории с северной стороны.»

«Как во время Великой Отечественной войны в 1941 году сибиряки спасали Москву, так сейчас сибирякам предстояло спасти мир от радиационной катастрофы.»

В дальнейшем был создан специализированный монтажный район для проведения работ по монтажу металлоконструкций и их укрупнительной сборке. В этом районе были собраны лучшие монтажники и сварщики Минсредмаша. Они работали как субподрядчики во всех строительных районах.

Министр Славский жестко требовал от этих районов выполнения поставленных задач в установленные сроки. Фактически действовал лозунг: «Ни часу простоя на строительстве Саркофага под «пулями» радиации».

Первым начальником Красноярского района № 2 в первую вахту стал заместитель главного инженера «Сибхимстроя» полковник Владимир Константинович Сперанский из Красноярска-26 (Железногорска).

Владимир Константинович Сперанский:

«В 1958 году после окончания Военной инженерной академии им. Можайского в Ленинграде я был командирован в распоряжение министра, генерал-полковника Ефима Павловича Славского, где и трудился до ликвидации министерства, и я очень горжусь тем, что частичка моего труда также составила славу легендарному Минсредмашу и атомной отрасли».

Трагическим событиям 1986 года посвящена книга Владимира Сперанского «Сибиряки с чернобыльской отметиной», изданная в 2008 году. Все события в ней описаны по личным воспоминаниям и рассказам других ликвидаторов. Это уникальный исторический документ, в котором хроника возведения Саркофага представлена не только масштабно, но и в деталях.

Из книги Владимира Сперанского «Сибиряки с чернобыльской отметиной»:

«Было около семи часов вечера. Начальник управления строительства «Сибхимстрой» Петр Тихонович Штефан сидел в кабинете один, перед ним на столе лежал план Чернобыльской АЭС. На плане четырьмя цветами были размечены площадь и стены 4-го блока ЧАЭС. Здесь я впервые узнал, что 20 мая Политбюро ЦК КПСС и Совет министров СССР на совместном заседании приняли решение поручить Минсредмашу работы по захоронению разрушенного 4-го блока, а «Сибхимстрою» приказано создать Красноярский район № 2 по ликвидации аварии. Штефан показал на плане зону действия нашего района, обозначенную зеленым цветом... 28 мая мы с Сергеем Петровичем Дубининым, который был назначен моим заместителем, вылетели в Киев. Там уже были томские строители во главе с главным инженером стройки Александром Яковлевичем Асаиновым. Я был знаком с ним еще со студенческой скамьи».

Начальник 2-го района первой вахты полковник В.К. Сперанский

Владимир Константинович вспоминает, что темой его дипломной работы в Ленинградской академии им. Можайского была организация восстановительных работ после взрыва атомной бомбы среднего калибра. Через 28 лет Сперанскому пришлось организовывать восстановительные работы после взрыва «мирной бомбы».

Офис УС-605 разместился в городе Чернобыле, в здании автовокзала. Здесь же работали дозиметрическая и диспетчерская службы, медицинский пункт.

В административном здании ЧАЭС располагались новый директор станции Е. Н. Поздышев и его заместители, службы АЭС, оперативные штабы министерства обороны и гражданской обороны. На станции работали два санпропускника. Здесь же с 20 июня обосновалась дозиметрическая лаборатория. С этого дня шел четкий учет полученных доз, планировалась ежедневная работа, определялось время пребывания в «грязной» зоне.

Для приемки грузов была выбрана железнодорожная станция Тетерев, на ней предстояло организовать жилье для работников базы УПТК, а также обеспечить техническую возможность разгрузки

Макет аварийной зоны ЧАЭС. Красным цветом обозначен разрушенный 4-й энергоблок.

Строительство Саркофага было поручено:
 Району № 1 (Челябинский) — выделен жёлтым цветом
 Району № 2 (Красноярский) — выделен зеленым цветом
 Району № 3 (Томский) — выделен коричневым цветом
 Рядом с топочными работали специалисты из города Соснового Бора
 Ленинградской области.

На макете обозначено хранилище жидких топливных отходов (ХЖТО).
 Сюда, в июле 1986 года, перебрался поближе к реактору штаб 2-го района.

стройматериалов, найти место для их складирования, обустроить транспортные развязки для грузов с последующей отправкой их в Чернобыль. Предстояла большая реконструкция станции с железнодорожными путями для массового приема стройматериалов и техники. В дальнейшем на станции разгружали до 130 вагонов в сутки. Разгрузку цемента начали с пяти вагонов, а закончили ежесуточной разгрузкой 40 вагонов. Цемент на бетонозаводы в Чернобыль перевозили автотранспортом ежесуточно по 2500 тонн на расстояние 120 км.

Правильность выбора подтвердилась наличием вокруг станции Тетерев многочисленных пионерских лагерей, которые послужили жильем практически на весь срок строительства. Минсредмашевцы поселились в бывших пионерских лагерях — «Голубых озерах», где уже в мае для ликвидаторов была открыта первая столовая, «Солнечном», «Дружбе», «Юбилейном», «Сказочном».

Вспоминает Владимир Константинович Сперанский:

«Мы с Сергеем Дубининым выбрали одну комнату для себя. Здесь у нас постоянно были 3—4 комплекта одежды, упаковка питьевой воды, средства связи.

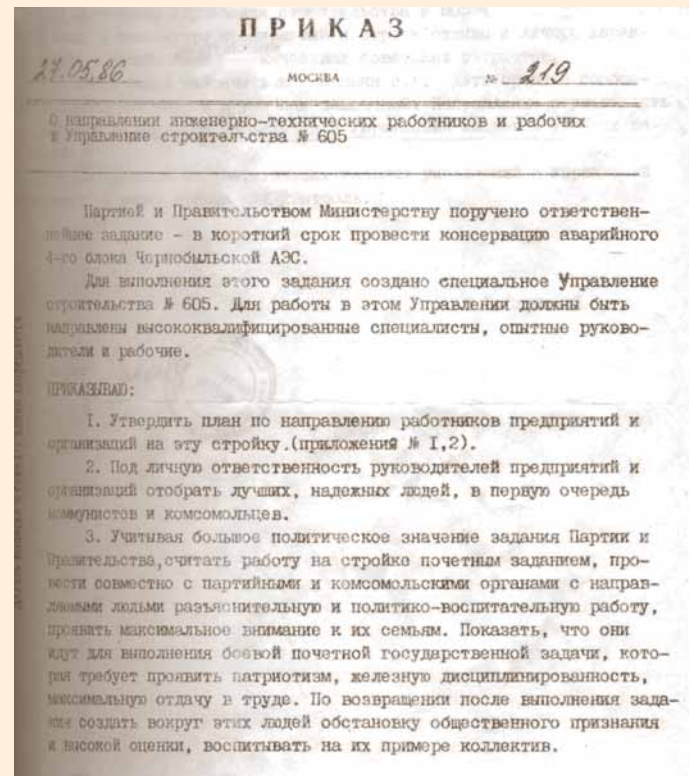
Рядом с жилым корпусом стояли около десятка бронетранспортеров. Нам пояснили, что их используют для выезда на станцию вместо легковых машин».

В «Сказочном» была развернута медсанчасть № 126. Лагерь находился в красивом сосновом бору возле села Иловница. Метрах в 500-х от лагеря протекала река Уж.

Для организации питания в составе УС-605 был открыт филиал Приднепровского УРСа. Вообще, тыловое обеспечение строителей было организовано как при коммунизме. Прилет, отлет, доставка автотранспортом, проживание, питание — все бесплатно и своевременно. Обязательный ежедневный, а то и по несколько раз в день, «отмыв» в санпропускниках с заменой спецодежды. От ликвидаторов требовалось только одно — загнать радиацию в Саркофаг.

Вспоминает Евгений Васильевич Рыгалов, 1928 г.р., первый начальник УС-605, затем до 1997 года — генеральный директор СПАО УС-604 г. Зеленогорска:

«Об аварии на ЧАЭС я узнал из телефонного разговора с Александром Николаевичем Усановым. Вскоре поступила команда срочно прибыть в Москву, я и поехал. Оттуда вместе с Усановым — в Чернобыль. Человек я военный, приказ получен — надо выполнять. Задачи обозначили на месте — любыми путями загасить реактор.

Приказ подписан министром Е.П. Славским

На тот момент я возглавлял УС-604 в Красноярске-45 (Зеленогорске). Набор специалистов в УС-605 начал со своего предприятия.

Период ликвидации аварии вспоминается сейчас как пример высочайшей организации. Всего. Вопросы решались без малейшей проволочки. Материалы по первому требованию шли отовсюду. Людские ресурсы даже в избытке.

В то же время в первые месяцы ликвидации пришлось выполнить много ненужной работы. Сначала засыпали метровым слоем подьезды и подходы, потом все это расчищали. К чему и почему? Непонятно.

Мои рабочие дни по распоряжку были похожи один на другой как близнецы. Ранний подъем, на объект, вечером сон. О выходных никто и не думал. Питались мы в обычных столовых, никакого особого меню для руководителей не было. Из средств защиты был только «лепесток».

Из всех наших московских начальников особые слова уважения и восхищения хочется сказать в адрес Ефима Павловича Славского. Для меня этот человек — легенда. Таких сейчас нет и уже не будет. Великий человек. Никогда не кривил душой, всегда говорил правду. На реактор всегда ходил без всякой защиты. Говорил, что рожденных под знаком Скорпиона радиация не берет. Я тоже Скорпион, как Славский».

В ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС приняли участие 74 работника управления строительства № 604. Два участника ликвидации аварии (Е.В. Рыгалов и С.Ю. Соломатов — водитель УАТа), были награждены органами «Мужество» и пять человек — медалями «За спасение погибавших».

Для того чтобы масштабно приступить к ликвидации последствий аварии, надо было максимально расчистить территорию в районе 4-го блока, снизить радиационный фон, сделать пребывание людей в эпицентре аварии максимально безопасным.

Вокруг реактора валялись в большом количестве куски графита, стояла пораженная радиацией техника, верхний слой почвы излучал опасную радиацию и так далее. Всё, что «фонило», надо было спрятать, убрать, вывезти. Требовалось срочно найти способ захоронения отходов.

То, что можно было сбросить внутрь разрушенного реактора, было сброшено, а после надежно укрыто Саркофагом. Но куда вывозить горы земли?

Для решения этой задачи Правительственная комиссия решением от 15 июня 1986 года образовала рабочую группу под руководством А. К. Круглова, начальника научно-технического управления Минсредмаша. В состав рабочей группы были включены представители украинских и ряда союзных ведомств. В результате был разработан порядок захоронения отходов. Решили спрятать звенящую радиацию в землю, но точных данных о количестве и качестве потенциально опасных материалов и объектов не было. Какой глубины должны быть ямы? Какой длины?

В мае-июне 1986 года были разработаны проекты земляных траншей для твердых радиоактивных отходов. Попросту говоря, в эти ямы, согласно санитарным нормам, можно было закапывать грунт, металлические конструкции, технику, приборы и тому подобное.

По первому проекту ёмкость траншеи составляла 10 – 15 тысяч кубических метров, позже проект был откорректирован, и ёмкость увеличена до 25 000 кубометров.

В июне 1986 года разработчиками проекта — специалистами ВНИПИЭТа — уже на месте была выбрана площадка в районе села Буряковки. При выборе месторасположения могильников учитывались предложения крупных ученых и специалистов. Выбранное место было утверждено решением Правительственной комиссии от 23 июня 1986 года. Объект получил название — ПЗРО (площадка захоронения радиоактивных отходов) «Буряковка», и принят в эксплуатацию в феврале 1987 года.

Траншея для захоронения РАО

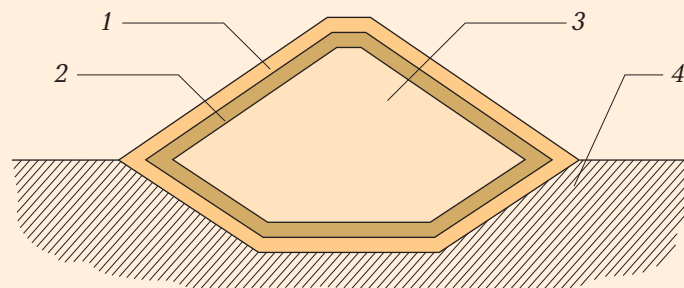

Схема хранилища-могильника:

1 — слой глины толщиной 0,5 метра, нижняя часть экрана траншеи составляет 1 метр.

2 — слой песка (или другого грунта), который предохраняет глиняный экран от разрушения во время заполнения траншеи.

3 — радиоактивные отходы (РАО).

4 — поверхность площадки ПЗРО.

Чтобы осадки не проникали внутрь могильника, после заполнения траншеи сверху над экраном устанавливается песчаная подушка, на которую выкладывается слой дерна толщиной не менее 20 см.

О хранилищах мало- и средне загрязненного грунта, удаляемого при дезактивации жилых поселков

1. Дальние перевозки этого загрязненного грунта нецелесообразны, т.к. ветровые разности будут поднимать величину активности в чистых и слабозагрязненных местах, на дорогах и т.д.

2. Для хранения этого загрязненного грунта наиболее целесообразно на местности с гладким рельефом (не овражистой) и возможно большим отстоянием водоносных горизонтов от поверхности сделать траншейные хранилища. Если отстояние в удобном для хранилища месте меньше 5 метров (определенных нормами), то его следует довести до 5 метров за счет слоя насыпного грунта. В этих траншейных хранилищах следует, по проекту МСМ, выполнить глиняный замок или при отсутствии глины замок из сорбирующих сред (напр., туфа). Координаты и план хранилища должны быть строго зафиксированы и находиться на вечном хранении в установленном порядке.

3. Высокозагрязненные удаляемые объемы грунта по масштабам составляют 1–2% от средне- и малозагрязненных грунтов. Их целесообразно помещать в фундаментальные могильники, создаваемые в промзоне, совместно с ввозимыми туда остатками выбросов из 4-го блока.

Академик А. Александров 12.06.86 года

В отстроенные стационарные могильники ПЗРО «Буряковка» нужно было перевозить отходы из временных хранилищ-могильников. Это так называемые пункты временной локализации радиоактивных отходов (ПВЛРО). Они сооружались без проектной документации, не имеют инженерных защитных сооружений и перекрытий, создавались без учета гидрогеологических условий на их территориях.

По состоянию на 1996 год все эти временные сооружения были закреплены за ГСП «Комплекс» и территориально объединены в секторы разной площади.

ПВЛРО «Копачи» — 1250 тыс.м²

ПВЛРО «Припять» — 700 тыс.м²

ПВЛРО «Чистогаловка» — 60 тыс.м²

ПВЛРО «Песчаное плато» — 880 тыс.м²

ПВЛРО «Нефтебаза» — 420 тыс.м²

ПВЛРО «Старая стройбаза» — 1220 тыс.м²

ПВЛРО «Новая стройбаза» — 1250 тыс.м²

ПВЛРО «Полигон Корогод» — 1250 тыс.м²

ПВЛРО «Станция Янов» — 1280 тыс.м²

ПВЛРО «Рыжий лес» — 400 тыс.м²

Хранилища типа ПВЛРО не отвечают требованиям нормативных документов и в разной степени оказывают отрицательное воздействие на окружающую среду. Наиболее опасны в настоящий момент ПВЛРО, которые находятся вблизи реки Припять. Это — «Нефтебаза» и «Песчаное плато». Траншеи ПВЛРО «Нефтебаза» постоянно или частично затапливаются или подтапливаются. ПВЛРО «Рыжий лес» содержит большое количество радиоактивных отходов с высокими уровнями удельной активности, однако в настоящее время, он является скорее потенциально, чем реально опасным объектом для окружающей среды.

Все ПВЛРО требуют серьезного внимания. По некоторым из них уже сейчас необходимо принимать срочные меры по локализации или перезахоронению из них радиоактивных отходов.

По указанию министра Славского в Чернобыль приезжали представители ОНИС (Опытной научно-исследовательской станции) из Челябинска-40, которые выдавали рекомендации по использованию загрязненных территорий и слабоактивных отходов, так как имели громадный опыт работы на загрязненных территориях вокруг комбината «Маяк» после известных аварий.

Рекомендации по внесению в почву органических отходов, дезактивации населенных пунктов [от 24.06.86 г.]

Образующиеся в процессе дезактивации органические отходы (навоз, снятый верхний слой почвы, собранная растительность) могут быть использованы в качестве органического удобрения;

Перед внесением в почву органические остатки (солому, сено) целесообразно измельчить и перемешать до состояния пригодного для механизированного разбрасывания по поверхности почвы. Измельчение соломы и сена производить на механизмах, используемых для приготовления грубых кормов в животноводстве;

Приготовленную смесь с помощью навозоразбрасывателей транспортируют и разбрасывают по полям, уровень загрязнения которых не ниже загрязнения смеси. Возможно, использовать для этих целей автосамосвалы путем разгрузки органической массы при медленном движении;

Примерная масса вносимых отходов на один гектар 40–60 т (4–6 кг/м²).

ОНИС ГКАЭ Архипов Н. П., Базылев В. В., Мартюшов В. В

Из книги Анатолия Дьяченко «Опыт ликвидации последствий чернобыльской катастрофы»:

«Однако, несмотря на эти правильные рекомендации и решение председателя Правительственной комиссии Ю.Д. Маслюкова о порядке обращения и захоронения отходов, рекомендации выполнены были лишь частично. Сжигать же горючие отходы, даже слаборадиоактивные, у которых загрязненность была ниже, чем на окружающей территории, председатель Правительственной комиссии в то время не решился, хотя и утвердил такие предложения.

Указанные предложения ОНИС являются актуальными и до настоящего времени на всех территориях, где имеются слаборадиоактивные отходы».

На данный момент ПЗРО «Буряковка» эксплуатируется государственным специализированным предприятием «Комплекс». На протяжении 30 лет собранные там радиоактивные отходы будут находиться под административным контролем и 300 лет будут находиться под санитарным надзором. Санитарный надзор за могильником означает контроль за нераспространением радиоактивных веществ из тела траншеи в окружающую среду. Согласно проекту ПЗРО,

через 300 лет могильник должен быть освобожден от санитарного надзора. Это означает, что даже при нарушении защитных экранов, воздействие могильника на окружающую среду будет несущественным.

В середине июня 1986 года Минздравом СССР по согласованию с Росатомэнергонадзором и Минсредмашем были выпущены «Временные санитарно-технические требования безопасности при выполнении работ по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС Управлением строительства № 605».

Требованиями устанавливалось:

Обязательное медицинское освидетельствование работников предприятий и организаций по своему постоянному месту работы и получение соответствующей справки-допуска.

Медицинское освидетельствование работников привлеченных ведомств в МЧС-126 с обязательным инструктажем по вопросам радиационной безопасности.

Установление предельной индивидуальной дозы внешнего гамма-излучения в размере 25 рентген с обязательным освобождением от работ в Зоне и прохождением медицинского обследования в МСЧ-126 и по месту основной работы.

Установление предельной дневной дозы для любого участника работы за рабочую смену не выше 1 рентгена.

К работам по сооружению объекта «Укрытие», который все ликвидаторы называли Саркофагом, первыми 28 мая 1986 года приступили красноярцы и томичи. Остальные районы начали свои работы в первых числах июня.

Начался первый этап работ по ликвидации последствий аварии. Первая вахта.

Самый большой объем подготовительных работ выпал на долю Красноярского и Челябинского районов. Прежде чем строить, надо было очистить большие территории от радиоактивного мусора. Только так можно было подобраться к стене реактора.

Вспоминает Владимир Константинович Сперанский:

«И началась длительная, кропотливая работа по дезактивации территории. Проведенной дозиметрической разведкой были выявлены самые неблагоприятные места и точечные источники большой мощности. Наше министерство получило две машины ИМР от Минобороны, в заводских условиях были оборудованы кабины, защищенные тысячекратно, обеспеченные техническим телевидением, приборами определения точечных источников. Одна из них была отдана красноярцам и начала работу по очистке территории. Погрузка шла

в металлические ящики с крышками — контейнеры. Производительность — 3–4 контейнера за четырехчасовую смену, затем ИМР выезжала из Зоны, и саму машину еще четыре часа дезактивировали. Было ясно, что такую большую площадь осилить одной ИМР не пог силу. Подключили в работу обычные бульдозеры с защищенными кабинами. С их помощью дело пошло быстрее, зараженный грунт собирался в кучи, а далее — в контейнеры. Из-за высокой радиации укладка бетона на площадках была упрощенной, машина задним ходом врывалась в Зону, разгружала бетон, а далее он разравнивался бульдозерами.»

25 июня в очередной раз прибыл на стройку министр Е. П. Славский. Красноярцы к его приезду уже расчистили и забетонировали площадку до здания ХЖТО, а штаб 2-го района переместился в хранилище отходов ядерного топлива (ХОЯТ). Отсюда шло оперативное руководство работами.

В обычных условиях эксплуатации атомной электростанции в здании ХОЯТ вход разрешен только

Одна из первых чернобыльских планерок Минсредмаша. Крайний слева — министр Е. П. Славский, крайний справа — генерал Е. В. Рыгалов, выше — начальники всех 12-ти районов.

После совещания. Руководство УС-605, начальники районов, командиры воинских частей. Автовокзал в Чернобыле, 1986 г.

работникам, обслуживающим хранилище. Ликвидаторам же пришлось радиационную защиту его стен использовать от внешнего источника радиации — разрушенного реактора.

Ученые опасались, что за счет концентрации радиоактивных материалов может произойти прожог основания реактора, и далее — грунта до водоносных слоев. Поэтому было решено выполнить под фундаментом реактора железобетонную охлаждаемую плиту.

Выполнение земляных работ под плиту было поручено шахтерам, которые пробили штольню под фундаментом 3-го и 4-го блоков. Штольня обеспечивалась специальной железобетонной рубашкой из тубингов. Породу из-под плиты реактора вывозили вручную вагонетками. Работа началась 5 мая и велась круглосуточно со стороны 2-го блока ЧАЭС. Диаметр штольни — 1,8 метров.

Вспоминает Владимир Константинович Сперанский:

«2 июня, вернувшись в пионерский лагерь довольно поздно, я сразу ринулся в столовую. По дороге встретил Толю Чемериса, начальника Томского района, он сказал, что для меня передали записку от Рыгалова, надо срочно зайти.

Евгений Васильевич сказал: «Ученые боятся прожигания дна реактора, принято решение стро-

ить дополнительный фундамент». Выяснилось, что накануне Правительственная комиссия учинила разнос шахтерам за затягивание погреекторных работ, ведь прошел почти месяц, а объект не сдан Минсредмашу под установку систем охлаждения.

Следующим утром, на заседании Правительственной комиссии Рыгалов представил меня как начальника 2-го района и сказал, что работы по строительству погреекторной плиты поручает нам, красноярцам.

После совещания я поехал к 3-му блоку, чтобы на месте разобраться, в чем дело.

После бесед с шахтерами стало ясно, что за месяц круглосуточной штурмовой работы в условиях высокой радиации люди просто вымотались. Многие уже получили предельные дозы.

Было принято решение отпустить всех шахтеров домой, оставив только одну 3-часовую смену. В оставшееся время на объекте работали монтажники и строители.

Дополнительно мы привлекли к работам солдат, и дело заспорилось. Два мощных бетононасоса «Швинг» круглосуточно закачивали бетон в фундамент. 25 июня Правительственной комиссии было доложено, что погреекторная плита выполнена».

Деактивация территории вокруг 4-го энергоблока снизила гамма-фон, но радиационная опасность по-прежнему была врагом № 1. Следующим шагом стало возведение разделительных стен между 3-м и 4-м блоками, в деаэрационной этажерке и машинном зале. Стройка велась по четкой методике. Дозиметристы проводили детальную радиационную разведку в каждом помещении, на каждой высотной отметке, вместе с проектировщиками определяли материалы и меры по защите от радиации до нормативных уровней. Защита выполнялась штучными бетонными блоками и свинцовым листом толщиной 6–10 мм. Общая площадь облицовки составляла 5500 квадратных метров. В некоторых помещениях приходилось вырезать трубопроводы, короба штатной вентиляции, убирать весь мусор, подливать бетоном пол на 100–150 мм. Далее выполнялась проектная опалубка, и шло бетонирование разделительных стен, этаж за этажом, помещение за помещением. К концу сентября эта работа свердловчанами и ленинградцами была выполнена.

В конце мая и все лето 86-го на Украине стояла страшная жара — до тридцати и более градусов. Ящики с минеральной водой стояли прямо на черновыльских улицах. Колодцы обернуты пленкой. Вода только бутилированная. В магазине от белой спецодежды очередь раздвигалась, продавцы старались побыстрее обслужить радиоактивных людей. Владимир Сперанский вспоминает, что «по дороге в Чернобыль у изгороди стояли старики и старухи и смотрели на нас, как в фильмах о Великой Отечественной войне. Такое не забывается и сейчас».

3 июня в Чернобыль приехал Александр Николаевич Усанов. Он обошел рабочие площадки всех четырех районов непосредственно на самом реакторе. На тот момент строители с Ленинградской АЭС и уральцы только что прибыли, томичи искали варианты надвигки стены без участия железнодорожных платформ. Полноценная работа велась только в Красноярском районе.

Оперативку Усанов начал с подробного отчета обо всех шагах Минсредмаша по организации ликвидационных работ. Было сказано, что правительством принято решение о призыве «партизан». В связи с этим строительное управление города Желтые Воды переведено в Иванково и назначено ответственным за строительство военных городков в 30-километровой зоне. Обнинское строительное управление теперь отвечает за строительство бетонных заводов в 5-м районе. Первый местный бетон должен поступить на стройку 20 июня. Московский строительный трест № 1 образует 10-й район ликвидации и будет расширять станцию Тетерев, подъездные пути,

Узел перегрузки бетона позволил уберечь от радиоактивного загрязнения большое количество автотранспорта

строить эстакады для разгрузки машин с цементом. Строительному управлению города Шевченко поручено строительство базы УМиАТа (управления механизации и автотранспорта).

Распоряжением Усанова было организовано управление энергоснабжения. Начальником был назначен Геннадий Борисович Григорьев — главный энергетик Обнинского строительного управления. Владимир Сперанский пишет: «Он так хлопотал со своей службой, делал все, чтобы нам, строителям Саркофага, было комфортно. Уже после Чернобыля я бывал у него в Обнинске. Геннадий всегда меня радушно встречал, и мы вспоминали те боевые, напряженные и очень интересные дни».

Ульяновским строителям Александр Николаевич Усанов поручил строительство узла перегрузки и санпропускников.

Узел перегрузки — это большая эстакада с наклонным въездом на нее машин и одновременной разгрузкой до пяти единиц транспорта, с бункерами, дающими возможность под эстакадой принимать бетон в миксеры.

После сдачи узла перегрузки в эксплуатацию 10 июля, машины стали курсировать между бетонозаводом и реактором без дезактивации, занимавшей от одного до двух часов.

Миксеры с бетоном курсировали по этому маршруту с периодичностью в 3 минуты круглосуточно. Два потока машин — на реактор и обратно, непрерывная лента фар. Ночью было светло как днем.

Каскадная стена

Следующим этапом строительных работ было закрытие крупного разлома стены 4-го блока многоярусной каскадной стеной. Задача этой стены — отсечь завал от остальной территории разрушенного блока.

Начат монтаж труб перекрытия центрального зала, смонтирована первая секция 4-го яруса каскадной стены

Первый ярус выполнялся из забетонированной опалубки, размещенной на железнодорожных платформах, колесных парах. Первый ярус — высотой 5 метров, остальные четыре — по 12 метров до отметки 53. Наружную опалубку уступов строили из металлических щитов длиной до 54 метров, весом единицы более 100 тонн.

С 1 июня у 1-го энергоблока началась сборка металлической опалубки. Железнодорожные платформы постепенно обретали форму вагонов, смонтированные каркасы обтягивались сеткой. По верху каркасов приварили бетоноводы, по два на вагон. Потом через них вагон заполнялся бетоном. Железнодорожный путь был расположен в тридцати метрах от стены машинного зала, по нему от 1-го блока к 4-му танками заталкивался этот своеобразный поезд.

Металлоконструкции каскадных стен готовили на опытном заводе ПО «Энергоспецмонтаж» города Электростали. В течение месяца было изготовлено 800 тонн. Укрупнение и монтаж всех ярусов каскадных стен производился у здания ХЖТО. Силами красноярцев там была создана спокойная радиационная обстановка.

Здание ХЖТО стало базой для строителей и монтажников до окончания всех работ. Отсюда, по галерее, к стенам Саркофага в спецодежде, в очках, респираторах, перчатках, дозиметристы через мегафон сообщали о дефиците времени, корректировщики объясняли проходы. Зевак тут не было, обстановка не для слабаков.

В июне запроектированная опалубка на платформах была собрана силами военных у 3-го блока, а затем, после отработки стыковки, удачно установлена. Высота 5 метров, ширина — 7 метров, стык на клин, внутри — масса распорных конструкций.

Низ до земли загородили трансформаторной лентой, и строители Минэнерго начали закачку тампонажного раствора. В течение 10 дней закачали около 1000 кубометров, но даже не закрыли дно, все растекалось. Дальнейшее бетонирование стены УС-605 взял на себя.

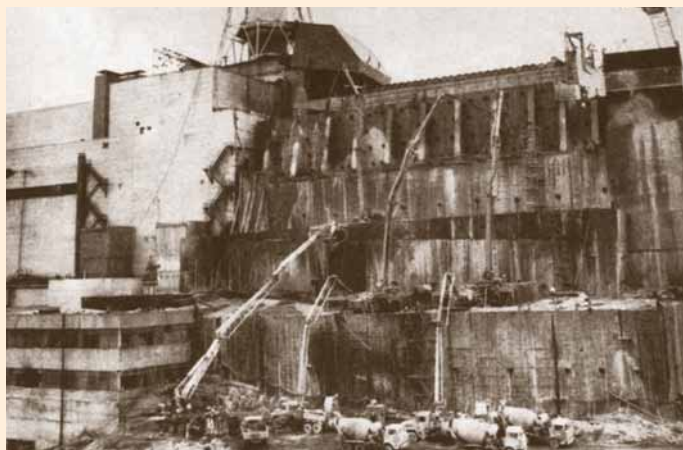
Со стороны 3-го блока за стеной ВСРО был установлен стационарный бетононасос «Швинг» с максимальной защитой операторов, из него бетон закачивали в завал и стену. До тысячи кубов в смену на один насос. Продвигались вперед, постепенно заполняя опалубку и завал. Реактор 4-го блока стал могиликом, и за каскадные стены в завал возвращалось все, что он разрушил и раскидал по площади. Бетон ложился буграми, нужно было выравнивать поверхность для установки первой стенки каскада.

Для выравнивания по пандусу самосвалами завозились щебень и песок, подсыпка достигала двухметровой высоты. Уже после первых трех дней заливки бетона в завал радиационная доза уменьшилась в 20 раз и на засыпке была 16 рентген в час. Как только была поставлена первая стенка из металла высотой 12 метров, на всю высоту в завал два бетононоса начали качать бетон. Объем принимаемого бетона рос ежедневно, и достиг 5700 кубов в сутки.

После заливки бетоном образовалась площадка 12-метровой высоты и шириной около 20 метров. На ней краном «Демаг» установили металлические щиты второго яруса каскадной стены.

Металлоконструкции стенки легли неровно, с уклоном от третьего блока. На этом неприятности не закончились, при закачке бетона не было динамики роста, бетон куда-то уходил. Правительственная комиссия подключила прокуратуру. Надо было искать течь. Лезть под реактор. В коммуникационном канале обнаружили свежую протечку громадной массы бетона. Нужно было останавливать бетонирование и ждать, когда затвердеет вылившийся бетон. Такую операцию делали несколько раз, с каждым разом уменьшая и сузя отверстия, через которые утекал бетон.

Для укрепления площадки 12-метровой высоты за вторую стену по мере бетонирования начали забрасывать металлические каркасы, обтянутые сеткой. Это давало возможность одновременно уменьшить и объем бетона, утекавшего в завал.

Бетон проходил длинную цепочку

Монтаж третьей стенки вообще решили сделать составным. Наружная опалубка была выполнена из сплошных металлических щитов, как на первой и второй стенках каскада. Со стороны же завала была смонтирована дополнительная стена из армированных каркасов, обтянутых сеткой.

Для бетонирования 3-го и 4-го уступов каскадной стены два бетононасоса были подняты на вторую, один — на третью ступени каскада. Еще три бетононасоса стояли на первой ступени, и к ним по пандусу заезжали миксеры с бетоном. Затем бетононасосы первой ступени подавали бетон в бетононасосы второй.

На бетонировании каскадных стен и примыканий разом работало шесть бетононасосов. Бетон проходил длинную цепочку, пока попадал в конструкцию стены Саркофага: бетонозавод — эстакада перегрузки — автобетоновозы — два бетононасоса. Однако темп укладки бетона не спадал — 5000 — 6000 кубов в сутки.

Не дожидаясь окончания бетонирования третьей стены, стали варить консольные балки по верху металлоконструкций и на них смонтировали 4-й ярус каскада. Все конструкции опор 4-й стены были выполнены на месте. Последний ярус защитной стенки состоял из наружных и внутренних металлических щитов, после бетонирования она должна была служить опорой для наклонных перекрытий с крайней балки на стену. Теперь строители могли спокойно укладывать бетон до проектных отметок.

Мучительным процессом оказалась заделка щелей при бетонировании каскадных стен. Уровень радиации был такой, что работать больше 15 минут было нельзя. За это время практически невозможно добраться до отверстия, подтянуть емкость с раствором и заделать дыру. Стали подгонять к стенам реактора освинцованные автобусы и БТРы. Таким образом ограничивали время пребывания людей в «грязной» зоне. А особо большие дыры сначала затыкали тюками поролона, а потом уже замазывали бетолирующим раствором.

Стены очень медленно набирали высоту.

Вспоминает Александр Владимирович Бевза:

«Техника там применялась самая лучшая, которая только существовала в мире, я считаю. И немецкая, и американская, и финская, и японская. Все было там. Все новое.

Отечественную технику дорабатывали на месте, обшивая защитными свинцовыми листами. На монтаже применялись автоматические устройства и захваты.

Такие грандиозные объемы работ уже никто и никогда не повторит. За сутки один только район принимал четыре с половиной тысячи кубометров бетона и перекачивал их на стены будущего Саркофага.

Мы чувствовали, что за нами наша страна, наши семьи, весь мир. Была какая-то гордость, что ты стоишь на страже ядерной безопасности всего человечества, как щит».

Вспоминает Владимир Александрович Лебедев:

«Подходило к концу бетонирование каскадной стенки, но до верхней отметки с внутренней стороны не хватало около двух метров металлической опалубки. Чтобы не останавливать процесс, прямо на месте было принято решение: на нижнем ярусе разобрать строительные леса, взять от них стойки и закрепить их наверху, тем самым нарастив опалубку. Но как добраться до места работы? Выход нашелся: рабочие «партизаны» ложились на толстый слой поролона, и на нем спускались и поднимались по жидкому бетону. При этом надо учитывать, что время пребывания в рабочей зоне, из-за высокого радиационного фона, ограничивалось пятью минутами. Установив стойки, их обтянули двумя слоями сетки-рабицы и продолжили укладку бетона».

С 12 по 14 июня прибыл большой отряд инженерно-технических работников и рабочих «Сибхимстроя». В их числе был Валерий Иванович Реут, занявший должность главного инженера района № 2, Юрий Гаврилович Воронин, ставший заместителем главного инженера по механизации. Приехали прорабы, начальники участков: Владимир Михайлович Зайцев, Юрий Александрович Чернов, Александр Порфирьевич Обьедков, Василий Михайлович Прокофьев, Николай Антонович Ладохин, Александр Леонидович Малороссиянов и другие. Опытные рабочие — Сергей Иванович Белоусов, Николай Арбузов, Геннадий Винокуров, операторы бетононасосов Владимир Григорьевич Липаткин, Александр Васильевич Туркулецкий и другие — в основном стали бригадирами. Их бригады пополнились «партизанами».

С 15 июня второй район перешел на круглосуточный график работы — 8 смен по три часа. Выходных не было.

Министр Е.П. Славский с членами Правительственной комиссии около алюминиевого колпака, 10 июля 1986 г.

В июле штаб 2-го района перебрался ближе к реактору, в здание ХЖТО, которое было соединено галереей с третьим блоком. После тщательной дезактивации всех помещений здесь расположился и оперативный штаб стройки. Здесь проходили планерки с участием членов Правительственной комиссии.

В первой декаде июля была сделана попытка накрыть реактор четвертого блока крышкой из алюминия. Этот навес скорее создал бы видимость защиты, но решение было принято, и крышку весом 9 тонн доставили на весу из Киева вертолетом. Заказ выполнил КБ Антонова по заявке Минсредмаша.

Вертолет, держа алюминиевый колпак на высоте 200–250 метров, сделал поступательное движение вперед по направлению к завалу. В какой-то момент неожиданно груз сбрасывается и падает на землю здесь же, на площадке. К счастью, никто не пострадал, однако колпак пришел в полную негодность. По свидетельству очевидцев, а может и по чернобыльской легенде, присутствовавший на вертолетной площадке во время летных испытаний Ефим Павлович Славский перекрестился и сказал тихо: «Слава Богу». Больше к этой теме не возвращались.

21 июля 1986 года образовано Министерство атомной энергетики СССР, но само название «Минсредмаш» сохранилось до июня 1989 года, когда постановлением правительства на базе Минсредмаша и министерства атомной энергетики было образовано объединенное Министерство атомной энергетики и промышленности СССР (МАЭП).

Первым министром атомной энергетики СССР стал Николай Федорович Луконин, бывший директор Ленинградской, а затем Игналинской АЭС. 29 ноября 1986 года министром атомной энергетики СССР был назначен Лев Дмитриевич Рябев. Сегодня он занимает пост советника генерального директора корпорации «Росатом».

Из интервью Льва Дмитриевича Рябева [Источник: Энергетическое сообщество России]:

«В Чернобыле Минсредмаш создал колоссальную строительную базу, организовал необходимый автотранспортный парк, поставил все работы «на конвейер». Достаточно сказать, что в отдельные дни, точнее сутки, укладывали до 10 000 кубометров бетона! Такой объем работ трудно даже вообразить.

И все это делалось в обстановке прямо-таки гигантских доз облучения! Были, конечно, комбинезоны, медицинское наблюдение. Но условия были тяжелейшие. И не случайно многих, кто трудился в Чернобыле в те дни, сегодня уже нет среди нас. Само укрытие было возведено в до предела сжатые сроки, и уже в конце октября 1986 года было принято межведомственной комиссией во главе с Николаем Федоровичем Лукониным, главой вновь созданного Министерства атомной энергетики СССР.

В 1986 году, сразу после чернобыльской катастрофы, я был назначен первым заместителем

Красноярцы у здания ХЖТО. Второй справа — А.В. Бевза

министра, а в ноябре 1986 года — министром. Конечно, это был тяжелейший период, потому что срочно нужно было решать и текущие проблемы безопасности на действующих атомных станциях, и изменять проекты, и реализовывать мероприятия по повышению безопасности. Здесь гигантскую работу провел Анатолий Петрович Александров, потому что он чувствовал личную ответственность за все происшедшее. Лично Александров и коллектив Института атомной энергии, наши проектные и конструкторские организации провели в 1986–1990 годах огромную работу, чтобы кардинально повысить безопасность на АЭС. Поэтому сегодня мы знаем: ничего подобного тому, что произошло в Чернобыле, впредь не может произойти. Хотя я не могу гарантировать, что исключается вообще всякая возможность аварии, потому что ядерный реактор и атомная станция — это все-таки потенциально опасный объект. Но вопрос глубины аварийности и последствий сегодня сведен к минимуму».

В середине июля новосибирец Геннадий Дмитриевич Лыков сменил красноярца Евгения Васильевича Рыгалова на посту начальника УС-605. Игорь Беляев пишет в своей книге «Бетон марки Средмаш», что «совещания у Г.Д. Лыкова проходили кратко — 20–25 минут. Руководители уже до этого успевали обменяться мнениями. Вопрос стоял на первом этапе основной — укладка бетона и работа бетонных заводов. В дальнейшем вставали вопросы монтажа и что надо сделать, чтобы его обеспечить. Потому что монтажный район, возглавляемый В.И. Рудаковым, в большинстве своем не нуждался в подсказках — там были собраны лучшие кадры отрасли по монтажным работам. После оперативки коротко решали более

узкие вопросы: перестановка бетононасосов, режим работы кранов, расписывая его по часам».

22 июля на смену полковнику Сперанскому из Красноярска-26 прибыл один из руководителей подразделений «Сибхимстроя» Александр Владимирович Бевза. Для 2-го района началась вторая вахта.

Вспоминает Александр Владимирович Бевза:

«Мы встретились с Владимиром Константиновичем Сперанским и несколько дней проводили передачу дел по должности. Составили акт, я познакомился с объемом работ, которые мне предстояло выполнить с теми специалистами, что уже работали в УС-605. В нашем строительном районе должности от старшего прораба и выше занимали опытные инженерно-технические работники «Сибхимстроя».

То, что я узнал на месте об истинных последствиях аварии, разительно отличалось от информации, поданной в СМИ — газетах, телевидении. Реальность меня ужаснула, хотя работа в условиях повышенной радиации для меня дело привычное.

Красноярский район № 2 под моим руководством должен был выполнить работы на двух сторонах 4-го энергоблока. Это правая стена разлома, так называемая, контрфорсная, лобовая стена и 58-я ось этого блока.

Вместе с монтажниками возводили металлические конструкции, потом бетонировали и готовили к перекрытию самого блока.

Кроме этого, занимались дезактивацией территории, освобождались от отработанной техники, снимали примерно метровый слой почвы и вывозили в могильники».

Вспоминает Владимир Константинович Сперанский:

«Саша начал руководить районом, а я, сделав все расчеты по заработной плате для ликвидаторов первой вахты, вылетел в Красноярск.

Самочувствие было скверное — дикая усталость, обожженная радиацией глотка, кожа красная, будто я вышел на пляж и в первый же день капитально обгорел. Это был радиационный загар. Хотя я все время работал в спецодежде — от шапочки до спецботинок.

Но чувство удовлетворения от проделанной работы перекрывало все. Была стопроцентная уверенность в скором завершении строительства и сдачи Саркофага. Если бы позволяло здоровье, я бы и сам с удовольствием довел дело до Победы».

В первых числах сентября стена вдоль машинного зала, высотой 8 метров 40 сантиметров, шириной

7 метров, была готова. Это дало возможность кранами забросить за нее зараженную технику и захоронить контейнеры с высокоактивными отходами. Стена машинного зала была обмыта специальной жидкостью, после чего все пространство между машинным залом и стеной из вагонов было выровнено засыпанным туда щебнем и забетонировано. Образовалась относительно чистая площадка длиной 102 метра и шириной 30 метров. Для заезда на нее был отсыпан 18-метровый пандус из щебеночно-песчаной смеси. На этой площадке стал работать DEMAG с вылетом стрелы 72 метра. Железногорские монтажники приступили к захоронению машинного зала.

В середине сентября для строителей Саркофага началась третья, завершающая, вахта. Начальником второго района стал специалист «Сибхимстроя» Владимир Александрович Лебедев.

Вспоминает Александр Владимирович Бевза:

«Обратно уехал не сразу. У меня было четыре отложенных отъезда. Уже Лебедев прилетел и сменил официально, но просил остаться помочь. Так и пробыл еще три недели. В Красноярск вылетел 15 октября 1986 года».

Вспоминает Владимир Александрович Лебедев:

«Прибыл в Чернобыль и без всякой раскачки окунулся в водоворот событий. Саша Бевза, которого я сменил, в короткое время передал мне дела. Начальником УС-605 в то время был Илья Александрович Дудоров, который в свое время был главным инженером управления строительства «Сибхимстроя». С ним у меня быстро наладились рабочие отношения».

В этот период завершались работы по возведению каскадной стены, закладывался фундамент под опоры монтажных балок перекрытия, прокладывались подъездные пути для их доставки, готовились площадки для Демагов. И многое-многое другое.

По завершению бетонирования каскадной стены главным стал монтаж металлоконструкций для перекрытия Саркофага. В этот период на первый план вышли специалисты монтажного района, в числе которых было много работников треста «Сибхиммонтаж» из нашего города. На тот момент от красноярского района № 2 под моим руководством зависела бесперебойная работа и монтажников, и демаговцев. Мы должны были обеспечить их всем необходимым, чтобы шло все без сучка и задоринки. И с этой задачей мы справились».

Перекрытие

Контуры стен Саркофага вырисовывались, но еще не был решен главный вопрос — перекрытие разрушенного реактора. На площадке перед ХЖТО монтажники и строители-красноярцы готовили рамную конструкцию, прозванную «Самолетом». Две спаренные балки были собраны в единый блок-гигант весом 165 тонн.

Балка имела четыре опоры, и их нужно было при монтаже зафиксировать сразу и выставить по осям без перекосов. Поднимали при помощи кранов «Демаг». Самым страшным была самовольная расстроповка тяжелой конструкции. Со второй попытки монтаж был успешно выполнен. 23 сентября в 2 часа ночи «Самолет» сел на опоры. Это была Победа.

Площадка для сборки кранов DEMAG

В течение двух последующих дней по этим балкам был смонтирован накат из специальных труб диаметром 1200 мм и длиной по 34, 4 и 28 метров, изготовленные на Электростальском опытном заводе и укрупненные в Чернобыле. Трубы легли на балки плотно, зазоров не было. Над реакторным пространством появилась надежная опорная металлоконструкция. Весь мир узнал: 25 сентября 1986 года взорвавшийся реактор был надежно перекрыт. В этот день состоялся митинг ликвидаторов, свершивших казавшееся невозможным еще несколько месяцев назад.

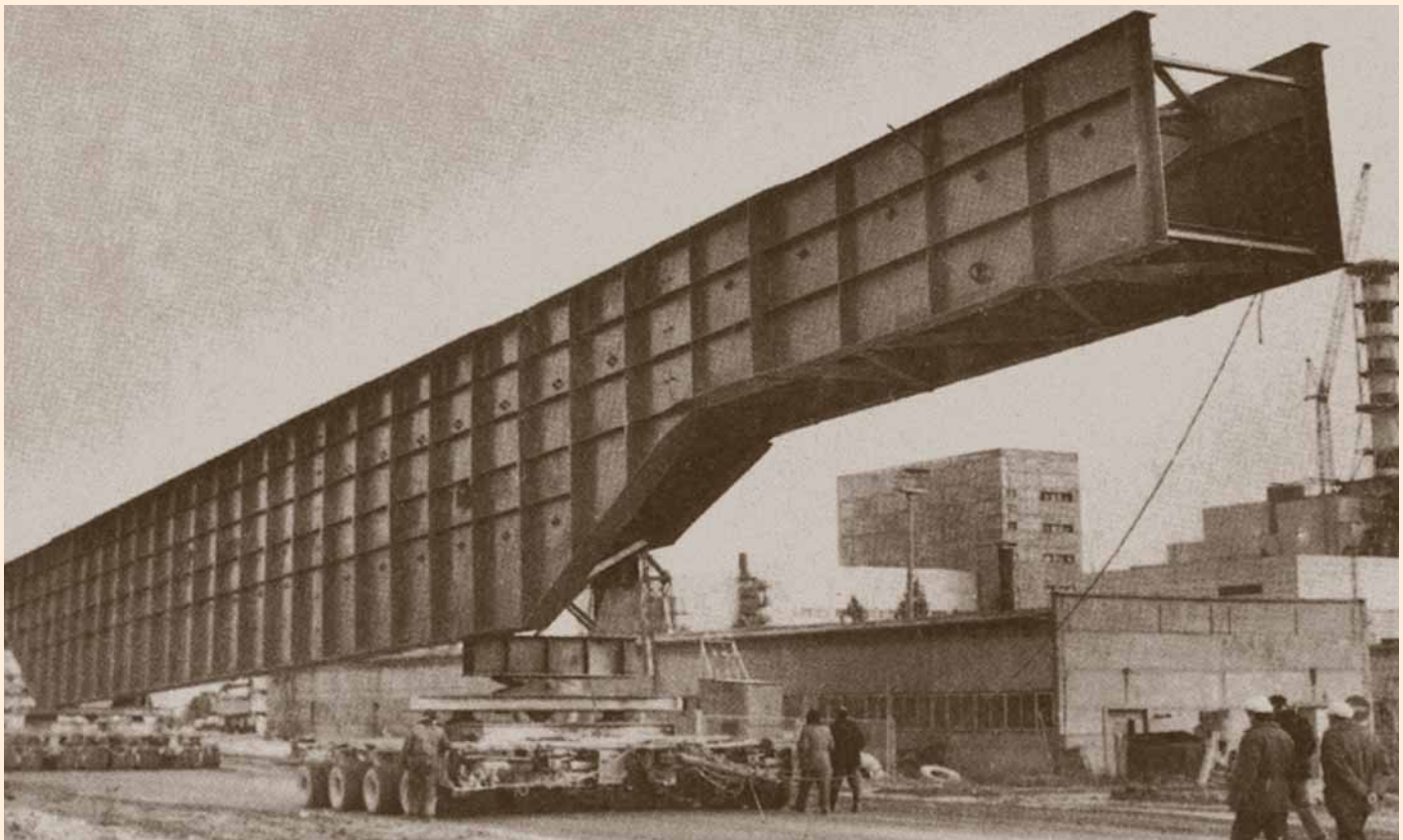
Но злой рок продолжал витать над Чернобыльской АЭС. Во время митинга пролетающий вертолет задел лопастью винта трос «Демага» и, перевернувшись в воздухе, упал на пандус машинного зала. Военные летчики погибли неподалеку от 4-го блока.

Из воспоминаний Владимира Константиновича Сперанского:

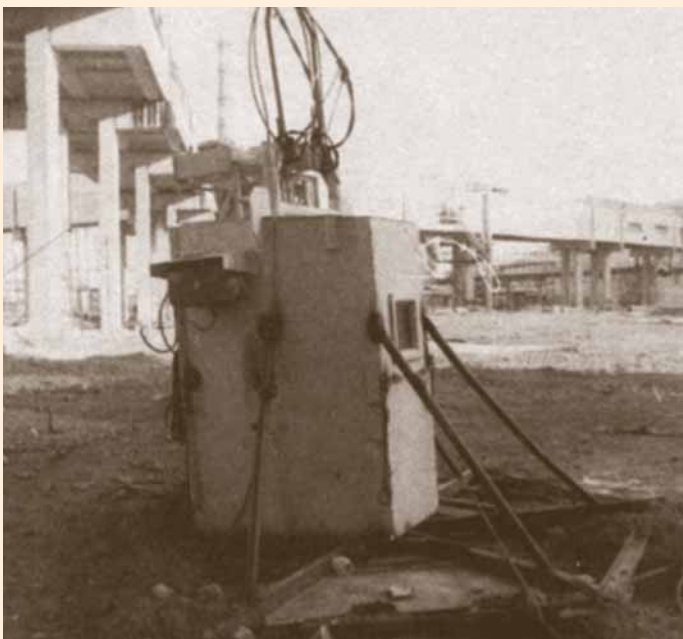
«Все металлоконструкции Саркофага проектировались и изготавливались под мощные краны марки «Демаг», которые работали в тяжелейших условиях и не раз оказывались в критических ситуациях. Расскажу о некоторых из них. Рамная балка «Самолет» была поднята на высо-

ту 70 метров, и вдруг резкий щелчок заставил всех вздрогнуть. 165-тонная машина раскачивалась над реактором. Лопнул трос стрелы. Невозможно ни опустить на землю, ни повернуть. Демаговцы предложили увеличить груз суперлифта на 20 тонн, после чего они смогут опустить эту машину на землю. Всю ночь 250 «партизан» загружали свинцовые чушки. Утром, не дожидаясь нового троса, всю ночь провисевший «Самолет», был приземлен. Подняли на ноги всех — министра, правительство, завод-исполнитель, транспорт, милицию. В течение суток новый трос был на кране. Фантастика во времена «застоя»!

В течение последующих трех суток был перекрыт реакторный зал. Победа! Митинг! И в это время пролетающий вертолет режет винтом уже грузовой трос крана. Вертолет падает в шестидесяти метрах от митингующих и в пятидесяти метрах от перекрытия реактора. Вертолет сгорел, летчики, прошедшие войну в Афганистане, погибли в Чернобыле. А что было бы, если б вертолет упал на митингующих, или перекрытие? С болью за погибших, можно сказать — повезло.

Транспортировка гигантской балки «Мамонт» на специальных тележках

Освинцованная кабина «Батискаф» — незаменимый помощник в работе в условиях высокой радиации

Большую роль в монтаже перекрытия сыграла система промышленного телевидения. Был создан центральный оперативный пост с телеприемниками, соединенными системой связи с выносными подвижными телекамерами, смонтированными на стрелах кранов и спецвышках, установленных в точках максимального обзора. Всего с августа по ноябрь было смонтировано 50 телекамер, организовано пять пультовых пунктов, одновременно работало до 15 видеокамер.

12 октября на станцию прибыл Ефим Павлович Славский. Он высоко оценил проделанную работу, добавив при этом: «Я участвовал в строительстве первого промышленного реактора в Советском Союзе, под моим руководством реактор впервые захоронен».

В течение последующего месяца были смонтированы оставшиеся металлоконструкции, самые тяжелые по весу. Это балки «Мамонт» и «Осьминог» — 172 и 180 тонн соответственно. Их установка позволяла закрыть проем между реактором и машинным залом. После их установки была смонтирована западная контрфорсная стена Саркофага.

Контрфорсная стена

Для контрфорсной стены был сооружен двадцатиметровый по ширине фундамент, в который были забетонированы маяки, способные обеспечить точную вертикальную установку металлоконструкций 45-метровой высоты, состоящую из 10-ти полых внутри металлических секций, каждая весом по 90 тонн.

Проектировщиками ВНИПИЭТ было принято смелое решение — использовать в качестве опор сохранившиеся после аварии конструкции. Это был огромный инженерный риск, так как сложная радиационная обстановка не позволяла оценить несущую способность оставшихся конструкций. При выполнении строительных работ не исключалась возможность их обрушения. А это, по мнению физиков, могло повторить взрыв. Но проблему надо было решать и решать быстро.

Антикоррозийная покраска металлоконструкций выполнялась прямо на стройплощадке до начала монтажа, который шел медленно — задерживала подгонка по месту блоков покрытия, заделка углов, герметизация швов. Требовалось множество замеров расстояний по высоте и длине. Многие места были недоступными, а необходимо было знать все расстояния в деталях. В этом исключительную помощь оказала освинцованная кабина «Батискаф».

Одну такую кабину ликвидаторы изготовили самостоятельно еще в июне в Чернобыле и использовали первоначально для небольшого отдыха — человек следил за выполнением монтажных работ, затем выбегал, строил и возвращался под защиту свинца.

Второй «Батискаф» был заводской, весом 25 тонн. Внутренние размеры — 1,5 на 2 метра. Сверху он цеплялся крюком крана и поднимался им на любую высоту. В кабине обязательно находился дозиметрист и была рация. «Батискаф» можно было закрепить на перекрытии, на стене, в завале и на короткое время выйти из него, он мог просто висеть в воздухе для осмотра, замера любого места. За бортом кабины — 150 р/час, а внутри — всего 0,2 рентгена. В «Батискафе» «летали» инженеры, конструкторы, проектировщики, монтажники.

Создание каждой опоры перекрытия — это сиюминутное решение огромного количества вопросов, о возведении каждой опоры можно написать отдельную повесть.

Фрагмент монтажа контрфорсной стены. В течение 20 дней стена была смонтирована и забетонирована

Например, опоры для балки «Мамонт» надо было установить таким образом, чтобы захватить для перекрытия деаэрационную этажерку, которая была забетонирована до высоты плюс 35 метров, но выше — десять метров разрушенных, хаотично разбросанных конструкций, переплетения металла, оборудования, воздуховодов. Опоры нужно было сделать у 41-й и 51-й осей, проектное расстояние между осями — 6 метров.

Начали качать бетон для закрепления разрушенных конструкций, бетон растекался, уходил вниз, радиация не позволяла послать туда людей, стали забрасывать рыболовецкие сети. Бетон продолжал утекать, но что-то и оставалось. Тогда пошли на следующий шаг: сутки льется бетон, потом засыпается щебень, который дистанционно разравнивается. Медленно, но основание под опору растет. Было ясно, что ровной поверхности получить не удастся. Поэтому пришлось опалубку под опору установить с приспособленной снизу ловушкой из рыболовецкой сети. Она позволила бетону заполнить неровности, но образовался конус из бетона. Опять засыпали щебенку вокруг конуса и залили бетоном.

Вспоминает Владимир Александрович Лебедев:

«Когда все металлоконструкции были смонтированы, наш район выполнил работы по бетонированию под контрфорсную стену. На этой стадии фронт строительных работ изменился, и было решено уменьшить количество районов ликвидации через их укрупнение.

Я предложил Красноярский район № 2 расформировать и отправить домой, что и было принято. Несколько человек были переведены в первый район, а все остальные 5 ноября 1986 года отправились домой. На этом второй район прекратил свое существование».

Третья, завершающая вахта 2-го района.
Крайний слева — В.А. Лебедев

Монтаж труб перекрытия проводился по конструкции балок «Самолет». Внизу видна крышка реактора «Е»

В течение 20 дней контрфорсная стена метровой ширины была выполнена в бетоне, и начался монтаж блоков покрытия с опорами на балки, а также на стены по контуру реактора.

Блоки покрытия были выполнены из металлических щитов и из-за своей формы получили среди монтажников названия: «Клюшка», «Собачий дом», «Мини-юбка» и другие. Каждая «Клюшка» весила 25 тонн и в пространстве между перекрытием реакторного зала и балкой «Мамонт» было смонтировано 10 таких блоков.

Работы шли больше месяца, и контролировались с помощью телевидения. Исполнители были уверены в прочности опор, но проектировщики ВНИПИЭТ настояли на проведении испытания перед монтажом балки «Мамонт».

Каждую опору требовалось загрузить весом в 400 тонн. Если набирать этот груз из железобетонных элементов, то на опоре получится высота с пятиэтажный дом. Предложено было провести испытание с нагрузкой свинцовыми чушками и дробью, для чего были спроектированы специальные металлические контейнеры — 1,5 на 1,5 метра. Каждый загруженный контейнер весил 20 тонн. На специальную опорную раму загружались контейнеры. Каждая опора — масса проблем и поразительных своей оригинальностью инженерных решений, мастерство операторов-крановщиков, корректировщиков.

Монтаж опорной балки прошел успешно. Работами по монтажу балок «Мамонт» и «Осьминог» руководил бригадир монтажников Иван Андреевич Воробьев. Обаятельный, скромный труженик, который и поныне проживает в городе Железногорске.

Балка «Осьминог» должна была лечь на стену деаэрационной этажерки со стороны машинного зала.

Собрание в бункере ХЖТО. В центре — начальник монтажного управления Минсредмаша Макаров

Состояние оставшихся конструкций было такое, что сооружать опоры не представлялось возможным, поэтому балку спроектировали в виде короба — длина 100 метров, вес более 180 тонн — и обтянули металлической сеткой. Основание было, мягко сказать, неровным, перепады разломанных конструкций до 1 метра по высоте. Чтобы закрепить балку горизонтально, через каждые 3 метра подвесили мешки из капроновых рыболовецких сетей, которые, заполняясь бетоном, принимали форму основания. Получалось, что балка горизонтальная, а опоры под ней разной высоты и формы. Затем была забетонирована и сама балка до верхнего обреза.

Все балки и стены были возведены, но при монтаже, контроль за которым осуществлялся дистанционно, образовались щели, которые затем заделывали вручную «партизаны»-добровольцы. Работы по герметизации стыков было много, в некоторых случаях из-за высокой радиации это делали по несколько раз.

Машинный зал

Реактор был перекрыт, но в сторону машинного зала оставался открытый завал. В нем требовалось подавить дикий гамма-фон. Пробовали накрыть завал листами свинца, обрамленного уголком. Но это не давало эффекта, так как обломки строительных

конструкций лежали хаотично и щиты ложились так же. Но инженерная смекалка нашла выход из положения и в данной ситуации. Из свинцовых листов были изготовлены гирлянды, сцепленные канатом по типу воздушного змея. Теперь уже свинец ложился по профилю разрушенных конструкций, под собственным весом принимая форму завала.

Это дало возможность допускать добровольцев к работе по герметизации, замерам и другим разовым работам на кромках завала. Выполняя эти задания, добровольцы из «партизан» получали 8–12 рентген и отправлялись домой, пробыв на стройке Саркофага хоть три дня. Желающих было много, командиры говорят, что только за август-октябрь были досрочно демобилизованы более 200 человек.

23 октября 1986 года Совет Министров СССР выпустил распоряжение об образовании Государственной комиссии по приемке на техническое обслуживание законсервированного энергоблока № 4 Чернобыльской АЭС под председательством Николая Федоровича Луконина. Его заместителем стал Лев Дмитриевич Рябев. В состав комиссии вошли: от Минсредмаша — Александр Николаевич Усанов, от ВНИПИЭТа — Владимир Александрович Курносков, от Минздрава — Евгений Иванович Воробьев, от Курчатовского института — академик Анатолий Петрович Александров, и другие специалисты.

СПРАВКА по обеспечению радиационной безопасности объекта и блока №4 в целом

В принятой конструкции покрытия блока №4 над центральным залом (трубы диаметром I220xI5,7 мм) мощность поля гамма-излучения по состоянию на 05-10 сентября составляет порядка 72 р/час.

По расчетам, выполненным генеральным проектировщиком институтом ВНИПИЭТ, мощность поля гамма-излучения от блока №4 на другие объекты составляет:

- у основания вентрубы реактора - 2 р/час
- на высоте I м от земли:
- у основания захоронения 0,1 - 0,33 р/час
- на расстоянии I00 м 0,07 р/час
- на расстоянии 20 м 0,03 р/час
- на крыше машзала 3-го блока
- в I00 м от перекрытия захоронения - 0,7 р/час

Примечание: указанные цифры после укладки свинца на перекрытия сепаратора уменьшаются.

С течением времени дозовая нагрузка изменится следующим образом:

- на 3I.I2.86 г. В I,5 раза
- на 0I.05.87 г. В 2,5 раза
- на 0I.05.89 г. В 5 раз

Гл. инженер ВНИПИЭТ (подпись II.I0.86)
В.А. Курносов

Вед. инж. физик (подпись II.I0.86)
Н.М. Дубаев

На завершающем этапе, в ноябре, была закончена приточно-вытяжная вентиляция, начатая еще в августе. Правительство очень опасалось большого разогрева в закрытом Саркофаге, поэтому была изготовлена и смонтирована мощная вентиляция с вентиляционным центром производительностью 330 000 кубометров воздуха. Выброс производился через систему фильтров в трубу 3-го блока станции. Окончание строительно-монтажных работ позволило завершить весь объем работ по КИПу и автоматике для замера всех параметров в Саркофаге и вывода их на щит управления.

Вспоминает Владимир Александрович Лебедев:
«Подошло время и оперативные совещания стали проходить два раза в сутки, и непосредственно на объекте «Укрытие» — в 9:00 и в 20:00 часов. Если сначала их вели начальник УС-605 Дудоров

Г. Д. Лыков (второй слева) передал полномочия начальника УС-605 И. А. Дудорову (крайний справа)

и замминистра Усанов, то теперь все чаще стал присутствовать председатель Правительственной комиссии Б.Е. Щербина. Все говорило о том, что близится время окончания работ по возведению Саркофага».

Заключительный этап строительства проходил под непосредственным руководством заместителя министра Минсредмаша Александра Николаевича Усанова. Он нес персональную ответственность за все проектные решения и претворение их в жизнь в сроки, которых не знала наша планета.

День Победы

За шесть месяцев работ по сооружению Саркофага было уложено более 400 000 кубометров бетона, засыпано 600 000 кубометров щебня, смонтировано 7000 металлоконструкций. За вычетом бетона в конструкциях, было определено, что около 1000 кубометров протекло в центральный зал и оттуда — в шахту реактора. Эта масса бетона охватила, как хомутом, все уцелевшие конструкции, которые служат опорой кровли. Все топливо, которое находилось в подреакторном пространстве, залито бетоном и свободно, под воздействием влаги или других факторов, перемещаться не может.

Венцом работы стала окончательная покраска Саркофага. Тем самым был придан красочный вид этому «чудовищу», страшная сила атома была укрощена разумом и трудом человека.

В составе УС-605 в каждой строительной вахте работало до 11 000 человек, от 1600 до 1700 единиц строительной техники. Все руководители и специалисты были из закрытых городов Минсредмаша.

Начальник УС-605 Геннадий Лыков благодарит красноярцев за проделанную работу

Из десяти закрытых городов атомного министерства, два расположены на территории Красноярского края. Отсюда направлены на ликвидацию аварии более 1000 человек: более 700 — из Красноярска-26 (Железногорска), 217 — из Красноярска-45 (Зеленогорска).

А основная рабочая сила — это резервисты «партизаны», которыми командовали офицеры и прапорщики УВСЧ Минсредмаша, в том числе, 32 человека из города Красноярска-26.

Красноярский строительный район № 2, который тремя вахтами завершил порученные работы по захоронению разрушенного четвертого блока, комплектовал свои штаты от старшего прораба до начальника района из инженерно-технических работников «Сибхимстроя» города Красноярска-26. Кроме того, этим предприятием было направлено на ликвидацию аварии 65 опытных водителей миксеров, операторов бетононасосов, механизаторов.

В специализированный монтажный район железногорский трест «Сибхиммонтаж» командировал более трехсот человек — монтажников, ИТР, сварщиков, а Горно-химический комбинат и ЦМСЧ-51—155 человек. 29 работников столовых УРСа с раннего утра до позднего вечера кормили ликвидаторов.

И вот долгожданный день Победы наступил. 30 ноября 1986 года Государственная комиссия, созданная распоряжением Совета министров СССР, подписала акт о приемке на техническое обслуживание законсервированного энергоблока № 4 Чернобыльской АЭС.

Из книги Владимира Губарева «Зарево над Припятью»:

«Моя самая голубая мечта — сделать все для того, чтобы Саркофаг не внушал страх людям, чтобы он не зависал опасным зверем над человеческой психикой. Это тоже будет моим отчетом перед той чертой, за которой всех нас после жизни на земле ожидает никем еще не разгаданная тайна Вечности...», — так говорил Ефим Павлович Славский».

Из воспоминаний Владимира Константиновича Сперанского:

«Выступая на митинге, председатель Правительственной комиссии Б.Е. Щербина сказал: «Саркофаг — это не монстр из бетона и металла, а сложное инженерное сооружение с вентиляцией, охлаждением, системой контроля».

А он стоял перед собравшимися «до безобразия красив», по крылатой характеристике министра Ефима Славского. Глядя на плоды своего труда, ловишь себя на мысли, что соглашаешься с этим понятием: грани величественного сооружения, его многоходовая геометрия действительно по инженерному прекрасны.

Ученые, строители и проектировщики на практике создали полный учебник — «теория и практика ликвидации аварии на атомной станции». Хорошо бы только, чтобы он никогда и нигде не пригодился.

...Эхо чернобыльской трагедии прозвучало не только во всех уголках планеты. Испытание Чернобылем прошел каждый человек, который хотя бы на секунду задумался о случившемся. Чернобыль высветил души людей, и теперь о человеческой нравственности я сужу по тому, как тот или иной относится к трагедии Чернобыля».

Учёные ИАЭ им. И.В. Курчатова разработали научные рекомендации для аварийной ЧАЭС

Военные строители

1 августа 1986 года при УС-605 было создано Управление военно-строительных отрядов под командованием полковника А. И. Чередова.

Командирами рот назначались молодые офицеры-лейтенанты, как правило, выпускники Волжского военно-строительного училища города Дубны. Особая важность строительных объектов требовала квалифицированного руководства.

В послевоенные 1947–1949 годы на Урале, в Сибири и некоторых районах европейской части России началось освоение территорий под строительство атомных объектов. Именно тогда, в 1948 году, решением правительства были созданы первые военно-строительные части — полки, батальоны, отряды, отдельные роты.

В ноябре 1960 года в Минсредмаше было сформировано Управление военно-строительных частей, позднее переименованное в Центральное управление под условным названием в/ч 25525, что позволило более

оперативно и целенаправленно руководить войсками и эффективно их использовать.

В управление входили отделы: производственный, организационный и кадровый, политико-воспитательной работы тыла и медицинского обслуживания.

За годы деятельности военно-строительные части министерства принимали участие в строительстве практически всех крупных объектов атомной энергетики и промышленности, а также многих объектов народного хозяйства.

И в этом прежде всего большая заслуга офицеров-выпускников Волжского высшего военно-строительного командного училища. Это была основная кузница по подготовке офицерских кадров для военно-строительных частей (ВСЧ).

Уроженец Минской области Иван Трофимович Вишняк по окончании Волжского военно-строительного училища служил в в/ч № 2084 Минсредмаша, дислоцировавшейся в городе Красноярске-26.

Вспоминает майор запаса Иван Трофимович Вишняк, г. Железногорск:

«О чернобыльской беде узнал из сообщения по телевидению. Но в нашей части в это время шла активная подготовка к 1-му и 9-му мая, поэтому Чернобыль отошел на второй план.

В середине мая узнал, что из нашего министерства командируют в Чернобыль. Я в то время был в капитанском звании в должности командира роты. Вместе с моим другом майором Владимиром Александровичем Саяпиным, заместителем начальника штаба нашей воинской части, мы написали рапорты о направлении нас на ликвидацию аварии. Как потом оказалось, мы были первыми и единственными добровольцами.

В начале июля уехал Саяпин, а в конце июля вместе со мной уехали капитан Цветков, старший лейтенант Худяков, прапорщики Мазай и Романов.

3 августа мы прибыли на железнодорожную станцию Тетерев. Оттуда автобусом в Иванково, и уже оттуда — в Чернобыль, где я был назначен командиром роты миксеристов.

В то время работы на реакторе шли полным ходом, все вокруг просто кипело. Но требовался еще больший темп строительства. И проанализировав ситуацию, руководство строительного управления пришло к выводу, что в ночных сменах производительность труда значительно ниже. В связи с этим были организованы две оперативные группы, в которые вошли представители различных ведомств. В одной из групп от военных был я, меня назначили заместителем начальника группы. Таким образом был усилен производственный контроль.

Мы проверяли шесть строительных районов. Особое внимание — Второму красноярскому району, возводившему каскадную стенку. Нас постоянно инструктировали, что «победа куется» именно там.

Оперативные группы работали с 17 часов до 8 утра. Перед началом смотрели дозиметрическую карту и на основании ее данных рассчитыва-

ли время и место работы ликвидаторов. Мое дело было проследить за темпом работ. Основным методом «воспитания» был личный пример. Допустим, «партизан» выбивался из сил, я брал кувалду в свои руки и освобождал бетоновог.

Ходили пешком по всем шести районам. Где-то по галереям, где-то по открытой местности, защищенные лишь респираторами-«лепестками». Что характерно, никто не страдал и не ныл. Матерились, правда, время от времени. Как только появлялась возможность — спали без задних ног. Мы все старались сделать как можно быстрее, главным стимулом было возвращение домой.

Хочется вспомнить в этой книге товарищей моих по службе, настоящих советских офицеров. Это майор Жанибек Усмангаилович Султанов, служил в в/ч 0150 в городе Сосновоборске. Умер в 1992 году от болезней. Это Евгений Николаевич Цветков, та же воинская часть в Сосновоборске. Умер в 2002 году от болезней.

Наша воинская часть дислоцировалась в бывшей чернобыльской школе-интернате и входила в состав УС-605. В этом же здании была столовая. Жили все вместе — кадровые и «партизаны». В каждой роте было по 150–200 человек. Метрах в четырехстах от нас была баня.

Когда работали на реакторе, нас возили на обед в кафе «Дорожное». Но какая там еда? Из-за постоянного чувства тошноты я сбросил за чернобыльскую командировку 11 кг.

Я отслужил в Чернобыле с 3 августа до 25 сентября. Уехал домой потому, что стал себя очень плохо чувствовать. При максимально допустимой дозе в 25 рентген я набрал 31,3.

Шел как-то по стройке, и вдруг меня зашатало — от дерева к дереву. Навстречу шел полковник, он меня спросил: «Ты выпил, что ли?». Поняв, что мне плохо, он немедленно сообщил о моем состоянии руководству, и меня срочно сняли с реактора. Предложили работать в штабе. «Нет, — ответил я, — бумажки носить не бую, не моё это». Тогда, сказали мне, спасибо за работу. Посоветовали в течение пяти лет не заводить детей.

Я заработал 3000 рублей, которые мне выплатили частями. Через год, когда мне выпала повторная двухдневная командировка в Чернобыль, заплатили еще 500 рублей. Я тогда привозил партию «партизан» на ЧАЭС. За год там многое изменилось. Реактор был перекрыт, все перестроено, убран прожженный радиацией асфальт. Ходить по городу можно было без защитных средств.

Дома через год получил звание майора, вскоре окончил Высшие академические курсы им. маршала Шапошникова, в 1991 году — Симферопольское высшее военно-политическое училище с отличием.

Вспоминает капитан запаса Николай Федорович Костяев, 1959 г.р., г. Красноярск:

«В 1986 году в звании старшего лейтенанта я служил в военно-строительной части № 1204 «Сибхимстрой» на заводе «Красмаш». Когда позвонили и сообщили, что я призван на ликвидацию последствий аварии ЧАЭС, отдыхал с семьей в Абхазии. Мы вернулись домой, в ноябре я выехал в Чернобыль, где был назначен заместителем командира роты. В моем подчинении находилось 250 человек. В основном — военнослужащие запаса, их еще называли «партизанами». Многим по 40–45 лет. А мне в то время исполнилось 27.

Тем не менее, в этой командировке у меня появилось много хороших друзей. Мои подчиненные годились мне в отцы, но разница в возрасте никогда не чувствовалась. Свободного времени у нас практически не было, с утра до вечера — одна работа. Без общения трудно. Мы старались поддержать друг друга веселой шуткой, анекдотом. Никогда не забуду, как ребята отметили мой день рождения 28 ноября. Как раз приехали артисты с концертом, и мои товарищи сделали музыкальную заявку. Специально для меня артисты исполнили песню из кинофильма «В бой идут одни старики» на украинском языке. Было неожиданно и приятно до слез.

Меня после Чернобыля долго не покидало ощущение, что моя жизнь поделилась на две — «до» и «после». Мы жили в очень красивых пионерских лагерях. Кругом была потрясающе красивая местность. Но не покидало чувство тревоги, всеобщей беды.

На момент чернобыльской командировки, моя дочка была еще маленькой, 3 годика, и жена очень волновалась. Мы оба хорошо понимали степень опасности. Но я не пытался выхлопотать освобождение, считал, что раз должен кто-то поехать, то почему не я. Из нашей воинской части в ликвидацию уча-

ствовало много офицеров. Из-за Чернобыля я потерял своего друга — Ивана Викторовича Усевича. Он был свидетелем на моей свадьбе. Через два месяца службы в зоне ликвидации его оставили еще на один срок. По возвращении домой сильно болел и рано ушел из жизни.

Меня тоже хотели оставить, но вмешался случай — внезапно обострился гастрит, которым я никогда не страдал до командировки. Возможно, это случилось из-за нервного перенапряжения. В Киевской областной больнице мне написали, что я нуждаюсь в дальнейшем лечении, и я отправился домой с официальной дозой облучения в 9,5 рентген. В дверь своей красноярской квартиры я позвонил вечером 31 декабря. Вот такой был сюрприз.

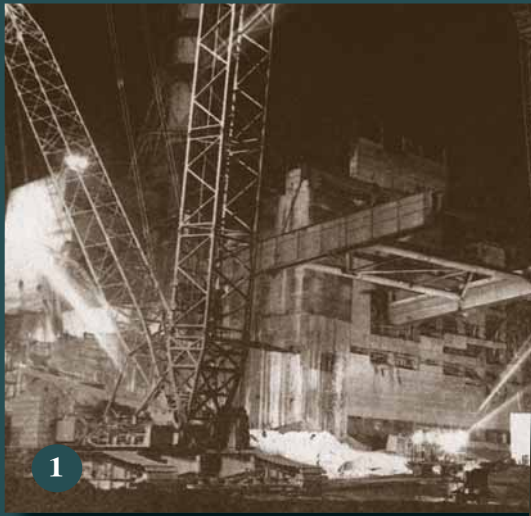
Когда в 2006 году мне стали оформлять наградные документы, сказали, что моей дозы на орден не хватает, только на медаль. Я ответил, спасибо, мне достаточно.

После я долго лечился в госпиталях. По всему телу шли красные пятна. С диагнозом «лучевая болезнь» проходил полное очищение крови. Думаю, что меня сберегла православная вера. Добравшись до Киева, я первым делом пошел в Киево-Печерскую лавру и помолился. Хотел бы еще раз съездить в Киев с молитвой благодарности. Но еще раз побывать в Чернобыле не хотел никогда. Эта командировка лишила меня работы — из армии пришлось уволиться по болезни. Сейчас, с 3-й группой инвалидности, работаю грузчиком. На память о ликвидации у меня остался только пропуск, разрешающий мне передвигаться по всей территории Зоны.

Довелось побывать и в Припяти. Этот город мне запомнился особо — маленький, очень красивый и практически пустой. За исключением ликвидаторов. Припять была похожа на город-призрак и производила тягостное впечатление.

Каждый год в день аварии на ЧАЭС мы встречаемся со своими однополчанами. Всегда нескольких человек не досчитываемся. Не так давно похоронили Анатолия Богданова, тоже красмашевца. Он был химиком, измерял уровень радиации в Зоне.

Мы не любим вспоминать период ликвидации аварии, потому что он связан с огромным горем, неисчислимыми потерями, но в день трагедии, 26 апреля, мы собираемся вместе, чтобы почтить память наших ушедших друзей.

1. Монтаж блока балок «Самолет».
2. Парторг УС-605 В. Н. Хапренко поздравляет строителей с профессиональным праздником.
3. Вот такой своеобразный поезд из металлоконструкций длиной 120 метров был придвинут к 4-му блоку ЧАЭС. На площадку такие «поезда» доставляли на трейлерах
4. Штаб 2-го района на автовокзале в Чернобыле. Слева направо — Б. Е. Дрокин и Ю. Н. Спицын.
5. Операторы бетононасосов, сентябрь 1986 г.

Бевза Александр Владимирович

1951 г. р., г. Сосновоборск, инженер-строитель. Первый руководитель краевой чернобыльской организации

Александр Бевза: «В Чернобыле работали по-коммунистически»

Я был в отпуске, когда меня вызвал начальник строительного управления «Сибхимстрой» Петр Тихонович Штефан. Он сказал, что мне придется сменить в Чернобыле начальника 2-го района первой вахты Владимира Константиновича Сперанского, моего соседа по даче. «Тебе всё известно, какие там условия аварийные, — напутствовал меня генерал Штефан. — Ты проработал на ГХК под землей 10 лет, ты ликвидировал разные ЧП на предприятии. В общем, тебе не привыкать».

Ну, и действительно, радиация для меня была не в новинку.

Билеты для меня оформили по крайкомовской брони, в КГБ провели инструктаж. Ничего особого, повторили уже известную мне информацию из бесед с Петром Тихоновичем Штефаном и главным инженером Сибхимстроя Вячеславом Ивановичем Панусом. Привезли билет на самолет, и я улетел в Киев.

Глубокой ночью в аэропорту меня встретила симпатичная молодая женщина. Рассказала, как добраться до пионерлагеря «Голубые озера», а пока помогла добраться до гостиницы «Театральная», где я заночевал.

В номер захожу, вижу — спит человек. Ну, и я лег спать. Утром мы познакомились, и я представился: «Инженер-строитель из Красноярска-26». Виктор,

так звали соседа по комнате, сказал, что он тоже строитель, но из комитета государственной безопасности. Приехал расследовать ЧП — ночью при ответственном подъеме металлических конструкций внезапно погас свет. Потом выяснилось, что кто-то перерубил кабель. Виктор рассказал и о других случаях провокаций на ЧАЭС. Из автобуса выходит смена и направляется на станцию. Вдруг навстречу бежит человек в спецовке, лицо закрыто «лепестком», не узнать, кто он, и кричит: «Куда вы, здесь только что был выброс, все назад!». Естественно, возникает паника. Народ разбегается, смена срывается.

Распрощавшись с новым знакомым, я поехал в Тетерев. Там сразу же стал разыскивать Сперанского. На следующее утро мы уже подписывали акт передачи дел по должности. Потом несколько дней вникал в новую работу, очень, на мой взгляд, интересную. Здесь работала самая совершенная в мире техника из Японии, Германии, Финляндии, США. Все бетононасосы всех стран.

Перед нами стояла задача выполнить строительные работы с двух сторон разрушенного блока — на контрфорсной стене, правой стене разлома, лобовой стене и 58-й оси этого блока. Вместе с монтажниками мы возводили металлические конструкции, потом все это бетонировалось и готовилось к перекрытию самого энергоблока. Одновременно шла дезактивация территории. Доводили до перекрытия пионерскую стенку.

В Чернобыле выполнялись грандиозные объемы работ! Помню, висел плакат: «Район № 2 за сутки закачал в тело Саркофага 4500 кубометров бетона». Это была максимальная суточная выдача всех трех бетонных заводов. А один второй район освоил весь этот бетон!

Каждый день в 17 часов была итоговая планерка по УС-605. В 18 часов — заседание Правительственной комиссии. «Нам нужно больше бетона», — потребовал я на комиссии. «Ты и так на 21 сутки опережаешь график». «Не дачу строю. Отпустите тогда домой, что ли. Приеду через три недели, когда график нагонят».

Для меня понятие «коммунизм», в лучшем смысле этого слова — это он, Чернобыль. Именно там работали по-коммунистически. Не было заботы, где я буду спать, что я буду есть, во что стану одеваться. Всё это обеспечивалось, только работой. Необходимое количество работников, лучшая техника — все было!

Однажды получаю приказ на бумажке размером с театральные билеты: «Начальнику района до 14 часов обеспечить прохождение спецпоезда». Это означало, что специальный железнодорожный состав, вывозящий ядерное топливо с 3-го энергоблока, должен пройти через наш район. А железнодорожных путей нет. В кратчайшие сроки мы взорвали уложенный бетон, разгребли завалы и уложили рельсы. Состав прошел, мы всё разобрали и продолжили бетонирование. Сперанский проводил аналогичные работы на 4-м блоке.

Вот еще несколько примеров. С понижающей электроподстанции отходили провода, мешающие работе нашей техники. Я вызвал снайперов, и они их отстрелили.

На нашей строительной территории стояла водородная станция. Там было 40 цистерн с водородом. По-хорошему, они давно должны были быть убраны — очень велика вероятность взрыва. Но про них как-то забыли. Все они принадлежали Минэнерго. Без всяких длительных согласований мы откачали водород, а цистерны растащили ИМРами.

Или другой случай. На объект надо было доставить длинные металлические конструкции. Оказалось, что вписаться в поворот мешает железнодорожная будка стрелочников. Мы снесли ее в один момент. Без долгих согласований и хождений по инстанциям.

Вот так быстро и оперативно принимались решения.

Через какое-то время пребывания в Чернобыле нам смертельно надоела однообразная пища — мясо нам давали только цельное, а захотелось рубленного, обычных котлет. Мы поехали в Припять и отыскивали в заброшенной кулинарии промышленную мясорубку, демонтировали ее, отмыли финскими порошками и наши повара наделали нам тазики котлет. Я съел, кажется, штук четырнадцать.

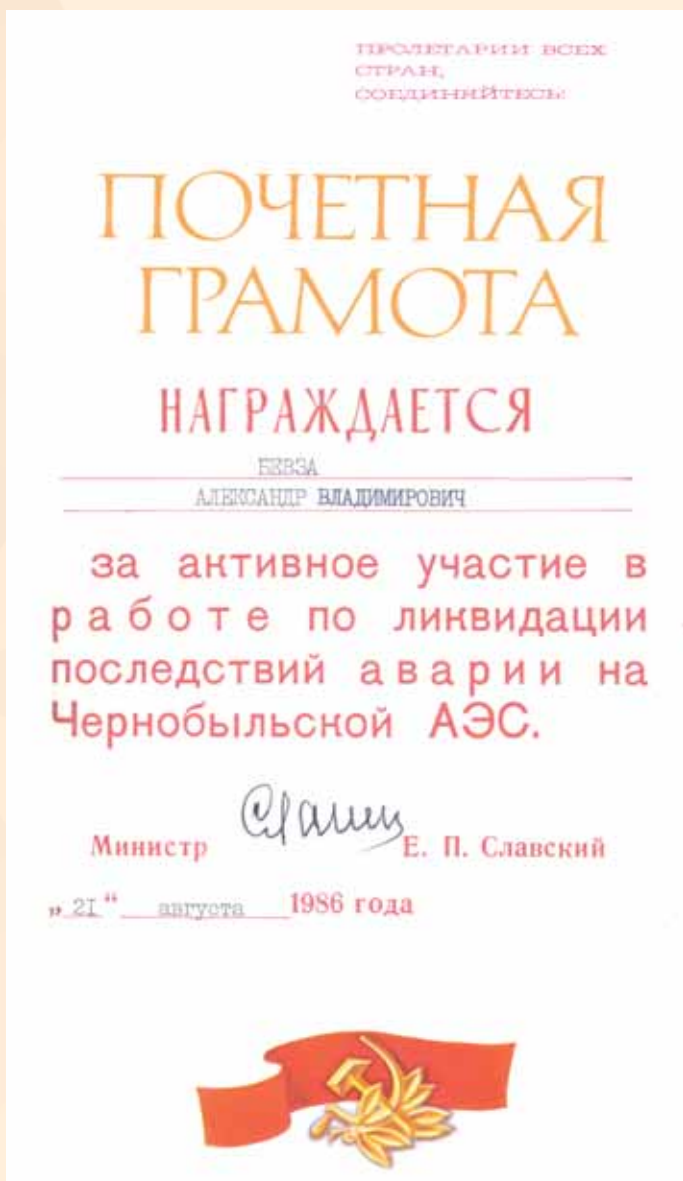
Помню, что в Припяти были закрыты все подъезды в жилых домах, но мародеры находили лазейки. Особенно безобразничали в деревнях. На моей памяти, в Чернобыле проходил открытый судебный процесс по делу банды мародёров во главе с неким Якутом. Все бандиты получили по 15 лет. Многие свободные от вахт ликвидаторы ходили посмотреть на процесс.

Однажды я поехал на день рождения к своему деду, который жил в Днепропетровске. Добрался до аэродрома в Киеве, оказалось, что погода нелетная. А у меня удостоверение с указанием «всем организациям и службам оказывать содействие». Пока для меня искали рейс, я случайно познакомился с артистом Сададьским. «Братан, ты оттуда?» — спрашивает. «Оттуда». Выпили за встречу.

Улетел я на военном самолете. Подарил деду два чемодана сухих пайков.

Осенью на Саркофаге появились птицы. Пуночки.

Набрав свои официальные 26,4 рентген, я 15 октября 1986 года вылетел в Красноярск.

**Туркулецкий
Александр
Васильевич**

1953 г.р.,
г. Железнодорожск

Александр Туркулецкий: «Организация работ была великолепнейшая»

Я работал водителем служебного автобуса в «Сибхимстрой». В мае в наше управление пришла разрядка — отправить четырёх водителей на краткосрочные курсы в Ленинград для освоения специальности оператора бетононасоса. Эта профессия была наиболее востребованной в Чернобыле на тот момент. Мне одному из первых предложили поехать на эти курсы. Я, конечно, согласился. Дома мать в категорической форме сказала: «Не пушу!», отец ей возражал: «Надо стране помогать!».

В первых числах июня я уехал на стажировку, а 26 июня уже был в доблестном городе Киеве. Оттуда отправился в отдел кадров УС-605, который находился в «Голубых озёрах».

Организация была великолепнейшая. Всё вокруг кипело и бурлило, всё было чётко организовано. В отделе кадров нас в течение двух часов оформляли в штат операторов бетононасосов 11-го района. Нас проинструктировали по технике безопасности, рассказали об особенностях работы, выдали спецодежду, пропуск в Зону, талоны на питание. Поселился я в одном из пионерских лагерей, в которых ещё недавно звучали детские голоса.

На следующее утро вместе с другими вновь прибывшими я получил индивидуальный дозиметр-

накопитель и прибыл к месту своей работы на окраину Чернобыля. Там нас представили руководителям, ввели в курс дела, и началась круглосуточная тяжёлая и опасная работа.

Люди были предельно организованы и сосредоточены. Каждый понимал меру ответственности, и сменные задания регулярно перевыполнялись. Это подтверждают многочисленные грамоты и благодарности в моём арсенале.

Смена всей бригады из 9–10 человек длилась 6 часов. Каждый раз, приехав на объект, мы подходили к дозиметристу, и он рассчитывал каждому время работы, чтобы не перебрать дозу в 0,8 рентген. Кому-то разрешалось работать 30 минут, другим — чуть больше или меньше.

Случались и внештатные ситуации. В трубопроводе, который бетон качает, то замок сорвётся, то труба лопнет. Тогда на помощь приходила вспомогательная бригада — два взвода солдат всегда были наготове. Они хватали трубы, всё выбивали, исправляли в самое короткое время. Бывало, что и нам приходилось идти по трубопроводу и искать причину неполадок.

Начинал работать с томичами, потом во втором районе под руководством В.К. Сперанского, после — в четвертом районе, где работали ликвидаторы из ленинградского Соснового Бора.

Полученная радиация отзывалась общей вялостью, сухостью во рту, в горле. Приезжаешь со смены и ничего не хочешь делать: спал бы и спал.

Лето 86-го было необыкновенно жарким, а ночи — холодными. Поражало ночное небо с огромным количеством звёзд.

К месту остановки автобуса мы шли из «Голубых озёр» через сосновый бор, где на фоне необыкновенно красивой зелени пестрели ярко красными шляпками мухоморы. Их было множество.

Кормили нас как на убой. И талонов хватало, и столовые были в достатке. Если в одной не нравилось меню, шли в другую. Всегда можно было поесть кашу, сливочное масло, вечером оладьи или блинчики.

Выходных как таковых не было, но после смены можно было на попутке съездить в Киев. Водители нас охотно брали. Я как-то заехал к брату в Киев. Он был очень напуган радиацией, кричал: «Куда тебя черти понесли?». Я ответил, что живу и работаю в городе с радиацией, и всё нормально. Страсти постепенно улеглись.

Кстати, в Ленинграде к нам относились как к героям, хотя мы ещё и в Чернобыле тогда не были. В музее

пропускали без очереди, экскурсионный автобус для нас организовали.

В Киеве, когда мы домой летели, нас обслуживали в отдельной билетной кассе по пропуску. И спрашивали: «Когда вы желаете улететь?», а не когда билеты есть.

Максимальный срок чернобыльской командировки был ограничен двумя месяцами, но меня попросили задержаться, так как не хватало специалистов. Домой я прилетел рано утром 29 сентября, набрав дозу облучения выше предельной нормы.

Во второй раз я был в Чернобыле в 1988 году. Отработал водителем автобуса с 16 мая по 2 сентября. Особо я туда не рвался, но когда предложили поехать, отказываться не стал. Да и любопытно было, как там всё изменилось.

После первой поездки в моей памяти осталась красивая, благоухающая, но ужасающая своей опустошённостью местность. Тишина в обезлюдивших деревнях, только иногда встретится собака полуоблезлая да курица квёлая. А люди все в робах и респираторах. Совершенно поразил тогда колорадский жук. Они табунами ходили там, и никакая радиация эту заразу не брала.

Когда я приехал туда через два года, вокруг станции всё преобразилось: были высажены деревца, разбиты газоны, проложены дорожки. Но станция всё равно удручала своей холодностью и пустотой.

На задаваемый часто вопрос, жалею ли, что довелось быть ликвидатором, однозначного ответа быть не может. В то время была совершенно другая национальная идея. Мы спасали свою страну и всю Европу, весь мир от последствий страшнейшей катастрофы XX века. Но там я потерял здоровье и стал инвалидом.

Юрий Спицын: «Меня вызвали в отдел кадров и сказали: «Надо»»

С 1962 года я работал по распределению института в управлении «Сибхимстрой». После случившегося в Чернобыле меня вызвали в отдел кадров предприятия в последних числах июля 1986 года

**Спицын
Юрий
Николаевич**

1940 г.р., г. Железнодорожск, образование высшее

и сказали: «Надо». Представления, насколько там всё серьёзно, у меня не было. Перед отправкой со мной беседовал «секретчик» и посоветовал много не разговаривать.

1 августа я прибыл в Чернобыль и стал работать заместителем главного инженера второго района. Моя задача была — обеспечить механизмами строительный процесс. Подачу бетона, работу насосов, миксеров.

На объект выезжали в 5 утра, а возвращались к полуночи. Иногда приходилось и ночевать на рабочем месте. В бункере был закуток, спал там на поролоновых матрасах.

Особых эмоций не было, чувство опасности приглушалось. Даже ходили на крыльцо покурить, пока дозиметристы не проверили, и оказалось, что уровень радиации в «курилке» — 400 рентген.

Запомнилась чёткая организация всего процесса в Чернобыле. Если возникала потребность в материалах, механизмах, это доставлялось на стройку в самые кратчайшие сроки и безо всяких проводов. Миксеры с бетоном шли на Саркофаг один за одним.

Несколько раз за время командировки съездил в Киев. Паники там не было, а в электричке продавали большие грибы.

За время командировки я получил официальную дозу облучения 24,8 рентген, а по моим подсчётам получилось 78.

Возвращались вчетвером — я, Бевза и ещё двое. В родном городе объехали все дома, везде застолья. Душу оторвали.

**Круш
Феликс
Николаевич**

1939 г.р.,
г. Железнодорожск

Феликс Круш: «Монтажные работы велись круглосуточно в условиях высокого радиационного фона»

В начале июля 1986 года на ЧАЭС от треста «Сибхиммонтаж» был создан специализированный монтажный участок № 5, входивший в состав монтажного района. Начальником участка был назначен я, главным инженером — Евгений Леонидович Купцов. Общее руководство работами осуществлял начальник нашего треста Алексей Григорьевич Макаров, будущий заместитель министра Минатомэнергопрома.

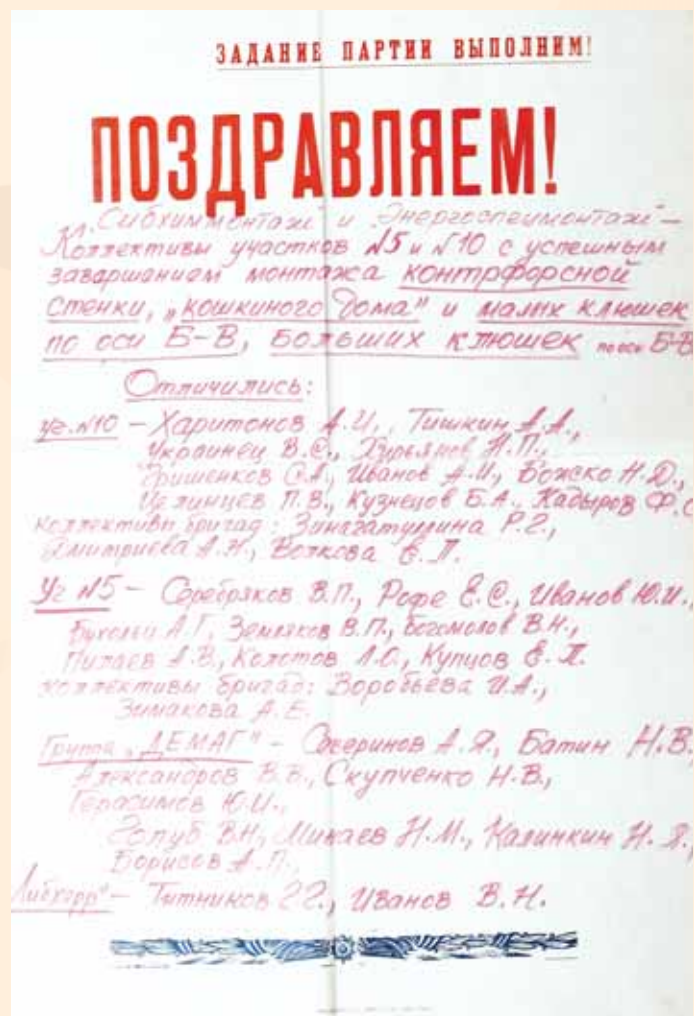
Пятый монтажный участок выполнял работы по монтажу крупногабаритных, тяжеловесных конструкций Саркофага со стороны машинного зала от оси «А». С нами работали инженеры и рабочие наших подразделений из Ангарска, Саянска, Зеленогорска, Усть-Каменогорска.

Монтажные работы велись круглосуточно в условиях высокого радиационного фона. Из всего комплекса уникальных монтажных работ особенно запомнился самый сложный монтаж балки «Мамонта».

Она была высотой с двухэтажный дом и поступала на сборочную площадку отдельными элементами. Предстояло собрать эту машину, доставить на специальном транспорте к 4-му энергоблоку и в невероятно сложных условиях смонтировать над взорвавшимся реактором.

Благодаря высокому профессионализму и самоотверженности монтажников МСУ-53 и МСУ-20 балка была собрана, сварена, проверена и доставлена к месту монтажа 6 октября 1986 года, а 16 октября установлена на место.

Сам монтаж балки — это уникальнейшая работа, которую могли выполнить только настоящие профессионалы. Руководил работами бригадир слесарей-монтажников, заслуженный строитель РСФСР Иван Андреевич Воробьев.

**Воробьев
Иван
Андреевич**

1930 г.р., г. Железнодорожск, бригадир монтажников треста «Сибхиммонтаж»

Иван Воробьев: «Монтаж балки «Мамонт» доверили мне»

Когда случилась чернобыльская авария, я был работающим пенсионером. Несмотря на это, в сентябре меня вызвали в отдел кадров и велели собираться в Чернобыль. «Но я же уже на пенсии!», а мне ответили: «Но ты же ещё работаешь!».

Последние указания. Слева Ф.Н. Круш, справа А.Д. Жуков

Выяснилось, что меня попросил прислать на подмогу начальник нашего треста Александр Григорьевич Макаров, в то время работавший на ликвидации последствий аварии. Подошло время монтажа балки «Мамонт» и этот сложный и ответственный монтаж решили доверить мне.

Безо всякой медицинской комиссии 26 сентября 1986 года я прибыл в распоряжение УС-605. Там меня встретил Макаров, познакомил с начальником главка Рудаковым и назначил бригадиром комплексной бригады по монтажу этой балки.

Со мной в Чернобыль почти в полном составе вылетела моя бригада. Это был сплоченный коллектив, в котором люди понимали друг друга с полуслова. Мы вместе прошли многие ответственные стройки.

Напутствие мне было такое: «Занимайся только монтажом тяжелых конструкций». Опыт работы с «Демагами» у меня уже был.

Сперва монтировали балку «Осьминога» — 100 метров в длину и весом 180 тонн. С ней вышла проблема — продетые сквозь неё шланги для заливки бетона оказались короткими. Взяли солдат-добровольцев, которые, потренировавшись на макете, выполнили сложное задание — смотали в жгуты шланги и по завалам пробрались к балке. Вместо допустимого времени — 5 минут — работали минут 20. Набрали большую дозу радиации.

Потом привезли балку «Мамонта». На её сборку ушло две недели. Техники было много. Опоры балки поднимали и устанавливали «Демагом». Кое-как поставили 1-ю опору, а под 2-й всё время растекался бетон. Никак не выходило. Пришлось снимать людей с Саркофага, они разравнивали бетон вручную, в условиях очень высокой радиации.

И вот наступил день, который все ждали с волнением. Наблюдать за монтажом «Мамонта» прилетели ответственные чиновники из Москвы. Белой краской нанесли специальные отметки, чтобы было видно, как балка садится. На площадке остался только я, остальные находились в укрытии. Монтаж начался в 7 утра: подняли, развернули, поставили. Работы завершились лишь к 19-ти часам. Я весь день на площадке без обеда и отдыха. Дозу, наверное, хватил высокую, но эти данные нигде не были учтены. Мне сказали: «Чтобы больше ноги твоей здесь не было». Написали дозу облучения 21 рентген за всю смену и отправили домой.

**Лебедев
Владимир
Александрович**

1949 г.р., г. Железнодорожск, образование высшее

Владимир Лебедев: «Чернобыль остался в моей памяти героическим временем»

На момент аварии я жил в Красноярске-26 и работал в управлении Сибхимстроя. Как только услышал по радио сообщение об аварии, понял, что произошло что-то очень серьёзное, я ведь строил закрытые объекты, не понаслышке обо всём знаю.

По воле судьбы я стал третьим, завершающим, начальником второго красноярского строительного района. Я был в отпуске и отсыпался вволю, когда ранним утром меня разбудил звонок начальника отдела кадров нашего управления. Одевайся, говорит, быстро и ко мне. Там шло распределение чернобыльских смен, кто из людей Сперанского поедет сейчас, а кто потом. Я попросил: «Дайте отпуск отгулять, потом готов ехать на объект». И мы уехали отдыхать.

В сентябре меня вызвали снова: «Готов?». А у меня и в голове не было отказаться. Я так был воспитан, что долг и честь превыше всего. К тому же был секретарём партийной организации.

Быстро оформили командировку, и 25 сентября я улетел. Прибыл на место, поселился в «Голубых озёрах» и безо всякой раскачки окунулся в работу.

Шёл завершающий этап работ по возведению Саркофага. Достраивалась каскадная стена, закладывался фундамент под опоры балок перекрытия, готовились площадки для «Демагов» и многое другое.

На четвёртый или пятый чернобыльский день у меня пропал голос. Все доклады руководству я делал шёпотом. Это было влияние радиации. Горло мне смазывали йодом, и вскоре всё прошло.

Из средств защиты у нас были только респираторы. Одевались мы в военные костюмы, сшитые для воинов-афганцев, сверху фуфайки на холодную погоду да «лепесток». Даже белых халатов не было. Ещё можно было раздобыть костюм танкиста, но он тоже не защищал от радиации.

Да я о ней старался не думать, даже выданные мне дозиметры-накопители выбрасывал. Сколько предельно допустимых доз я набрал? Сколько ни есть, все мои. Там думать об этом некогда было. Каждый день был загружен до предела.

Утренняя планёрка в 9 часов, после ещё две планёрки. В восемь вечера планёрка на самой станции. Потом свои дела доделать надо, покушать бы неплохо успеть. До «Голубых озёр» добирался не раньше 2-х часов ночи, а в 4 часа подъем. Я выдохся так, что стоя засыпал на планёрке, прислонившись к столбику. Подошёл к начальнику и сказал, что всё, полный износ. Он мне велел три дня отдыхать и на глаза не показываться.

За эти дни я отоспался, водочки попил, несмотря на сухой закон — бутылка самогона стоила 15 рублей.

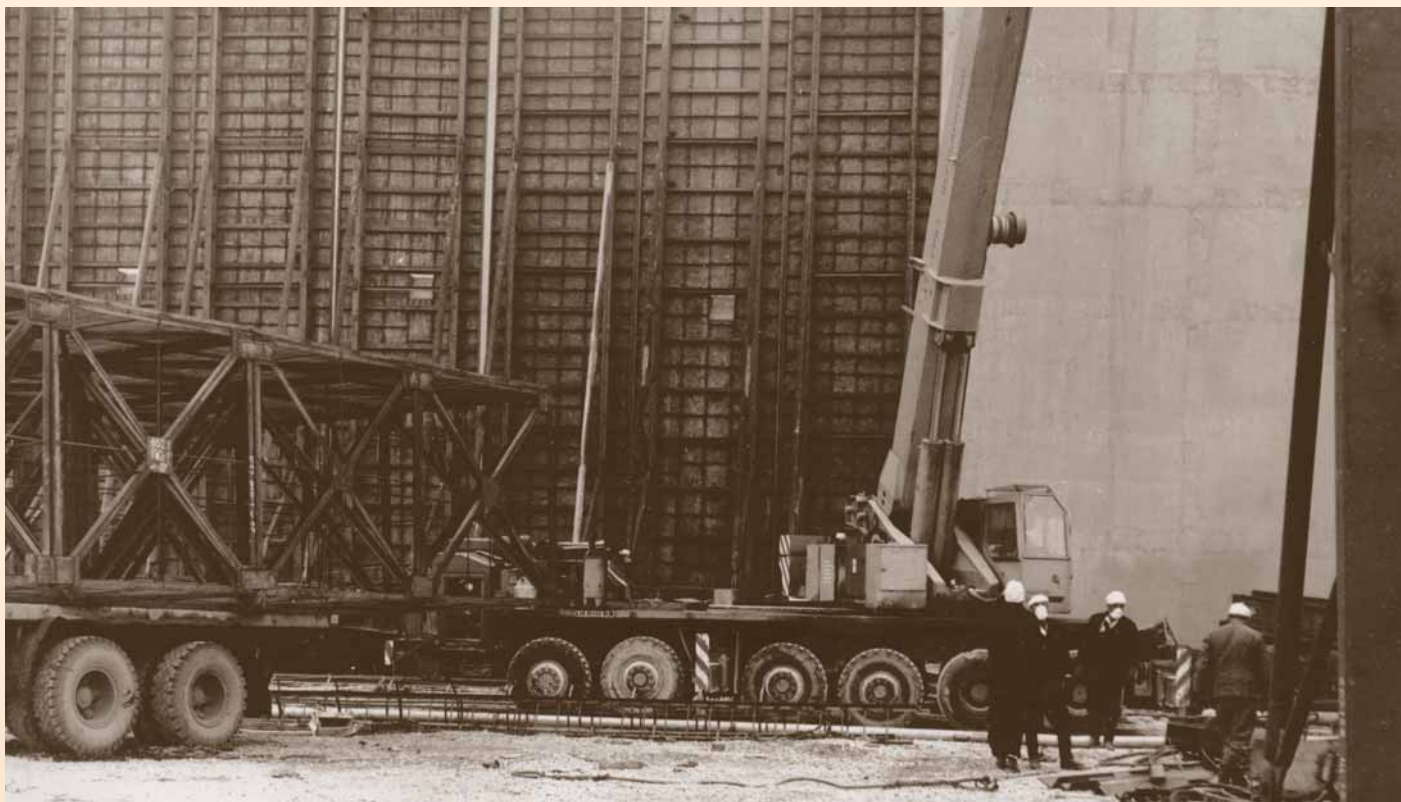
А после я перебрался из лагеря в Чернобыль, мне там кровать поставили, на неё бросили поролон, и всё — два часа сна в сутки обеспечены. Там ведь уже штурмовщина началась — подходило время приемки Саркофага Государственной комиссией.

Однажды на площадке 2-го района приключилась неприятная история, которая могла привести к трагическим последствиям. Ночью перегоняли кран «Демаг» с одной стороны блока на другую и на «нашей» территории он провалился гусеницей под землю. Оказалось, что там проходила подземная галерея, о существовании которой никто из нас не знал. Только благодаря мастерству крановщика Бойко удалось избежать трагедии — он не растерялся и резко увеличил скорость. Трудно даже представить, что могло произойти, завалились эта махина набок. Меня бы точно посадили.

После этого случая я почти не выезжал в «чистую» зону, всё время на площадке проводил. Начальников районов перевели на официальный 12-часовой рабочий день.

Мы ежедневно заливали столько бетона, что даже сказать сложно, как можно было такую работу вы-

Монтаж блоков контрфорсной стены

полнить. Мы жили и работали как при коммунизме. Сознательность каждого была очень высока, никого не надо было подгонять.

Например, для монтажа балки «Мамонт» срочно понадобились шпалы. Делаем срочную заявку, а их нигде нет. Так их в кратчайшее время на самолете из Владивостока доставили.

На ликвидации я отмечал свой день рождения. Мы съездили в деревню за Зоной, купили водки, на заднем сидении сложили, чем-то там прикрыли. Возвращаемся в лагерь, на дороге стоит гаишник. Хотели проскочить, но тормознули-таки. Стали договариваться, и столковались за два военных афганских костюма. Эти костюмы пользовались спросом там.

Чернобыль остался в моей памяти героическим временем. Эти дни всё дальше от нас, они уходят в историю. Но даже сегодня люди не осознают до конца, какую беду мы предотвратили. Это было время истинных патриотов своей страны.

На моей памяти ни одного случая дезертирства не было, а вот мародёры были. Если на войне враг понятен, то в Чернобыле он был невидим — не знаешь, с какой стороны нападёт.

Меня бесят люди, которые побывав там, не устают теперь перечислять свои заслуги и регалии. Независимо от того, начальником ты там был или людей кормил, все мы — ликвидаторы. Только сообща можно было преодолеть такую беду. Для меня все, кто там был — герои. Даже те, кто приезжал на один-два дня. Он же не отказался, не струсил.

И хоть сейчас я инвалид 1-й группы, я ни о чем не жалею. Как поётся в нашем гимне:

Нас не манил медальный звон,
Не за рубли мы покупались,
А чтобы был нормальный фон,
И чтобы люди улыбались.

**Яшин
Владимир
Николаевич**

1951 г. р., г. Железнодорожск, по окончании техникума попал по распределению в Красноярск-26, 37 лет отработал в строительстве

Владимир Яшин: «Домой я писал, что занимаюсь обычной работой»

В 1986 году я работал главным инженером участка СМУ-5. О беде, случившейся в Чернобыле, услышал по радио, и в июле этого же года поехал на ликвидацию последствий аварии по направлению от предприятия. Дома мне сказали: «Раз надо, то поезжай».

Самолётом я долетел до Борисполя, где меня уже встречали, и сразу же поехали на такси в «Голубые озёра». Там я оформился на работу в отделе кадров УС-605 и отправился в пионерский лагерь «Солнечный» обустроить свой временный быт. Он был расположен в 130 км от реактора.

Меня назначили начальником смены. Каждый день мы ездили работать на ЧАЭС, где затыкали дыры, делали потолок, опалубку.

Сначала было очень тяжело. Система видеонаблюдения тогда ещё не была установлена, и приходилось целую смену бегать с рацией десятки метров, контролируя время пребывания в активной зоне. Пока добежали до места, по три маски меняли. Когда установили камеры, стало существенно легче.

На самом деле, там было страшно, но я писал домой спокойные письма, сообщал, что занимаюсь

обычной работой и никаких трудностей не испытываю, и что всё у меня хорошо.

Из дома я уехал летом, а вернулся в 16-градусный мороз.

**Евсеев
Анатолий
Николаевич**

1953 г.р.,
г. Железнодорожск

Анатолий Евсеев: «Все понимали, что случилась беда»

О событиях в Чернобыле я узнал на работе, в управлении «Сибхиммонтаж». Подробностей никто не знал, но все понимали, что случилась беда. А я к тому же родом из Оренбурга, у нас на Тоцком полигоне испытывали ядерное оружие.

В середине мая меня вызвали к директору. Вместе с ним в кабинете находился солидный представительный мужчина, оказавшийся московским представителем. Они вдвоём стали меня убеждать, что надо бы помочь на ликвидации последствий аварии. Ищи напарника, сказали, который с тобой поедет.

Я зашёл в цех, поговорил. Костя Лыткин согласился. Мы с ним вернулись в кабинет и сообщили начальству о своём решении. Я так понял, что если бы я отказался, то один черт забрали бы в армию. Все равно туда же бы и попал. Семье сказал, что в командировку отправился. Не стал расстраивать.

Мы улетели 22 мая 1986 года.

Чувство опасности было. И тревоги. Как приехали, нас никто не встретил. Идём по посёлку Песковка, на лавочке две бабушки сидят, в рабочих халатах. Что, говорят, сынки, на станцию приехали? Отвечаем, что да. А они нам: «Мы ведь в чём были сюда приехали, из Припяти мы».

Мы потом свой лагерь нашли, «Дружба», оформили документы. Привезли в Чернобыль на «Сельхозтехнику». Там определили меня в одну бригаду, а напарника — в другую. Мне сразу сказали, что будем работать на станции, на монтаже каркасов для стен Саркофага.

Монтажная площадка была неподалёку от 4-го блока. Собранные каркасы устанавливались на платформы, которые танком толкали к разрушенному блоку. А потом сверху трубы устанавливали для заливки бетона.

В два часа ночи мы с работы приезжали, в 11 утра уезжали снова. Это где-то 150 км ехать. Работали мы там минут по 5 в день, а всё остальное время ждали.

После работы мысли в душе, одевались во всё чистое и в освинцованном автобусе ехали до пункта пересадки в «чистый». На нём уже в лагерь.

Раз в неделю у нас обязательно брали кровь на анализ.

В нашей бригаде официальных выходных дней не было, но наш бригадир, он из Челябинска-40 был, так выстраивал график, что раз в неделю два человека на целый день освобождались и ехали в Киев, водочки прикупить. Бригадир говорил, что после смены выпить надо обязательно. Таким способом побывал в Киеве и я.

Запомнилось, как бабушка с дедушкой прямо в Зоне корову выгуливали. Мы спрашивали, почему они не уезжают. Отвечали, их земля, все равно здесь оставаться. Старые, куда переезжать-то.

Солдатики молодые встречались, которые местную вишню кушали. Мы говорим, нельзя этого делать, а они отвечают, что всё нормально. А ведь в местных столовых кормили замечательно.

Я пробыл в Чернобыле два месяца, уехал в конце июля. Родные встречали, они знали из писем, где я был. Дома прошёл обследование.

Сказали, терпи, всё нормально, всё хорошо. Потом, в 1991 году, начались проблемы с сердцем. Там и гипертония, и стенокардия и ещё два каких-то заболевания. Зрение упало.

**Жуков
Александр
Дмитриевич**

1938 г.р.,
г. Железнодорожск

Александр Жуков: «Дисциплина в Чернобыле была строгая»

Моя чернобыльская вахта началась 15 августа 1986 года. Накануне подошёл начальник отдела кадров «Сибхиммонтажа» и говорит: «Собирайте команду, должны ехать на ликвидацию. Если не поедете — отправим как «партизан». Давить начали. Я и поехал. Стал там сменным бригадиром в третьем монтажном районе.

Все ребята из моей бригады были лучшими. 26 человек. Мы за месяц смонтировали 1000 тонн металлоконструкций.

Было много приёмов, как наладить работу и людей не «сжечь». Время работы каждого — 6 минут. Но туда ж ещё добежать нужно! Сначала бегали по 200—300 метров, потом добились, чтобы БТР дали. Берёшь 6 человек в команду, и на место. Подъезжаем на расстояние 5-ти метров, и каждый по очереди выбегает.

Каждое утро вставали в 6 утра и 150 км ехали на автобусе до реактора. Спать хотелось постоянно.

Дисциплина в Чернобыле была строгая. За нарушение порядка могли и домой отправить.

Моя итоговая доза облучения — 28 рентген.
Главное там было — не бояться.

**Комлев
Сергей
Петрович**

1956 г.р.,
г. Железнодорожск

Сергей Комлев: «Я был горд оказанным доверием»

В 1986 году я работал начальником пассажирской автоколонны УАТ Сибхимстроя. Первые заявки на специалистов для ликвидации чернобыльской аварии поступили к нам на предприятие в мае. Одновременно приходили заявки на транспорт. Все чернобыльские поручения выполнялись незамедлительно.

11 сентября 1986 года меня вызвал для персонального разговора руководитель управления А.М. Парфёнич. Он сказал мне, что принято решение об отправке меня старшим группы водителей УАТ на ликвидацию аварии на ЧАЭС.

Конечно, тяжело было услышать такую новость, но мыслей отказать не было. К тому времени у меня уже была семья, подрастала дочка. Опыт руководства автоколонной у меня был, но мучило беспокойство — сумею ли организовать работу водителей в экстремальных условиях.

После прохождения медицинской комиссии, инструктажа по технике безопасности и индивидуальных собеседований группа во главе со мной была сформирована и 18 сентября вылетела в Киев.

В «Голубых озёрах» всё было подготовлено к нашему приезду и хорошо организовано — нас поселили в домики для отдыхающих рядом с лагерем.

Наутро меня вызвал к себе заместитель начальника УМИАТ УС-605 В.Э. Ильясов. После собеседования я возглавил автоколонну миксеров. Всех прибывших водителей распределили по разным автобазам - основная

часть была направлена в мое распоряжение, другие водители — в пассажирскую автоколонну.

Весь день 19 сентября был посвящен организационным мероприятиям — получили спецодежду, сменную обувь, средства индивидуальной защиты, пропуска в третью зону, и, конечно же, талоны на питание.

На следующее утро мы прибыли в распоряжение начальника автобазы №3 А.Н. Шапкарина. Прием дел от убывающего домой Ю.Г. Ефремова и вхождение в курс дела заняло у меня одни сутки, и уже с 20 сентября я самостоятельно приступил к своим обязанностям.

Структурно наша автобаза входила в комплекс предприятий, располагавшихся на одной площадке неподалёку от Копачей, что в десяти километрах от 4-го блока ЧАЭС. Здесь были бетонные заводы № 1,2,3,4, пункт перегрузки, столовая, ПУСО, дозиметрический контроль и непосредственно автобаза. В моем распоряжении было 42 единицы техники — автомашин КАМАЗ 5511-СБ-92 - и 126 человек водителей.

Основная задача колонны состояла в доставке бетона с пункта перегрузки на аварийный блок. Работа велась круглосуточно, в три смены. Суточная норма перевозки бетона доходила до 6 000 кубометров.

Незаметно пролетели два месяца моей командировки. Транспортники своим мужественным и добросовестным трудом ни разу не подвели строителей. Ни одного срыва в перевозках бетона не было. И к слову сказать, за весь период моей работы не было ни одного случая нарушений техники безопасности и безопасности движения, ни одного случая заболеваний водителей и ИТР лучевой болезнью. Всё это говорило о хорошей организации самого процесса работы в УС-605 и высокой дисциплине работников автобазы.

16 ноября, за несколько дней до окончания моей чернобыльской вахты, меня вызвал к себе для персонального разговора начальник УМИАТ УС-605 Н.С. Каноненко и попросил остаться еще на два месяца, теперь уже в должности начальника автобазы. Я без разговоров продлил командировку ещё на два месяца. Хотя работа была очень тяжелая, без выходных и полноценного сна, мы жили одним желанием — поскорее погасить радиацию и испытывали гордость за свой труд.

21 января 1987 года я вернулся домой. От Чернобыля остались незабываемые впечатления. Мне довелось увидеть в жизни такую мощнейшую стройку с высочайшей организацией труда. На моих глазах проводилась уникальная строительная операция — на Саркофаг накатывалась кровля. Такое не забывается.

**Обухов
Евгений
Иванович**

1954 г.р.,
г. Зеленогорск

Евгений Обухов: «Отказываться от командировки я не собирался»

Я живу в Зеленогорске с 1956 года. Окончил Красноярский политехнический институт по специальности «инженер по эксплуатации автотранспорта». Пять лет проработал оперативником в ОВД. Позже трудился в управлении строительства.

В 1988 году меня вызвали в отдел кадров и предложили поехать в Чернобыль. Отказываться я не собирался, ведь и до меня люди ездили.

Больших знаний о радиации у меня не было, но я свято соблюдал правило: «Не лезь куда не надо». Был назначен начальником автоколонны УМИАТа.

На станции работало много машин, а я обеспечивал их готовность к работе, занимался их ремонтом по мере надобности. В общем, работа начальника автоколонны, ничего особенного.

Машин было море, из разных регионов страны. Самосвалы, спецмашины: погрузчики, телевышки, миксеры, насосы, автокраны. И новые, и старые. Если срочно был нужен легковой автомобиль, то ехали в Припять, вскрывали гараж и проверяли машину дозиметром. Чаще всего они были чистыми, значит можно пользоваться.

Ремонтировать технику приходилось часто. Конечно, ремонтировали только «чистую», заражённая отправлялась на утилизацию в Копачи.

Машины постоянно разворачивались, каждое утро у меня начиналось с «подведения итогов» — с какой машины какую деталь сняли, а какая пока на ходу. Мародёрство процветало.

По мере необходимости мы обшивали технику защитными свинцовыми пластинами. Помню, я только вступил в должность, прихожу к завхозу за свинцом. «Забирай», — говорит. «А сколько брать?». «Да там рулонами тонн пятьдесят».

При обслуживании техники случались и инциденты. Один комсомолец всю ночь ремонтировал «грязный» трактор. К утру починил и решил, что он герой. Но вместо благодарности получил приличную радиационную дозу и выговор. Трактор утилизировали.

Вообще сделать качественный ремонт в тех условиях было сложно, проще выкинуть. Что и делали.

Мне довелось встретиться в Чернобыле с людьми, приехавшими туда за «длинным рублём». Разговорился как-то с одним водителем и он рассказал мне свою историю. На ликвидации он с 86-го года. Родом с Тамбовщины, совершенно забытого богом и людьми села. Отслужил армию, вернулся домой. Работы не было, фактически нищенствовал, два года донашивал армейские штаны. А тут случилась авария на ЧАЭС. Парень и отправился в военкомат, а вскоре оказался в Чернобыле. Когда получил первую зарплату, испытал настоящий шок. 5000 рублей выдали, в то время как дома для него пределом мечтаний были 50 рублей. Так он и остался в здесь. К моему приезду это был очень больной человек с разрушенным кишечником, постоянно кашляющий, выплевывающим всё из себя. Было ему лет 25 — 27. Однако он купил дом в Сочи, женился. «Лучше год проживу как человек», — говорил.

В одной деревне встретился с самосёлами — в доме под елями с красной хвоей жила семья: родители и трое детей. Наверное, им деваться некуда было. «Смотри, какая картошка уродилась», хвастали.

Многие люди пренебрегали мерами безопасности. Например, положено было часто менять одежду и обувь. А радиация глазом-то не видна на одежде. Видно только, что вещи новые, фабричные. Всего-то пару раз одета. Одна уборщица приспособилась такую одежду в придачу с обувью из мусорных мешков вытаскивать и родственникам в деревню увозить.

Да что там говорить — даже люди с высшим образованием жарили и ели чернобыльские грибы! Я лично был свидетелем, как мужики-водители с помощью паяльной лампы варили в ведре раков из местных озёр. Да ещё и нахваливали.

**Казанцев
Константин
Викторович**

1963 г.р., г. Красноярск,
образование высшее,
лейтенант запаса

Константин Казанцев: «Чернобыль запомнился мне черно-белым»

Я был командирован на ЧАЭС из действующей армии. Меня, как офицера, призвали на два года. На тот момент я отработал после вуза год на производстве. Для ликвидации аварии требовались специалисты-электрики. Так для меня все совпало — и военная служба, и гражданская специальность.

В Чернобыль прибыли 14 октября 1986 года. Мне было 23 года. Первые впечатления в Зоне — красивый сосновый лес. Зеленая трава, никаких ассоциаций с катастрофой, за исключением того, что все ходили в спецовках и респираторах. Я был определен в 16-й район, где занимались дезактивацией техники. Дело в том, что машины, купленные в Японии и Германии, стоили очень дорого, да и не было в СССР подобной крановой техники. Одни гусеничные «Демаги» чего стоили! Уже тогда на них стояли видеокамеры. У нас их не было вообще. Компьютеризированную технику я тогда увидел в первый раз. Вот и отмывали те, которые хоть как-то можно было очистить от радиации. Дальше — использовали в народном хозяйстве. Может, некоторые машины и сейчас еще служат. Хотя думаю, что та техника морально и физически устарела.

В моем подчинении было 150 военнослужащих, призванных на военные сборы из запаса. Я ими руководил в качестве лейтенанта-прораба. Структура была выстроена так: старший прораб, начальник участка и т. д. Работали мы с 9 до 17 часов с перерывом на обед.

Обедать выезжали в город Чернобыль, который находился примерно в пяти километрах от нашей площадки. Жили мы в пионерском лагере «Голубые озера», недалеко от станции Тетерев, — каждый день до места работы 160 км в одну сторону, и столько же обратно. Дорога занимала по 6 часов в сутки. Выходных не было вообще.

Интересно, когда выпал снег, а это произошло в конце ноября, все оказалось не белым, а каким-то серым. Яблоки на деревьях были прозрачными насквозь. Есть их было запрещено.

Там ни за что не надо было платить — любая точка общепита, зашел, поел по талону. Инфраструктура действовала. Вода была только минеральная, только в бутылках.

У нас, по крайней мере, у офицеров, были накопительные и индивидуальные дозиметры. Накопительные не снимали никогда. А индивидуальные каждое утро получали, а вечером сдавали. Норма облучения в день не должна была превышать 1–2 рентгена.

А вообще было так — приезжаешь на работу, одеваешь чистое, потом душ, спецпропускник. Каждый час — смена респиратора. Вечером скинул робу, душ, надел чистую одежду. Но когда пошел снег, верхнюю одежду меняли не так часто.

На погоду особого внимания никто не обращал. Мыли технику. Специальный порошковый раствор подавался из моющей сельхозмашины под давлением 16 атмосфер — можно было пробить обшивку сиденья. Каждую помывочную машину проверял дозиметрист. Если радиация есть — снова мыть, и так по несколько раз.

Сколько мы отмывали техники, сказать сложно. Но думаю, что полный железнодорожный состав точно. Ее увозили на СуперМАЗах с полуприцепами.

30 ноября закрыли крышу Саркофага, а кран «Демаг», который ее ставил, мыли фактически в полукилometре от реактора. Это происходило в декабре в «рыжем» лесу.

25 декабря 1986 года я уехал с ЧАЭС. Станция запомнилась мне величественным сооружением в десятки метров в высоту. Саркофаг — тоже огромное сооружение. Еще в Чернобыле росла сосна в форме креста. Под ней хоронили погибших в годы Великой Отечественной войны. Это дерево стало символом двух трагедий. А лопухи росли в два человеческих роста. Домашние животные как пьяные ходили. Чернобыль, он был для меня как бы черно-белым, фон такой.

**Дмитриев
Сергей
Григорьевич**

1938 г.р., г. Железнодорожск, образование — 6 классов

Сергей Дмитриев: «Такой высокой организации труда я больше не встречал нигде»

Я работал водителем на 4-й автобазе «Сибхимстрой». Утром приехал на работу и узнал, что на Чернобыльской АЭС произошел взрыв. Примерно через месяц мы стали отчислять от заработной платы деньги в фонд помощи пострадавшим от аварии, а 3 августа меня вызвал к себе начальник автобазы и сказал, что надо ехать в командировку в Чернобыль. Нас собралось 29 человек со всех автобаз, подведомственных управлению. Прошли медицинскую комиссию и отправились специальным авиарейсом. На АН-24 летели.

Помню, что прилетели в Киев поздним вечером, было уже темно. Нас никто не встречал, расспросили у местных, как добраться, и в третьем часу ночи прибыли на железнодорожную станцию Тетерев. Всех нас расселили по близлежащим пионерским лагерям, я оказался в «Солнечном». Подробностей об аварии, о радиации никто из нас не знал тогда. Не было и чувства опасности — радиация же не видна и не слышна.

На второй день нас направили на автобазу в Тетерев, куда пришел состав с новыми «миксерами». Мы эти машины посмотрели, гайки подтянули, смазали технику и своим ходом на ЧАЭС поехали. Вот так мы и работали — из пункта перегрузки возили бетон на ЧАЭС. Выходных у нас, конечно, не было,

работали в три смены по восемь часов. За день получалось по 8–9 рейсов, смотря в какой район направят.

В августе 86-го была страшная жара. Выезжаешь на работу, берешь с собой коробку защитных респираторов — «лепесток», менять их приходилось очень часто. А в сентябре начались дожди. Вымокнешь весь, возвращаешься в Тетерев, а обсушиться негде. Чуть роба подсохнет, в ней же идешь в столовую и в магазин за куревом. Мы как в августе получили спецодежду, так в ней и работали до конца смены. Страшно представить, сколько радиации мы за собой возили. Строителям, на мой взгляд, было легче: для них организовали бытовки на станции, где они мылись и переодевались. Для нас ничего такого в то время не было.

Одна из бригад «миксеристов» пожаловалась на бытовые неудобства в политотдел, где начальником был полковник Карпенко. Он дал хорошего нагоняя всем ответственным лицам, и через неделю поставили душевые вагончики и передвижную котельную. Утром приезжаешь туда, чистое белье снимаешь, вешаешь, проходишь через душевой вагончик, моешься, идешь в третий вагончик, там надеваешь грязную одежду и идешь работать. И обратно так же. Но это было уже в сентябре.

Если не считать некоторых бытовых неудобств, то вспоминается очень высокая организация труда. Такой я больше не встречал нигде. Техника была новая и самая лучшая, хорошо была организована техническая помощь. Бывало, проколешь колесо, на дисках вернешься со станции, а на базе уже новые готовые колеса стоят на замену. Трое шиномонтажников было, быстро меняли. Бывали чудачки такие, которые и на станции колеса меняли, но там «фонило» страшно.

21 сентября нас отправили домой раньше срока командировки на 10 дней. Накануне «Солнечный» проверили специалисты СЭС и обнаружили высокую радиоактивную загрязненность бытовых помещений. Несмотря на все меры предосторожности, приносили «грязь» на одежде, сапогах. Мне написали итоговую дозу радиации 15,5 рентген. Думаю, что она была занижена.

По возвращении домой, мы вновь прошли медкомиссию и получили командировочные. За август вышло 1800 рублей, за сентябрь — 900 рублей. Дипломы, грамоты подписывали. А в 91-м вручили орден Мужества.

Красногор Виктор Севостьянович

1940 г.р., г. Зеленогорск, работал механизатором в управлении строительства с 1956 года, за свой труд награждён орденами Трудового Красного Знамени и «Знак почета»

Виктор Красногор: «Семья, конечно, переживала»

От нашего управления в Чернобыль первыми поехали механизаторы — шофёры, бульдозеристы. Мой черёд наступил осенью.

Избежать подобной командировки старались многие, но я к тому времени уже имел два трудовых ордена, и не мог себя так повести. Увидел свою фамилию первой в списке, подошел к начальнику, сказал, что готов.

Мне на тот момент было 46 лет, ребяташки были, дочь с 63-го года, сын — 72-го. Семья, конечно, переживала, но куда было деваться.

Перед поездкой нас проинструктировали по технике безопасности. Объяснили, что у каждого должна быть марлевая повязка, мы и в автобусе ездили в них, и на работу в них ходили. Кто-то выполнял все инструкции, кто-то — нет. Все герои разные.

9 сентября 1986 года наша группа прилетела в Киев, затем нас привезли на станцию Тетерев, где мы целый месяц жили в железнодорожном вагоне. Душевая была на улице. После уже нам выделили домик на четверых в пионерском лагере «Голубые озёра». Здесь, конечно, было намного удобнее, и до столовой ближе, и до автобуса.

130 км до станции перед каждой сменой, столько же обратно. В лагере садишься в «чистые» автобусы, перед станцией пересадка — проходишь через заграждение к «грязным» освинцованным

автобусам, они назывались «таджики». На них подъезжали прямо к бункеру.

Общая смена длилась 6 часов, но каждый работал по индивидуально рассчитанному времени, сколько дозиметрист позволит.

Вместе с товарищами я два месяца долбил бетон на площадке перед 4-м блоком. Чтобы подогнать «Демаг» нужна была идеально ровная площадка, а там скопилось очень много бетонных наростов — когда стенки Саркофага заливали, никто лишний бетон не убирал сразу, он застывал, и мы, по сути, делали дурную работу.

Мне выдали новенький, прямо с завода, экскаватор, кабина была освинцованна. Работать в защищенной металлом кабине было безопаснее, но страшно неудобно — ничего не видно, ни справа, ни слева.

Как только мы расчистили половину площадки, туда зашел кран. Началась укладка труб в перекрытие Саркофага. Здесь работали резервисты. «Демаг» поднимал трубу и одновременно в батискафе поднимались ликвидаторы. На высоте ребятам надо было выскочить из освинцованной кабины, а фон там был сумасшедший, сбросить крючья и снова в кабину. Они ночь отработают, сделают один подъем и их отпускают домой. Свою дозу набрали. Так было с одним моим знакомым из Зеленогорска.

После смены мы шли помыться и переодеться в первый блок. Сначала давали новую одежду каждый день. Доезжали до Чернобыля, там — столовая. На входе встречал дозиметрист, напоминал, что надо вымыть обувь, если стрелка на аппарате реагировала. Кормили хорошо, у кого был аппетит, можно было есть сколько хотелось.

Перед «Голубыми озёрами» снова встречал дозиметрист, и снова душевая. Казалось бы, только помылся, и вот опять.

Я пробыл в Чернобыле 65 суток. Между первым и вторым месяцем командировки у нас был выходной, ездили в Киев. Там было, как и во всей стране: за водкой очередь, как в Мавзолей. Город, конечно, красивый. Посмотрели тогда Крещатик, метро и Киево-Печерскую лавру.

При увольнении моя индивидуальная доза составила 27 рентген, а в справке написано 16,8 рентген. Так получилось из-за нечестных людей, которые клали этот «карандашик», а сами в бункере в это время сидели. Приспосабливались, обманывали.

Домой я вернулся 14 ноября 1986 года. Приехал, и вроде бы все нормально, но в первые года два часто приходилось «скорую» вызывать, сердце прихватывало, дышать было трудно. Спустя года четыре вроде и ничего стало. Но астма осталась все равно.

Я вот постоянно в маске работал и ездил в ней, а куда от радиации не денешься. Если ты чуть больше единицы за один раз взял, сразу дышать невозможно становилось, виски сдавливало. Спасались мы минеральной водой, полоскали горло ею.

Синдром чернобыльца — это кашель и насморк, длящийся несколько дней. Видимо, когда организм набирает в себя столько, сколько может, а потом адаптируется.

**Потебня
Александр
Петрович**

1957 г.р., г. Железнодорожск, образование высшее

Александр Потебня: «В Чернобыль я поехал добровольно»

При распределении на работу по окончании строительного факультета Красноярского политехнического института на меня обратили внимание «покупатели» из команды генерала Штефана. Так я оказался в «Сибхимстрое». Прошел все должности от мастера до заместителя главного инженера к 1986 году.

В Чернобыль я поехал добровольно, оказавшись во втором «эшелоне» — июле-сентябре 1986 года. Работал начальником участка непосредственно на строительстве Саркофага.

В подчинение мне дали 60 молодых ребят, только что окончивших институт. У них была военная кафедра, все они получили офицерские звания, и их забрали в армию, а затем отправили на ликвидацию аварии. За этими ребятами были закреплены «партизаны», взрослые мужики 40–50 лет. А я как начальник участка руководил всем этим коллективом.

Мы вели общие работы на самом энергоблоке, прокладывали трубы-временки, бетонировали Саркофаг, монтировали опалубку. Довелось поработать и внутри энергоблока — затыкали поролоновыми матами технологические трубы, чтобы залитый бетон не уходил вниз. Это требовалось в тех помещениях, которые заливались полностью.

Уже по осени закачивали бетон в 3-м блоке, и он стал стекать сквозь трещины. Помню, что стояла жаркая сухая погода, ветер пыль гонял, да ещё вертолётчики постоянно лили патоку. Мне пришлось дважды вместе с дозиметристами искать протечки внутри. Это уже потом поставили камеру на кране, а тогда приходилось подниматься по 12-метровой лестнице, потом — пробежка 6 метров, и снова 12 метров вверх, и снова пробежка. А несешь всего два матраса, чтобы дыры заткнуть.

Помню дорогу до «Голубых озёр» вдоль «рыжего» леса — настоящая «дорога смерти». Узкая проезжая часть, а по обочинам брошенные машины.

Помню, как ждали приезда Горбачева в сентябре. Специально провели железнодорожную ветку, построили стеклянный куб, где должен был укрыться глава государства. Но он так и не приехал.

Вспоминается оперативность решения всех вопросов по ликвидации последствий аварии. Однажды пневмомолотом пробил колесо у «Демага». Уже на следующие сутки смонтировали новое.

Помню, как совершенно случайно попал в красивый город Припять. Ночью со станции приехал человек и попросил автобус в Припять. Оказалось, что он из Афганистана вернулся, хочет домой попасть. На КПП нас пропустили. Он пробыл дома минут 30, взял какие-то бумаги и мы поехали назад. По всем припятским улицам курсировали милициские машины.

Ещё мне довелось пообщаться с Александром Николаевичем Усановым. Он пришел к нам в одну из моих смен и на прощание оставил автограф с надписью: «Не ссы, сынок».

**Дзяугис
Пётр
Михайлович**

1951 г.р., г. Железногорск, монтажник

Пётр Дзяугис: «Серьёзность и масштабность аварии до поездки я представлял в очень общих чертах»

Не могу сказать, что я испытывал большое желание принять участие в ликвидации аварии на ЧАЭС, но на предприятие, где я работал монтажником, пришло письмо, что там требуется бригадир. Провели партсобрание, где призывали поехать добровольно. Вызвались я и Владимир Петрович Коркунов.

8 августа мы прибыли в Чернобыль, оформились и сразу же отправились на объект. Поселили нас в пионерском лагере «Дружба», рядом с «Голубыми озёрами».

Серьёзность и масштабность аварии до поездки я представлял в очень общих чертах. Прежняя работа на Ленинградской АЭС позволяла мне представить толщину бетонных стен, мощь балок перекрытия, но как это могло выворотить взрывом, понять было трудно. Когда увидел с высоты 4-й блок АЭС, меня, мягко говоря, охватил ужас.

Первые две недели я отработал в качестве звеньёвого на строительстве каскадной стенки. Все мы, монтажники, подчинялись одному человеку — Малинину с Игналинской АЭС. Мы с ним работали когда-то в Соновом Бору.

Нам необходимо было исследовать перекрытия вдоль стен реактора, отрезать провода высокого напряжения. Нашёлся смельчак, который в защищённой освинцованной кабине поднялся с помощью крана на нужную высоту и выполнил сварочные работы.

Я был парализован страхом, но прекрасно понимал, что обратного пути нет. Работать приходилось в спец-одежде, которую после каждой смены утилизировали.

Стенку собрали, смонтировали. 14 августа из Красноярска-26 приехал Александр Дмитриевич Жуков. Стали работать вместе. Работа была дурная, если честно, — забрасывали пандус бетоном.

Затем перешли на разделительную стенку между 3-м и 4-м блоками. Перекрывали машинный зал.

Наш рабочий день начинался в 6 часов утра. Завтракали в местной столовой и ехали в Чернобыль. Там пересаживались в освинцованный автобус, который вёз нас до площадки. Всю смену мы укрывались в освинцованных вагончиках, время выхода в активную зону длилось от 15 секунд до 6 минут.

Вспоминается случай, когда нас подняли краном для высотных работ, а мы не рассчитали начальное время. Дверь батискафа на высоте открылась, и мы в таком виде поехали над машинным залом. Я испытал непередаваемый ужас — под нами был реактор.

Моя чернобыльская командировка завершилась в конце октября. Я привык ни о чём не жалеть, но будь у меня выбор, я бы туда не поехал.

Доставка металлоконструкции к Саркофагу

**Грязнов
Николай
Яковлевич**

1948 г.р.,
г. Железногорск

Николай Грязнов: «Поставленные перед нами задачи были выполнены»

Я до Чернобыля жил и работал в Железногорске на ЗАО «МСУ-53» (это Железногорский опытный завод) слесарем по сборке металлоконструкций.

Об аварии на Чернобыльской АЭС я узнал из сообщений СМИ. На работе об этом ничего не говорили, но к нам на завод из дружественных Союзу республик были командированы люди. Они у нас поработали примерно неделю и их отправили в Чернобыль. Я тогда подумал, что нас это не коснется.

Мы в тот момент работали в Красноярске на объекте, к 7 ноября должен был открыться музей им. В. И. Ленина. Мы в связи с этим работали по 12 часов. И вот однажды, в пятницу вечером, нас забрали оттуда и привезли в наш город. Мне вручили бумажку, чтобы я явился к начальнику отдела кадров, это было уже часов в 10 вечера. Начальник отдела кадров в свою очередь дал мне авиабилет, командировочные и сообщил, что я уезжаю на ЧАЭС. Я пытался отказаться, не ехать, но меня уговаривали, угрожали, что в противном случае призовут через военкомат. И вот, в 11 часов утра следующего дня подъехала к дому «Латвия», нас посадили, увезли в аэропорт — и в Киев. Отту-

да вчетвером на электричке добирались до места, в отдел кадров УС-605.

Первое время мы работали на сборке гигантской балки «Мамонт» на площадке перед ЧАЭС. Работали по 12 часов без обеда, выдавали только сухой паёк — банка тушенки, банка сгущенки на человека и банка шпротов на двоих. В освинцованном вагончике стоял ящик «Боржоми». Её мы пили, ею же и умывались.

Жили мы на территории базы отдыха, спали на матрасах, одеял не было, укрывались тоже матрасами. Осень была, холодно.

Кроме «Мамонта» надо было собрать балку-короб «Осьминога», являющуюся распределительной конструкцией.

Вот, собственно, эти задачи нам были поставлены и нами были выполнены.

Я был в Чернобыле с 20 сентября по 19 октября вместе с дорогой. Нам изначально поставили условие: чем быстрее соберем, тем быстрее уедем. Задерживать не стали.

Из индивидуальных средств защиты у нас были респираторы «лепесток», накопителей у нас не было, в чистую одежду мы переодевались в вагончике.

Перед отъездом домой нам дали совет — прилетите, сразу сожгите одежду, в которой были в дороге. Так мы и сделали.

Вообще же, страшно не было, радиацию не видно, не больно от нее, только спать хотелось все время.

Что тут особо расскажешь? Живу, обследуюсь, лечусь.

Спали мы в Чернобыле по четыре-пять часов. Но я-то привычный, раньше в тайге, бывало, приходилось и в снегу спать. А теперь вот болит всё, но, в общем-то, я не жалуясь.

Домой из аэропорта меня привезли на «скорой помощи», у меня давление было 200 на 120, на что врачи мне сказали, что это случилось от перемены климата.

Мы вчетвером уезжали, трое из нас уже умерли. У меня после смерти моих товарищей случилась жуткая депрессия, думал, что я следующий. Но я живучий. Веду активный образ жизни — охотник, рыбак, связан с природой.

До Чернобыля у меня был только сын, а сейчас трое внуков: два мальчика и девочка. Я «богатый» дед.

**Конюков
Владимир
Борисович**

1956 г.р.,
г. Железнодорожск,
водитель

**Тонковид
Юрий
Владимирович**

1961 г.р.,
г. Железнодорожск,
водитель

Владимир Конюков: «Индивидуальную дозу в 1 рентген можно было получить и за 5-6 часов работы»

Я работал водителем на 3-й автобазе «Сибхимстрой». На работе, как узнали про аварию, сразу пошли разговоры о чернобыльских командировках. Ко мне подошёл механик и говорит: «Давай-ка, Володька, поезжай». Я ответил, что поеду только с другом.

2 августа, в мой праздник — День десантника — мы с Юрием Тонковидом вылетели в Киев специальным рейсом через Москву на самолёте АН-24.

Провожали нас торжественно. Собрали всю группу, 23 человека, на площади перед управлением «Сибхимстрой». Генерал-майор Штефан лично вручил каждому по авторучке и блокноту, а после напутствовал: «Чтобы и в Чернобыле сибхимстроевцы не уронили честь нашего краснознамённого коллектива».

Перед отъездом все прошли медкомиссию, в дальнейшем мы каждую неделю сдавали кровь, и нам измеряли давление.

На станции Тетерев располагалось управление механизации и автотранспорта УС-605. Здесь мы получили новые КамАЗы-миксеры и распределились по три человека на одну машину, чтобы работа шла круглосуточно.

В течение трёх дней мы готовили наши миксеры к работе в «грязной» зоне, поскольку нам предстояло возить бетон с узла перегрузки до Саркофага.

Отработать полную смену, восемь часов, получалось не всегда. Индивидуальную дозу в 1 рентген можно было получить и за 5–6 часов работы.

Вначале было страшно. Однажды стоял в колонне и увидел на стене движущийся большой зелёный круг. Луча нет, а круг есть. Мы его безрезультатно сбивали палками. Какой-то неопознанный объект. Аж мурашки по коже.

Каждый рейс к Саркофагу проходил мимо «рыжего» леса. Впечатления неприятные, как из фильмов ужаса. Лес, сгоревший без пожаров и огня.

Вспоминается случай с одним водителем-уральцем. Он не захотел проезжать мимо этого дикого места и слил бетон в отвал. КГБ его быстро вычислил, и он получил 10 лет уже другой зоны. Сурово, но зато у других не возникало желания не довозить бетон до Саркофага.

В Чернобыле было очень хорошо организовано питание. Поначалу даже икорку давали красную, а потом ее убрали. Мылись часто, с душевыми проблем не было. Чистую одежду выдавали регулярно.

В выходные дни ездили в Киев на электричке. Ну, как выходные, отработаешь несколько смен подряд и накопишь себе день отдыха.

У меня в Киеве двоюродный брат жил, он из Припяти переехал, работал там водителем на «скорой помощи». Так он мне рассказывал, что в момент взрыва они сидели после смены в гараже, в один момент задрожали стёкла, потом — тишина. Прибежал начальник и попросил помочь на станции. И все туда побежали. А брат мой из любопытства заглянул прямо в развал 4-го блока. И долго

он, конечно, после этого не протянул. Он потом эвакуировал людей из Припяти.

26 сентября закончился срок нашей командировки. Меняла нас группа водителей «Сибхимстрой» во главе с Комлевым.

**Севрунов
Георгий
Иванович**

1948 г.р.,
г. Железногорск,
образование высшее

Георгий Севрунов: «Вслед за дозиметристами шли наши ребята-электрики»

Я был командирован в Чернобыль из «Сибхимстроя». В то время занимал там должность начальника управления энергоснабжения.

В 1988 году организацией, отвечающей за организацию всех работ на ЧАЭС, была Комплексная экспедиция Курчатовского института. И её основной задачей было определение количества топлива, оставшегося в ядерном реакторе. Строительные работы должны были обеспечить эту научную программу. Надо было идти внутрь Саркофага, и это стало серьёзной проблемой. Во внутренних помещениях было сверхопасно из-за разрушенных конструкций здания и очень высокого радиационного фона.

Для устранения этих причин строители подпирали разрушенные стены колоннами, которые укреплялись

огромными металлическими ёмкостями. Их надо было залить бетоном и прикрепить к стенам.

Наше подразделение — управление энергоснабжения (УЭС) — занималось электрообеспечением, связью, малой механизацией, водой, теплом всех подразделений экспедиции, в том числе и объекта «Укрытие».

Практически везде следом за дозиметристами шли наши ребята-электрики и проводили временное освещение, без которого была невозможна никакая работа.

Как-то в августе 88-го года ждали приезда японской делегации. Перед нами поставили задачу — осветить реакторный зал. В обычных условиях ничего сложного в такой работе нет, конечно. А здесь надо было подготовить кабель, светильники и в «батискафе» при помощи «Демага» подняться на крышу, где уровень радиации в некоторых местах достигал 250 рентген.

Ну, мы выбрали такой маршрут, чтобы людей не «жечь». Решили через трубы на крыше пропустить мелкие светильники, чтобы светили гирляндой. Со стороны 3-го блока организовали обзорную площадку для членов делегации.

И вот «батискаф» наверх забросили, протянули, осветили всё. Ну, а ребята-ликвидаторы за один «полёт» на крышу набрали максимально допустимую дозу радиации.

Моя чернобыльская командировка длилась восемь месяцев.

Разрушенный взрывом энергоблок ЧАЭС был надежно укрыт Саркофагом

Русанов Вячеслав Алексеевич

1948 г. р., г. Железнодорожск, в настоящее время — заместитель главного инженера ГХК по охране труда и радиационной безопасности

Вячеслав Русанов: «В 86-м году работали так, как обычно работают русские, когда им никто не мешает»

В апреле 1986 года я был руководителем группы дозиметрического контроля изотопно-химического завода ГХК в городе Красноярске-26. Когда 27 апреля пришло известие об аварии на ЧАЭС, сразу стало понятно, что ликвидация этой беды не обойдется без участия минсредмашевцев. Специалисты с навыками работы с радиационным излучением были только в нашем ведомстве.

В первый раз я выехал в Чернобыль 7 июня 1986 года. Нас было 5 человек с ГХК, и мы везли с собой по два комплекта приборов на каждого, на всякий случай.

К тому времени там был создан отдел дозиметрического контроля, где трудились специалисты из разных закрытых городов министерства среднего машиностроения. В 86-м году стройка, как известно, была разбита на 12 районов, каждый из которых обслуживала своя группа дозиметрического контроля, подчиняющаяся отделу. И была общая лаборатория, куда отдавали для исследований все образцы — почвы, воздуха и так далее.

Я был назначен руководителем группы дозконтроля, обеспечивающей безопасное ведение работ в 1-м строительном районе. Следующие группы дозиметристов ГХК продолжали контролировать работу этого района до полного возведения Саркофага.

Сначала мы располагались в племсовхозе, на въезде в Чернобыль, затем переехали в школу в Чернобыле, это уже в конце 87-го года было. В помещении, где мы первоначально базировались, излучение было 15–50 мР/час. В дальнейшем фон уменьшался.

Как руководитель группы я подчинялся начальнику отдела дозконтроля, а он подчинялся главному инженеру УС-605.

Организация работ, когда мы приехали впервые, была очень простая. Чем меньше бюрократии, тем качественнее работа. В 86-м году работали так, как обычно работают русские, когда им никто не мешает. Надо было делать, значит надо, все это понимали. Были, конечно, балбесы, которые лезли куда попало, но в основном все работали очень хорошо.

После уже «режимщики» вмешивались во все процессы, часто до абсурда. Вот, например, у нас на стене висела картограмма с полной экспликацией помещений ВСРО. Каждый день мы показывали на ней измененные данные дозконтроля. Перемена данных была естественной — шла активная дезактивация внутри помещений вспомогательных систем реакторного оборудования, в некоторых проходах выкладывали защитные стенки со свинцом для прохода ликвидаторов. Радиационный фон медленно, но снижался.

«Режимщики» в 87-м появились: а что тут у вас? Рентгены, миллирентгены... Это же секретно! Мы в ответ: да всем давно известно, нет никаких секретов! Каждый раз, проводя инструктаж, мы называем цифры. От нас потребовали все данные заклеить. А нам же неудобно контролировать процесс вслепую, мы и схитрили: писали красным фломастером, а заклеивали папиросной бумагой. И нам все видно, и указание выполнили.

В общей сложности я отработал на ликвидации чернобыльской аварии шесть смен — в 1986, 1987, 1988 и 1989 (дважды весной и осенью).

В 86-м году я работал в УС-605 на дезактивации и строительстве Саркофага, в 87-м — на дезактивации крыш и помещений внутри 3-го блока. Там всё было загрязнено: стены, пол. Кругом валялись куски графита. Опять же, какой-то умник спроектировал атомную станцию с рубероидной кровлей, в кото-

рую после пожара всё впиталось и приходилось отдиравать. В районе деаэрационной этажерки, которая идет вдоль всех блоков, пришлось крышу на два метра нарастить, она была вся в дырах. Здесь мы защитились просто расстоянием, класть ничего нельзя было, потому что крыша могла разрушиться. Тем самым крыша стала выше, по ней можно было уже ходить, и за счет воздушного расстояния фон на ней стал гораздо меньше. В помещениях для установки необходимой аппаратуры все приходилось расчищать, стены обдирать, строить дополнительные стены, освинцовывать, некоторые помещения просто пришлось залить бетоном, так было проще, чем очистить. Это были, к примеру, дренажные коридоры, по которым шли трубы. Вот это все и называлось дезактивацией.

На трубе тоже занимались дезактивацией, убирали графиты с площадки, и с уголковой металлической

конструкции вычищали насыпавшийся пепел, графитовые камни.

Того, кто приказал повесить флаг на трубе, его фамилия Самойленко, по нашим понятиям, нужно было посадить за его поступок, а его сделали героем. Люди, которые туда залезли, получили по 5–10 рентген разовой дозы облучения. Какой смысл был гробить людей? Я не знаю, какой пост он занимал, он был работником ЧАЭС. Станции мы не подчинялись и контактировали только для решения общих вопросов.

Шестой раз ездил в 1990-м году на три дня для осмотра металлолома, можно увозить его или нет, использовать в народном хозяйстве или нет. Технику, которая была в нормальном состоянии, не сильно загрязнена, по чернобыльским нормам, свозили на предприятия Томска, Челябинска и Красноярска. Там техника очищалась.

Дозиметристы ГХК на ЧАЭС, 1986 г.

**Коновалов
Сергей
Васильевич**

Родился в 1952 году в п. Хвойном Хабаровского края, г. Железногорск, дозиметрист

Сергей Коновалов: «Работать в Чернобыле было интересно»

В Чернобыль я попал 10 июня 1986 года и пробыл до августа. С ГМЗ нас двое было, отправили самых опытных. И еще трое были командированы с завода из других подразделений. Отказываться мы не собирались, это наша работа. Ну и интерес был, естественно, что да как там.

Еще когда к Киеву подлетали, у всех вышли из строя модные тогда наручные электронные часы. Ни с того ни с сего начали показывать непонятное время, к примеру, 96:86.

Расселили нас в «Голубых озерах», а на работу возили на станцию. Наш пункт дозиметрического контроля располагался в 30–35 метрах от 4-го энергоблока, в здании КПП. Мы там все оконные проемы закрыли шифером листовым и сидели.

Отработал я там два месяца. Было очень интересно с профессиональной точки зрения. Тут, на заводе, давно известно, что и где, а там непонятно было, любопытно, я бы сказал.

Больше всего понравилась четкая организация работы. Никакого безобразия там не было. Все было организовано на очень высоком уровне. И хорошо, что народу было много. Не было проблем, где взять работников. А мы не давали людям переоблучаться. Чуть больше половины положенного наберет — все, хватит, другого возьмем, благо народу много. Конечно, отразился Чернобыль на здоровье, и завод отраз-

ился, я же все-таки дозиметрист. Зубов вот нет уже, но, как говорил герой Крамарова в известном фильме: «Вставлю зубы, куплю костюм с отливом, и в Ялту!».

**Бандурин
Алексей
Захарович**

1937 г. р., г. Железногорск, окончил Томский политехнический институт, в 1986 году — старший инженер по радиационной безопасности ГХК

Алексей Бандурин: «Я не жалею, что участво- вал в ликвидации»

В конце сентября 1986 года мне позвонили из отдела кадров ГХК и сообщили, что я назначаюсь старшим группы дозиметристов от комбината, направленных для ликвидации аварии на ЧАЭС и мне необходимо самостоятельно сформировать группу добровольцев.

2 октября Николай Тимофеевич Капаций, Владимир Кириллович Петров, Николай Тимофеевич Чучкалов, Валерий Евгеньевич Кремезной и я прибыли в пионерский лагерь «Голубые озера», где в отделе кадров УС-605 нам оформили временные пропуска для въезда в Чернобыль. Разместились мы в соседнем лагере «Солнечный».

На следующий день мы прибыли в отдел радиационной безопасности УС-605, который находился в одной из школ Чернобыля. Нашей группе поручили контролировать ликвидационные работы в 3-м районе. Нам пришлось работать вместе с дозиметристами из Арзамаса.

Мы занимались оформлением допусков к работам, выдачей индивидуальных дозиметров, проводили инструктажи по радиационной безопасности, вели журналы доз облучения и радиационной обстановки на территории района.

В профессиональном плане за два месяца командировки я не узнал ничего особо нового. На мой взгляд, достаточного для полной безопасности контроля в 30-километровой зоне не было. Бывало, что из соседних с Зоной деревень приезжали машины, загружали железо и отбывали как ни в чем не бывало. Довелось встретить идиотов, приехавших поглазеть на реактор. Им и невдомек, что подвергаются бесконтрольному, очень высокому, облучению. Вообще, было сложно проконтролировать весь персонал и технику на территории возле 4-го блока.

Со второй половины октября начали готовиться к монтажу крыши Саркофага. Очень опасная работа для дозиметристов. Например, во время установки балки «Мамонт» группе дозиметристов, для обеспечения безопасности монтажников, потребовалось пройти по всему фронту работ — над центральным залом 4-го энергоблока. Получили очень большую дозу облучения.

Днем работать на крыше было страшнее. Ночью территорию освещал аэростат, вроде все понятнее и спокойнее.

14 октября попал на крышу и я. Все приборы зашкаливали. Но в моих бригадах никто не получал дозу более 18 — 20 рентген. Считаю, что мы со своей задачей справились. Хотя эта командировка, конечно, сказалась на здоровье. Уже нет среди нас дозиметристов нашей группы Николая Капация, Владимира Петрова, Валерия Кремезного.

Лично я не жалею, что принимал участие в ликвидации чернобыльской аварии. Чувствовал, необходимость в том, что я делаю. С чувством благодарности и уважения я вспоминаю людей, с которыми пришлось встречаться и работать на ЧАЭС.

Юрий Юдаков: «В Чернобыле было много тюльпанов»

В Чернобыле я работал с начала марта по 22 мая 1987 года. Разместили нас в одном из пионерских лагерей. Работали на кровле 3-го энергоблока, по приказу начальства выезжали в палаточные лагеря.

**Юдаков
Юрий
Андреевич**

1950 г. р., г. Железнодорожск, окончил политехнический институт, дозиметрист

После напряженной работы как могли разнообразили быт. Помню коллегу — Александра Константиновича Феоктистова. Он читал нам стихи Мандельштама.

На стене висел график. На нем отмечали жирным крестом каждый прошедший день командировки.

Как-то достали телевизор. Естественно, появилось желание его смотреть, а для этого нужна антенна. Тем более что ожидался футбольный матч, — ну мы просто не могли его пропустить. Сняли антенну с одного из чернобыльских домов, правда, предварительно замерив. Фон был в норме — какую попало не брали. Помимо футбола смотрели новости и программу «Здоровье».

Военные достали для нас оборудование, на котором можно было прослушивать пластинки. Стали по ночам крутить музыку через громкоговорители. Днем не включали, чтобы не мешать командам. Особенно часто крутили песню «Ландыши».

Шутили. На все маршруты мы выезжали с шифром Витей, солдатом-срочником. Как-то едем по Чернобылю, а вокруг одни офицеры, многие в погонах полковников. Только Витя, солдат. Вот взяли и купили ему в военторге офицерские погоны.

Поразился, когда вскрылась река Припять. Лед пошел, зимний панцирь треснул, и все берега реки оказались завалены рыбой. Просто ступить было некуда. Даже я ел рыбу, срезая кости. А еще брали рыбу у строителей в обмен на спирт, который нам выделяли для протирки оборудования. Помню, как много было там тюльпанов. На 1 мая организовали праздничный музыкальный вечер. Один коллега играл на фортепиано, гитаре. Весь пол был в тюльпанах. Когда улетали домой, взяли цветы в самолет, но они погибли от жары.

**Мочалкин
Михаил
Иванович**

1935 г.р.,
г. Железнодорожск

Михаил Мочалкин: «Я работал на освинцованном автобусе»

До аварии я работал водителем автобуса в 9-м управлении «Сибхимстрой». Возил людей на строительные объекты. Работа была такая — то в Сухобузимском строили, то в Саянске.

Когда узнал, что отправляют в командировку, не придавал этому особого значения. Сказали, что там что-то случилось и надо помочь. Я поехал вторым или третьим заходом с 18 сентября по 18 ноября.

В Чернобыле стал работать на освинцованном автобусе «Таджикистан». Моя задача была привезти бригаду с пункта пересадки на станцию и увезти обратно. Это где-то 15 — 17 километров пути.

Рабочая смена была 12-ти часовой, с 8 утра до 8 вечера. Никаких выходных.

Случались ночные дежурства по станции, на случай, если кого-то надо срочно увезти-привезти. За два месяца моей командировки довелось провести ночей 5 — 6 на самой станции.

Крупных дорожных аварий я не припоминаю. Бывало, что одна машина другую зацепит, но так, по мелочи. Один раз, правда, «РАФ» лося сбил. Машина вся помялась, у лося ноги переломаны, но люди не пострадали.

Домой вернулся и на следующий день вышел на работу.

Дозу облучения мне поставили 2 рентгена. Это просто смешно. По моим подсчетам, набралось около 40 рентген, а накопитель у меня не работал.

**Шипагин
Александр
Михайлович**

1933 г.р.,
г. Железнодорожск

Александр Шипагин: «Реактор постоянно ДЫМИЛ»

В 1986 году я работал в должности прораба в строительном управлении «Сибхимстрой» города Красноярск-26. В начале июня меня вызвали в отдел кадров: «У тебя уже есть дети, поэтому можешь ехать в Чернобыль. Откажешься — уволим». Так я стал прорабом УС-605.

Работал на ликвидации последствий аварии с 14 июня по 2 августа 1986 года. Получил дозу облучения 36 рентген, записали — 10.

На рабочих должностях у нас работали «партизаны», а офицеров, за них отвечающих, один остряк прозвал «белогвардейцами». Так и прижилось это прозвище.

Метр за метром мы продвигались к разрушенному энергоблоку. Отсыпали дорогу — снимали заражённый грунт, сверху сыпали гравий и заливали бетоном. Важно было сделать дорожное полотно идеально ровным, иначе к стройке не смогли бы подойти тяжелые немецкие краны «Демаги».

Реактор постоянно дымил. Повсюду были расставлены флажки, чтобы никто не залез в опасное место.

Когда дорогу отсыпали, приступили к возведению стен будущего Саркофага. Лето было очень жарким, но все работали, несмотря ни на что.

**Прилепа
Владимир
Константинович**

1957 г.р.,
г. Железнодорожск

Владимир Прилепа: «Занимался обслуживанием «Демага»

До аварии я работал водителем автокрана в «Сибхимстрое». В марте 1987 года наш главный инженер сказал, что меня командируют автослесарем в Чернобыль. «Но я же не слесарь», — только и возразил я.

Поехали мы вдвоем с Валерой Футомайсом. Прошли медкомиссию и вылетели в Киев, оттуда электричкой добрались до Тетерева. Поселились в чернобыльском общежитии рядом со столовой. Запомнилось это странное ощущение от города, в котором нет ни птиц, ни собак.

Работал я в гараже УС-605 по 12 часов в сутки, без выходных. По необходимости выполнял любую нужную на тот момент работу. Основные обязанности — автослесарь. Кроме этого, следил за исправностью электрооборудования на автомойке.

За каждым слесарем, включая меня, был закреплен кран «Демаг». Я занимался обслуживанием и ремонтом этого крана. Как-то снимали двигатель на ремонт. Сначала в мойку, потом в ремонт. 20 человек корячились и то боялись, что оборвется.

Кроме этого участвовал в установке на притоке реки Припяти глубинных насосов для заполнения резервуаров на автомойке. Эти самые насосы обслуживали тоже автослесари.

В моем подчинении было 2 человека. Валера Футомайс работал на УАЗике.

Запомнился печальный чернобыльский случай, как один «партизан» пошел в лес по нужде и сел на осколок графита. Получил страшную дозу облучения.

**Махонин
Валерий
Николаевич**

1952 г.р.,
г. Железнодорожск

Валерий Махонин: «Я возил цемент в Чернобыль»

До аварии я работал водителем на ГХК. На ЧАЭС попал в августе 1986 года. Поселились в «Голубых озерах» и на следующий день поехали получать новенькие КАМАЗы. Я стал возить цемент из Тетерева в Чернобыль. 120 километров дорога была.

Потом понадобились водители 1 — 2-го классов для перевозки людей. И я пересел на освинцованный автобус в «грязной» зоне, обслуживал 4-й район.

Бывало, что работали целыми сутками, соединяя две смены в одну. Официальных выходных то не было, а хотелось в Киев съездить, отдохнуть. Вот и меняли друг друга. Правда, случалось, что засыпали прямо за рулем, уставали очень. Кто в дерево врежется, кто перевернется. За месяц у нас было 200 аварий.

**Александр
Валерьевич
Капустин**

1965 г. р., г. Красноярск,
окончил Московский
авиационный институт

Александр Капустин: «Самые сильные впечатления — это выселенные деревни»

В 1986 году я проходил срочную службу в полку связи в городе Житомире (Прикарпатский военный округ). Наше подразделение было передовым пунктом управления, в котором радиостанции базируются на бронетранспортерах. Нас, БТРовцев, подняли по тревоге 9 мая, хотя первая машина ушла из части еще раньше. Мы укомплектовались, экипировались и 10 мая 1986 года прибыли на место назначения.

Временно разместились возле села Диброво Полесского района, и уже оттуда наш небольшой экипаж — я и водитель — командировали в 39-й полк химической защиты, дислоцировавшийся вблизи поселка Вильча.

Полк занимался дезактивацией. Два батальона, с помощью специальных помывочных машин и порошка СФУ-2, отмывали строения, а третий батальон занимался тем, что снимал грунт с тех участков, куда стекала вода с этих зданий. Этот грунт потом увозили в специально оборудованные могильники.

Подразделение, в котором служил я, выполняло свою основную задачу — обеспечение связи в условиях небольшой дальности мобильной группы. В основном работа шла на УКВ-радиостанциях в условиях видимости, 50–80 км. Чаще всего сопровождали группы, которые выезжали на дезактивацию — через нас передавались распоряжения штаба командиру данной группы.

Зачастую передавались закодированные сообщения, смысл которых мы не понимали. Код был введен недавно, и доходило до курьеров: передаешь шифрованное сообщение, а тот, кому оно предназначено, спрашивает: «А что это значит?».

Был момент, когда две недели, из-за опасения утечки информации, радиосвязь вообще была закрыта, а разрешена только проводная связь — телефонные линии и прочие аппараты, которые нельзя подслушать. Это, конечно, создавало проблемы, потому что надо было протянуть кабель от точки до точки.

На самой атомной станции я не был, в основном мы работали в Полесском районе. Он вплотную примыкал к тридцатикилометровой зоне, но его жителей отселили только в 1993 году. Выезжали мы и в эвакуированные районы, на границе с Белоруссией.

Люди очень слабо представляли уровень радиационной опасности. В том числе и сами ликвидаторы. В связи с этим вспоминается один случай.

Мой водитель, солдат-срочник, на полгода старше меня призывом, а по возрасту чуть моложе, не был загружен работой в течение всего дня. Его задача — доехать на БТРе до места назначения, проверить техническое состояние машины и сиди себе жди. А мы на объекте, где проводилась дезактивация, находились по 10 часов, и естественно, он от скуки искал себе занятия.

В один из дней неподалеку от нас оказалась аналогичная мобильная радиостанция Прибалтийского военного округа. И их водитель БТРа тоже скучал без дела. И вот они скооперировались и пошли гулять. Через какое-то время подъезжает УАЗик, из которого выходит незнакомый мне подполковник, и спрашивает: «Это твой?», и указывает на моего водителя. «Мой», — отвечаю. «Ну, забирайте». Оказалось, что парни умудрились пойти купаться на реку Припять. Преодолели проволочное заграждение, не знаю, успели они окунуться в воду или нет, но их поймали там, на берегу.

Буквально недавно я узнал, что мой водитель два года назад умер.

Разные истории случались, но непосредственно с моим участием таких серьезных историй не приключалось, хотя готовы были ко всему. Поскольку наша радиостанция была с засекречивающим сигналом связи, нам выдали автоматы, у меня был магазин боевых патронов — это для армии вообще случай редчайший, так как срочники всегда должны находиться под присмотром прапорщиков, сержантов, тех, кто профессионально наполняет ряды армии. Но нам выдали, мало ли чего.

О полученной дозе радиации мы узнавали только из журнала регистрации доз, который своеобразно велся. Например, выезжаешь на дезактивацию, и если не привезешь бумажку от командира с указанием дозы, которую ты получил, то тебе в журнал ничего не заносится. То есть тем, кто в лагере находился, им фиксировали дозу, а у нас за этот день ноль мог получиться. Индивидуальные дозиметры ИД-11 нам выдали где-то к середине июня, внешне они напоминали брелоки: кусочек металла на ниточке, который подвешивался за карман. Нас пугали, что стоит он 100 рублей (по тем еще деньгам), поэтому не дай бог было его потерять, расплачиваться пришлось бы долго, так как зарплата сержанта в то время составляла 12 рублей. Но после их сдачи, мы так и не узнали, какие показатели были в итоге. Этого никто ни разу не озвучил.

Находился я там с 10 мая по 23 июля 1986 года. Двадцать третьего июля машины наши остались на месте, а экипажи были заменены нашими же однополчанами, нас же вернули в часть. Сменившие нас экипажи были там до поздней осени, практически до зимы.

Самые, наверно, сильные личные впечатления от ликвидации — это выселенные деревни, вещи есть — людей нет, там даже курицы какие-то ходили сами по себе. Жутковато. Было похоже на тот страх, которым нас в школе пугали, — американской нейтронной бомбой...

Николай Ладохин: «Работали по законам военного времени»

В 1986 году я работал прорабом на объектах ГХК. 7 июня меня вызвали в отдел кадров, а следующим утром я в составе группы из шести человек летел в Киев. Все мы были строителями. Никто нам ничего не объяснил толком, поэтому мы добирались на попутках и прямо с чемоданами пришли на 4-й блок.

Спокойно ходим, рассматриваем брошенные пожарные машины. Нас быстро отловили, но не ругали, а спокойно объяснили, что это опасное место. Тут же выдали специальную одежду, посадили на попутку и отправили в Тетерева. Сколько мы рентген схватить успели, мы так и не узнаем уже.

**Ладохин
Николай
Антонович**

1957 г.р.,
г. Железнодорожск

В УС-605 меня назначили старшим прорабом старшим прорабом и определили на работу во второй район. Работали по законам военного времени. Слово начальника — закон для подчиненного.

Первые десять дней я занимался снабжением. За это время привёз всё — от скрепок до сапог и полотенец. Получал на складе в Тетерева, а отвозил на автовокзал в Чернобыле. В день выходило по два рейса Чернобыль — Тетерева и обратно. Возвращался в лагерь часов в 11 вечера, а в 6 утра опять на работу. Жили в бывшем пионерском лагере.

Склад в начале июня в Тетерева — одно название. Никакого ограждения не было. Везли вагонами, разгружали, и никто ничего не учитывал. Я приезжал, смотрел, что в каком ящике лежит и получал — дозиметры, бинокли, фотоаппараты. Бинокли, кстати, негодились.

На автовокзале сидели конторские, в том числе и проектировщики. А наша база была рядом с учебно-административным комплексом ЧАЭС. Там был недостроенный учебный комбинат, по сути каркас. Мы сделали первый этаж из кирпича, поставили туда вагончики.

До ЧАЭС было рукой подать. Работы шли на четвертом блоке, а мы на третьем, буквально за стенкой. А стенка была... Блоки-то объединенные.

Я работал там два месяца без трех дней. Что-то нашли в крови и отпустили пораньше.

Чернобыль запомнился ощущением безвременья. Все смешалось, помнятся только месяцы. Садись в городе в автобус и сразу же на заднее сиденье спать идешь. Привычка спать. Рефлекс. Физически ощущал одну сплошную усталость.

**Блинов
Борис
Петрович**

1958 г.р.,
Енисейский район

Борис Блинов: «Ночью у Саркофага было жутковато сначала, а потом привык»

Я в Чернобыль из Казахстана попал. Работал там в управлении автомобильного транспорта Иртышского управления строительства в городе Усть-Каменогорске. Пришла заявка на предприятие, объявление повесили, что добровольцев набирают. Ну, я и пошел, надо, значит надо.

Как в Чернобыль приехали, медосмотр прошли — жалоб нет, значит годен. Поселили нас в бывшем детском садике в самом городе.

Работал я возле самого Саркофага. Там в это время отсыпали новую площадку для «Демага», и я возил грунт на ЗИЛ-130. Подъехал, машину разгрузили, поехал загружаться. По 8–10 часов в день работали.

В первую ночную смену было жутковато разгружаться у Саркофага. А потом привыкаешь.

Никакими средствами защиты я не пользовался. Нам выдали «лепестки», но никто не проверял, носим мы их или нет. Спустя десять дней после нашего приезда, приехала группа телевизионщиков, и начальник всем нам велел надеть респираторы для камер.

По окончании командировки всем нам поставили одинаковую дозу — 2,5 рентгена. Как надо было, так и ставили. Что касается зарплаты, то заработал теми деньгами около 2000 рублей.

Два месяца я там пробыл — март-апрель 1987 года. Уехал оттуда 10 марта. На своём предприятии проходил ежегодные медицинские осмотры, вроде всё нормально было. В 1991 году у меня дочка родилась. Она сейчас в Красноярске учится.

**Винников
Алексей
Павлович**

1933 г.р., г. Минусинск,
образование высшее

Алексей Винников: «Первым делом пришлось заниматься доработкой системы оплаты труда на месте»

Средмашевцем я стал случайно. В 1956 году поступил в Томский политехнический институт на факультет гидротехнического строительства. А через четыре года нас, самых успешных студентов, вызвали в спецчасть и предложили пройти переподготовку на физико-техническом факультете. Там атомщики учились, мы об этом знали, несмотря на секретность специальности. Нам добавили еще один семестр обучения и прочитали курс СЯУ — строительство ядерных установок. Там мы защитили дипломы и получили специальность инженера по строительству речных гидросооружений, а в скобках — «производство общестроительных работ». После с нас взяли подписку о неразглашении государственной тайны и на-

правили на работу на предприятия Министерства среднего машиностроения.

В апреле 1986 года я работал начальником отдела труда и заработной платы на одном из предприятий Минсредмаша в Казахстане. В начале июня мне позвонил мой министерский начальник из Москвы и предложил поработать начальником ОТИЗа на ЧАЭС. Я, конечно, не отказался. Четыре дня я провел в Москве в ожидании министерского постановления об оплате труда на станции, а в ночь на 5 июня вылетел в Чернобыль и поступил в распоряжение УС-605.

Первым делом пришлось заниматься доработкой системы оплаты труда на месте. Зарплата за май была еще не выплачена, и никто не знал, как ее начислять, а надо было уже и июньскую считать. Необходимо было как можно быстрее определить продолжительность рабочего дня и заработный коэффициент. А для этого надо было провести аттестацию рабочих мест. Учесть все необходимые параметры в тех условиях было невозможно. Ориентировались в основном на уровень радиации.

Вся территория УС-605 была разбита на районы, их получилось 13. В зависимости от близости к станции, установили районный коэффициент. Да, у некоторых ликвидаторов выходила очень хорошая зарплата, но не верьте тем, кто говорит, что люди ехали туда за большими деньгами. Я ведь привез постановление Минсредмаша о заработной плате на ЧАЭС 5 июня 1986 года. А к этому времени там работали тысячи людей и никто из них не знал, сколько получит. А ехали все равно. Оплата труда только рождалась, подобного опыта не было ни у кого. Как сказал поэт: «Он первым взял под козырек. Он не герой. Он просто так воспитан». Мы были так воспитаны.

Помню, как составляли штатное расписание УС-605. Работу над ним начинало министерство энергетики, а заканчивали мы. Составить его грамотно было делом нелегким, там ведь тысячи людей работали. К входящим в состав УС-605 13 районам добавлялись еще около 100 различных субподрядных организаций — это и горняки, и гидрогеологи, и монтажники.

Все приходилось вручную пересчитывать, тогда ведь мы компьютеров не знали. В расчетном отделе работали десятки женщин, в их обязанности входило считать, кто сколько часов отработал, перемножать эти показатели и начислять коэффициенты.

Оплата была преимущественно повременная, однако, бывало, вводили элементы прогрессивно-

премиальной оплаты. Чтобы заинтересовать людей материально, мы придумывали разные схемы. Например, для водителей, которые возили бетон, был следующий порядок: первый рейс — одна цена, второй — дороже, третий — еще дороже.

Работали мы в здании чернобыльского автовокзала, в котором располагалось управление строительства, а жили в нескольких десятках километров — на станции Тетерев. Смена длилась от 5–6 до 15 часов. Мы ездили по районам, в том числе и в «горячие» точки, делали аттестацию. Передвигались на освинцованном УАЗике — его борта были закрыты свинцовым листом, и за бортом стояли дозиметры. Но были в нем щели, конечно, радиация проходила.

В связи с этим строго следили за общим уровнем полученного облучения. Тех, кто получил 20–25 бэр, выводили из Зоны, и делали запрос на новую смену.

В начале августа меня вызвал начальник и сказал, что у него есть информация о накопленных мною 20 рентгенах, и что он мне вызвал замену. Однако предупредил, что уехать мне не даст, пока мы не закончим июль по бухгалтерии.

Вот таким образом я там пробыл до 9 августа 1986 года, ровно два месяца. После, когда проверился, официально у меня было 20,4 рентген.

Сменщиком моим был Кравцов, родом из Алтая, хороший парень. Вообще, когда вспоминаю то время, очень многие отличные ребята приходят на ум. К примеру, полковник из Томска Кирилл Тыдыков, он умер вскоре после Чернобыля и был похоронен как национальный герой, Григорьев — начальник управления энергоснабжения, тоже рано ушел из жизни. Вспоминается и плохое иногда, и хорошее. Кормили хорошо, даже икру давали, несмотря на то, что в советское время это был дефицитный продукт.

После работы, когда я домой вернулся, мне дали путевку в дом отдыха в Пицунду. Там я первый раз потерял сознание. Потом приехал домой, обратился к врачам — в ноябре 1986 года поставили на учет к невропатологу. С января 1987 года — к кардиологу. Так и пошло.

Я тогда в Казахстане жил, там никаких льгот по Чернобылю не было. А когда в 1998 приехал сюда, здесь тоже уже все отменили. И поэтому если все остальные — инвалиды по Чернобылю, то я на общих основаниях числюсь. До сих пор сужусь. Раньше было бесполезно. Сейчас появилась надежда, что чего-нибудь добьюсь.

**Кузьмин
Александр
Александрович**

1951 г.р., г. Шарыпово,
водитель

Александр Кузьмин: «Семья отговаривала меня от поездки, но я должен был отслужить»

В Чернобыль меня из военкомата отправили 4 января 1987 года. Я тогда уже в Шарыпово работал, шофером, бульдозеристом, а там попал на автоскреппер, тот, которым землю собирали.

Нам в военкомате сразу сказали, куда мы едем и зачем, да мы и сами понимали.

Про Чернобыль уже из телевизора узнал, и что такое радиация, знал. Я в ракетных войсках в Красноярске служил, в частях ПВО, в Железногорске бывал, так что всё знал.

Семья отговаривала меня от поездки. А куда денешься, меня военкомат отправил. Должен отслужить. Ехать было не страшно, и там было не страшно. Но по нервам сильно било. Воздух с постоянным привкусом железа во рту, поселки мертвые, завешанные свинцовыми листами окна. В поселках и машины, и мотоциклы стояли в оградах. Одни военные, никого больше нет.

Туда приехали, нас по частям распределили. Я с шарыповцами вместе оказался. Первый месяц работали на самой станции, потом «рыжий» лес убирали, снег чистили на пилорамах. Где только ни работали. Железную дорогу чистили, что к Припяти вела.

Самое страшное было на крышу блока сбегать. Минут 10 только переодеваешься. Потом там же, на этом

3-м блоке, бетон таскали, колодцы какие — то заливали, стены мыли, изоляцию убирали. А бетон этот тяжелый, аж пальцы потом не разгибались.

В столовой перед едой давали таблетки йода, но я их почему-то выкидывал, не пил. Огромные такие таблетки. Кормили очень хорошо. На столах было всё. Масло, сгущенка, тушенка и компот — постоянно. На стол выставляли несколько банок консервированного компота, открывай и пей, сколько хочешь. Сока привозили много в трехлитровых банках.

Артисты с концертами приезжали, ансамбли украинские для нас выступали. Мы везде ходили, а то с тоски бы умерли. Связь с домом была только через письма.

Я там четыре месяца пробыл. Отправляли на шесть, но я дозу набрал — 21 рентген. Уезжал зимой, а вернулся на Первомай. Улететь прямым рейсом не получилось, билетов не было. Договорился с пилотами до Москвы, а оттуда уже в Красноярск и Шарыпово. Ехал сюрпризом.

**Дятлов
Александр
Алексеевич**

1952 г.р., г. Енисейск,
водитель

Александр Дятлов: «У меня было 22 выезда на станцию»

В Чернобыль я попал 18 мая 1987 года через военкомат. До этого я жил в Енисейске и работал водителем на Верхнепашинской лесоперевалочной базе. На ликвидации аварии служил в инженерно-техническом батальоне. Целый месяц меня на станцию не выпускали, а после было 22 выезда.

Первый подъем был на «Машку» — там все высокие точки на станции были прозваны ликвидаторами женскими именами. «Машка» — это рядом с трубой, самая верхняя точка. Работал 10 секунд. После были «Лариска», «Катка». Все крыши прошёл.

Потом уже под моё командование передавали группы новичков. Помню, был такой джигит Осетров. Мы в тот день делали опалубку на «Машке». Кто-то уже доски занёс, кто-то гвозди приготовил. За 10 секунд надо было успеть хоть что-то — закрыть разлом доской, гвоздь прибить, что успеешь. Доска оказалась длинной, надо рубить топором, а он тупой. И такой страх обуял Осетрова, что он абсолютно тупым топором с огромной силой в четыре удара перебил доску. А мы успели половину гвоздя забить. И тут раздался звонок об окончании нашей работы. Осетров через меня перепрыгнул и почесал оттуда. Сдал дозиметр и говорит: «У меня 0,85 рентген». Я ему: «Ты, брат, бегаешь как лось!».

На моем дозиметре оказались схожие показатели. А норма — не больше 0,50 рентген. Командиру после влетело от начальства, что нас передержал.

В один из дней мы приехали на станцию после дождя и нас заставили мыть крышу. Два человека занесли пустые вёдра с тряпками, двое после забежали и раскидали тряпки по лужам, притопили их ногами и убежали. После ещё двое эти тряпки собрали, отжали и снова бросили в лужу. Таким образом собрали всю воду. Прибегаем, сдаём дозиметр, а у нас 0,50 рентген только от одного отжима тряпки.

Ещё случай был. В 4-й блок краном спускали «батискаф». А он стоял рядом с Саркофагом и его надо подтащить, чтобы кран смог захватить. И вот мы на автобусе подъехали, подошёл трактор, старший группы объяснил, кто рванёт первым. Это значит, надо выскочить из освинцованного автобуса, схватить трос и зафиксировать его. Первым выскочил я и всё сделал, а вернулся в автобус и не могу дышать. Перехватило горло от радиации, задыхаюсь. Мне сказали — терпи, пока всю работу не закончим. Дотащил трактор штуку, из автобуса выскочил второй ликвидатор, трос отсоединил, трактор уехал. Товарищ наш тоже никак продохнуть не может, аж глаза на лоб вылезли. Отъехали от станции, старший наш в избушку какую-то забежал и принёс нам минеральной воды — берите, дескать, полощите горло. Эта нас так лечили. Ни йодовых таблеток, ничего. Защита у нас была самая обыкновенная — кирзовые сапоги, хлопчатобумажная одежда, шапочка белая медицинская да респиратор-«лепесток».

Помню, как я в один из первых своих чернобыльских дней подметал пол в диспетчерской. И никто меня не предупредил, что респиратор надо надеть. Я и наглотался радиоактивной пыли. Начал кашлять и обратился к врачам. А они мне и говорят: «Поздно, батенька, это теперь на всю оставшуюся жизнь». И поставили мне диагноз: ангина.

Как-то раз из трубы был выброс, и нас отправили убирать графит. Мы снимали обломки с колец разной высоты, добежали до края крыши и сбрасывали вниз. Вот поэтому многие ликвидаторы сейчас без ног, сожгли они их там. А у меня нет левого легкого — я этой стороной внутрь энергоблока зашел. В 1991 году меня в Москве проверили, а 51-го % лёгкого нет, сторело. Сейчас я инвалид 2-й группы. Там было так — ходи и бойся. Оступился — попал под радиацию.

Рассказывали случай с иностранной делегацией. Перед их приездом решили перекрыть все сельские хаты с соломенными крышами. Ночью подняли Сибирский полк, все крыши разобрали и покрыли шифером. Где вы, дескать, видели соломенные крыши-то?

Ещё наш Сибирский полк охранял 30-километровую зону от мародёров. Те ходили с дозиметрами и всё, что не фонило, растаскивали.

Про гэбэшников интересное рассказывали. У нас там была бесплатная связь по всей России. Один мужик звонит жене и радостно сообщает: «Всё, готовь «Каберне», я выезжаю, набрал свои 10 до..». В это время связь отключилась. Мужик тот в крик, телефониста за грудки хватает. А сзади гэбэшник: «Что это мы на всю страну орём? Ты на какую разведку работаешь?». И так его взяли в оборот, что он потом со слезами на глазах ходил. Связь прослушивалась по полной.

Другой мужик отказался выезжать на станцию. Он свою дозу набрал, а его гонят снова. Он не может — голова болит. Командир батальона на него давит: «Ты позоришь Сибирский полк!». В итоге его увезли кагэбэшники, и никто не знает, куда.

Незадолго до моего отъезда домой к нам прибыл новый командир. Он раньше в дисбате служил. И давай нас строевой подготовке обучать. Ему говорят: «Мы сюда работать приехали, а не радиоактивную пыль поднимать». Он в ответ: «А у меня вы будете шагать!». Взбунтовались сибиряки. Нас быстренько 100 человек в самолет посадили и домой отправили.

Я оттуда 8 июля выехал. Почти полтора месяца там пробыл.

**Журавлёв
Игорь
Николаевич**

1961 г.р., г. Красноярск,
образование высшее

Игорь Журавлёв: «Офицеры старались организовать работу так, чтобы подвига ни от кого не потребовалось»

Меня направили в Чернобыль по гражданской специальности — электроснабжение промышленных предприятий городов и сельского хозяйства. До этих событий я работал заместителем главного энергетика на лесопильном домостроительном комбинате и имел офицерское звание — лейтенант запаса. Перед отъездом в Киев нам выдали офицерские удостоверения.

Сначала меня направили энергетиком на бетонный завод. Нужно было снабжать завод паром, электроэнергией, следить за сетями. А через три недели пришло распоряжение перевести нашу часть на ЧАЭС. Зоной обслуживания стал 3-й энергоблок и цех по производству панелей.

Для работы на станции нам всем выдали дозиметры-«карандаши». Норма — один рентген за смену. Получаешь больше — пиши объяснительную. Вся работа держалась на скорости. Где две минуты работаешь, где — десять, в зависимости от радиации.

Однажды нам дали задание: в котловане подключить освещение и сварочный аппарат. Моя смена,

четыре человека, должна была сделать все за четыре минуты. Я взял двух рабочих и сам пошел. Мы справились за три минуты. Одну сэкономили и сэкономили других рабочих от возможности получить лишнюю дозу облучения.

Офицеры старались организовать работу так, чтобы подвига ни от кого не потребовалось. Настраивали людей на то, что они выполняют обычную работу. Если бы каждый из ликвидаторов постоянно думал о том, что здесь повсюду радиация, а они совершают подвиг во имя спасения человечества, многие могли бы сорваться. Каждый день без выходных, без праздников. Дорога до Зоны и обратно — шесть часов, смена — шесть часов. Психологически настраиваешь себя на работу, прокручиваешь в голове, что надо сделать, куда людей отправить. За них ведь головой отвечаешь. У меня, например, два человека были из Средней Азии — у одного пятеро, у другого семеро детей. Как их сюда направили — непонятно.

Однажды я потерял своих рабочих. А они не в тот проход завернули. Искал их около часа, метался по коридорам, как в игре «Сталкер». Пришлось и в «грязную» зону зайти, и к реактору подскочить. Нашел. Ребята были опытные — сразу сообразили, что заблудились, нашли чистое помещение и сидели там не двигаясь. Мне повезло — набрал всего два рентгена. Потом полгода снилось, как я метался по этим коридорам. Кричал во сне: «Отметку 55 пропустили!»

Был еще случай: установили на высоте прожектор, а он через два дня гореть перестал. Мы его заменили — снова отключился. Вызвали дозиметриста. Он поднялся и одним прыжком отскочил. Оказывается, на крыше лежал выброшенный из реактора кусок графита. Из-за него наши лампы перегорали. Мы, наверное, метра два до него не дотянули. Получили бы порядка 100 рентген.

В жизни всегда помнится хорошее да смешное. Три раза в неделю у нас полностью обновлялась одежда. Как-то раз на осмотре у меня фуфайка так «зафонила», что все мои товарищи перепугались. Дозиметрист говорит: «Расстегивай фуфайку». Я расстегнул — фонит. Повернулся — прибор зашкалил. Он говорит: «Где-то ты спиной прикоснулся, снимай, выбрасывай». А ребята смотрят на меня такими глазами, словно я уже умер. И мне уже не за себя, за них стало страшно.

В год призыва в Чернобыль мне только исполнилось 25 лет. Я был очень молод и в каком-то смысле считал эту поездку приключением. Два с половиной месяца длилась наша командировка. Со мной было восемь человек, с кем я учился в вузе. Посмотрели города — Москву и Киев. Правда, я в весе потерял. Был 72 килограмма, вернулся — 66. Это при том что питание было отличным. По возвращении полтора года кровь восстанавливалась. Потом врачи сказали, что пять лет организм будет в норме, нужно заводить детей. В 1988-м году у меня родился сын. Сейчас он уже студент СибГАУ.

**Кориков
Анатолий
Владимирович**

1941 г.р., г. Красноярск,
образование высшее

Анатолий Кориков: «Я работал на ЧАЭС всего 40 дней, но этот период очень сильно меня изменил»

Я был призван в Чернобыль в звании старшего лейтенанта в 1987 году. Ещё будучи студентом Сибирского технологического института проходил военную подготовку как раз по химической защите. Мне исполнилось 45 лет в год аварии, была семья, росли две дочери.

Считаю, что у нас был очень мудрый военком, в Чернобыль брали только тех, чей возраст перешагнул тридцатилетний рубеж, и у кого уже родились дети.

Во время прохождения медицинской комиссии многие стали догадываться, куда нас отправляют, но отказались только двое. Видимо, мы были так воспитаны — не поехать было стыдно. Нам выдали форму, дома пришили погоны, звездочки и — в путь.

В окрестностях Чернобыля дислоцировался Сибирский полк, где я командовал взводом из 30-ти человек, в основном призванными на переподготовку «партизанами». Укрытие для реактора уже возвели, но нужно было следить за его поведением. Для этого необходимо было пробить тоннель, проход к реактору. Нам эти работы надо было завершить к Новому году.

Я по институту помню, какой вред приносит радиация. Только непосвящённым она кажется безвредной. Радиация невидима и не имеет запаха, но шаг в сторону — и прибор начинает трещать. Самое главное для меня как командира было объяснить своим солдатам, насколько это опасно. Но при этом не паниковать, не подавать вида, что сам на подсознании чувствуешь эту угрозу.

Работа одного человека возле реактора длится минуты три-четыре, потом его сменяет другой. Забежал в тоннель, положил лист свинца и назад. Следующий бежит, кладет второй лист и также назад. Предельно допустимая дневная доза не больше 0,3 рентгена. В первый год аварии максимальная доза за командировку была 25 рентген, у нас сделали 10.

Мы приехали далеко не первыми, все было уже отработано, опасные места определены. Все знали, как надо себя вести, где находиться. Вот те ребята, которые работали в 1986 году в первые дни после аварии — настоящие герои. Они приняли на себя огромную дозу радиации. Жалко молодых солдат, которые куски топлива собирали с крыш лопатой. Спасибо им. Вечная память павшим.

Я работал на ЧАЭС всего 40 дней, но этот период очень сильно меня изменил. Я стал спокойнее относиться к жизни, ценить даже небольшие радости. Многие мои сослуживцы уже на инвалидности, меня судьба уберегла. Я работаю на «Красмаше» резчиком металла на ножницах и прессах. Очень люблю свою профессию и рад, что нахожусь в одном строю с такими же, как я, красмашевцами.

Ликвидаторы расчищают территорию у входа в машинный зал

Дни, растянувшиеся на годы

К началу 1987 года Саркофаг был построен и сдан в эксплуатацию. Управление строительства № 605 свою задачу выполнило и было расформировано. Однако работы по ликвидации аварии на Чернобыльской атомной электростанции продолжались.

Ответственным за все виды работ в Зоне теперь было производственное объединение «Комбинат» под руководством Евгения Ивановича Игнатенко.

Для проведения на объекте «Укрытие» научно-исследовательской работы была создана Комплексная экспедиция при Институте атомной энергии им. И. В. Курчатова (КЭ ИАЭ).

Главная послеаварийная задача была выполнена — источающий смертоносную радиацию реактор был надежно укрыт, но продолжалась расчистка от радиоактивного загрязнения огромной территории 30-километровой зоны. Кроме первичного загрязнения от взрыва там скопилось невиданное количество непригодной техники, использованного оборудования, остатков строительных материалов.

По воспоминаниям Владимира Николаевича Фролова, начальника производственно-технического отдела «Комбината», с вертолета открывалась удручающая картина: «безобразные навалы металлолома, мебели,

матрацев, военного обмундирования, строительных конструкций и прочего хлама, что было разбросано при съездах с дорог, в лесу, на берегах рек Припять, Уж, Илья, Вересня. А ведь все это надо было обмерить по степени загрязнения, подогнать грузоподъемные механизмы, рассортировать и вывезти по пунктам локализации, которых при дезактивационных работах моих предшественников не существовало.

Но, конечно, главной задачей, поставленной перед всеми ликвидаторами, была скорейшая дезактивация опаленной смертельными изотопами местности, ее городов, деревень, лесов, полей, предприятий народного хозяйства и возвращение их в нормальный человеческий ритм нашей жизни».

Одновременно с дезактивацией территории шла подготовка к пуску 3-го энергоблока, расчищались внутренние помещения.

С 1987 по 1989 годы были смонтированы и заработали автоматизированная система диагностики строительных конструкций и система пылеподавления.

Напомним, что строительные конструкции Саркофага монтировали максимально удаленным способом, поэтому избежать зазоров между строительными элементами было невозможно. Загерметизировать все

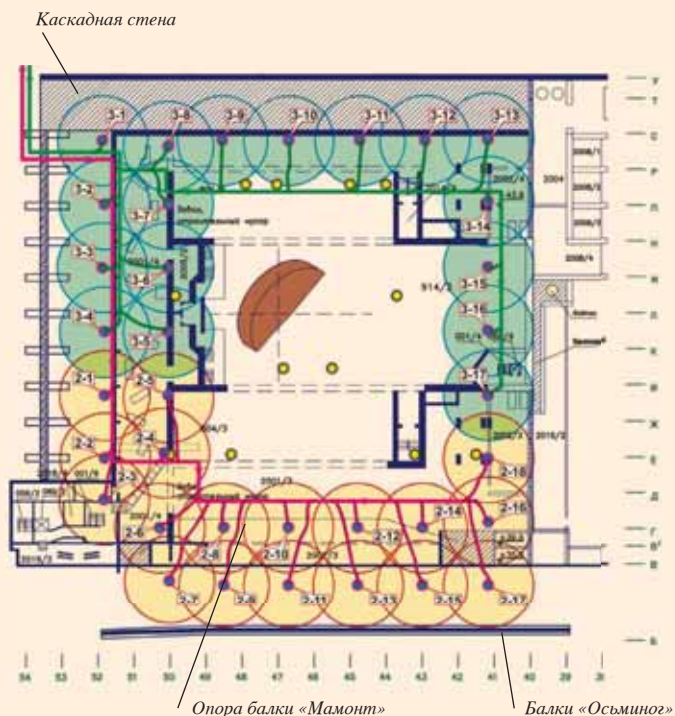

Схема устройства системы пылеподавления (СПП)

стыки не позволили высокие поля радиации. В связи с этим была разработана система пылеподавления (СПП) над развалом реактора. В 1989 году она была сдана в эксплуатацию.

По установленным под самой крышей форсункам под давлением поступает специальный состав, который с высоты разбрызгивается по поверхности завалов. Получается нечто вроде огромной душевой. Раствор затвердевает, превращаясь в тонкую, но прочную пленку, способную сдерживать радиоактивную пыль даже при обрушениях.

После нескольких лет «душевания» уровень радиоактивного загрязнения воздуха в районе Саркофага и внутри него стабильно понижался. По данным А. П. Креницына, в 1991 году активность альфа-частиц в пробах воздуха была более чем в 100 раз ниже допустимого предела для санитарно-защитной зоны ЧАЭС.

10 июня 1989 года над Чернобылем пронесся смерч. Мощные деревья были вырваны с корнем, город остался полностью без электричества, воды и телефонной связи, поскольку были выбиты 30-канальная система связи в поселке Зеленый Мыс и 4-канальная радиотелефонная система «Алтай». Саркофаг прошел первое испытание.

30 мая 1990 года в 14 часов 40 минут зафиксировано землетрясение интенсивностью около 4-х баллов по шкале MSK-64, эпицентр которого находился в Карпатских горах на территории Румынии. Никаких обрушений в несущих конструкциях объекта «Укрытие» выявлено не было.

Ликвидация «рыжего» леса

В результате аварии на ЧАЭС десятки тысяч гектаров леса пострадали от радиоактивного загрязнения — около двух километров на запад от станции и в непосредственной близости от ЧАЭС. Сразу после взрыва поток ветра понес радиоактивный выброс в этом направлении. В основном пострадали сосны. Мощная радиация сожгла зеленую хвою — лес стал рыжего цвета.

Генеральному директору производственного объединения «Комбинат», доктору физико-математических наук Е.И. Игнатиенко

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Лес является одним из наиболее радиочувствительных природных компонентов, особенно хвойный. Так, радиустойчивость сосновых насаждений почти в 10 раз ниже, чем березовых. В районе Чернобыльской АЭС преобладающей лесобразующей породой является сосна обыкновенная, образующая в основном чистые древостои. В результате аварии на ЧАЭС наибольшая радиационная нагрузка на сосну пришлось на период активных весенних ростовых процессов, когда ее радиустойчивость снижается в 1,7 – 3 раза по сравнению с периодом покоя. Все это обусловило довольно высокую степень радиационного поражения лесов в районе аварии на ЧАЭС.

По результатам проведенных в 1986 и 1987 годах исследований все сосновые древостои в 30 км зоне можно разделить на 4 зоны:

1. Зона полного отмирания деревьев, суммарная поглощенная доза в которой превышала 8 – 10 крад (т.н. «Рыжий лес»).

2. Сублетальная зона, в которой полностью погибли лишь отдельные деревья, но у 90 – 95%; сильно повреждены или отмерли молодые побеги и почки. Суммарная поглощенная доза в этой зоне не ниже 0,8 – 1,0 крад.

3. Зона со средней степенью поражения сосны, в которой отмечены наибольшие морфологические отклонения в росте сосны, но деревья в основном сохранили жизнеспособность. Накопленная доза близка к 0,5 крад.

4. Зона слабого воздействия на сосну, в которой все деревья сохранили нормальный рост и окраску хвои. В этой зоне отмечено определенное влияние облучения лишь на репродуктивную серу сосны. Суммарная накопленная доза составляет около 0,95 – 0,10 крад.

Ликвидация «рыжего» леса, декабрь 1986 г.
Слева — нынешний председатель правления Красноярского Союза «Чернобыль» В. А. Михайлов

Массовое отмирание деревьев в первой зоне, а также значительное ослабление сосен во второй зоне приводит к ряду неблагоприятных явлений, основными из которых являются высокая пожароопасность этих древостоев и резкое возрастание вредителей и болезней леса. В то же время отмершие и отмирающие деревья длительный период времени являются источником ионизирующего излучения, в связи с чем целесообразно их убрать в ближайшее время.

Однако, при этом необходимо учитывать, что уборку отмерших деревьев необходимо проводить с максимальным сохранением напочвенного покрова. Практически все леса в районе ЧАЭС произрастают на легких сухих песчаных почвах, нарушение сложившейся структуры которых неизбежно приведет к необратимым эрозийным процессам, остановить которые будет весьма трудно. Для рекультивации обнаженных песков потребуются огромные средства, трудовые и технические ресурсы, а также довольно длительный период.

Наиболее рациональным методом уборки пораженных деревьев, позволяющим в основном сохранить сложившуюся природную обстановку и обеспечивающих естественное зарастание безлесных площадей уже в ближайшие 2 – 3 года, является использование существующих лесовалочных агрегатных машин в зимнее время, когда имеется устойчивый снеговой покров. При этом желательно использовать финские легкие лесовалочные машины, которые оборудованы гидрозахватами и спиливающим устройством, позволяющие удалять деревья без соприкосновения их с почвой.

Удаление деревьев верхнего полога будет способствовать разрастанию напочвенного покрова и быстрому росту молодой поросли лиственных пород, что практически приведет к зарастанию вырубленных площадей в ближайшие 2–3 года.

На участках, отличающихся высоким уровнем радиации, спиленные деревья целесообразно вывозить с территории, прилегающей к промышленным объектам, в других случаях их можно укладывать в штабеля и оставлять непосредственно на вырубленных площадях, осуществляя необходимые противопожарные мероприятия.

Зав. отделом лесобиологических проблем,
доктор биол. наук, проф. Г. М. Козубов

Зав. отделом радиобиологии, канд. биол.
наук А. И. Таскаев

Институт биологии Коми филиала АН СССР

12.05.1987 год

Командир взвода дозиметристов в/ч 41173 А. А. Куклин (Красноярск) на дезактивации открытого распределительного устройства ЧАЭС, декабрь 1986 г.

Для дезактивации территории участка «Рыжий лес» предлагались разные методы. Еще до завершения дискуссий о методах проведения дезактивационных работ, в 1987 году, вокруг погибшего леса был насыпан вал высотой 2,5 метра и общей длиной около 3,5 км. Захоронение погибших деревьев, лесного подлеска и верхнего слоя почвы выполнялось путем валки, сгребания и закладки в траншеи с последующей засыпкой слоем почвы толщиной около 1 метра. Для этих целей применялась специальная военная техника — ИМРы и БАТы.

Всего было захоронено более 4000 кубических метров радиоактивных материалов. В результате проведенных мероприятий мощность экспозиционной дозы гамма-излучения уменьшилось в 40–50 раз и во второй половине 1987 года (по окончании работ по дезактивации) максимальные уровни мощности дозы составляли 180 мР/час.

После завершения работ по захоронению «рыжего» леса ближайшие к ЧАЭС площади лишились растительного покрова, что способствовало разному радиоактивной пыли. Решено было восстановить защитную зеленую зону.

Работы по рекультивации были начаты осенью 1987 года на участках «Старая стройбаза», Стела «Факел», «Песчаное плато» по методике института физико-органической химии и углекислотной академии наук Украины. Содержание методики заключалось в использовании полимерных покрытий. По мнению ученых, эти покрытия должны были предотвращать пылеобразование и способствовали бы созданию растительного покрова. В качестве полимерного закрепителя песков применялся лактекс, который создавал прочную водонепроницаемую пленку.

Когда дело дошло до высадки саженцев, выяснилось, что использование лесопосадочной техники невозможно — в верхнем слое почвы обнаружилось большое количество корней, сучьев, мусора от ликвидационных работ. Поэтому около 500 гектаров леса, в основном вблизи обочин дорог, были засажены вручную, при помощи обычной лопаты.

Весной 1991 года был полностью восстановлен лесной покров на площади около 4 гектаров в районе села Копачей. Здесь работы производились механизированным способом — лесопосадочной машиной-автоматом МЛА-1А.

Сибирский полк

Военнообязанные жители Красноярского края, как и прочие сибиряки, несли службу в Отдельном сводном полку Сибирского военного округа. В разговорах соединение называлось просто «Сибирский полк» или спецполк «Сибиряк».

Солдаты полка всегда находились на ответственных участках. Так было в тревожном 1986 году, так было и в последующие годы.

Зимой, в 1987 году, началась служба в Сибирском полку у капитана запаса из Красноярска Геннадия Первушкина.

Вспоминает Геннадий Константинович Первушкин:

«Меня вызвали в военкомат повесткой и сообщили, что направляют на командно-учебные сборы. А в итоге оказался Чернобыле. О месте командировки сообщили только в аэропорту.

По прибытии на место я был назначен на должность замполита инженерно-технического батальона в/ч 41173. Наша часть стояла в Копачах.

В основном занималась ликвидацией «рыжего» леса. Кроме того, я совершил 37 выездов в 1-ю зону на ЧАЭС, где работал на дезак-

*Геннадий
Константинович
Первушкин*

*Анатолий
Александрович
Кожевников*

*Василий
Иванович
Петров*

тивации кровли 3-го блока. В первую поездку сбрасывали с нее старые пожарные рукава, с помощью которых тушили пожар в апреле 1986 года. Попасть на крышу можно было только преодолев 460 ступенек. Тяжело. Потом поставили немецкий лифт. После снимали с 3-го блока вентиляцию, а следом за нами шли гражданские — они штукатурили помещения.

Помню, как-то после работы на крыше меня замерил дозиметрист и тут же отскочил. «Что у тебя? — кричит. — Снимай сапоги». Снимаю, а к каблуку прилип кусок графита, он то и фонил. Что касается непосредственно политической работы, то организовывал экскурсии, походы на футбольные матчи, в кино. Читал «партизанам» лекции о причинах аварии, о том, что сегодня происходит на станции.

Личный состав, конечно, выпивал. Случалось такое. Брагу покупали у местных. Для особо проштрафившихся у нас была гауптвахта в северной части Чернобыля. Бывало, увезет туда дежурный нарушителя дисциплины и с ним же возвращается — мест нет, говорят.

Иногда мы ходили для удовольствия на рыбалку,

а весь улов потом отдавали воронам. Кормили-то нас очень хорошо. Проблем с этим не было. В чернобыльской командировке, в марте, я встретил свой 41-й день рождения. Здесь же начал курить.

Вернулся я домой в мае 87-го года. Стою на балконе, курю. Вдруг вижу, как у нашего подъезда останавливается военный УАЗик, из которого выходят майор и еще двое. Вскоре они позвонили в мою дверь: «Вы едете в Чернобыль, на сборы 20 минут». «Извините, — говорю, — только что оттуда». Выяснилось, что у них не порядок с документацией».

«Партизан» использовали на всех видах работ. Резервист из Красноярска Анатолий Кожевников был призван осенью 1987 года. Попал в полк «Сибиряк».

Вспоминает Анатолий Александрович Кожевников: «Осенью 1987 года меня вызвали в военкомат. Дальнейшие сборы были недолгими — уже через несколько дней мы прилетели в Киев, а оттуда направились в военный лагерь недалеко от Черемошни.

Енисейский ликвидатор Н.В. Радко на дезактивации жилого дома, 1988 г.

Имя - Чернобыль

Красноярские ликвидаторы В. А. Михайлов (Красноярск) и В. Е. Читохин (Канск) п. Лелёв, 1987 г.

Честно говоря, этой командировки я побаивался — у меня были представления о радиационной опасности, но нас еще в Красноярске припугнули: кто не поедет, отгадим по суг.

Когда нас привезли на ЧАЭС, мне стало очень неуютно. Сначала не понял, отчего, но вскоре догадался — пустота, словно вымерло все вокруг. Отработал я в зоне аварии два месяца, с конца сентября до конца ноября 1987 года. В основном занимались дезактивацией территории, убирая радиоактивный мусор. Часто работали непосредственно на 4-м блоке — на крыше укладывали листы, чтобы снизить уровень радиации.

Работали отделениями, по 10–15 минут каждый, после чего выходили из опасной зоны в укрытие, где сгавали дозиметры.

Помнится, в нашей части очень следили за гигиеной. Постоянно водили личный состав в баню, заставляли мыть голову специальным мылом. Полотенце сразу выкидывали — шло в утилизацию. Работали мы только в «лепестках», часто меняя их.

Через год-два после возвращения домой у меня начались проблемы со здоровьем, в 91-м году получил инвалидность».

Друзьям, по осени ушедшим...

Друзья уходят... В никуда...
В период листопада.
Уходят раз и навсегда,
Как будто надо...

Уходят резко, как вбюю,
Не вскинув руки.
Друзей, избавив и родню
Смотреть на муки...

С любимых рук, включив форсаж
И задыхаясь,
Один на небо дал вираж,
Не приземляясь.

И с высоты крылом качнув,
За облаками мгновенно скрылся.
Нам кивнув:
«Навеки с вами».

Другой привычно, не спеша,
Шел не в атаку,
А за кустом уж та ждала,
С косою... Собака.

И падая, как будто в лоб
Попал осколок,
Он матюгнулся: «Ах, ты чтоб...»
Как век не долот...

Упал ничком. Щекой прильнул
К траве колючей...
Как будто просто бы уснул
Дурацкий случай...

Простите, други, не успел
Плечо подставить
Теперь, уж видно, мой удел
Стаканы ставить.

И за помин души испить.
А было время...
Мы умудрялись с вами жить,
Плевав на бремя.

На бремя лет, болезней, бед...
И пусть штормило,
Но в жизни ославляли след!
И вот сложило...

Жаль, много каждый не успел
Гоня печали...
Не долюбил и не допел,
А так мечтали...

Друзья уходят. В никуда.
Опять не спится...
Уходят раз и навсегда.
И только лица...

Владимир Михайлов, Анапа, 17.09.07

Житель города Енисейска Василий Петров призвался в Чернобыль из воинского запаса в марте 1988 года. Ему довелось прослужить в чернобыльской зоне почти 100 дней.

Вспоминает Василий Иванович Петров:

«Наш полк стоял в районе села Черемошни. Я там был водителем на АРСе — авторазливной станции. Это такая машина по отмывке техники с помощью специального порошка. Командировка моя длилась с марта по июнь. За это время я набрал свои официальные 2,8 рентген. На тот момент у меня уже было трое детей, так что расписка не заводить после Чернобыля детей в течение пяти лет меня не напугала. Также мы подписали обязательство не есть самовольно местную рыбу и фрукты. На Украине я, коренной сибиряк, впервые в жизни увидел удивившие меня соломенные крыши. А нас потом отправляли эту радиоактивную солому сбивать и крыть дома шифером. Вспоминается забавный случай. В одной из хат проживали двое стариков — дед ходить уже не мог, а шустрая бабка убежала погумарить с соседкой. За это время мы успели полностью

разобрать их соломенную крышу. Бабка вернулась домой, а над головой — небо.

Еще украинские селяне запомнились своей «хозяйственностью»: нашел немецкую каску или гранату времен Великой Отечественной — всё в дом, всё сгодится.

После Чернобыля, в 1990-м году, я получил третью группу инвалидности, а в 2009-м, после инсульта, — вторую. Я бросил курить и перестал пить водку. Изредка позволяю себе красное вино».

Водружение флага

Осенью 1987 года в зоне ликвидации произошло событие, объяснения которому найти невозможно. Оно скупо освещалось в прессе и на сегодняшний день сохранилось лишь в воспоминаниях очевидцев. Это было одно из самых идиотских решений безвестного начальника. Или группы ответственных лиц?

Троим ликвидаторам пришлось подняться наверх по винтовой лестнице, подвергаясь опасности, исходящей из разрушенного энергоблока, и водрузить красный флаг на вершине вентиляционной трубы

Командир роты вручает награду командиру взвода красноярцу В.И. Янину (слева). Январь 1987 г., п. Зелёный Мыс

ЧАЭС. Таким образом отметили окончание очистных работ на крыше энергоблоков.

Все время, отведенное на водружение флага, занимало с десяток минут, так как более длительное воздействие радиации такой силы могло просто убить отчаянных смельчаков. Сначала эту операцию дважды пытались проделать с вертолета, но обе попытки окончились неудачей.

Поговаривали, что в качестве награды, по окончании операции, команда из трех человек, водрузившая флаг на трубу, получила по бутылке Пепси-колы и одному выходному дню.

Газета «Красная звезда» от 11 октября 1986 года писала:

«...Мы увидели, как на 150-метровой высоте, почти задевая за низкие, набухшие осенним дождем облака, алело полотнище флага. Он поднят в честь очистки от радиоактивного заражения самого опасного участка — кровли третьего блока. Выполняли эту работу непосредственно руководившие очисткой кровли третьего блока инженеры В. Стародумов, А. Юрченко и подполковник А. Сотников.

...Были приняты все меры радиационной безопасности, за ними следили визуально и по телевизионным камерам. Путь вверх занял примерно 15 минут, чуть меньше — вниз. Одновременно они осматривали состояние конструкций трубы и площадок, опоясывающих ее на разной высоте.

...Мы покидали станцию вечером. В лучах заходящего солнца трепетал над реактором алый флаг, как символ еще одной победы всех, кто трудится на ликвидации последствий аварии, их мужества, верности сыновнему долгу перед Родиной».

«Курчатовцы» в Чернобыле

В 1987 продолжилась работа Института атомной энергии им. И. В. Курчатова (КЭ ИАЭ) в чернобыльской зоне. Теперь на него были возложены обязанности по научному планированию, производству и координации всех работ на объекте «Укрытие». С этой целью была создана Комплексная экспедиция при ИАЭ им. И. В. Курчатова (КЭ ИАЭ).

Комплексная экспедиция работала вахтовым методом, привлекая по мере надобности научных сотрудников из ВНИПИЭТа, Радиевого Института им. В. Г. Хлопина, НИКИЭТа, НИКИМТа, СНИИПа, ВНИИНМа и других научных центров.

Отдельные периоды ее состав, включая военных строителей, достигал 3500 человек. Научный отдел состоял из нескольких десятков сотрудников, прикомандированных из Курчатовского института,

ВНИПИЭТа, Радиевого Института им. В. Г. Хлопина, НИКИЭТа, НИКИМТа, СНИИПа, ВНИИНМа и др.

За 1988 — 1991 годы Комплексная экспедиция выполнила громадный объем строительно-монтажных и исследовательских работ.

Работа Комплексной экспедиции ИАЭ продолжалась до мая 1992 года, когда все имущество — полученные материалы, отчеты и лабораторное оборудование — были переданы организованному в Чернобыле Правительством Украины Межведомственному научно-техническому центру (МНТЦ) академии наук Украины.

30 октября 1987 года вышло Постановление Совета Министров СССР «О сооружении памятника советским гражданам, погибшим в результате аварии на Чернобыльской АЭС». Памятник был открыт 26 апреля 1993 года на Митинском кладбище города Москвы.

В декабре 1987 года был введен в эксплуатацию 3-й энергоблок Чернобыльской АЭС.

20 марта 1989 года в газете «Правда» впервые была опубликована карта с информацией Госкомгидромета СССР о зоне радиоактивного загрязнения.

27 июня 1989 года создано Всесоюзное добровольное общество «Союз «Чернобыль».

20 октября 1989 года вышло Постановление Совета Министров СССР и ВЦСПС № 886 «О дополнительных мерах по усилению охраны здоровья и улучшению материального положения населения, проживающего на территории, подвергшейся радиоактивному загрязнению в результате аварии на Чернобыльской АЭС».

В 1991 году чернобыльская 30-километровая зона, ЧАЭС и объект «Укрытие» перешли под юрисдикцию Украины.

4 февраля 1992 года вышло Постановление Кабинета Министров Украины о создании Межотраслевого Научно-технического Центра «Укрытие» (МНТЦ) при Национальной академии наук Украины на базе Комплексной экспедиции, Института ядерных исследований и ВО ВНИПИЭТ. Основной задачей центра стало проведение научных и проектных работ по преобразованию объекта в экологически безопасную систему. На МНТЦ возлагалось также выполнение ряда научно-исследовательских работ в Зоне.

По соглашению между украинской академией наук и курчатовским институтом последний осуществляет научное руководство над Отделением ядерной и радиационной безопасности (ОЯРБ) МНТЦ. Российские специалисты ежегодно командированы в Чернобыль, где вместе с сотрудниками отделения проводят работы на объекте «Укрытие», в лабораториях в Чернобыле и в Зоне.

Куимов Василий Васильевич

заместитель главы г. Красноярск по социальным вопросам, в 1986 году был первым секретарём Октябрьского райкома партии Красноярск.

Василий Куимов: «Они защитили Отечество, Европу, Землю в целом»

Примерно около полудня 9 мая мне позвонил генеральный директор «Сибцветметавтоматики» Михаил Егорович Царегородцев и попросил о срочной встрече. Это предприятие располагалось на территории подведомственного мне Октябрьского района, и я полагал, что речь пойдет о внештатной ситуации на его производстве. Так часто бывало в советское время, потому что руководитель района отвечал за выполнение планов предприятий.

Войдя в кабинет, я увидел, что стол Царегородцева был завален рабочими бумагами и чертежами. Михаил Егорович сказал мне, что ему дано правительственное поручение собрать для работы в зоне ликвидации чернобыльской аварии, максимум за 10 дней, дистанционно управляемый трактор-бульдозер. Я знал, что несколько лет назад под руководством Михаила Царегородцева разрабатывалась радиоуправляемая автоматическая система для бульдозера, ее готовили для опасных горных выработок, тоннелей. В том числе, конечно, предполагалось, что такой бульдозер может работать в зараженных радиацией местностях, но прямой потребности не было.

За прошедшую с момента получения задания половину суток специалисты «Сибцветметавтоматики» подняли из архивов все рабочие материалы по бульдозеру и уже велись переговоры с другими организациями, которые могли помочь в выполнении правительственного

задания. Я заверил Михаила Егоровича, что обеспечу все условия для работы и предоставлю все необходимое, и пообещал организовать помощь других предприятий района.

Дней через десять максимум красноярские специалисты выехали в Чернобыль. А с Челябинского тракторного завода в зону бедствия повезли бульдозеры.

Чернобыльские подробности я узнал из закрытого письма, которое нам зачитали в крайкоме. Там было сказано, что произошла авария, реактор оголен и продолжает выбрасывать радиоактивные вещества. И что принято решение строить Саркофаг. И что население выселено. И что опасности для близлежащих селений нет. Это как с Афганистаном — когда ввели войска, нам зачитали подобное письмо.

А реальную картину событий в Чернобыле я и сам стал понимать лет через 10 – 15, когда появились объективные публикации.

Что я еще могу сказать о тех событиях? Всего из Октябрьского района Красноярск в ликвидации аварии приняли участие 200 человек. Я говорю только о специалистах, про военкоматы ничего не знаю. Особые слова восхищения хочу сказать в адрес Михаила Царегородцева. Это талантливый инженер, замечательный человек, хотя и суровый руководитель. Он лично бывал в Чернобыле. Я очень рад, что он и сейчас в добром здравии.

Не меньшее восхищение вызывает у меня и другой специалист «Сибцветметавтоматики» — секретарь парткома Александр Сергеевич Краснов. Его никто не обязывал ехать на ЧАЭС. А он ездил добровольно и несколько раз. Александр Краснов — один из тех, кто прошел суровую чернобыльскую школу. Сейчас вместе с семьей живет в Питере. Есть дети, внуки. Он тоже счастливый человек, хотя и с радиационной отметиной.

И тогда и сейчас, спустя 25 лет, я убежден, что все органы государственного управления работали в то тяжелое для страны время четко и слаженно, несмотря на отсутствие полной информации. Я не видел никакой растерянности, ее у нас не было. Мы четко знали, что надо делать. Мой друг по институту Анатолий Маслов в то время служил в одной из воинских частей в Белоруссии. Он сознательно и добровольно после института ушел в армию, оказавшись тем самым в эпицентре чернобыльских событий. Сейчас живет в Белоруссии. Я рад, что самые близкие мои знакомые вышли из Чернобыля если и не с сохраненным здоровьем, то не полностью подорванным это точно. Они

сумели за счет своего оптимизма и работоспособности сохранить себя до пенсии.

Свою задачу мы, руководители среднего звена, видели в поддержке этих людей, оказании им помощи. Я могу судить по коллективу «Сибцветметавтоматики». Люди ехали туда добровольно и безбоязненно, хотя и понимали ситуацию. Вернувшиеся рассказывали суровую правду, но никакого панического настроения не было ни у кого.

Люди ехали на защиту себя, своей страны. Это сродни военному подвигу. Хотя и враг невидим. Мне по-настоящему горько, что этих людей называли жертвами. Если говорить о жертвенности как о поступке, который совершили эти люди, то, может быть, это правильно. Но жертва в нашей православной культуре — это нечто жалкое. Думаю, что правильно их назвать — Защитники. Они защитили Отечество, Европу, Землю в целом. Я низко им кланяюсь.

Леонид Пашков: «У меня особое отношение к Чернобыльской аварии»

Пашков Леонид Кузьмич,

окончил Томский политехнический институт, 16 лет отработал на ГХК, с 1982 года 1-й секретарь горкома партии Красноярск-26.

Об аварии я узнал так же, как и все люди — из СМИ. Ни по каким секретным каналам в партийные органы эта информация не поступала. Тем более ЧАЭС на тот момент была подведомственна Минэнерго, и они предполагали устранить аварию своими силами. Никто не мог оценить в первые дни истинные масштабы беды, никто не думал, что эта авария — угроза таким огромным территориям.

Как только туда приехал наш министр Славский, стало ясно, что ликвидировать аварию по силам только Минсредмашу. Вот с этого, на мой взгляд, и началась настоящая работа по ликвидации крупнейшей в мире техногенной катастрофы.

В Красноярске-26 никакой паники и лишнего беспокойства не возникло — здесь живут и работают люди, привыкшие решать сложные задачи. Ведь до этого была авария в Челябинске-40, пусть и не такая масштабная, нестандартные производственные ситуации возникали и на ГХК. Считаю, что наши специалисты готовы к разным внештатным ситуациям.

Отбор специалистов на ликвидацию в Красноярск-26 проходил на предприятиях. Роль горкома заключалась в том, чтобы организовать в поездку людей нормальных, хороших специалистов, которые не подведут, которые будут работать. Наша работа была системной, мобилизацией мы не занимались.

Например, Сергей Петрович Дубинин поехал, будучи секретарем партийной организации, а все секретари подчинялись в том числе и партийной дисциплине, и когда такие ситуации возникали, на людей влиял не столько приказ, сколько отношение, методы работы. Практически все ликвидаторы из Железногорска пошли добровольцами.

Наш город отправил в район катастрофы строителей, монтажников, врачей, поваров. Мы снабжали чернобыльцев техникой, спецодеждой. Все распоряжения из Москвы выполнялись немедленно, потому что слова были все бессмысленны, нужно было дело делать.

У меня сохранилось особое отношение к чернобыльской аварии, ведь многих людей, занимавшихся ликвидацией ее последствий, я знаю лично.

Рабочие будни ликвидаторов

Михайлов Владимир Алексеевич

1953 г.р., г. Красноярск, образование высшее, в настоящее время — председатель правления городской и краевой организации «Союз «Чернобыль».

Владимир Михайлов: «Родина сказала: «Надо», значит надо»

В декабре 1986 года я получил повестку из военкомата о призыве на военные сборы. Там многозначительно намекнули, мол, сами должны понимать что за сборы и куда вас направляют. Это было ожидаемо для меня. Уже несколько месяцев призывались военнослужащие из запаса и отправлялись на ликвидацию аварии. Никакого желания «откосить» не возникло. В то время в нашем государстве была сильна идеология — раз родина сказала: «Надо», значит надо. 10 декабря я уже был в Чернобыле.

Мои радиационные познания на тот момент ограничивались школьной программой да армейской службой в ракетных войсках. Уже на месте понял, что таких знаний маловато.

Сибирский полк базировался в Черемошне. Моя служба проходила в должности заместителя командира роты по политической части 4-й роты 2-го батальона 29-го полка химической и радиационной защиты. Военная часть № 41173. Этот химический полк был перебросен в Чернобыль из Кемеровской области в самом начале ликвидации.

По дороге из аэропорта в часть я получил свои первые впечатления от Зоны. Пустые деревни, жуткая тишина, заколоченные окна домов, не слышно собачьего лая, нет птиц, нет привычных для села раздражителей. Зато черные яблоки на деревьях. Все это сразу ударило по психике.

В полку разместился в офицерском общежитии и пошел осматриваться на местности. Сразу бросилось в глаза обилие самой разной воинской техники. Только в нашей роте было 35 единиц. Ее нужно было постоянно дезинфицировать — обмывать, поливать, смывать. Я никогда не видел такого скопления военных машин в одном месте и даже не подозревал о некоторых технических образцах.

В роте было 32 человека личного состава, все взрослые мужики, намного старше своего командира — кадрового 22-летнего офицера, новоиспеченного выпускника училища. Он петушился поначалу, строевую подготовку подтягивал, пока однажды на разводе пузатый 45-летний «партизан» не упрекнул его: «Что, в солдатиков играем?». По строевой подготовке появились послабления. А на объекте все были равны, там некогда было офицеров вычислять да честь отдавать.

Наша часть работала на разных объектах. Однажды отправили с лопатами в район открытого распределительного устройства. Мы снимали грунт, а экскаваторы ковшами стаскивали его в могильник для захоронения.

Много работали на вырубке «рыжего» леса. Бензопилу в руки и знай вали деревья. Времени на всё про всё не более 20 минут — одни дерево валят, другие его тут же на чурки распиливают, третьи их растаскивают.

С наступлением тепла стали ездить на 3-й энергоблок — чистили крышу, внутри здания отдирали штукатурку, снимали полы.

От работы никто не уваливал. К примеру, скажет на утреннем разводе командир: «Сегодня нам доверили очистку крыши 3-го блока. Добровольцы есть?». Шаг вперед делали все. Во-первых, уклоняться не было смысла — чем быстрее наберешь дозу, тем быстрее уедешь домой. Во-вторых, трусить было не по-мужски.

На всех объектах работали группами под руководством старшего офицера. Он рассчитывал время работы на объекте для каждого индивидуально. Все работы приходилось делать очень быстро.

Вечером, по окончании работ, шел подсчет «потерь» личного состава — всех набравших допустимую дозу радиации списывали и в Зону уже не отправляли, они оставались нести службу в расположении части и дожидаться замены. Это происходило ежедневно. С итоговых вечерних планерок расходились далеко за полночь. Утром всех ждал ранний выезд на объект, на сон оставалось 3–4 часа. Очень много времени занимали поездки на объект и обратно, особенно когда машину, выезжавшую из «грязной» зоны не могли быстро отмыть. Иногда

В. Михайлов с женой Татьяной и дочерью Наташей

её по несколько раз гоняли на пункт санитарной обработки «грязь» смывать, а мы в это время стояли и ждали. Естественно, что такой график очень сильно выматывал. Мне часто вспоминались рассказы отца-фронтовика о тяготах фронтового быта.

В марте я набрал свои официальные 20 рентген и еще месяц ждал замену. На работу в зараженную зону меня уже не отправляли, нес службу в расположении части. С алкоголем боролись строго. Виновных наказывали, порой возвращали домой без оплаты. Помню, как мы встречали в части Новый год. Комбат сказал: «Всем рот не зашьешь, но порядок надо сохранить». Выпили понемногу, посмотрели телевизор и спать.

Помню, что в Черемошне оставались старики из местных. Я специально с ними общался, было интересно послушать их рассказы про войну и доаварийное житьё-бытьё. Они относились к нам хорошо, самогон нам продавали.

Там, где стояли воинские части, не было мародеров, круглосуточно дежурили военные патрули.

В мои задачи как замполита входило и собеседование с вновь прибывшими. Естественно, всех интересовали подробности: «Как, почему и т.д.». Но мне нечего было им сказать, так как и нам эти подробности не говорили

(секретность), и порой о том, что происходит на АЭС и что делают другие, мы узнавали из газет. Да и те приходилось самим покупать, так как нас снабжали только одной «Красной звездой».

Для поощрения за добросовестную работу была разработана стандартная система поощрений: устная благодарность перед строем, почетная грамота командования части, письмо на предприятие, значок с эмблемой СибВО.

Мне запомнилась оперативность, с которой «Аэрофлот» и железная дорога всех уезжающих и приезжающих в Чернобыль обеспечивали билетами. Прямого рейса на Красноярск в день моего отъезда не было, но мне предложили до Новосибирска, а там так же быстро нашли билет до Красноярска.

10 апреля 1987 года я вернулся в Красноярск. Так как я не сообщал о своем приезде, то меня никто не встречал, жена была на работе, дочка — в садике. То ли от усталости с дороги, то ли от нервного напряжения, но помню, что я сразу завалился спать. Разбудили меня вернувшиеся домой жена с дочкой...

Вопреки всему. В. Михайлов

**Лазунько
Александр
Васильевич**

1951 г.р., г. Красноярск

Александр Лазунько: «Все ребята готовы были работать на износ»

Повестку из военкомата мне вручили в июле 1988 года. Нам не говорили, что едем в Чернобыль, переподготовка и всё. Мой начальник стал по телефону выяснять отношения с военными — сказал, что не может меня отпустить, работать некому. Ему резко ответили: поезжай тогда сам. Я сразу догадался, куда меня хотят отправить.

На тот момент я работал слесарем-сантехником в одном из красноярских жилищно-эксплуатационных участков, мне было 37 лет, в нашей семье подрастали дети.

Общий сбор военнообязанных проходил на одном из призывных пунктов в Зеленой Роще. Перед отправкой пришлось пройти несколько медицинских комиссий — негодных по здоровью теперь уже не разбирали.

Вылет нашей группы отложили на два дня по каким-то причинам и нас не хотели отпускать домой: а вдруг попрячетесь, где мы вас потом искать будем? Потом мы всё же договорились, и городские разъехались по домам. В назначенный срок никто не подвел, все вернулись на сборный пункт.

14 июля 1988 года обычным рейсовым самолётом мы вылетели в Киев. В Борисполе пришлось всю ночь ждать автобусов, их почему-то выслали за нами с большой задержкой. Утром четыре новеньких комфортабельных автобуса доставили нас в Иванково,

где мы пробыли почти неделю. Там для ликвидаторов в своё время было построено много деревянных щитовых домиков казарменного типа, вот их мы и разбирали. Потом приезжали машины, забирали всё это и увозили в могильники.

Затем я уже попал в сам Чернобыль, в воинскую часть № 55237. Был командиром 2-го взвода 2-й роты. Наше подразделение выполняло работы в машинном зале и на территории вокруг станции.

В машинном зале мы возводили защитную стенку — в прежнюю вбивали штыри, потом закладывали ещё одну стену, а в промежуток вливали бетон. Рабочая смена длилась 6 часов, но каждый работал всего несколько минут — там был сумасшедший фон. Большую часть рабочего времени мы укрывались в бункере.

Перед выходом на станцию нам выдавали индивидуальные дозиметры-«карандаши». А я же любопытный, разобрал его. Внутри какая-то медная спиралька. Посильнее нажмешь — одна доза, ещё сильнее — другая. Я и дозиметр-«таблетку» разобрал — там две медные пластиночки, а между ними два проводка тоненьких.

На въезде в часть нас тоже ждал дозиметрический контроль. Надо было прислониться к аппарату, на котором разным цветом проявлялись радиоактивные места. Если обнаружена радиация на одежде — один цвет, на коже — другой. В зависимости от этого либо идешь чистить одежду или обувь, либо мыться. Чаще всего фонили сапоги.

Также раз в неделю в части проверяли матрасы, подушки, одеяла. Приходили дозиметристы с приборами. Если был фон — увозили на машинах в могильники.

Мне три раза довелось побывать в Припяти. Красивый был город. А вот Чернобыль скорее был похож на большое село, но мне понравилось, что почти во всех частных домах были богатые бетонированные подвалы. Банки в них стояли все целенькие, если даже крышка проржавела, содержимому хоть бы хны.

Консервы эти мы пробовали, и рыбу ловили в Припяти. Принесем дозиметристу, тот посмотрит, говорит, мясо — можно. Мясо постругаешь до кости, а кости выбросишь. И жарили, и ели. Рядом сад был, там яблоки были такие шикарные. Ни груш, ни слив я не видел, может, их к тому времени уже собрали, а яблок было много, их собирали. Некоторые даже посылки оттуда отправляли домой, но я своим мужикам

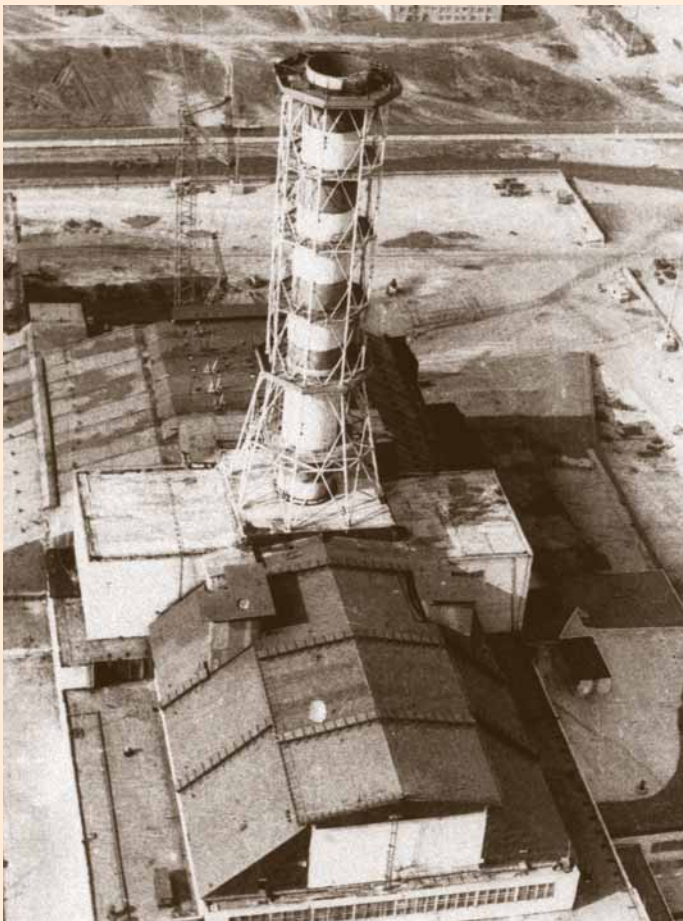

не разрешал. Говорил, что в семье вполне достаточно будет их, зараженных, не надо лишнюю радиацию домой слать.

Места там живописнейшие. Мы ездили, смотрели. В сторону Киева леса красивые, с огромными грибами, которые никто не собирал. Ближе к Чернобылю то все леса повыврубили, а здесь оставили. Лес там очень аккуратный был, как граблями вычищенный.

Домой я вернулся 30 декабря 1988 года с официальной дозой 15,5 рентген. Наверное, она была занижена. Сейчас я инвалид 2-й группы.

Чернобыль вспоминается всеобщим единением. Нами двигали чувства патриотизма и желания помочь своей стране. Все ребята готовы были работать на износ.

4-й блок ЧАЭС. Из архива А.В. Лазуныко

Чернобыльский подвиг

Не каждому вручают ордена,
 Не каждый может подвиг совершить,
 Но Родина у нас всегда одна,
 В ней суждено нам умирать и жить.
 Приятель есть хороший у меня,
 Он любит лес, грибы, рыбалку
 И зорьку наступающего дня,
 Проявит вовремя споровку исмекалку.
 Чернобыль был для всех большой ледой
 И Божье упаси, такому повторится,
 Боролсь с ней и молодой и пожилой,
 Заставили беду Отваге покориться.
 Не по приказу, принужденьею
 В Чернобыле был приятель мой,
 И не по шучьему веленью
 Вступил он со стихией в бой.
 Он знал, куда, зачем он едет?
 Чернобыль ведь не лебеда,
 Что будет трудным путь к Победе,
 Но Саша верил в свое Да!
 Их было много на Чернобыльской земле,
 И все реактор буйный укрояли,
 Боролсь днем, в крошечной мгле,
 Не хныкали и не стоjali.
 Сашок, пусть подвиг ты не совершил,
 Как Талалихин и Гагарин,
 Но ты реактор укротил,
 Простой мужик – российский парень.
 Ты, как и многие другие,
 Стихию эту укроял,
 Не за награды дорогие,
 А долг гражданский отдавал.
 И Родина отважных не забыла
 За их отличные и стойкие дела.
 Награды им высокие вручила,
 На новый Подвиг вдохновение дала,
 И другу Саше Лазуныко
 Стихи я эти посвящаю,
 Желая, чтоб жилось легко
 И в жизни друг беды не чаял.
 Не каждому вручают ордена,
 Не каждый может подвиг совершить,
 Но Родина у нас всегда одна,
 В ней суждено нам умирать и жить.

Шурьгин Владимир, 2 мая 2006 г.
 Член Союза журналистов России.

**Космынин
Константин
Иванович**

1963 г.р., г. Красноярск,
окончил химический
факультет КГУ

Константин Космынин: «Я не думал о плохом»

Мы с ребятами стояли в карауле, когда по телевизору прошел сюжет об аварии на ЧАЭС. Я тогда, окончив три курса химического факультета Красноярского государственного университета, служил в полку химзащиты в селе Топчихе Алтайского края. Командиры нам сразу сказали: «Готовьтесь, ребята, обязательно поедем». Как словом, так и делом.

В начале мая наш полк был приведен в боевой порядок, и началась загрузка эшелона со всем вооружением и боевыми машинами. До Украины добирались около недели и на место, в Орджоникидзевский район, прибыли 19 мая. Разбили палаточный лагерь, и мы вчетвером — командир, водитель, журналист и я — поехали на место аварии посмотреть, что там за дела.

Ощущение вселенской печали — самое сильное первое впечатление. Великолепные живописные места, но тихие, опустошенные, без людей. Вспомнился фильм «Сталкер».

Местный командир, и сам, похоже, плохо представляющий реальное положение дел, заставил нас первые дни просто перекапывать землю — копнул, замерил уровень радиации, вроде нормально, копай дальше. Потом отмывали Припять с порошком — дома, дороги. Потом вспомнили, что мы подразделение химической разведки и выдали карты

маршрутов. Надо было объезжать эти территории два раза в день и делать замеры уровня радиации, и затем передавать данные в штаб.

Наиболее пораженным тогда, в мае, был сам районный центр Чернобыль. В Копачах был высокий радиационный фон, в ближайших селах. Причем распределение радиации было совершенно нелогичное — вот стою возле самой станции, и ничего, отошел на 10 метров, и фон зашкаливает. Как взорвалось, так и разлетелось. В Припяти особенно фоново там, где лежал слой пыли от взрыва.

Сложно было с аппаратурой, особенно фиксирующей. Дозиметры часто выходили из строя из-за высокого радиационного фона, и нам записывали дозы не по реальным показателям, а со слов командира. Мне по итогу 4-месячного пребывания в самых горячих точках 30-километровой зоны поставили 24 рентгена. А сколько реально — кто это знает?

Мы были молодые и бесшабашные. Несмотря на все знания о радиации, полученные мною в университете и в армии, работал я чаще всего без респиратора. Попробуйте несколько часов на жаре копать землю в «наморднике». Тяжело, жарко. Пользовались «лепестками» только в редких случаях.

Удивляло, что в Зоне оставались мирные жители. Их там не должно было быть. Но самые упрямые, чаще всего пожилые, хотя встречалась и молодежь, уезжать не собирались. Зачастую они принимали нас как родственников и приглашали на обед.

Вспоминается одна история. Где-то в начале июня мы приехали на работу в Припять. И вдруг я увидел привязанную к балкону магазина маленькую собачку. Болонку. Дикая совершенно. Как я умудрился ее отвязать, чтобы она меня не покусала, непонятно до сих пор. Как она выжила без еды и воды?! Абсолютно нормальная, никакая не облезлая собачка. Как освободилась — учесала в неизвестном направлении.

В сентябре окончился срок моей чернобыльской командировки и я уехал дослуживать в свою часть. К тому времени она дислоцировалась на Украине. В ноябре 1986 года вернулся в Красноярск.

Мне трудно судить, что стало с моим здоровьем после Чернобыля. Я себя настроил, что моя иммунная система со всем справится и не думал о плохом. Да, сейчас у меня 2-я группа инвалидности, но по больницам особо не хожу и надеюсь на себя.

**Болгов
Олег
Викторович**

1966 г.р.,
г. Енисейск

Олег Болгов: «С мечтой об авиации пришлось расстаться»

Я родился и вырос в Енисейске, обладал отменным природным здоровьем и мечтал работать в авиации. По окончании школы поступил в Троицкое училище гражданской авиации на Урале. А через год оказался в действующей армии — химических войсках в городе Златоусте. Дело в том, что в 1985 году в СССР была отменена отсрочка при призыве в армию для студентов большинства учебных заведений страны. И я стал химиком-разведчиком.

В апреле 1986 года мне было полных 19 лет, я был патриотом своей страны и мечтал попасть в Афганистан. Несколько раз подавал рапорты. Мне отвечали: ждите, ваше время настанет.

Когда наш полк подняли по тревоге среди ночи, мы были уверены — всё, это Афган. Нам приказали проверить полную боевую готовность техники и подготовить ее к погрузке.

Два дня наш воинский эшелон без остановок ехал в неизвестном направлении. А мы размышляли: как там сейчас, в Кабуле? Наверное, все цветет, тепло...

1 мая мы праздновали в чернобыльской 30-километровой зоне. Там действительно было тепло и цвели сады.

Прослужить в Зоне мне пришлось целый год. Наше подразделение занималось не только химраз-

ведкой, но и дезактивацией деревень и сельскохозяйственных угодий. Это был ежедневный много-часовой труд практически без выходных. Лопатами снимался тридцатисантиметровый слой радиоактивной почвы, вывозился в «могильник», а его место занимал привезенный из «чистого» карьера песок.

Поначалу было жутковато входить в опустевшие деревни и заброшенные дома. Как-то замерили в одной хате уровень радиации, и сразу стало ясно, откуда взялась облезлая, почти лысая кошка — дозиметр зашкалило.

После, когда стало ясно, что от радиации здесь не спрячешься, и кто, если не ты, стал относиться ко всему происходящему спокойнее. А через полгода и вовсе «лепесток» в кармане носил.

Осенью 1987 года я вернулся в Троицк и пришел в свое училище. Только вернулся к учебе, через месяц меня вызывают на медкомиссию, где я услышал: «Вы свободны, не подходите нам по состоянию здоровья». В поезде, который вез меня на родину, я пребывал в состоянии, близком к шоковому, поскольку чувствовал себя как абсолютно здоровый человек. С горя запил и остановился только в Красноярске, устроившись на работу на завод. Но душа болела, и меня неудержимо тянуло в авиацию. Вернулся в Енисейск и начал трудиться в аэропорту. Думал, поправлю здоровье и через год восстановлюсь в училище. Вскоре у меня начала прогрессировать эпилепсия, которую врачи связали с пребыванием в Чернобыле. Сейчас я инвалид 2-й группы. Семьи нет. Не работаю.

Олег Болгов (второй справа) с сослуживцами

**Плесников
Василий
Васильевич**

1956 г.р., г. Красноярск,
образование высшее

Василий Плесников: «В Чернобыле всё для нас было организовано на самом высоком уровне»

Об аварии в апреле 1986 года я узнал по сарафанному радио на нашем заводе. Я тогда на КраМЗе в прессовом цехе работал. Помню, пришел на смену, а там все про ЧАЭС говорят. А я по специальности химик, окончил Красноярский технологический институт, был в звании ефрейтора химических войск.

Через год мне принесли повестку из военкомата Советского района Красноярска о призыве на военные сборы. Повестку надо было сдать по месту работы в бухгалтерию и получить полный расчет.

О том, куда нас направляют, ничего не сообщили, но на сборном пункте я увидел много знакомых по институту. Всех нас привезли в краевой военкомат, выдали военную форму и дали немного времени на сборы. В этот же день мы вылетели в Москву. В самолёте все ломали головы, что делать сибирякам на военных сборах в Москве.

По прибытии нас оставили дожидаться старшего офицера, который вскоре пришел с новыми билетами. Куда — неизвестно. Только тогда стали догадываться, что в Чернобыль.

Из Киева электричкой добрались до Белой Церкви, переночевали там, а утром направились к месту дислокации Сибирского полка. Там меня уже очень сильно

ждал мой предшественник — смена приехала! Я вступил в должность командира взвода БАТ 1-й роты 3-го инженерно-технического батальона 29-го полка, в составе воинской части 41173.

Нас на крышу 3-го блока направили. На станции, на мой взгляд, только сибиряки и работали. Москвичи, ленинградцы, латыши — всё больше по окрестностям. Оно и понятно: сибиряки всегда в беде первыми выручали.

В 6 утра у нас был подъем, завтрак и на работу. Ехать то не близко — 60 километров, с пересадкой в «грязные» автобусы до станции.

Помню свои первые впечатления: серость, мрак, опустошение. Как в фантастических фильмах. Жутковато было. А потом началась работа, и было не до эмоций.

В начале смены все собирались в бункере, там же был установлен монитор. По команде выскакиваешь на крышу, там камеры слежения, хватаешь что успеешь, кирпич, например, и бегом к специальному контейнеру. А уже стучат по рельсу — время вышло.

Время работы зависело от погоды. В сухую погоду фон выше, в дождливую снижается.

Спускаешься с крыши, сдаешь дозиметр, тебе говорят: 1 рентген. Это норма такая разовая была. А сколько там на самом деле — кто знает. Бывает, работаешь с человеком на крыше вместе, и время одинаковое, ему ставят дозу 1, а тебе — 0,5. Или наоборот.

После работы обязательно шли в душ и надевали чистую одежду. Жалко даже было, на заводе-то по полгода робу носишь, а здесь каждый раз новая рубашка. Нам про личную гигиену в первый день рассказали. Что страшнее всего — не сама радиация, а радиоактивная пыль. И что надо обязательно носить респираторы. Но ребята молодые, многие пренебрегали, надеялись на русский авось.

У меня получилось 10 — 12 выездов на станцию, и я набрал 10 рентген. Тут как раз произошла смена нормативов и предельная доза вместо 25 рентген стала 10. Меня и отстранили от очистки крыши и отправили на «рыжий» лес. Мы там специальными машинами снимали метровый слой грунта. Деревья уже после срезали.

На этой работе я набрал такую же дозу, как на станции. Мне сказали: всё, сиди сменщика жди.

В Чернобыле всё для нас было организовано на самом высоком уровне. И питание было отличное. Время-то голодное было, в красноярских магазинах на полках только морская капуста стояла.

Настроение у всех было боевое, никаких упаднических разговоров я не помню. В курилке всегда стоял хо-

хот, шутили постоянно. По дому только тосковали. Я там полтора месяца провёл, а другие и того больше.

Помню, мы 1 мая решили сфотографироваться все вместе на крыше. Только фотография странная вышла, вся в пятнах. Да и другие фото некачественные получались, засвечивались. Не выдерживала техника радиации.

На смену мне приехал парень с длинными-предлинными волосами. Я засмеялся. Обстригут, говорю, тебя здесь. Радиация в таких волосах любит прятаться.

Перед отъездом мне выдали новую одежду, я еще по Киеву погулял перед самолётом. Потом была пересадка в Москве, мы с товарищем посидели на Калининском проспекте. А там — в самолёт и домой. Прихожу, жены дома нет, а я без ключей. Я к ней на работу в детский садик пошёл, с красным от радиации лицом. Жена чуть не упала.

На работе мне отпуск дали на два месяца, на юг отправили. Потом прошел диспансеризацию, госпиталь. Через два года получил 3-ю группу инвалидности, в 96-м году 2-ю группу дали. Я ведь и на заводе здоровья оставил немало. На работу меня уже никуда не взяли, осталось только на дачу ездить.

За Чернобыль мне заплатили неплохие деньги — там ведь день за полтора-два шёл, да и отпускные мне неплохие заплатили.

Если по дням вспоминать Чернобыль, то вряд ли получится. Для меня он как один большой эпизод.

Николай Алёшин: «Кино привозили, но смотреть его не было ни сил, ни желания»

Алёшин Николай Иосифович,
1949 г.р., г. Шарыпово, окончил техникум лёгкой промышленности

В 1986 году я, уроженец Шарыповского района, жил в Киргизии. Через две недели после сообщения об аварии, меня забрали на военную переподготовку. Куда и зачем — не сказали. У меня к тому времени было двое детей.

Сначала нас привезли в Томск, где нас тренировали на строящемся Томском нефтеперегонном заводе.

На каждого из нас лист рифленого металла и заставляли бежать по лестничным пролётам. Таким способом мы помогали строителям и упражнялись.

Уже из Томска нас партиями отправляли в Чернобыль. О том, куда мы направляемся, узнали только на аэродроме в Москве. Построили всех и сообщили, объяснив при этом, что отказ приравнивается к дезертирству и грозит военным трибуналом.

Наш полк дислоцировался неподалёку от города Иванкова. В тупике железнодорожной станции поставили вагоны, в них мы и жили. До сих пор вспоминается, как строим шли по щебёнке, рота за ротой. И только хруст камешков под ногами.

Каждый день нас на автобусах отвозили на строительство каскадной стенки Саркофага. Всю рабочую смену мы находились в бункере, каждый ждал своего выхода. Об этом сообщали по громкоговорителю: выход 5 человек, выход 10 человек. Подгоняют БТР, забираешься в него и доезжаешь до стенки. Там только и успеешь, что болт вернуть, гайки докручивали уже следующие за нами. Болты мы везли с собой в сумке для противогазов.

После работы все шли в душевую и переодевались в чистую одежду. Перед входом в столовую нас снова прозванивали. Не пускали, пока не помоешься. И для обуви тазики стояли.

Там было много столовых с разными кухнями — украинской, азиатской и другими. Люди же со всего Советского Союза работали. Узбеки готовили замечательные пловы и лагманы. Свежие овощи были постоянно. Питание было просто отличное — ешь сколько влезет. А толку? Я уезжал с весом 74 килограмма, а приехал — 58. Так и остался худющим.

Помню, как в Зеленый Мыс приезжала с концертом Алла Пугачёва. Даже крыши автобусов, на которых нас привезли, проваливались под тяжестью желающих увидеть знаменитую певицу.

Приезжали с концертами и украинские коллективы. Кино привозили, но смотреть его не был ни сил, ни желания. Побриться-то некогда было. В девять вечера приедешь, в полседьмого утра подъём. И надо успеть получить новую одежду и сапоги у коптёра, оказывается, вчерашнее ночью проверили и увезли на утилизацию. Выдавали всё новое, нестиранное.

Последний раз я отработал на станции 28 сентября, на следующий день были куплены билеты домой. Дома уже признали радиационный ожог 3-й степени.

С развалом Союза наша семья вернулась на родину, в Шарыпово. Дети сейчас в Москве, а мы тут живём.

**Колесников
Виктор
Степанович**

1958 г.р., г. Красноярск,
капитан запаса, образо-
вание высшее

Виктор Колесников: «Всем ликвидаторам нужна была психологическая реабилитация»

По специальности я биохимик, окончил Красноярский педагогический институт. Затем армейская служба в ракетных войсках в Абакане и Омске — полтора года отслужил в химбатальоне. По окончании службы работал в Красноярском горкоме комсомола. Оттуда меня и призвали в Чернобыль в феврале 1987 года, пришла повестка из военкомата.

Многие мои товарищи уже побывали в чернобыльских командировках, и, конечно, я понимал, что могут забрать и меня, но в глубине души надеялся, что обойдется. Я был женат в то время, ребенок уже родился.

Мое состояние было близким к шоковому, да и отправляли меня одного. Дали денег на билет до Киева, после я добрался до Иванкова, а уже оттуда на автобусе до самого Чернобыля.

29-й полк химической и радиационной защиты, в котором я вступил в должность командира 3-го взвода 2-го батальона, дислоцировался в Черемошне. Мне выдали форму и поселили в офицерском щитовом домике.

Особых впечатлений поначалу не было никаких, только немного давила строгая воинская дис-

циплина. На станцию в первое время не вывозили, несколько раз съездили в Чернобыль на дезактивацию деревянных домов, на ликвидацию «рыжего» леса отправляли.

Позже начались тяжелый выезды на станцию — дезактивировали внутренние подсобные помещения, работали на крыше энергоблока, грузили контейнеры с радиоактивными отходами на площадке перед 4-м блоком. А рядом нависал Саркофаг. Тогда нам впервые выдали дозиметры и постоянно фиксировали дозы. Появился постоянный страх за свое здоровье.

Крупный мусор к тому времени уже был собран, и нам досталась пыль. Одежда была простая — фуфайки и ватные солдатские штаны. На грудь надевали защитные фартуки, лицо защищали респиратором. И всё. А уровень радиации порой доходил до 600–700 рентген. Всем хотелось поскорее набрать дозу и уехать домой, никто от такой работы не отказывался.

У меня в общей сложности получилось более 25 выездов на ЧАЭС.

Я помню свой последний выход на крышу. В этот день работали возле трубы, а это был самый опасный участок — около 1000 рентген. Вся наша группа спряталась за одним из выступов, и для работы выскакивали буквально на секунды. Наш комбат, тоже от страха, видимо, выпил перед сменой и многое сделал сам, спасая тем самым нас от жесткого радиационного облучения.

Среди ликвидаторов было много разговоров о вентиляционной трубе 4-го энергоблока. Поговаривали, что один из смельчаков, поднявших на ее вершину красный флаг, вскоре умер от цирроза печени, получив несовместимую с жизнью дозу облучения. Вскоре умерли и двое его товарищей.

Тот последний день на крыше ЧАЭС остался в моей памяти самым неприятным чернобыльским эпизодом.

Развлечений у нас там было очень мало. Один раз съездили за водкой, в клубе фильмы показывали, даже и не вспомню сейчас, какие именно. Прапорщички несколько раз рыбалку для нас организовывали. Самое главное, что была баня. Парились почти каждый день, вернее каждую ночь после позднего ужина.

Кормили там отменно — вкусно и сытно. Вдоволь было сгущенки, конфет, печенья. Бесплатной пепси-колы тоже было много.

Уехал я оттуда в начале мая, на праздники как раз в Киеве был. По возвращении в Красноярск, сразу начала сдавать печень, выявили гепатит. Потом начались головные боли, в обмороки стал падать.

Вернулся на работу в горком, потом перешел инспектором в отдел народного образования, после поработал заместителем директора спорткомплекса какое-то время. А потом ушел на инвалидность. Мне казалось, что люди просто шарахались от нас, чернобыльцев, опасаясь за своё здоровье. Теперь я понимаю, что вернувшимся домой ликвидаторам нужна была, прежде всего, психологическая медицинская реабилитация.

**Синенко
Александр
Сергеевич**

1946 г.р., г. Красноярск,
водитель

Александр Синенко: «Опасность там совсем не ощущалась, она ведь не имеет ни цвета, ни запаха»

В 1986 году я работал водителем в строительно-монтажном поезде № 276, расположенном на улице Калинина в Красноярске. Возил главного инженера и начальника автоколонны.

Когда услышал об аварии, то никаких мыслей относительно своего участия даже не возникло. А в январе 1987 года получил повестку из военкомата. Я пришел

туда в назначенное время, и всё — разрешили только машину в гараж отогнать. Там же отвели в баньку, потом мы прошли медкомиссию, нас переодели в военную форму, посадили в самолёт и отправили в Борисполь. Жена только и успела пирожков испечь да кефир купить в дорогу. Домой я вернулся к 9 мая.

Поселили нас в военном лагере в Черемошне, там, где Сибирский полк стоял. По первой военной специальности я был дозиметристом, но в Чернобыль меня призвали как шофёра, у меня к тому времени был большой водительский стаж. Сначала меня хотели посадить на бензозаправщика, но потом определили людей возить на 3-й и 4-й блоки. Там как раз крышу очищали.

Сам я на дезактивации не работал, моя задача была вовремя рабочих на работу и с работы доставлять. Передвигались мы всегда колоннами по 15 машин. На обратном пути обязательно проезжаешь через ПУСО — пункт санитарной обработки. Там моешься в душе, надеваешь чистую одежду, а старую сдаешь в чистку.

Автобус обязательно проверяли: если лампочка на аппарате, похожем на бензоколонку, загорелась и запыщала, едешь отмывать транспорт, а всех пассажиров высаживаешь. Промыли на первый раз — снова замерили. Если продолжает пыщать, едешь мыться горячей водой с порошком. И так, пока не смоют радиацию. А это зима, морозы, свечи заливает, попробуй потом заведись.

Опасность там совсем не ощущалась, она ведь не имеет ни цвета, ни запаха. Только на третий день я начал кашлять, а придя в столовую, отметил, что кашляют все.

Кормили нас там очень хорошо. Все сытное и вкусное. Масло, яйца, мясо были в рационе ежедневно. Поговаривали, что водка радиацию выводит, но там был сухой закон. Самогон в деревнях, как правило, покупали.

Артисты к нам с концертами приезжали. И Пугачёва, и Кобзон, и местные исполнители. Хотя в досуге никто особо не нуждался. Выматывались очень за день, до койки бы добраться.

После Чернобыля я вернулся на свою водительскую работу. При пересчете заработной платы меня здорово нагрели. Высчитали все праздники и выходные и не заплатили полагающийся по закону тройной оклад. Тогда я не знал своих прав, вот и получил такие копейки.

После выпали все зубы и стали кости болеть. Ушел на пенсию по инвалидности.

Владимир Ермошкин: «Моей ежедневной задачей стал контроль ДОЗ»

Ермошкин Владимир Тихонович,
1954 г.р., г. Минусинск, образование высшее

На момент аварии на Чернобыльской АЭС я жил на Украине, куда попал случайно — был отправлен после окончания института по распределению. Работал на деревообрабатывающем комбинате первым заместителем главного инженера. Был членом партии. Незадолго до аварии переквалифицировался в шахтёры. Там платили хорошо, а мне нужны были деньги на строительство дома.

Военкомат тогда работал напрямую с руководителями кадров предприятий, не церемонились — прямо с работы забирали. Подгоняли под график, чтобы человек был на работе, подъезжали, и забирали, как говорится, вперед, и с песней. Также и у меня было: с шахты и забрали. Кто-то скрывался, конечно. Но за отказ поехать грозил тюремный срок.

В Чернобыль я попал 24 ноября 1986 года. Был призван на службу из запаса областным военкоматом и откомандирован в воинскую часть № 73413, в 42-й отдельный полк гражданской обороны, химвойска. Служил командиром роты разведки. У меня за плечами была военная кафедра Сибирского технологического института.

Так вот, забрали меня и других людей со всей области, привезли на военный аэродром и погрузили в военно-транспортный самолет. Когда прибыли на место, я даже не понял, куда мы прилетели — подошли крытые машины, погрузили и ходом на АЭС. К утру были на станции.

Моей ежедневной задачей стал контроль доз и подготовка оперативных карт для каждого заседания штаба. Надо сказать, что работа была тяжелая. За время службы я выезжал на станцию 180 раз, из них 18 раз — внутрь Саркофага. Для этого нам выдавали свинцовую спецодежду и костюмы, как у космонавтов, прочные и удобные.

В феврале 1987 года мы ездили на ликвидацию «рыжего» леса. Там довелось поработать в условиях суровой зимы, снег был по пояс и постоянно дул ледяной ветер. Срубленные деревья складывали в траншеи и закапывали. Экскаваторы не прошли по мёрзлой земле, пришлось долбить траншеи вручную. Все эти тяжелые работы выполнялись в условиях высокого радиационного фона.

Я когда 24 мая 1987 года вернулся со службы, у меня еще кровавые мозоли с рук не сошли.

В феврале 1999 года поехал в Минусинск в гости к родителям, в июне того же года похоронил папу и остался здесь, с мамой. Я звал её с собой на Украину, у меня ведь там дом был, но мама не поехала, да и мне врачи рекомендовали поменять климатический пояс.

Сегодня у меня лейкоз и первая группа инвалидности. Требуются деньги на операцию по пересадке костного мозга.

Александр Шинов: «В нашей помощи нуждаются. Это было самое главное для нас»

Шинов Александр Александрович,
1948 г.р., г. Минусинск, образование среднее

В 1986 году я жил в Минусинске и работал в управлении «Гидроэлектромонтаж». Мы строили сначала Красноярскую ГЭС, а потом и Саяно-Шушенскую. Я там электромонтажником работал.

Когда произошла авария, всех работников управления собрали в Абакане и рассказали о случившемся. Дело в том, что у нашей организации на тот момент сложились партнёрские отношения с чернобыльцами. Их гидроэлектромонтажники помогали на строительстве Абаканской ТЭЦ, а мы обязались оказать помощь в достройке 5-го и 6-го энергоблоков. Мы даже составили график, согласно которому каждый из наших монтажников отработает на ЧАЭС по три месяца. Я должен был ехать в январе 1987 года.

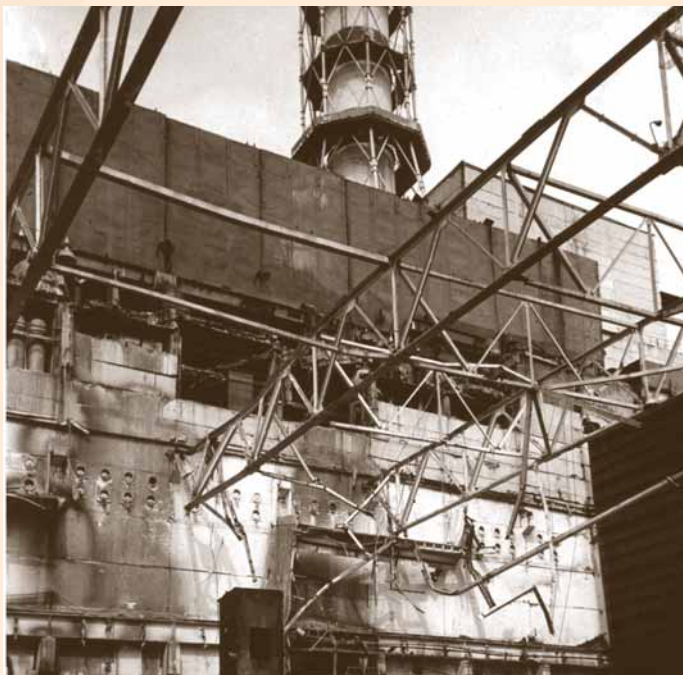
В связи с событиями 26 апреля весь этот график стал недействительным. Шестеро из нас согласились первыми ехать на ликвидацию последствий аварии — трое абаканцев и трое минусинцев. Нас сразу предупредили, что это опасно. Мы дали подписку, что едем добровольно и ни к кому претензий не имеем.

Из нашей группы медицинская комиссия не пропустила двоих добровольцев, и нас осталось только четверо.

Почему я согласился поехать? Да молодой был, интересно всё увидеть своими глазами. Решил, что раз до аварии собирался поехать, значит — судьба. Да ещё друг у меня закадычный, он тоже всё подначивал — поедем да поедем.

Приехали мы туда 27 сентября. Нас никто не встречал, и нам пришлось самостоятельно разыскивать штаб. Приняли нас хорошо и сразу распределили на объекты. Я оказался в районе ХОЯТ, тянул высоковольтные кабели, а друг мой начал работать во втором районе. Поселились мы в самом Чернобыле.

Через 15 дней наша вахта завершилась, и начальник сказал, что надо лететь домой и вернуться через две недели. Договорились, что отработаем две вахты

Вид на машинный зал ЧАЭС

подряд, далеко нам из Сибири каждые две недели летать. Так и пробыли 30 дней. Работали с 8 до 20 часов, без выходных.

В ноябре мы уехали домой на месяц и вернулись в первых числах декабря. Снова на две вахты. К Новому году были дома.

Последнюю вахту дорабатываем, подходит начальник и ведёт нас в отдел кадров. Там уже была подготовлена бумага на наше управление с просьбой отправить нас ещё на одну вахту.

Дома показываем бумагу своему руководству, нам говорят: «Хватит, ребята, надо подумать о своём здоровье. Если через крайком станут давить, то поедете. А нет, останетесь дома».

А мы что? Поехали бы и ещё раз. Радиация же не видна, опасность не чувствуешь. Я даже свои дозы не записывал — нам ведь доверие оказали, значит, на нас рассчитывают как на специалистов. В нашей помощи нуждаются. Это было самое главное для нас.

В Чернобыле мы сначала в деревянном доме жили. Там раньше столовая была, что ли. А потом нас переселили в пятиэтажку, в трёхкомнатную квартиру с обстановкой. Правда, телевизора не было. Ну, мы в кино раза два ходили.

Мне в Киеве очень понравилось. В наш приезд там было много чистого, белого снега и всюду яркие рябиновые кисти. Очень красивый город.

А в Чернобыле осенью было очень много яблок. Я и не знал, что у яблок может быть такое количество оттенков. Ветви гнулись под тяжестью плодов, но их никто не собирал. Грецкие орехи мы, если честно, щелкали. Надеялись, что сам орех защитил от радиации скорлупа.

Лично я радиацию не ощущал. Молодой был, работаешь да работаешь. Один раз, правда, жуть взяла. Идём в столовую, впереди собака бежит. Вдруг она падает резко, ногами задрыгала и всё, умерла. И над ней закружили вороны.

Эти вороны даже над самим реактором стаями летали, и хоть бы хны.

После Чернобыля меня поставили на медицинский учёт и направили на обследование в красноярский госпиталь. Сказали, что инвалидность дадут. Но я не поехал, не захотел стать сорокалетним инвалидом. Думал, что выйду в 50 лет на пенсию, тогда и оформлю все полагающиеся льготы. Но после мне уже не подтвердили, что мои болезни с Чернобылем связаны. Но я ни о чём не жалею.

Дмитрий Семенович Печко

1948 г.р.,
г. Минусинск,
образование среднее

Отрывки из чернобыльского дневника

г. Киев, 01.10.86 г.

Утром приехали в Киев. Всю ночь ехали кто как мог. Мест в вагоне не было. Купил пирожков и три бутылки ряженки, немного перекусил. Сели на электричку почти сразу, даже не смог открытку отправить своим. К обеду были на станции Тетерев. Заматывали на платформах краны брезентом. Которые были в Чернобыле. Все грязные, и очень нам поначалу страшно было к ним подходить. В четверг запаковали одну машину. После нас покормили. Солдаты живут в вагонах на этой станции. К 5 часам подошли автобусы. Вещи погрузили в один автобус, сами — в другой. Через 2 часа, уже вечером, прибыли в часть, где нам предстоит служить дальше. Долго стояли перед штабом, пока всех не посчитали, переписали и распределили по ротам и казармам. Мест не оказалось, и спали кто как мог. Я прилег уже под утро на чью-то кровать и вздремнул.

г. Иванков, 02.10.86 г.

Утром в 5 подъем, зарядки пока не было, и накормили сразу утром. Настроение паршивое, устали от дороги и впечатлений: друзей моих не стало, и даже знакомых нет.

После завтрака, где уплетали кашу и чай с маслом, сели на автобус и поехали. Кругом поселки, и люди живут как ни в чем не бывало. Только милиции на каждом перекрестке. Места очень красивые — все зелено и чисто. Но вот доехали до КПП, остановил милиционер в маске, проверил пропуска и отпустил. Оказывается, въехали в Зону. Стало как-то не по себе: уж очень резко все это началось. По одну сторону дороги сено, свеклу убирают, а туда дальше — все бурьяном заросло. Дома стоят одиноко, без хозяев, во дворах все осталось, окна открытые, шторы висят, цветы на подоконниках посохли. Яблоки висят такие, что слюнки потекли. Какая же это страшная сила, что убила жизнь в этих райских краях.

Вспомнилось село Шушенское, мемориал Ленина — точно так же: все растет — и никого нет. Земля песчаная, сосновые леса вокруг и березки стройненькие. И никакой жизни вокруг. Такие просторы, и все мертво.

г. Чернобыль, 02.10.86 г.

Въехали в город, о котором говорит весь мир. Современный красивый городок, со своими школами, садами и всем необходимым. Постройки красивые, пятиэтажки из белого кирпича. Чувствуется, что недавно здесь было тепло и уютно. А сейчас пустые окна, даже кошки поганой не видать. По дорогам знаки: «Обочина заражена». Подъехали к управлению «Сельхозтехника», в нем находится управление 1-го района строительства. Много предприятий очищено, и работают круглые сутки. Там нас опять посчитали, записали, словом, устроили на работу.

ЧАЭС, 03.10.86 г.

В 5.30 подъем, потом развод и под оркестр маршем по автобусам. По той же дороге, мимо тех же садов и домов поехали на работу на станцию. Дорога постоянно поливается какой-то серой дрянью. Машин на дорогах очень много, со всех краев все идут и идут. Все население — одни солдаты. Приехали в Чернобыль, получили спецовку, х/б простое, 2 ящика минеральной воды и респираторы. На границе города вышли из этих «чистых» автобусов, прошли пешком через резервную карантинную

зону и сели на специальные автобусы, изнутри обшитые свинцовыми листами. Весит такой транспорт 14 тонн. До станции оставалось 16 км. И чем ближе подъезжали, тем больше крутили головами. Проехали полосу сгоревшего леса. Когда шла радиация на Припять, весь лес полосой пожелтел.

Станция показалась неожиданно из-за сосен. Сначала красно-белая труба, которую мы привыкли видеть по телевизору. А потом и вся громадина, белая и когда-то очень красивая. На территории страшный бардак. Горы мусора и металла, искореженные машины, тракторы, брошенные гаражи и постройки. Автобус, петля между этими экспонатами, подкатил к двухэтажному зданию. Мы сразу с автобуса и в дом. Это было раньше какое-то управление со своими кабинетами. А теперь его до окон залили бетоном и превратили в бункер. Все стены и окна обиты свинцовыми листами, свет только электрический. Народу в каждом кабинете битком. Здесь и штаб, и пульт управления, и сушилки, и раздевалки, и, конечно, дым коромыслом.

Мы переоделись в робу, респираторы и полиэтиленовые сапоги. Чучела, да и только. Оказалось, назначили нас в 1-й район.

Сразу началась наша первая смена. Отправляли ребят на работу, куда это было необходимо. Я в тот день на работу не попал, был в резерве и сидел в бункере.

10.11.86 г.

Сегодня остался в части, договорился с прорабом. Обычно все, кто больше 1 рентгена поймает, на работу к реактору не идут, а сидят в бункере или используются на хозработах на станции. Сходил со всеми на завтрак. Ели какую-то баланду: горох с пшенкой сваренный, по одному яйцу, пачка печенья на троих, 4 кусочка сахара, масла 20 г и чай. Пришел и лег опять спать. Приснились жена, дети, и я будто вернулся домой. Полина что-то не рада была, и Виталька собирался от нас уезжать. Письма так и не пишет. Что же случилось?

Сходил в баню при части, белье у меня было в запасе. Там побрился и стал совсем еще неплохим мужиком, что ходил с бородой.

17.11.86 г.

Долго не писал, нет совсем настроения, все дела идут против нас. Приехала комиссия из Москвы. Министр и генерал. Наша станция к сдаче не готова и нам добавили норму до 25 рентген. Ребята уже пошли за 20 рентген, я пока скачу в хвосте — 17 рентген.

...На реакторе работы идут полным ходом. «Демаг» поднял кусок крыши над Саркофагом, долго держал на высоте. Снизу за веревки его держали и устанавливали на место. Когда же этот монтаж кончится? Все кладут и кладут на крышу конструкции. Видимость очень плохая, вверху туман, и конструкцию снизу не видно.

22.11.86 г.

Сегодня необычный день. Нас, пятерых, вывели из 30-километровой зоны. Теперь на реактор нас не допустят. Все набрали свои допустимые нормы.

Посадили в автобус. Поехали работать на станцию Тетерев. Целый день увязывали технику на платформах. Куда-то ее будут отправлять.

На обед ездили в п/л «Голубые озера». Места очень красивые: стройные сосны окружают лагерь. Сейчас там находится наш УС-605. Детишек, конечно, и близко нет. Хотя находится в более 100 км от реактора. Люди живут своей обычной жизнью, будто ничего не случилось, только нашего брата напичкано всюду. Даже воробья сегодня увидел и очень обрадовался этому чуду, ведь больше месяца никакой живности я не встречал. Да водички попил водопроводной. Пил и не мог напиться — всё минералка.

С работы приехали и сразу в наряд на кухню. Кололи дрова без топора и пилы. Кто куском железа, кто чем мог, но накололи.

После ужина в клубе концерт, я не пошел, сегодня намалялся, давно я столько не работал. Да и целый день на свежем воздухе, даже голова кружилась. А то все в бункере, без солнышка да в респираторах. Сегодня еще вывели несколько хлопцев. Бригадир наш не вытерпел и полез на крышу аккордную работу выполнять. Ходил по самому «мосту», 61-я отметка, теперь поедет домой.

А мы живем пока в неизвестности. Погода пасмурная и холодно. Пойду ложиться спать, завтра опять будет напряженный денек. Треба отдохнуть трошки.

Винк Виктор Робертович

1956 г. р., Енисейский район. Инициатор создания и первый председатель районного отделения Союза «Чернобыль».

Виктор Винк: «До Чернобыля у меня было отменное здоровье»

В 1985 году я переехал на жительство в Красноярский край. Искал работу с предоставлением жилья. Долго с женой мыкались, потом уже нам выделили фургончик в поселке геофизиков. Через два года мы с беременной супругой собрались уже переезжать в Красноярск-26, и тут приходит повестка из военкомата на военные сборы — жена в слезы. Ну, я сказал ей, что под юбку прятаться не буду, и если я там нужен, то поеду.

В армии я в морской пехоте служил, там нас готовили к работе в условиях высокой радиации, рассказывали про это. Да и в книгах я про неё читал.

9 июля 1987 года я поступил в распоряжение подразделения химзащиты в составе воинской части № 41173. Квартировались мы неподалеку от Черемошни.

Сначала мы работали на крыше 3-го энергоблока. Поднимаешься по деревянной лестнице наверх, проходишь по крыше Саркофага и строго по отведенному тебе времени выполняешь свою задачу на 3-м блоке. В то время Сибирский полк целый месяц делал там опалубку для стенки биозащиты.

У меня было 9 выходов на крышу.

Потом меня вызвали в штаб батальона: у них уезжал «секретчик» и требовалась замена. Я подписал документы о неразглашении и заступил на новую должность. В общем отделе штаба была у меня комнатка с окошком. Я должен был вести журналы радиационных доз

и по ним выбирать людей для работы на станции. Каждый день я просматривал данные примерно пятисот человек. Составлял отдельный список, который надо было подписать у командира батальона, особиста, радиолога. Работы было много и заканчивал ее далеко за полночь. А утром — подъем в 5 часов.

Не раз вызывался добровольцем работать на АЭС — домой-то хочется. Проверяли весь личный состав.

Помню, что у нас была всего одна машина для поездок на станцию, для «грязной» и «чистой» зон, вот и приходилось «отмывать» её по два-три раза. Если не удавалось избавиться от радиации, пробирались в лагерь закоулками, мимо постов дозконтроля.

Уже к концу моей смены я вступился за группу ликвидаторов, которые две недели не могли улететь домой из-за того, что финансовый отдел не успевал подготовить им расчет. Так меня самого на пару суток задержали. В военном билете у меня написано, что я 2-го сентября уехал, а на самом деле — 4-го.

Официально я получил дозу облучения в 9,95 рентген.

Дома вскоре почувствовал, что со здоровьем неладит. Я ведь морской пехотинец, с парашютом прыгал — здоровье было отменное. А тут сижу в цехе — я работал тогда в обувном цехе комбината бытового обслуживания — и от шума, от запаха клея голова просто раскалывается, а то вдруг кровь носом пойдет. Появились постоянные изнуряющие головные боли. С работы пришлось уйти. Стал я тогда интересоваться: а как же чувствуют себя другие енисейские чернобыльцы. Оказалось, что так же.

В больнице наши заболевания никак не увязывали с пребыванием на АЭС, ведь у нас в Енисейске нет никаких методик для этого, нет оборудования. Да еще, как выяснилось, существует некий приказ, который запрещает ставить «чернобыльцам» диагнозы, связанные с лучевыми поражениями организма, об этом в свое время писали центральные газеты, в частности, «Комсомольская правда».

Короче говоря, здоровье таяло на глазах, а никому до этого дела не было. Разве что наш лечащий врач В.И. Оськин по-настоящему переживал за нас и пытался хоть как-то помочь. Льгот никаких не полагалось тогда, лечение общее. И тогда мы поняли, что если не объединимся, поодиночке не выкарабкаемся. Ведь уже начали рушиться семьи, многие ликвидаторы, сломавшись, начали пить и даже накладывать на себя руки.

22 апреля 1990 года состоялось учредительное собрание Енисейского отделения Союза «Чернобыль». К нам присоединились двое ликвидаторов из Туруханска, а по-

сле мы помогли становлению подобного отделения в соседнем нам Лесосибирске.

Первым делом мы взялись за медицинское обследование. Нужно было получить официальное подтверждение, что наши беды связаны с работами на ЧАЭС. И, конечно, добиться специального лечения. Большинство из нас прошли обследование в Красноярске, но кому-то никак не хотелось, чтобы болезни таких, как мы, связывали с Чернобылем. Пришлось объявить голодовку. Уже потом для лечения ликвидаторов отвели сорок мест в БСМП, оно стало системным. Девять человек прошли обследование в Московском научно-исследовательском рентгенорадиологическом институте.

На сегодняшний день в Енисейском районе живет и работает одна из самых сплоченных чернобыльских общественных организаций.

Виктор Караульнов: «Мне было поручено заниматься благоустройством территории»

Для меня всё началось 29 октября 1986 года. В конце рабочей смены ко мне подошёл начальник СМУ Виктор Михайлович Кураев и попросил зайти к нему в кабинет. Там мне сообщили, что отдел кадров управления «Сибхимстрой» направляет меня в командировку в город Чернобыль.

Если честно, то большого желания ехать у меня не было. Я работал инженером-геодезистом, и работа на ближайшие дни была у меня распланирована. Но я отправился в отдел кадров за командировочным удостоверением. Через час приехала дежурная машина, заехали домой за «дипломатами», куда покидали сменное бельё да пару рубашек, и к девяти вечера прибыли в аэропорт.

На следующий день мы были в Чернобыле и явились в наш красноярский второй район. Нашему появлению

**Караульнов
Виктор
Дмитриевич**

1948 г.р., г. Железнодорожск, инженер-геодезист

здесь очень удивились, так как отправляли телеграмму в «Сибхимстрой», чтобы никого больше не отправляли.

В политотделе нас встретил Владимир Иванович Коршаков. Мы заикнулись, мол, если не нужны мы здесь, так может, нам домой уехать. Но нас никто и слушать не стал, оставили, ведь рабочих рук не хватало. Нас определили на работу в первый район.

Мне было поручено работать на благоустройстве территории вокруг 4-го блока. Работал прорабом — и задания выдавал, и геодезические работы проводил. Сначала мы укладывали щебень, равняли его, потом заливали бетоном. Делать это нужно было очень тщательно и аккуратно, чтобы вода не застаивалась и не просачивалась в щели, а равномерно стекала.

Свои 36 чернобыльских дней я отработал на укладке бетона вместе с «партизанами», работал на каскадной и контрфорсной стенках, вёл топографическую съёмку.

На съёмке я в первый же день перебрал дозу радиации. Её ж не видно. Вышел, установил оборудование, покурил. Всё тщательно, не торопясь. Только начал работать, дозиметрист машет: «Стоп! Возвращайся!». Я удивился: «Я ж ещё не начинал». А он мне в ответ: «Здесь тебе не там». После всё делали бегом.

Запомнились солдаты, которые убирали графит с крыш. Бывало, что они поднимались на крышу, а у них из ушей кровь шла. Говорили, будто кровь закипала, потому что дозы там были большие. Их спускали с крыши и на вертолёте отвозили на местную базу, а оттуда — в Киев или Москву.

За время командировки я набрал 21,6 рентген, а записали только 17,6. Дома первые две недели держалась температура.

**Щукин
Степан
Валентинович**

1947 г.р.,
г. Красноярск

Степан Щукин: «Брали меня как строителя, а оказался в роте химразведки»

В дверь нашей красноярской квартиры позвонили в пять часов утра. Вот, говорят, повестка боевая, надо явиться в военкомат в течение 2-х часов. Отдали корешок и ушли. Я говорю, ну какой нормальный советский военкомат работает в 6 часов утра? Но на работу все равно надо, по дороге заехал. А там во всей округе людей тьма-тьмуца. И никто ничего не знает.

Ровно в 6 утра открывается дверь военкомата, выходит майор Лепешкин, говорит: «Сдавайте документы». После всех отправили на медицинскую комиссию и велели прибыть сюда же завтра в 8 часов.

Мы сначала подумали, что забирают машины перегонять в Афганистан. Нам уже предлагали добровольцами, но мы отказались. Утром всех погрузили в автобус, и сопровождающий спросил, знаем ли мы, куда направляемся. «В Афган», — дружно зашумел автобус. «Нет, в Чернобыль». Повисла тишина. И ведь никуда не денешься, если убежишь, то ты — дезертир.

Потом был самолет и аэропорт Борисполь. Оттуда кое-как добрались ночью до Белой Церкви. Здесь нас погрузили в машины и отправили в Черемошню. Это было 30 января 1987 года. И понеслось.

Брали как строителя, а там я оказался в роте химразведки и дозконтроля. Мне ротный сказал: «Вот тебе сутки на изучение прибора, вот тебе шофер и новая машина БРМ». Через день я ехал в свою первую химическую разведку.

Наша рота была единственной, кому разрешалось выезжать в «чистую» зону, и то — не всем, а 5–6 машинам. Объезжали местные поселки, делали замеры. Были и дальние маршруты, до Киева всего километров 40 не доезжали.

Все данные я записывал на планшет. Меня сразу предупредили — сведения сверхсекретные, если потеряешь, весь полк будет искать.

На станцию я впервые попал через полтора месяца. До этого, мотаясь по «чистой» зоне, набрал около 10 рентген. К примеру, в селе Почете в больнице доктор выходит на улицу и кричит дозиметристам: «Замерьте вот тут, что-то мне не нравится это место». «Без проблем», — отвечаем. На крыльцо — раз, а там аж зашкаливает дозиметр. Стали промывать все вокруг.

В этом же Почете с нами произошел один случай. Все уже обследовали, сделали все замеры, водитель пошел в магазин. Я сижу в машине, сведения заполняю. Выходят на крыльцо два офицера и кричат: «Сержант, иди сюда!». «Что такое? Вам надо, вы и подойдите. Вы же моложе меня лет на 10–15». Они мне кричат: «Почему ты сержант и командир машины?». «Звоните в Терентьевку, — отвечаю, — и узнавайте у генерала, почему вы не по разрушенному блоку бегаете, а тут сидите, а мы почему-то там носимся». Люк задрал и сижу. Смотрю, мой шофер из магазина вышел и за угол спрятался. Выжидает опасно.

Те двое вскоре постучали в дверь нашей машины и сказали: «Езжайте, это просто проверка была». КГБ. Я объехал вокруг, Женьку-водителя подобрал и мы уехали.

Перед началом работы на блоке офицеры нас инструктировали — один фонарик будет на одежде спереди, другой сзади, работать только группами. Внутри блоков нет освещения, комнат множество, можно так заплутать, что потом годами искать будут и не найдут.

Одно из помещений мы называли трюмом. Пока туда доберешься в защитном свинцованном костюме, семь потов сойдет. А мне потом надо еще бегать с дозиметром и время работы каждому точно рассчитать.

На крыше все площадки звались женскими именами. Одна из площадок под трубой была Леной. Там проем между третьим и четвертым блоками, ночью он ярко подсвечивался прожекторами. Задача ликвидатора — выскочить в проем, когда кран поднесет бадью с бетоном, схватить, вылить на крышу и быстро обратно. За это время уже получаешь два микрорентгена. У нас был один дуралей. Подошел, открыл бадью, дождал пока выльется, закрыл, прибежал. А обратно-то бежишь, прожектора в лицо светят, да еще арматура торчит. И разом он рентген 5 набрал.

А каким красивым был город Припять — чистенький, аккуратненький, качели, карусели. И вещи все в квартирах. Потом нас заставили все выкидывать под бульдозер и в машины, а потом в могильник. У нас в каждой палатке стояли видеоманитофон и телевизор из Припяти. После бани собираемся вместе и видим «заводим». А баня у нас была самая лучшая, ни в одной роте такой не было. Построили на совесть — шикарная парная, предбанник отличный, душ.

«Употреблять» нам не разрешали, но мы все равно выпивали. Кто едет в «чистую» зону, тому и заказывали. Однажды нам выдали билеты на футбольный матч, киевское «Динамо» с немцами играли. Поехали человек сорок, и я в том числе. А мне этот футбол не нужен, и пошел я по Киеву гулять. Ребята просили купить «дипломат» [очень модный в 80-е гг. портфель — ред.], я купил. Ну, и понятное дело, заполнил доверху «горячительным». А динамовцы тогда выиграли у немцев.

На обратный путь я билеты через Тернополь взял, 10 дней у родственников жил. А уже перед отлетом из Борисполя домой встретил в аэропорту знакомого майора. Он привез новую группу ликвидаторов.

Анатолий Логинов: «За смену было 2-3 выхода на площадку»

В 1986 году я работал монтажником в «Сибхимстрое». В октябре 1986 года меня вызвали в отдел кадров и предложили поехать в командировку. Я не отказался, хотя и знал о возможных последствиях.

**Логинов
Анатолий
Афанасьевич**

1954 г.р.,
г. Железнодорожск

В Чернобыле я был с 15 октября по 23 ноября. Жили мы в пионерском лагере «Дружба».

Монтажные работы велись на площадке перед ЧАЭС. Выскакиваешь из бункера и за 2–3 минуты успеваешь добежать, зажечь резак и сделать шов в 5 сантиметров. Из защитных средств — спецовка и «лепесток».

Напрямую никогда не бегали, только по выданной схеме. Если напрямую пойдешь — попадешь под луч. Мой напарник Николай Горбунов однажды отклонился от схемы и получил ожог глаз. Он совершенно слепой сейчас. А меня в Киев возили, там мне глаза откапали.

Все указания получали по радиации. За смену было 2–3 выхода на площадку, в общей сложности у меня 11 выходов. Потом меня с реактора сняли и отправили на работу в менее опасную зону.

Обстановка сильно давила на психику, вспоминается постоянное напряжение. Порой, бывало, смотришь — ворона не может взлететь, спикуровала и все, или кошка совершенно облезлая, голая. Какое при этом может быть настроение.

В Чернобыле я был дважды — 1986 и 1988 годы. В этот уже жили в самом городе, в здании бывшего училища, переделанного под общежитие вахтовиков. В 88-м мы монтировали перекрытие машинного зала с помощью кранов «Демаг». Работали уже не 1–2 минуты, а по несколько часов.

Ни в 86-м, ни в 88-м я не видел ни одного монтажника из Киева, в основном были сибиряки.

Сейчас я уже 15 лет на инвалидности, нигде не работаю, потому что можно работать только 4 часа в сутки, а в ночь нельзя работать вообще.

Сендерский Борис Иосифович

1956 г.р., г. Красноярск,
врач, старший лейте-
нант запаса

Борис Сендерский: «Медикаментов в распоряжении врачей было достаточно»

В конце ноября 1986 года меня вызвали в военкомат и сообщили, что я уезжаю в Чернобыль, где мне предстояло служить в должности врача-радиолога Сибирского полка. Я на тот момент работал врачом на «скорой помощи», а двумя годами ранее прошел двухмесячную специализацию по радиационным катастрофам.

Из Красноярска мы вылетели командой из 22-х человек — офицеры запаса из химвойск, рядовые запаса, водители. Добрались до Белой Церкви, и там пришлось пробыть несколько дней из-за сильного гололеда. Но вскоре машины за нами пришли и прибыли мы в военный лагерь близ Черемошни. Офицеры жили в двухкомнатных вагончиках с печным отоплением, рядовые — в универсальных палатках. В каждом батальоне была своя баня.

Я поселился вместе с другими врачами — стоматологом и терапевтом. Мой предшественник, радиолог из Омска, страшно обрадовался моему приезду — замены он ждал уже две недели. Довольный, повел меня по своим «владениям».

Полковой медицинский пункт занимал половину щитового штабного домика, в котором и располагался кабинет радиолога, ставший с этого дня на какое-то время моим. Там было все необходи-

мое для работы оборудование.

Рабочий день врача-радиолога начинался в пять утра, при том что общий подъем был в шесть. Завтракали и выезжали на станцию.

Наш полк стоял в тридцатикилометровой зоне, и по прямой расстояние от лагеря до Чернобыля было около 27 км. Но мы ездили окружной дорогой, и этот наш ежедневный путь растягивался на 80 км. К тому же была зима, гололед, и машины двигались со скоростью не больше 30 километров в час. Добирался часа за два с половиной.

Проезжали могильники, огромные территории, заставленные брошенными автомобилями. Все это было заражено, ничто не подлежало вывозу. На балконах домов висело белье, которое уже никто никогда не снимет... Ощущение было неприятное, как будто вмиг все вымерли.

Однако основная моя работа была не на станции, в мои первостепенные обязанности входила работа с личным составом, но приходилось и на станцию выезжать. В общей сложности, у меня был 21 выезд в Зону и 3 выезда в город Чернобыль.

На АЭС рабочий день длился шесть часов с перерывом на обед. Пункты питания для нашего полка были организованы в одной из школ Припяти, в отмытом помещении, то ли класс, то ли бывшая столовая. Все было завешено полиэтиленом. Кормили очень хорошо.

Раньше часа ночи мне редко удавалось переделать все дела. Каждое утро на столе у начальника штаба должна была лежать составленная мною схема облучения личного состава за день. Каждый вечер «секретчики» приносили ко мне в кабинет собранные индивидуальные дозиметры-накопители, мы вместе снимали с них показания и записывали, потом эти дозиметры возвращались. По этим данным я и составлял ежедневно общую схему облучения.

Выявленные случаи переоблучения, свыше 25 рентген, приравнивались к ЧП, мы сразу же выводили человека из Зоны. Хотя, конечно, это еще не лучевая болезнь, которая развивается после облучения в 50 рентген, но тем не менее — большая неприятность для человека. Нормальной была ситуация, если человек получал в день по 1 — 2 рентгена.

В январе я ездил в Чернобыль на семинар для радиологов, где нам показывали секретные карты

распространения радиоактивного облака — куда оно пошло, какие были выбросы.

Вначале говорили только о радиоактивном йоде, потом стали говорить о цезии и стронции. В завершении сказали, что и полоний попал в атмосферу. У всех этих веществ очень разный период полураспада.

Но даже и на этом семинаре нам не до конца рассказали обо всем, показали не совсем реальные и честные вещи, карты повесили, но обстановка не проговаривалась.

К примеру, про стронций и цезий нам рассказали лишь, что они оседают, один — в мышцах, другой — в костях, и все. Я немного о воздействии радиации знал и до этого, со времени учебы в 84-м, и с собой взял тетрадь, которую вел тогда на курсах. Поэтому знал больше. Кстати, я потом эту тетрадь последующему радиологу оставил.

Кроме работы с личным составом приходилось и другими делами заниматься. К примеру, в начале января 1987 года было принято решение валить «рыжий» лес. Там нужно было очистить просеку в 25 метров. Мне командир сказал: «Ты радиолог, у тебя аппарат, вот ты первым и пойдешь!», хотя такого не должно было быть. Я призывался как врач-радиолог, а не как разведчик. Личный состав тоже не был приспособлен к физической работе такого

плана, так как в него входили в основном водители и химзащита. Но все были вынуждены это делать.

Ситуация осложнялась тем, что стояла очень холодная погода (до 30-ти градусов морозы доходили), снег — по пояс, работать нужно было в поролоновых зеленых респираторах. От паров разгоряченного работой дыхания респираторы покрывались сосульками, и радиоактивная пыль попадала внутрь. Многие стали жаловаться на кашель, у некоторых стал пропадать голос, в том числе и у меня. Через какое-то время шептала добрая половина личного состава.

Особисты запретили врачам ставить диагноз «радиационный ожог», приходилось писать банальные вещи — ларингит, фарингит и прочее. Лечили как респираторное заболевание, тем, что было — аспирином, парацетамолом. Вообще же, надо сказать, медикаментов в распоряжении врачей было достаточно, в этом плане снабжали неплохо.

В Чернобыле я пробыл три месяца, до 2 марта 87-го. Менял меня красноярский радиолог Виталий Горелик. Я тоже прождал замену около двух недель. По документам я получил дозу облучения 17,4 рентген.

Чернобыль на моем здоровье сильно не сказался, ведь многое зависит от изначального физического и психического состояния.

Борис Сендерский, г. Чернобыль, декабрь 1986 г.

Виталий Горелик и Борис Сендерский, март 1987 г.

Ольга Петровна Еременко

1953 г.р., г. Красноярск, родилась на Украине. Окончила Коломыйское медицинское училище, работала фельдшером-лаборантом в ЦРБ

Ольга Еременко: «Оборудованы были «от и до»

Об аварии на Чернобыльской АЭС узнала в мае. Я тогда была на выходных у сестры, неподалеку от Киева. А через месяц меня туда направили.

Для родных известие о моей командировке стало настоящим шоком. У меня тогда сыну было 14 лет, дочке — 7. Их вынуждена была забрать на время моя сестра.

Когда через неделю после обозначенного срока я не вернулась, дома запаниковали. Да и я волновалась. Написала письмо, передала через случайного водителя, оно так и не дошло до адресата.

Я попала во вторую группу, первая группа из ЦРБ проработала там неделю. Мы же провели там целый месяц. Желающих добровольно ехать не было, поэтому был подписан приказ. Отказаться я не могла. Работы в районе было мало, очень многие медики не могли трудоустроиться.

Когда туда ехали, то до конца-то и не понимали, что нас ждет. Мы, девчонки, собрались как на курорт — было же лето — в босоножках, сарафанах. А там песок, каблуки застревают в нем. Взамен сарафанов нам выдали байковые халаты и белые платочки.

Разместили нас в 30 км от Иванково. Оборудованье было, что называется, «от и до».

В нашей группе были водитель, два врача и два лаборанта. Таким составом мы ездили по деревням, обследовали людей.

Ежедневный выезд был в 6 утра. Работали по 14 часов. С питанием было трудно, так как все время в разъездах. С питьем проблем не было: «Фиесты» и «Боржоми» было в достатке. Покупай сколько хочешь, правда, денег у нас не было. Еще там было очень много мух, так мне запомнилось.

Малыхина Фаина Николаевна

1939 г.р.,
г. Железнодорожск

Фаина Малыхина: «Мы ежедневно проверяли здоровье людей»

Я по специальности фельдшер. В 1957 году переехала жить в «девятку», устроилась на работу в фельдшерский пункт МСЧ № 51, расположенный на другом берегу реки — в Додоново. Как говорится, оторвана от большой земли, сообщение редкое. Приходилось многое брать на себя, научилась ответственности, ведь и роды на дому приходилось принимать, и окружающий контингент особый — много женщин из мест лишения свободы.

Об аварии я узнала из телевизора, а в декабре началась моя чернобыльская командировка. 31 декабря 1986 года в 23 часа 45 минут наш самолет вылетел из Красноярска. 1 января 1987-го были уже в Киеве.

Разместили нас в поселке Зеленый Мыс. Дня три там проработала в медпункте, а потом пришел главврач и сказал: «Собирайся». Поехали куда-то на машине

«скорой помощи». По обочинам стояли таблички с надписью: «По обочинам не ходить!». Стало не по себе. Оказалось, ехали в Чернобыль.

Приехали в штаб Правительственной комиссии, что расположился в здании Чернобыльского горсовета. Заходим, вижу: дремлет мужчина в белом халате. Он и встретил: «Ради бога, наведи здесь порядок».

Оказалось, ожидали делегацию из США с комиссией. Я взялась убираться, а как? Ничего нет, ни швабры, ни тряпки. Но я справилась — привычная была решать вопросы самостоятельно.

Так и осталась работать в медпункте при штабе. Многие из тех, кто там работал, были министрами, а ко мне все обращались ласково — Фаечка.

Были моменты, что мы не выходили из помещений по 26 часов. Первое время не было даже бинтов, только аппарат для измерения давления. Мы написали петицию, что нет лекарств. Ее зачитали на съезде в Киеве, и вскоре нам привезли два ящика медикаментов.

Мы ежедневно проверяли здоровье людей. Оценивали по внешнему виду, по разговору. Так я проработала полтора месяца.

Несмотря на то, что кормили хорошо, я похудела во время командировки на 20 килограммов.

Когда прилетела домой, меня муж встретил и заплакал. Впервые в жизни я увидела его плачущим. А мне было уже все равно — такая депрессия охватила. Очень долгое время не чувствовала после этого вкуса к жизни.

**Жуковская
Альбина
Алексеевна**

1936 г.р., г. Зеленогорск

Альбина Жуковская: «Мы должны были создать ликвидаторам хорошие условия»

В апреле 1986 года я работала помощником эпидемиолога. В Чернобыль попала в 1987 году, можно сказать, с третьего захода. У меня на тот момент ребенок маленький еще был, поэтому, когда главный врач приглашал первый и второй раз — отказывалась. На третий поехала. Находилась там с 10 июня по 10 июля 1987 года, работала по своей специальности — помощником эпидемиолога.

Первую неделю работала в Чернобыле, потом перебазировались в поселок Белые Пароходы, располагавшийся прямо на причале. Там жили ликвидаторы.

Мы должны были создать для ликвидаторов все необходимые условия — обеспечить чистой водой, чистым бельем, едой своевременно. Еду проверяли в обязательном порядке, чтобы не было болезней.

Неприятные ощущения в Чернобыле оставляло запустение — безлюдные улицы, шлагбаум, таблички «Внимание! Заражено!».

Хорошие впечатления остались от единения людей. Все друг к другу по-доброму очень относились. Общее дело делали. Ни брани, ни ссор не было. Все понимали ситуацию, обстановку.

Припятская МСЧ-126 до аварии

**Болтенков
Георгий
Георгиевич**

1942 г.р., окончил Омский медицинский институт по специальности «санитарная гигиена на промышленных предприятиях». По распределению был направлен в Железногорск

**Георгий Болтенков:
«Дежурить на посту приходилось по 12 часов в сутки, но у каждого была ответственность»**

На момент аварии на ЧАЭС в 1986 году я курировал санитарно-гигиеническую безопасность на ГХК. По роду деятельности представление об опасности такой аварии и возможных ее последствиях я имел. И, конечно же, я догадывался, что на самом деле обстановка в Чернобыле была гораздо более серьезная, чем говорилось в прессе. Косвенно этот факт подтвердило экстренное возвращение Горбачева из командировки, о которой тоже стало известно из средств массовой информации.

Вскоре меня ознакомили с приказом о моем командировании в зону ликвидации аварии, и я отправился в Чернобыль принимать должность заведующего промышленно-санитарной лабораторией. Жена была категорически против поездки, но я все равно поехал. Кроме того, дал подписку о неразглашении.

Работать приходилось по 12 часов в сутки, но у каждого, кто там работал, была ответственность: сказали, надо, значит надо. Никто не считал времени.

В мои обязанности, помимо многих прочих, входил ежедневный доклад о санитарно-гигиенической обстановке в Москву, в третье управление.

Из общих впечатлений — удручающие картины: ходят куры общипанные, практически совсем без перьев, а рядом с ними такие же облезшие лисы... Никто никого не трогает.

**Ольга
Ивановна
Вишняк (Скипор)**

г. Железногорск

**Ольга Вишняк:
«Главное было — избежать вспышек кишечных заболеваний»**

В 1986 году я работала в СЭС, в бактериологической лаборатории. Когда по телевизору сказали, что произошла авария на Чернобыльской атомной станции, сразу подумала: будут отправлять в командировку — поеду без разговоров. 15 августа 1986 года меня и еще одного лаборанта нашей эпидемстанции направили туда.

Когда руководство объявило, что требуются люди в Чернобыль, симулянтов много выискалось: кто-то резко паспорт потерял, кто-то в декретный отпуск собирался. Но у нас был большой коллектив, и нашлись все же люди, готовые поехать на помощь. Я была готова.

Мама меня отговаривала, ведь у меня был ребенок шести лет. Но я все равно первый раз в августе 86-го поехала, ребенка оставила со свекровью.

Летели мы до Киева, а работать предстояло в ста километрах от Чернобыля, в Тетереве. Добирались до места самостоятельно. Простоя с жильем не было, сразу все дали. На следующий же день пошли работать. Ежедневно работали с 8 утра до 8 вечера.

Баклаборатория была развернута в пионерском лагере «Сказочный». Мы должны были ежедневно делать бактериологический анализ воды на кишечную группу. Проверяли также продукты из столовой, предназначенные для питания. Главное было — всех и всё проверять, чтобы избежать каких-либо вспышек кишечных заболеваний. Ведь лето было, всякое могло случиться. Что касается местной пищи, то мы не слышали, чтобы она каким-то образом попадала в питание.

Два раза довелось побывать в самом Чернобыле. Один раз были в Припяти — ездили на забор воды для бассейна. Оттуда, кстати, жутковатые впечатления привезли. Все есть: цветы, машины у домов, а людей нет. Если бы эти ощущения картину не портили, то можно было бы сказать, что Припять — хороший город, очень красивый.

В августе того же 86-го мы попали на концерт Аллы Пугачевой, который она совместно с Владимиром Кузьминым давала в Зеленом Мысе. Выступали они на большой площадке, очень хороший концерт был. Народу съехалось — из всех пионерлагерей людей привезли.

Концерт шел около трех часов, артисты очень добрые слова нам говорили, что героический поступок совершаем. Очень приятно было. Концерт для нас был бесплатный, впечатления остались самые лучшие. Здесь-то мы ее не увидели бы. А там смогли. Первый раз я вернулась из Чернобыля 15 сентября 1986 года.

Второй раз я туда поехала в мае 1987 года и пробыла до 15 июня. Получилось так, что от нас полную группу направляли — врача и лаборантов. Врач наша без меня ехать не захотела, сказала: «Ольга, не поеду без тебя, ты там знаешь все». Вот я и согласилась. Гражданский долг — поэтому и поехала, патриотические чувства.

В этот раз нашим местом дислокации был уже сам Чернобыль. Жили в жилом доме, в пятиэтажке хрущевского периода. Работали в Чернобыльской лаборатории, она функционировала тогда.

Все спокойно в целом было по работе, вспышек не было. Всегда всё свежее подавали. Конвейер свежей продукции шел. Кормили очень хорошо.

Средства защиты были, конечно. И шапочку, и респиратор носили. Обработка постоянно шла. Давали

индивидуальные дозиметры, которые мы ежедневно сдавали и имели возможность узнать, сколько накопилось радиации.

А вообще же, я не чувствовала радиацию эту, молодая была. Когда по вечерам бывали выбросы, те, кто постарше был, замечал — у них в горле першить начинало.

Дозу мне потом никакую не поставили, мы же не на реакторе работали.

**Бондарь
Лариса
Михайловна**

1953 г. р., место рождения — Красноярск-26, окончила Красноярское медицинское училище. С 1982 работала в городе Железнодорожском фельдшером-лаборантом клинической лаборатории при реанимации.

Лариса Бондарь: «Помню, какая красота была на реке Припяти»

Я в Чернобыле была осенью 1986 года — с 11 сентября по 11 октября. Когда туда ехала, понимала, что такое радиация, что нас ожидает.

Жили мы в пионерлагере за Зоной. Раз в три дня проходили контроль крови. Вообще же, были проинструктированы хорошо в плане того, что можно, а что нет.

Помню, какая красота была на реке Припяти: стоят белые пароходы, рядом с ними — вагончики медиков. В них мы и работали. За день приходилось принимать по 300 человек.

Несмотря на тяжелую работу, мы ни о чем не забывали. Жили полной жизнью, отдыхали как могли. Даже танцы устраивали.

Горелик Виталий Викторович

1949 г.р., выпускник Красноярского медицинского института. Работал врачом-наркологом, инициатор создания наркологических постов в учебных заведениях края. Организатор красноярского Союза «Чернобыль». Поэт

Виталий Горелик: «Я знал, что в случае необходимости обязательно поеду в Чернобыль»

В апреле 1986 года я услышал по радио сообщение об аварии на Чернобыльской атомной станции. Спокойный голос диктора заверил, что ничего страшного не произошло, последствия устраняются. К тому времени я прошел медицинскую специализацию по радиологии и знал, что в случае необходимости обязательно поеду в Чернобыль.

20 февраля 1987 года я пришел на медицинский осмотр и буквально за один день прошел всех специалистов. Куда была повестка, я не знал, но догадывался, что в Чернобыль. Врачи пожимали плечами, говорили, что просто военкомат проводит сборы.

Противником моего призыва стала наш главврач. Она звонила в крайздрав и ещё куда-то с просьбой не отправлять нужного ей специалиста. Но все хлопоты были напрасны. Краевой военком Е.Г. Фурса пояснил, что такое решение вопроса невозможно — специалисты нужнее были там.

24 февраля 1987 года я вместе с командой офицеров запаса из Красноярска, Лесосибирска, Енисейска и Емельяновского района. вылетел в Киев. Летели мы обычным прямым рейсом.

В аэропорту Борисполя нас встретили и повезли на автобусе в расположение воинской части — село Черемошню. Первое, что я сделал на киевской земле — предложил офицерам остановиться у любого кафе и нормально поесть. Деньги у всех были.

К утру мы добрались до места назначения. По прибытии нас спросили, есть ли среди нас радиолог. Ждали уже.

Затем была встреча с командиром полка, с предыдущим врачом-радиологом. Я вступил в должность радиолога в/ч 41173 СибВО.

По долгу службы приходилось вникать в разные ситуации. То привезут откуда-то на территорию части радиоактивные плиты, то обнаруживается сложенный штабелями пиломатериал с уровнем излучения до 15 рентген. Однажды замеры ворота на входе в воинскую часть, на которых стояли солдаты-срочники и целый день открывали-закрывали их. Ворота страшно «фонили».

На мои вопросы ответили коротко: на всё есть приказ руководства Сибирского военного округа. И пиломатериал законная, и ворота, из зараженной зоны привезенные, тоже законные. Там же, на территории, рядом с БТРами, стоял кран, стрела которого излучала радиацию больше 1 рентгена.

На самой станции я обратил внимание, что все работающие на третьем и четвертом энергоблоках после окончания смены переодевались в свою одежду и ехали мыться в расположение воинской части. У меня возник логичный вопрос: почему не моются здесь же, на АБК (административно-бытовой корпус — ред.)? Оказалось, мощность санпропускников не позволяла. Я написал рапорт и ситуация разрешилась.

Первые два месяца я спал по четыре часа в сутки, потому что подъем был в 6 утра, а я как врач-радиолог должен был в обязательном порядке до завтрака в столовой сделать замеры и проверить состояние пищи, затем расписаться в специальном журнале, что радиации нет.

Ради радиационной безопасности, о тех нарушениях или несоответствиях правилам, которые видел, я старался докладывать. И насчет помывки на АБК, и по питанию.

Непосредственно на станции особо важным был контроль питания. Запомнилась столовая возле 5-го недостроенного энергоблока, где кормили солдат. Питание туда привозили в закрытых бидонах, а вот само помещение было очень «грязным» с точки зрения радиации. Там регулярно были перебои с водой,

многие приходили на обед в «грязной» одежде. Как врач я стал писать рапорты начальству. Сначала возмущались, потом прислушались и меня поддержали.

В целом у меня было 29 выездов на станцию, преимущественно в марте-апреле. Я был почти везде, где был наш личный состав, кроме «рыжего» леса. Этот лес вырубали и увозили куда-то, вероятно, в могильники, а может, и к нам в часть что-то из него попадало.

Все эти 29 дней я утром приезжал на станцию, а вечером уезжал, так как я был один врач-радиолог, соответственно, нужен был и на станции, и в части.

Вечером я должен был находиться на помывке, проверять там всё. Затем проверка шапок и верхней одежды. Мы с моим помощником, солдатом-срочником, ходили по палаткам, проверяли, нет ли в них радиации. Если обнаруживали, все трясли, удаляли выбиванием. Так каждый день.

Кроме этой повседневной работы, я, по приказу начальника штаба, дополнительно помогал замначальника штаба проверять и контролировать индивидуальные дозы по спискам личного состава, составлять отчеты для руководства.

Проверка этих доз, как правило, раньше двух часов ночи не заканчивалась. Причем после заместитель начальника штаба шел за подписью к начальнику и уходил спать, и весь следующий день его никто не тревожил, а я опять вставал в 6 утра и начинал новый рабочий день.

Вспоминается такой момент. Пришёл как-то ко мне майор Цопа и говорит: «Знаешь, так голова болит, ты пойдешь, посмотри, что там у нас в вагончике делается». Я взял дозиметр, подходим, а у меня стрелка поползла. Я говорю: «Видишь, тут до 2-х рентген доходит радиация». Оказалось, кто-то притащил в их вагончик какой-то ящик, он у них стоял к тому времени уже третий день, в этом ящике оказались радиодетали. Откуда их привезли, зачем — непонятно. Ценности они не представляли. Приказал убрать их, закопать, чтобы на территории воинской части их не было. В противном случае — предписание. Сами представьте, двое суток спать в помещении, в котором уровень радиации 2 рентгена в час — это что там было вообще.

Ещё часто радиоактивная грязь заносилась с личными часами. Форму человек меняет, а часы-то остаются. Я составил предписание о запрете на их ношение.

Радиация оставалась также на валенках, их меняли тоже не так часто, как одежду.

Два первых месяца для меня были очень тяжелыми, просто каторжными. Мы со штабными офицерами, связистами и медиками жили в вагончиках. Их, конечно, отапливали, но зима 87-го года была ужасающе холодной. Меня кашель раздирает так, что со мной врачи не могли в одном вагончике находиться. Возможно, это было воздействие на дыхательные пути радиоактивной пыли. Надрывный кашель и головная боль были постоянными, у всех. От меня врачи ушли жить в медсанчасть.

20-го мая я последний раз был в Чернобыле, передавал дела своему сменщику — радиологу лейтенанту Попову из Томска. В общей сложности в Чернобыле я пробыл 84 дня, с 26 февраля по 20 мая. Доза полученного мною облучения по документам — около 20 рентген.

Надежда

*Нас награды найдут,
Не забудет страна
Тех, чей доблестный труд
Не оплачен сполна.*

*Нас редуют ряды,
Нас сжигает пожар,
Тех, кто грозной бедой
Первым принял удар.*

*Доля выпала знать
Двадцать вёсен назад —
Нам пришлось испытать
Радиации яд.*

*Неподвластны годам
Души бывших солдат.
Боевые сто грамм
Выпить был бы я рад.*

*Выпить с теми,
Кто страхи свои позабыл,
Бэры с хлебом делил,
Саркофаг возводил.*

*Помянуть также тех,
Кто, увы, не дожил.
Поимённо их всех
Я в душе сохранил.*

Виталий Горелик

Струбинский Сергей Игоревич

1952 г.р.,
г. Зеленогорск,
образование высшее

Сергей Струбинский: «Это была интересная работа с интересными людьми»

Наша семья переехала в Зеленогорск из Красноярска в 1959 году. Здесь я окончил школу и отсюда уехал на учебу в Томский университет. Получив специальность геодезиста, работал в геологии на Алтае. В Зеленогорск вернулся в 1980 году с женой и тремя детьми. Работал начальником штаба краевой комсомольской ударной стройки ГРЭС-2, после — начальником отдела кадров УС-604.

В 1986-м году в составе первой четверки специалистов строительного управления уехал в Чернобыль. В нашей команде были генерал Рыгалов, заместитель главного инженера Валерий Ильич Гапоненко, командир взвода разведки Олег Леонидович Люднев и я. 30 мая мы приехали в Чернобыль и поселились в «Голубых озерах».

Я был назначен главным диспетчером УС-605. Задача стояла простая — делать всё подряд. На первых порах столько всего навалилось, начиная от транспорта и заканчивая обеспечением водой, которая была там в то время на вес золота. На мне же было и распределение людей на работу.

Первые дни в Чернобыле были очень бурными, организационными. Дней пятнадцать я чувствовал себя

участником броуновского движения — вокруг хаос, и я — часть этот беспорядочного процесса. Неразберихи было много.

Стояла сильная жара, а переодеться было не во что. Это потом уже в белой униформе все ходили. Мы не сообразили сразу, почему нет дождей. Самолетами же тучи разгоняли, чтобы не повысился уровень воды в реке Припять.

Пить всё время хотелось, а вода-то привозная, доставка еще не отлажена. Еда была первое время вся привозная, доставлялась в термосах.

Связь на первых порах была плохая. В самом Чернобыле ее практически не было. Отправляли на станцию посыльного с запиской на машине. Потом появились армейские радиостанции и телефон в штабе, к которому всегда стояла очередь. Можно было поговорить с домом.

Структура УС-605 была обычной для любого строительного треста, только должности именовались на военный манер. Начальник СМУ — начальник стройки. Это была генеральская должность. Его замы и начальники отделов — полковники.

Наш генерал Евгений Васильевич Рыгалов, на мой взгляд, достойно выполнил свою задачу начальника стройки первого этапа. Работал. Служил. Что здесь руководил стройкой с металлом в голосе, что там.

Распорядок дня был жесткий. Утром поднимались в половине пятого. Завтрак. 120 километров пути до работы. Обед. Вечером возвращались в лагерь часов в шесть. В десять вечера оперативка. После одиннадцати отбой.

Когда утвердили ночные смены, стало еще тяжелее. Был случай, когда забыли забрать людей со смены. Они в первую с утра уехали, вечерет уже, а их все нет. Оказалось, что автобус в этом хаосе за ними просто не отправили. Добирались от станции до штаба в Чернобыле на перекладных, в темноте.

Со временем все более-менее отдалилось. До Чернобыля я не умел спать в автомобилях. А здесь — только добрался до автобуса, глаза закрыл и уже сплю.

Норма радиационного облучения не имела значения для тех, кто работал в самом начале. Дозиметров или не было, или они не работали. Я перед отъездом пришел в дозиметрическую службу и мне поставили в справке 10,5 рентген без всякого дозиметра. Мне было все равно.

Честно говоря, каких-то особо острых ощущений от Чернобыля я не получил. Интересная работа. Интересные люди. Но пули над головой не свистели. Здоровье сейчас в порядке, проблем нет.

**Дураков
Николай
Георгиевич**

1956 г.р.,
г. Енисейск,
водитель

**Яковенко
Василий
Павлович**

1949 г.р.,
г. Енисейск,
водитель

Николай Дураков: «Чернобыль изменил меня»

Мы с Василием Яковенко вместе в Чернобыль уезжали и служили в одном полку. Только он на две недели раньше меня свою дозу набрал, и его домой отправили. Сейчас он инвалид 1-й группы.

Оба мы работали до Чернобыля водителями в Енисейске, оба были семейными людьми «за тридцать», и дети уже подрастали. То есть отвечали всем требованиям чернобыльского призыва.

Собрали в нашем енисейском военкомате всех шоферов, никто не объяснял, куда забирают. Тут же слухи пошли — либо в Афганистан, либо в Забайкальский военный округ, там пожары бушевали в то время.

Поехали мы группой из 12 человек в Красноярский краевой военкомат. Василия Павловича старшим назначили, и документы всех призывников вручили.

Красноярский военком посадил нас перед собой и сказал: «Вы призываетесь на военные сборы сроком на 6 месяцев. За уклонение в УК РФ есть соответствующая статья — от 3 до 5 лет тюремного заключения. Вопросы есть? Вопросов нет. О том, куда направляетесь, сообщат позже. Так мы стали военнотружущими химических войск Сибирского полка. Хотя я срочную службу проходил в автомобильных войсках в группе советских войск в Германии.

Перед самым вылетом нам сказали, что летим на Украину.

Полк дислоцировался в Черемошне. Меня определили в пожарную роту, которая работала на расчистке

крыши. Точнее — мы очищали территорию возле трубы. 21 или 23 мая я впервые поднялся на крышу.

Там все опасные территории кровли на плане обозначались буквами — М, Л, К и так далее. Ликвидаторы тут же дали им прозвища женскими именами — Машка, Лариска, Катька. Так и называли между собой.

На кровле были очень опасные в плане радиации места. Я за 9 выходов на крышу сменил 8 пар сапог. Их невозможно было «отмыть».

Крышу мы не только от мусора очищали, но и козырьки строили по периметру вдоль трубы. Радиационный фон там был такой, что не помню, чтобы больше минуты работали.

У меня в общей сложности было 19 выходов на крышу. У Яковенко — 31. Он «сгорел» там.

Никакой опасности, кроме резкого запаха озона, мы там не чувствовали. Работали на автомате. А что глаза постоянно слезились, так к этому быстро привыкаешь, становится в порядке вещей.

Мне поставили итоговые 10 рентген. Я как дозу набрал, меня перевели водителем на пожарную машину. Правда, сначала предложили официантом в офицерскую столовую. Я сказал: «Лучше сразу расстреляйте, потому как я не официант». Две недели я еще после отъезда Василия Павловича дослуживал, а 10 июля домой вернулся.

Родная жена меня не сразу узнала, так Чернобыль меня изменил. Я ведь там еще и подстригся «под ноль», а то замечание сделали за длинные волосы. Они ведь всю радиацию на себя собирают.

Когда в 1990 году енисейские чернобыльцы стали объединяться, выяснилось, что каждый имеет целый букет болезней. Сейчас я инвалид 3-й группы.

**Дрокин
Борис
Евгеньевич**

г. Железнодорожск

Борис Дрокин: «Трудились по принципу «кто, если не я»

В Железнодорожске я живу с 1980 года. Сначала работал монтажником в «Сибхимстрое», потом инженером. Вскоре после аварии из нашего управления четверо уехали на ликвидацию последствий аварии, в июне стали готовить новую группу, в которую вошёл и я.

6 июля на самолёте в Киев мы летели. Со мной оказались мои земляки из Сосновоборска: Толя Малинин и Хогнадзар Муртиев.

Только я знал давно, он работал начальником участка СМУ-6 в «Сибхимстрое», и нам доводилось часто встречаться по работе. И вот судьба свела нас снова.

Уже 8 июля вышли на работу во второй район. Анатолий Малинин — начальником участка, я — главным инженером. Смена длилась шесть часов и состояла из начальника смены, 10 — 12 прорабов на 150 — 180 «партизан». Ответственность руководителей была чрезвычайно высокой, решения чаще всего принимались в оперативном режиме. Трудились по принципу «кто, если не я». Все работы по ликвидации последствий аварии проводились в условиях высокого радиационного фона.

Бытовые условия были хорошие. Сначала душевые были только на станции, а после и в «Голубых озёрах» появились. Проблем с этим не было. Кормили нас как на убой: овощи свежие, фрукты, мясо вдоволь, икра красная. Ешь сколько влезет.

Разное приключалось за время работы в Чернобыле. И смешное и грустное.

В июле-месяце только стали разбирать завалы, один из ликвидаторов случайно вскрыл кабельный канал двухметровой глубины. Он на ИМРе был, вот и завалился гусеницей. Радиационный фон мгновенно зашкалил. Хорошо, ребята сообразили и пулей оттуда выскочили, а ИМР был с 1000-кратной защитой. Долго готовились к вызволению машины, тросы искали. Потом военные подъехали на БТРе, солдаты выскочили, быстро трос подцепили и выдернули.

Ещё один запомнившийся случай произошёл в сентябре. Я тогда был главным инженером района и имел пропуск «Всюду». То ли учения были в это время, то ли ещё что, не помню. Едем мы на самосвале с водителем и моим замом Юрием Николаевичем Спицыным. На нашем пути появляется милицейский патруль, и генерал рядом с автоматом. Тормозят нас и требуют пропуска. Потом говорят: «Вам туда нельзя ехать, и туда, и туда». В чём дело, спрашиваю. Не объясняют. Я отправил Спицына к начальнику района за помощью, а сам к генералу обратился: «Товарищ генерал, вы понимаете, что срываете задание государственной важности? Вы либо обеспечьте меня транспортом, либо, извините, вас ждут неприятности». На мою удачу, подъехал УАЗик из нашего района с надписью на лобовом стекле «Всюду» и меня довезли до станции. Туда же приехал минут через 15 Юрий Спицын и рассказал, что генерала того и след простыл, убрали его. А имя того генерала я не запомнил.

Ещё один случай, трагический, забыть не могу. Был митинг. Чернобыльцам вручали грамоты, подарки. Всё было торжественно. А в это время авиаторы решили ещё раз выбросить кислоту, которая поглощает радиацию. Один из работающих поблизости «Демагов» в это время развернул стрелу вдоль машинного зала, а вертолётчик, видимо, не рассчитал расстояние и винтом задел трос. Взрыв. Вертолёт рухнул и сгорел на наших глазах за 5 — 6 минут. Экипаж погиб. Страшная картина.

Помню, как мы собрались уезжать домой первый раз в сентябре. Уже и билеты были куплены, и Лебедев приехал менять начальника района, и мне на смену приехал человек. Сидим в Чернобыле в вагончике. Приходит начальник с планерки и говорит, что отъезд откладывается, направил билеты менять. А планерку вел член Правительственной комиссии Александр Николаевич Усанов. Он и говорит: «Куда торопитесь? Вместе со мной поедете. Я о вас генералу Штефану телеграмму отправил».

В итоге мы прилетели 15 октября. Накануне собрались все вместе в Чернобыле в нашем вагончике, столы накрыли, и до шести утра провожались. Тогда, конечно, сухой закон был, но водку можно было купить в любом городе кроме Киева. До Житомира полчаса на электричке, все знали, где у них там водочный магазин.

Где-то часа в два ночи Чернобыль впервые с 26 апреля услышал песню. Мы, поддатые, вышли на улицу, поднялись на пригорок и спели «Если бы парни всей земли...». Я думаю, что эта песня посвящена нам, чернобыльцам. Особенно берут за душу слова: «Парни, парни, это в наших силах, Землю от пожара уберечь». Берегите Землю, любите её. И вы, молодые, помните о нас, чернобыльцах.

Александр Малороссиянов: «Мы подбирались к разрушенному блоку»

Я окончил автодорожный факультет политехнического института. Помимо диплома, имел звание лейтенанта танковых войск. По распределению работал в СМУ-6 «Сибхимстрой».

14 июня 1986 г. был командирован в распоряжение УС-605. Мы ехали втроем. Долетели до Борисполя, нас никто не встречал. На попутках добрались до Чернобыля. Ранним утром подъехали к автовокзалу, сидим в креслах ждём. В половине девятого подъехали автобусы, из них вышли люди в защитных хлопчатобумажных костюмах, шапочках, респираторах. А мы в обычных своих костюмчиках, а в портфелях — колбаска домашняя.

Часов в девять подъехал начальник УС-605 генерал Евгений Рыгалов, спросил, откуда мы. Из Красноярска, отвечаем, от генерала Штефана. Он сказал, что нами сейчас займутся. Все ушли на планёрку, а к нам вышел полковник и стал кричать, что нас ждали в Киеве и даже гостиницу для нас забронировали. Но нас никто не предупреждал, неразбериха тогда кругом была.

Сели мы в автобус и два часа ехали обратно, в «Голубые озера», где располагался отдел кадров управления строительства. А там уже все свои. Встретили Александра Михайловича Шипагина, он тоже сам добирался. Спросил в Борисполе у местных, они и посоветовали ему на «Ракете» добраться. На границе 30-километровой зоны его с теплохода сняли и устроили в КПЗ. Там

**Малороссиянов
Александр
Леонидович**

1956 г.р., г.Красноярск,
образование высшее

он и переночевал. Приехал в Тетерев через несколько часов после нас.

Первые дни мы вообще там доедали то, что взяли с собой. Там не было еще столовых, ничего не было. Через неделю только питание наладили. Единственная столовая была в «Голубых озерах», а мы в «Солнечном».

Первые две недели мы работали с солдатами-срочниками. Уже потом сообразили, что нельзя таких молодых людей радиацией «жечь». Им на смену пришли взрослые мужики — «партизаны».

Нашей задачей было подбираться к разрушенному блоку. Мы разбирали завалы, образовавшиеся после взрыва, убирали пожарную технику, снимали заражённый грунт и заливали очищенную землю бетоном. Большая часть работ велась вручную, лопатами. Поврежденные коммуникации разбирали.

Вспоминается такой случай. Прибегает к нам парень, просит помощи. Надо, мол, из 3-го блока вытащить вагон с твэлами. «Мы сейчас ворота откроем, а вы нам только подкатить его помогите, дальше он сам по рельсам покатится», — говорит он нам. А мы эти самые рельсы только что разобрали. Вот так там всё происходило в июне. Дальше началось строительство объекта «Укрытие».

Считаю, что заслуга Евгения Васильевича Рыгалова в организации начала работ по ликвидации последствий аварии недооценена. Он когда на станцию прибыл, лично облетел на вертолете всю территорию, определил все места базирования. И наладил всю работу. Говорили, что схватил около 60 рентген.

Все мы, ликвидаторы аварии, отвечали за свою страну и понимали меру этой ответственности.

Причины и последствия

Законченной и экспериментально подтвержденной версии чернобыльской аварии за истекшие четверть века не создано. Определение причин аварии на четвертом блоке ЧАЭС является одним из наиболее дискуссионных вопросов и сегодня. С каждым годом, который отделяет нас от событий апреля 1986 года, появляются все новые и новые версии и гипотезы.

Конечно, появлению большого числа версий отчасти способствовали недостаток информации об аварии, засекречивание материалов уголовного дела, а также использование самого факта аварии для тех или иных политических спекуляций.

В 1989 году в предисловии к книге Григория Медведева «Чернобыльская тетрадь» академик Андрей Дмитриевич Сахаров написал: «Все, что касается чернобыльской катастрофы, ее причин и последствий, должно стать достоянием гласности. Нужна полная, неприкрытая правда. Люди должны иметь возможность сами составить мнение о том, что столь прямо касается жизни и здоровья каждого из нас и наших потомков, иметь право на участие в принятии ключевых решений, определяющих судьбу страны и планеты. Лично я убежден, что ядерная энергетика необходима человечеству и должна развиваться, но только в условиях практически полной безопасности. Медлить нельзя».

Версии официальные, принципиальные и альтернативные

Практически сразу образовались два лагеря профессионалов, имеющих диаметрально противоположные взгляды на причины разрушения атомной энергетической установки в апреле 1986 года. Первые — это проектировщики, которые утверждают, что основной причиной аварии является непрофессиональная работа эксплуатирующего персонала блока. Вторые — это непосредственно эксплуатационный персонал, который не менее аргументированно доказывает наличие существенных недоработок в конструкции реакторов РБМК и перекладывает ответственность за случившееся на проектировщиков.

В рядах спорщиков есть и приверженцы политического аспекта трагедии — во всем виноват советский строй. Наверное, в данном случае уместнее задуматься о том, что беда может случиться где угодно, когда угодно и при ком угодно, и ни один строй не в состоянии сразу решить все вопросы.

Практически в первые часы после взрыва была создана Правительственная комиссия во главе с заместителем председателя Совета министров СССР Б.Е. Щербиной. Эта первая комиссия состояла из работников министерства среднего машиностроения и министерства энергетики и электрификации в лице заместителей министров (А.Г. Мешков и Г.А. Шашарин) и организаций этих министерств: ИАЭ и НИКИЭТ — создателей

реактора РБМК, института «Гидропроект» — генерального проектировщика станции, ВНИИАЭС — от эксплуатирующей организации. При комиссии были созданы оперативные группы для выполнения работ определенного направления. Одна из них, под руководством первого заместителя министра среднего машиностроения А.Г. Мешкова, должна была заниматься расследованием причин аварии.

Результатом работы этой группы за первую же неделю после аварии явился акт расследования, который несколько членов комиссии подписать отказались. В этом документе вина за катастрофу возлагалась исключительно, или почти исключительно, на работников ЧАЭС.

Г.А. Шашарин, бывший в то время заместителем министра энергетики СССР, встал на сторону персонала станции:

«Акт о причине аварии не подписан троим: мной, директором Всесоюзного научно-исследовательского института по эксплуатации АЭС А.А. Абаганом и главным инженером ВПО «Союзатомэнерго» Минэнерго СССР, отвечавшим за эксплуатацию АЭС в то время, Б.Я. Прушинским. Параллельно я возглавлял комиссию Минэнерго СССР. Мы комиссионно подписали другой акт. Его засекретили и публично не обсуждали. В этом акте, хотя до конца и не всё было ясно количественно, качественно было показано, что главными причинами аварии были недостатки конструкции стержней регулирования, управления и защиты (система СУЗ) и проектные ошибки в расчетах парового эффекта реактивности. Конечно, такие выводы меняли и главных виновников, хотя эксплуатационники и я, ведающий вопросами эксплуатации АЭС на уровне заместителя министра, не думали тогда о том, кто виноват. В сущности, виноваты все, кто имел отношение к атомной энергетике, но уж никак не эксплуатационный персонал».

Вскоре Геннадий Шашарин был освобожден от занимаемой должности.

В официальном сообщении «В Политбюро ЦК КПСС», опубликованном газетой «Правда» 20 июля 1986 года, сообщалось:

«За крупные ошибки и недостатки в работе, приведшие к аварии с тяжелыми последствиями, сняты с занимаемых должностей председатель Госатомэнергоназора т. Кулов, заместитель министра энергетики и электрификации СССР т. Шашарин, первый заместитель министра среднего машиностроения т. Мешков, заместитель директора Научно-исследовательского и конструкторского института т. Емельянов. Одновременно они привлечены к строгой партийной ответственности. Исключен из партии бывший директор Чернобыльской АЭС Брюханов».

Отказавшееся подписать скоропалительный акт министерство энергетики СССР провело собственное расследование, в результате которого еще через неделю появился документ под названием «Дополнение к акту расследования». В этом документе доказывается, что основной причиной аварии стала принципиально неверная конструкция стержней СУЗ и положительный паровой эффект реактивности.

Получив такие две диаметрально противоположные точки зрения, Правительственная комиссия в последующие два месяца пыталась сгладить противоречия, выработать единую точку зрения и соответственно выпустить заключение комиссии.

Эти попытки оказались обречены на провал, единое заключение Правительственной комиссии так и не было сформулировано, и вопрос пришлось решать на оперативной группе Политбюро. Такая группа под руководством председателя Совета министров СССР Н.И. Рыжкова была создана в первые же дни после аварии.

Первая встреча Правительственной комиссии с журналистами в пресс-центре МИДа 6 мая 1986 года. В центре — Борис Евдокимович Щербина

В результате появился документ, который был представлен мировой научно-технической общест-венности в августе 1986 года на совещании экспертов МАГАТЭ в Вене, как официальная информация о чернобыльской аварии. С докладом выступил академик Валерий Алексеевич Легасов — заместитель руководителя Правительственной комиссии по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, первый заместитель директора Института атомной энергии имени И. В. Курчатова.

Материалы советской делегации легли в основу итогового документа МАГАТЭ по Чернобылю, известного как INSAG-1.

Выступление на венском совещании стало рубликоном в жизни Валерия Легасова. 27 апреля

1988 года, во вторую годовщину аварии на ЧАЭС, Легасов был найден у себя в кабинете повешенным.

Перед смертью он записал на диктофон рассказ о малоизвестных фактах, касающихся катастрофы. По материалам этих аудиозаписей на Би-би-си был снят фильм «Пережить катастрофу: Чернобыльская ядерная катастрофа» (англ. Surviving Disaster: Chernobyl Nuclear Disaster).

В 1996 году Президент России Борис Ельцин подписал указ о посмертном награждении Легасова званием Героя России за «отвагу и героизм, проявленные во время ликвидации чернобыльской аварии».

В 2004 году вышел документальный фильм «Тайна смерти академика Легасова». Его авторы утверждают, что Легасов тогда, в 86-м, на международной сессии МАГАТЭ переступил через себя и солгал, пытаясь скрыть истинные размеры катастрофы от всего мира. Сохраняя достоинство своей страны, он поступился своей честью.

Из рассекреченных архивов КГБ УССР:

Об обстановке и ходе расследования аварии на Чернобыльской АЭС

24 мая 1986 года

СЕКРЕТНО

..В процессе опроса старший инспектор технической эксплуатации ЧАЭС, госпитализированный в Москву, высказал версию о том, что во время, предшествующее взрыву, два главных циркуляционных насоса (ГЦН) работали в нестандартном режиме. Вследствие этого началась сильная вибрация здания, повлекшая падение мостового крана на ГЦН-24, отрыв его от контура многократной принудительной циркуляции воды. Эти обстоятельства повлекли за собой разгерметизации контура и разгон реактора. Данные опроса доведены до комиссии по расследованию причин аварии.

Осуществлена расшифровка команд и переговоров персонала АЭС, записанных на магнитную пленку накануне аварии в ходе работы по испытанию турбогенератора № 8 в режиме «выбела». Материалы переданы в Правительственную комиссию.

Припятский горотдел 3 мая передислоцирован в город Иванков.

Начальник отдела подполковник Ключко В. Н., майор Богдан В. А. и ст. оперуполномоченный капитан Суховилин В. В. направлены в медслужбу КГБ УССР, откуда 4.05.86 г. будут отправлены в 6 клиническую больницу 3 Управления при Минздраве СССР для обследования.

Зам. Председателя КГБ УССР

Зам. начальника генерал-майор Д. В. Петров
6 Управления КГБ СССР
генерал-майор В. А. Хапаев

Выдержки из доклада INSAG-1:

- Как показал приведенный выше анализ, авария на четвертом блоке ЧАЭС относится к классу аварий, связанных с вводом избыточной реактивности. Конструкция реакторной установки предусматривала защиту от подобного типа аварий с учетом физических особенностей реактора, включая положительный паровой коэффициент реактивности.
- Основным мотивом поведения персонала было стремление быстрее закончить испытания. Нарушение установленного порядка при подготовке и проведении испытаний, нарушение самой программы испытаний, небрежность в управлении реакторной установкой свидетельствуют о недостаточном понимании персоналом особенностей протекания технологических процессов в ядерном реакторе и о потере им чувства опасности.
- Таким образом, первопричиной аварии явилось крайне маловероятное сочетание нарушений порядка и режима эксплуатации, допущенных персоналом энергоблока.

Легасов Валерий Алексеевич, академик:

«Причины многих современных технологических катастроф, процесс их развития, следствия — все это уже неоднократно описано. Авария развивается по определенным стадиям. Сначала количественное накопление ошибок, потом некий иницирующий момент, образование нештатной ситуации, потом — непредвиденные действия персонала по стабилизации ситуации, и аварийный процесс оказывается необратимым. Так было в Бхопале, так было и в Чернобыле...».

Правительственная комиссия работала в зоне ликвидации до глубокой ночи

В последующие годы объяснения причин аварии были пересмотрены, в том числе и МАГАТЭ. В 1993 году INSAG-7 опубликовал дополнительный отчёт, обновивший «ту часть доклада INSAG-1, в которой основное внимание уделено причинам аварии». Рассматривая новые источники информации, INSAG указал, что многие из них носят противоречивый характер, отметив, что «наиболее важными являются доклады двух советских комиссий, возглавляемых соответственно Н. А. Штейнбергом и А. А. Абагяном», которые включила в вышеназванный отчёт в виде приложений. Первая комиссия была составлена преимущественно из бывших работников ЧАЭС, вторая — из специалистов проектных организаций, а также организаций, осуществлявших эксплуатационную поддержку РБМК. В этом отчёте пересматриваются «некоторые детали сценария, представленного в INSAG-1», а также изменены некоторые «важные выводы».

Выдержки из доклада INSAG-7:

- Достоверно не известно, с чего начался скачок мощности, приведший к разрушению реактора.
- До настоящего времени ни одной из научных организаций в СССР не опубликована достаточно обоснованная цельная версия, доказательно объясняющая зарождение и развитие аварийного процесса.
- ИНСАГ приходит к выводу, что факторы, приведшие к аварии, следует искать в особенно-

стях средств безопасности конструкции (проекта), действиях персонала, общей системе мероприятий по обеспечению безопасности и структуре регулирования. В связи с нынешним восприятием событий существует необходимость сместить акцент таким образом, чтобы он в большей степени касался недостатков средств безопасности конструкции, о которых говорилось в INSAG-1, а также признать проблемы, обусловленные структурой, в рамках которой осуществлялась эксплуатация станции. Однако ИНСАГ по-прежнему придерживается мнения о том, что во многих отношениях действия персонала были неудовлетворительными.

Николай Александрович Штейнберг, главный инженер ЧАЭС в 1986–87 гг., заместитель председателя Государственного комитета по надзору за безопасным ведением работ в атомной энергетике СССР:

«Самое неприятное — это то, что Чернобыль превратился в разменную политическую и бизнесмонету. Слишком многие вокруг этого дела пытаются нажать либо политический капитал, либо капитал реальный в виде зеленых, красных и других бумажек. Это самое негативное, проблема, которая сказалась на том, что творится вокруг Чернобыля — постоянные дискуссии и прочее».

Карта Чернобыльской зоны

Значительная часть публикаций в советских и российских СМИ, в том числе и недавних, основана именно на виновности персонала станции. Доказательством здесь является версия событий, изложенная в первом отчете МАГАТЭ 1986 года. На ней же основаны различные художественные и документальные произведения, в том числе, известная книга Григория Медведева «Чернобыльская тетрадь».

Российский публицист Григорий Устинович Медведев, по специальности инженер-атомщик, известен книгами на темы ядерной энергетики, прямо или косвенно связанными с темой аварии Чернобыльской АЭС. Медведев — непосредственный участник проектирования и строительства Чернобыльской АЭС, участвовал в ликвидации последствий катастрофы, был облучен. По отзыву академика Андрея Дмитриевича Сахарова, «Чернобыльская тетрадь» Г. У. Медведева — компетентный и бесстрашно-правдивый рассказ о происшедшей более трех лет назад трагедии, которая продолжает волновать миллионы людей. Быть может, впервые мы имеем такое полное свидетельство из первых рук, свободное от умолчаний и ведомственной «дипломатии».

В то же время многие специалисты и другие непосредственные участники аварии на ЧАЭС оспаривают точность сведений Медведева и доказывают, что автор, в сущности, большой фантазёр.

В интервью украинской газете «Комсомольское знамя» от 20 апреля 1991 года бывший главный инже-

нер ЧАЭС Анатолий Дятлов назвал главным виновником аварии конструктора реактора РБМК академика Анатолия Александрова. В своей книге «Чернобыль. Как это было» Дятлов пишет: «Нет никакого сомнения, что... академик четко осознал: авария — в чистом виде результат научных и конструктивных просчетов».

Отстаивая свою точку зрения на причины аварии, Анатолий Степанович яростно опровергает утверждение, «что в Чернобыле существовало целых четыре системы защиты «от дурака» — четыре умудрились отключить»: «Неужели и впрямь так и было? Хотя бы подумали люди, прежде чем говорить! Мы что — самоубийцы, чтобы отключать защиту? Истина заключается в том, что на реакторе РБМК-1000 в 1986 году вообще не было ни одной так называемой защиты «от дурака». Я писал об этом в «Правду», но ответа так и не дождался...».

В 2006 году бывший советский лидер Михаил Сергеевич Горбачев признался в своем интервью: «Первой моей реакцией было недоумение: как такое могло произойти?! Ведь ученые всегда заверяли нас, руководителей страны, что реактор абсолютно безопасен. Академик Александров говорил, например, что РБМК можно ставить хоть на Красную площадь, так как опасности от него не больше, чем от самовара».

Тему виновности проектировщиков РБМК Дятлов раскрыл и в своем последнем видеointervью, показанном в немецком фильме «За минуту до катастрофы». «Он [реактор] четким солдатским шагом шел к катастрофе», — сказал тогда инженер.

Из книги Анатолия Степановича Дятлова «Чернобыль. Как это было»:

«Единственная моя задача — добиться обнаружения правды о причинах катастрофы, спасти от позора хотя бы память о моих погибших товарищах. Других личных планов у меня сейчас нет и быть не может. 550 бэр я получил во время аварии, да еще примерно 100 бэр — за время предыдущей работы. Кожа обожжена радиацией. Сейчас я инвалид второй группы. Жизнь на исходе. Поэтому днем и ночью думаю только об одном, хочу только одного — правды, и ничего, кроме правды».

Анатолий Дятлов: «Реакторы не ошибаются, люди ошибаются».

Анатолий Степанович Дятлов родился 3 марта 1931 года в селе Атаманово Красноярского края. В 1950 году окончил с отличием электротехническое

отделение Норильского горно-металлургического техникума. Три года работал в Норильске на одном из предприятий Минсредмаша. В 1953 – 1959 гг. учился в Московском инженерно-физическом институте, который окончил также с отличием. В 1973 году перевелся на строящуюся Чернобыльскую АЭС, где прошел путь от заместителя начальника реакторного цеха до заместителя главного инженера станции по эксплуатации. Награжден орденами «Знак Почета» и Трудового Красного Знамени.

По приговору Верховного Суда СССР признан одним из виновников аварии и осужден на 10 лет лишения свободы в колонии общего режима. Отбывал срок в посёлке Крюково Полтавской области.

После многочисленных обращений различных организаций, друзей, лично академика А.Д. Сахарова, 1 октября 1990 года Анатолий Дятлов был досрочно освобожден по ст. 220 (по болезни). Лучевая болезнь быстро прогрессировала и, несмотря на помощь немецких врачей, 13 декабря 1995 года Анатолия Степановича Дятлова не стало.

«Вина персонала Чернобыльской АЭС в катастрофе на четвертом блоке, которая произошла 26 апреля 1986 г., — один из чернобыльских мифов», — заявил бывший заместитель главного инженера по науке и ядерной безопасности ЧАЭС Николай Васильевич Карпан в 2006 году во время презентации своей книги «Чернобыль. Месть мирного атома».

В своей книге Карпан приводит протокол заседания Политбюро ЦК КПСС от 3 июля 1986 года с грифом «совершенно секретно», из которого видно, что участники того заседания под председательством первого секретаря ЦК КПСС Михаила Горбачева признали, что основной причиной катастрофы стали недостатки реактора, в частности, его способность к «разгону», что, по словам руководителя Академии наук СССР Анатолия Александрова, «является ошибкой научного руководителя и главного конструктора реактора РБМК». Участники заседания также отмечали, что операторы не были информированы обо всех случаях, когда такое свойство реактора может проявиться.

По утверждению Николая Карпана, несмотря на такие выводы, было распространено сообщение от Политбюро ЦК КПСС, в котором вся вина за взрыв реактора возлагалась на персонал ЧАЭС, который обвинили в нарушениях правил эксплуатации реактора.

В книге «Чернобыль. Месть мирного атома» автор приводит подробную собственную стенограмму суда над персоналом ЧАЭС, где проходил свидетелем по делу.

На суде были гости — 60 человек советских и иностранных журналистов. Остальные места занимал персонал ЧАЭС, 30-километровой зоны и участники суда.

Николай Карпан рассказывает о положении дел на станции господину Питеру Уокеру, министру энергетики Великобритании

Из книги Н. Карпана

«Чернобыль. Месть мирного атома»:

Местом проведения суда над обвиняемыми в Чернобыльской аварии был выбран город Чернобыль, так как по действовавшему в советские времена законодательству суд должен проходить близко к месту совершения преступления. Находится город в 12 километрах от атомной станции, так что его жителей эвакуировали еще в первые дни мая 1986 года. Поэтому никто не мешал назначить процесс открытым в Зоне, въезд в которую был возможен только по пропускам.

...Если не считать выходных, то суд продолжался 18 дней [7–29 июля 1987 года — ред.]. Работа начиналась в 11 часов утра и заканчивалась в 19 часов. В ходе заседаний выступило 40 свидетелей, 9 потерпевших и 2 пострадавших. Многие тогда ожидали, что материалы суда будут доступны всем, кто захочет узнать правду об аварии на ЧАЭС. Но в прессе и на телевидении появлялись лишь короткие сообщения о жаркой погоде в Чернобыле и успехах в борьбе за урожай. Так был создан еще один ин-

формационный пробел, теперь уже в судебной части истории аварии.

Погсудимые — Брюханов В. П., директор ЧАЭС, 52 года. Фомин Н. М., главный инженер (ГИС), 50 лет. Дятлов А. С., зам. главного инженера (ЗГИС), 56 лет. Коваленко А. П., начальник реакторного цеха № 2, 45 лет. Лаушкин Ю. А., инспектор ГАЭН на ЧАЭС. Рогожкин Б. В., начальник смены станции (НСС), 53 года.

8 июля 1987 года, рабочее заседание суда № 2. Начало в 11:00

Показания Брюханова В. П., бывшего директора ЧАЭС:

«...Я виноват как руководитель: что-то не посмотрел, где-то проявил халатность, нераспорядительность. Я понимаю, что авария тяжёлая, но в ней у каждого своя вина».

По приговору суда директор станции Виктор Брюханов, главный инженер ЧАЭС Николай Фомин, его заместитель Анатолий Дятлов были приговорены к десяти годам лишения свободы. Начальник смены Борис Рогожкин получил три года заключения, два года получили начальник реакторного цеха Анатолий Коваленко и государственный инспектор Госатомнадзора СССР Юрий Лаушкин.

Начальник отдела безопасности Института атомной энергии им. И. В. Курчатова В. Асмолов в статье «Чернобыль До и после» пишет: «Формула Чернобыльской катастрофы, которую предложил в первые дни ликвидации последствий катастрофы В. А. Сидоренко «Персонал допустил..., а реактор позволил», — исключительно лаконично говорит о причинах аварии. Безопасность реакторной установки была полностью проанализирована на максимальной мощности. За чертой анализа осталась ее работа на малой мощности с наложением возможных нарушений регламента и отключением системы безопасности и многочисленных блокировок. Именно такая, исключительно маловероятная ситуация была реализована в ночь на 26 апреля. В этом слабость детерминистского подхода: вроде бы очевидно, что чем больше мощность, тем опаснее режим эксплуатации. И именно на такие режимы было обращено внимание при анализе безопасности РБМК. Вероятностный метод не дает возможности пропустить любую, даже очень маловероятную цепочку событий. «Реактор позволил» — а он не должен был позволить. Реакторы не должны «позволять», никогда не должны... Это и есть основной итог для нас».

Министр РФ по атомной энергии Александр Румянцев в 2003 году обозначил основные причины чер-

нобыльской катастрофы. По заявлению министра, к аварии привели физика реактора, несовершенство конструкции аварийной защиты объекта и низкая квалификация персонала.

Румянцев напомнил и о случившейся до Чернобыля передаче АЭС страны из ведения Минсредмаша министерству энергетики СССР. Румянцев назвал это решение «ошибкой на государственном уровне». По его мнению, дисциплины обращения с ядерноопасными установками, «присущей атомной промышленности, в Минэнерго не было и быть не могло».

Из интервью Александра Юрьевича Румянцева газете «Атом-пресса», №4, 2003 г.:

Особенность ситуации заключалась в том, что все эти три момента должны были одновременно реализоваться в одной точке. Если хотя бы один из этих трех пунктов отсутствовал, то аварии бы не произошло.

Например, если бы реактор РБМК обладал отрицательным коэффициентом реактивности, то при росте тепловыделения произошло бы самогашение цепной реакции.

Несовершенство систем управления защиты привело к тому, что оперативный персонал смог вручную ее отключить. Конструкция систем защиты должна быть такой «огнеупорной», иметь такую «защиту от дурака», чтобы персонал никакими своими действиями не мог бы вывести ее из рабочего состояния. В этом случае защита остановила бы работу реактора за долго до критического момента.

И, наконец, квалифицированный персонал, несмотря на положительный коэффициент реактивности и неэффективную систему защиты, никогда не допустил бы создания подобной аварийной ситуации.

...Руководство станции неоднократно обращалось с просьбой о проведении эксперимента, но каждый раз наталкивалось на запрет главного конструктора. Тогда они дождались момента, когда реактор должен был останавливаться на перегрузку, чтобы провести его, так сказать, негласно. В соответствии с программой эксперимента, утвержденной главным инженером, провести его планировалось днем. Но диспетчер энергосистемы, в связи с большой нагрузкой сетей, попросил продлить работу энергоблока до вечера.

Между тем, к апрелю топливо в активной зоне в значительной мере выгорело, и реактор уже плохо управлялся, а согласно плану эксперимента, перед глушением он должен был работать на максимальной мощности перед включением АЗ. Поднять его на большую мощность мешала работа защиты. Тогда оперативный персонал

В зале управления реактором

заблокировал ее действие, одни кнопки расклинив, другие — заклеив скотчем. Более того, одного человека послали в машзал вручную (!) перекрыть главный циркуляционный насос. Кстати, именно поэтому сначала причиной аварии предполагалась диверсия, так как действия оперативного персонала слишком были похожи на злой умысел. Как говорится, благими намерениями вымощена дорога в ад.

После прекращения работы главного циркуляционного насоса реактор пошел в разнос, началось неуправляемое мгновенное тепловыделение, и страна получила Чернобыль.

Несомненно, в случившемся есть и вина ученых. Она заключается в том, что они сами не подозревали, что подобные нештатные выводы реакторов могут привести к катастрофическим последствиям. Ученые должны были это предвидеть.

В 2006 году свою точку зрения на аварию высказал главный конструктор энергетических канальных реакторных установок НИКИЭТ Юрий Михайлович Черкашов. «Конечно, к тяжелым последствиям привели проявившиеся в момент аварии негативные характеристики конструкции реактора. Но проявились они именно из-за, как принято сейчас говорить, человеческого фактора, из-за серьезнейших отклонений от требований регламента эксплуатации станции... Авария случилась потому, что были допущены нерегламентированные действия, и в том числе при работе с недопустимо низким оперативным запасом реактивности, что фактически уничтожило эффективность аварийной защиты реактора. Повторю еще раз: наличие очень грубых нарушений регламентных требований привело к проявлению негативных нейтронно-физических свойств активной зоны реактора», — поведал Черкашов в интервью журналу «Росэнэргоатом».

Валерий Иванович Сергиенко, президент Союза товаропроизводителей и предпринимателей Красноярского края:

«Как и все техногенные катастрофы современности, чернобыльская безусловно связана с человеческим фактором. Мир так устроен — голова яство одних должны исправлять другие».

Альтернативные версии катастрофы зачастую похожи на игру ума писателей-фантастов или голливудских режиссеров.

Разумеется, широко распространена тема диверсии, тщательно скрываемой властями. Способы диверсии предполагаются самые разные: обычная взрывчатка, подложенная под реактор, следы которой якобы обнаружены на поверхности расплавов топливных масс; вставленные в активную зону специальные твэлы, из высокообогащенного (оружейного) урана, следы которого также были обнаружены (как оказалось впоследствии, ошибочно). Диверсия с применением новейших средств ведения войны — пучкового оружия, установленного на искусственном спутнике Земли, или так называемого дистанционного геотектонического оружия.

Как и любую другую «теорию заговора», эту версию трудно опровергнуть, так как любые факты, которые в неё не укладываются, объявляются сфальсифицированными.

Широкую известность получила версия, выдвинутая сотрудником Института физики Земли РАН Е.В. Барковским. Она объясняет аварию локальным землетрясением.

Карта послеаварийного радиоактивного загрязнения территории цезием-137

Согласно ещё одной версии, высказанной сотрудником Института проблем информатики Российской академии наук В. П. Торчигиным, причиной взрыва могла быть искусственная шаровая молния, возникающая при проведении электротехнических испытаний в 1:23:04, которая проникла в активную зону реактора и вывела его из штатного режима. Автор гипотезы претендует на то, что ему удалось установить природу шаровой молнии и объяснить многие её загадочные свойства, в частности, способность двигаться с большой скоростью. Он утверждает, что возникшая шаровая молния могла в доли секунды проникнуть по паропроводу в активную зону реактора.

Наиболее экзотической является версия, предложенная Л. И. Уруцкоевым, сотрудником ИАЭ им. И. В. Курчатова, и встречающая принципиальные возражения в академических кругах. В качестве основного физического механизма аварии предполагается образование магнитных монополей в ходе «выбега» турбогенератора и попадание их вместе с паром в ядерный реактор. Магнитный монополю — это гипотетическая элементарная частица, до сих пор экспериментально не обнаруженная.

По версии, предложенной К. П. Чечеровым, взрыв имел ядерную природу. Причём основная энергия взрыва высвободилась не в шахте реактора, а в пространстве реакторного зала, куда активная зона вместе с крышкой реактора и загрузочно-разгрузочной машиной была поднята, по его предположению, реактивной силой, создаваемой паром, вырывающимся

из разорванных каналов. За этим последовало падение крышки реактора в шахту. Последовавший в результате этого удар был интерпретирован очевидцами как второй взрыв.

Особое место среди подобных версий занимает версия, представленная сотрудником Межотраслевого научно-технического центра «Укрытие» Национальной академии наук Украины Борисом Горбачёвым. С точки зрения автора, взрыв произошёл из-за того, что операторы при подъёме мощности после её провала извлекли слишком много управляющих стержней и заблокировали аварийную защиту, которая мешала им быстро поднимать мощность. При этом они якобы не заметили, что мощность начала расти, что привело, в итоге, к разгону реактора на мгновенных нейтронах.

По версии Б. И. Горбачёва, в отношении первичных исходных данных, используемых для анализа всеми техническими экспертами, был совершён подлог (при этом он сам выборочно использует эти данные). И он считает, что на самом деле, хронология и последовательность событий аварии были другими. Так, например, по его хронологии взрыв реактора произошёл за 25–30 секунд до нажатия кнопки аварийной защиты (АЗ-5), а не через 6–10 секунд после, как считают все остальные. Нажатие кнопки АЗ-5 Борис Горбачёв совмещает в точности со вторым взрывом, который для этого переносится им на 10 секунд назад. По его версии, этот второй взрыв был взрывом водорода, и он зарегистрирован сейсмическими станциями как слабое землетрясение.

ГАЗЕТНЫЕ ХРОНИКИ / «Известия», 8 мая 1986 года

Вопрос Венгерской газеты «Непсабадшаг»: Какие последствия аварии были в соседних странах? Этим же интересовались представители датского телевидения, ряда других органов информации.

Безусловно, ответили ученые, выход радиоактивных веществ в атмосферу способствовал тому, что уровень радиации повысился. Основное повышение происходило непосредственно в районе атомной станции. В районах СССР, уделенных

от места выброса, а также в прилегающих зарубежных странах значительного изменения уровня радиации, по нашим данным, не произошло. Советские специалисты полагают, что вынос был кратковременным и не существенным по сравнению с фоном.

Ответ специалистов на вопрос журналистов Японии и Финляндии о степени надежности светских атомных электростанций был таков: научно-технический уровень работ, связанных с атомной

энергетикой в Советском Союзе, проекты атомных электростанций, ядерных реакторов находятся на очень хорошем техническом уровне. По ряду отдельных узлов и изделий они превышают зарубежные.

..Атомную энергетику не остановить. Она будет развиваться. Надо, конечно, принимать дополнительные меры для того, чтобы обеспечить ее большую надежность, чтобы ни какая случайность не приводила к аварии.

По мнению оппонентов Б.И. Горбачёва, его версия содержит очевидные для специалистов внутренние нестыковки, не согласуется с физикой процессов, протекающих в ядерном реакторе, и противоречит зарегистрированным фактам. На это было неоднократно указано, однако, версия получила широкое распространение в Интернете.

Сколько бы ни спорили специалисты, очевидцы и другие заинтересованные лица на тему истинных причин чернобыльской катастрофы, достоверно можно утверждать одно: исследования причин чернобыльской аварии не завершены и они должны быть продолжены для установления истины и извлечения необходимых уроков для будущего.

Последствия

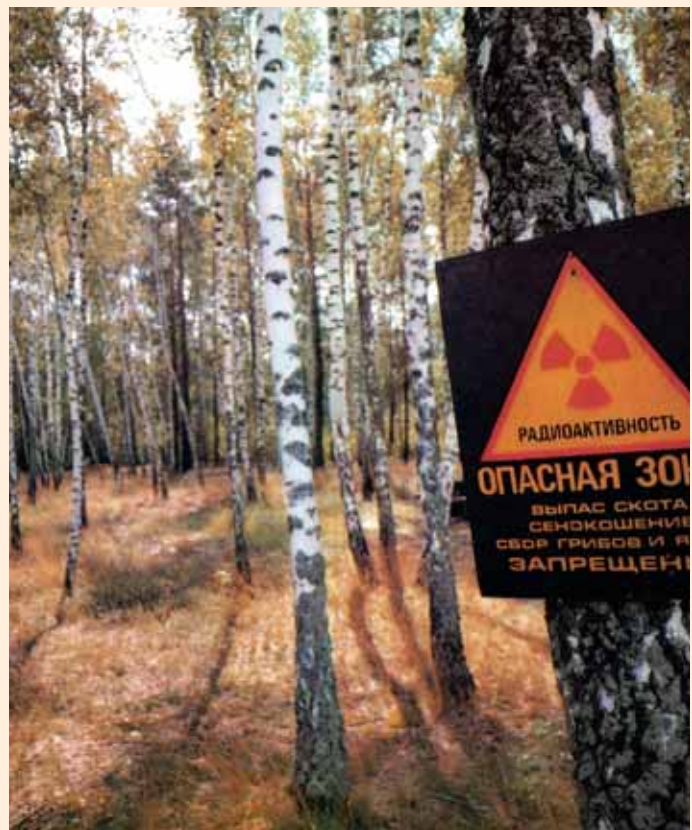
Апрельская катастрофа на ЧАЭС привела к значительным экологическим, медицинским, социальным, экономическим и политическим последствиям.

Территория в 155 000 км² — место, где проживали 7 миллионов человек, в том числе 3 миллиона детей, — подверглась опасному радиационному загрязнению. Выброс радиоактивности в 100 раз превышал аналогичный показатель после взрыва двух атомных бомб, сброшенных на Хиросиму и Нагасаки.

«Об аварии я узнал косвенно на третий день. Выявили превышение фона по йоду-131 в Красноярске в 100 раз. А период полураспада у йода-131 всего 7 суток», — вспоминает Алексей Захарович Бандурин, в 1986 году бывший старший инженер по радиационной безопасности в Красноярске-26.

По данным экологов, от аварии на ЧАЭС пострадали Греция, Швеция, Финляндия, Норвегия, Словения, Польша, Румыния, Швейцария, Чехия, Великобритания, Италия, Эстония, Словакия, Ирландия, Франция, Германия, Латвия, Литва, Дания, Нидерланды, Бельгия, Испания, Португалия, Израиль. Общая площадь зараженных только цезием-137 земель помимо России, Белоруссии и Украины составила 45 260 квадратных километров.

Самым тяжелым последствием стали человеческие жертвы. В результате взрыва со здания была сорвана крыша и полностью разрушен четвертый энергоблок реактора, при этом погибли 3 человека. Тело одного из погибших было оставлено внутри реактора, так как его нельзя было извлечь из-за чрезвычайно высокого уровня радиации. 134 рабочим из числа прибывших на место аварии был поставлен диагноз — сильное радиационное облучение. 28 из них умерли в течение 3 первых месяцев. Осенью 86-го года погиб экипаж вертолета МИ-8. Около 600 000 человек принимали непосредственное участие в ликвидации по-

Лес в 30-километровой зоне стал опасным для людей и животных

следствий аварии, и большая часть из них нуждается сейчас в постоянном медицинском наблюдении.

Оценка значимости социально-экономического ущерба, связанного с чернобыльской аварией, дана в отчете оценочной миссии ООН в 2002 году.

В отчете подчеркивается, что авария на Чернобыльской АЭС оказала серьезное воздействие на экономику окружающих районов как в краткосрочном, так и долгосрочном планах. Авария легла тяжелым бременем и на государственные бюджеты, потребовав расходов на очистку территорий, компенсационные выплаты и реабилитацию. Такие расходы обусловили перенаправление финансовых потоков, которые ранее предназначались для решения других первоочередных задач в области здравоохранения, образования и инвестиций.

Из книги преемателя Совета министров СССР Николая Ивановича Рыжкова «Десять великих потрясений»:

Чернобыль с размаху ударил по только-только оживающей экономике, ударил безжалостно. Напомню, потом была Армения. О ней — особый разговор. Позже и страну разваливать начали. Рушились планы и замыслы. Политика и стихия наступали на экономику, душили ее, рвали на куски.

Жизнь после катастрофы

15 ноября 1986 года были завершены основные строительные-монтажные работы на объекте «Укрытие». А через пятнадцать дней государственная комиссия подписала акт о приемке на техническое обслуживание законсервированного 4-го энергоблока ЧАЭС. И хотя работы по ликвидации последствий катастрофы продолжались еще долгое время, история сделала очередной виток — 4 декабря 1987 года был запущен 3-й энергоблок станции. А днем раньше, 3 декабря, ввиду ликвидации УС-605, приказом Минсредмаша была создана Комплексная экспедиция при Институте атомной энергии им. И.В. Курчатова (КЭ ИАЭ) для проведения на объекте «Укрытие» научно-исследовательских и строительные-монтажных работ.

В январе 1988 года началась подготовка к дезактивации машинного зала 4-го энергоблока, а также стали проводиться систематические обследования помещений и доступных конструкций блока с разработкой мер по их укреплению. В июне 1988 года решением № 269 Минсредмаша и Минатомэнерго ответственность за состояние объекта «Укрытие» возложена на КЭ ИАЭ, ВНИПИЭТ, ЧАЭС и ПО «Комбинат» с соответствующим распределением функций между ними.

Чернобыльские вехи

Вся основная жизнь в тридцатикилометровой зоне сложилась вокруг этих организаций, ставших островками той то ли гражданской, то ли полувоенной жизни, что потекла в послеаварийных Чернобыле и Припяти. Система труда в целом осталась вахтовой — 15 дней через 15, для вахтовиков обустроили общежития, а часть работников поселились в новом городе Славутиче, построенном уже после катастрофы. Оттуда ходит электричка на станцию. До сегодняшнего дня в Чернобыльской зоне сохранен строгий пропускной режим, все попадающие на территорию в обязательном порядке проходят через пункт дозиметрического контроля. На некоторые объекты вход категорически запрещен.

В течение 1987 года на ЧАЭС была произведена предварительная паспортизация помещений, пробурено около 40 скважин, с помощью которых начаты комплексные исследования состояния конструкций и разведка мест нахождения ядерного топлива в центре аварии. Для постоянного контроля за состоянием скоплений топлива в недоступных местах в пробуренные скважины устанавливались стационарные детекторы, на базе которых с осени начала функциониро-

Имя - Чернобыль

вать информационно-измерительная система «Финиш». Одновременно началась работа по дезактивации помещений и оборудования 4-го энергоблока, организации санпропускников и саншлюзов.

26 марта 1988 года выдан первый ордер на заселение квартир в молодом украинском городе Славутиче, который расположен в 50 км к востоку от Чернобыльской АЭС и в 20 км от границы зоны отчуждения. Решение о его строительстве как нового города для постоянного проживания работников Чернобыльской АЭС и членов их семей после аварии на ЧАЭС было принято 2 октября 1986 года директивными органами Советского Союза.

В течение 1988 – 1989 годов прошли работы на конструкциях «Укрытия». В машинном зале укрепили каркас деаэрационной этажерки, возвели разделительно-подпорные стены и на них смонтировали стальной диск-покрытие с упорами в стену по ряду «Б». Добетонировали стену в зоне расположения опор балки «Мамонт».

Исследования, проведенные в 1988 – 1991 годах показали, что облученное ядерное топливо внутри «Укрытия» находится в виде следующих модификаций:

АЗФ — фрагменты активной зоны, большая часть которых, как предполагают, выброшена при взрыве на верхние этажи блока, в частности, в центральный зал, часть находится в шахте реактора и помещении 305/2. ЛТСМ — застывшие лавообразные топливосодержащие массы. Они образовались во время активной стадии аварии (26.04.86 — 06.05.86) при высокотемпературном взаимодействии топлива с конструкционными материалами блока и распространились по погреекторным помещениям.

Впервые с ЛТСМ исследователи столкнулись осенью 1986 года. В одном из погреекторных помещений (217/2) была обнару-

День памяти

Посвящается участникам ЛПА на ЧАЭС

Для вас, ветеранов полков химзащиты,
Несущих по жизни черномыльскй крест,
Дворцы и театры сегодня открыты,
Играет военный оркестр.

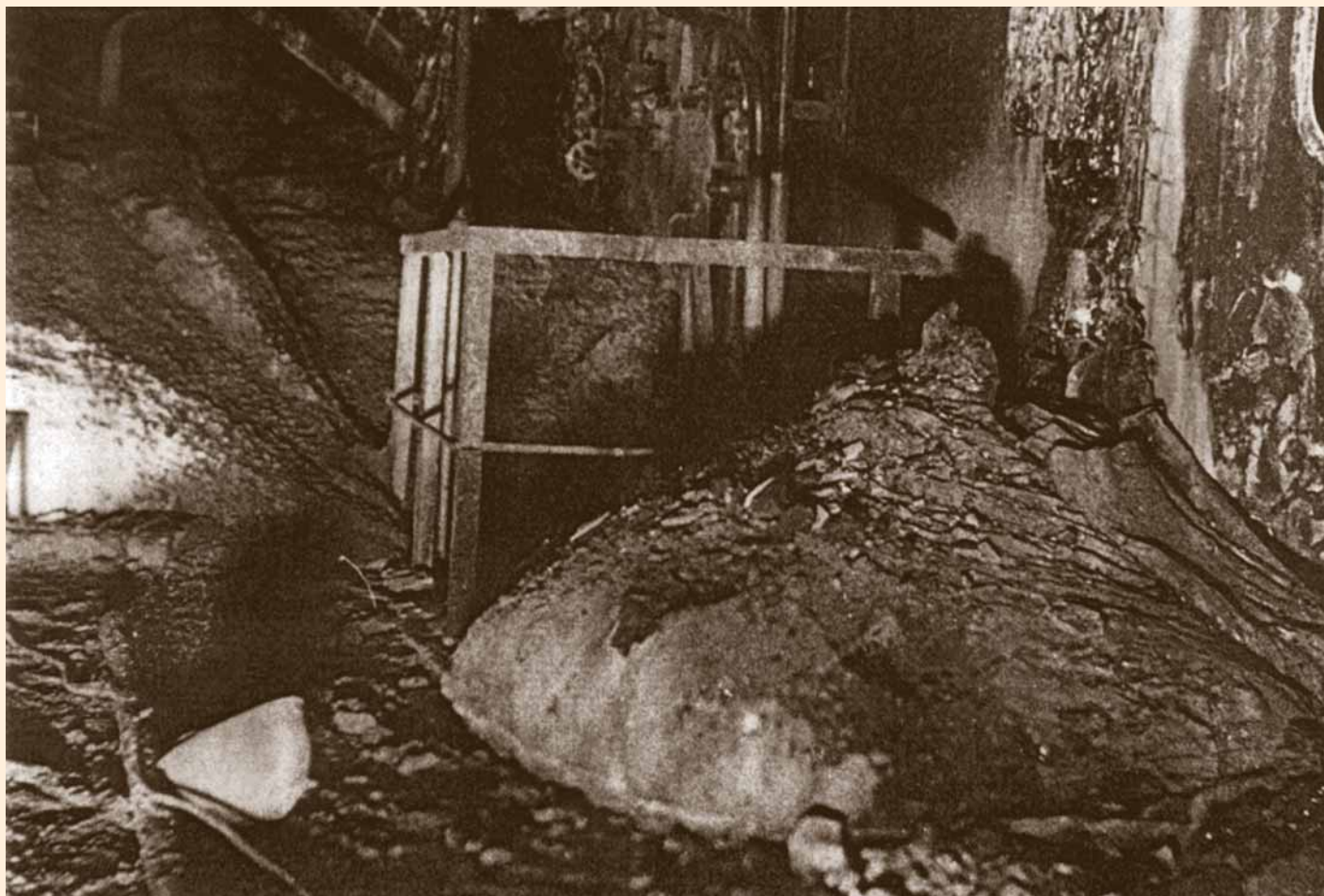
Вас славят, героев Чернобыльской зоны,
Отчизны великой достойных сынов...
Не слышат слова те Сережа Ворзонин,
Володя Джаман и Иван Кулешов...

Их сотни — фамилий, трагических судеб,
Их души вселились в надгробный гранит.
Никто из живущих ЧАЭС не забудет,
И павших солдат имена сохранит.

Сегодня — день памяти. Водка в стаканах
Вся выпита будет под вечер до дна.
Не падайте духом, друзья-ветераны,
Сегодня для вас расцветает весна!

Всевышний не даст вам оглохнуть, ослепнуть,
Лишиться надежды, рассудка, рук, ног.
С годами пусть братство черномыльцев
Крепнет.
Ра будет всегда с вами Бог!

Виталий Горелик, г. Красноярск
апрель 1998 года

Одно из самых крупных застывших скоплений топлива получило название «Слоновья нога»

жена гигантская застывшая капля, впоследствии получившая название «Слоновья нога». В составе масс содержалась значительная часть урана, находившегося до аварии в активной зоне и значительная часть наработанных в реакторе радионуклидов. Поэтому ЛТСМ стали предметом внимательного изучения.

ТП — мелкодиспергированное топливо (пыль) — горячие топливные частицы. Размеры частиц изменяются от долей микрона до сотен микрон. Они наблюдаются практически во всех помещениях объекта и в образцах почвы в ближней и дальней зонах.

В 1990 году было обнаружено, что в воде, находящейся в ряде нижних помещений объекта, содержатся растворенные формы урана, плутония, америция.

Поскольку обследовать все закрытые зоны объекта «Укрытие» не представляется возможным и по сей день, ученые разработали предполагаемые схемы скопления топливных масс.

На основании совокупности всех данных по выбросу радиоактивности при аварии можно утверж-

дать, что более 95%, то есть более 180 тонн облученного топлива из разрушенной активной зоны реактора находится в объекте «Укрытие».

Для контроля за поведением топливных масс на объекте «Укрытие» использовались системы «Шатер» и «Финиш».

«Шатер» предназначался для регистрации текущих параметров ТСМ — плотности нейтронного потока, мощности экспозиционной дозы гамма-излучения, температуры, тепловых потоков и должен был стать основной штатной системой контроля объекта «Укрытие». Однако, в силу объективных причин, детекторы комплекса располагались на периферии разрушенного блока, далеко от скоплений ТСМ, и их показания были недостаточно информативны. Со временем датчики системы и вторичное оборудование выработали свой ресурс, появились новые разработки, и система в 2000 году была снята с эксплуатации.

Исследовательская система «Финиш» создавалась для изучения внутренних помещений объекта «Укрытие». Так называемые «сторожевые» детекторы измеряли мощность дозы гамма-излучения, величину потока нейтронов, температуру, тепловые потоки. По-

Имя - Чернобыль

На пульте исследовательской системы «Финиш»

казания этих детекторов выводились на центральный пульт и длительное время анализировались. Убедившись в исправности и информативности канала, его переводили в режим стационарного измерения, и он официально входил в ИИС «Финиш».

С 1997 года начались комплексные исследования ТСМ на верхних этажах объекта. Их цель — собрать необходимый экспериментальный материал и создать сценарии обрушения конструкций. В этом же году начаты работы по помещению 305/2.

В 1998 году проведен сбор и анализ всех имевшихся данных по количеству и расположению топливных масс в помещении 304/3. Исследования дополнительно отобраны пробы черной лавы, находящейся в этом помещении.

В 1999 году аналогичная работа проведена для нижних отметок «Укрытия» (0.00 м, 3.00 м и 6.00 м).

В 2001 году в Российском научном центре «Курчатовский институт» завершили работы по созданию базы данных «Ядерное топливо и радиоактивные отходы».

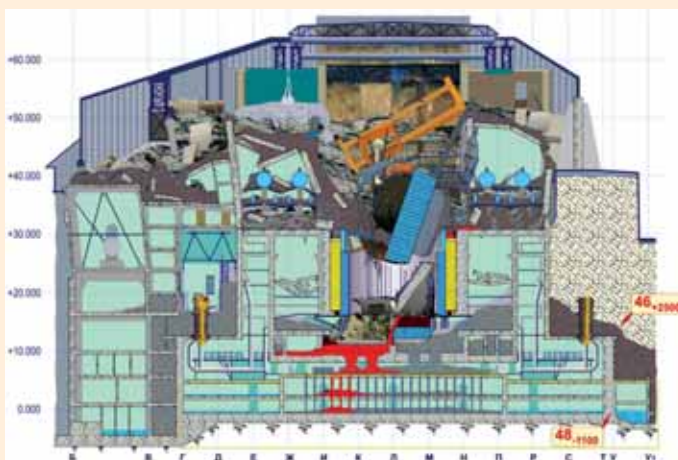
Очевидно, что построенное в авральном режиме «Укрытие» не давало гарантии полной безопасности в будущем. Поэтому 18 октября 1989 года Минатомэнергопромом СССР утверждена «Программа работ по повышению безопасности объекта «Укрытие», включающая разработку технического обоснования безопасности объекта «Укрытие» и ТЭО «Укрытие-2». Проектирование «Укрытия-2» началось уже через месяц.

Который год беда Чернобыля
Живёт в сердцах людей.
Звонит в земле ионизация
И смертью стелется над ней.
Невидимая и без запаха,
На ощупь не возьмешь её,
Но двадцать тысяч за четыре года
Отдали жизни за неё.

Атомная станция Чернобыля,
За «рыжим» лесом ты стоишь,
И блок четвёртый, в саркофаг одетый,
Теперь бедою миру не грозишь.
И сколько патриотов — истинных людей —
Увидела земля на Украине.
ЧАЭС, недаром мирно ты стоишь!
Мы смертоносный атом победим.

Невольно вспоминаются Япония
И Хиросима — ад земной.
Так неужели боль подобная
Висит ещё над нашей страной?
Звонят церковные колокола,
Их звон несётся над землей
И призывает человечество
Задуматься над атомной войной.

Автор не известен

Объект «Укрытие» в разрезе.
Красным цветом выделены потоки лавы

Очередной вехой на обожженной радиацией чернобыльской земле стало 1 января 1990 года. Приказом Минатомэнергопрома СССР было ликвидировано производственное объединение «Комбинат», а Чернобыльская АЭС выделена в самостоятельное предприятие — производственное объединение «ЧАЭС».

Уже тогда власти поняли, что дальнейшая эксплуатация станции затруднена. Это было время коренных изменений: Советский Союз твердой дорогой шел к своему развалу, начались экономические проблемы, бушевали страсти среди непривычного к свободе общества. В этих условиях Чернобыль стал одной из карт, которую разыгрывала демократическая оппозиция, демагоги разных мастей старались сделать себе политический капитал на трагедии. В феврале 1990 года Верховный Совет УССР установил срок вывода из эксплуатации 1-го, 2-го и 3-го блоков на станции к 1995 году. Чуть позже Совет министров СССР распорядился подготовить программу по выводу из эксплуатации энергоблоков ЧАЭС. Однако чернобыльский рок оказался сильнее людских планов. В октябре 1991 года случился пожар, после которого была досрочно прекращена эксплуатация 2-го энергоблока.

Вообще пожары стали бедствием для всей 30-километровой зоны. На самой станции они несли угрозу повреждения систем безопасности. Не менее серьезны были лесные возгорания. При пожарах на территории, загрязненной радионуклидами, в воздухе появляются дополнительные радиоактивные частицы, которые могли попасть в «чистые» районы Украины, Белоруссии, России. Также была угроза жизни работников чернобыльских учреждений. Зачастую это было рукотворное бедствие.

«Страшно было в родительские дни. Каждый год в родные места на эти дни возвращалось множество

эвакуированных граждан — проведать родные дома и могилы. Наверное, многие из них очень ожесточились: одни видели уничтоженные дома, другие обижались, что их жилье занимали ликвидаторы. В эти дни было страшно. Многие из этих людей жгли свои дома. В городе обязательно что-то полыхало», — вспоминает участник ликвидации аварии из Зеленогорска Татьяна Анатольевна Киреева.

В декабре 1990-го года полное число пробуренных исследовательских скважин внутри объекта «Укрытие» составило более 100 единиц. По результатам исследований научным руководителем ИАЭ им. И. В. Курчатова выпущено «Техническое обоснование ядерной безопасности объекта «Укрытие» (ТОЯБ)». Генеральным проектировщиком объекта «Укрытие», ВНИПИЭТом, подготовлено ТЭО «Укрытие-2».

После пожара на станции Верховный Совет Украины сдвинул сроки закрытия станции с 1995 года на 1993 год. Дальнейшие события показали, что законсервировать станцию не так просто, и политическое решение будет скорректировано самой действительностью.

План SIP

Распад Советского Союза привел к изменениям и в зоне отчуждения. Если ранее объект был расположен на территории союзной республики и на нем трудились жители всех регионов страны, то теперь он стал принадлежать независимой Украине. Молодое государство не могло финансировать прежние амбициозные научные программы. Начались структурные изменения.

В феврале 1992 года правительство Украины создало на базе организации «Комплексная экспедиция ИАЭ им. И. В. Курчатова на Чернобыльской АЭС» межотраслевой научно-технический центр «Укрытие» Академии наук Украины (МНТЦ «Укрытие»). Тогда же Украина объявила международный конкурс на преобразование объекта «Укрытие» в экологическую безопасную систему.

К экспертизе конкурсных предложений были приглашены ведущие специалисты Украины, России, Беларуси, Англии и Бельгии. 17 июня 1993 года конкурс был завершен. Первую премию было решено не присуждать, поскольку ни один из проектов в полной мере не отвечал условиям конкурса.

Следующим шагом к осуществлению преобразования стало объявление в апреле 1994 года Комиссией европейских сообществ тендера (торгов) на лучшее технико-экономическое обоснование первых стадий — стабилизации и сооружения «Укрытия-2» в рамках программы Tacis, учрежденной Европейским союзом для технического содействия бывшим республикам СССР.

Недостроенные 5-й и 6-й блоки третьей очереди Чернобыльской АЭС. Снимок сделан в мае 2008 года

Победителем тендера стал консорциум Alliance во главе с французской компанией Campeon Bernard SGE.

В 1995 году Alliance сделал основные выводы и представил отчет, в котором, в частности, утверждается, что существующее «Укрытие» нестабильно и несейсмостойко, а в связи с высоким уровнем радиации внутри станции и состоянием существующих конструкций долгосрочная стабилизация нынешнего объекта «Укрытие» считается невыполнимой. Необходимо строительство нового защитного объекта. В связи с тем, что государство Украина не может самостоятельно обеспечить финансирование такого проекта, ему должно помочь международное сообщество, утверждалось в докладе Alliance.

11 сентября 1995 года в Брюсселе состоялось заседание Европейской комиссии при участии делегации Украины для определения и координации последующих мероприятий на основе исследований консорциума Alliance. Результатом этой встречи стало соглашение, которое Европейская комиссия заключила с Alliance и фирмой Trischler und Partner GmbH на разработку кратко- и долгосрочных мероприятий. Согласно Постановлению Кабинета министров Украины, функции заказчика работ по преобразованию «Укрытия» в экологически безопасную систему переданы Госатому и ПО ЧАЭС.

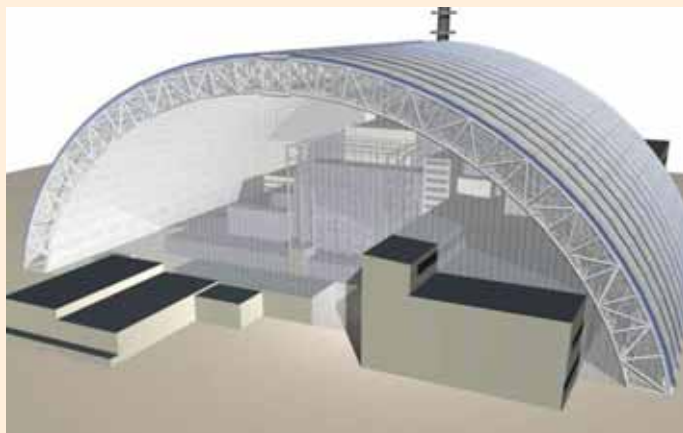
В июне 1997 года на заседании стран «Большой семерки» был принят «План осуществления мероприятий

на объекте «Укрытие» (в английской аббревиатуре — SIP (Shelter Implementation Plan), в русской — ПОМ — план осуществления мероприятий). В окончательный вариант SIP вошли 22 задачи, из которых 19 краткосрочных предусматривают сбор и анализ информации, мероприятия по стабилизации разрушенных конструкций и элементов «Укрытия», меры по повышению ядерной и радиационной безопасности. Остальные задачи являются долгосрочными и предусматривают разработку стратегии и технологии удаления ТСМ, а также разработку стратегии и создание «Укрытия-2» — нового безопасного конфайнмента (от англ. confinement — удержание), который в дальнейшем позволил бы выполнить работы по разборке разрушенного реактора и удалению ядерного топлива.

Срок реализации работ в SIP первоначально определялся от 7 до 10 лет. Для финансирования SIP учрежден Чернобыльский фонд «Укрытие». Управление Фондом поручено Европейскому Банку Реконструкции и Развития (ЕБРР).

20 апреля 1998 года подписан контракт с победителем тендера на Консультанта Группы управления проектом SIP (ГУП). Им стал консорциум, в который вошли компании Bechtel (США), Battelle (США) и EDF (Франция).

С мая по ноябрь 1998 года завершены тендерные процедуры и подписаны контракты между компанией «Энергоатом» и победителями тендеров на пакеты первоочередных проектов SIP.

Новая арочная конструкция полностью накроет Саркофаг

В марте 2000 года принято постановление № 598 Кабинета министров Украины «О досрочном прекращении эксплуатации энергоблока № 3 и окончательном закрытии ЧАЭС», а в декабре этого же года в 13 часов 17 минут окончательно остановлен реактор 3-го энергоблока. Чернобыльская атомная электростанция прекратила выработку электроэнергии.

В сентябре 2000 года на базе Чернобыльской АЭС создано Государственное специализированное предприятие «Чернобыльская АЭС» (ГСП ЧАЭС) — предприятие по снятию с эксплуатации энергоблоков атомных станций и преобразованию объекта «Укрытие» в экологически безопасную систему. В уставе организации сказано, что Чернобыльская АЭС является эксплуатирующей организацией (оператором) ядерных установок этой АЭС на этапе снятия их с эксплуатации и преодоления последствий запроектной аварии, а также установок по обращению с радиоактивными отходами и хранилищ для их

временного хранения, согласно действующему законодательству Украины.

5 июля 2004 года Кабинет министров Украины подписал распоряжение «Об утверждении технико-экономического обоснования (концептуального проекта) конфайнмента объекта «Укрытие» Чернобыльской АЭС». Разработку концептуального проекта НБК осуществили консорциум компаний Bechtel (США), Battelle (США), EDF (Франция) и украинский консорциум КСК в составе Государственного научно-исследовательского института строительных конструкций (НИИСК), Киевского института «Энергопроект» (КИЭП) и межотраслевого научно-технического центра «Укрытие» (МНТЦ) НАН Украины.

Согласно концептуальному проекту, НБК будет представлять собой арочную конструкцию, которая будет полностью покрывать построенный в 1986 году Саркофаг. Арка будет построена рядом с объектом и затем на него надвинута, при этом трубу, которая сейчас возвышается над «Укрытием», планируется демонтировать. Второй фазой выполнения работ будет разборка тех конструкций, которые составляют сегодняшний объект «Укрытие» уже под самой аркой, поэтому при ее возведении будут монтироваться грузоподъемное и другое необходимое оборудование.

Финансирование строительства будет осуществляться за счет средств Международного Чернобыльского фонда «Укрытие», распорядителем которых является ЕБРР.

В 2007 году Украина подписала контракт о строительстве нового безопасного Саркофага на площадке Чернобыльской АЭС с французским концерном Novarka. Проект оценивают в 490 млн евро. Работы по возведению нового укрытия — гигантской арки высотой 105 метров и шириной 260 метров — начались летом 2010 года и по плану должны завершиться к 2012 году.

ГАЗЕТНЫЕ ХРОНИКИ / Deutsche welle, 21 мая, 2010 г.

Европейский Союз разработал для Украины стратегию социально-экономического развития Чернобыльского региона и зоны отчуждения. Основной акцент в документе сделан на бизнес-потенциале загрязненных территорий.

...На рассмотрение экспертной комиссии было предложено 27 бизнес-проектов.

...Европейские эксперты остановились на трех основных проектах, которые, по их мнению, являются на сегодняшний день самыми выгодными для этого

региона. А именно: производство кирпичей, выращивание рапса и переработка сухой радиоактивной древесины. Первые два проекта будут внедряться в Иванковском районе Киевской области, где определен второй и третий уровни радиационного загрязнения.

Нарисуй мне весну

Нарисуй мне весну со слезами капли,
И звенящий рассвет с нежным солнцем апреля
И прощальный каприз черно-белой метели..
Нарисуй мне страну, где поэт свиристели.
Нарисуй мне пейзаж в освинцованных красках
Где-то тени бегут в спецодежде и масках,
Разбудила в ночи лучевая природа
Лучевые мозги лучевого народа.

Припев: Ах, Чернобыль, планета Чернобыль
Зона смерти и черная был
Ах, Чернобыль, легенда Чернобыль
Я там был, к сожалению был.

Нарисуй «Рыжий лес» – облученные сосны
Запах мертвой земли и безлюдной весны.
Где лишь кашель грудной от избытка озона
Где лишь звезды глядят в эту мертвую зону.
Нарисуй «Саркофаг», где бессонные ночи
И рентгены в костях нарисуй, если хочешь
Кто планету спасал, всех рисуй, чтобы знали
А кто вечно им врал, тем почет и медали.

Припев: Ах, Чернобыль, планета Чернобыль
Зона смерти и черная был
Ах, Чернобыль, легенда Чернобыль
Я там был, к сожалению был.

Нарисуй мне беду и цветы на могиле,
И рентгеновый смерч, что сердцами закрыли
Слезы вдов, матерей, нарисуй если сможешь,
Инвалидов-детей – чем теперь им поможешь.
От волнения в груди барабанит «вибратор»
И «Помянем», сказал инвалид-ликвидатор.
Но слезами с вином только душу промочишь
Стало страшно тебе? Ну рисуй то, что захочешь.

Припев: Ах, Чернобыль, планета Чернобыль
Зона смерти и черная был
Ах, Чернобыль, легенда Чернобыль
Я там был, к сожалению был.
Ах, Чернобыль, жестокий Чернобыль
Сколько жизней сломал и стубил
Ах, Чернобыль, безумный Чернобыль
Я там был, к сожалению был.

Гимн ликвидаторов

1. Строительство Саркофага
2. Концерт А. Пугачевой в Чернобыле. 08.09.86 г.

Спустя без малого четверть века после катастрофы группа железнодорожников побывала в Чернобыле. В ее составе были ликвидаторы аварии на ЧАЭС Владимир Сперанский и Александр Туркулецкий, а также местные журналисты, которые снимали там документальный фильм о ликвидации по сценарию Сперанского.

По рассказам участников поездки, встреча с прошлым вызвала в душе сильные эмоции.

Владимир Константинович Сперанский:

«В Зону нас пропускали исключительно по паспортам. В программе пребывания указаны цель визита и все объекты, которые мы намерены посетить. Наше путешествие в былое началось с аэропорта Борисполь, потом поехали на станцию Тетерев, в бывший отдел кагров УС-605, после — на место бывших пионерских лагерей, где когда-то проживали ликвидаторы. На их месте сейчас сплошной лес, и следов почти не осталось. От «Голубых озер» осталось одно полуразрушенное капитальное здание, и все.

Потом поехали смотреть базу, что была в самом Тетереве. Там тоже все разрушено, а в 86-м там был мощный комплекс. Никому ничего не надо. Остались одни заброшенные железнодорожные ветки, их только и не растащили. Эстакада разгрузочная осталась.

Взгляд сквозь годы

Сама станция Тетерев сегодня — мощнейший железнодорожный узел, принимающий большое количество железнодорожного транспорта.

Для проживания мы остановились в чернобыльской гостинице. Сам город Чернобыль находится в 30-километровой нежилой зоне, но там по-прежнему работают вахтовики. Около 5000 человек. Все сохранившиеся капитальные здания — хрущевки-пятиэтажки, детские сады, школы — заселены рабочими. Все эти дома в хорошем состоянии. Работают два кафе, гостиница, музей. Как ни странно, нет никаких кинотеатров, домов культуры, ничего такого там нет.

На месте бывших событий построена церковь и чернобыльский колокол. До поездки в Зону, я счи-

тал, что «колокол Чернобыля» — условное название, выдуманный символ. А там на самом деле около церкви сделана дорожка в горку, а на горке поставлен колокол.

Сама бывшая АЭС законсервирована и огорожена мощной капитальной стеной с колючей проволокой. И по всему периметру — видеокамеры. Так что за периметр мы не попали, поскольку не имели специального допуска.

Рядом с Саркофагом есть смотровая площадка, на которой создан музей ликвидации. Мы туда поднялись, посмотрели, как строится новый объект укрытия — «Арка». Пока там только копают радиоактивную землю, ту, что мы закапывали. Все рабочие были без защитной одежды

и «лепестков». Фон мы там, конечно, не замеряли, на самой станции он может и нормальный, а вот на могильниках, куда они эту землю увозят, он точно повышенный.

Съездили мы и на могильники, посмотрели разрушенную-поломанную технику. С одной стороны — техника, с другой — горы свежывезенного с ЧАЭС грунта. Там тоже все охраняется, но радиоактивность приличная, у них и дозиметры есть. Получается, что мы тоже там хватали дополнительных рентген.

На эти же могильники теперь свозят отработанное оборудование для газового бурения, внутри которого находится радиоактивный элемент — радий. Я такие неохраняемые свалки труб видел у нас на Диксоне. Тогда я не знал, что это такое.

Саркофаг меня нисколько не поразил, он такой же, как и тогда, никаких трещин на нем, стоит намертво. Если сейчас представить новый взрыв, он разорвет все перекрытия вместе с Аркой, которую сейчас строят, а Саркофаг не разрушится. «Арка» представляет собой легкую металлическую конструкцию. Это чистая защита от распыления и от проникновения влаги внутрь. Вся надежда на Саркофаг, который мы поставили.

На мой взгляд, обрушение Саркофага может произойти только из-за нависающих над ним металлоконструкций, поскольку металл находится в недоступной зоне и разрушается от влаги, движения воздушных масс и радиации, которая внутри Саркофага. За самим покрытием все эти годы тщательно следили. Там сейчас есть УКС по строительству и обслуживанию всех комплексов, стоят санпропускники, пункты дозконтроля. Нашу машину осматривали несколько раз.

Больше всего поразил город Припять. До аварии на ЧАЭС там проживало свыше 40 тысяч человек. Я считал, что на разрушение островка цивилизации уйдет 50–70 лет, но все происходит гораздо быстрее. Прежде асфальтированные дороги превратились в направления, в некоторых общественных зданиях рухнули перекрытия, повсюду природа наступает на городок атомщиков. В Припять вошли и животные — кабаны, лоси и волки. Настоящий город-призрак. Школа, к примеру, практически разрушена — обвалилось перекрытие, на бетонном крыльце растут двухметровые деревья. Мы там сделали много сним-

ков. Впечатления очень сильные. В тридцатикометровой зоне природа возрождается сама».

Александр Васильевич Туркулецкий:

«Чувство гордости вызывает факт, что построенное нами сооружение и сейчас прочно стоит и выглядит прекрасно, крышу на нем подновили и покрасили. Порадовало, что на месте ликвидации сейчас установлен памятник и построен музей, экспозиция которого воссоздала в миниатюре до мельчайших подробностей реакторный зал четвертого энергоблока в момент взрыва.

В самом Чернобыле также построен музей на месте бывшего клуба. Там выставлено в том числе и художественное творчество ликвидаторов. Один пострадавший на аварии для этого музея пишет красивые картины.

На въезде в Чернобыль часть старых деревянных домов уже снесли, нет знаменитого «Быка», его перенесли в другое место, где будет строиться не то парк, не то аллея Славы. Обещают доделывать все к 25-летней годовщине.

Припять — это музей под открытым небом, удручающее зрелище, надо отметить. Там, кстати, сохранился герб Советского Союза. На площади Ленина стоит маленькая часовенка.

Там теперь вообще много разных памятников — на вертолетной площадке стоит, возле пожарной части тоже.

От «Сельхозтехники» ничего и в помине не осталось, один лес на этой большой поляне. На этом месте тоже планируется организация музея под открытым небом.

Словом, из того, что мы видели там и помним, практически ничего сегодня не сохранилось.

Нашей знаменитой трехпалой сосны не стало, там огородили площадку, поставили памятник.

Эстакада разгрузки цемента осталась, базы никакой там уже нет, в Иванково военного городка тоже нет, в котором 20 000 человек раньше проживало. Нет ничего. Лес сплошной. Заросли. А раньше было поле».

Николай Панченко, журналист, самый молодой участник экспедиции:

«Для меня Чернобыль — мрачная легенда. Шанс увидеть все своими глазами выпадает один раз в жизни».

1

2

1. В Чернобыле чтят подвиг ликвидаторов
2. Современный Чернобыль — город мемориалов
3. Колокол Чернобыля возвышется на горке около церкви

АТОМНАЯ ОТРАСЛЬ ПОСЛЕ ЧЕРНОБЫЛЯ

После чернобыльской аварии атомная промышленность всего мира оказалась в серьезном кризисе. Практически все страны приостановили строительство новых атомных энергоблоков, а ряд стран под давлением общественного мнения приняли для себя концепцию постепенного отказа от атомной энергетики в принципе. Одна только Франция сделала нужные выводы и нашла в себе силы продолжить системное развитие атомной энергетики. Это позволило ей создать замкнутый ядерный топливный цикл и стать лидером. Французы не испугались остаться в одиночестве и сегодня пожинают заслуженные плоды — 85% энергобаланса этой страны составляет атомная генерация энергии.

Общая ситуация в мире коренным образом изменилась только двадцать лет спустя после Чернобыля. Атомный ренессанс стал неизбежен, как только правительства ведущих промышленно развитых стран осознали угрозу глобального энергетического коллапса.

Первые модернизации

До чернобыльской аварии никто в мире не предполагал и не просчитывал такой ситуации, которая случилась 26 апреля 1986 года. Уран-графитовые реакторы были во всех странах ядерного клуба, и максимальной проектной аварией на таком реакторе считалась потеря воды, то есть — разрыв питающего трубопровода. В этом случае активная зона плавилась, реактор приходил бы в негодность, но такого масштабного выброса радиоактивных веществ не было. Поэтому первый оргвывод из Чернобыля был сделан как раз по позиции «максимальная проектная авария» — МПА.

Незапланированный характер максимальной аварии, а назвать ее проектной в данном случае неправомерно, вызвал к жизни решения, которые целевым образом были призваны не допустить подобную ситуацию техническими средствами.

Это касалось всех важнейших барьеров безопасности:

- автоматической защиты непосредственно реакторной установки с исключением «человеческого фактора»;

- защитной оболочки реактора, способной выдерживать взрыв, подобный чернобыльскому;

- автоматической системы контроля радиационной обстановки в 30-километровых зонах вокруг ядерных объектов.

Последний пункт важен, как независимое «контролирующее око». Сегодня в России создана система АСКРО — автоматическая система контроля радиационной обстановки. Датчики системы расположены в зонах наблюдения ядерных объектов, информация с них в режиме реального времени поступает в Ситуационно-кризисный центр Росатома, кроме того,

любой пользователь интернета может следить за радиационной обстановкой в режиме настоящего времени. Наличие системы АСКРО также обеспечивает возможность очень быстрого принятия решения о защите населения в случае повышения фона.

Согласно выводам комиссии Госпроматомнадзора СССР, отраженным в докладе 1991 года, непосредственной технической причиной взрыва стал недопустимо малый оперативный запас реактивности — ОЗР. Фактически, скорость разгона реактора зависит от наличия в активной зоне стержней системы управления и защиты — СУЗ (есть много вариантов названий стержней-поглотителей — РР, УСП, и так далее, для удобства будем использовать «обобщающий» термин — СУЗ). Эти стержни поглощают нейтроны, и таким образом их количество в активной зоне регулирует и саму мощность и скорость роста мощности.

Минимально допустимый ОЗР определяется таким образом, чтобы скорость набора мощности с определенным запасом соответствовала времени срабатывания защиты реактора. По конечному итогу, на четвертом блоке ЧАЭС операторы создали ситуацию, когда почти все стержни СУЗ были выведены из активной зоны. И когда начался разгон реактора, то из-за недопустимо малого ОЗР он происходил слишком быстро для того, чтобы успела сработать аварийная защита.

Здесь совпали две ошибки — ошибка персонала, который оставил активную зону без тормозов, целиком и полностью нарушив 6-ю Главу регламента (подъем мощности реактора и пуск блока после кратковременной остановки...), и ошибка проектировщиков реактора, которые не заблокировали намертво возможность сделать это в ручном режиме.

Соответственно, первые выводы касались устранения человеческого фактора техническими средствами. Для этого:

- на всех реакторах РБМК верхние концевые выключатели переставили таким образом, что в крайнем верхнем положении стержни СУЗ входят в активную зону на 1,2 метра, это обеспечило необходимую эффективность СУЗ;

- оперативный запас реактивности, компенсируемый стержнями СУЗ увеличен до 43 — 48 стержней ручного регулирования (для РБМК-1000);

- реализована схема ввода укороченных стержней-поглотителей в активную зону по сигналу АЗ (эта схема спасла бы чернобыльский реактор после нажатия АЗ-5);

- обеспечена текущая индикация ОЗР (ранее персонал ЧАЭС ссылаясь на то, что не видел того, что ОЗР критически мал — на 26.04.86 расчет ОЗР действительно проводился раз в 15 минут, однако у операторов всегда были под глазами приборы, показывающие реальное положение стержней, и когда они все на верхних концевиках, нельзя не понимать, что ОЗР катастрофически мал);

— предусмотрена «не отключаемая» автоматическая остановка реактора при снижении ОЗР до 30 стержней (ранее порогом считалось 15 стержней и Технологический регламент предписывал в этом случае глушить реактор персоналу, теперь это делает автоматика, вне зависимости от желаний оператора проводить эксперименты);

— модернизированы сервоприводы стержней СУЗ, более чем в два раза сокращено время их полного ввода в активную зону;

— активная зона серьезно пополнилась датчиками, которые контролируют энерговыделение по всему объему активной зоны;

— активную зону снабдили дополнительными поглотителями (постоянно действующий «тормоз» по скорости разгона);

— увеличено обогащение топлива РБМК, что снизило положительный паровой коэффициент реактивности (наличие этого параметра рассматривается как одна из причин разгона реактора);

— графитовые вытеснители каналов стержней СУЗ зафиксировали в крайнем нижнем положении, лишив возможности перемещения (именно перемещение графитовых вытеснителей и связанный с этим кратковременный всплеск мощности в нижней части активной зоны многими был интерпретирован как исходное событие аварии после нажатия АЗ-5);

Кроме этого был проведен большой комплекс мероприятий научно-технического и организационного характера.

Все эти меры защиты снизили эффективность РБМК на 10%, но сегодня повторить чернобыльский эксперимент вряд ли по силам даже группе хорошо подготовленных диверсантов. Реакторы РБМК больше не строят, что касается водо-водяных реакторов — ВВЭР-1000, составляющих основной парк атомной энергетики России, то у них совсем другая конструкция активной зоны и физика реактора. Там попросту нет графитовой кладки, пыль от которой стала основным поражающим фактором в Чернобыле.

По мнению Льва Дмитриевича Рябева, являющегося на сегодняшний день советником главы Госкорпорации «Росатом», повторение чернобыльской аварии в современной российской атомной отрасли попросту исключено: «Шла сверхинтенсивная работа, чтобы подобная ситуация не повторилась. Не только на атомных электростанциях, но и на атомных подводных лодках, на атомном ледокольном флоте. Эта работа была главной для всех нас, начиная с 1986-го года, и почти 100% времени мы уделяли тому, чтобы в кратчайшие сроки с этой гигантской работой справиться. И все наши средмашевские коллективы с этой задачей справились. Принципиальное отличие в том, что сегодня подобная ситуация исключена техническими средствами. Человеческий фактор сведен

к минимуму. Я не хочу сказать, что мы исключили любую аварию, но авария типа чернобыльской исключена техническими средствами.

После чернобыльской аварии огромная работа была проведена по совершенствованию нормативной базы, в том числе, и по ее сопоставлению с тем, что имело место в международной практике. Так как после Чернобыля Запад нас уже «боялся», то были созданы различные международные комиссии, с которыми необходимо было взаимодействовать. Эти комиссии состояли из очень квалифицированных специалистов, и нам тогда было оказано не только научно-техническое содействие, но и в некоторых случаях оказывалась помощь и при закупках оборудования. Мы вместе с ними смотрели наши АЭС и, в отличие от предыдущего периода, были гораздо более открыты для взаимодействия, сотрудничества и наблюдения. Надо сказать, что на нас был огромный нажим, с тем, чтобы закрыть все блоки «типа чернобыльского». Но в конечном итоге — и технически, и научно, и организационно, и непосредственно демонстрацией на наших АЭС, — было доказано, что наши станции по безопасности не уступают тому, что есть на Западе. И это была не наша оценка, это была оценка абсолютно независимых западных экспертов, и они дали по этому поводу соответствующее ПИСЬМЕННОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Но — нельзя успокаиваться, вот это — центральный вопрос. Самоконтроль должен быть постоянно. И постоянно должен быть независимый атомный надзор».

Одновременно с техническими мероприятиями строилась новая нормативная база и создавалась новая структура атомной энергетики. Со всей очевидностью, строительством и эксплуатацией атомных электростанций должны были заниматься люди, имеющие «ядерный менталитет». Уже 21 июля 1986 года все атомные электростанции СССР были выведены во вновь созданное Министерство атомной энергетики. Новую структуру возглавил бывший директор реакторного завода ГХК, а затем директор Ленинградской и Игналинской АЭС Николай Луконин. В качестве «заказчика» он принимал объект «Укрытие», закрывший аварийный блок.

Через три года атомная энергетика окончательно вернулась в родное министерство, но называлось оно теперь по-другому. Бренд Минсредмаша был аннулирован Горбачевым и Рыжковым, решение принимали на Политбюро, просто поставив атомщиков в известность. В результате объединения Министерства среднего машиностроения и Министерства атомной энергетики было образовано Министерство атомной промышленности и энергетики — Минатом.

Как бы там ни было, но атомные энергоблоки оказались под надежным контролем атомных специалистов.

Технические выводы относительно безопасности реакторов после Чернобыля касались не только реакторов РБМК, но и всех типов реакторов и ядерно-опасных объектов.

Этого запаса прочности хватило, чтобы безаварийно пережить экономический и политический кризис 1990-х годов. В этот период атомное министерство переживало серьезную моральную депрессию. Казалось, что после Чернобыля нет никаких перспектив, многие предприятия и институты утратили госзаказ и занялись конверсионными направлениями, которые не шли ни в какое сравнение с теми технологиями, которые были созданы в атомной отрасли. Но даже в этих условиях не было допущено значимых инцидентов, все ядерное оружие СССР было «репатрировано» в Россию, ядерные материалы остались под замком, а атомные электростанции обеспечивали 1/6 часть генерации электроэнергии страны.

Палочкой-выручалочкой стал контракт «Воу-ноу», по которому Россия стала поставлять ядерное топливо для США. Черномырдин подписал соглашение о продаже американцам части наших запасов оружейного урана, но Минатом не выполнил этот приказ. Весь уран оружейной концентрации был «разбавлен» до энергетического на предприятиях сублиматно-разделительного комплекса и продан в топливном обогащении по рыночным ценам. Эти деньги спасли отрасль.

В 1990-х годах Минатом завоевал 40% мирового рынка энергетического урана. Главную роль здесь сыграла наша центрифужная технология обогащения урана, которая в разы превосходила зарубежную термодиффузионную и электромагнитную по себестоимости и энергозатратам.

Несмотря на смутные времена, в России был создан специализированный независимый надзорный орган — необходимый элемент системы общей технической безопасности. Система независимого атомного надзора начала формироваться еще до Чернобыля, но не успела развернуться и обрести необходимые штаты, регламенты и полномочия.

Сегодня Ростехнадзор в области атомной промышленности и энергетики лицензирует следующие направления:

1. Размещение, сооружение, эксплуатация и вывод из эксплуатации ядерных установок, радиационных источников и пунктов хранения ядерных материалов и радиоактивных веществ, хранилищ радиоактивных отходов.

2. Обращение с ядерными материалами и радиоактивными веществами, в том числе при разведке и добыче урановых руд, при производстве, использовании, переработке, транспортировании и хранении ядерных материалов и радиоактивных веществ.

3. Обращение с радиоактивными отходами при их хранении, переработке, транспортировании и захоронении.

4. Использование ядерных материалов и/или радиоактивных веществ при проведении научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ.

5. Проектирование и конструирование ядерных установок, радиационных источников, пунктов хранения ядерных материалов и радиоактивных веществ, хранилищ радиоактивных отходов.

6. Конструирование и изготовление оборудования для ядерных установок, радиационных источников, пунктов хранения ядерных материалов и радиоактивных веществ, хранилищ радиоактивных отходов.

7. Проведение экспертизы проектной, конструкторской, технологической документации и документов, обосновывающих обеспечение ядерной и радиационной безопасности ядерных установок, радиационных источников, пунктов хранения ядерных материалов и радиоактивных веществ, хранилищ радиоактивных отходов, деятельности по обращению с ядерными материалами, радиоактивными веществами и радиоактивными отходами.

Лицензия Ростехнадзора может быть выдана только после прохождения Главгосэкспертизы. Любой проект проходит независимую оценку технологии, регламента, оценку воздействия на окружающую среду (ОВОС) с прохождением общественных слушаний, обоснование инвестиций (ОБИН) и так далее.

Железнодорожники в шутку говорят, что если бы с такими условиями лицензирования строили раньше, то ГХК сдавали бы до сих пор. Однако времена изменились. Тотальная собранность и ответственность людей на старте Атомного проекта позволяла рассчитывать на них, как на гранитное основание. Сегодня действует «правило Буша» — доверяй, но проверяй. Эксперт надзорного органа, который ставит подпись под лицензией, несет за нее уголовную ответственность, и Ростехнадзор не только выдает лицензии, но и постоянно контролирует текущую деятельность атомных предприятий.

МАГАТЭ

Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ) при Организации объединенных наций, отреагировало на события в Чернобыле как должно. Было бы неправильно думать, что авария на Чернобыльской АЭС была бы невозможна в любой другой стране мира, развивающей атомную энергетику. Также неверно полагать, что любая другая страна мира была бы лучше готова к ликвидации последствий такой аварии. Скорее наоборот, в 1986 году Советский Союз был той страной, а Минсредмаш был той организацией, которые справились с этой задачей наиболее эффективно.

МАГАТЭ сформулировало 10 общих проблем, которые нашли отражение в итоговом докладе Венской конференции 1986 года (INSAG-1).

Проблема № 1. Оценка регламентов безопасности.

Поскольку непосредственной причиной аварии стало нарушение целого ряда правил эксплуатации, необходимо было заострить внимание на устранение «человеческого фактора», влияющего на возникновение и развитие аварийных процессов.

Эта проблема требует особого комментария. Если во времена Атомного проекта главной задачей было создание атомной бомбы, то Чернобыль серьезно изменил приоритеты. В докладе МАГАТЭ специально отмечено, что системы безопасности реактора РБМК проектировались в те времена, когда автоматика еще не была развита должным образом. Тогда реакторы были «штучным товаром» и надежность действий сменного персонала была гораздо выше, чем действия несовершенной автоматики. К 1980-м годам в мировой практике обозначились два подхода к тому, кем является оператор на реакторе.

Советский принцип: оператор — это высокоинтеллектуальный инженер, способный принимать решения по обстоятельствам. Американский принцип: оператор — это человек, неукоснительно исполняющий написанные инструкции, который не вправе сам принимать какое-либо решение, выходящее за их рамки.

В соответствии с этими парадигмами в наших странах и произошли самые крупные радиационные аварии. Если бы на «Трехмильном острове» сидела советская смена, то они бы минут за 15 установили, что обратный клапан вышел из строя и простыми действиями остановили бы развитие аварийного процесса. Американская смена несколько часов листала свои инструкции, и дождалась того, что у них расплавилась половина активной зоны. Ну а если бы на 4-м чернобыльском блоке сидела американская смена, то реактор намертво заглушили бы еще ночью 25-го апреля по параметру «недопустимо малый ОЗР», а для успокоения «начальства», требующего проведения испытаний, был бы вызван наряд полиции.

МАГАТЭ вынесло эту проблему под номером один — технический регламент должен исключать развитие аварийного процесса как «советского», так и «американского» типов.

Проблема № 2. Рабочий анализ последовательности событий при аварии.

После чернобыльской аварии советскими специалистами были созданы математические модели, которые позволили просчитать развитие аварийного процесса. МАГАТЭ, рассмотрев эти модели, пришло к выводу о необходимости создания подобных моделей для всех действующих и перспективных станций. Подобное моделирование способно минимизировать и предотвратить как технические ошибки проектирования, так и ошибки регламента эксплуатации.

Проблема № 3. Реальность создания защитной оболочки, способной выдержать такую аварию.

Многие советские эксперты высказали мнение, что никакой контайнмент не смог бы выдержать черно-

быльский взрыв. Это довольно странный вывод, на самом деле имеющий скорее политическую, нежели экспертную окраску. Как минимум одно такое укрытие существует в реальности. Правда, это уникальный технологический опыт человечества, но подземные сооружения Железногорского горно-химического комбината подобный взрыв выдержали бы без видимого напряжения. Хотя бы потому, что при производстве выработок, когда дробили скальную породу, одновременная закладка взрывчатки в шурфы была соизмерима с мощностью такого взрыва. Разумеется, повторить подгорную часть ГХК сегодня вряд ли кому по силам, но создание внятной защитной оболочки, купирующей, в общем-то, не столь мощный по механическим последствиям взрыв, вряд ли представляет собой серьезную проблему. Как бы там ни было — создание защитных оболочек соответствующей мощности было регламентировано МАГАТЭ.

Проблема № 4. Значение взаимодействия «человек-машина» для точного определения начала аварии.

Эта проблематика в чернобыльском докладе была скорее взята из опыта аварии на американском «Три-майл-Айленде» («Трехмильный остров»). Суть проблематики — все станции должны быть сконструированы таким образом, чтобы информация оператору поставлялась в предельно ясной форме и в реальном режиме времени. Авария на «Трехмильном острове» была как раз такой — персонал станции попросту несколько часов не мог понять, что, собственно, происходит. Этот пункт хорошо иллюстрирует тот факт, что МАГАТЭ на основе нашей аварии мобилизовалось по «всем фронтам». Применительно к Чернобылю этот пункт отражает требование того, чтобы персонал в режиме реального времени видел текущий оперативный запас реактивности.

Проблема № 5. Совершенствование теоретических знаний для оценки «Характеристик радиоактивного выброса».

Чернобыльская авария стала важным объектом научных исследований, которые никто бы не смог провести иначе. Характеристики радиоактивного выброса Чернобыля, поведение радиоактивных нуклидов дали основание для многих проектных решений в области безопасности.

Проблема № 6. Меры по ликвидации аварии на площадке.

Практически все АЭС являются многоблочными, и при аварии на одном из блоков следует увязывать работу остальных блоков с необходимостью ликвидации последствий. Применительно к Чернобылю — третий блок, который находился «через стенку» от аварийного, «хорошо было бы» остановить сразу, но этого нельзя было сделать как минимум до ликвидации пожара, поскольку он был завязан на потребности пожарных расчетов — подачу воды, электричества и так далее. Этот пункт прямо свидетельствует о том, что МАГАТЭ более

чем детально «прошерстило» свои представления о безопасности не только в части недопущения инцидентов, но и в части «если что-то все же случится».

Проблема № 7. Опыт в области эксплуатационной безопасности.

Оповещение и обмен данными по ошибкам операторов «всех стран» был признан важной частью проектирования и эксплуатации АЭС. Одновременно этим пунктом МАГАТЭ дипломатично упрекнуло советских специалистов, которые сообщили, что за время эксплуатации РБМК у нас не было событий, которые можно было бы рассматривать как «предвестников» Чернобыля. На основе наших же документов было отмечено, что события на Курской АЭС «представляют чрезвычайно большой интерес для изучения некоторых важных переходных режимов Чернобыльской АЭС». Вопрос оценочный, но профессиональная сеть по вычислению «предвестников» стала важным элементом системы безопасности.

Проблема № 8: Дезактивация площадки.

В этом пункте МАГАТЭ, очевидно впечатленное результатами дезактивации Чернобыльской площадки, по сути, просит поделиться средмашевским ноу-хау: «Безусловно, технические специалисты проявляют большой интерес к получению какой бы то ни было информации... о методах по снижению радиоактивности...». Разумеется, «технология уборки» должна быть на высоте, независимо от того, возможна в принципе авария или нет. И хоть наш опыт и печальный, но по техническим результатам наши методы дезактивации были признаны лучшими.

Проблема № 9. Модели прогнозирования рассеивания радионуклидов.

Это программа расчета рассеивания радионуклидов в окружающей среде, в зависимости от погодных условий. Более чем логичное продолжение создания архитектуры общей ядерной безопасности. Если что-то произошло, то необходимо мгновенно оценить, сколько и куда «упадет», и соответственно, это дает основания для принятия решения о том, кого и куда надо эвакуировать, если такая необходимость вдруг возникла.

Проблема № 10. Радиационная защита.

В принципе пункт говорит сам за себя. Понятно, что международное сообщество извлекло очень серьезные уроки из этой аварии. Спустя 4 года в докладе INSAG-7 некоторые позиции INSAG-1 в части анализа причин были пересмотрены с учетом «новых данных». В частности, обвинения в «низкой культуре» были с персонала станции распространены и на проектировщиков и конструкторов, поскольку «концевой эффект» СУЗ был обнаружен еще в 1983-м году на Игналинской АЭС, но главный конструктор реактора не принял своевременных мер по устранению этого недостатка.

МАГАТЭ не ограничилось только изучением проблемы Чернобыля. Эта авария стала отправной точкой в формировании глобальной системы ядерной безо-

пасности. Был создан общий классификатор — шкала ИНЕС, по которой отчитываются предприятия атомной промышленности (например, по итогам 2010 года на Горно-химическом комбинате не было ни одного события, выходящего за рамки балла «ноль» — безаварийная работа). Подписаны конвенции и приняты резолюции, которые в совокупности образуют систему международного взаимодействия и взаимопомощи в области атомной энергетики. Созданы системы «эшелонированной отчетности», которая по набору инцидентов позволяет прогнозировать предаварийное состояние какого-либо объекта. Сформированы общие требования к системам безопасности и защиты ядерных установок, и национальные операторы лицензирования (например, Ростехнадзор) не могут понижать эти требования.

Реакция на местах

Не так уж и давно Красноярский край узнал, что имеет на своей территории мощнейшие атомные производства. До 1990-х годов мало кто знал что-то внятное о Горно-химическом комбинате в Красноярске-26. Электрохимический завод в Красноярске-45 «открыто» заявил о себе лишь в эпоху видеобума, когда там наладили производство известных VHS-кассет ЕСР.

Тем не менее, Горно-химический комбинат (ГХК) в Железногорске и Электрохимический завод (ЭХЗ) в Зеленогорске в совокупности составляют практически полный набор атомных технологий, который имеют лишь большая пятерка ядерных держав. ГХК был создан в цепочке плутониевой бомбы, ЭХЗ — урановой бомбы. Оба предприятия создавались по итогу Атомного проекта СССР и стали своего рода индикатором безопасности, где был учтен опыт становления предшественников.

Красноярские предприятия были в числе особо значимых. Знаменитый министр Средмаша Ефим Павлович Славский настолько любил бывать в Железногорске и столько сделал для его развития, что был избран первым почетным гражданином города.

Обогащение урана, которым занимается ЭХЗ, — ультрасложная технология, но это производство не представляет собой сколько-нибудь заметной радиационной опасности. Уран — тяжелый металл с низкой альфа-активностью. Другое дело — облученный уран. Побывав в реакторе, СУБ (стандартный урановый блок) становится ОСУБ (облученный СУБ). Теперь в этом блочке, помимо природного урана, содержится плутоний, ради которого все и затевается, а кроме того — осколки деления ядер урана, которые и дают смертельно опасную радиоактивность.

«Варить» плутоний в реакторах и извлекать его на радиохимическом производстве было специальностью ГХК. Строго говоря, плутоний образуется в любом реакторе на любом урановом топливе, но здесь

очень важен изотопный состав. «Оружейными» являются только нечетные изотопы, в нашем случае — плутоний-239. Плутоний с обычных энергетических реакторов забит 240-м изотопом и «хорошую» атомную бомбу из него не сделаешь. Выдержать режимы «варки» оружейного изотопа — это технологическое искусство, которым очень хорошо владели на ГХК. Красноярский плутоний был лучшим в Союзе, а возможно и в мире, если бы была возможность провести сравнительный анализ.

Плутоний в несколько раз более эффективная ядерная взрывчатка, чем уран, но оборотной стороной этой технологии является высокая радиоактивность облученных компонентов, чего нет при обогащении урана. Кроме того, ключевое слово при наработке плутония — реактор. Причем реактор уран-графитовый, как РБМК.

Когда случился Чернобыль, Горно-химический комбинат по-новому посмотрел на свои реакторы-наработчики: АД, АДЭ-1 и АДЭ-2. Два из них имели букву «Э» — энергетический, но как атомная теплоэлектроцентраль работал только АДЭ-2.

В атомном министерстве хорошо налажена система оповещения об авариях. Если на каком-нибудь объекте Минсредмаша случался инцидент, то об этом немедленно извещались все предприятия, даже не имеющие никакого отношения к тому процессу, где произошел сбой. Таким образом задействовался весь интеллектуально-технический потенциал отрасли и создавался менталитет безопасности. Когда прошел чернобыльский сигнал, то, естественным образом, под самым пристальным вниманием оказались все реакторы, а уран-графитовые, как РБМК, в особенности.

И вот показатель системы качества ядерного оборонного комплекса: пересмотрев всё-всё-всё, на Горно-химическом комбинате ничего принципиально не изменили. «Взбодрили» общую дисциплину, и всё — система была безупречна, насколько могут быть безупречны технические системы. Горно-химический комбинат был единственным предприятием отрасли, где за всю историю не было ни одной СЦР — самопроизвольной цепной реакции.

Несколько позже, когда после научных и конструкторских проработок дошла уже волна общепромышленной реакции на Чернобыль, главный конструктор реакторов АДЭ — Особое конструкторское бюро машиностроения (ОКБМ) имени Африкантова в Нижнем Новгороде — добавили в реакторы стержней управления и защиты. По большому счету, это было дутье на воду, когда кто-то обжегся на молоке.

Дополнительные стержни СУЗ увеличили глубину подкритичности реакторов и скорость ввода отрицательной реактивности, то есть в остановленном состоянии реактор стал не просто заглушен, а «вообще заглушен», а при эксплуатации не просто безопасен, а «вообще безопасен». Реакторы АД и АДЭ-1 Горно-химического комбината были прямоточными и исполь-

зовались только для наработки плутония оружейного качества. Оба они были остановлены в 1992 году в отличном техническом состоянии, проработав по полтора проектных срока.

Реактор АДЭ-2, любимая «печка» Железногорска, работал в режиме замкнутой циркуляции теплоносителя и, нарабатывая плутоний, отапливал город и производил электроэнергию. Как базовый теплоисточник Железногорска, он был остановлен только 15 апреля 2010 года, этого требовали международные обязательства России, подтвержденные на уровне президентов. Но даже без политического решения реактор было пора останавливать — ресурсная комиссия Росатома определяла ему еще как минимум год безопасной эксплуатации, но доводить технику до предельного ресурса в атомной отрасли не принято. Безаварийно проработав 46 лет и установив мировой рекорд продолжительности эксплуатации, АДЭ-2 был остановлен в исправном техническом состоянии, имея в запасе год разрешенного ресурса. Это тоже показатель качества: реакторы-наработчики плутония в США, например, работали максимум по 8–10 лет.

Все реакторы ГХК, но в особенности АДЭ-2, внесли вклад в повышение уровня безопасности реакторов РБМК атомных электростанций. На АДЭ-2 проводились научно-технические работы по изучению состояния элементов конструкции, которые позволили обосновать продление сроков службы уран-графитовых реакторов. За эти работы группа ученых и инженеров из ОКБМ им. Африкантова (главный конструктор), РНЦ «Курчатовский институт» (научный руководитель) и ГХК (эксплуатирующая организация) были удостоены премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники за 2009 год.

15 апреля 2010 года на пятаке реактора АДЭ-2 собрались ветераны, персонал реакторного завода, почетные гости. Даже опуская мощность последний раз, это делали не кнопкой АЗ за 10 секунд, а в соответствии с технологическим регламентом выхода на ППР. Люди 30 минут стояли вокруг пятака агрегата, который 46 лет был гордостью отрасли — третий, а по сути, первый атомный энергоблок СССР промышленной мощности, единственный в мире подземный энергоблок, первый атомный реактор, который был использован в качестве теплоисточника для отопления города — у АДЭ-2 было много титулов. В глазах людей стояли слезы. Ровно в 12.00 на мощности 5% от номинала СИУР нажали кнопку АЗ и все стержни СУЗ дошли до нижних концевых выключателей. В мире завершилась эпоха промышленных уран-графитовых реакторов. АДЭ-2 был последним наработчиком оружейного плутония из времен большого ядерного противостояния, одним из тех, на которых мы выстояли в «холодную» войну, не допустив, чтобы она стала «горячей». И еще долго созданный ядерный щит будет основой свободы и независимости нашей страны.

15 апреля 2010 года состоялась торжественное закрытие реактора АДЭ-2 в г. Железногорске

Стратегия Госкорпорации

После 1990-х годов атомная отрасль по-прежнему существовала в форме министерства, но правовое пространство за прошедшее десятилетие настолько изменилось, что для эффективного развития Минатома пришлось бы переписывать половину федеральных законов. Кроме того, возможности министерства времен СССР и министерства в его современной форме — «две большие разницы».

Это была очень серьезная задача — создать структуру, которая объединила бы предприятия атомной отрасли в единый и эффективный, а самое главное — внутренне безопасный «народно-хозяйственный» механизм, способный стать технологическим и экономическим локомотивом национальной промышленности.

Для решения этой задачи Владимир Путин, в 2005 году занимавший пост Президента России, выбрал своего представителя в Поволжском Федеральном округе Сергея Кириенко. Положение атомной отрасли в целом на тот момент было незавидным. Более или менее благополучными были предприятия, имеющие разделительные производства и производящие обогащенный уран или готовые ТВС. Дивизион АЭС, производящий и продающий электроэнергию, также чувствовал себя относительно неплохо, но перспектив не было никаких, а проблемы только нарастали. Реакторы вырабатывали свой ресурс, ничего взамен не строилось, технологии обращения отработанного ядерного топлива и вывода из эксплуатации пребывали в состоянии «отложенного решения». Разумеется, Минатом планировал свое будущее, но, по большому счету, это были планы технического свойства, обеспечивающие контроль и безопасность ядерных объектов. Государство еще не решалось откры-

то заявить о масштабных планах по реформированию атомной отрасли, потому что не было уверенности в поддержке общества. Но самое главное — основная задача по созданию ядерного щита была уже решена, а новой глобальной задачи никто не определил. Задачи атомной отрасли всегда ставило государство, но времена изменились, и теперь уже самим атомщикам надо было решать, что со всем этим делать.

Сергей Кириенко на момент назначения уже был опытным руководителем высшего уровня, но для того чтобы возглавить атомную отрасль, ему пришлось очень интенсивно учиться, а потом сдавать очень серьезные экзамены. В атомном ведомстве лицензии получают не только ядерные установки, но и руководители.

Первое, что предстояло сделать новому руководителю атомной отрасли — достичь состояния определенности. Нужна была идеология, схема развития и взаимодействия сотен предприятий отрасли, причем не ниже уровня Министерства среднего машиностроения СССР. Если попробовать себе представить масштаб этой задачи в деталях, то сразу станет понятно, почему возник термин «Атомный проект-2».

С 2005 по 2010 годы Росатом осуществил ревизию всего атомного хозяйства. «Инвентаризовано» наследие оборонной программы, которое подлежит выводу из эксплуатации. Определены мощности и ресурсы, которые необходимы для поддержания на должном уровне ядерного арсенала. Произведены необходимые анализы и оценки, поставлены цели и задачи. Решен вопрос финансирования развития отрасли. По сути, произошла инсталляция Росатома как субъекта современного экономического пространства.

На начальном этапе инструментом финансирования атомной отрасли стали Федеральные целевые програм-

мы (ФЦП). Первой стала ФЦП по обеспечению ядерной и радиационной безопасности, следующей — ФЦП по созданию технологий нового поколения.

Национальный престиж и национальная гордость — это то, что формирует смысл жизни государства, и сегодня Росатом защищает честь страны на высшем уровне. Новый «старый» бренд «жили долго и счастливо» после эпохи противостояния стал новым смыслом. В соперниках здесь был уже не Пентагон, а международные альянсы Toshiba-Westinghouse, GE-Hitachi, AREVA-Mitsubishi. И смысл конкуренции сегодня уже не в праве на жизнь, как во времена атомного противостояния, а в качественном обустройстве самой жизни.

Росатом определил свои цели в корпоративной стратегии. Всего их семь:

1. Эффективное обеспечение экономики страны электроэнергией, производимой на АЭС.
2. Обеспечение геополитических интересов страны и достижение лидирующих позиций российских компаний на мировом рынке ядерных услуг и технологий.
3. Поддержание ядерного арсенала на уровне, гарантирующем проведение политики ядерного сдерживания.
4. Обеспечение ядерной и радиационной безопасности объектов использования атомной энергии, персонала, населения и окружающей среды.
5. Создание инновационных ядерных технологий и расширение их использования в различных отраслях экономики.
6. Повышение эффективности деятельности Корпорации.
7. Обеспечение общественной приемлемости развития атомной энергетики.

Но главным и безусловным приоритетом атомной отрасли сегодня является безопасность, о чем постоянно говорит глава Росатома Сергей Кириенко.

Атомные предприятия Красноярского края напрямую задействованы в реализации всех пунктов стратегии атомной отрасли.

Эффективное обеспечение экономики электроэнергией АЭС возможно при определенном «масштабном» эффекте, и здесь целевая задача генерирующих предприятий атомной энергетики — иметь не менее 100 гигаваттных энергетических реакторов. Но такое количество энергоблоков обеспечивает не только прекрасную экономику процесса, но и влечет за собой заметное увеличение количества ОЯТ, которое надо куда-то девать. Хранилища ГХК, «мокрое» и «сухое», рассчитаны на то, чтобы забрать ОЯТ с уже действующих реакторов до момента их остановки, и ничего с новых реакторов они забрать не смогут. Таким образом, масштабный рост атомной энергетики невозможен без завода по регенерации топлива РТ-2, где будет перерабатываться ОЯТ энергетических реакторов. РТ-2 планируется построить на ГХК.

Обеспечение геополитических интересов России — это изначальное предназначение Горно-химического

комбината и для него оно будет актуально, пока существует созданный здесь плутоний. Но сегодня к оборонному аспекту геополитики добавляется еще и экономический, роль которого будет только возрастать. И здесь очень много зависит от того, насколько эффективно ГХК обеспечит регенерацию топлива и эффективную изоляцию неликвидных отходов.

Поддержание ядерного арсенала традиционно не комментируется, но эту задачу никто не отменял.

Обеспечение ядерной и радиационной безопасности, это общая задача для всех предприятий отрасли, и здесь максимально большой простор для развития технологий. Ядерная безопасность блокирует возникновение ситуаций СЦР (самопроизвольной цепной реакции) и не допускает проникновение радионуклидов в окружающую среду.

Задачи естественным образом взаимосвязаны. Завод РТ-2, который будет создан на ГХК, имеет фундаментальное значение в области обеспечения радиационной безопасности для всей отрасли. К слову сказать, сегодня атомная промышленность — единственная, которая концентрирует и изолирует свои отходы. Остальные отрасли предпочитают рассеивать их в окружающей среде «до безопасных концентраций».

Создание инновационных ядерных технологий — на этапе промышленной реализации рождается едва ли не больше ноу-хау, чем в институтах. На Горно-химическом комбинате сегодня идет создание производств, которые по уровню технологий являются следующим поколением относительно действующих французских аналогов. Наиболее наукоемкие проекты это работа с МОКС-топливом и Опытно-демонстрационный центр по радиохимической переработке ОЯТ.

Повышение эффективности деятельности Госкорпорации «Росатом» естественным образом складывается из эффективности действия ее предприятий. Как субъекты Росатома, предприятия должны иметь современную экономическую инфраструктуру, позволяющую вести контракты самого высокого уровня. И здесь Горно-химический комбинат удерживает одну из лучших позиций в отрасли. Оставаясь Федеральным государственным унитарным предприятием (ФГУП), ГХК убедительно демонстрирует, что на этапе масштабного промышленного строительства, форма «госпредприятия» обеспечивает заметно большую эффективность как производства, так и контроля.

И, наконец, к обеспечению общественной приемлемости развития атомной энергетики Горно-химический комбинат тоже имеет самое прямое отношение. Лучшее доказательство безопасности — опыт безаварийной работы ядерно-опасного объекта, и лучшее место для обретения такого опыта — «гора» ГХК. Это уникальное подземное сооружение — лучший инструмент для обеспечения общественной приемлемости. 200 метров гранита над потолком опытного производства убедят любого в его безопасности.

Модель современной атомной электростанции

Реальные источники энергии

Уровень жизни на Земле определяется количеством потребляемой энергии. За последние 150 лет потребление энергии в мире возросло примерно в 20 раз, а численность населения планеты — в 4 раза. Очевидно, что уровень потребления будет расти в дальнейшем, и в первую очередь, за счет развивающихся стран.

***Энергия** — единая мера разных форм движения и взаимодействия материи. Закон сохранения энергии утверждает, что энергия не возникает из ничего и не исчезает, а может переходить из одной формы в другую. Существует довольно много форм энергии, большинство из которых так или иначе используются в энергетике и различных современных технологиях.*

Источники энергии могут быть возобновляемыми, например, энергия солнца, воды, ветра и т. д., и невозобновляемыми — уголь, газ, торф, нефть, древесина, уран, при использовании теряются безвозвратно.

В настоящее время и ближайшие лет пятьдесят основное количество энергии получают и будут получать за счет невозобновляемых источников энергии. Их процентное соотношение на сегодняшний день выглядит так: уголь — 40, нефть — 10, природный газ — 14, гидроэнергия — 17, ядерная энергия — 17, ветровая энергия — 1, солнечная энергия — 1.

У каждого из этих источников энергии есть свои плюсы и минусы. У них разная теплотворная способность и разные коэффициенты выброса углекислого газа (CO_2).

Теплотворная способность — количество энергии, выделяемое при сжигании 1 кг топлива. Выбросы (CO_2) — масса CO_2 при выделении 1 МДж энергии.

Каменный уголь средней степени углефикации содержит в горючей массе от 75% до 97% углерода, от 9% до 45% летучих веществ. Если в топке сжигается 3000 т угля, то для его сгорания требуется примерно 8000 т кислорода. С учетом того, что в воздухе лишь 22% кислорода, получается, что для сгорания 3000 т угля необходимо около 30 млн

Топливо	Теплотворная способность, МДж/кг	Выбросы CO ₂ , г/МДж
Сырая нефть	45 – 46	70 – 73
Природный газ	55	51
Каменный уголь (в среднем)	22	90
Бурый уголь (в среднем)	9,7	1260
Древесина (сухая)	16	94
Естественный уран в реакторах на тепловых нейтронах	650 000	—
Естественный уран в реакторах на быстрых нейтронах	28 000 000	—
Уран, обогащенный до 3,5% в реакторах типа ВВЭР	3 900 000	—

кубометров воздуха. Это приводит к возникновению движения больших воздушных потоков возле теплоэлектростанций и уменьшению содержания кислорода вокруг них.

При сжигании угля большая часть его минеральных компонентов преобразуется в шлак или золу, куда и попадают, в основном, радиоактивные вещества, содержащиеся в угле. Основная часть золы и шлака остается на дне топки тепловой электростанции. Однако более легкая зольная пыль уносится тягой в трубу станции, оседая в окрестности до сотен километров, приводя к дополнительному радиоактивному поражению местности, в 2—10 раз превышающему естественный радиационный фон.

На отопление индивидуальных жилых домов и бытовые нужды расходуется значительно меньше угля, но из-за невысоких труб большая часть загрязнений оседает на территории населенных пунктов.

Угольный дым считается одним из факторов глобального изменения климата

Довольно часто зольная пыль, собираемая очистными сооружениями, используется в качестве добавки при производстве строительных материалов. Эти добавки приводят к дополнительному увеличению радиационного фона.

Кроме экологических проблем необходимо учесть транспортную (соответственно и финансовую) проблему по доставке угля от разрезов к потребителям. И еще: по среднемировой статистике, на добычу 1 млн тонн угля приходится гибель одного шахтера.

К плюсам следует отнести огромные запасы угля в нашей стране. Красноярский край занимает здесь первое место в России.

Нефть и газ. Нефть имеет теплоту сгорания 43,7 – 46,2 МДж/кг, то есть примерно в 1,25 раза превышает соответствующий показатель угля. При современном уровне добычи нефти в России ее хватит

Уголь относится к невозобновляемым источникам энергии

Российские месторождения нефти и газа расположены далеко от потребителей

примерно на 30 лет, если не будут открыты новые месторождения, в том числе севернее Ангары. Используемые нефтяные месторождения скудеют, нефтеотдача действующих скважин за последние годы упала в несколько раз. Сегодня в России коэффициент использования минерального сырья из недр — один из самых низких в мире. За последние 20 лет в стране не открыто ни одного крупного месторождения ни по одному виду ископаемых, и добыча абсолютного большинства видов минерального сырья обеспечивается в основном запасами, разведанными до 1991 года. Нужно добавить, что около 70% нефти и газа поставляется за рубеж. Современная российская экономика живет за счет продажи сырья.

Природный газ имеет большую, примерно, в 2,5 раза, по сравнению с каменным углем, теплотворную способность и меньший, в 8 раз, выброс углекислого газа.

К недостаткам в использовании нефти и газа следует отнести удаленность российских нефтяных и газовых месторождений от потребителей, необходимость строительства газо- и нефтепроводов длиной до нескольких тысяч километров, ограниченность запасов нефти и газа (запасы нефти в России составляют 5% от мировых объемов).

Современная газодобыча в нашей стране, с учетом вновь открытых месторождений, остается практически на одном уровне. В настоящее время для вы-

полнения международных долгосрочных договоров по поставкам газа Россия вынуждена закупать газ у Туркмениии.

Выброс в атмосферу углекислого газа (CO_2) за счет сгорания угля, нефти, газа, торфа, древесины и т. д. составляет около 600 млрд тонн ежегодно, то есть примерно 8 тонн на человека. Увеличение токсичных веществ в окружающей среде приводит к сокращению биологического многообразия, увеличению заболеваний и уменьшению продолжительности жизни.

Гидроэнергия. На первый взгляд, использование энергии воды подразумевает лишь финансирование эксплуатационных расходов, выплату зарплаты и налогов. Это — возобновляемый источник: реки текли до нас и будут течь после нас. Однако сооружение ГЭС в СССР в заданные сроки (к социалистическим праздникам) приводило к затоплению неподготовленных территорий (поселков, кладбищ, лесов, животноводческих ферм и т. д.) с последующим отравлением водохранилищ. Наличие крупных ГЭС, например, Красноярской, приводит к из-

Нефтяная платформа — это целый город и одновременно химическая фабрика

Проекты будущего. Поля солнечных батарей в Сахаре могли бы дать миру колоссальное количество электричества

менению погоды из-за того, что огромные запасы воды обладают большой теплоемкостью. В результате из-за нагрева охлажденной за зиму воды Красноярцы имеют холодный и дождливый май, а начало лета смещается на последнюю декаду июня. Осенью же наоборот, нагретая за лето вода долго остывает, и осень может значительно продлиться. Пример — 2010 год.

Кроме того, гидроэнергетические сооружения несут в себе опасность крупных катастроф — авария в августе 2009 года на Саяно-Шушенской ГЭС лишь предупреждение. Правда, Красноярская ГЭС — самая безопасная из крупных ГЭС в мире из-за особенностей ее конструкции.

К недостаткам крупных ТЭС и ГЭС нужно отнести потерю электроэнергии на 20–25 % при передаче ее на большие расстояния. Отсюда следует, что каждая четвертая ТЭС или ГЭС строится для устранения этих потерь.

Ветровая энергия не способна давать электроэнергию в промышленных масштабах. Создание крупных ветроэлектростанций предполагает изготовление лопастей размером до 100 м, которые создают такой шум, что в ночное время их приходится отключать. А ветер может и стихнуть!

Солнечная энергия. На всю поверхность Земли падает примерно одна миллиардная доля солнечной энергии, обеспечивающей жизнь. Однако наличие облачности на большей части поверхности планеты делает маловероятным эффективное использование этого вида энергии в значительной степени во многих регионах планеты. По крайней мере, в Сибири, когда мы в течение нескольких недель не видим открытого Солнца.

Продолжительность солнечного сияния, часов в год:

Карта потенциального использования солнечной энергии в различных регионах страны

Красноярская ГЭС входит в десятку крупнейших гидроэлектростанций мира

Ядерная энергия. Выделение энергии в ядерных реакторах идет вследствие деления ядер урана-235 нейтронами с образованием ядер-осколков и нескольких нейтронов. Например, может идти ядерная реакция с выделением примерно 200 МэВ энергии, что в 50 млн раз больше, чем в одной химической реакции сгорания органического топлива.

При полном делении 1 кг урана-235 выделяется энергия, эквивалентная энергии при сжигании 3000 тонн угля. В естественном уране содержится 99,3% урана-238 и лишь 0,712% урана-235. Поэтому реально в реакторах 1 кг используемого урана по энерговыделению эквивалентен 20 тоннам угля.

Среднее содержание урана в земной коре равно примерно 0,0003%, то есть в одной тонне земной коры содержится 3 г урана. Урана на Земле больше, чем золота и серебра, но он рассеян, то есть не встречается в виде слитков.

К принципиальному недостатку ядерной энергетики относится то, что осколки деления ядер урана и плутония являются радиоактивными.

К несомненным преимуществам ядерной энергетики следует отнести то, что теплопроизводительная способность ядерного топлива в миллионы раз больше, чем у традиционных видов топлива (угля, нефти, газа), возможно строительство небольших АЭС вблизи потребителей энергии (например, на севере Красноярского края) без потерь энергии в линиях электропередач, отсутствие выбросов углекислого газа, золы, пыли. При нынешнем уровне энергопотребления в мире разведанных запасов нефти хватит на 40 лет, газа — на 60. Уже имеющиеся запасы урана и плутония могут обеспечить работу существующих типов реакторов на 100 лет, а перспективных — на 4 тысячи лет.

В России за последние годы разработаны и готовы к внедрению самые современные в мире по техническим решениям и уровню безопасности две модификации ядерного энергетического реактора ВВЭР — ВВЭР-99 и ВВЭР-91/99. Последние уже сооружаются на Тяньваньской АЭС в Китае и Калининской АЭС в России. Перспективными будут новые реакторы на быстрых нейтронах, относящиеся к типу реакторов естественной безопасности, то есть к типам реакторов, которые обеспечивают и «выжигание» высокоактивных изотопов, и не вырабатывают высокорadioактивных отходов.

В России разработана и утверждена 6 октября 2006 года постановлением Правительства РФ Федеральная целевая программа «Развитие атомного промышленного комплекса России» на 2007—2010 гг. и на перспективу до 2015 года. Предполагается, что к 2030 году доля электроэнергии, вырабатываемой на АЭС России, вырастет до 25%.

К другому источнику ядерной энергии можно отнести выделение энергии при синтезе легких ядер. Эта реакция является основной в «горении» Солнца. Следующая за ней реакция идет с выделением энергии 3,25 МэВ, что в миллион раз больше, чем в одной реакции сжигания органического топлива.

Тяжелая вода, в состав которой входит тяжелый изотоп, составляет 0,015% всех запасов воды в миро-

Проекты будущего. Роторный бытовой ветрогенератор

вом океане. Однако для осуществления последней реакции требуются высокие температуры и давление, а также изоляция горячей смеси от стенок камеры. Пока эта задача учеными и инженерами окончательно не решена, но европейское сообщество совместно с Россией и США работают над созданием установки INTOR, в которой к 2020 году выделяемая энергия превысит подводимую для осуществления реакции синтеза. В конце концов, эта проблема будет решена, и человечество получит неиссякаемый источник энергии.

Все атомные электростанции (кроме Билибинской АЭС) размещены в европейской части России

**Немков
Владимир
Александрович**

1953 г.р., г. Зеленогорск,
образование высшее

Владимир Немков: «На улицу взглянешь — будто зелёное платье накинуто»

До аварии я работал в УС-604 главным инженером участка. Был лично знаком с Евгением Васильевичем Рыгаловым. У него был большой авторитет не только на предприятии, но и в городе.

В апреле 88-го года нас собрали и сказали, что надо на аварию ехать. Вскоре 10 человек из нашего коллектива, в том числе и я, улетели в Киев, а оттуда — в Чернобыль.

Занимались разным: дезактивацией, подготовкой площадки для «Демагов», чтобы крышу с их помощью чистить. Я отработал два с половиной месяца.

Жили мы в самом Чернобыле. В среднем меньше четырех часов работы было в день. Выходили по решению дозиметристов на 5, 7, 10 минут, полчаса.

Когда авария, тогда рассуждать некогда. Всё кувыркком. Сегодня ты один пост занимал, завтра — другой, если не справился с заданием. Работа была тяжела не столько физически, сколько морально. Я после этого месяца 3 — 4 не спал, кошмары мучили.

Кормили исключительно хорошо. Временный быт был налажен. По алкоголю сухой закон был, но нам ребята привозили, хотя и следили за этим строго. Нарушил порядок, могли сразу же отправить домой. А там — проблемы на работе, вплоть до выселения из нашего закрытого города.

Чернобыль остался в моих воспоминаниях зелёным. Все вокруг были в военной форме. На улицу взглянешь — как будто зеленое платье накинуто.

Официальная доза у меня 20 рентген. За последние полгода у меня случились два инсульта, а ведь мне нет еще и 58 лет. Сильно отразилось на здоровье всё это, сильно отразилось.

**Черников
Николай
Александрович**

1944 г.р., окончил Новосибирский инженерно-строительный институт, получил направление в Железногорск, затем с 1971 года трудился инженером технического отдела в управлении строительства № 604 города Зеленогорска

Николай Черников: «Время требовало решений»

1986 год вспоминается мне временем некоторой эйфории. У власти новый генеральный секретарь, жили нормальной здоровой жизнью и иллюзией прекрасного будущего. У предприятия был приличный портфель заказов, наши строительно-монтажные управления размещались: 3 — в Иркутской области и 7 — в Красноярском крае. Думали, жить будем лучше, жить будем веселее.

Но человек только предполагает... 8 июня я уже был на строительной площадке 4-го блока. Приказом министра Славского мне было предписано работать в УС-605. Собственно, я продолжал работать под началом своего руководителя, генерала Евгения Васильевича Рыгалова, который уехал туда в конце мая.

Из аэропорта Борисполя, где меня встретил мой земляк Сергей Игоревич Струбинский, мы быстро домчались до «Голубых озер». Народу там было мало, а свободных комнат предостаточно. Вокруг была прекрасная природа. На тот момент условия моего пребывания там были прекрасными. Были хорошо налажены питание и передвижение с объект на объект.

С каждым днем на ликвидацию прибывало все больше народу. Появились очереди в самом Чернобыле, порой до полутора часов ожидали обеда. По-человечески понятно, что сразу организовать такое количество людей очень сложно, приходилось искать решения на месте, заимствовать опыт было не у кого.

В УС-605 меня назначили на должность заместителя главного инженера по подготовке производства. Дело осложнялось тем, что для подготовки производства нужна была исходная документация. А на тот момент и проекта не было в помине. Тогда еще обсуждали вариант — взять и засыпать всё. К Саркофагу ведь пришли не сразу. А время требовало решений. Усанов был на пределе. Стояла задача сделать отсечку между реакторами. А как это сделать, если у них есть общий зал? Там же фон сумасшедший. Что толку отмывать?

В первые дни по большей части занимались узлом перегрузки. Самодельно мы его сочинили. Создавали базы стройиндустрии, бетонные заводы. Ездили вместе с проектировщиками по всей Киевской области, выбирали точки размещения резервистов. Они ехали тысячами.

Решали такие текущие задачи. А как только документация поступала, обрабатывали, слали заказы в Киев и т.д. Все шло в техотдел. Институт ВНИИПЭТ, Оргстройпроект, Оргтехстрой-11. Там был конгломерат проектировщиков. Придумать Саркофаг поручили московскому ВНИПИЭТу. Их специалисты везли к нам документацию пакетами. Пока ехали — наверху проект отменяли. Все начиналось заново. К поиску решения шли через сотни вариантов. Были те, кто считал, что их предложения недооценивали, пытались прорваться в штаб. Усанов жестко обрывал — только через моих специалистов.

Случались и забавные ситуации. Как-то ехали на УАЗике, вместе со мной полковник, начальник службы техники безопасности. Перед въездом в Зону нас тормознули. Я только переоделся, сбросил гражданскую одежду, надел специальную. И респиратор. Смотрим, а на КПП дежурят два генерала, оба в полевой форме, с жезлами гайшников. Один из них оказался словоохотливым, и вскоре мы узнали, что ждут приезда Щербиц-

кого. Никого вперед министерских «Чаек» не пускать. Ждали уже все вместе, добрых минут сорок прошло. После правительственного кортежа еще немного подождали и нас пропустили. Было весело увидеть генералов в роли сержантов. Приятно, конечно, но забавно.

А спустя, наверное, месяц мы имели неосторожность обогнать кортеж председателя Совета министров Украины Лешко. Время было утреннее, и они направлялись из Киева на совещание в Чернобыль. Мы на своей машине уже въехали в Зону, и вдруг видим: впереди нас милицейские машины сопровождения двигаются — медленно-медленно. Наверное, в этот момент что-то рассказывали этому Лешко.

Мы ехали в машине нашего инженера Шеянова, с ленинградской АЭС. И тот, недолго думая, говорит своему водителю: «Обгоняй!». Водитель своего шефа послушался, обогнали, поехали дальше. Никто за нами не погнался. Высадили на объекте Шеянова, и с его водителем я поехал на пункт перегрузки. На обратном уже пути, недалеко от Копачей, нас останавливает капитан милиции и спрашивает: «Вы сегодня обогнали кортеж предсовмина Украины. Почему вы это сделали?». Водитель растерялся: «А мне начальник приказал». Милиционер говорит: «Вы разве не знаете, что кортеж такого уровня ни в коем случае нельзя обгонять? Мало ли что. Делаю вам выговор. Чтобы больше такого не было». Совсем сник водитель: «В следующий раз наверняка уже не обгону».

На моей памяти визиты в Зону министра обороны Соколова, постоянные приезды членов Правительственной комиссии. Но забавных случаев с ними не припомню.

Я уехал из Чернобыля 19 июля 1986 года. На моих глазах прошел весь первый этап ликвидации чернобыльской аварии. Хочу сказать следующее. Считаю, вся заслуга строительства Саркофага лежит на Герое Социалистического Труда товарище Усанове. Вот он — истинный руководитель, лидер. Для меня Александр Николаевич Усанов был и остался ликвидатором № 1. Именно он нашел возможность пригнать «Демаги», решившие множество наших проблем. Все основные заслуги на Саркофаге — его. Я был знаком с ним с 1985 года. Жесткий был руководитель, мог круто выразиться, оборвать, поставить на место, но если бы не Александр Николаевич... Конкретика, проекты, техническое решение задач — все было на нем, всегда личным примером. Он положил на Саркофаг свое здоровье и свою жизнь. Вечная ему память.

**Дудалев
Вячеслав
Альбертович**

1962 г.р., г. Красноярск

Вячеслав Дудалев: «Вопросов, ехать ли мне на ликвидацию аварии, не возникало»

В 1986 году я работал в Красноярске водителем на автобазе № 2 «Сибхимстроя». Сразу же после известия об аварии на работе было собрание и нам сразу сказали, чтобы готовились ехать. Вскоре уехала первая партия, а меня командировали 17 сентября. Наша группа из 16-ти человек поехала менять первую смену. Быстро прошли медкомиссию, у кого нашли плохие зубы, не стали лечить, а все повыдирали.

Тревоги среди нас не было. Просто командировка и всё. О последствиях как-то не задумывались. В аэропорту до отлёта с нами беседовал какой-то человек из Железногорска. Сказал, что надо работать и ещё раз работать, что нельзя выпивать. Страна нуждается в нашем ударном труде.

На автобусе добрались до «Голубых озёр», где и расположились для проживания. Поселили нас в комнаты на пять человек. Потом, правда, мы самостоятельно отыскивали какой-то заброшенный домик прямо за территорией лагеря и спросили разрешения там поселиться. Когда стало холодно, отапливали помещение газом, клали кирпичи в духовку и грелись.

Нас было четыре водителя КАМАЗа-миксера. На одной машине работали и жили тоже вместе. За-

гружали бетон на пункте перегрузки и везли на станцию. В смену выходило три-четыре рейса. Если насос ломался, то один рейс выполняли, получались простои, но старались такие ситуации не допускать.

За время командировки я один раз побывал в Припяти. Дозиметристы попросили подвезти. В сам город, правда, не заезжали, вдоль ограждения проехали. Ещё с дозиметристом на могильники как-то раз поехали. Он вышел из машины замерить фон, включил аппарат, а тот как запищит! Дозиметрист сам испугался. Быстро в машину и по газам. Рванули резко и в песке застряли. Минуты три-четыре выбирались. С тех пор я дозиметристов к себе в машину не пускал.

А так, работать там было и ничего. Понятная работа, мы и стажировку проходили.

Как-то ездили Киев смотреть, погуляли по городу, купили водки, да и назад.

Кормили нас там очень хорошо, просто на убой. Ешь что хочешь.

Когда домой вернулся, несколько дней мучил тупой кашель, который начался еще в Чернобыле. Потом всё прошло. Мне на работе сразу дали Почётную грамоту и на медицинский учёт поставили. В 1995 году получил 3-ю группу инвалидности. Итоговую дозу облучения мне поставили 5,6 рентген, хотя машины обычные были, не освинцованные, и пробыл я там два месяца.

У меня до Чернобыля семья была, второй ребенок через год после командировки родился. Потом развёлся, сейчас вот уже третий ребёнок.

Вопросов, ехать ли мне на ликвидацию аварии, не возникало. У меня и тесть на одном предприятии со мной работал. Как я мог подвести? Да и если отказался бы, всё равно через военкомат забрали бы.

Юрий Познахарев: «Чернобыль запомнился мне полным отсутствием бюрократии»

В 1986 году я работал в УС-604 города Красноярска-45. Пришёл на работу, а меня кадровик вызывает и сообщает, что согласно приказу с 1 октября я ра-

**Познахарев
Юрий
Александрович**

1937 г.р., г. Зеленогорск

ботаю нормировщиком в УС-605 города Чернобыля. Пришлось соглашаться, куда денешься.

Представления о масштабах аварии и степени опасности у меня были самые смутные. В Борисполе случайно встретил земляка, разговорились. Он утверждал, что самолично готовился к авиационной бомбардировке разрушенного реактора после взрыва, но потом это решение отменили. Я доверяю словам этого человека.

Чернобыль запомнился мне полным отсутствием бюрократии. У меня первые годы после ликвидации была ностальгия. Не по самому Чернобылю, а по отношению людей к своему делу.

Например, приезжает человек на одну должность, а ему говорят — иди и делай то-то и то-то. И все шло без вопросов. Никаких лишних бумаг, все устные распоряжения руководителей имели силу приказа.

Если какая-то работа не могла быть выполнена в срок, просто отслеживали цепочку и решали, как всё сделать в кратчайшее время. Ни шума, ни крика. Всё чётко отлажено. Каждый выполняет ту работу, которую положено выполнять и не лезет куда не надо.

Были, конечно, аховые люди. Я их лично не встречал, но ребята рассказывали, что некоторые водители бетон не довозили до Саркофага и сливали куда попаало. Вертолётчики заметили и доложили.

Много было разговоров о пьющих водителях. Я того не видел, клянусь.

Выпивали по случаю окончания вахты. Это было. Завтра улетать уже, и билеты куплены. Едут мужики в Киев, покупают чемодан водки и гудят до утра. Их и не трогал никто.

А если завтра на работу, когда пить?! В полшестого утра подъем, завтрак и до объекта полтора часа пути. После смены пока добрался, помылся, поел, уже и спать пора.

Я жил в пансионате «Интурист». Стояли щитовые домики на четверых человек, в них были газовые плиты, но газ был отключён, конечно. Отапливались электричеством.

Хотелось бы отдельно отметить исключительную организацию питания. Во-первых, ешь столько, сколько в тебя влезет. Выбор первых и вторых блюд. Масло сливочное — сколько хочешь бери, пряники, печенье к чаю. Овощи, фрукты. Всего вдоволь. Можно было и в домик брать с собой продукты. А зачем? Пришел и сразу спать.

Все спорные вопросы решались в политотделе. Там 5 или 6 человек работало всего. Но стоило сказать кому-нибудь: «Я в политотдел пожалуюсь», как все споры разрешались мгновенно.

**Киреева
Татьяна
Анатольевна**

г. Зеленогорск, работала на ликвидации последствий аварии с 1987 по 1992 гг.

Татьяна Киреева: «Страха там не было, только постоянная горечь и боль в сердце»

До 1987 года я работала в канцелярии Зеленогорского ЭХЗ. В порядке перевода меня направили на работу вахтовым методом в Чернобыль, в отдел кадров производственного объединения «Комбинат», которое входило в Комплексную экспедицию Института атомной энергетики им. И.В. Курчатова. Позже он был реорганизован в «Укрытие».

В то время я собиралась отдохнуть на черноморском курорте и набрала с собой полный чемодан сарафанов и шляпок. Типичный курортный набор. Пришлось сдать билеты и ехать в Чернобыль с этим самым чемоданом.

Вместо Черного моря я окунулась в море документов, которые требовали систематизации. Это были бумаги с еще доаварийной станции, а также многочисленная документация организаций, что занимались ликвидацией аварии на ЧАЭС. Естественно, многие из них были «грязными», с высоким радиоактивным фоном. После обработки их увезли на хранение под Киев. Особо ценные материалы отправлялись на хранение в Подмоскowie. Замеряли документы дозиметром, проводили опись, систематизировали. Так было до 1992 года.

Сначала жили в вахтовом поселке Иванково, потом — в Зеленом Мысе, а после для нас дезактивировали

здание в самом Чернобыле. Мы вошли туда и испытали настоящий шок. Нам предстояло разместиться в бывшем детском саду.

Нахлынул настоящий кошмар. Мертвый детский сад, мертвое помещение. Это понимаешь умом. Однако перед глазами стоят запровленные кровати, разбросаны игрушки. Кажется, что детки вышли на уличную прогулку и вот-вот вернутся обратно. Жуть. Долго находиться в бывшей спальне мы не могли. Рыдали.

Вначале работали вахтами по 15 дней, но дальние переезды с вахты на вахту — тяжело, и вахты стали объединять, накапливать отдых.

Через нас прошел, наверно, миллион человек. Всем нужно оформить справки, документы и тому подобное.

По делам службы несколько раз была в Припяти. Странное ощущение. Для меня Припять оказался очень знакомым городом. Многие в нем похоже на Зеленогорск. Неудивительно — закрытые города в Советском Союзе строились по похожим архитектурным планам. Я по-настоящему «узнавала» здания. Например, сразу же опознала Дом быта.

И снова жуткие впечатления. На улицах стоят детские коляски. Пустые. Накрытые столики в кафе. Тишина. Даже птицы не поют. Помню, стою на улице — нахлынула на меня вся эта атмосфера. И тут настоящая жуть — в мертвом, молчаливом городе раздались звуки музыки. Аж дрожь по телу прошла. Оказывается, музыка раздавалась из окон одной из квартир. Видимо, туда ненадолго вернулись бывшие жильцы.

Вообще, мне довольно часто приходилось сталкиваться с «самоселами» — так называли людей, что возвращались на свою малую родину, в свои дома, в свои квартиры. Помню, сидела женщина на скамейке возле здания автовокзала. Я ее увидела в окно. Вышла. «Что вы хотели?» — спрашиваю. Плачет. Оказывается, из переселенцев она. Вроде в Белую Церковь их с мужем отправили. На новом месте жизнь не сложилась. Похоронила мужа, вот и решила вернуться сюда.

Взяли мы «партизан» и пошли в ее дом. Запустение. Все разграблено. Даже дров нет. Привели в порядок. Я взяла ее уборщицей к себе в отдел. Звали ее Варвара Алексеевна. Меня она называла «доченькой».

Другой случай. Едем мимо одной из деревень и видим, как из трубы одного из домов вьется дымок. Значит, кто-то печь топит. Заходим. Живет женщина. «Хочу умереть здесь, у Припяти», — говорит.

Взяли и над ней шефство. Каждую неделю привозили продукты. Починили забор — хоть какая-то защита

от кабанов, которых множество развелось в окрестных лесах. Нашли ей кошку, собаку.

Когда я в 1992 году уехала из Чернобыля «самоселов» было уже много.

Мне повезло — я работала в таком коллективе! Образованные, умные люди! Жили как одна семья. Раз в полгода проводился медицинский осмотр. Питание было отличное. Есть там хотелось очень. Всегда. Кормили огромными порциями. Икра часто была на столе. Витаминный стол. Периодически устраивали дни национальной кухни. Вода была только минеральная. Помню, в коридорах постоянно стояли ящики с минералкой. Под самый потолок. Чай готовили на «Оболонской».

Изредка ходили в кино. Просто спать очень хотелось, уставали на работе.

В 1987 году на грушах было столько плодов, что не видно даже листьев на деревьях. Набрали полный тазик. Помыли, поели. На следующий день на грушах уже ни одного плода. Все поснимали и съели. Грибы — огромные. Ходили иной раз на рыбалку, но рыбу не ели, отпускали обратно.

Случай один помнится. Как-то стали пропадать документы, конфеты, мыло. Долго думали, кто виноват? Однажды я зашла рано в кабинет и увидела огромную крысу. Наверное, полметра в длину. Даже мужчины с опаской в кабинет входили. Они и закидали ее бо-

тинками — подошва была толстая, спецобувь. Было это в 1990 году. Крысы там вообще наглые были, умные, научились открывать холодильник.

На улицах часто стоял жуткий вой — это были одичавшие собаки. Их отлавливали. А у нас дома жила кошка Анфиска. Как-то на досуге подсчитали — шерсть у нее была 17-ти цветов. На работе были Муська и Васька.

Со временем чувство опасности совсем притупилось. Сначала все работали в повязках. Потом уж перестали их носить.

Мои родные целый год не знали, что я в Чернобыле. Они думали, что я строю Славутич. Я специально письма слала через вертолетчиков. Ребята отправляли конверты из Славутича, там и штамп ставили местный.

Нам выдавали военную форму с ботинками на высоком каблучке. Мы же женщины, старались себя приукрасить. Дадут нам «афганку» — нацепишь на нее ленточку, бантик, пилоточку наденешь покрасивее.

Страха там не было, только постоянная горечь и боль в сердце. За время чернобыльской командировки я получила дозу облучения 29,6 рентген.

С распадом Советского Союза Курчатовская экспедиция была реорганизована в НМТЦ «Укрытие» и перешла под юрисдикцию Украины. Я уехала в Хакасию, там еще 10 лет работала в таможне. В 45 лет вышла на инвалидность и вернулась в родной город.

На концерте Александра Розенбаума, г. Чернобыль, 1989 г. Татьяна Киреева вторая слева

**Из приказа №60 по отделу
рабочего снабжения
Красноярской ГЭС от 21 июня 1986 года**

В целях оказания практической помощи ОРСу Чернобыльской АЭС в обслуживании рабочих, занятых в ликвидации последствий аварии командировать с 22 июля по 5 августа вахтовую бригаду в следующем составе.. (18 чел.)

Главному бухгалтеру г. Иванову П.В. выписать деньги на командировочные расходы.

Ответственность за перевозку людей возложить на Семёнову Л.Ф. и Копшилову Т.В.

Начальник ОРСа А.Ф. Логунов

Тамара Лазаренко: «Об опасности никто из нас тогда не думал»

Лазаренко Тамара Семёновна,
1936 г.р., г. Дивногорск, окончила техникум советской торговли

Поездка в Чернобыль в июле-августе 1986 года, была для меня своеобразной романтикой. Наша дивногорская группа меняла там коллектив столовой из Нововоронежа. Об опасности никто из нас тогда не думал.

Работы было много. Жара стояла страшная. Из-за того, что окна в большинстве помещений были затянuty в целях безопасности полиэтиленовой плёнкой, а к уличной жаре добавлялась температура от жарки и варки, работать было тяжело. По три раза в день принимали душ, чтобы хоть как-то освежиться.

Работали, невзирая на чины и должности, что были у нас в Дивногорске. Люди с хорошим образованием и при должностях вставляли к мойке и мыли горы посуды, мыли полы.

Особого разделения работ не было. Поэтому и заработную плату за командировку собрали в одну кассу, а после поделили поровну. На всех

18 человек нашей бригады. Вышло по 379 рублей на человека.

В меню самым распространенным блюдом было тушеное мясо. На гарнир — крупы. Молоком поили часто.

Уже отработав несколько смен, попросили случайного дозиметриста измерить уровень радиации. И заодно провести инструктаж, что такое радиационная опасность и как лучше от нее уберечься.

Если говорить об общих впечатлениях, то первое, что бросилось в глаза — полное отсутствие детей. А также то, что куда ни пойдешь, куда ни повернешься — везде льют воду, чтобы сбить радиацию.

Досуга особого не было. Работа, работа и еще раз работа. Однажды дозиметристы принесли нам розы — очень приятно было. Поставили в столовой, настроение сразу же поднялось.

8 августа наша командировка закончилась. О полученной дозе радиации не знаем. У всех в справке об облучении стоит не более 25 рентген.

Татьяна Копшилова: «Работали много, но это был наш долг»

Копшилова Татьяна Викторовна,
1950 г.р., г. Дивногорск, окончила техникум советской торговли

Я родом из уральского города Златоуста. По окончании техникума оказалась по распределению в Дивногорске. Работала поваром, потом стала заведующей производством столовой № 9 на Красноярской ГЭС. В 1980 году заступила на должность начальника ОРСа. 22 июля получила приказ о командировании бригады поваров из Дивногорска в Чернобыль. Я эту бригаду сформировала, я же ее и возглавила.

В Киев мы приехали в наш профессиональный праздник — день работника торговли. Сразу пошли на телеграф и отбили своим коллегам в Дивногорск поздравительную телеграмму.

Группа дивногорских поваров работала в столовой средней школы № 1 г. Чернобыля

Работали в столовой № 1. Централизованного водоснабжения не было. Был котел на 250 литров. Работали много, столько никто из нас до той поры не работал. Но мы не жаловались, это был наш долг — мужчин нужно было кормить.

На месте нам сразу выдали индивидуальные дозиметры. Первое время все в обязательном порядке носили «лепестки». Потом как-то реже стали надевать: жарко было очень. У меня очень болела спина, у кого-то еще что-либо, но мы не обращали внимания. Всячески старались поднять друг другу дух, анекдоты «травили».

Александра Зотина: «Помню только нечеловеческую усталость»

Зотина Александра Степановна, 1950 г.р., г. Дивногорск

Когда мы приехали в Чернобыль, работы по ликвидации последствий аварии шли полным ходом.

Одно из первых впечатлений — река Припять. В сравнении с нашим могучим Енисеем, она показана

лась какой-то узкой, бурлящей, грязной, некрасивой. А насыпи вдоль реки были затянuty плёнкой.

В городе Чернобыле поразило запустение. Тёмные окна, бельё на верёвках, игрушки детские во дворах валяются. Единственная живность — кошки и собаки. Но нас сразу предупредили — не вздумайте брать на руки.

Нам предстояло работать в столовой бывшей средней школы № 1. Сразу выдали индивидуальные дозиметры с закрасненными окошечками. И предупредили ещё: кто захочет краску сцарапать и показания дозиметра посмотреть — накажем. Так мы и не узнали реальную дозу облучения.

Чернобыльская смена прошла для меня как во сне. Помню только нечеловеческую усталость.

Через год после возвращения начались проблемы со здоровьем. Хотя там не верилось, что мы от этого заболеть можем.

Любовь Семенова: «Нашу работу строго проверяла СЭС»

Семёнова Любовь Филипповна, 1948 г.р., г. Дивногорск, работала помощником начальника ОРСа по кадрам

Приехали мы в Чернобыль, смену приняли. И началась тяжёлая работа. Поднимались часа в четыре утра и ложились часа в два ночи. Мы кормили огромное количество людей.

Нашу работу очень строго проверяла СЭС. Все продукты должны были быть свежими. А однажды выбило электрическую печь: она была старенькая и не выдержала напряжения, и нас кагэбэшники заставили писать объяснительные записки.

После нашего возвращения из чернобыльской командировки прошло очень много лет, но мы по-прежнему держимся вместе и продолжаем поддерживать друг друга. Прошли уже 16 судов в борьбе за свои права. Да и в санаторий ездим как минимум по двое. Всё веселей здоровье поправлять.

Вера Глухушкина: «Казалось, день длится вечно»

Глухушкина Вера Александровна,
1941 г.р., г. Дивногорск

На ликвидацию последствий чернобыльской аварии я была направлена ОРСом Красноярской ГЭС в 1986 году. По приказу нашего министерства была сформирована бригада из поваров и заведующей столовой. Туда же ехали бригады из Красноярска, Абакана, Саяно-Шушенской ГЭС.

В Чернобыле тогда, несмотря на постоянно большое количество народа, стояла гнетущая тишина. Было ощущение, что, когда такое горе, людям не до веселья. Работать было тяжело. Казалось, день длится вечно.

Надежда Максименко: «Порой приходилось бросать кассу и помогать девочкам за плитой»

Максименко Надежда Прокофьевна,
1955 г.р., г. Дивногорск

Я работала бухгалтером в Дивногорском ОРСе. Когда на предприятии зашла речь о командировке в Чернобыль, я сразу сказала, что поеду, несмотря на то, что я бухгалтер, а не повар. Не поехать я не могла. Ведь все наши девчонки отправились туда. Как только начался набор, я отправилась в отдел кадров и попросилась добровольцем. Работать предстояло кассиром в столовой.

Когда ехали, даже представить себе не могли, что так много там будет работы. Порой приходилось бросать кассу и помогать девочкам за плитой, чтобы успеть всех ликвидаторов накормить.

Надежда Сеськина: «Народу много было, нужно было всех накормить»

Сеськина Надежда Алексеевна,
1953 г.р., г. Дивногорск

Я решила поехать в чернобыльскую командировку потому, что сказали: «Надо ехать». Муж был против моего участия в ликвидации, но я его не послушала.

Моя специальность «повар-кондитер», работала в дивногорском кафе «Романтика». А в Чернобыле условия работы очень отличались от привычных. Например, было запрещено готовить любые салаты, поскольку покрошенные продукты сильнее впитывали радиацию. Все овощи подавали цельными. Если готовили мясо, то преимущественно гуляш, никакого фарша. Очень много картошки приходилось чистить вручную. Народу много было, нужно было всех накормить. Утром через столовую проходило 700 человек, в обед — 1500, вечером 700 — 800.

Очень хотелось съездить хоть на денёк на родину, в Львовскую область, но начальство непустило. С родней я встретилась уже после командировки. Они рассказали о том, какие слухи о радиации в их местах ходили, один страшнее другого. Если бы я к ним до командировки приехала, они бы меня из дома не выпустили.

Лидия Пахомчик: «Работать было очень тяжело»

Пахомчик Лидия Евгеньевна,
1948 г.р., г. Дивногорск

Когда узнала об аварии, не думала, что это меня коснётся. Не ожидали, что будут такие последствия. Да и до командировки были очень смутные представления о радиационной опасности.

В Киев мы прилетели 22 июля 1986 года. Жарко было, мы в коротких платьицах. Там нас встретил представитель Минэнерго СССР и начал за эти платья ругать. Одежды, мол, легко, осень скоро. Направили нас в универмаг переодеваться, да и всё золото велели с себя снять.

Работать было очень тяжело. Вода вся привозная, её надо было на себе таскать на второй этаж. После того как мы ругаться стали по этому поводу с начальством, нам двух помощников дали.

Продуктов много импортных было. Венгерский и польский картофель, например.

Кормили всех ликвидаторов бесплатно, но по талонам. Это для того, чтобы посчитать, сколько человек прошло. А кто сколько съест — вообще не смотрели.

Людмила Шевцова: «Когда шел отбор кандидатов в Чернобыль, я прошла по всем показателям»

Шевцова Людмила Николаевна,
1945 г.р., г. Дивногорск

Я приехала в Дивногорск из Крыма в 1964 году. Окончила там училище и устроилась поваром в ОРС, работала в кафе «Романтика». Когда шел отбор кандидатов в Чернобыль, я прошла по всем показателям. Кто-то проверку прошел только со второго захода, кто-то не прошел вовсе.

22 июля 1986 года приехали сначала в Киев, потом до места назначения ехали на катере по реке. Жили в детском саду на первом этаже в самом Чернобыле.

Нам сказали, что будем работать во второй столовой при школе. График: с 4 утра и до 12 ночи. За смену кормили около 1000 человек, иногда и больше. Меню было разнообразное — и супы, и борщи, и мясо (гуляш, лангет).

В 87-м ездила еще раз, также через ОРС и тоже на 20 дней. Сначала работала на раздаче холодных блюд, а потом меня назначили старшей по залу. Система питания в 1987 году была такой же, как в 86-м. Кормили хорошо.

На этот раз жили в пятиэтажном жилом доме, в трехкомнатной квартире, 7 человек, все — работники столовой. Здесь было посвободней нам, не так, как в детсаду. Уже было веселей, крутили кино. Да и график работы был посвободней — с 5 утра, но, конечно, до ночи.

Тамара Бушмелева: «Снабжение в Чернобыле было безупречное»

Федорова (Бушмелева) Тамара Константиновна, 1951 г.р., г. Дивногорск

Помню, что в день нашего прилёта в Киеве стояла страшная жара. До полуночи ждали судно, чтобы по реке доплыть до места. Там нас сразу же переодели в военную форму, построили и сказали: «Ходить только по дороге, ни шагу в сторону, а то получите химический ожог, реактивы везде».

Мы жили и работали одной семьей — нас это объединяло. Снабжение было безупречное, с продуктами не было никаких проблем. Домой, конечно, хотелось. Наши сменщицы задерживались, и казалось, что не хватит сил их дождаться — до двух часов ночи работали.

Смена наша приехала с Кавказа, тоже по линии Минэнерго.

Из распоряжения ГлавУРСа Минэнерго СССР

Вашей организации следует скомплектовать одну вахтовую бригаду.

... Вахтовая бригада в полном составе с санитарными книжками прибывает в распоряжение УРСа Минэнерго СССР по адресу: г. Киев, ул. Креватик, 5.

Срок работы вахтовой бригады — 10 дней, не считая времени в пути. Выезд бригады в г. Киев 22–23 июля 1986 г.

Начальник ОРСа
В.Г. Давыдов

Евгения Переверзева: «На личном примере организовать людей было не очень сложно»

Переверзева Евгения Николаевна,
г. Красноярск, окончила филологический факультет
КГПИ. Работала помощником начальника Краснояр-
ского УРСа Минэнерго ССР

6 июля 1986 года в наше управление пришла правительственная телеграмма. Сообщалось, что необходимо командировать 48 поваров и кухонных работников на ликвидацию последствий аварии в Чернобыле. Причем совершенно не обязательно было иметь соответствующую квалификацию. Просто нужны были женщины-добровольцы.

В Красноярске было управление рабочего снабжения Минэнерго, а весь наш штат работал на Красноярской, Саяно-Шушенской ГЭС и Назаровской ГРЭС. Пришлось ездить на встречи.

Обязанности по набору группы мы разделили между мной и кадровиком Любовью Семеновной Филипповой. Она собрала 18 человек с Красноярской ГЭС, а я — 30 человек с остальных предприятий. В этот список вошли три человека из управления, в том числе и я.

На личном примере организовать людей было не очень сложно. Собирались, говорили о том, что вся страна помогает чернобыльцам, не можем остаться в стороне и мы. В то время такая постановка вопроса сбавывала.

Мою группу из 30 человек торжественно проводили в Красноярске, и мы улетели в Киев, откуда поплыли на пароходике к чернобыльским местам. Они были изумительной красоты. Роскошная летняя зелень, чистейшая вода. Казалось, что ничего страшного быть не может.

Чернобыль встретил нас неубранными садами. Я сама родилась в Средней Азии, фруктовые деревья не были в диковинку, но чернобыльские абрикосы поразили. Их было так много, что были устланы все тротуары. Прямо по ним и ходили. Вокруг были пали-

садники с увядшими цветами, открытые окна домов, вывешенные для сушки ползунки-пелёнки, трава в человеческий рост.

На удивление мирные куры готовы были подойти к человеку и взять зёрна с руки. Что интересно — куры выжили и быстрее всех адаптировались в новой обстановке. Встречались облезлые кошки, а собак и свиней отстреляли до нашего приезда. Жара стояла страшная.

Мне к тому времени исполнился 41 год, дети уже подросли. А в группе было полно молодых девчонок по 19–20 лет. Четверых из них забрали на работу на следующий день, они уехали кормить водителей в пионерский лагерь «Сказка».

Нас осталось 26 человек. Костяк составляли девушки с Саяно-Шушенской ГЭС — трудолюбивый, певучий, артистичный народ. Поварской квалификации у меня не было, и я стала кухонным работником: мыла, убирала, подвала.

Поселили нас в спортивном зале бывшего ПТУ в Чернобыле. Там было расставлено 200 раскладушек. Жили скопом — и ликвидаторы, и мы. Они и питались в нашей столовой, за которую мы отвечали полностью.

В то время на ликвидацию приезжало много разного народа. Для важных персон мы ставили два отдельных столика, но кормили по обычному меню. А оно было отменным. В рационе были соки, икра.

Никто из нас не делил обязанностей и должностей. Просто я была старше по возрасту и отвечала за молодых. На мне лежала огромная ответственность за этих людей.

Наш рабочий день начинался в четыре утра — в семь мы должны были кормить первую партию ликвидаторов. Ужин заканчивался к 23 часам, и до глубокой ночи мы всё убирали, отмывали, сдавали СЭС. Медицинский контроль за продуктами питания был неусыпным, пробы брали постоянно.

От такого распорядка уставали до обмороков. К тому же выматывала жара. Открывать окна не разрешали, и от духоты вокруг был ад крошечный. В нашей столовой питалось до 1000 человек.

В такой ситуации о мерах безопасности просто забывали. Невозможно ведь ещё и маску носить, если и так дышать нечем. Кроме того, первые пять дней нам давали чистую одежду, а потом мы уже сами стирали в привозной воде: на нас сменная одежда закончилась.

Пошла я как-то проведать наших дивногорцев, они в другой столовой работали, прихожу и спрашиваю: «А что это у вас такое черненькое?». Оказалось, что это дозиметры-накопители. Мы и в глаза их не видали. Я только на шестой день о них узнала и выпросила для своих.

Разные случаи там были. Девчонки молодые, военные вокруг них вились. Один паренёк подарил своей возлюбленной три розы. Она несколько дней букетом любовалась, а после его измерили дозиметром. Оказалось, что на один цветок радиация попала. Вот так красота принесла вред.

До нашей смены произошла подобная история. Двоих девушек из украинской группы увезли в ожоговый центр. Они пошли с молодыми людьми в лесок и на травку прилегли. А вся трава была поражена радиацией.

Бригада дивногорских поваров в Киеве, июль 1986 г.

В моей группе тоже были две озорные девчущки из Саяногорска, любительницы мужского внимания. В один из вечеров мне пришлось их долго разыскивать. Обошла все помещения, и в одном из них наступила в корыто, где рабочие обувь от радиации отмывали. Хотела поскорее это смыть, но чистой воды не оказалось. Трудно передать словами мои ощущения. Я пронесла это через всю жизнь.

Наша вахта длилась 10 суток, но все мы уезжали домой совершенно измотанные. Какую реальную дозу облучения получили, сказать трудно. Но на прощание, так же, как и при встрече, дали для ликвидаторов концерт своими силами. Солировали в нём саяногорские девушки.

Эти 10 чернобыльских дней поделили мою жизнь на «до» и «после». Разные встречи там были, разные воспоминания остались.

Один мужчина, местный, из Чернобыля, работал в «грязной» зоне три вахты подряд. Он знал, что обречён, но за это его семье пообещали квартиру в Киеве. И глава семьи сознательно пошёл на риск.

А те четыре девчонки, что сразу после приезда оказались в лагере «Сказка», обратно выезжали с нами. Они с восторгом рассказывали, что условия их работы и жизни в эти 10 дней были намного легче и приятнее.

Они говорили: «Евгения Николаевна, нам-то там было как хорошо, 60–80 человек всего накормить, природа, грибы, ягоды». Водители им все время привозили «лакомства». Думали, что безопасно, ведь эти ягоды собирали для красавиц-девчат водители за роковыми 30-ю километрами. Это уж потом стало известно, что не всё так хорошо было и за этой роковой чертой.

Двое из этих девушек впоследствии оказались в киевском институте радиологии. Об их дальнейшей судьбе мне ничего не известно.

Домой мы вернулись охрипшими от радиационной пыли. В период с 1996 года по 2006 год я перенесла пять операций. Одну из них можно отнести к «бытовым», обычным, а четыре — напрямую связаны с последствиями аварии.

В тех краях я больше никогда не бывала. Были мысли в канун 25-летия съездить туда, вспомнить, посмотреть. Но не довелось.

Мы не жалели себя там, потому что нам сказали: «Надо».

**Смирнова
(Новикова)
Ирина
Александровна**

1964 г.р.,
г. Железнодорожск

Ирина Смирнова: «Сейчас занимаюсь общественной работой»

На основании телеграммы от 24 июня 1986 года в адрес УРСа горно-химического комбината города Красноярска-26 на ликвидацию последствий чернобыльской аварии были откомандированы 5 поваров. В эту группу вошла и я, недавняя выпускница пищевого училища и студентка вечернего отделения промышленного техникума.

Мне разрешили экстерном сдать все экзамены, а наш начальник напутствовал: «Девчонки, ничего не бойтесь». Родителям я не сказала, куда направляюсь, уже оттуда в письме написала.

Вечером 24 июня наш самолёт приземлился в Борисполе. На такси добрались до Киева, где нам уже была обеспечена гостиница. На следующее утро электричкой уехали в Тетерев.

От станции пешком дошли до отдела кадров УС-605 в «Голубых озёрах» и были зачислены в штат.

В зону отчуждения впервые поехали 27 июня. Запомнились усталые лица ликвидаторов, пустые дома с закрытыми ставнями, в пятиэтажках на балконах оставлено выгоревшее на солнце бельё. Природа благоухает, июнь месяц! Места очень красивые!

Перед нами была поставлена задача — отмыть от радиации и подготовить к открытию пищеблок в школе-интернате и кафе «Дорожное».

Пока организм адаптировался к новым условиям, мы все сильно кашляли, и ещё очень сильно першило в горле. Это продолжалось недели две, потом всё прошло.

В первых числах июля мы запустили кафе «Дорожное». В нём работало 7 поваров на 3000 ликвидаторов в сутки. Было 80 посадочных мест. С работы уходили часа на три-четыре, чтобы хоть немного поспать.

Наше кафе располагалось через дорогу от бывшего автовокзала, и когда до ночлега в пионерском лагере «Крутой берег» доехать не удавалось, ночевали в небольшой комнате при штабе УС-605.

Работая поварами, мы одновременно выполняли обязанности уборщиц помещений, мойщиц посуды для зала и кухни, грузчиков. Всю посуду мыли вручную.

Каждый день проходили проверки СЭС. Дозиметристы делали замеры продуктов и особенно пола в зале. Если было «грязно», то закрывали раздачу, и мы, повара, кто не стоял на раздаче в этот день, надевали «лепесток», фартук из плотной клеенки, перчатки, сыпали в ведро с водой защитный порошок и мыли пол. Хотя при входе стояли приспособления для мытья обуви, но, видно, рабочие все равно натаскивали песок, ликвидаторы ведь ехали с самого реактора.

В конце августа в Чернобыле открыли еще одну большую столовую — «Энергетик». Стало немного полегче, нагрузка распределилась на несколько общепитов. К этому времени окончилась и наша чернобыльская командировка. Мы дождались поваров из нашего города на замену себе и 1 сентября были дома.

Сдали все документы, отчитались. Нас обследовали в заводской поликлинике на установке СИЧ. Вскоре каждый из нас вернулся на место своей работы. Зарплату за командировку получили только в октябре.

С 1992 года я нахожусь на инвалидности. Занимаюсь общественной работой в Союзе «Чернобыль России» ЗАТО Железнодорожска под руководством Владимира Константиновича Сперанского. Я отвечаю за сектор «Дети и подростки, родившиеся у ликвидаторов и эвакуированных из зоны отчуждения и выехавших из Зоны с правом проживания».

Людмила Старшинова: «Чернобыль облучил не только наши сердца, но и сознание»

Старшинова Людмила Геннадьевна,
1953 г.р., г. Минусинск, окончила институт советской торговли

В первый раз я поехала в Чернобыль в 1986 году, меня командировали из абаканского «Красноярскэнерго-промстроя». По линии Минэнерго комплектовали краевую группу работников столовых, куда и я вошла. Поехала добровольно, как член коммунистической партии.

Работали мы в столовой пионерского лагеря. Вахты кормили. Смена начиналась в четыре утра и заканчивалась глубокой ночью. У каждого на груди был установлен специальный номерной дозиметр-накопитель, который мы сдали по окончании вахты.

Мы, пищевики, как и медики, работали под белым цветом. А всего их там различали четыре: цвет хаки — военные, чёрный с жёлтым — пожарные, серый — работавшие непосредственно на станции, ну, и мы.

Работать приходилось в сложнейших условиях. Погода была жаркой, плюс жар от раскалённых печей. Вентиляцию включать запрещалось, чтобы не разносить радиационную пыль. И тем не менее, мы жили, смеялись и даже устраивали небольшие праздники.

Никогда не забуду, как мне пришлось стряпать торт для молодого официанта. Сама вызвалась. Хотелось, чтобы он запомнил свой чернобыльский день рождения.

Масло таяло от жары. Я сделала корнетик из пергамента и начала делать розы. Все присутствующие собрались вокруг меня и дули на масло, чтобы оно не растекалось, пока я соорудила это кондитерское чудо. У многих в глазах были слёзы. Я и сегодня не могу спокойно вспоминать об этом.

Случай с тортом сыграл ещё одну роль в моей жизни. Заведующая производством дала мне ключ от склада, чтобы я взяла всё необходимое для торта. Вошла я в подсобку и потеряла дар речи: сливочное масло коробками, стучёнка, шоколад. Однако ничего этого ликвидаторы и в глаза не видели. Стала выяснять — в чём дело? Оказалось, что все эти продукты обменивались на деньги

в близлежащих воинских частях. Проще говоря — разворовывались.

Моему возмущению не было предела. Работать с таким человеком я больше не могла и перевелась в сам город. Занималась дезактивацией — отмывали помещения от радиации. Помню, как весь Чернобыль был засыпан песком. На балконах висело выстиранное бельё. На окошках стояли засохшие цветы. Брошенные дома грустили о своих хозяевах.

Через год, летом 1987 года, я также занималась дезактивацией домов в Чернобыле.

Отработав на ликвидации чернобыльской аварии две вахты, я вернулась домой, накопив 20 рентген. Чернобыль облучил не только наши сердца, но и сознание. С той поры моя жизнь разделилась на «до» и «после» Чернобыля.

В 42 года я стала инвалидом. Врачи определили 80 процентов потери здоровья. Трижды умирала. Один раз это случилось в поезде, откуда сын вынес меня на руках. После этого я месяц пробыла в коме, а диагноз поставить так и не смогли. Связывать моё состояние с пребыванием в Чернобыле никто не хотел.

Вскоре мне пришлось поменять место жительства — я рассталась с мужем и теперь в одиночку поднимала троих детей. В это самое время я заочно окончила институт и получила высшее образование, одновременно дав образование своим детям.

Сегодня двое моих взрослых сыновей — это два моих сильных, надёжных крыла, без букета цветов в гости не приходят. С дочерью, которая живёт в Братске, ежедневная связь по телефону. Мои замечательные дети подарили мне пятерых чудесных внуков.

В одной из столовых для ликвидаторов

Чучук (Вдовина)

Светлана

Юрьевна

г. Красноярск

Светлана Чучук: «Не считаю, что совершила подвиг»

После училища я уехала по направлению в Железногорск, где меня и застало сообщение об аварии на ЧАЭС. Когда мне предложили поехать, согласилась без колебаний. Может потому, что была комсомолкой, может, пересилило любопытство, желание увидеть всё своими глазами и помочь Родине. Не знаю, что двигало мною в тот момент.

В свою первую чернобыльскую командировку я поехала от УРСа ГХК, мы в конце августа меняли самую первую смену поваров. Мне тогда было 19 лет.

В эту вахту я отработала поваром два месяца. Троих девчонок из нашей группы отправили в Чернобыль, они работали в кафе «Дорожное», а меня оставили в «Голубых озёрах». График был такой — с 4 утра до 10 вечера, через день. Делали всё — варили, мыли, убирали, обязанности особо между собой не делили.

Я одно время официанткой работала. Там были столики на четыре человека, так мы приноровились ставить тарелки на поднос, чтобы несколько столиков сразу обслужить. Завтрак начинался в 6 утра и все ликвидаторы торопились на автобус до станции. А со смены придут — тем более, уставшие, скорее бы покушать и отдохнуть.

В выходные дни мы ездили в Киев или просто в лагере отдыхали. Там ведь природа удивительной

красоты. Домики наши прямо в лесу стояли, и белки ручные рядом с нами бегали. Я маме заказывала посылки с сибирскими орехами и белок кормила.

Мы там все очень подружились, и по возвращении домой я получала и подписывала в ответ до 25 праздничных открыток. В общежитии, где я жила, удивлялись, откуда у меня столько друзей.

Домой я, кстати, вернулась без голоса — последствия радиации.

На следующий год я поехала также — в августе-ноябре. Девчонок опять отправили в «Дорожное», а меня в столовую «Ромашка» в Иванкове. Там у нас сложился дружный коллектив под руководством заведующей Людмилой Валентиновной Злобиной из Новосибирска.

Такая она у нас умница была! Дни национальной кухни проводили постоянно — грузинской, украинской, русской и даже цыганской. Костюмы своими руками мастерили, зал украшали. И КВН проходили между столовыми.

Там же, в «Ромашке», мы работали вместе с 1988-го по 89-й годы, 10 месяцев. А после Людмила Валентиновна позвала меня с собой на работу в воинскую часть 55237.

На рабочем месте, столовая «Ромашка», 04. 09. 87 г.

Коллектив столовой «Ромашка», 12.09.87 г.

В июле 90-го года эту часть расформировали и перешла на постоянную работу в «Южтепломонтаж», где собирала данные с дозиметров-накопителей. Потом меня научили сметы составлять, стала этим заниматься. Приходилось и полы мыть.

Там, в 1991 году, меня и увидел мой будущий муж. Он из Киева сам, а заехал на работу к своему брату и встретил меня. Было это 26 апреля. В этом году исполняется 20 лет со дня нашего знакомства.

25 сентября 1991 года мы поженились и он захотел жить на моей родине, в Сибири. А я хотела остаться на Украине.

Так в 1992 году мы приехали в Красноярск. Здесь повенчались в церкви и устроили праздничный вечер для моей мамы и её друзей. Сейчас у нас уже взрослая дочь.

Спустя четверть века после Чернобыля я могу сказать так: не считаю, что совершила какой-то подвиг, участвуя в ликвидации. Любой нормальный человек должен был так поступить, не знаю, как в настоящее время, тогда — да. Не из какой-то корысти, а из совести.

День цыганской кухни, г. Иванков, столовая «Березка»

Вдовам Чернобыля

Не просто ранен, а убит.
Ушел, а ордена не дали.
Не дали даже и медали.
Так на же, воин, получи.
Нет. Ты вдове моей вручи.
Пусть орден ляжет ей на грудь,
Напомнит о годах любви,
Ну, и о той несладкой доле,
Когда я мучился от боли,
Я умирал, она была
Почти совсем уже вдова.
Ухаживала и лечила,
Украдкой очень тихо выла
И Господа простить просила.

Александр Калинин

Вдовы Чернобыля

Не надо нас спрашивать: «Кто вы?»
Мы — вдовы Чернобыля, вдовы!
Мы в черные платья одеты,
На кладбища носим букеты.

Мы с горем, с бедою остались одни,
Мы в жизни познали тяжелые дни:
В Чернобыль мужей провожали,
Оттуда больными встречали...

Как хочется громко от горя кричать —
На нас навели роковую печать.
Не надо нас спрашивать: «Кто вы?»
Мы — вдовы Чернобыля, вдовы...

Галина Коваленко

Тамара Михайловна Ворзоница: «Сергей был настоящим профессионалом»

Мой муж, Сергей Сергеевич Ворзоница, работал начальником СМУ-6 «Сибхимстроя». Когда в октябре 1986 года пришло его время ехать в Чернобыль, он все время меня успокаивал и говорил, что едет просто снабженцем, и что в пекло он ни за что не полезет. На самом деле, он хорошо понимал, насколько опасна такая командировка. Двое детей у нас росли. Но Родина сказала: «Надо».

А отказаться Сергей не мог. Дело всегда было для него на первом месте, он был настоящим профессионалом.

Муж звонил нам оттуда каждый день, но как только начинал рассказывать о том, что там на самом деле происходит, связь обрывалась. Дважды он выходил на крышу энергоблока, рассказывал потом, что даже кости ломало.

Когда Сергей вернулся домой, узнать его было сложно. Два месяца назад был здоровым веселым парнем — розовощекий, зубы блестели. А тут — серое лицо, желтые зубы, высокая температура. Похудел, стал очень раздражительным и конфликтным. Было ему 36 лет.

Вскоре навалились все болезни, получил инвалидность. Сергей умер в 1994 году.

В.М. Прокофьев, С.С. Ворзоница, Х. Муртиев

Наталья Васильевна Дремова: «Валера всегда мечтал стать ТОЛЬКО военным»

Мой муж, Валерий Алексеевич Дремов, служил в звании майора медицинской службы в мотострелковом полку в/ч 92757, дислоцированном в городе Бийске Алтайского края. Он был начальником полковой медицинской службы.

Валера всегда мечтал стать только военным, любил свою работу и поэтому много времени проводил в части.

В ноябре 1986 года, получив известие о командировке, просто собрал вещи и на следующий день уехал. И даже мысли не возникло уклониться от опасного задания. Валерий Алексеевич был настоящим военным — получил приказ, значит надо его выполнить.

Писем он оттуда не писал. Говорил, что не разрешалось. Иной раз раздастся телефонный звонок. Он! «Привет? Как вы?», — вот и весь разговор.

Мы оба прекрасно понимали, что такое лучевая болезнь. Валера — военный врач, я — медик. Особых иллюзий о безопасности работы не было. Уверена, что он как мог оберегал в Чернобыле своих солдат. Для него они всегда были «сынками», и он всегда старался им помочь.

Помню, как муж вернулся домой лютой зимой в феврале 1987 года. Раскрасневшийся с мороза,

но без шинели. Он ее закопал в канаве недалеко от дома, опасаясь привезти с собой радиацию.

Вскоре мы переехали в Красноярск. Валерий служил до 1993 года, потом преподавал на военной кафедре в медицинской академии. Он умер в 1998 году.

Муж никогда не рассказывал о своей командировке, поэтому подробностей я не знаю. Только во сне иногда срывался и крыл матом начальство.

Ликвидаторы в Киево-Печерской лавре

Людмила Михайловна Усевич: «Мой муж был ответственным человеком»

Мой муж, Иван Викторович Усевич, служил в строительной части Минсредмаша. В свое время строил Ленинградскую АЭС, работал на Игналинской АЭС.

В 1982 году мы переехали в Красноярск. Однажды в апреле 1987 года Иван пришел домой и сказал: «Меня посылают в командировку». Быстро собрал вещи и уехал. Служил в качестве заместителя командира 3-й роты в/ч 55237.

Он был добросовестным и ответственным человеком. В силу своей профессии, естественно, представлял всю степень опасности такой командировки, зная, что такое радиация.

На тот момент у нас уже росли две дочки. Старшей было 7 лет, а младшей несколько месяцев. Он скучал по ним ужасно.

Иван вернулся домой в октябре 1987 года. О пребывании в Чернобыле ничего не рассказывал, на мои расспросы отвечал: «Зачем тебе это знать?». Говорил только, что часто приезжали артисты с концертами, что в Киев ездили на экскурсии.

По натуре муж был очень спокойным человеком, вернулся еще более молчаливым, и никогда ни на что не жаловался. В 40 лет ушел на пенсию по инвалидности. Работал помощником главы Железнодорожного района Красноярск.

Иван умер в 1996 году.

3-я рота, 1987 г. Иван Усевич — пятый справа в верхнем ряду

Валентина Григорьевна Вяткина: «По больницам Анатолий не ходил, хоть и чувствовал себя неважно»

На момент аварии в апреле 1986 года мой муж, Анатолий Михайлович Вяткин, 1947 года рождения, работал слесарем на стройке, в Красноярском строительном управлении № 12. С их предприятия в 86-м никого не забирали. Повестка из военкомата пришла 23 октября 1987 года. Он пришел домой и сказал, что его призывают на полгода, а отработал он в результате два месяца — вернулся 25 декабря того же года.

Как рассказывал Анатолий, работа там заключалась в основном в физическом труде, что называется — бери лопату, нагребай больше, кидай дальше.

Работали в 30-километровой зоне, по его словам, закапывали в землю все, что было поражено радиацией. В основном их направляли на расчистку в районы.

Связь с семьей была, письма приходили от него. Писал о том, как работает, говорил, что скоро, как только получит допустимую дозу, приедет домой.

Часто рассказывал о том, что было много мародеров, ведь люди в спешке покинули дома, оставили все — одежду, имущество, деньги, а недобрые люди пытались разбогатеть на этом горе.

По возвращении он изменился — сильно похудел, волосы выпадали очень, даже как-то состарился, что ли. По больницам не ходил, хоть и чувство-

вал себя неважно. Врачи говорили, что бесполезно все, что его уже не вылечить. У него кости сильно болели, притронуться не давал.

Прожил он после Чернобыля всего 5 лет и один месяц. И его не стало. Когда ехал туда, знал, что тот, кто там побывает, долго не проживет. Так и случилось.

За Чернобыль ему вручили две медали и орден.

Наталья Алексеевна Волкова: «Отказаться от командировки было НЕВОЗМОЖНО»

Мой муж, Геннадий Владимирович Волков, работал дозиметристом на ХМЗ. Он не хотел ехать в Чернобыль, и был направлен туда в служебном порядке в мае 1987 года. Мы тогда стояли в очереди на квартиру, и отказаться от командировки было невозможно.

Ему председатель профкома сказал, что на месте аварии ничего опасного. Гена там и в реке купался. Уже после этот председатель заявил ему: «Я тебя туда не посылал».

Муж раза два звонил нам оттуда по телефону, из Киева. Рассказывал, что ходил на экскурсию в Лавру. А больше ничего не рассказывал.

Геннадий вернулся домой в начале июля 1987 года. Вскоре ослеп, потом долго болел. Умер в 2005 году.

Зинаида Алексеевна Дворецкая: «Ему как будто крылья обрубали»

Мой муж, Владимир Вицентьевич Дворецкий, 1932 года рождения, на момент аварии работал в железнодорожном депо машинистом. Призвали его через военкомат 2 мая 1986 года. Когда все случилось в апреле, никто ничего не объявлял людям. В Киеве еще был парад первого мая, много народу на нем было.

И только второго мая стали вывозить детей, выезжать на автобусах. Мы на тот момент жили в Коростыле Житомирской области. Там и Киев и Коростыль совсем рядом с Чернобылем.

Тогда же, 2 мая, стали призывать туда людей. Мы и не знали, что там все так серьезно, знали, конечно, о том, что авария произошла, что тушили там огонь, но не знали всей правды, не думали, что там так опасно.

Говорят, когда там пожар тушили, рядом дети бегали, и никто их оттуда не выгонял, а потом прямо там плохо становилось пожарным, там такие были выбросы...

Со 2-го мая железнодорожники все силы бросили на ликвидацию аварии. Муж приходил в депо, его состав нагружали камнем, щебнем, и он туда вез все это на паровозе.

С работы приходил какой-то утомленный чрезмерно, хотя всегда такой живой был, общественник. А тут ему как будто крылья обрубали. Уставал сильно, каждый день работал, без смены, 1100 часов у него за это время отработанных получилось, со 2 мая по 26 августа. Работал без выходных, даже бывало, чувствовал себя плохо, а все равно ездил, так как не хватало машинистов.

Потом, конечно, они уже знали об опасности, о том, чем защищаться надо, им стали выдавать спецодежду. Несмотря на то, что он был машинистом, днем давали выпивать обязательно по 150 грамм водки. И кормили, он говорил, очень хорошо.

Мне что обидно сейчас, у меня есть все бумаги, переведенные с украинского языка на русский, а удостоверение первой категории украинское, никто не хочет поменять. Суд присудил, чтобы меняли на российский образец, а без толку.

У нас тогда уже дети были взрослые. Дочка с маленькими детьми приехала сюда, в Красноярск. А я вообще сама красноярская. С мужем мы познакомились, когда он на пассажирском поезде работал и был здесь в командировке.

В 1986 году муж вышел на пенсию, по больницам не ходил, не имел привычки, за всю рабочую деятельность ни разу на больничном-то не был. В 1997 году у него случился инсульт с кровоизлиянием в мозг, отек мозга. Полежал в больнице, выписали, привезла его домой, через неделю опять ему плохо стало, а в больницу его не брали, он же пенсионер, кому он там нужен. Похлопотала я, взяли, отлежал снова в больнице — второй инсульт случился, потом еще... И полная парализация.

И никак не признавали врачи, что болезни все эти у него от Чернобыля. Ни льгот не было, ничего, сама лечила его, за свой счет. Решила добиваться, а как это сделать? Ведь в его карточке никаких записей нет об этом. И только в 99-м, когда он был уже полностью парализованный, помешанный, дали мне все заключения нужные. Только в ноябре я оформила ему первую категорию, а в декабре он умер. Прожил Владимир Вицентьевич после Чернобыля 10 лет.

УС-605, в/ч 55237

Евгения Михайловна Трофимова: «Николай был очень сильный духом»

Мы с мужем, Николаем Аверьяновичем Трофимовым, на момент аварии жили в Красноярске. О катастрофе узнали от брата, который в то время жил на Украине. Он нам написал, что случилась авария, что автобусами вывозят людей и что с огорода запретили есть овощи, зелень. Еще брат написал, что 28 апреля по телевидению выступила какая-то никому не известная женщина в синем спецхалате и сказала, что ничего страшного не произошло, что работы по устранению ведутся, чтобы люди не волновались.

В апреле 1987 года мужу принесли повестку из военкомата. Работал он на тот момент сварщиком на заводе. В апреле был призван, в июне 87-го уже вернулся.

Работал он на расчистке на четвертом энергоблоке, все делали очень быстро, передвигались бегом. По 3–7 минут бывали на объекте, и снова в бункер. Каждый день контролировалась доза облучения.

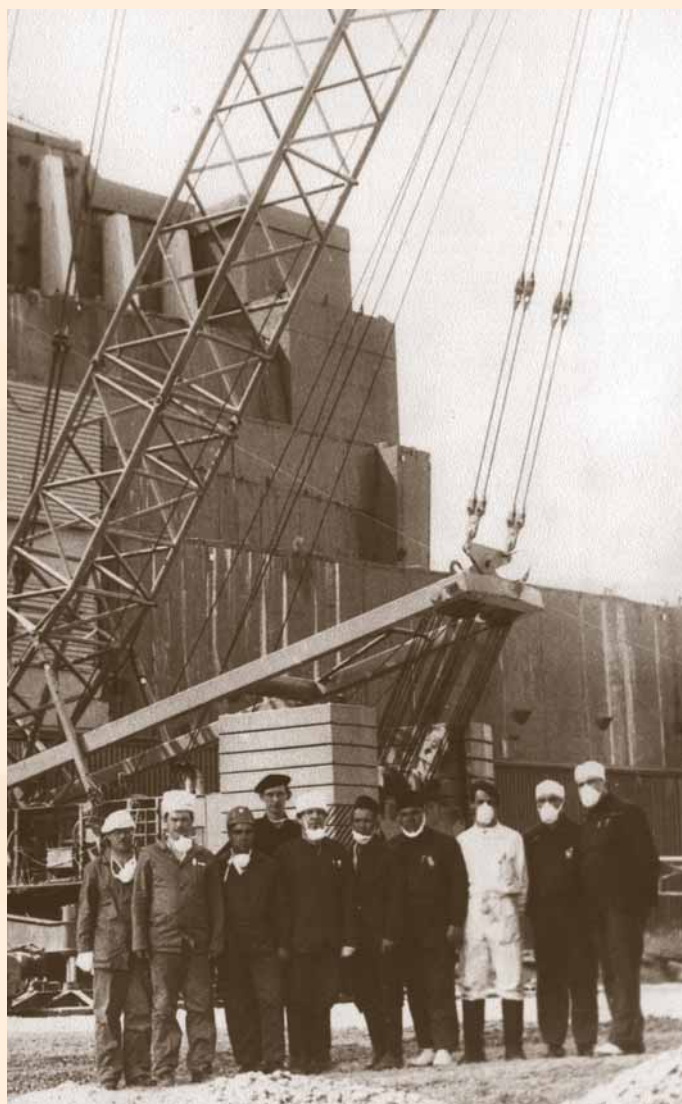
За все время командировки Николай позвонил всего один раз. Сказал, что все в порядке, работает.

Когда он вернулся и позвонил в дверь, я открыла, а он — как будто с того света, у меня такое ощущение было. И первое, что он сказал: «Нам — крышка».

С 1987-го года он начал болеть, пошел на инвалидность. Болел сильно, ноги беспокоили, сил не было совсем. Зрение потерял очень быстро. Похудел с 52 размера до 44-го. Хотя он был очень сильный

духом, никогда не жаловался. Николай Аверьянович Трофимов ушел из жизни в возрасте 50 лет, в августе 1996 года.

Никого сильно не упрекаю, но обида есть, конечно. У нас перекомиссия была в мае 1996 года, он лежал в госпитале и его со второй группы инвалидности перевели на третью, при полной потере зрения. А в августе его не стало. Оформляли документы мы вместе с представителями Союза чернобыльцев. Для подтверждения отправляли документы в Новосибирск. Да уже поздно было. Умер.

У «Демага»

Людмила Григорьевна Чадина: «Муж очень скучал по семье, особенно по сыну»

Мой муж, Евгений Александрович Чадин, 1953 года рождения, был единственным сыном у матери-инвалида. В январе 1987 года его в принудительном порядке отправили работать в Чернобыль. Он на тот момент трудился в электролизном цехе на КрАЗе. Начальник смены вручил ему повестку. В тот день муж вернулся домой неожиданно рано, в 12 часов, и уже в военной форме.

В Чернобыле Женя служил связистом. В его военном билете указано место службы — в/ч 41173А. На почтовом штампе письма было написано — Иванково.

Пользуясь служебным положением, он мог звонить домой хоть каждый день. Что он и делал. Каждое утро, в четыре часа по украинскому времени, раздавался телефонный звонок. У нас домашнего телефона не было, и я специально ездила к сестре. Разговаривали по часу. Связь была хорошая, правительственная, и никогда не прерывалась.

Муж очень скучал по семье, особенно по сыну.

Опять же благодаря своей службе, очень много знал о реальном положении дел и хорошо представлял себе степень опасности. Тем не менее, в числе добровольцев ходил на крышу энергоблока. Хотел быстрее набрать дозу и вернуться домой.

Вернулся наконец домой, и я сразу поняла — Женя серьезно болен. Он умер в 1993 году.

Незадолго до кончины мой муж лежал в госпитале, и на его лечение требовались очень большие деньги — лекарство стоило 625 рублей при моей зарплате в 250. Взять их мне было просто негде. Отчаявшись, я написала письмо Борису Ельцину. Я очень благодарна первому президенту Российской Федерации — лекарства пришли. Только было уже поздно — Женя к тому времени умер.

Нина Дмитриевна Корсукова: «Мой муж вернулся морально сломленным»

Мой муж, Геннадий Михайлович Корсуков, 1944 года рождения, был в Чернобыле в сентябре-ноябре 1986 года. Уехал он туда с Красноярского фармацевтического завода, где работал инженером-конструктором. Утром нам вручили повестку из военкомата и дали один день на сборы. Медицинская комиссия признала его годным к службе в Чернобыле.

Там его назначили ответственным за состояние техники. Из средств защиты были только «лепестки», индивидуальных дозиметров им не выдавали. Позже в справке о полученной дозе радиации написали — 25 рентген.

Чтобы поскорее попасть домой, Гена ходил на опасные работы, набирал предельно допустимую дозу.

Домой слал посылки со сгущенкой, тушенкой. В письмах писал, что все хорошо, работает. Дочь у нас родилась после Чернобыля, в 87-м году.

Мой муж вернулся домой морально подавленным, сломленным, о командировке ничего особо не рассказывал, отмалчивался. Это был уже совершенно другой человек. До Чернобыля — спокойный, даже флегматичный человек, которого трудно было вывести из равновесия. А стал взрывным, раздражительным, часто срывался на людях.

Геннадий умер в 2009 году.

Татьяна Георгиевна Панкова: «По возвращении с чернобыльской службы Виктор стал болеть»

Мой муж, Виктор Артемьевич Панков, 1949 года рождения, окончил строительный факультет политехнического института. Два года служил на китайской границе, после мы с ним переехали в Красноярск-45 (нынешний Зеленогорск). Там требовались инженеры-строители на должность начальника отдела капитального строительства завода «Сибволокно».

Когда из Чернобыля пришла заявка на руководящий состав, и директор предприятия предложил Виктору поехать, он сказал: «Надо, значит надо!».

Мой муж принимал участие в ликвидации аварии на ЧАЭС с 17 августа 1987 года по 5 августа 1988 года. Выполнял работы по запуску 3-го энергоблока АЭС в качестве начальника производственно-технического отдела капитального строительства ПО «Комбинат».

Писать оттуда было нельзя, звонил, в основном. Говорил, что условия, конечно, жуткие. Выходить никуда нельзя, все вокруг заражено. Говорил, что там везде все растет: фрукты, ягоды, грибы, но ничего нельзя брать. Все уничтожалось.

Питались, по его словам, хорошо. Воду минеральную пили ящиками, водку понемногу разрешали, потому что радиация была большая.

Когда подошел срок ему увольняться, его оставляли как хорошего работника, но он отказался, ведь семья — жена, двое детей, ждали его здесь.

До Чернобыля Виктор был совершенно здоровым человеком, чемпионом по лыжным гонкам Хакасии, веселым был, общественником. Его уважали в коллективе. Он был хорошим мужем, семьянином, всем помогал.

По возвращении из Чернобыля стал болеть, его перевели на другую работу — заместителем генерального директора по строительству завода «Химволокно».

На медосмотрах как будто не замечали его болеть, специального лечения не назначали. Ему становилось все хуже и хуже. Когда завод закрылся, он ушел на пенсию в 50 лет, не мог уже работать дальше.

Ушел из жизни в феврале 2006 года.

«Спасибо вам, не подвели, не дрогнули...»

№	Ф.И.О.	Год рождения	Год смерти	Год участия	Государственные награды
1	Абасов Шериф Исакович	1955		1987	
2	Абашев Леонид Мадарисович	1965		1986	
3	Абдурашидов Шамиль Нурмагомедович	1967		1986	
4	Аблаев Владимир Петрович	1957		1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
5	Абраменко Вадим Евгеньевич	1965		1988	медаль «За спасение погибавших»
6	Абрамов Геннадий Николаевич	1950	2010	1988	
7	Абрамов Александр Ефимович	1959		1987	медаль «За отвагу»
8	Абрамов Геннадий Алексеевич	1944	1999	1987	
9	Абумов Владимир Варламович	1950	2000	1989	
10	Авдеев Алексей Петрович	1945		1986	орден Мужества
11	Авдеев Виктор Иосифович	1953	1998	1988	
12	Агаев Хатан Насрулах-оглы	1950		1986	
13	Агапов Виктор Витальевич	1964	1999	1986	
14	Агеев Виталий Кириллович	1949		1987	орден Мужества
15	Агаяров Алекпер Джабраил-оглы	1950	2004	1986	
16	Адамейко Сергей Владимирович	1966		1986	
17	Адволоткин Владимир Петрович	1961		1986	
18	Азаренко Сергей Александрович	1954	2005	1986	
19	Азарова Галина Федоровна	1942		1986	
20	Аква Валерий Владимирович	1958		1986	
21	Акимов Николай Александрович	1960		1987	медаль «За спасение погибавших»
22	Акимов Николай Иосифович	1944		1989	
23	Акимов Василий Михайлович	1942	1992	1988	
24	Аксенов Валентин Павлович	1948		1987	
25	Алейников Альберт Павлович	1939		1986	
26	Александров Геннадий Аутович	1937		1986	орден Мужества
27	Александров Александр Сергеевич	1951		1986	
28	Александров Сергей Анатольевич	1961		1986	орден Мужества
29	Александров Владимир Николаевич	1955		1988	медаль «За спасение погибавших»
30	Алексахин Владимир Дмитриевич	1955		1987	
31	Алексеев Виктор Николаевич	1958		1986	
32	Алексеев Геннадий Геннадьевич	1964		1986	
33	Алексеев Виталий Ильич	1956		1987	
34	Алексеев Андрей Григорьевич	1941		1986	
35	Алексеев Валерий Михайлович	1951		1986	
36	Алексеевский Владислав Владимирович	1949	1999	1987	
37	Алексеев Владимир Николаевич	1958		1986	
38	Алексейцев Сергей Михайлович	1954		1989	медаль «За спасение погибавших»
39	Алешин Николай Иосифович	1949		1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
40	Алешкин Александр Иванович	1955	1999	1986	
41	Алешко Андрей Павлович	1955		1987	
42	Алещенко Сергей Анатольевич	1963		1986	
43	Алимурадов Вячеслав Сафарович	1957		1987	
44	Альмов Юрий Георгиевич	1948	1996	1986	
45	Альбрант Александр Владимирович	1966		1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
46	Ампилогов Игорь Константинович	1946		1986	орден Мужества
47	Ананьин Сергей Михайлович	1954	1989	1986	
48	Анашкин Владимир Сергеевич	1945		1986	орден Мужества, орден Трудовой Славы 3 степени
49	Анахов Владимир Михайлович	1948	2010	1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
50	Андин Николай Иванович	1956		1988	
51	Андреев Леонид Николаевич	1949		1987	
52	Андреев Александр Николаевич	1953		1986	
53	Андреев Юрий Николаевич	1959		1986	
54	Андреев Николай Михайлович	1954	2009	1986	медаль «За спасение погибавших»
55	Андреев Владимир Алексеевич	1941	1997	1986	

Красноярский край. Список участников ликвидации последствий аварии на ЧАЭС на 01.01.2011

№	Ф.И.О.	Год рождения	Год смерти	Год участия	Государственные награды
56	Андреева Анна Михайловна	1970		1988	
57	Андропова Екатерина Федоровна	1953		1986	
58	Андрусенко Галина Семеновна	1937		1986	
59	Андрушко Андрей Владимирович	1960		1986	
60	Анисимов Сергей Васильевич	1963		1986	
61	Анисимов Михаил Михайлович	1954		1987	орден Мужества
62	Анисимов Юрий Николаевич	1946	2006	1986	
63	Анисимов Андрей Павлович	1960		1986	
64	Анпилогов Сергей Матвеевич	1948	2005	1986	медаль «За спасение погибавших»
65	Антипов Василий Васильевич	1957		1986	
66	Антоненко Дмитрий Иванович	1954	1998	1987	
67	Антонов Александр Владимирович	1952		1988	медаль «За спасение погибавших»
68	Антонов Сергей Николаевич	1959		1986	
69	Антонов Николай Петрович	1956		1987	
70	Антонов Александр Васильевич	1957		1986	
71	Антонова Галина Тимофеевна	1949	2006	1987	
72	Антонович Александр Александрович	1963		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
73	Ануфриев Виктор Федорович	1935	1997	1986	
74	Ануфриев Валерий Иванович	1955	2004	1986	
75	Анфилов Владимир Евлантьевич	1956		1986	
76	Анцан Александр Генрихович	1955		1987	медаль «За спасение погибавших»
77	Анцупов Сергей Алексеевич	1929	1993		
78	Апанасенко Николай Васильевич	1953		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
79	Арапов Геннадий Иванович	1949		1986	медаль «За спасение погибавших»
80	Арбузов Николай Андреевич	1951		1986	медаль «За спасение погибавших»
81	Арбузов Сергей Иванович	1954		1987	медаль «За спасение погибавших»
82	Арефьев Валентин Григорьевич	1946	2005	1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
83	Аржаков Михаил Петрович	1951		1986	
84	Арзамазцева Лариса Константиновна	1952		1986	
85	Армаш Евгений Геннадьевич	1964		1988	
86	Артамонов Иван Иванович	1942	2002	1986	
87	Артамонов Николай Илларионович	1949		1987	
88	Архипов Николай Иванович	1944		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
89	Архипов Анатолий Алексеевич	1949		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
90	Архипов Виктор Иванович	1946		1988	медаль «За спасение погибавших»
91	Асауленко Галина Николаевна	1954		1986	орден Мужества
92	Асербаев Мухаметгали Ануарбекович	1958		1986	
93	Асмаев Салават Галинурович	1949		1988	орден Мужества
94	Астапчук Николай Сергеевич	1946		1987	медаль «За отвагу»
95	Астраханцев Виктор Васильевич	1954	2006	1987	орден Мужества
96	Астраханцев Александр Юрьевич	1966		1986	
97	Атаманцев Вячеслав Николаевич		1999	1986	
98	Атюков Владимир Васильевич	1957		1987	
99	Ауль Виктор Васильевич	1951		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
100	Афонин Виктор Анатольевич			1986	
101	Афонин Алексей Анатольевич	1957		1988	
102	Ахлестин Валерий Федорович	1963		1987	
103	Ахметов Фидай Рашитович	1954		1987	
104	Ахметшин Даниил Давлеевич	1953	2002	1986	
105	Ачкасов Сергей Дмитриевич	1951		1986	орден Мужества
106	Ашимов Владимир Айдарханович	1953		1986	медаль «За спасение погибавших»
107	Бабенко Валерий Александрович	1958		1986	орден Мужества
108	Бабий Валентин Сергеевич	1948		1987	
109	Бабиков Сергей Петрович	1958		1986	
110	Бабицкий Анатолий Константинович	1958		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени

«Спасибо вам, не подвели, не дрогнули...»

№	Ф.И.О.	Год рождения	Год смерти	Год участия	Государственные награды
111	Бабушкин Алексей Владимирович	1966		1988	
112	Баглай Михаил Иванович			1986	
113	Багрец Виктор Алексеевич	1953		1987	медаль «За отвагу»
114	Бажанов Николай Борисович			1986	
115	Баженов Михаил Александрович		1997	1988	
116	Базаров Евгений Николаевич	1954		1988	
117	Бакаев Вячеслав Иосифович	1951		1986	
118	Баканов Валерий Александрович	1948		1987	
119	Бакин Александр Семенович	1959		1986	медаль «За спасение погибавших»
120	Бакинов Михаил Алексеевич	1954		1987	
121	Бакуменко Владимир Иванович	1951		1986	
122	Балакин Олег Борисович	1963		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
123	Баладин Василий Михайлович	1952	2001	1986	
124	Баладин Николай Алексеевич	1952		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
125	Баладин Виктор Васильевич	1933		1986	
126	Бамбиза Владимир Павлович	1949		1988	
127	Бандурин Юрий Павлович	1951		1986	
128	Бандурин Алексей Терентьевич	1947	1998	1986	орден Мужества
129	Бандурин Алексей Захарович	1937		1986	
130	Баранов Виктор Яковлевич	1954		1988	медаль «За спасение погибавших»
131	Баранов Александр Иванович	1946	2007	1986	
132	Баранов Игорь Владимирович	1967		1986	
133	Баранов Андрей Михайлович	1965		1988	
134	Баранов Александр Александрович	1963		1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
135	Баранцев Александр Николаевич	1957		1988	медаль «За спасение погибавших»
136	Баринов Сергей Сергеевич	1967		1986	
137	Баринов Николай Анатольевич	1954	1995		
138	Барковская Галина Александровна	1951		1986	медаль «За спасение погибавших»
139	Барковский Александр Михайлович	1957		1988	
140	Барковский Виктор Федорович	1953	2003	1986	орден Мужества
141	Барышников Игорь Васильевич	1967		1986	
142	Басиров Юрий Борисович	1966		1986	
143	Баскаков Александр Николаевич	1956		1986	
144	Батайкин Владимир Александрович	1953		1988	
145	Батишев Иван Петрович	1955		1986	
146	Батрак Михаил Матвеевич	1941	2001	1986	
147	Батув Сергей Николаевич	1956	1990	1988	
148	Батыршин Рашид Хакимович	1948	2001	1987	
149	Бахаев Александр Михайлович	1950	2003	1988	
150	Бахарев Владимир Антонович	1946	2003	1987	
151	Бахов Михаил Михайлович	1954		1988	
152	Башков Михаил Иванович	1934		1986	
153	Башков Николай Степанович	1954		1987	
154	Бевза Александр Владимирович	1951		1986	орден Трудового Красного Знамени
155	Бедрин Виктор Валерьевич	1962		1986	орден Мужества
156	Безверхов Геннадий Петрович	1949	2004	1988	медаль «За спасение погибавших»
157	Безродних Иван Ильич	1952		1986	
158	Безруков М. В.	1965		1986	
159	Безручко Виктор Павлович	1949	2009	1987	орден Мужества
160	Безъязыкова Наталья Анатольевна	1970		1988	
161	Бекишев Валерий Николаевич		1996	1986	
162	Бекишев Николай Федорович	1949	2008	1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
163	Бекчурин Игорь Вениаминович	1941	2008	1986	орден Мужества
164	Белецкий Владимир Петрович	1957	1997	1987	
165	Белецкий Виталий Иванович	1956		1989	медаль «За спасение погибавших»

Красноярский край. Список участников ликвидации последствий аварии на ЧАЭС на 01.01.2011

№	Ф.И.О.	Год рождения	Год смерти	Год участия	Государственные награды
166	Беликов Виктор Яковлевич	1948		1986	
167	Беликов Александр Николаевич	1954		1986	
168	Белин Владимир Васильевич	1938	2001	1986	орден Мужества, медаль «За трудовое отличие»
169	Белобородов Михаил Романович	1950		1986	
170	Белов Петр Васильевич	1951		1987	орден Мужества
171	Белов Николай Степанович	1954	умер	1987	
172	Белов Николай Владимирович	1949	1998	1987	
173	Белоусов Александр Геннадьевич	1961		1986	
174	Белоусов Сергей Иванович	1957		1986	
175	Белешапкин Михаил Петрович	1956		1988	
176	Белугин Эдуард Викторович	1958		1986	орден Мужества
177	Белуткин Владимир Иванович	1947	2005	1986	
178	Бельтюков Владимир Аркадьевич	1965		1988	
179	Белянин Владимир Михайлович	1946		1987	
180	Беребнев Анатолий Александрович	1956		1988	медаль «За спасение погибавших»
181	Береза Василий Тадейович	1969		1986	
182	Березин Сергей Васильевич	1967		1989	
183	Березовой Владимир Федорович	1947		1986	
184	Берестюк Александр Иванович	1960		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
185	Берснев Евгений Викторович	1964		1986	
186	Бесчастнов Владимир Алексеевич	1955		1986	медаль «За спасение погибавших»
187	Бесчвертный Николай Николаевич	1956		1986	
188	Бетехтин Валерий Афанасьевич			1986	
189	Бехер Анатолий Карлович	1954		1987	
190	Бехтерев Виктор Иванович	1955		1988	медаль «За спасение погибавших»
191	Билусяк Андрей Андреевич	1969		1989	
192	Билык Игорь Иванович	1964		1987	
193	Бирилов Борис Иванович	1948		1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
194	Бирюков Сергей Григорьевич	1954		1986	
195	Бирюков Николай Дмитриевич	1947		1986	орден Мужества, орден Трудовой Славы III степени
196	Бирюля Григорий Петрович	1940		1986	
197	Блашкевич Александр Григорьевич	1954	2009	1988	
198	Блинов Борис Петрович	1958		1987	
199	Бобков Анатолий Тихонович	1937		1986	
200	Бобовников Олег Кальевич	1966		1986	
201	Бобрив Даниил Юлианович	1957		1986	
202	Бобров Борис Борисович	1967		1986	
203	Бобров Владимир Яковлевич	1946		1986	
204	Бобух Владимир Иванович	1942		1986	
205	Богданов Николай Павлович	1952	2005	1988	медаль «За спасение погибавших»
206	Богданов Владимир Владимирович	1960	2003	1986	
207	Богданов Сергей Александрович	1966	2003	1986	
208	Богданов Анатолий Вениаминович	1953	2010	1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
209	Богданов Владимир Иванович	1951		1987	медаль «За отвагу»
210	Богданов Пётр Анатольевич	1959		1987	
211	Богоманов Владимир Константинович	1950	1998	1987	
212	Богунов Сергей Николаевич	1953		1989	
213	Бодоговский Анатолий Дмитриевич	1959		1986	
214	Бодров Владимир Иванович	1957		1986	
215	Бодров Виктор Петрович	1947		1986	
216	Бозин Сергей Альбертович	1956	2006	1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
217	Бойко Валерий Викторович	1970		1988	
218	Бойков Валерий Юрьевич	1960		1986	
219	Болгов Михаил Михайлович	1958		1987	
220	Болгов Олег Викторович	1966		1986	

«Спасибо вам, не подвели, не дрогнули...»

№	Ф.И.О.	Год рождения	Год смерти	Год участия	Государственные награды
221	Болгов Александр Павлович	1954	1999	1988	
222	Болкисев Леонид Александрович	1951		1986	
223	Болотненко Анатолий Петрович	1942		1986	медаль «За спасение погибавших»
224	Болсуновский Виктор Павлович	1955		1986	
225	Болтенков Георгий Георгиевич	1942		1986	медаль «За спасение погибавших»
226	Большаков Александр Васильевич	1955	2003	1987	медаль «За спасение погибавших»
227	Бондарев Юрий Петрович	1949		1987	
228	Бондарь Вадим Григорьевич	1962		1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
229	Бондарь Григорий Иванович	1951		1988	
230	Бондарь Лариса Михайловна	1943		1986	орден Мужества
231	Борисенко Александр Николаевич	1944	1995	1988	
232	Борисенко Николай Максимович	1935		1986	орден Мужества
233	Боровиков Анатолий Дмитриевич	1960		1989	
234	Боровлев Василий Николаевич	1956		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
235	Боровский Константин Петрович	1939		1986	
236	Борода Владимир Николаевич	1953	2006	1986	орден Мужества
237	Бородин Василий Захарович	1936		1986	
238	Бородок Валерий Николаевич	1947	1997	1988	
239	Бородулин Борис Анатольевич	1956		1986	
240	Бочкарев Николай Ефремович	1942		1987	
241	Бочков Геннадий Викторович	1955		1986	орден Мужества
242	Бочков Василий Александрович	1950	2001	1987	
243	Бочуля Виктор Федорович	1958		1986	
244	Бражников Сергей Дмитриевич	1956		1989	
245	Братковский Геннадий Николаевич	1937		1986	
246	Братченко Виктор Сергеевич	1957		1988	
247	Братчикова Наталья Александровна	1964		1986	
248	Браузмэн Владимир Андреевич	1965		1986	
249	Браун Виктор Викторович	1955		1988	
250	Брацук Владимир Петрович	1956		1987	орден Мужества
251	Бридак Виктор Эдуардович	1957	2010	1986	
252	Бродзянский Борис Николаевич	1960	1994	1986	
253	Бродников Валерий Яковлевич	1956		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
254	Бруев Дмитрий Сергеевич	1945		1986	медаль «За спасение погибавших»
255	Бруквин Николай Васильевич	1956	1997	1987	
256	Брызгалов Сергей Николаевич	1961		1986	
257	Брыков Сергей Николаевич	1952		1987	медаль «За спасение погибавших»
258	Брюханов Геннадий Михайлович	1951	1996	1988	
259	Бугай Вадим Викторович	1964		1987	медаль «За спасение погибавших»
260	Будков Вениамин Евгеньевич	1949		1986	орден Мужества
261	Будрис Антанас Людович	1956		1987	
262	Бузин Евгений Андреевич	1958		1987	
263	Бузо Валерий Фомич	1951		1986	
264	Буйских Алексей Николаевич	1948		1988	медаль «За спасение погибавших»
265	Буканов Вячеслав Михайлович	1947		1986	
266	Букин Евгений Иванович	1951	1998	1986	
267	Буланов Николай Валентинович	1960		1986	
268	Буланый Виталий Иванович	1953		1987	орден Мужества
269	Булгаков Игорь Борисович		1999	1986	
270	Булдаков Александр Анатольевич	1956	2009	1987	
271	Булкин Евгений Григорьевич	1957	2010	1987	орден Мужества
272	Булов Валерий Иванович	1949	2010	1986	орден Мужества
273	Булыгин Сергей Петрович	1953	2001	1987	
274	Бульчев Александр Сергеевич	1946		1987	медаль «За отвагу»
275	Бумарь Сергей Яковлевич	1957		1987	медаль «За отвагу»

Красноярский край. Список участников ликвидации последствий аварии на ЧАЭС на 01.01.2011

№	Ф.И.О.	Год рождения	Год смерти	Год участия	Государственные награды
276	Буравой Александр Сергеевич	1953	2008	1986	орден Мужества
277	Буреев Виктор Петрович	1946		1986	орден Мужества
278	Бурин Владимир Петрович	1956		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
279	Бурлаков Владимир Константинович		2000	1986	
280	Бурмакин Сергей Витальевич	1951		1988	медаль «За спасение погибавших»
281	Бурой Николай Николаевич	1966		1986	орден Мужества
282	Бусыгин Дмитрий Михайлович	1965		1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
283	Бутенко Владимир Трофимович	1946		1986	медаль «За спасение погибавших»
284	Бутерус Виктор Александрович	1949		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
285	Буторин Николай Алексеевич	1951		1986	
286	Буторов Павел Владимирович	1958		1986	
287	Бутырин Виктор Иннокентьевич	1954		1986	
288	Буховец Артур Германович	1957		1986	
289	Бухольц Артур Германович			1986	
290	Бушков Сергей Борисович	1956		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
291	Бушманов Николай Викторович	1956		1988	медаль «За отвагу»
292	Бушманов Александр Викторович	1959	2003	1986	
293	Бушуев Сергей Юрьевич	1957		1986	
294	Буянов Юрий Викторович	1964		1986	
295	Быба Александр Федорович	1955		1986	
296	Быко Юрий Анатольевич			1986	
297	Быков Михаил Андреевич	1946	2005	1987	
298	Быков Юрий Анатольевич	1955	2004	1989	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
299	Быкова Наталья Ивановна	1969		1988	
300	Быстров Николай Алексеевич	1948	2002	1987	
301	Быстрова Галина Андреевна	1948		1986	медаль «За спасение погибавших»
302	Быструшкин Александр Михайлович	1927	1991	1986	
303	Быцин Николай Егорович	1948	1990	1987	
304	Вадимов Владимир Николаевич	1962		1987	
305	Вазаев Андрей Викторович	1966		1986	
306	Вайника Валерий Михайлович	1954	2001	1986	
307	Валошин Александр Иванович	1953	2002	1987	
308	Валухов Константин Борисович	1956		1988	медаль «За спасение погибавших»
309	Валухов Александр Михайлович	1954		1986	
310	Вальков Вячеслав Александрович	1952	2007	1986	
311	Вараев Владимир Анатольевич	1957		1986	
312	Васеев Юрий Варфоломеевич	1942		1986	
313	Васекин Александр Васильевич	1959		1986	
314	Васильев Аркадий Александрович	1949	1998	1988	
315	Васильев Игорь Алексеевич	1966		1986	
316	Васильев Николай Васильевич	1955		1987	
317	Васильев Владимир Иванович	1960		1986	
318	Васильев Вячеслав Николаевич	1948		1986	
319	Васильев Владимир Иванович	1948	2002	1986	
320	Васильева Елена Петровна	1941		1986	
321	Васько Вера Михайловна	1951		1986	
322	Васюнин Александр Иванович	1950	2001	1986	
323	Вахитов Гадальзян Ахметович	1956		1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
324	Вахитов Наглезли Иллимзянович	1951	1996	1987	
325	Вахлюев Анатолий Владимирович	1954		1987	орден «За службу Родине в ВС СССР», медаль «За спасение погибавших»
326	Вахмистров Анатолий Петрович	1956		1988	
327	Вахрушев Александр Николаевич	1957		1988	медаль «За спасение погибавших»
328	Вашкеба Михаил Михайлович	1954		1986	
329	Вдовина Светлана Юрьевна			1986	
330	Вебер Виктор Феликсович	1955		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени

«Спасибо вам, не подвели, не дрогнули...»

№	Ф.И.О.	Год рождения	Год смерти	Год участия	Государственные награды
331	Ведров Василий Владимирович	1955		1989	
332	Велигданов Сергей Николаевич	1961		1986	
333	Великих Юрий Михайлович	1937		1986	
334	Величко Валерий Леонардович	1956		1987	
335	Веровкин Александр Александрович	1949		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
336	Веремеенко Виктор Григорьевич	1965		1986	
337	Веремеенко Марина Владимировна	1966		1987	
338	Веренич Геннадий Николаевич	1958	2002	1987	
339	Верещака Юрий Павлович	1962		1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
340	Верхотуров Анатолий Иванович	1951		1986	медаль «За спасение погибавших»
341	Вершков Владимир Андреевич	1953	1995	1986	
342	Веселый Вячеслав Викторович	1947		1986	
343	Ветилев Василий Александрович	1955	2003	1986	
344	Вечерина Тамара Васильевна	1946		1987	
345	Вечканов Владимир Васильевич	1950	1998	1988	
346	Винк Виктор Робертович	1956		1987	
347	Винников Алексей Павлович	1933		1986	орден Мужества
348	Винокуров Геннадий Александрович	1951		1986	
349	Висягин Николай Семёнович	1951	1999	1987	
350	Вихор Виктор Васильевич	1956		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
351	Вихорь Александр Викторович	1954		1986	
352	Веровкин Александр Александрович	1949		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
353	Вишневский Владимир Игнатьевич	1960	1998	1988	
354	Вишняк Иван Трофимович	1948		1986	орден Мужества
355	Вишняк Ольга Ивановна	1960		1986	
356	Вйонцев Иван Зигмундович	1961		1986	
357	Владмирова Нина Власовна	1941		1987	
358	Власенко Николай Иванович	1948	2000	1986	
359	Власов Михаил Николаевич	1948		1986	орден Мужества
360	Власов Юрий Дмитриевич	1946	1999	1986	
361	Вовкотруб Михаил Степанович	1953		1988	медаль «За спасение погибавших»
362	Воврик Павел Владимирович	1950	1994	1987	
363	Воевода Николай Иванович	1944	2009	1986	
364	Войткевич Иван Петрович	1956	2000	1988	
365	Войтко Николай Степанович	1935		1986	
366	Волков Александр Николаевич	1959	2004	1986	
367	Волков Вадим Викторович	1966	2006	1986	
368	Волков Сергей Витальевич	1951		1987	медаль «За отвагу»
369	Волков Валерий Иванович	1949	2006	1988	
370	Волков Геннадий Владимирович	1947	2005	1987	медаль «За спасение погибавших»
371	Волков Владимир Геннадьевич	1954		1986	
372	Волкунович Валерий Николаевич	1951		1990	
373	Володин Виктор Петрович	1959	1998	1986	
374	Волосянкин Анатолий Иванович	1950	2003	1987	
375	Волохин Александр Николаевич	1949		1986	
376	Волошаненко Владимир Николаевич	1951		1986	медаль «За спасение погибавших»
377	Волошанский Владимир Иванович	1955	2002	1986	
378	Волошин Виктор Иванович	1957		1986	
379	Вольхин Владимир Алексеевич			1986	
380	Ворзониин Сергей Сергеевич	1952	1994	1986	
381	Воробьев Юрий Викторович	1960		1986	
382	Воробьев Александр Викторович	1958		1988	
383	Воробьев Иван Андреевич	1930		1986	орден Мужества
384	Воровин Валерий Александрович	1951	1998	1988	
385	Воровин Валерий Николаевич				

Красноярский край. Список участников ликвидации последствий аварии на ЧАЭС на 01.01.2011

№	Ф.И.О.	Год рождения	Год смерти	Год участия	Государственные награды
386	Воронин Анатолий Николаевич	1956		1987	орден Мужества
387	Воронин Юрий Гаврилович		1992	1986	орден Мужества
388	Воронков Григорий Михайлович	1942		1986	медаль «За спасение погибавших»
389	Воронов Алексей Николаевич	1956		1986	орден Мужества
390	Воронович Александр Афанасьевич	1965		1986	
391	Ворошилов Геннадий Дмитриевич	1949		1986	
392	Вохитов Наглезли Иллимзянович	1951	1996	1987	
393	Вохмянин Леонид Павлович	1952		1986	орден Мужества
394	Вшивков Дмитрий Анатольевич	1962		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
395	Вшивков Виктор Иванович	1950		1988	медаль «За спасение погибавших»
396	Вылехжанин Николай Спиридонович	1952	1995	1987	
397	Высотин Александр Владимирович	1951	2007	1986	
398	Высоцкий Вольдемар Викторович	1960		1986	
399	Вычужанина Марина Владимировна	1966		1986	
400	Вялых Александр Степанович	1953	2002	1986	
401	Вяткин Анатолий Михайлович	1947	1993	1987	
402	Вяткин Николай Николаевич	1951		1988	
403	Габдулин Минзаки Халимович	1947		1986	
404	Габдурахимов Рашид Рашидович	1948	2003	1987	
405	Гаврикова Лариса Николаевна			1986	
406	Гаврилов Василий Николаевич		1994	1986	
407	Гаврилов Леонид Николаевич	1953	1998	1987	
408	Гаврилович Александр Анатольевич	1957		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
409	Гаврилюк Борис Михайлович	1946		1987	медаль «За отвагу»
410	Гагарин Михаил Петрович	1946	1999	1987	
411	Гаджиев Афер Гейбат	1968		1986	
412	Гаджиев Садар Фарман-оглы	1960		1987	
413	Гаевский Владимир Анатольевич	1960		1986	орден Мужества
414	Гайфулин Равиль Абдулович	1950		1987	
415	Галаган Владимир Владимирович	1958		1986	
416	Галагуз Владимир Николаевич	1949		1990	
417	Галахов Анатолий Филиппович	1951	2001	1987	
418	Галинский Владимир Васильевич	1956	2000	1988	
419	Галкин Владимир Николаевич	1950		1986	
420	Галкин Владимир Федорович	1954		1988	медаль «За спасение погибавших»
421	Галкин Анатолий Аркадьевич	1953		1989	
422	Галко Елена Николаевна	1967		1987	
423	Галко Анатолий Александрович	1956		1986	
424	Галчин Анатолий Дмитриевич	1937		1986	
425	Гаманюк Николай Андреевич	1956		1987	
426	Ганиев Аждар Насиб-оглы	1966		1986	медаль «За спасение погибавших»
427	Ганиев Хасен Хашкосимович	1953		1988	
428	Ганькин Юрий Прокопьевич	1948		1986	орден Мужества
429	Гапоненко Сергей Леонидович	1952		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
430	Гапоненко Валерий Ильич	1941	1995	1986	
431	Гапонюк Николай Васильевич	1967		1986	
432	Гардт Сергей Александрович	1966		1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
433	Гарковенко Эдуард Евгеньевич	1959		1988	
434	Гарнага Илья Иванович	1950		1986	
435	Гарус Александр Васильевич	1955		1986	медаль «За спасение погибавших»
436	Гасанов Тагир Абдусалатович	1958		1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
437	Гасанов Фазаил Башир-оглы	1965		1986	
438	Гаськов Александр Зиновьевич	1958		1986	
439	Гатилов Михаил Александрович	1954		1986	
440	Гевель Михаил Сергеевич	1946		1986	

«Спасибо вам, не подвели, не дрогнули...»

№	Ф.И.О.	Год рождения	Год смерти	Год участия	Государственные награды
441	Геенко Константин Георгиевич	1958	1996	1986	
442	Герасименко Николай Петрович	1964	2005	1987	
443	Герасимов Валерий Валентинович	1965		1986	
444	Герасимов Леонид Васильевич	1948	2004	1986	
445	Герасимов Пётр Егорович	1956		1987	
446	Герасимова Нина Викторовна	1935	2009	1988	
447	Гераськов Владимир Ильич	1946	2005	1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
448	Герщенко Александр Иванович		1992	1986	
449	Гергенрейдер Иван Иосифович	1956		1987	
450	Гершенгорина Галина Владимировна	1935		1987	
451	Геря Геннадий Анатольевич	1956		1987	орден Мужества
452	Гетто Николай Андреевич	1942		1988	
453	Гжибик Геннадий Петрович	1954		1987	медаль «За отвагу»
454	Гибадулин Александр Мунерович	1956		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
455	Гиевская Светлана Ивановна	1969		1988	
456	Гильдт Андрей Александрович	1959		1986	
457	Гилязов Салимзян Галимзянович	1950		1988	
458	Гирский Иван Алексеевич		умер		
459	Гладков Сергей Геннадьевич	1963		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
460	Гладышев Михаил Борисович	1961		1986	
461	Глазков Виктор Прокопьевич	1954		1987	
462	Глазырин Александр Николаевич	1967		1987	
463	Глебок Геннадий Янович	1953	1994	1987	
464	Глейм Анатолий Андреевич	1956		1987	
465	Глимзанов Мухтасар Мухтоборович	1948		1989	
466	Глинских Вадим Михайлович	1935		1986	
467	Глубоковский Юрий Иванович	1951		1986	
468	Глухих Юрий Николаевич	1945	1997	1986	
469	Глухов Владимир Анатольевич	1954		1987	
470	Глухушкина Вера Александровна	1941		1986	
471	Глушков Анатолий Николаевич	1954		1987	
472	Глущенко Владимир Петрович	1948		1987	медаль «За отвагу»
473	Гнездилов Валерий Валентинович	1948		1988	медаль «За отвагу»
474	Гнездов Вячеслав Николаевич	1953	1992	1989	
475	Гоголев Алексей Германович	1964	2000	1986	
476	Годунов Виктор Михайлович	1947		1987	орден Мужества
477	Голдобин Владимир Степанович	1953		1987	
478	Голенев Александр Анатольевич	1949		1988	медаль «За отвагу»
479	Голованских Геннадий Степанович	1947	1999	1987	
480	Головин Валерий Николаевич	1954		1986	
481	Головков Евгений Павлович	1947		1986	
482	Головчанов Игорь Борисович	1950		1987	орден Мужества
483	Голощاپов Борис Григорьевич	1947	2004	1987	
484	Голощاپов Виталий Анатольевич	1964		1986	
485	Голубев Александр Петрович	1955	1997	1987	
486	Голубенко Анатолий Иванович	1939	2008	1987	
487	Голубцов Владимир Андриянович	1946		1987	орден Мужества
488	Голубцов Виктор Федорович	1949	2000	1988	
489	Гольцов Игорь Николаевич		1994	1989	
490	Голяшин Виктор Яковлевич	1955	2007	1988	орден Мужества
491	Гоман Николай Васильевич	1949	2004	1987	
492	Гоман Нина Ивановна	1950		1986	
493	Гоменюк Василий Георгиевич	1949		1987	
494	Гонт Константин Викторович	1967		1986	
495	Гонтарев Николай Иванович	1958		1989	

Красноярский край. Список участников ликвидации последствий аварии на ЧАЭС на 01.01.2011

№	Ф.И.О.	Год рождения	Год смерти	Год участия	Государственные награды
496	Гончаров Анатолий Иванович	1957		1987	медаль «За спасение погибавших»
497	Гончаров Виктор Михайлович	1956		1987	
498	Гончаров Александр Матвеевич		умер	1986	
499	Гонюхов Сергей Олегович	1961		1987	
500	Гоппе Виктор Вольдемарович	1959		1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
501	Горбанев Михаил Федорович	1955		1988	
502	Горбатенко Михаил Владимирович	1959		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
503	Горбач Александр Григорьевич	1960		1986	
504	Горбунов Иван Николаевич		1994		
505	Горбунов Николай Алексеевич	1958		1986	орден Мужества
506	Гордеев Радион Геннадьевич	1966		1986	
507	Гордеев Сергей Варфоломеевич	1960	1995	1986	
508	Гордеев Дмитрий Иванович	1955		1986	
509	Гордеев Юрий Алексеевич			1986	
510	Гордеев Николай Геннадьевич	1950		1988	
511	Гордеев Геннадий Сергеевич	1957		1986	орден Мужества
512	Гордиенко Ольга Тимофеевна	1962		1986	
513	Гордиенко Сергей Сергеевич	1956		1986	
514	Горелик Виталий Викторович	1949		1987	орден Мужества
515	Горетый Александр Васильевич	1956		1988	
516	Горлачев Дмитрий Иванович	1949	2006	1986	
517	Горчакова Тамара Лазаревна	1940		1986	
518	Горшков Виктор Александрович	1954		1987	
519	Горшков Александр Николаевич	1960		1986	
520	Горшков Алексей Степанович	1948		1988	
521	Горшков Геннадий Тимофеевич	1948		1987	медаль «За отвагу»
522	Горшкова Людмила Ивановна	1935		1986	
523	Горюнов Виктор Николаевич	1951	1992	1987	
524	Горяев Юрий Петрович	1950		1987	медаль «За воинскую доблесть», орден Мужества
525	Гостюхин Сергей Петрович	1959		1986	
526	Готовка Виктор Михайлович	1956		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
527	Готовцев Владислав Леонидович	1953		1986	
528	Грабор Ирина Александровна	1963		1987	
529	Гранин Валерий Михайлович	1950		1989	медаль «За спасение погибавших»
530	Гранкина Луиза Георгиевна	1939		1989	
531	Грачев Алексей Анатольевич	1969		1987	
532	Грачев Владимир Николаевич	1950		1987	
533	Гребенкин Сергей Васильевич	1956		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
534	Гребенников Юрий Петрович	1956		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
535	Гребенников Владимир Владимирович	1948	2007	1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
536	Гребенюк Владимир Викторович	1967		1986	
537	Грибанов Илья Николаевич	1966		1986	
538	Грибков Иван Александрович	1949		1986	орден Мужества
539	Грибков Виктор Иванович	1954	2002	1986	
540	Грибок Анатолий Адамович	1955		1987	
541	Гриболев Сергей Витальевич	1963		1987	медаль «За отвагу»
542	Грива Василий Иванович	1947	1996	1987	
543	Григорьев Николай Дмитриевич	1946		1986	
544	Гринкевич Михаил Гаврилович	1952		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
545	Грицай Анатолий Иванович	1954	2009	1987	
546	Грицюк Владимир Кириллович	1946		1987	
547	Гришанков Анатолий Федорович	1948	2005	1988	медаль «За спасение погибавших»
548	Гришин Евгений Васильевич	1947		1989	
549	Гришин Станислав Анатольевич	1959		1986	
550	Гройсер Василий Степанович	1948		1986	

«Спасибо вам, не подвели, не дрогнули...»

№	Ф.И.О.	Год рождения	Год смерти	Год участия	Государственные награды
551	Громенко Владимир Васильевич	1957		1987	
552	Громов Владимир Петрович	1954	2007	1988	
553	Грузинцев Александр Павлович	1951		1987	
554	Грызин Михаил Григорьевич	1940	2002	1988	
555	Грыцуля Валерий Петрович	1956		1986	
556	Грюк Николай Николаевич	1947		1987	
557	Грязнов Александр Владимирович	1954		1986	медаль «За спасение погибавших»
558	Грязнов Николай Яковлевич	1948		1986	орден Мужества
559	Грязных Константин Анатольевич	1961		1986	медаль «За спасение погибавших»
560	Губайдулин Рим Габдулович	1952		1989	
561	Губанов Сергей Ерофеевич	1951	1999	1987	
562	Губачев Александр Александрович	1952	2000	1987	
563	Губушкин Сергей Иванович	1954		1987	
564	Гудзенко Владимир Николаевич	1939	2008	1987	
565	Гунбин Александр Петрович	1949	2007	1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
566	Гупало Иван Григорьевич	1962		1986	
567	Гурец Александр Александрович	1951		1987	медаль «За отвагу»
568	Гурулев Александр Николаевич	1967		1986	
569	Гурьев Сергей Леонидович	1952		1988	
570	Гусев Виктор Сергеевич	1946	1999	1986	
571	Гусева Марина Геннадьевна			1986	
572	Гуска Михаил Федорович	1951		1987	
573	Густов Олег Юрьевич	1960		1986	
574	Густырь Анатолий Ильич	1951		1987	
575	Гушта Степан Григорьевич	1955	1998	1987	
576	Гущин Валерий Митрофанович	1949		1987	орден Мужества
577	Давидюк Николай Викторович	1959		1987	
578	Давыдов Геннадий Владимирович	1952	2004	1986	
579	Давыдов Михаил Афанасьевич	1947	1996	1986	
580	Давыдов Сергей Александрович	1961		1986	
581	Давыдов Александр Степанович	1946		1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
582	Давыдчик Александр Владимирович	1941		1986	
583	Дадеко Виктор Романович	1954		1986	
584	Дамов Михаил Иванович	1951	2009	1989	
585	Даниленко Валерий Егорович	1948		1986	
586	Даниленко Николай Иванович	1941		1986	
587	Данилюк Ярослав Емельянович	1945	2008	1987	орден Мужества
588	Даничев Александр Сергеевич	1964		1987	
589	Дашкевич Владимир Ефимович	1955		1987	
590	Дашковский Николай Николаевич	1954		1986	медаль «За спасение погибавших»
591	Дворецкий Владимир Вицентьевич	1932	1999	1986	
592	Дегтярев Пётр Павлович	1955		1987	
593	Дегтярев Андрей Юрьевич	1965		1986	
594	Дегтярев Александр Анатольевич	1954	1998	1986	
595	Дедов Николай Михайлович	1952		1988	медаль «За спасение погибавших»
596	Дедюхин Николай Павлович	1951	2000	1987	
597	Дежицкий Виктор Александрович	1956		1987	медаль «За спасение погибавших»
598	Дейнеко Виктор Леонидович	1954	2007	1986	
599	Декасов Николай Гаврилович	1947	2009	1987	
600	Демидов Вадим Анатольевич	1966		1986	орден Мужества
601	Демидов Владимир Иванович	1946		1986	
602	Демин Юрий Витальевич	1955	2007	1986	
603	Демченко Геннадий Викторович	1951		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
604	Денисенко Юрий Филиппович	1943	1990	1987	
605	Деньчук Олег Павлович	1957		1986	

Красноярский край. Список участников ликвидации последствий аварии на ЧАЭС на 01.01.2011

№	Ф.И.О.	Год рождения	Год смерти	Год участия	Государственные награды
606	Дербак Анна Михайловна	1970		1988	
607	Дергай Андрей Александрович	1964		1986	
608	Деревянченко Валерий Георгиевич	1946		1987	
609	Деулин Вадим Борисович	1944		1986	
610	Дешеков Валерий Альвавич	1964		1986	медаль «За спасение погибавших»
611	Дешеков Альва Муртазалиевич		1995	1986	
612	Джаман Владимир Орестович	1954	1995	1986	
613	Дзяугис Петр Михайлович	1951		1986	орден Мужества
614	Диденко Александр Петрович	1955		1986	
615	Диков Валерий Алексеевич	1953		1989	
616	Диханов Николай Николаевич	1950		1988	
617	Дмитрев Анатолий Александрович	1956		1987	
618	Дмитриев Юрий Дмитриевич	1953		1986	
619	Дмитриев Виталий Владимирович	1950		1986	
620	Дмитриев Сергей Григорьевич	1938		1986	
621	Дмитриева Ольга Емельяновна	1937	2005	1989	
622	Дмитриенко Николай Васильевич	1953		1987	
623	Добров Николай Иванович	1936		1986	
624	Добровольский Александр Федорович	1954		1988	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
625	Доброходский Виктор Васильевич	1951	1997	1986	
626	Добрынских Геннадий Константинович	1940		1990	
627	Добрых Виктор Николаевич	1950		1986	медаль «За спасение погибавших»
628	Догадаев Николай Иванович	1956		1987	
629	Додонов Вадим Федорович	1960		1986	
630	Докучаев Андрей Васильевич	1961		1986	
631	Долгих Олег Валерьевич	1963	2004	1986	
632	Долгополов Борис Борисович	1954		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
633	Долишный Евгений Васильевич	1961		1986	
634	Долматов Василий Семенович	1926	1993		
635	Долотина Нина Матвеевна		1994	1986	
636	Домашних Сергей Евгеньевич	1946		1986	медаль «За спасение погибавших»
637	Доморацкий Александр Иванович	1953		1986	
638	Донцов Геннадий Георгиевич	1951		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
639	Донцов Александр Васильевич	1948	2003	1988	
640	Доровских Николай Георгиевич	1951		1988	
641	Доронин Александр Геннадьевич	1962		1986	
642	Доронин Петр Афанасьевич	1957		1987	
643	Доронин Александр Павлович	1956		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
644	Дорофеев Алексей Степанович	1946		1986	
645	Дорофеев Юрий Николаевич	1947		1986	
646	Дорохин Евгений Иванович	1965		1988	
647	Дорохов Владислав Михайлович	1957		1986	
648	Дорosh Ярослав Михайлович	1957	2002	1987	
649	Дорошенко Сергей Иванович	1967		1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
650	Достовалов Николай Николаевич	1956	умер	1986	
651	Драбов Александр Николаевич	1952		1987	орден Мужества
652	Драйин Борис Евгеньевич			1986	
653	Дранников Дмитрий Владимирович	1952	2002	1988	
654	Драченин Николай Викторович	1967		1986	
655	Дремин Геннадий Иванович			1986	
656	Дремов Валерий Алексеевич	1948	1998	1986	
657	Дробко Владимир Ильич	1951	1996	1987	
658	Дроботов Василий Васильевич	1952		1986	медаль «За спасение погибавших»
659	Дробышев Александр Григорьевич	1947		1990	
660	Дрожин Михаил Васильевич	1953		1988	медаль «За спасение погибавших»

«Спасибо вам, не подвели, не дрогнули...»

№	Ф.И.О.	Год рождения	Год смерти	Год участия	Государственные награды
661	Дроздова Лилия Алексеевна	1948		1987	
662	Дрокин Борис Евгеньевич	1951		1986	медаль «За спасение погибавших»
663	Дряев Нузгар Арешоевич	1968		1987	
664	Дубинин Сергей Петрович	1955		1986	орден Мужества
665	Дубинчик Ирина Владимировна	1960		1988	
666	Дубовская Евгения Анатольевна	1965		1987	
667	Дубоделов Владимир Иванович	1948		1986	
668	Дубровский Иван Иванович	1948	2001	1987	
669	Дудалев Вячеслав Альбертович	1962		1986	медаль «За спасение погибавших»
670	Дударев Александр Анатольевич	1960		1986	
671	Дударев Владимир Алексеевич	1956	2009	1989	
672	Дударев Виктор Иванович	1948		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
673	Дударева Наталья Николаевна	1955		1987	
674	Дудко Игорь Васильевич	1937	2004	1986	медаль «За спасение погибавших»
675	Дудочкин Юрий Николаевич	1952	2004	1986	
676	Дунаев Владимир Николаевич	1953	2002	1990	
677	Дураков Николай Георгиевич	1957		1987	
678	Дурновцев Борис Николаевич	1951		1988	орден Мужества
679	Дьяков Сергей Иванович	1950		1987	
680	Дюжин Виктор Борисович	1950	2008	1987	
681	Дятко Александр Анатольевич	1956		1987	орден Мужества
682	Дятков Василий Михайлович	1942		1986	
683	Дятлов Владимир Васильевич	1956		1987	
684	Дятлов Александр Алексеевич	1952		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
685	Дячук Николай Александрович	1948		1987	
686	Евдокимов Дмитрий Владимирович	1968		1987	медаль «За отвагу»
687	Евдокимов Евгений Валентинович	1958		1986	
688	Евменов Василий Петрович		умер		
689	Евсеев Леонид Владимирович	1950	2009	1986	орден Мужества
690	Евсеев Александр Иванович	1950		1986	
691	Евсеев Александр Федорович	1950		1986	
692	Евсеев Николай Федорович	1955		1986	
693	Евсеев Анатолий Николаевич	1953		1986	медаль «За спасение погибавших»
694	Евстратенко Анатолий Федорович	1947		1986	
695	Евстратов Александр Александрович	1958		1988	
696	Егикян Вачаган Грачикович	1959		1987	медаль «За спасение погибавших»
697	Егоров Аверьян Владимирович	1954		1986	
698	Егоров Георгий Викторович	1953		1988	медаль «За спасение погибавших»
699	Егоров Владимир Николаевич	1954		1986	орден Мужества
700	Егоров Егор Иванович	1952	2011	1987	медаль «За отвагу»
701	Елисеев Валерий Алексеевич	1955	1994	1986	
702	Елисов Алексей Константинович	1971	2009	1989	
703	Еловский Владимир Мифодьевич	1942	1997	1986	
704	Елтышев Юрий Иннокентьевич	1952	1999	1987	
705	Елькин Михаил Васильевич	1958		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
706	Емелин Евгений Павлович	1961	2006	1989	
707	Енин Леонид Николаевич	1951		1987	
708	Епифанов Владимир Владимирович	1961		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
709	Еремеев Александр Васильевич	1953		1989	медаль «За спасение погибавших»
710	Еременко Ольга Петровна	1953		1986	орден Мужества
711	Еременко Нина Петровна		умерла	1986	
712	Еременко Виктор Кузьмич	1947		1986	
713	Еремин Михаил Павлович	1950	2007	1987	орден Мужества
714	Еремин Сергей Петрович	1956		1988	
715	Ерин Василий Васильевич	1952	2010	1988	медаль «За спасение погибавших»

Красноярский край. Список участников ликвидации последствий аварии на ЧАЭС на 01.01.2011

№	Ф.И.О.	Год рождения	Год смерти	Год участия	Государственные награды
716	Ерко Валерий Павлович	1952		1988	
717	Ермаков Анатолий Михайлович	1957	1997	1987	
718	Ермаков Владимир Михайлович	1954	1999	1988	
719	Ермаков Михаил Григорьевич	1951	1992	1988	
720	Ермаков Михаил Анатольевич	1961		1986	
721	Ермаков Иван Алексеевич	1956		1986	
722	Ермаченко Александр Сергеевич	1961		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
723	Ермолаев Николай Васильевич	1951		1986	
724	Ермошкин Владимир Тихонович	1954		1986	орден Мужества
725	Ерошенко Александр Викторович	1960		1986	
726	Ерофеев Михаил Данилович	1953		1986	
727	Ерофеев Николай Ильич	1958		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
728	Ерохин Николай Николаевич	1961	2008	1986	
729	Ершов Владимир Николаевич	1957	2004	1986	
730	Ескин Александр Георгиевич	1952		1986	
731	Етобаев Салдамай Васильевич	1946		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
732	Ефанов Федор Федорович	1967		1987	
733	Ефименко Петр Никитович	1951		1987	
734	Ефремов Валерий Иванович	1948		1986	
735	Ефремов Юрий Георгиевич	1939	2009	1986	
736	Ефремчиков Алексей Федорович			1986	
737	Жабин Владимир Иванович	1955	1994	1987	
738	Жабрович Александр Петрович	1954		1986	орден Мужества
739	Жаворонков Владимир Александрович	1964		1986	
740	Жаков Константин Алексеевич	1959		1986	
741	Жаукенов Александр Васильевич	1958		1986	
742	Жбанов Сергей Алексеевич		1996	1986	
743	Жданов Владимир Алексеевич	1948		1986	
744	Ждановских Евгений Павлович	1944		1986	
745	Железин Валерий Алексеевич	1957		1986	
746	Желтяков Виктор Андреевич	1940	2010	1986	
747	Желудков Анатолий Петрович	1953		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
748	Желудков Михаил Иванович	1953		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
749	Жерехов Анатолий Анатольевич	1950		1986	
750	Жермаль Виталий Эдуардович	1957		1988	медаль «За спасение погибавших»
751	Жернаков Иван Николаевич	1948	2009	1986	орден Мужества
752	Жерновской Виктор Акимович	1948	2002	1987	
753	Животиков Владимир Васильевич	1950		1989	
754	Животикова Нина Владимировна	1950		1990	
755	Жигулин Николай Иосифович	1956		1986	
756	Жижин Евгений Тихонович	1957		1987	медаль «За спасение погибавших»
757	Жилкин Александр Николаевич	1951		1987	
758	Жирков Александр Михайлович	1934	1989		
759	Жиров Сергей Николаевич	1962		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
760	Жиряков Виктор Иванович	1948	1998	1987	
761	Жистовский Виктор Николаевич	1959		1988	
762	Житкевич Владимир Егорович	1934		1987	
763	Житлов Артур Викторович	1964		1986	орден Мужества
764	Жуков Вячеслав Афанасьевич	1959		1987	
765	Жуков Юрий Николаевич	1958		1989	медаль «За спасение погибавших»
766	Жуков Анатолий Ильич	1946	2007	1989	медаль «За спасение погибавших»
767	Жуков Владимир Владимирович	1959		1987	орден Мужества
768	Жуков Александр Дмитриевич	1938		1986	медаль «За спасение погибавших»
769	Жуков Валерий Иванович	1939	2004	1986	орден Мужества
770	Жуковская Альбина Алексеевна	1936		1987	

«Спасибо вам, не подвели, не дрогнули...»

№	Ф.И.О.	Год рождения	Год смерти	Год участия	Государственные награды
771	Жуль Алефтина Николаевна	1948		1987	
772	Журавлев Игорь Николаевич	1961		1986	медаль «За спасение погибавших»
773	Журавлев Константин Гаврилович	1949		1986	медаль «За спасение погибавших»
774	Журавлев Виталий Борисович	1962		1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
775	Журба Роман Михайлович	1946		1986	орден Мужества
776	Журкина Валентина Александровна	1964		1986	
777	Завалишина Ольга Николаевна	1935		1989	
778	Загляда Федор Иосифович	1944		1988	
779	Загородний Виктор Васильевич	1955		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
780	Задеря Геннадий Герасимович	1934		1986	медаль «За спасение погибавших»
781	Задириенко Игорь Анатольевич	1965		1987	
782	Зайцев Иван Иванович	1968		1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
783	Зайцев Юрий Иванович	1950	2007	1986	медаль «За спасение погибавших»
784	Зайцев Владимир Иванович	1953		1986	медаль «За спасение погибавших»
785	Зайцев Михаил Данилович	1953	2002	1988	
786	Зайцев Виктор Георгиевич	1956		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
787	Зайцев Владимир Михайлович		1991	1986	орден Мужества
788	Зайцев Сергей Иванович	1961		1986	
789	Закиров Гайбулло Мирзобаевич	1952		1986	
790	Заклева Лидия Ивановна			1986	
791	Заколотный Владимир Дмитриевич	1934		1987	
792	Закревский Юрий Иванович	1937		1986	
793	Заляховский Владимир Константинович	1950		1988	
794	Замараев Александр Михайлович	1944	2006	1986	
795	Замякин Анатолий Геннадьевич	1963		1986	
796	Запаров Виктор Михайлович	1952		1989	медаль «За спасение погибавших»
797	Запольских Александр Иванович	1965		1987	
798	Зарицкий Геннадий Иванович	1958		1986	
799	Зарубко Иван Александрович	1957		1987	
800	Затеев Юрий Павлович	1958		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
801	Затонский Геннадий Александрович	1956		1987	медаль «За отвагу»
802	Затюпа Валерий Леонидович	1953		1989	орден Трудовой Славы 3 степени
803	Захаров Валерий Николаевич	1965		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
804	Захаров Евгений Николаевич	1956		1987	
805	Захаров Николай Иванович	1953		1989	медаль «За спасение погибавших»
806	Заховаев Владимир Николаевич	1953	2000	1987	
807	Заяц Сергей Сергеевич	1950	2007	1988	медаль «За отвагу»
808	Збродов Леонид Васильевич	1947		1987	орден Мужества
809	Зверев Сергей Семёнович	1952	1997	1987	
810	Звоздников Владимир Васильевич	1956	1994	1987	
811	Здор Андрей Александрович	1953		1989	
812	Здруева Ильвира Андреевна	1938	2008	1986	орден Мужества
813	Зеленкин Иван Александрович	1949		1989	медаль «За спасение погибавших»
814	Зеленко Анатолий Вицентьевич	1947	2001	1987	
815	Зеленый Сергей Александрович	1952		1986	орден Мужества
816	Зенков Николай Витальевич	1965		1986	
817	Зимин Владимир Александрович	1951		1986	
818	Зимин Геннадий Викторович	1952		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
819	Зимин Александр Юрьевич	1962		1986	орден Мужества
820	Зимоздра Владимир Яковлевич	1949		1987	медаль «За отвагу»
821	Зиновьев Борис Вячеславович	1966		1986	
822	Зиновьев Николай Романович	1954		1987	
823	Зиновьев Станислав Васильевич	1951		1988	
824	Зинчина Наталья Вячеславовна	1946		1986	орден Мужества
825	Злобин Михаил Иванович	1948	1999	1987	

Красноярский край. Список участников ликвидации последствий аварии на ЧАЭС на 01.01.2011

№	Ф.И.О.	Год рождения	Год смерти	Год участия	Государственные награды
826	Золотарев Анатолий Яковлевич	1950		1988	
827	Золотухин Владимир Николаевич	1955		1987	
828	Золотухин Иван Матвеевич	1939		1987	медаль «За спасение погибавших»
829	Зорин Сергей Александрович	1961		1986	
830	Зорин Олег Александрович	1966		1986	медаль «За спасение погибавших»
831	Зорин Сергей Николаевич	1959		1986	
832	Зорькин Михаил Андреевич	1946		1988	
833	Зоря Любовь Владимировна	1949		1986	
834	Зотин Александр Алексеевич	1951		1987	орден Мужества
835	Зотина Александра Степановна	1950		1986	
836	Зотов Сергей Николаевич	1957	2009	1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
837	Зубрев Владимир Евгеньевич	1955		1986	
838	Зубец Александр Иосифович	1958		1987	
839	Зуйков Александр Степанович	1949		1988	
840	Зыков Владимир Николаевич	1948		1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
841	Зырянов Александр Степанович	1954	1991	1987	
842	Зырянов Василий Алексеевич	1957		1988	медаль «За спасение погибавших»
843	Зятнин Иван Иванович	1956	2004	1989	
844	Ибрагимов Музафар Низам-оглы	1958		1987	
845	Ибрагимов Руслан Галиевич	1957		1986	
846	Иваненко Александр Владимирович	1954		1986	орден Мужества
847	Иваненко Владимир Тимофеевич	1959	2010	1986	
848	Иваненкова Надежда Михайловна	1949		1986	орден Мужества
849	Иваниций Александр Николаевич	1963		1986	
850	Иванов Анатолий Викторович	1960		1986	
851	Иванов Юрий Алексеевич	1951		1988	
852	Иванов Никифор Матвеевич	1946		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
853	Иванов Александр Александрович	1965		1988	
854	Иванов Вячеслав Васильевич	1951		1986	
855	Иванов Юрий Иванович	1940		1986	
856	Иванов Евгений Дмитриевич	1949		1987	медаль «За отвагу»
857	Иванов Юрий Иванович	1940		1986	
858	Иванов Григорий Григорьевич	1959		1987	
859	Иванов Владимир Степанович	1956		1987	медаль «За отвагу»
860	Иванов Александр Валентинович	1956		1986	
861	Иванов Анатолий Евгеньевич	1950		1987	медаль «За спасение погибавших», медаль «За отвагу»
862	Иванов Николай Анатольевич	1951		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
863	Иванов Игорь Михайлович	1963		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
864	Иванов Борис Васильевич	1942	2002	1986	
865	Иванов Анатолий Ильич	1944		1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
866	Иванов Валерий Павлович	1956		1987	медаль «За отвагу»
867	Иванов Геннадий Константинович	1944	1989	1987	
868	Иванов Виктор Иванович	1935		1986	
869	Иванушкин Юрий Германович	1956		1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
870	Иванцов Владимир Николаевич	1960		1986	
871	Иванченко Геннадий Станиславович	1955		1987	
872	Ивкин Вадим Михайлович	1950		1986	медаль «За спасение погибавших»
873	Игнатъев Гурий Васильевич	1953		1987	орден Мужества
874	Игнатъев Александр Валентинович	1957		1989	
875	Игнатъев Сергей Валентинович	1953		1986	
876	Игнатъева Галина Ивановна	1962		1986	
877	Иголкин Валерий Кириллович	1955		1986	
878	Игошин Михаил Васильевич	1957		1986	медаль «За спасение погибавших»
879	Идиятулин Манулла Прусланович	1948	1998	1987	
880	Иксанов Сафиули Мухамежданович	1938	1987	1986	

«Спасибо вам, не подвели, не дрогнули...»

№	Ф.И.О.	Год рождения	Год смерти	Год участия	Государственные награды
881	Ильин Геннадий Евгеньевич	1958		1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
882	Ильинов Анатолий Федорович	1956		1986	
883	Ильиных Анатолий Михайлович	1946		1986	орден Мужества
884	Ильюшенко Виктор Фёдорович	1953	2002	1989	
885	Ильясов Владимир Ибрагимович	1962		1986	медаль «За спасение погибавших»
886	Ильяшенко Сергей Евгеньевич	1963		1986	медаль «За спасение погибавших»
887	Иманов Юрий Васильевич	1946		1986	
888	Исаев Анатолий Васильевич	1946	2007	1986	орден Мужества
889	Исаев Николай Николаевич	1961		1986	
890	Исаев Анатолий Андреевич	1939	1999	1986	
891	Исаков Абдисалам Абдурахманович	1967		1986	
892	Ишханов Сергей Николаевич	1959	2005	1986	
893	Каблуков Геннадий Григорьевич	1949		1986	медаль «За спасение погибавших»
894	Кабушев Александр Яковлевич	1958	1994	1987	
895	Кавыркин Владимир Павлович	1952		1986	медаль «За спасение погибавших»
896	Казаков Владимир Лукич	1951		1986	медаль «За спасение погибавших»
897	Казаков Владимир Николаевич		1996	1986	
898	Казаков Александр Васильевич	1959		1986	орден Мужества
899	Казакова Татьяна Владимировна	1967		1986	медаль «За спасение погибавших»
900	Казанцев Константин Викторович	1963		1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
901	Казанцев Анатолий Егорович	1951	2005	1987	
902	Казенный Виктор Петрович	1966		1986	
903	Калачев Владимир Александрович	1952		1988	
904	Калашников Анатолий Юрьевич	1966		1986	
905	Калашников Олег Дмитриевич	1963		1986	
906	Калашников Виктор Васильевич	1948		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
907	Каленик Константин Васильевич	1953		1988	
908	Калинин Александр Сергеевич	1952	2002	1987	
909	Калинка Александр Александрович	1965		1986	
910	Калинников Виктор Михайлович	1936		1986	медаль «За спасение погибавших»
911	Калиняк Александр Юрьевич	1950		1986	орден Мужества
912	Калицкий Алексей Николаевич	1953		1988	медаль «За спасение погибавших»
913	Калмыков Владимир Федорович	1954		1988	
914	Калупов Александр Николаевич	1949	2010	1987	
915	Калязин Валерий Федорович	1953		1988	медаль «За спасение погибавших»
916	Кампан Анатолий Леонтьевич	1957		1987	орден Мужества
917	Камышев Владимир Николаевич	1949	2002	1988	
918	Канарейкин Александр Валентинович	1955		1989	
919	Канищев Николай Семёнович	1951	1993	1986	
920	Кантемиров Нурдин Мазанович	1956		1987	
921	Капаций Николай Тимофеевич	1941	2005	1986	
922	Капельщикова Татьяна Артемовна	1955		1986	
923	Каптур Александр Васильевич	1952		1986	медаль «За спасение погибавших»
924	Капустин Иван Дмитриевич	1959		1986	
925	Капустин Александр Леонидович	1961		1986	
926	Капустин Александр Валерьевич	1965		1986	медаль «За спасение погибавших»
927	Капустин Олег Викторович	1962		1986	
928	Карасев Александр Александрович	1967		1986	
929	Каратуменев Андрей Николаевич	1955		1987	
930	Караульнов Виктор Дмитриевич	1948		1986	
931	Карепов Владимир Аркадьевич	1947		1986	
932	Каргин Леонид Иванович	1957		1987	медаль «За отвагу»
933	Карелин Николай Федорович	1949	1994	1986	
934	Карелов Сергей Викторович	1962		1986	
935	Каримов Тагир Рахимчанович	1951		1987	

Красноярский край. Список участников ликвидации последствий аварии на ЧАЭС на 01.01.2011

№	Ф.И.О.	Год рождения	Год смерти	Год участия	Государственные награды
936	Каркунов С. И.	.		1986	
937	Карликов Николай Иванович	1949	1996	1987	
938	Карлов Михаил Юрьевич	1956		1987	медаль «За спасение погибавших»
939	Карнауков Сергей Иванович	1957		1986	орден Мужества
940	Карнауков Сергей Михайлович				орден Мужества
941	Карпенко Юрий Григорьевич	1948		1987	медаль «За отвагу»
942	Карпенко Сергей Яковлевич	1934		1986	орден Мужества
943	Карпенко Иван Иванович	1959	1996	1986	
944	Карпичин Григорий Станиславович	1948		1989	
945	Карпицкий Анатолий Александрович	1945	2005	1986	
946	Карпов Сергей Викторович	1962		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
947	Карпов Владимир Егорович	1951	1997	1987	
948	Карпов Анатолий Иванович	1949		1986	
949	Карпушенко Владимир Корнеевич	1950		1986	
950	Картомышев Пётр Георгиевич	1946		1988	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
951	Карымов Михаил Антонович	1954		1988	
952	Касаткин Николай Николаевич	1963	1999	1986	
953	Каспер Андрей Иванович	1971		1989	
954	Катков Александр Семёнович	1962		1986	
955	Кауфман Виктор Александрович	1952		1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
956	Каханов Юрий Григорьевич	1955		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
957	Качаев Олег Юрьевич	1961		1986	
958	Качалов Владимир Иванович	1959		1987	орден Мужества
959	Каширина Татьяна Николаевна	1957		1986	
960	Кашуркин Александр Васильевич	1946	2009	1987	орден Мужества
961	Кашцев Геннадий Георгиевич	1954		1986	
962	Квитко Василий Иванович	1953	2008	1987	медаль «За отвагу»
963	Келлер Владимир Леонидович	1953		1986	орден Мужества
964	Кенжекулов Назармамат Пермаматович	1967		1986	
965	Кетов Николай Григорьевич	1964		1986	
966	Кизликов Владимир Иванович	1950		1987	медаль «За отвагу»
967	Кикоть Вадим Иванович	1962		1986	
968	Кикутадзе Тенгиз Сергеевич	1958		1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
969	Кимяев Иннокентий Аверьянович	1941		1986	
970	Кинаш Марина Анатольевна	1966	1999	1986	
971	Кинстлер Анатолий Иванович	1953		1987	
972	Киргизов Александр Васильевич	1952		1987	медаль «За отвагу»
973	Киргизов Юрий Васильевич	1954		1988	
974	Киреев Александр Александрович	1962		1986	
975	Киреев Геннадий Васильевич	1957		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
976	Киреев Сергей Федорович	1955		1988	
977	Киреева Татьяна Анатольевна	1956		1986	
978	Кириков Геннадий Владимирович	1955		1986	
979	Кириличев Олег Александрович	1955		1986	
980	Кирилов Владимир Терентьевич	1953		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
981	Кирилов Сергей Анатольевич	1956		1986	медаль «За спасение погибавших»
982	Кириловский Александр Григорьевич	1950	2005	1988	
983	Кириловский Владимир Петрович	1951		1986	
984	Кириченко Геннадий Петрович	1961		1986	
985	Кириченко Сергей Егорович	1962	2006	1986	
986	Кирова Людмила Ивановна	1963		1986	
987	Кирпатовский Юрий Николаевич	1963	2010	1986	
988	Кирьянов Михаил Вениаминович	1961		1986	орден Мужества
989	Киселев Иван Николаевич	1953	2007	1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
990	Киселев Геннадий Иванович	1956		1986	

«Спасибо вам, не подвели, не дрогнули...»

№	Ф.И.О.	Год рождения	Год смерти	Год участия	Государственные награды
991	Киселев Борис Васильевич		1996	1989	
992	Кисилев Игорь Борисович			1986	
993	Кислицин Владимир Григорьевич	1954	2000	1987	орден Мужества
994	Кислицын Николай Александрович	1950		1987	
995	Кичкильдеев Николай Викторович	1956		1986	
996	Клейман Юрий Шименович	1947		1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
997	Клименко Владимир Дмитриевич	1956		1986	
998	Клименко Александр Иванович	1967	1999	1987	
999	Клименко Анатолий Михайлович	1952	2007	1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1000	Клименко Владимир Владимирович	1948		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1001	Климец Владимир Александрович	1957		1987	медаль «За отвагу»
1002	Климов Леонид Вадимович	1953		1990	
1003	Климов Евгений Васильевич	1952		1989	медаль «За спасение погибавших»
1004	Климович Александр Леонидович	1945	1995	1989	
1005	Клищик Михаил Васильевич	1958	2007	1987	
1006	Клоков Леонид Васильевич	1951		1989	
1007	Клопов Артур Николаевич	1964		1986	
1008	Клочков Руслан Викторович	1955		1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1009	Ключ Юрий Родионович	1943	2008	1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1010	Кнырко Владимир Валентинович	1954		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1011	Кныш Григорий Петрович	1959	2003	1986	
1012	Князев Алексей Вениаминович	1953	1996	1987	
1013	Кобелев Михаил Михайлович	1956	2005	1988	
1014	Кобец Анатолий Владимирович	1960		1986	
1015	Кобзев Сергей Николаевич	1959	2001	1987	
1016	Кобозев Виктор Леонидович	1949	2003	1986	
1017	Ковалев Александр Александрович	1959	2007	1986	
1018	Ковалев Александр Михайлович	1956	2001	1987	
1019	Ковалев Владимир Филиппович	1958		1987	орден Мужества
1020	Ковалев Владимир Викторович	1957		1986	
1021	Ковалев Виталий Артемьевич	1949		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1022	Ковалев Николай Николаевич	1952		1988	
1023	Ковалев Николай Федорович	1952	1993	1988	
1024	Ковалев Пётр Александрович	1946	1992	1988	
1025	Ковалева Татьяна Валентиновна	1960		1986	
1026	Ковалева Ирина Леонтьевна	1968		1986	
1027	Ковалева Зинаида Наумовна	1929	2004	1986	
1028	Ковалева Зинаида Ивановна	1938		1986	медаль «За спасение погибавших»
1029	Ковалевич Владимир Захарович	1962		1986	
1030	Коваленко Владимир Анатольевич	1954		1986	
1031	Коваленко Юрий Федорович	1960		1986	
1032	Коваленко Николай Семенович	1949		1986	
1033	Коваль Владимир Николаевич	1955		1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1034	Коваль Иван Николаевич	1953		1986	
1035	Ковалюк Сергей Александрович	1962		1986	
1036	Ковылин Владимир Михайлович	1950	2007	1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1037	Кожевин Сергей Юрьевич	1956		1986	
1038	Кожевников Анатолий Александрович	1951		1987	медаль «За отвагу»
1039	Кожемяченко Николай Игнатьевич	1948		1990	
1040	Кожин Владимир Ермолаевич	1939		1986	медаль «За спасение погибавших»
1041	Кожура Владимир Дмитриевич	1947		1986	
1042	Кожушкин Владимир Егорович	1958		1986	
1043	Козгова Светлана Моисеевна	1944		1986	
1044	Козлов Вячеслав Анатольевич	1966		1987	
1045	Козлов Николай Семенович	1956		1988	медаль «За спасение погибавших»

Красноярский край. Список участников ликвидации последствий аварии на ЧАЭС на 01.01.2011

№	Ф.И.О.	Год рождения	Год смерти	Год участия	Государственные награды
1046	Козлов Василий Иванович	1954	2002	1987	
1047	Козлов Юрий Анатольевич		1992	1986	
1048	Козлов Сергей Владимирович	1955	2010	1986	
1049	Козлов Борис Васильевич	1947		1986	орден Мужества
1050	Козлов Михаил Андреевич	1952	2004	1988	
1051	Козлова Раиса Ивановна	1938	2009	1986	
1052	Козорезов Евгений Васильевич	1959		1986	
1053	Козырев Павел Николаевич		2002	1986	орден Мужества
1054	Кокин Петр Иванович	1950	2004	1986	
1055	Коледа Александр Николаевич	1953		1988	
1056	Колесников Виктор Степанович	1958		1987	орден Мужества
1057	Колесников Юрий Александрович	1951		1986	
1058	Колисниченко Михаил Владимирович	1959		1986	
1059	Колмыков Владимир Александрович	1953		1986	
1060	Колобухов Михаил Николаевич	1939	2009	1986	
1061	Колосов Владимир Никифорович	1949		1988	
1062	Колотев Николай Иванович		умер		
1063	Колчанов Вячеслав Владимирович	1948		1987	
1064	Кольханов Сергей Александрович	1961		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1065	Кольга Наталья Геннадьевна	1968		1987	
1066	Кольцов Сергей Владимирович	1967		1986	
1067	Комардин Анатолий Николаевич	1945		1987	медаль «За отвагу»
1068	Комаров Иван Владимирович	1967		1986	
1069	Комаров Валентин Игоревич	1949		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1070	Комаров Василий Петрович	1950	2001	1987	
1071	Комарова Галина Григорьевна	1948		1987	
1072	Комиссаров Сергей Борисович	1959	2009	1987	
1073	Комков Константин Михайлович	1966		1986	
1074	Комлев Сергей Петрович	1956		1986	
1075	Комов Юрий Александрович	1957		1988	
1076	Конаев Виктор Иванович	1954		1986	
1077	Кондаков Виктор Николаевич	1953		1988	
1078	Кондаков Владимир Александрович	1948	2002	1987	
1079	Кондратков Виктор Григорьевич	1953		1986	медаль «За спасение погибавших»
1080	Конев Виктор Гаврилович	1955		1986	
1081	Коновалов Сергей Васильевич	1952	2010	1986	
1082	Кононков Виктор Спиридонович	1947	1998	1987	
1083	Кононов Валерий Адамович	1959		1987	
1084	Конопелько Юрий Николаевич	1961		1986	
1085	Коноплев Анатолий Петрович	1954	1995	1988	
1086	Контанистов Василий Николаевич	1953	2004	1987	
1087	Кончестер Владимир Владимирович	1952	2010	1986	
1088	Конюков Владимир Борисович	1956		1986	
1089	Кооп Павел Константинович	1965		1987	
1090	Коплева Зинаида Константиновна	1930	2003	1986	
1091	Копшилова Татьяна Викторовна	1950		1986	
1092	Коптыга Петр Федорович		умер		
1093	Копылевич Виктор Яковлевич	1953		1988	
1094	Копылов Александр Васильевич	1967		1987	
1095	Копылов Михаил Иванович	1947	2006	1987	
1096	Копытич Сергей Михайлович	1958		1986	
1097	Кора Валерий Петрович	1948		1987	орден Мужества
1098	Корепин Владимир Геннадьевич	1962		1986	
1099	Коржов Николай Александрович		1990	1986	
1100	Коржов Сергей Иванович	1958		1986	

«Спасибо вам, не подвели, не дрогнули...»

№	Ф.И.О.	Год рождения	Год смерти	Год участия	Государственные награды
1101	Кориков Анатолий Владимирович	1947		1987	медаль «За спасение погибавших»
1102	Коркунов Александр Васильевич		1990	1986	
1103	Коркунов Владимир Петрович		1994	1986	орден Мужества
1104	Корнев Сергей Владимирович	1954		1987	
1105	Корнев Владимир Михайлович	1951		1987	
1106	Корнеев Александр Викторович	1959	2005	1986	
1107	Корнеев Василий Пафнутьевич	1948	2010	1986	
1108	Корниенко Анатолий Иванович	1954		1986	
1109	Корнилаев Юрий Федорович	1953		1987	
1110	Коробейников Вадим Владимирович	1957		1987	орден Мужества
1111	Коробейникова Клавдия Кирилловна			1986	
1112	Коробков Валерий Борисович	1951	1998	1988	
1113	Королев Евгений Андреевич	1940		1986	
1114	Королев Геннадий Борисович	1947		1989	
1115	Корольков Владимир Дмитриевич	1956	1993	1986	
1116	Королькова Валентина Петровна	1955	1997		
1117	Корольский Владимир Дмитриевич	1951	1991	1988	
1118	Коростелев Игорь Алексеевич	1961	2005	1986	медаль «За спасение погибавших»
1119	Коротких Владимир Федорович	1955		1988	
1120	Корочкин Алексей Алексеевич	1955	умер	1986	
1121	Корсуков Геннадий Михайлович	1944	2009	1986	орден Мужества
1122	Коршаков Владимир Иванович	1938		1986	
1123	Косенков Владимир Андреевич	1953		1986	орден Мужества
1124	Космынин Константин Иванович	1963		1986	орден Мужества
1125	Косов Александр Кононович	1953		1987	медаль «За спасение погибавших»
1126	Косов Владимир Тимофеевич	1954	1998	1987	
1127	Косов Владимир Иванович	1948		1987	медаль «За отвагу»
1128	Костеневич Александр Иванович	1949	2002	1987	
1129	Костишин Игорь Андреевич	1962		1986	
1130	Коструба Наталья Александровна	1947		1986	
1131	Костырев Петр Иванович	1934		1987	
1132	Костяев Николай Фёдорович	1959		1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1133	Косых Александр Сергеевич	1960		1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1134	Косых Владимир Михайлович	1929		1986	
1135	Котенко Владимир Николаевич	1954		1986	
1136	Кочергин Валерий Григорьевич	1954	2007	1987	орден Мужества
1137	Кочетков Борис Анатольевич	1954	2003	1987	
1138	Кочнев Валерий Сергеевич	1955		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1139	Кошевой Валерий Федорович	1956	1998	1987	
1140	Кравцов Роман Васильевич	1965		1987	
1141	Кравченко Александр Анатольевич	1957		1988	
1142	Кравченко Николай Александрович	1950	2007	1988	медаль «За спасение погибавших»
1143	Кравченко Игорь Николаевич	1963		1986	
1144	Кракотец Владимир Владимирович	1964		1986	
1145	Крапивин Вячеслав Леонидович	1965		1986	
1146	Красиков Виктор Михайлович	1957		1988	
1147	Красников Владимир Петрович	1956		1986	орден Мужества
1148	Краснобаев Юрий Захарович	1961		1986	орден Мужества
1149	Краснов Александр Сергеевич	1954		1986	медаль «За трудовую доблесть», орден Мужества
1150	Краснов Олег Александрович	1963		1989	
1151	Красногор Виктор Севастьянович	1940		1986	
1152	Красов Иван Павлович	1955		1989	
1153	Кремезной Валерий Егорович	1941	2002	1986	
1154	Кренделев Александр Анатольевич	1953		1986	
1155	Кривелев Владимир Федорович	1959		1986	

Красноярский край. Список участников ликвидации последствий аварии на ЧАЭС на 01.01.2011

№	Ф.И.О.	Год рождения	Год смерти	Год участия	Государственные награды
1156	Кривенков Юрий Леонидович	1966	2002	1986	
1157	Кривенцов Владимир Борисович	1957	2005	1986	орден Мужества
1158	Криволапов Иван Тимофеевич	1926	1986		
1159	Кривоногов Александр Степанович	1956	1994	1986	
1160	Криворотов Александр Егорович	1953		1988	медаль «За отвагу»
1161	Кривошеков Владимир Евстафьевич	1944		1986	орден Мужества
1162	Крикун Владимир Васильевич	1966		1986	
1163	Крицкий Анатолий Павлович	1950	2009	1987	медаль «За отвагу»
1164	Кругликова Наталья Ильинична	1966		1986	
1165	Круглов Иван Петрович	1953	2001	1987	
1166	Круглов Александр Кронидович	1948	1997	1988	
1167	Крупенников Игорь Владимирович	1966		1986	
1168	Крупичев Юрий Львович	1953		1988	
1169	Крутей Андрей Юрьевич	1961		1986	
1170	Круш Феликс Николаевич	1939		1986	орден Мужества
1171	Крылов Валерий Николаевич	1955	1999	1987	
1172	Крылов Николай Алексеевич	1932	2007	1986	орден Мужества
1173	Крымов Сергей Александрович	1960		1988	
1174	Крюков Александр Иванович	1949		1988	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1175	Кублик Александр Андреевич	1955		1986	
1176	Кудряцев Михаил Кондратьевич	1947		1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1177	Кудряшов Владимир Владимирович	1961		1988	медаль «За спасение погибавших»
1178	Кудряшов Александр Павлович	1951	1993	1986	
1179	Кузеро Полина Федоровна	1931		1990	
1180	Кузнецов Виталий Григорьевич	1944	2009	1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1181	Кузнецов Сергей Сергеевич	1962		1986	
1182	Кузнецов Олег Петрович	1964		1986	
1183	Кузнецов Валерий Ильич	1951		1986	
1184	Кузнецов Юрий Павлович	1957		1986	медаль «За спасение погибавших»
1185	Кузнецов Геннадий Николаевич	1954		1987	
1186	Кузнецов Аркадий Владимирович	1957	2007	1986	медаль «За отличие в воинской службе» 1 степени
1187	Кузнецов Анатолий Васильевич	1956		1986	орден Мужества
1188	Кузнецов Виктор Сергеевич	1963		1986	
1189	Кузнецов Александр Николаевич	1952		1987	медаль «За спасение погибавших»
1190	Кузнецов Виталий Степанович	1944	2003	1986	
1191	Кузовов Вячеслав Григорьевич	1944		1988	
1192	Кузькин Сергей Владимирович	1958		1986	
1193	Кузьмин Анатолий Николаевич	1957	2006	1990	
1194	Кузьмин Юрий Васильевич	1946		1986	орден Мужества
1195	Кузьмин Александр Александрович	1951		1987	орден Мужества
1196	Кузьмин Геннадий Петрович	1949		1987	
1197	Кузьминых Павел Вениаминович	1957		1987	
1198	Кузьмишкин Василий Архипович	1929	2008	1986	
1199	Кузьо Андрей Васильевич	1965		1988	
1200	Кузява Раиса Федоровна	1939	2005	1986	медаль «За спасение погибавших»
1201	Куклин Юрий Иванович	1948	2002	1987	
1202	Куклин Александр Альбертович	1949	1998	1986	
1203	Куксин Игорь Германович	1967		1988	
1204	Кулагин Михаил Прокопьевич	1950		1987	
1205	Кулагин Анатолий Николаевич	1955		1986	
1206	Кулаков Евгений Михайлович	1952		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1207	Кулаков Александр *** Гаврилович	1952	2010	1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1208	Кулешов Иван Савельевич	1938	1996	1986	
1209	Куликов Сергей Николаевич	1957		1987	медаль «За спасение погибавших»
1210	Куликова Любовь Тимофеевна	1931	1999	1986	

«Спасибо вам, не подвели, не дрогнули...»

№	Ф.И.О.	Год рождения	Год смерти	Год участия	Государственные награды
1211	Кулинич Александр Васильевич	1963		1986	
1212	Кулишова Светлана Владимировна	1963		1986	
1213	Кульбицкий Александр Александрович	1959	2001	1986	
1214	Кульманов Виктор Петрович	1959		1988	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1215	Культин Дмитрий Алексеевич	1954		1988	
1216	Куницкий Александр Васильевич	1960	2008	1986	орден Мужества
1217	Купреев Николай Васильевич	1945		1986	
1218	Купцов Евгений Леонидович	1952		1986	орден Мужества
1219	Курагин Петр Витальевич	1952		1988	медаль «За спасение погибавших»
1220	Кураков Владимир Петрович	1957	1988	1987	
1221	Курбатов Владимир Владимирович	1959		1986	
1222	Курбацкий Николай Васильевич	1969		1987	
1223	Курган Ирина Николаевна	1967		1986	
1224	Курганский Михаил Николаевич	1955		1987	
1225	Курдаков Анатолий Витальевич	1967		1986	
1226	Курилов Михаил Гаврилович	1949		1987	медаль «За отвагу»
1227	Курной Николай Александрович	1937		1986	
1228	Курносов Валерий Викторович	1960		1986	медаль «За спасение погибавших»
1229	Курохтин Павел Анатольевич	1956		1986	
1230	Курочко Лариса Александровна	1947		1986	
1231	Куртов Анатолий Николаевич	1954	2005	1988	медаль «За спасение погибавших»
1232	Курчатов Евгений Георгиевич	1949	2006	1989	
1233	Курченко Юрий Николаевич	1961		1986	
1234	Курьлев Владимир Павлович	1955		1987	
1235	Кусков Сергей Александрович	1953		1986	медаль «За спасение погибавших»
1236	Кусков Василий Михайлович	1956		1987	орден Мужества
1237	Кустов Анатолий Николаевич	1955		1986	
1238	Кутина Вера Николаевна	1950		1988	медаль «За спасение погибавших»
1239	Кутовая Валентина Вениаминовна	1955		1988	
1240	Кухаренко Анатолий Николаевич	1950	2006	1986	
1241	Кучинский Константин Иванович	1948	2007	1986	
1242	Кушнарев Николай Александрович	1947	1994	1987	
1243	Кушнер Сергей Федорович	1959		1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1244	Кушнир Евгений Петрович	1966		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1245	Лавренев Иван Степанович	1954		1987	медаль «За отвагу»
1246	Лаврентьев Николай Васильевич	1940		1986	
1247	Лавров Владимир Николаевич	1949	2006	1988	
1248	Ладохин Николай Антонович	1957		1986	
1249	Лаевский Сергей Владимирович			1987	
1250	Лазарев Евгений Михайлович	1964	2004	1986	
1251	Лазарева Ольга Васильевна	1965		1986	
1252	Лазаренко Тамара Семеновна	1936		1986	
1253	Лазунько Александр Васильевич	1951		1988	медаль «За спасение погибавших»
1254	Лазуткин Александр Вячеславович	1957		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1255	Ланглиз Яков Андреевич	1962		1986	
1256	Лантратова Валентина Павловна	1961		1986	
1257	Лапа Александр Иванович	1954		1987	
1258	Лапа Владимир Васильевич	1951	2009	1988	
1259	Лапаев Леонид Иванович	1940		1988	
1260	Лаптев Борис Николаевич	1957			
1261	Лаптев Иван Иванович	1950		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1262	Ларина Наталья Ивановна	1969		1988	
1263	Ларионов Николай Николаевич	1966		1986	орден Мужества
1264	Ларионов Александр Тимофеевич	1956		1986	орден Мужества
1265	Ларионов Николай Вениаминович	1949	1999	1987	

Красноярский край. Список участников ликвидации последствий аварии на ЧАЭС на 01.01.2011

№	Ф.И.О.	Год рождения	Год смерти	Год участия	Государственные награды
1266	Ларионов Андрей Юрьевич	1964		1988	
1267	Ларьков Анатолий Михайлович	1952		1986	орден Мужества
1268	Латынцев Николай Дмитриевич	1963		1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1269	Лашкевич Александр Иванович	1957		1986	
1270	Лебедев Илья Иванович	1955		1989	медаль «За спасение погибавших»
1271	Лебедев Алексей Сергеевич	1942		1987	
1272	Лебедев Владимир Александрович	1949		1986	орден Мужества
1273	Лебедь Сергей Валентинович	1966		1986	
1274	Левашко Анатолий Григорьевич	1951	1990		
1275	Левданский Михаил Егорович	1950	2007	1987	
1276	Левенец Евгений Викторович	1963		1986	медаль «За спасение погибавших»
1277	Легкобитова Елена Валериановна	1963		1986	
1278	Леглер Александр Владимирович	1956	2004	1987	
1279	Леднёв Станислав Александрович	1957		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1280	Лейбович Борис Иосифович	1937	2010	1986	орден Мужества
1281	Леканцев Владимир Георгиевич	1944		1986	орден Мужества
1282	Лемещенко Алексей Александрович	1954		1987	
1283	Ленешмидт Владимир Александрович	1955		1989	медаль «За спасение погибавших»
1284	Леонов Виктор Дмитриевич	1947		1986	
1285	Леонов Владимир Яковлевич	1947	2003	1986	медаль «За спасение погибавших»
1286	Леонов Олег Петрович	1967		1986	
1287	Леонов Владимир Николаевич	1950	1992	1987	
1288	Леонтьев Сергей Геннадьевич	1966		1986	
1289	Леонтьев Александр Олегович	1955	1991		
1290	Леонтьев Виктор Яковлевич	1953	2002	1988	
1291	Леончик Михаил Анатольевич	1957		1986	
1292	Лепшин Семен Николаевич	1957		1986	
1293	Лесков Александр Петрович	1958		1987	
1294	Лесной Алексей Алексеевич	1953		1987	орден Мужества
1295	Лесунов Анатолий Анатольевич	1955		1987	медаль «За спасение погибавших»
1296	Летягин Олег Юрьевич	1956		1986	
1297	Лешко Владимир Павлович	1942		1986	
1298	Лещенко Николай Васильевич		1996	1986	
1299	Ли Олег Григорьевич	1957		1987	
1300	Ливинцев Владимир Михайлович	1967		1986	
1301	Ливков Юрий Александрович	1956		1987	
1302	Липаткин Владимир Григорьевич	1952		1986	
1303	Лисняк Виктор Александрович	1952		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1304	Лисун Фёдор Фёдорович	1954		1987	
1305	Литвак Галина Владимировна	1962		1987	
1306	Литвинов Николай Федорович	1951		1986	
1307	Литвинов Виталий Владимирович	1956	2008	1988	орден Мужества
1308	Литвинов Виктор Иванович	1955	2005	1986	
1309	Литвинцева Ирина Петровна	1967	2003	1986	
1310	Литовченко Владимир Александрович	1962		1986	
1311	Литовченко Валерий Александрович	1952		1986	
1312	Лиханский Иван Петрович	1958		1986	медаль «За спасение погибавших»
1313	Лихачев Сергей Петрович	1954		1986	орден Мужества
1314	Лихторович Геннадий Кириллович	1951		1988	медаль «За спасение погибавших»
1315	Лишманов Виктор Юрьевич	1959		1986	орден Мужества
1316	Лобанов Николай Александрович	1948	умер	1986	
1317	Ловцевич Владимир Сергеевич	1951		1986	
1318	Логашев Владимир Андреевич	1951	2004	1987	
1319	Логинов Алексей Васильевич	1951		1987	
1320	Логинов Андрей Николаевич	1962		1986	

«Спасибо вам, не подвели, не дрогнули...»

№	Ф.И.О.	Год рождения	Год смерти	Год участия	Государственные награды
1321	Логинов Анатолий Афанасьевич			1986	
1322	Логиров Геннадий Леонидович	1948	1989		
1323	Ложкин Александр Валерьянович			1986	
1324	Лозовой Константин Александрович	1957		1987	
1325	Лозовский Виктор Павлович	1958		1986	
1326	Ломакин Геннадий Иванович	1955		1988	медаль «За спасение погибавших»
1327	Ломброзо Анатолий Викторович	1945	2009	1986	
1328	Ломтева Надежда Николаевна	1960		1986	медаль «За спасение погибавших»
1329	Лонгортов Тимофей Николаевич	1947		1987	
1330	Лопатин Владимир Федорович	1943	1998	1986	
1331	Лопатин Владимир Николаевич	1954		1988	
1332	Лосев Александр Иванович	1954		1987	
1333	Лубенков Владимир Иванович	1959		1986	
1334	Лубнин Олег Викторович	1963		1987	
1335	Лукашов Вениамин Зиновьевич	1949		1988	
1336	Лукинов Валерий Александрович	1967		1986	
1337	Лукке Владимир Эльмарович	1955		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1338	Лукша Александр Степанович	1953	2006	1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1339	Лукьянов Владимир Афанасьевич	1963		1987	медаль «За спасение погибавших»
1340	Лунев Николай Иванович	1948	2008	1987	
1341	Луник Татьяна Михайловна			1986	
1342	Луньков Алексей Владимирович	1955		1987	
1343	Лучискенс Виктор Заноусович	1955		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1344	Лушников Михаил Александрович	1950		1986	орден Мужества
1345	Лыкова Лидия Александровна	1938		1987	
1346	Лымаренко Владимир Михайлович	1961		1986	
1347	Лысак Валерий Васильевич	1959		1986	
1348	Лысенко Павел Иванович	1961		1986	
1349	Лысов Александр Григорьевич	1958		1987	
1350	Лысов Михаил Михайлович	1959		1987	медаль «За отвагу»
1351	Лысогор Александр Александрович	1965		1988	
1352	Лытиков Виктор Дмитриевич	1952		1986	орден Мужества
1353	Лыткин Константин Федорович	1955		1986	
1354	Люднев Олег Леонидович	1948		1986	
1355	Люттов Владимир Иванович	1955	2001	1987	
1356	Лютяев Анатолий Николаевич	1948		1988	
1357	Ляликов Николай Андреевич	1950		1987	медаль «За отвагу»
1358	Ляпин Валерий Николаевич	1951	2004	1986	
1359	Лясота Андрей Валерьевич	1967		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1360	Лях Михаил Сергеевич	1952	2010	1987	
1361	Ляшенко Геннадий Иванович	1951		1989	медаль «За спасение погибавших»
1362	Лященко Галина Витальевна			1986	
1363	Магар Николай Кузьмич		1995	1986	
1364	Мадан Вячеслав Захарович	1954		1987	
1365	Мажугин Николай Алексеевич	1956		1986	
1366	Мазай Юрий Владимирович	1960		1986	
1367	Мазин Владимир Александрович	1957		1986	
1368	Мазур Юрий Петрович	1965		1986	
1369	Мазур Виктор Владимирович	1962		1988	
1370	Мазуров Владимир Валентинович	1957		1986	медаль «За спасение погибавших»
1371	Майков Анатолий Анатольевич	1966	1995	1986	
1372	Майстришин Григорий Петрович	1944	умер	1987	
1373	Макагонов Александр Михайлович	1957	2006	1988	
1374	Макаренко Николай Николаевич	1949		1987	медаль «За отвагу»
1375	Макаренко Петр Максимович	1948		1986	

Красноярский край. Список участников ликвидации последствий аварии на ЧАЭС на 01.01.2011

№	Ф.И.О.	Год рождения	Год смерти	Год участия	Государственные награды
1376	Макаренко Дмитрий Иванович	1957		1988	
1377	Макаренко Олег Иванович	1965		1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1378	Макаров Анатолий Максимович	1950		1987	
1379	Макаров Александр Георгиевич				орден Мужества
1380	Макаров Юрий Витальевич	1955		1986	
1381	Макаров Валерий Михайлович	1958		1986	
1382	Макашов Анатолий Васильевич	1948		1989	
1383	Макеев Игорь Михайлович	1950		1986	орден Мужества
1384	Макиенко Владимир Михайлович	1952		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1385	Максименко Надежда Прокофьевна	1955		1986	
1386	Максименко Вячеслав Михайлович	1947		1987	
1387	Максимов Владимир Георгиевич	1957	2007	1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1388	Максимова Валентина Викторовна	1966		1987	
1389	Максимцов Максим Николаевич	1967		1988	
1390	Малахов Александр Михайлович	1960	2002	1986	
1391	Маликов Назиб Галимович	1949		1987	медаль «За отвагу»
1392	Малинин Анатолий Николаевич	1958		1986	
1393	Малинич Михаил Николаевич	1954	2003	1989	
1394	Малороссиянов Александр Леонидович	1956		1986	орден Мужества
1395	Малыхина Фаина Николаевна	1939		1987	медаль «За спасение погибавших»
1396	Малышев Владимир Георгиевич	1957		1988	медаль «За спасение погибавших»
1397	Малышев Владимир Аркадьевич	1958	1995	1986	
1398	Малышев Пётр Евдокимович	1950		1987	медаль «За отвагу»
1399	Мальков Василий Васильевич		1997	1986	
1400	Мальцев Виктор Савельевич	1953	2002	1986	
1401	Мальцев Николай Васильевич	1955		1986	орден Мужества
1402	Малярчук Сергей Павлович	1957		1988	
1403	Мамедов Рагим Гейдар-оглы	1963		1987	
1404	Мамедов Севиндик Айюб-оглы	1960		1987	
1405	Мамин Олег Борисович	1957		1988	
1406	Мамонтов Пётр Иванович	1949	1998	1988	
1407	Мамонько Владимир Владимирович	1962		1986	
1408	Манаенков Валерий Алексеевич	1964	1998	1986	
1409	Манаков Сергей Алексеевич	1940		1986	
1410	Мананков Евгений Павлович	1961		1987	
1411	Маничева Юлия Ивановна	1946		1987	
1412	Манузин Геннадий Павлович	1963		1988	
1413	Манукян Мартирос Алексанович	1967		1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1414	Маринич Валерий Андреевич	1955		1988	
1415	Маркевич Леонид Иосифович	1951		1986	орден Мужества
1416	Мартемьянов Александр Сергеевич	1955		1986	
1417	Мартыненко Николай Алексеевич	1959		1986	
1418	Марченко Валентина Михайловна	1954		1986	медаль «За спасение погибавших»
1419	Маршев Виктор Петрович		1999	1986	
1420	Марьян Вячеслав Михайлович	1941		1986	орден Мужества
1421	Марьясов Сергей Александрович	1965		1988	
1422	Масалов Владимир Антонович	1957	2003	1986	
1423	Масленников Аркадий Акимович	1937	2008	1988	
1424	Маслянский Пётр Григорьевич	1947		1988	медаль «За спасение погибавших»
1425	Мастраков Виктор Степанович	1956	2004	1988	
1426	Матвеев Николай Борисович	1932	2010	1986	
1427	Матвеев Геннадий Анатольевич	1949		1986	
1428	Матвеев Виктор Александрович	1953		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1429	Матвеев Николай Вениаминович			1986	
1430	Матвеев Николай Николаевич	1958		1986	

«Спасибо вам, не подвели, не дрогнули...»

№	Ф.И.О.	Год рождения	Год смерти	Год участия	Государственные награды
1431	Матвеев Иван Васильевич	1947		1987	медаль «За отвагу»
1432	Матей Иван Зигманович	1947		1987	
1433	Матузков Виктор Васильевич	1948		1988	медаль «За спасение погибавших»
1434	Матыко Иван Григорьевич	1943	2003	1987	
1435	Матюхов Евгений Анатольевич	1961		1986	
1436	Махонин Валерий Николаевич	1952		1986	
1437	Мацкевич Владимир Федорович	1949	2010	1987	медаль «За отвагу»
1438	Машин Василий Михайлович	1952	1994	1987	
1439	Медведев Николай Иванович	1948		1986	
1440	Медведев Валерьян Иванович	1945	2003	1988	
1441	Медведева Тамара Михайловна	1939		1986	
1442	Медведков Виктор Алексеевич	1953		1986	
1443	Меденцев Сергей Алексеевич	1950		1987	орден Мужества
1444	Медков Николай Васильевич	1952		1988	
1445	Медков Валентин Алексеевич		1999	1986	
1446	Межевихин Геннадий Викторович	1955	умер	1989	
1447	Меликов Имран Твох-оглы	1967		1986	
1448	Мелих Владимир Алексеевич	1955		1987	
1449	Мелихов Вячеслав Георгиевич	1960	2009	1987	
1450	Мельников Александр Юрьевич	1968		1988	
1451	Мельников Сергей Николаевич		1993	1986	
1452	Меркулов Павел Иванович	1949		1987	медаль «За спасение погибавших»
1453	Меркурьев Сергей Николаевич	1960		1987	
1454	Метропольский Валерий Евгеньевич	1956		1986	
1455	Механиков Анатолий Егорович	1949	2000	1988	
1456	Мешков Иван Федорович	1950	1995	1987	
1457	Микрюков Валентин Кузьмич	1952	2007	1986	орден Мужества
1458	Микушина Наталья Васильевна	1961		1986	
1459	Милицин Александр Афанасьевич	1952		1986	орден Мужества
1460	Миллер Валерий Иванович			1986	
1461	Милосердов Александр Юрьевич	1956		1987	
1462	Мильх Вячеслав Анатольевич	1966		1987	
1463	Миненков Сергей Николаевич	1963		1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1464	Минин Виктор Михайлович	1949		1986	
1465	Миних Василий Кузьмич	1961	2001	1987	
1466	Миняйлов Евгений Григорьевич	1940		1987	
1467	Мирошниченко Владимир Кузьмич	1946		1989	медаль «За спасение погибавших»
1468	Миско Ольга Викторовна	1957		1986	
1469	Митковский Геннадий Викторович	1954		1987	
1470	Митрофанов Игорь Владимирович	1966	2008	1987	медаль «За отвагу»
1471	Митрофанов Николай Иванович	1954	2000	1988	
1472	Митрохович Алексей Николаевич	1951		1987	медаль «За спасение погибавших»
1473	Митусов Геннадий Алексеевич	1940		1987	
1474	Михайленко Сергей Алексеевич	1957		1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1475	Михайлов Алексей Алексеевич	1951	2009	1986	орден Мужества
1476	Михайлов Юрий Борисович	1947		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1477	Михайлов Владимир Максимович	1951	2009	1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1478	Михайлов Игорь Юрьевич	1966	1997	1986	
1479	Михайлов Владимир Алексеевич	1953		1986	орден Мужества
1480	Михайлов Александр Николаевич	1953	1993	1986	
1481	Михайлова Аида Николаевна	1939		1986	
1482	Михайловский Александр Николаевич	1952		1986	орден Мужества
1483	Михаленко Людмила Александровна	1952		1986	
1484	Михаленко Николай Михайлович	1948		1986	
1485	Михеев Михаил Моисеевич	1949		1988	

Красноярский край. Список участников ликвидации последствий аварии на ЧАЭС на 01.01.2011

№	Ф.И.О.	Год рождения	Год смерти	Год участия	Государственные награды
1486	Михеев Алексей Иванович		1996	1986	
1487	Михеев Яков Данилович	1925	2003	1986	
1488	Михно Владимир Николаевич	1954		1987	
1489	Мищенко Рудольф Григорьевич	1940		1987	
1490	Могилев Владимир Михайлович	1951		1989	
1491	Модейченко Владимир Николаевич	1960		1986	орден Мужества
1492	Можаев Сергей Яковлевич	1954	2008	1988	
1493	Мозговой Юрий Викторович	1960		1986	медаль «За спасение погибавших»
1494	Моисеев Николай Федорович	1944		1987	орден Мужества
1495	Моисеев Александр Николаевич	1960		1986	
1496	Моисеенко Николай Никитович	1950	2001	1986	
1497	Моисеенко Владимир Васильевич	1957		1987	
1498	Молодов Виктор Васильевич	1956	1995	1989	
1499	Моргунова Нина Михайловна	1948		1986	
1500	Мордвинов Владимир Георгиевич	1952		1987	орден Мужества
1501	Мороз Валерий Владимирович	1959		1988	
1502	Морозов Анатолий Валерьевич			1986	
1503	Морозов Александр Анатольевич	1958		1988	
1504	Морозов Александр Алексеевич	1954	1995	1987	
1505	Морозов Игорь Иванович	1958		1988	
1506	Морозовский Иван Ионович	1949	1993	1987	
1507	Моряшин Андрей Николаевич	1967		1986	
1508	Мосин Геннадий Васильевич	1965		1986	
1509	Мосин Геннадий Михайлович	1949		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1510	Мосина Татьяна Васильевна	1950		1988	
1511	Москаленко Николай Григорьевич	1948		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1512	Московкин Андрей Владимирович	1955		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1513	Моторин Владимир Анатольевич	1966		1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1514	Мочалкин Михаил Иванович	1935		1986	медаль «За спасение погибавших»
1515	Мочалов Илья Степанович	1955		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1516	Мочалов Виктор Васильевич	1947		1987	
1517	Музалевский Николай Николаевич	1952		1987	
1518	Музалевский Михаил Иванович	1958		1987	
1519	Мурашкин Сергей Владимирович	1957		1987	
1520	Мурзанаев Анатолий Владимирович	1947		1987	
1521	Мурич Александр Иванович		1994		
1522	Мурыгин Олег Афанасьевич	1963		1986	медаль «За спасение погибавших»
1523	Мусанов Николай Сергеевич	1955	2006	1987	
1524	Мусохранов Владимир Андреевич	1957		1988	
1525	Мустафин Рашид Раильевич	1959		1989	
1526	Муха Анатолий Сидорович	1948		1989	
1527	Мухамедьяров Гарей Касимович	1957		1988	
1528	Мысиков Сергей Михайлович	1954	1996	1987	
1529	Мысин Юрий Петрович	1934		1986	орден Мужества
1530	Мяги Татьяна Алексеевна	1964		1986	
1531	Мясоедов Александр Кириллович	1949		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1532	Наберушкин Сергей Николаевич	1961		1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1533	Набиуллин Авхат Хафизович	1952		1986	
1534	Наврилов Леонид Николаевич	1948	1998		
1535	Навроцкий Юрий Владимирович	1967		1988	
1536	Нагаев Павел Борисович	1949	2008	1987	
1537	Нагишев Сергей Иванович	1952		1987	
1538	Нагорная Елена Викторовна	1966		1987	
1539	Нагорных Елена Валериановна	1963		1986	
1540	Надточий Владимир Павлович	1953		1987	

«Спасибо вам, не подвели, не дрогнули...»

№	Ф.И.О.	Год рождения	Год смерти	Год участия	Государственные награды
1541	Назарец Анатолий Петрович	1955		1986	
1542	Назаров Владимир Петрович	1953	2007	1986	
1543	Назаров Владимир Александрович	1955		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1544	Назаров Михаил Сергеевич	1951	2009	1988	
1545	Назаров Юрий Николаевич	1957	2004	1988	
1546	Назарчук Виктор Васильевич	1948	2004	1987	
1547	Найденов Сергей Михайлович	1958		1988	
1548	Наймушин Сергей Анатольевич	1961		1987	
1549	Напольский Виталий Иосифович	1970		1990	
1550	Наталюк Анатолий Герасимович	1954		1987	медаль «За отвагу»
1551	Науменко Виктор Максимович	1954	умер	1987	
1552	Наумов Виктор Васильевич	1950	2004	1988	
1553	Наумов Игорь Семёнович	1927	2001	1986	
1554	Наумова Нина Константиновна	1930	2011	1986	медаль «За спасение погибавших»
1555	Нахаев Владимир Николаевич	1956		1987	орден Мужества
1556	Небесный Иван Иванович	1950		1988	медаль «За спасение погибавших»
1557	Неверов Александр Яковлевич	1940		1986	
1558	Неверова Галина Васильевна	1940		1986	
1559	Неволин Дмитрий Васильевич	1948	2001	1986	
1560	Недбайленко Александр Васильевич	1953	2007	1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1561	Незамов Владимир Яковлевич	1950		1988	
1562	Немков Владимир Александрович	1953		1988	
1563	Немченко Анатолий Федорович	1951	1993	1986	
1564	Немчинов Анатолий Николаевич	1957		1987	
1565	Неподкосов Юрий Александрович	1951		1986	орден Мужества
1566	Непомнящий Геннадий Григорьевич	1946	1992	1986	
1567	Нерознак Иван Иванович	1959		1986	
1568	Несветайло Виктория Иосифовна	1939		1986	
1569	Несмелов Александр Иванович	1950	1997	1987	
1570	Нестеренко Владимир Степанович	1949		1988	
1571	Неуймин Сергей Константинович	1955		1988	медаль «За спасение погибавших»
1572	Нефедова Марина Геннадьевна	1966		1988	
1573	Никиенко Галина Николаевна	1966		1987	
1574	Никитенко Сергей Максимович	1954		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1575	Никитин Анатолий Андреевич	1947		1987	медаль «За отвагу»
1576	Никитин Валентин Афанасьевич	1954		1986	медаль «За спасение погибавших»
1577	Никитина Любовь Александровна	1967		1986	
1578	Никитинский Александр Юрьевич	1969		1986	
1579	Никитченко Юрий Алексеевич	1961	2003	1986	
1580	Никифоров Николай Николаевич	1956	1999	1988	
1581	Никифоров Сергей Николаевич	1954	1993	1987	
1582	Никишин Владимир Иванович	1956		1987	
1583	Николаев Олег Владимирович	1966		1986	
1584	Николаев Анатолий Никандрович	1947	2003	1988	
1585	Николаев Николай Ефимович	1947	умер	1989	
1586	Никулин Валерий Алексеевич	1957		1989	
1587	Новгородов Александр Григорьевич	1955	2005	1987	
1588	Новиков Анатолий Ильич	1956		1986	
1589	Новиков Олег Александрович	1966		1987	орден Мужества
1590	Новицкий Григорий Михайлович	1943		1988	
1591	Новожилов Геннадий Павлович	1939		1986	медаль «За спасение погибавших»
1592	Ноздрачев Александр Михайлович		умер	1986	
1593	Ноздрин Евгений Николаевич	1963		1986	
1594	Номанов Александр Сергеевич	1958		1986	
1595	Носков Николай Тимофеевич	1953		1990	

Красноярский край. Список участников ликвидации последствий аварии на ЧАЭС на 01.01.2011

№	Ф.И.О.	Год рождения	Год смерти	Год участия	Государственные награды
1596	Носков Сергей Викторович	1962		1988	
1597	Носов Александр Иванович	1948		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1598	Обухов Александр Михайлович	1953		1987	
1599	Обухов Евгений Иванович	1954		1988	
1600	Обухов Сергей Васильевич	1952	2001	1988	
1601	Обушков Андрей Геннадьевич	1957		1986	орден Мужества
1602	Объедков Александр Порфирьевич	1958	2007	1986	медаль «За спасение погибавших»
1603	Овечкин Виктор Владимирович	1967		1986	
1604	Овсенко Николай Алексеевич	1950		1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1605	Овсиенко Игорь Николаевич	1962	2010	1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1606	Овчаренко Василий Владимирович	1956		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1607	Овчаров Николай Иванович	1949		1988	
1608	Овчинников Юрий Андреевич	1948	1995	1987	
1609	Овчинников Андрей Михайлович	1965	2004	1986	
1610	Оганнисян Арсен Заветович	1967		1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1611	Огнев Павел Матвеевич	1945	2007	1986	
1612	Огородничук Петр Федорович	1944	2007	1987	
1613	Огородникова Алла Тимофеевна	1963		1987	
1614	Одинцова Наталья Гавриловна	1967		1986	
1615	Одноколов Владимир Семенович	1950	1990	1989	
1616	Озарко Михаил Петрович	1950		1988	
1617	Огорокова Татьяна Даниловна	1961	1997	1986	
1618	Окунев Дмитрий Дмитриевич	1957	2005	1986	
1619	Окунев Петр Дмитриевич	1953	2007	1988	
1620	Олеников Николай Петрович	1955		1986	
1621	Ольбик Галия Гаязовна	1966		1986	
1622	Ольгин Юрий Иванович	1961	2001	1986	
1623	Ольхин Василий Александрович	1960		1986	
1624	Омельченко Геннадий Иванович	1949	2004	1986	
1625	Онисько Владимир Николаевич	1960		1986	
1626	Оньскив Василий Петрович	1960		1987	
1627	Ооржак Александр Очур-Оолович	1964		1987	медаль «За спасение погибавших»
1628	Опоненко Дмитрий Иванович	1951	1998		
1629	Орехов Александр Григорьевич	1956	2007	1988	
1630	Орехов Владимир Анатольевич	1949		1987	
1631	Ориевский Владимир Прокофьевич	1955		1988	
1632	Орищенко Владимир Николаевич	1951		1989	
1633	Орлик Сергей Петрович	1957		1986	
1634	Орлов Юрий Иванович	1957		1986	
1635	Орлов Юрий Михайлович	1966		1986	
1636	Орлов Виктор Евгеньевич	1949		1986	
1637	Орлова Людмила Николаевна	1951		1987	
1638	Осадчий Андрей Степанович	1952		1988	медаль «За спасение погибавших»
1639	Осадчук Владимир Ильич	1951	2006	1986	медаль «За спасение погибавших»
1640	Осинцев Александр Владимирович	1959		1987	орден Мужества
1641	Осипов Владимир Иванович	1951		1986	
1642	Осипов Михаил Николаевич	1955		1986	
1643	Осиповский Александр Валентинович	1948	1997		
1644	Остапенко Александр Александрович	1966		1986	
1645	Отвагин Станислав Валерьевич	1956		1986	
1646	Откидыч Валерий Александрович	1956		1989	медаль «За спасение погибавших»
1647	Охотников Виктор Николаевич	1950		1986	медаль «За спасение погибавших»
1648	Охременко Александр Юрьевич	1961		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1649	Ошмарин Виктор Яковлевич	1963		1986	
1650	Павленко Георгий Яковлевич	1943		1986	орден Мужества

«Спасибо вам, не подвели, не дрогнули...»

№	Ф.И.О.	Год рождения	Год смерти	Год участия	Государственные награды
1651	Павленко Владимир Николаевич	1967	2004	1986	
1652	Павлик Владимир Григорьевич	1948	2010	1986	
1653	Павлов Олег Михайлович	1961		1986	
1654	Павлов Василий Петрович	1959		1986	
1655	Павлов Евгений Александрович	1962		1986	орден Мужества
1656	Павлов Владимир Иванович	1946	2007	1988	
1657	Павлов Игорь Борисович	1965		1987	
1658	Пайвин Валерий Яковлевич	1948		1987	медаль «За отвагу»
1659	Пак Владимир Викторович	1955		1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1660	Палкин Владимир Иванович	1950	2002	1986	
1661	Палухин Виталий Николаевич	1956		1986	медаль «За спасение погибавших»
1662	Пальчиков Александр Валерьевич	1958	2007	1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1663	Панарин Сергей Борисович	1956		1987	
1664	Панков Виктор Артемьевич	1949	2006	1987	
1665	Панкратов Олег Борисович	1965	2006	1986	медаль «За отвагу»
1666	Панов Владимир Николаевич	1949		1987	
1667	Панов Игорь Юрьевич	1966		1986	
1668	Панфилов Станислав Григорьевич	1952		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1669	Парашин Валерий Владимирович	1954		1988	медаль «За спасение погибавших»
1670	Парфенов Владимир Алексеевич	1948		1987	
1671	Парфенова Лидия Андреевна			1986	
1672	Пархоменко Геннадий Александрович	1947	1999	1987	
1673	Паршаков Владимир Трифонович	1958	2004	1989	
1674	Пасечник Николай Владимирович	1953	2004	1986	
1675	Патрахин Анатолий Иванович	1953		1988	
1676	Патрашов Владимир Константинович	1956	2007	1988	
1677	Патрин Александр Леонидович	1954		1987	
1678	Патрушев Михаил Владимирович			1987	
1679	Пахомов Сергей Сергеевич	1952	2004	1987	
1680	Пахомчик Лидия Евгеньевна	1948		1986	
1681	Пашенко Николай Николаевич	1953	1999	1987	
1682	Пелипченко Иван Григорьевич	1948	2008	1987	
1683	Пелих Михаил Михайлович	1948	1996	1987	
1684	Пенза Дмитрий Михайлович	1966		1986	
1685	Первов Геннадий Петрович	1951	1989		
1686	Первушкин Геннадий Константинович	1946		1987	орден Мужества
1687	Переверзева Евгения Николаевна	1945		1986	
1688	Перевозников Геннадий Николаевич	1960		1986	
1689	Перепелятник Валерий Михайлович	1965		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1690	Пермякова Нелли Николаевна		1995	1986	
1691	Перякин Владимир Викторович	1955		1986	
1692	Песковец Станислав Иванович		2006	1990	
1693	Петлюк Леонида Николаевна	1937		1988	
1694	Петренко Александр Сергеевич	1952		1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1695	Петренко Василий Андреевич		1992	1986	
1696	Петренко Борис Иосифович	1951		1986	
1697	Петров Александр Анатольевич	1948		1989	
1698	Петров Владимир Иванович	1956		1987	медаль «За спасение погибавших»
1699	Петров Василий Иванович	1957		1988	
1700	Петров Сергей Георгиевич	1967		1986	орден Мужества
1701	Петров Алексей Михайлович	1954	2003	1987	
1702	Петров Владимир Кириллович		1999	1986	орден Мужества
1703	Петров Александр Алексеевич	1963		1986	
1704	Петров Алексей Михайлович	1953		1988	
1705	Петров Владимир Александрович	1955		1988	

Красноярский край. Список участников ликвидации последствий аварии на ЧАЭС на 01.01.2011

№	Ф.И.О.	Год рождения	Год смерти	Год участия	Государственные награды
1706	Петров Александр Александрович	1950		1989	
1707	Петров Александр Михайлович	1953		1988	
1708	Петров Виталий Васильевич	1957		1987	медаль «За отвагу»
1709	Петров Михаил Борисович	1958		1986	
1710	Петров Александр Иванович	1962		1988	
1711	Петрова Елена Николаевна	1961		1986	
1712	Петрулевич Фёдор Викторович	1955		1988	медаль «За спасение погибавших»
1713	Петрунин Александр Викторович	1958	2005	1986	
1714	Петрушенко Александр Петрович	1957	умер	1987	
1715	Петрушенко Анатолий Герасимович	1940		1987	
1716	Петухов Юрий Иванович	1967		1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1717	Петюшкин Виктор Сергеевич	1948	1999	1986	
1718	Пехова Наталья Николаевна	1961		1986	
1719	Печенцов Василий Никитович	1948		1986	
1720	Печко Дмитрий Семенович	1948		1986	орден Мужества
1721	Пешков Александр Максимович	1955		1987	медаль «За отвагу»
1722	Пешков Владимир Дмитриевич	1957	2007	1986	
1723	Пинегин Сергей Михайлович	1949	1999	1988	
1724	Пинчук Мария Васильевна	1944		1986	
1725	Пирогов Павел Михайлович	1949		1988	
1726	Пирогов Андрей Валентинович	1967		1986	
1727	Пирожков Валерий Евгеньевич	1957		1986	орден Мужества
1728	Писарев Василий Сергеевич	1946	2001	1987	
1729	Писаревский Александр Николаевич	1951	1994	1987	
1730	Писаревский Виктор Петрович	1944	1995	1988	
1731	Писаренок Валерий Григорьевич	1956	2010	1988	
1732	Пискарев Михаил Васильевич	1954		1988	
1733	Письменных Николай Петрович	1951	2006	1988	
1734	Пичкарев Владимир Иванович	1959		1986	
1735	Пичугин Владимир Николаевич	1953		1988	медаль «За спасение погибавших»
1736	Платонов Алексей Николаевич	1958		1987	
1737	Плесников Василий Васильевич	1956		1987	медаль «За спасение погибавших»
1738	Плешков Николай Владимирович	1950		1987	медаль «За отвагу»
1739	Плотников Николай Григорьевич	1942	2004	1986	
1740	Плотников Анатолий Николаевич	1948		1987	
1741	Плотников Юрий Александрович	1958		1989	медаль «За спасение погибавших»
1742	Плотников Виктор Дмитриевич	1945	2003	1986	орден Мужества
1743	Плотников Сергей Григорьевич	1957		1986	медаль «За отвагу»
1744	Пляц Николай Александрович	1956		1986	
1745	Побединский Александр Сергеевич	1958		1986	
1746	Погодаев Александр Леонтьевич	1958		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1747	Погодин Юрий Алексеевич	1955		1987	
1748	Погорелов Николай Николаевич	1953		1988	
1749	Поддубецкий Андрей Григорьевич	1947		1986	медаль «За спасение погибавших»
1750	Подобед Леонид Александрович	1940		1986	
1751	Подоляк Владимир Тимофеевич	1955		1986	
1752	Подрезенко Николай Иванович	1952		1986	
1753	Подымов Виктор Иванович	1948	2006	1986	
1754	Пожарков Александр Борисович	1949		1986	медаль «За спасение погибавших»
1755	Пожилов Анатолий Иванович	1949		1987	орден Мужества
1756	Познанский Вадим Юрьевич	1960		1986	
1757	Познахарев Юрий Александрович	1937		1986	
1758	Поликарпов Александр Николаевич	1957		1988	
1759	Полков Николай Петрович	1937	1998	1987	
1760	Полутов Сергей Валерьянович	1958		1987	

«Спасибо вам, не подвели, не дрогнули...»

№	Ф.И.О.	Год рождения	Год смерти	Год участия	Государственные награды
1761	Полынцев Владимир Георгиевич	1951	2008	1987	медаль «За отвагу»
1762	Полюх Виктор Иванович	1962		1987	
1763	Поляков Виктор Максимович	1948	2009	1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1764	Поляков Николай Александрович	1949		1987	
1765	Поляков Анатолий Владимирович	1944		1987	
1766	Поляков Андрей Васильевич	1965		1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1767	Поляков Георгий Валентинович	1958		1987	
1768	Поляков Николай Иванович	1950		1986	
1769	Поляков Николай Федорович		1996	1987	
1770	Полякова Лариса Сергеевна	1935		1987	
1771	Помогаев Валерий Александрович	1951		1986	орден Мужества
1772	Помогалов Сергей Анатольевич	1957		1986	
1773	Помыкалов Евгений Александрович	1958		1986	
1774	Понаморов Александр Николаевич	1959		1986	
1775	Понаморов Сергей Иванович			1986	
1776	Понаморева Надежда Алексеевна	1954		1987	
1777	Пономарев Леонид Александрович	1953		1988	
1778	Пономаренко Виталий Леонидович	1950		1987	
1779	Пономорев Валерий Константинович	1948		1986	медаль «За спасение погибавших»
1780	Пономорев Валерий Васильевич	1951		1986	
1781	Попов Леонид Павлович	1955		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1782	Попов Александр Николаевич	1966		1986	
1783	Попов Эдуард Михайлович	1941		1987	
1784	Попов Валерий Валентинович	1957		1986	
1785	Попов Лев Васильевич	1956	1993	1987	
1786	Попов Анатолий Алексеевич	1940	2009	1986	
1787	Попцев Виктор Павлович	1953		1987	
1788	Посевой Станислав Станиславович	1960		1986	
1789	Поселенов Виктор Анатольевич	1955		1988	
1790	Постников Евгений Иванович	1962		1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1791	Посылаев Александр Владимирович	1963		1986	
1792	Потапенко Виктор Семёнович	1951		1987	медаль «За отвагу»
1793	Потебня Александр Петрович	1957		1986	
1794	Потехин Николай Васильевич	1946	1997	1986	
1795	Потехин Вячеслав Витальевич	1952		1986	
1796	Потоцкий Николай Владимирович	1951		1986	
1797	Потылицин Николай Иванович	1967		1986	
1798	Потылицин Сергей Васильевич	1952		1986	медаль «За спасение погибавших»
1799	Пошехонова Галина Власовна	1937		1986	медаль «За спасение погибавших»
1800	Пресняков Валерий Иванович	1948	2009	1986	орден Мужества
1801	Привалов Сергей Алексеевич	1957		1987	медаль «За спасение погибавших»
1802	Прилепа Владимир Константинович	1957		1986	
1803	Примаков Юрий Викторович	1956		1986	орден Мужества
1804	Примаков Владимир Ильич			1988	
1805	Примаченко Сергей Иванович	1964		1986	
1806	Приходько Анатолий Вениаминович	1952	2010	1987	медаль «За отвагу»
1807	Приходько Леонид Иванович	1935	2009	1986	
1808	Приходько Виктор Алексеевич	1952		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1809	Приходько Геннадий Антонович	1948	2004	1986	
1810	Прокатень Станислав Иосифович		1996	1986	
1811	Прокопьев Виктор Николаевич	1949	1999	1988	
1812	Прокофьев Василий Михайлович	1942	2005	1986	орден Мужества
1813	Прокошев Николай Семенович	1942	2006	1986	
1814	Пронин Сергей Андреевич	1954		1986	
1815	Пронькин Александр Иванович	1926	1995		

Красноярский край. Список участников ликвидации последствий аварии на ЧАЭС на 01.01.2011

№	Ф.И.О.	Год рождения	Год смерти	Год участия	Государственные награды
1816	Просий Сергей Михайлович	1963		1987	
1817	Проскуряков Сергей Петрович	1964	2009	1986	медаль «За спасение погибавших»
1818	Простихин Владимир Александрович	1949	1992	1988	
1819	Протасов Геннадий Алексеевич	1945		1988	
1820	Прохоров Павел Петрович	1958		1986	орден Мужества
1821	Прохоровский Игорь Петрович	1957		1989	
1822	Проценко Игорь Трофимович	1965		1986	
1823	Пруденко Сергей Евгеньевич	1959		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1824	Прудников Николай Ильич	1952		1987	медаль «За отвагу»
1825	Прудников Виталий Александрович	1954	2000	1987	
1826	Прудникова Людмила Владимировна	1966		1986	
1827	Прусаков Александр Александрович	1955		1987	орден Мужества
1828	Прутовых Анатолий Алексеевич		1994	1986	
1829	Прядун Леонид Прокопьевич	1954	2003	1986	
1830	Пряжников Сергей Васильевич	1956		1988	
1831	Пузакова Надежда Викторовна	1949		1986	
1832	Пузырев Александр Петрович	1957	2002	1987	
1833	Пузырев Владимир Иванович	1951	1996	1988	
1834	Пупышев Виктор Степанович	1957	2004	1988	
1835	Пурвин Владимир Иванович	1959		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1836	Путилов Владимир Александрович	1960		1988	медаль «За спасение погибавших»
1837	Путинцев Александр Петрович	1955	2003	1987	
1838	Пухова Ольга Владимировна	1966		1986	
1839	Пушкарев Виктор Александрович	1956		1988	
1840	Пушкаренко Сергей Алексеевич	1961	1997	1986	
1841	Пушкин Николай Ильич	1957		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1842	Пушников Виктор Петрович		1997	1986	
1843	Пчелин Петр Викторович	1963		1987	
1844	Пчелинцев Леонид Николаевич	1940		1988	
1845	Пшеничников Юрий Петрович	1962		1986	
1846	Пшонко Василий Алексеевич		1997	1986	
1847	Пыжьянов Владимир Васильевич	1964		1986	
1848	Радионых Владимир Алексеевич	1947	2006	1986	
1849	Радко Николай Викторович	1956		1988	
1850	Разумов Виктор Анатольевич	1948		1986	орден Мужества
1851	Разумов Александр Александрович	1953	2006	1986	
1852	Райкине Тавко Иванович	1949		1988	
1853	Ракитин Валерий Владимирович	1960		1986	орден Мужества
1854	Раменский Сергей Юрьевич	1965		1987	
1855	Рапаков Анатолий Васильевич	1957		1988	
1856	Рассадин Сергей Павлович	1960		1986	
1857	Расщупкин Виктор Григорьевич	1951		1987	медаль «За отвагу»
1858	Ратков Владимир Алексеевич	1952	1998	1987	
1859	Рахманов Юрий Пулатович	1963	2003	1987	
1860	Рахматулин Шайдулла Абдуллаевич	1959	1995	1987	
1861	Рахматуллин Рафаиль Накипович	1964		1986	
1862	Рашитов Мунир Мавлятович	1958		1987	
1863	Ращепкин Вячеслав Григорьевич	1938		1986	
1864	Редькин Александр Григорьевич	1948		1987	
1865	Редько Михаил Иванович	1948		1988	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1866	Резакин Виктор Николаевич	1950	2001	1986	
1867	Резвых Людмила Юрьевна	1956		1986	
1868	Резвых Сергей Петрович	1955		1986	
1869	Резников Сергей Михайлович	1966		1986	
1870	Резниченко Алексей Николаевич	1966		1986	

«Спасибо вам, не подвели, не дрогнули...»

№	Ф.И.О.	Год рождения	Год смерти	Год участия	Государственные награды
1871	Ремизов Валерий Алексеевич	1956		1987	
1872	Ремизов Леонид Алексеевич	1962	2008	1987	
1873	Рерих Александр Александрович	1952		1986	орден Мужества
1874	Реут Владимир Юрьевич	1962		1987	медаль «За спасение погибавших»
1875	Речка Николай Андреевич	1949		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1876	Решетников Василий Григорьевич	1956		1986	орден Мужества
1877	Решетников Яков Владимирович	1956	1994	1988	
1878	Решетов Александр Петрович	1954		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1879	Решетов Сергей Александрович	1952		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1880	Рисс Эдуард Робертович			1986	
1881	Рогов Владимир Александрович	1938	2004	1986	
1882	Рогов Вадим Алексеевич	1950		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1883	Рогов Василий Илларионович	1951		1988	
1884	Рогожин Виталий Константинович	1955		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1885	Родин Леонид Павлович	1951	1989	1987	
1886	Родионов Сергей Валентинович	1960		1986	
1887	Родионов Анатолий Андреевич	1951		1988	медаль «За спасение погибавших»
1888	Рожин Владимир Маркович	1951	2001	1987	
1889	Рожков Александр Иванович	1959		1986	
1890	Рожков Виктор Николаевич	1953		1987	медаль «За спасение погибавших»
1891	Рожков Владимир Анатольевич		1998		
1892	Рожков Виктор Степанович	1950	2007	1987	
1893	Рожнов Владимир Александрович	1955		1986	
1894	Розманов Иван Прокопьевич	1936		1986	орден «Знак Почета», орден Мужества
1895	Ромазанов Владимир Файкович	1950	2007	1986	орден Мужества
1896	Романенко Виктор Федорович	1949	умер	1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1897	Романенко Николай Петрович	1951		1987	
1898	Романов Александр Сергеевич	1958		1986	
1899	Романов Сергей Владимирович	1958	2006	1988	
1900	Романов Михаил Борисович		2002	1986	
1901	Романов Александр Васильевич	1955	2003	1987	
1902	Романов Владислав Викторович	1965		1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1903	Романченко Александр Григорьевич	1961		1986	
1904	Ромашев Виктор Владимирович	1945		1987	
1905	Ромашевская Татьяна Ивановна	1958		1987	
1906	Россинский Геннадий Юзепович	1952		1986	
1907	Россиянский Владимир Дмитриевич	1958		1986	
1908	Ростовцев Владимир Николаевич	1944		1987	
1909	Ростовцева Алла Константиновна				медаль «За спасение погибавших»
1910	Рощенко Александр Леонидович	1953		1990	
1911	Рубанов Александр Григорьевич	1953		1986	орден Мужества
1912	Рублев Анатолий Афанасьевич	1938		1986	
1913	Рудик Виктор Григорьевич	1951		1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1914	Рудобаба Валерий Григорьевич	1950	1995	1987	
1915	Рудько Сергей Николаевич	1956		1987	
1916	Руль Эдуард Константинович		1996	1986	
1917	Румынин Алексей Васильевич	1958	1991	1986	
1918	Русаков Геннадий Алексеевич	1954		1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1919	Русаков Валерий Константинович	1958	2001	1986	
1920	Русанов Вячеслав Алексеевич	1948		1986	орден Мужества
1921	Русских Анатолий Ильич	1950	2004	1987	
1922	Руткаускас Иоанас Альфонсович	1952		1988	
1923	Рыбаков Петр Алексеевич	1956	2007	1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1924	Рыбасов Николай Павлович		1993	1986	
1925	Рыгалов Сергей Викторович	1961		1986	

Красноярский край. Список участников ликвидации последствий аварии на ЧАЭС на 01.01.2011

№	Ф.И.О.	Год рождения	Год смерти	Год участия	Государственные награды
1926	Рыжов Николай Николаевич	1951		1987	орден Мужества
1927	Рыжук Николай Степанович	1957		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1928	Рыков С. Н.			1986	
1929	Рындин Александр Дмитриевич	1948		1987	орден Мужества
1930	Рычков Евгений Александрович	1947	2002	1987	
1931	Рютин Василий Владимирович	1952	2007	1986	
1932	Рютина Анна Алексеевна	1956		1986	
1933	Рябов Александр Алексеевич	1954	2000	1987	
1934	Рябчиков Олег Арнольдович	1962	2004	1987	
1935	Рябыкин Александр Иванович	1962		1986	
1936	Рязанов Евгений Юльевич	1956		1986	
1937	Рязанов Георгий Григорьевич	1934		1986	
1938	Рязанцев Владимир Ильич	1966		1986	
1939	Савалайнен Анатолий Иванович	1947	2007	1989	медаль «За спасение погибавших»
1940	Савельев Павел Васильевич	1955		1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1941	Савельев Михаил Алексеевич	1938		1986	
1942	Савинов Алексей Петрович	1939	2004	1986	медаль «За спасение погибавших»
1943	Савич Владимир Александрович	1959		1986	
1944	Савонин Олег Васильевич	1960		1986	орден Мужества
1945	Савостьянов Николай Захарович	1950		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1946	Савчук Александр Анатольевич	1945		1988	медаль «За спасение погибавших»
1947	Садовой Владимир Викторович	1968		1987	
1948	Садовский Николай Александрович	1949		1989	
1949	Садыгов Айваз Расул-оглы	1967		1987	
1950	Садыхов Борис Азад-оглы	1954		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1951	Саидов Салаудин Зиявдинович	1966		1986	
1952	Саидов Юрий Сапарбаевич	1953		1987	
1953	Салдушев Иван Кузьмич	1955	2009	1986	
1954	Салимгареев Баян Нуртынович	1956		1987	
1955	Салов Виктор Иванович	1953		1987	
1956	Саломатов Геннадий Иванович	1953	2004	1986	
1957	Салтыков Валерий Сергеевич	1950	1995	1987	
1958	Самарин Александр Николаевич	1950		1988	орден Мужества
1959	Самборский Анатолий Борисович	1966		1986	
1960	Саминский Евгений Васильевич	1951		1987	медаль «За спасение погибавших»
1961	Самойлов Анатолий Павлович	1944		1987	
1962	Самойлов Владимир Ильич	1955	2002	1987	
1963	Самойловский Анатолий Петрович	1950		1987	
1964	Самолук Игорь Александрович	1966		1986	
1965	Самотугин Василий Павлович	1946		1986	
1966	Самохвалов Дмитрий Юльевич	1966		1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1967	Самохвалов Сергей Кузьмич	1955		1986	
1968	Самохин Андрей Иванович	1957	умер	1987	орден Мужества
1969	Самсоненко Владимир Михайлович	1956		1987	
1970	Самсончик Николай Николаевич	1952		1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1971	Самцов Алексей Петрович	1954	1999	1987	
1972	Самылин Владимир Иванович	1953		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1973	Самышкина Любовь Анатольевна	1964		1986	медаль «За спасение погибавших»
1974	Санаров Виктор Васильевич	1938	2004	1986	
1975	Сандалова Галина Егоровна	1957		1988	
1976	Санников Валерий Иванович	1956	1997	1987	
1977	Санушкин Владимир Феоктистович	1956		1986	
1978	Сапожников Владимир Михайлович	1954		1987	
1979	Сапожников Алексей Николаевич	1954		1987	
1980	Сапрыкин Алексей Ильич	1949		1986	

«Спасибо вам, не подвели, не дрогнули...»

№	Ф.И.О.	Год рождения	Год смерти	Год участия	Государственные награды
1981	Сас Владимир Викторович	1966	2000	1986	
1982	Сас Степан Николаевич	1952		1988	
1983	Сатаев Михаил Петрович	1952		1986	медаль «За спасение погибавших»
1984	Сафроненков Гавриил Иванович	1941	2009	1988	
1985	Сахно Николай Евгеньевич	1948	2001	1986	
1986	Сацук Владимир Анатольевич	1963	2007	1986	
1987	Сачков Николай Васильевич	1929	1996		
1988	Сашко Владимир Иосифович	1947		1987	
1989	Саяпин Владимир Александрович	1947		1986	медаль «За спасение погибавших»
1990	Светляков Юрий Николаевич	1959	1999	1986	
1991	Свидрицкий Михаил Иосифович	1954		1987	
1992	Свинчук Николай Михайлович	1943		1986	
1993	Свиридова Любовь Федотьевна	1943		1986	
1994	Свынар Александр Иванович	1945		1986	
1995	Северьянов Николай Иванович	1949	2008	1986	
1996	Севостьянов Владимир Михайлович	1957	2004	1987	
1997	Севрунов Георгий Иванович	1948		1988	
1998	Седак Анатолий Александрович	1960		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
1999	Седнев Александр Петрович	1955		1986	
2000	Седченко Виктор Анатольевич	1961		1988	
2001	Селиванова Наталья Александровна	1961		1987	
2002	Селиверстов Виталий Степанович	1945	умер	1988	медаль «За спасение погибавших»
2003	Селищев Михаил Анатольевич	1963	2007	1986	
2004	Сельвинский Виталий Иннокентьевич	1952	1994	1987	
2005	Селясин Олег Вениаминович	1960		1986	
2006	Семенов Сергей Иннокентьевич	1956		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
2007	Семенов Валерий Иванович	1946		1989	
2008	Семенова Любовь Филипповна	1948		1986	
2009	Семеняк Григорий Григорьевич	1952		1988	
2010	Семилянцев Александр Александрович	1954		1988	
2011	Сендерский Борис Иосифович	1956		1986	орден Мужества
2012	Сенин Виктор Васильевич	1960	2009	1987	
2013	Сенченко Юрий Витальевич	1957		1987	
2014	Сепач Василий Петрович	1951		1987	медаль «За спасение погибавших»
2015	Сергеев Геннадий Павлович	1949		1988	медаль «За спасение погибавших»
2016	Сергеев Сергей Геннадьевич	1954		1986	
2017	Сергеев Анатолий Илларионович	1949		1987	
2018	Сергеев Александр Гаврилович	1959		1986	
2019	Сергеев Владимир Николаевич	1940	2004	1986	
2020	Сергиенко Леонид Николаевич	1950		1986	
2021	Серебряков Владимир Павлович	1944		1986	орден Мужества
2022	Середюк Сергей Лазаревич	1953		1986	
2023	Сережина Галина Михайловна			1986	
2024	Серкин Александр Алексеевич	1947	2007	1988	
2025	Серых Борис Васильевич	1952		1986	
2026	Сеськина Надежда Алексеевна	1953		1986	
2027	Сечин Григорий Константинович	1945		1987	
2028	Сещенко Олег Викторович	1962		1986	
2029	Сибирцев Николай Николаевич	1949		1987	
2030	Сиваков Дмитрий Дмитриевич	1964	2001	1987	
2031	Сивков Александр Федорович	1951		1988	
2032	Сиднев Владимир Иванович	1956		1987	медаль «За отвагу»
2033	Сидоров Владимир Владимирович	1957		1986	
2034	Сидоров Сергей Федорович	1958		1987	
2035	Сидорчук Григорий Алексеевич	1948		1986	

Красноярский край. Список участников ликвидации последствий аварии на ЧАЭС на 01.01.2011

№	Ф.И.О.	Год рождения	Год смерти	Год участия	Государственные награды
2036	Силантьев Дмитрий Михайлович	1951		1987	медаль «За спасение погибавших»
2037	Силин Виктор Викторович	1953	1994	1986	
2038	Силькунов Анатолий Николаевич		1998	1986	
2039	Сильченко Александр Владимирович	1950		1986	орден Мужества
2040	Сильченко Анатолий Федорович	1955		1986	орден Мужества
2041	Силяков Юрий Николаевич	1959		1986	
2042	Симаков Борис Сергеевич	1949		1988	
2043	Симериков Виктор Борисович	1950	2004	1988	
2044	Симоненко Владимир Григорьевич	1948	1991	1987	
2045	Симонов Анатолий Яковлевич	1953	2005	1987	
2046	Симонов Валентин Михайлович	1954	2003	1987	
2047	Синенко Александр Сергеевич	1946		1987	орден Мужества
2048	Синицын Владимир Петрович		1991	1986	
2049	Синьков Юрий Михайлович	1947	2007	1986	орден Мужества
2050	Синютин Алексей Николаевич	1956		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
2051	Синяков Геннадий Анатольевич	1957	2001	1987	
2052	Сироджов Назар Шовайсудинович	1970		1988	
2053	Сисин Михаил Иванович	1949	1992	1987	
2054	Ситчихин Олег Владимирович	1962		1986	
2055	Сказка Николай Николаевич	1953		1988	медаль «За спасение погибавших»
2056	Скатов Леонид Леонидович	1963	2004	1986	
2057	Скиба Валерий Васильевич	1951		1988	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
2058	Скипор Ольга Ивановна	1960		1986	медаль "За спасение погибавших"
2059	Скляренко Михаил Иванович	1956		1988	
2060	Скобкарев Николай Елизарович	1942	умер	1986	
2061	Сковородникова Ольга Евстафьевна	1960	2005	1987	
2062	Скоркин Иван Иванович	1959		1986	орден Мужества
2063	Скорыходов Николай Александрович	1948	2004	1987	
2064	Скрипалев Евгений Николаевич	1966		1986	
2065	Скрипальщиков Александр Александрович	1952	1994		
2066	Скрипченко Виктор Арташесович	1939		1986	
2067	Славин Николай Леонидович	1962		1986	орден Мужества
2068	Сладков Евгений Иванович	1948		1986	
2069	Сладков Алексей Илларионович	1934	2002	1986	
2070	Слесаренко Петр Степанович	1957		1987	
2071	Слободенюк Николай	1945	1998	1986	
2072	Слободский Валерий Васильевич	1950		1986	
2073	Слободяник Николай Станиславович	1958		1986	
2074	Слободяник Юрий Борисович	1967		1987	
2075	Слобожанин Александр Федорович	1953		1988	медаль «За спасение погибавших»
2076	Слуцкий Виктор Яковлевич	1954		1988	медаль «За спасение погибавших»
2077	Слюсарев Геннадий Иванович	1950		1986	
2078	Смекалин Владимир Ильич	1948		1986	орден Мужества
2079	Смелых Виктор Петрович	1952		1988	орден Мужества
2080	Смирнов Николай Александрович	1939		1986	
2081	Смирнов Олег Петрович	1961		1986	
2082	Смирнов Виктор Иванович	1950		1988	медаль «За спасение погибавших»
2083	Смирнов Иван Владимирович	1948	2002	1986	
2084	Смирнов Иван Николаевич	1948		1986	медаль «За спасение погибавших»
2085	Смирнов Сергей Анатольевич	1966		1986	орден Мужества
2086	Смирнов Николай Николаевич	1957		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
2087	Смирнов Александр Михайлович	1958		1986	орден Мужества
2088	Смирнова Ирина Александровна	1964		1986	медаль «За спасение погибавших»
2089	Сморозин Николай Петрович	1955		1986	
2090	Снитко Сергей Анатольевич	1960		1986	

«Спасибо вам, не подвели, не дрогнули...»

№	Ф.И.О.	Год рождения	Год смерти	Год участия	Государственные награды
2091	Снопченко Любовь Ивановна	1967		1986	
2092	Собеленский Славик Николаевич	1948		1987	
2093	Соболев Виктор Михайлович	1960		1986	медаль «За спасение погибавших»
2094	Соболь Иван Анатольевич	1964		1986	
2095	Соболь Василий Анатольевич	1964		1986	
2096	Соков Виктор Павлович	1955		1987	
2097	Соколов Станислав Анатольевич	1949		1987	
2098	Соколова Галина Николаевна	1944		1986	
2099	Соколова Анжелика Александровна	1968		1988	
2100	Соколовский Борис Олегович	1952		1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
2101	Солдаткин Борис Сергеевич	1939		1987	
2102	Соленков Владимир Борисович	1946	2006	1988	медаль «За спасение погибавших»
2103	Соловенок Виктор Николаевич	1964	1999	1986	
2104	Соловьев Сергей Викторович	1954		1988	медаль «За спасение погибавших»
2105	Соловьев Виктор Евгеньевич	1962		1987	орден Мужества
2106	Соловьев Владимир Карпович	1948	2003	1989	
2107	Соловьев Виктор Анатольевич	1948		1986	орден Мужества
2108	Соловьев Николай Михайлович	1953		1987	медаль «За спасение погибавших»
2109	Соловьев Михаил Михайлович		1999	1986	
2110	Соловьев Н Михаил Степанович	1942		1986	орден Мужества
2111	Сологуб Николай Николаевич	1948		1989	медаль «За спасение погибавших»
2112	Солодкий Виктор Иванович	1952		1986	орден Мужества
2113	Солодянкин Александр Валентинович	1953		1987	медаль «За отвагу»
2114	Соломатов Сергей Юрьевич	1961		1986	
2115	Соломончук Анатолий Михайлович	1963		1986	
2116	Солонин Игорь Алексеевич	1951	1999	1988	
2117	Солопов Петр Петрович	1954		1989	
2118	Сомов Михаил Александрович	1961		1986	орден Мужества
2119	Сонина Тамара Владимировна	1938	2010	1986	медаль «За спасение погибавших»
2120	Сорвачев Александр Евгеньевич	1953		1986	
2121	Сорокин Василий Евгеньевич	1963	2008	1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
2122	Сорокин Валерий Михайлович	1953		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
2123	Сорокин Вячеслав Владимирович	1965		1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
2124	Сорокин Николай Федорович	1950		1988	
2125	Сорокин Олег Анатольевич	1962		1988	
2126	Соседов Иван Павлович	1949	1997	1987	
2127	Сосновский Виктор Ильич	1949	2004	1987	
2128	Сосновский Александр Константинович	1950	1997	1987	
2129	Сперанский Владимир Константинович	1934		1986	орден Трудового Красного Знамени
2130	Спивак Валентина Николаевна	1955	2004	1988	
2131	Спирidonov Николай Николаевич	1949		1987	
2132	Спирин Виктор Михайлович	1954		1987	медаль «За отвагу»
2133	Спирин Александр Николаевич	1960		1986	
2134	Спицын Юрий Николаевич	1940		1986	
2135	Стальмаков Василий Сергеевич	1946		1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
2136	Станиславский Анатолий Федорович	1949		1986	орден Мужества
2137	Станкевич Владимир Иосифович	1954		1986	
2138	Старовойтов Дмитрий Яковлевич	1960	2003	1986	
2139	Старцев Николай Дмитриевич	1952	2010	1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
2140	Старцев Владимир Юрьевич	1949		1988	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
2141	Старшинова Людмила Геннадьевна	1953		1987	орден Мужества
2142	Стасов Григорий Александрович	1961		1987	орден Мужества
2143	Статкевич Николай Михайлович	1949		1986	
2144	Статушкин Владимир Феоктистович			1986	
2145	Сташкевич Юрий Алексеевич	1958		1986	медаль «За отвагу»

Красноярский край. Список участников ликвидации последствий аварии на ЧАЭС на 01.01.2011

№	Ф.И.О.	Год рождения	Год смерти	Год участия	Государственные награды
2146	Стегний Александр Александрович		1999	1987	
2147	Степаненко Владимир Федорович	1955		1988	медаль «За спасение погибавших»
2148	Степанов Анатолий Алексеевич	1954		1986	
2149	Степанов Валерий Дмитриевич	1945		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
2150	Степанов Вадим Валерианович	1966		1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
2151	Степанов Михаил Федорович	1945		1987	орден Мужества
2152	Степанов Александр Иванович	1952	умер	1987	
2153	Стефанишин Николай Степанович	1951		1987	медаль «За отвагу»
2154	Стома Вера Егоровна	1953	2007	1986	
2155	Стороженко Владимир Васильевич	1966		1986	
2156	Страмоусов Владимир Семёнович	1951	1996	1987	
2157	Стрелковский Виктор Александрович	1953	2004	1988	
2158	Стрельчик Нина Ивановна	1966		1986	
2159	Стрельцов Сергей Валентинович	1949		1987	
2160	Стремов Андрей Николаевич		1998		
2161	Строганов Николай Павлович	1938		1986	
2162	Строганова Надежда Яковлевна	1947		1986	
2163	Струбинский Сергей Игоревич	1955		1986	
2164	Струбинский Аркадий Игоревич	1963		1986	
2165	Струч Анатолий Анатольевич	1951	1989	1986	
2166	Стручков Сергей Николаевич	1958	2008	1987	
2167	Стужук Сергей Александрович	1963		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
2168	Ступин Геннадий Владимирович	1950		1988	
2169	Стуриков Владимир Геннадьевич	1955		1986	
2170	Сувидов Владимир Алексеевич		1997	1986	
2171	Суворов Алексей Иванович	1966		1986	
2172	Суворов Валерий Степанович	1949	умер	1987	
2173	Судаков Игорь Николаевич	1952		1986	
2174	Судаков Сергей Павлович		1990	1987	
2175	Судариков Геннадий Константинович	1948		1987	медаль «За отвагу»
2176	Суздаев Юрий Викторович	1948		1987	
2177	Сулейманов Фарит Мнирович	1952	2009	1987	
2178	Сулимов Александр Константинович	1953	2007	1986	медаль «За спасение погибавших»
2179	Суменков Виктор Минаевич	1951	2002	1990	
2180	Супрыгин Геннадий Васильевич	1952		1988	
2181	Сургутский Владимир Георгиевич	1953		1988	медаль «За спасение погибавших»
2182	Суслов Валентин Михайлович	1953	2003	1988	
2183	Суслопаров Валерий Николаевич	1952		1986	
2184	Сусоев Владимир Кузьмич	1945		1986	медаль «За спасение погибавших»
2185	Суханов Сергей Владимирович	1968		1986	
2186	Суханов Михаил Иванович	1958		1987	
2187	Сухомлинов Игорь Юрьевич	1963		1986	
2188	Сухоненко Эдуард Иванович	1965		1986	
2189	Сучков Владислав Васильевич	1944		1987	
2190	Сырбу Сергей Васильевич	1947		1986	
2191	Сыров Геннадий Константинович	1949	2001	1987	
2192	Сыченко Геннадий Алексеевич	1946		1989	
2193	Сяркин Василий Илларионович	1950	2000	1988	
2194	Табаченко Сергей Владимирович	1963		1986	
2195	Тагиров Велир Ахмед Корамов	1951		1987	
2196	Тайгунов Владимир Васильевич	1954		1986	
2197	Тайлаков Александр Федорович	1958		1988	
2198	Талай Владимир Демьянович		умер	1986	
2199	Тальшев Геннадий Васильевич	1949	2005	1988	
2200	Тамашов Михаил Васильевич	1957		1987	

«Спасибо вам, не подвели, не дрогнули...»

№	Ф.И.О.	Год рождения	Год смерти	Год участия	Государственные награды
2201	Тамкович Александр Михайлович	1952		1986	
2202	Танеев Сергей Николаевич	1966		1986	медаль «За спасение погибавших»
2203	Тапун Валентина Александровна	1957		1987	
2204	Тарараев Анатолий Гаврилович	1950	2008	1988	
2205	Тарареев Александр Иванович	1952	1993	1986	
2206	Тарасенко Сергей Егорович	1956		1987	
2207	Тарасов Виктор Васильевич	1953		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
2208	Тарасов Николай Михайлович	1953		1988	медаль «За спасение погибавших»
2209	Тарасов Николай Иванович	1960		1988	
2210	Тарасов Александр Михайлович	1952	умер	1987	
2211	Тарасов Виктор Владимирович	1948	1999	1987	
2212	Тарасов Илья Сергеевич		1997	1988	
2213	Тарасов Виктор Васильевич	1953		1986	
2214	Татаринов Виктор Васильевич	1954	2007	1988	
2215	Татаринов Сергей Петрович	1960		1986	орден Мужества
2216	Телегин Александр Ильич	1946		1986	
2217	Тенигин Анатолий Петрович	1941		1986	
2218	Теплицкий Борис Семенович	1951	1993	1986	
2219	Теплов Александр Михайлович	1950		1986	медаль «За спасение погибавших»
2220	Терентьев Николай Дмитриевич	1954	1995	1987	
2221	Терехов Анатолий Анатольевич	1950		1986	
2222	Терешкин Вадим Юрьевич	1965		1988	
2223	Терещенко Александр Владимирович	1954	2005	1987	
2224	Терских Н. А.			1986	
2225	Тертычный Владимир Федорович	1960		1986	
2226	Тетерин Сергей Леонидович	1956		1988	
2227	Тиборовский Александр Павлович			1986	
2228	Тимонин Юрий Васильевич	1954		1986	
2229	Тимосюк Сергей Николаевич	1961	2001	1986	
2230	Тимофеев Александр Павлович	1956		1987	медаль «За спасение погибавших»
2231	Тимофеев Владимир Николаевич	1953		1986	орден Мужества
2232	Тимофеев Александр Дмитриевич		1999	1986	
2233	Тимохов Александр Алексеевич	1953		1987	медаль «За отвагу»
2234	Тимошенко Валерий Федорович	1953		1986	орден Мужества
2235	Тимошенко Геннадий Васильевич	1949	1995	1988	
2236	Тимошенко Георгий Иванович			1986	
2237	Тимченко Сергей Иванович	1956		1987	орден Мужества
2238	Титенков Виктор Николаевич	1957		1988	медаль «За спасение погибавших»
2239	Титов Геннадий Васильевич	1955		1988	медаль «За спасение погибавших»
2240	Титовец Александр Владимирович	1957		1987	
2241	Тихомиров Александр Клавдиевич	1951		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
2242	Тихомиров Владимир Николаевич	1956	2001	1987	
2243	Тихомирова Римма Витальевна	1931	2009	1986	
2244	Тихомирова Раиса Федоровна	1931		1986	
2245	Тихонов Вениамин Александрович	1944		1986	орден Мужества
2246	Тихонов Виктор Сергеевич	1957	2005	1988	
2247	Тихонов Владимир Петрович	1955	1997	1987	
2248	Тихонова Тамара Георгиевна	1967		1987	
2249	Тиц Николай Альбертович	1960		1987	
2250	Тищенко Виктор Иванович	1964		1987	
2251	Тищенко Юрий Анатольевич	1954	1998	1988	
2252	Ткачев Геннадий Федорович	1948		1986	медаль «За спасение погибавших»
2253	Ткачев Александр Викторович	1955	2008	1987	медаль «За отвагу»
2254	Ткаченко Юрий Владимирович	1951		1988	
2255	Токарев Петр Павлович	1954		1988	медаль «За спасение погибавших»

Красноярский край. Список участников ликвидации последствий аварии на ЧАЭС на 01.01.2011

№	Ф.И.О.	Год рождения	Год смерти	Год участия	Государственные награды
2256	Токарев Александр Васильевич	1951		1988	орден Мужества
2257	Токарев Борис Константинович	1937		1990	
2258	Токмин Александр Николаевич	1949		1987	
2259	Толмачев Валерий Павлович	1950	2008	1986	
2260	Толмачев Михаил Львович	1955		1987	
2261	Толстобров Сергей Александрович	1954		1988	
2262	Толстой Николай Алексеевич	1935	2002	1986	
2263	Толстопятенко Иван Николаевич	1964		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
2264	Томашев Игорь Петрович	1965		1986	
2265	Тонких Владимир Павлович	1951		1986	
2266	Тонковид Юрий Владимирович	1961		1986	орден Мужества
2267	Тополь Евгений Иванович	1956		1986	
2268	Топоровский Юрий Сидорович	1945		1986	
2269	Торопов Николай Александрович	1954		1987	
2270	Трапезников Сергей Андреевич	1950		1986	
2271	Трафимов Александр Александрович	1955		1987	медаль «За спасение погибавших»
2272	Третьяков Николай Иосифович	1950		1987	
2273	Третьяков Сергей Михайлович	1954		1987	
2274	Трехлебов Анатолий Иванович	1957		1987	
2275	Трифонов Александр Гаврилович	1948	2008	1986	
2276	Трифонов Михаил Андреевич	1952		1986	
2277	Тришин Владимир Иванович	1954		1987	
2278	Троицкий Александр Викторович	1967		1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
2279	Тропин Владимир Борисович	1951	1996	1986	
2280	Тростянский Эдуард Валентинович	1963		1986	
2281	Трофимов Николай Аверьянович	1946	1996	1987	
2282	Трофимов Станислав Иванович	1949	умер	1987	
2283	Трунов Александр Александрович	1952		1987	медаль «За отвагу»
2284	Туев Виктор Иванович	1951		1986	
2285	Тузов Николай Александрович	1949		1987	
2286	Тузов Дмитрий Сидорович	1925		1986	
2287	Туинов Анатолий Анатольевич	1953	2006	1990	медаль «За спасение погибавших»
2288	Тукмачев Игорь Дмитриевич	1945	1995	1989	
2289	Тульских Анатолий Перфилович		1998	1986	
2290	Туляков Виктор Викторович	1958	2003	1986	
2291	Турдиев Рахматулла	1956		1986	медаль «За спасение погибавших»
2292	Туркулецкий Александр Васильевич	1953		1986	медаль «За спасение погибавших»
2293	Туров Константин Александрович	1958		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
2294	Турчанов Михаил Иванович	1952		1987	орден Мужества
2295	Тучин Владимир Васильевич	1949	1994	1989	
2296	Тушин Борис Иванович			1986	
2297	Тычина Евгений Николаевич	1957		1988	
2298	Тыщенко Александр Иванович	1956		1986	
2299	Удодов Анатолий Александрович	1951	2010	1987	медаль «За отвагу»
2300	Уланов Александр Иванович	1951		1988	орден Мужества
2301	Улитин Павел Дмитриевич	1949	1995	1987	
2302	Уложенко Виктор Владимирович	1965		1986	
2303	Ульяненко Александр Никифорович		1998	1986	
2304	Уляшев Семен Петрович	1944	1997	1986	
2305	Урусов Александр Анатольевич	1952		1986	орден Мужества
2306	Урюпин Василий Дмитриевич	1958	2004	1986	
2307	Урюпин Геннадий Рудольфович	1955	2009	1986	
2308	Усанов Виктор Сергеевич	1963		1986	
2309	Усатова Валентина Дмитриевна	1961		1986	
2310	Усевич Иван Викторович	1950	1996	1987	

«Спасибо вам, не подвели, не дрогнули...»

№	Ф.И.О.	Год рождения	Год смерти	Год участия	Государственные награды
2311	Усольцев Юрий Тимофеевич	1964		1986	
2312	Устиненко Раиса Фоминична	1941		1987	
2313	Устинов Валерий Николаевич	1962	2006	1986	
2314	Усынин Валерий Анатольевич	1956		1987	орден Мужества
2315	Утемов Александр Валентинович	1964		1990	
2316	Учугов Александр Анатольевич			1987	
2317	Ушаков Сергей Павлович	1966	1989		
2318	Уюсов Юрий Дмитриевич	1948		1986	
2319	Фадеев Эдуард Алексеевич	1945		1989	медаль «За спасение погибавших»
2320	Файзулин Сергей Тажирович	1954		1988	
2321	Фандиков Владимир Романович	1953		1987	
2322	Фарезов Валерий Хасрнасович	1952	2006	1987	
2323	Фатьянов Михаил Николаевич	1955		1988	
2324	Федечкин Андрей Викторович	1961		1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
2325	Федоров Петр Яковлевич	1951		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
2326	Федоров Николай Михайлович	1957	2003	1987	
2327	Федоров Николай Исаакович	1954	1995	1987	
2328	Федорова Тамара Константиновна	1951		1986	
2329	Федорова Галина Семеновна	1935	2003	1986	орден Мужества
2330	Федосеев Николай Егорович		1996	1986	
2331	Федосеев Александр Иванович			1988	
2332	Федотов Иван Васильевич	1920	2003	1987	
2333	Федченко Александр Анатольевич	1959		1986	
2334	Федына Богдан Петрович	1963		1986	
2335	Федякина Людмила Александровна	1964		1986	
2336	Фельбуш Александр Генрихович			1988	
2337	Феоктистов Александр Константинович	1934		1986	
2338	Феоктистов Борис Петрович	1950		1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
2339	Фетисов Владимир Александрович	1953		1988	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
2340	Фефелов Анатолий Иванович	1950		1986	орден Мужества
2341	Фиалковский Александр Егорович	1949	1991		
2342	Филатов Сергей Иванович	1954		1988	
2343	Филатов Владимир Иванович	1934	1995	1986	
2344	Филатов Александр Федорович	1961		1986	
2345	Филатова Людмила Аркадьевна	1947		1986	
2346	Филимонов Анатолий Иванович		2005	1988	
2347	Филин Александр Иванович	1958		1986	
2348	Филипов Валерий Викторович	1961		1986	медаль «За спасение погибавших»
2349	Филипович Павел Михайлович	1956	2006	1986	
2350	Филиппова Татьяна Ивановна	1947		1986	
2351	Филипский Игорь Иванович	1967		1986	
2352	Филипченко Анатолий Макарович	1946		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
2353	Фильков Николай Николаевич	1966		1987	орден Мужества
2354	Фирсов Владимир Михайлович	1964		1986	орден Мужества
2355	Фисенко Сергей Петрович	1950	2007	1987	
2356	Флусов Николай Александрович	1949	1998	1987	
2357	Фокин Олег Юрьевич	1965		1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
2358	Фоменко Михаил Юрьевич	1959	2008	1987	
2359	Фомин Владимир Демьянович	1953	2009	1988	
2360	Фомин Виктор Николаевич	1960		1987	медаль «За отвагу»
2361	Фомин Олег Иванович	1968		1986	
2362	Фомичев Геннадий Ильич	1949		1986	
2363	Фрилинг Иван Иванович	1964		1986	
2364	Фроленко Геннадий Федорович		1995		
2365	Фролов Игорь Павлович	1966		1986	

Красноярский край. Список участников ликвидации последствий аварии на ЧАЭС на 01.01.2011

№	Ф.И.О.	Год рождения	Год смерти	Год участия	Государственные награды
2366	Футомайс Валерий Ильич		1993	1986	
2367	Хавбоша Владимир Ильич	1956		1986	медаль «За спасение погибавших»
2368	Хадарцев Таймураз Хаджумаротович	1946		1986	
2369	Хазов Александр Юрьевич	1952	2005	1988	медаль «За спасение погибавших»
2370	Хайдуков Виктор Георгиевич		1993	1986	
2371	Хайдукова Надежда Михайловна	1948		1986	
2372	Хаймин Виктор Сергеевич	1931		1986	медаль «За спасение погибавших»
2373	Хайрутдинов Рустам Ярхамович	1960		1986	
2374	Халезов Николай Дмитриевич	1959		1987	
2375	Хамзин Рафик Иниятович	1959		1986	
2376	Ханин Сергей Вячеславович	1962		1986	
2377	Хаперский Виктор Сергеевич	1961		1987	
2378	Хардин Валерий Иванович	1952		1987	медаль «За отвагу»
2379	Харец Геннадий Кузьмич	1953	2002	1988	
2380	Харитонов Геннадий Михайлович	1947	2006	1989	
2381	Харитонов Константин Петрович		1998	1986	
2382	Харлов Михаил Юрьевич			1987	
2383	Харченко Николай Семенович	1950		1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
2384	Харченко Станислав Федорович	1960		1986	
2385	Харченко Сергей Петрович			1986	
2386	Хацкевич Василий Петрович	1947		1988	
2387	Хворощ Виктор Игоревич	1957		1988	
2388	Хвостов Анатолий Петрович	1949		1988	
2389	Хендогин Александр Александрович	1954		1987	
2390	Хибатуллин Фавариз Гумирович	1942		1986	
2391	Хлебников Василий Аркадьевич	1956		1988	
2392	Хмель Александр Николаевич	1939		1988	
2393	Холодильов Валерий Юрьевич	1962	2004	1986	
2394	Хондошко Виктор Филиппович	1954		1988	медаль «За спасение погибавших»
2395	Хопта Евгений Станиславович	1965		1986	
2396	Хорев Сергей Павлович	1954	2009	1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
2397	Хороший Геннадий Яковлевич	1946		1986	
2398	Хотько Александр Петрович	1958		1986	орден Мужества
2399	Хоцкевич Михаил Тихонович	1949	2002	1988	
2400	Храбрых Анатолий Васильевич	1961		1986	
2401	Хренов Александр Борисович	1949	2002	1986	
2402	Хрипунов Роман Николаевич	1966		1986	
2403	Хроменко Александр Васильевич	1951		1986	орден Мужества
2404	Хромов Юрий Геннадьевич	1956		1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
2405	Хрушков Евгений Ильич	1935	2008	1986	
2406	Хряпко Геннадий Григорьевич	1955		1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
2407	Худоногов Геннадий Александрович	1947		1988	
2408	Худяев Юрий Степанович	1946	2009	1986	орден Мужества
2409	Хусаинов Шавкат Заинуллович	1954		1988	
2410	Цалко Иван Леонидович	1960		1986	
2411	Царева Светлана Юрьевна	1946		1987	
2412	Царегородцев Михаил Егорович	1937		1986	орден Трудового Красного Знамени, орден Мужества
2413	Цариков Юрий Поликарпович	1950		1988	
2414	Цветков Сергей Евгеньевич	1951		1986	орден Мужества
2415	Цветков Евгений Николаевич	1956	2003	1986	медаль «За спасение погибавших»
2416	Цветков Александр Владимирович	1950		1989	орден Мужества
2417	Целковский Иван Васильевич		1998	1986	
2418	Целлер Иосиф Иванович	1952	1993	1988	
2419	Целюк Александр Георгиевич	1949		1986	
2420	Цепух Михаил Васильевич	1957		1986	

«Спасибо вам, не подвели, не дрогнули...»

№	Ф.И.О.	Год рождения	Год смерти	Год участия	Государственные награды
2421	Церуш Владимир Георгиевич	1958		1986	
2422	Цеханович Николай Григорьевич	1953		1986	
2423	Цеханович Сергей Иванович	1961		1986	
2424	Цибелев Владимир Павлович	1949	2001	1986	медаль «За спасение погибавших»
2425	Цой Виталий Владимирович	1956		1986	
2426	Цыбко Анжела Петровна			1986	
2427	Цыкал Михаил Васильевич	1942		1987	
2428	Цыгульский Анатолий Иванович	1948		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
2429	Чадин Евгений Александрович	1953	1994	1987	
2430	Чайка Венера Фаатовна	1958		1986	
2431	Чайкин Александр Петрович	1968		1986	медаль «За отвагу»
2432	Чайкин Александр Николаевич	1957		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
2433	Чайковский Роман Николаевич	1957		1987	
2434	Чалкин Владимир Петрович	1947	2005	1987	орден Мужества
2435	Чалкин Виктор Федорович	1953		1988	
2436	Чанкуев Замир Али Гасан Гусейнович	1963		1986	
2437	Чанчиков Виктор Федорович	1950	2002	1987	медаль «За спасение погибавших»
2438	Чарушин Василий Сергеевич	1952		1986	
2439	Чащин Олег Николаевич	1954	2005	1988	медаль «За спасение погибавших»
2440	Чащина Любовь Петровна	1961		1986	медаль «За спасение погибавших»
2441	Чебаков Геннадий Михайлович	1956	2007	1988	
2442	Чебанов Вадим Николаевич	1963		1986	
2443	Чеботарев Владимир Васильевич	1947		1986	медаль «За спасение погибавших»
2444	Чеботарев Николай Антонович	1925	1992		
2445	Чежевский Дмитрий Дмитриевич	1961	2009	1986	
2446	Чекан Леонид Александрович			1986	
2447	Челпанов Владимир Николаевич	1958		1988	
2448	Ченский Михаил Григорьевич	1947	1999	1986	
2449	Ченцов Александр Иванович	1954		1986	
2450	Чепига Александр Иванович			1986	
2451	Чепрасов Олег Борисович	1951		1987	
2452	Чепурной Анатолий Александрович	1951		1986	
2453	Червонный Анатолий Иванович	1939		1987	
2454	Червяк Юрий Владимирович	1954		1986	
2455	Червяков Владимир Сергеевич	1948		1987	медаль «За отвагу»
2456	Черемных Александр Георгиевич	1953		1986	
2457	Черепяхин Геннадий Алексеевич	1943		1989	
2458	Черепов Александр Семенович	1949		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
2459	Черкаев Александр Геннадьевич	1967		1987	
2460	Черкасов Сергей Ханимулович	1963		1987	
2461	Черкасов Сергей Николаевич	1947		1987	медаль «За отвагу»
2462	Черкасов Виктор Иванович	1947		1988	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
2463	Черкасов Виктор Николаевич	1959	2003	1986	медаль «За спасение погибавших»
2464	Черкасов Вадим Николаевич	1948		1986	
2465	Черкашин Вениамин Вениаминович	1951	2007	1986	орден Мужества
2466	Черкашин Михаил Леонидович	1951	2006	1986	орден Мужества
2467	Чернавский Лев Михайлович	1945		1986	
2468	Черная Галина Николаевна	1942		1987	медаль «За спасение погибавших»
2469	Черненко Сергей Петрович	1960	2010	1986	
2470	Черненко Иван Васильевич	1939	1998	1986	
2471	Черников Николай Александрович	1944		1986	
2472	Черников Владимир Георгиевич	1954	1993	1987	
2473	Чернов Юрий Александрович	1959		1986	
2474	Чернов Александр Дмитриевич	1948	1998	1986	
2475	Чернов Анатолий Федорович	1943		1986	
2476	Чернова Любовь Михайловна	1956		1986	
2477	Черногубов Алексей Николаевич	1955	2006	1986	
2478	Черногубов Сергей Иванович		1999	1986	

Красноярский край. Список участников ликвидации последствий аварии на ЧАЭС на 01.01.2011

№	Ф.И.О.	Год рождения	Год смерти	Год участия	Государственные награды
2479	Черных Владимир Александрович	1955	2002	1987	медаль «За спасение погибавших»
2480	Черных Владимир Иванович	1949	2008	1988	медаль «За спасение погибавших»
2481	Черных Николай Федорович	1950		1987	медаль «За отвагу»
2482	Черных Владимир Федорович	1951	1992	1987	
2483	Чернышев Иван Алексеевич	1956		1986	
2484	Чернышев Юрий Александрович	1955		1987	
2485	Чернышенко Андрей Викторович	1962		1986	
2486	Черняева Валентина Кузьминична	1941		1986	
2487	Чесноков Николай Борисович	1962		1987	
2488	Четвертаков Александр Петрович	1960	1993	1986	
2489	Чефранов Петр Пантелеевич	1938	2009	1986	медаль «За спасение погибавших»
2490	Чечушков Владимир Иванович	1951		1987	орден Мужества
2491	Чибириячкин Василий Николаевич	1946	2004	1988	
2492	Чибисов Александр Федорович	1950		1988	медаль «За спасение погибавших»
2493	Чижевский Василий Александрович	1952		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
2494	Чижов Владимир Александрович	1957	2002	1989	
2495	Чикишев Валерий Евгеньевич	1954		1986	
2496	Чикунев Виктор Николаевич	1941		1986	
2497	Чикунев Леонид Петрович	1948	2009	1986	
2498	Чиркин Валерий Иванович		1988	1986	
2499	Чирков Сергей Александрович	1961		1986	
2500	Читохин Валерий Егорович	1942	2010	1987	орден Мужества
2501	Чудаков Александр Николаевич	1957		1986	
2502	Чудов Владимир Михайлович	1959	2000	1986	
2503	Чуйко Виктор Алексеевич	1957		1987	
2504	Чумаков Александр Петрович	1961		1986	
2505	Чурбаков Сергей Иванович	1956		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
2506	Чуриков Анатолий Иванович	1953		1986	
2507	Чучкалов Николай Тимофеевич	1949		1986	медаль «За спасение погибавших»
2508	Чучук Светлана Юрьевна	1966		1986	
2509	Чучулин Николай Юрьевич	1964	умер	1986	
2510	Шабалина Надежда Ивановна	1949		1987	
2511	Шабрыкин Андрей Викторович	1962		1986	
2512	Шавлуков Аслан Курбан	1956		1986	
2513	Шагинян Виктор Леонидович	1945		1987	орден Мужества
2514	Шаймардонов Фарит Фарахович	1950		1986	орден Мужества
2515	Шакура Кирилл Иванович	1912	1997		
2516	Шакуров Рафаель Закиевич	1946		1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
2517	Шалаев Георгий Гаврилович	1958		1986	
2518	Шалейников Геннадий Иванович	1952		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
2519	Шальгин Сергей Владимирович	1956	1988	1986	
2520	Шальгин Виктор Семёнович	1954		1986	
2521	Шаметко Владимир Михайлович	1950		1988	медаль «За спасение погибавших»
2522	Шамсутдинов Хийирбег Шамсутдинович	1953		1986	
2523	Шандров Сергей Александрович	1957		1986	
2524	Шапкин Владимир Алексеевич	1958		1988	
2525	Шаповал Анатолий Иванович	1954		1987	
2526	Шапочкин Геннадий Николаевич	1954	1999	1988	
2527	Шарабарин Василий Кузьмич	1951	2003	1987	
2528	Шарман Александр Григорьевич	1954		1987	
2529	Шаров Валерий Викторович	1954		1986	
2530	Шаров Анатолий Иванович		1996	1986	
2531	Шатыгин Владимир Евдокимович	1952		1986	орден Мужества
2532	Шафранский Виктор Антонович	1954		1986	медаль «За спасение погибавших»
2533	Шахов Сергей Васильевич	1960		1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
2534	Шашков Владимир Павлович	1949		1986	
2535	Шашков Валерий Викторович	1958		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
2536	Швадченко Анатолий Сергеевич	1956		1986	

«Спасибо вам, не подвели, не дрогнули...»

№	Ф.И.О.	Год рождения	Год смерти	Год участия	Государственные награды
2537	Шварц Андрей Андреевич	1957		1986	
2538	Швед Александр Казимирович	1965		1986	
2539	Швецов Андрей Андреевич	1960		1987	медаль «За отвагу»
2540	Швецов Валерий Александрович	1940		1986	
2541	Швидя Олег Викторович	1957		1988	
2542	Швелев Игорь Алексеевич	1957	2004	1986	
2543	Шевляков Владимир Николаевич	1949		1987	орден Мужества
2544	Шевцов Михаил Герасимович			1986	
2545	Шевцова Людмила Николаевна	1945		1987	
2546	Шевченко Николай Николаевич	1963		1987	
2547	Шевченко Николай Николаевич	1949		1986	орден Мужества
2548	Шевченко Александр Николаевич	1964		1986	
2549	Шевченко Александр Александрович	1951		1986	
2550	Шейкин Николай Петрович	1951		1987	орден Мужества
2551	Шелоханов Геннадий Филиппович	1957	2004	1988	
2552	Шеребзянов Рашид Голявутдинович		1995	1988	
2553	Шереметьев Павел Александрович	1950		1986	
2554	Шерстнев Сергей Николаевич	1964		1986	
2555	Шерстук Василий Михайлович	1955	2001	1987	
2556	Шерстюк Тихон Никифорович	1945	2001	1986	
2557	Шестаков Александр Михайлович	1954	2004	1987	
2558	Шестаков Юрий Леонидович	1959	2003	1987	
2559	Шестаков Александр Юрьевич	1954		1987	
2560	Шестопалов Илья Николаевич	1947		1986	медаль «За отвагу»
2561	Шефф Владимир Федорович	1951		1987	медаль «За отвагу»
2562	Шеходанов Виктор Васильевич	1954	2006	1988	
2563	Шешеня Юрий Семенович	1961		1986	
2564	Шешуков Виталий Михайлович	1951		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
2565	Шиббаева Валентина Васильевна	1941		1986	орден Мужества
2566	Шибко Петр Петрович	1949		1988	
2567	Шибут Виктор Михайлович	1947		1986	
2568	Шикарев Николай Сергеевич	1956		1986	медаль «За спасение погибавших»
2569	Шилов Владимир Павлович	1949	2005	1988	
2570	Шилов Юрий Иванович			1986	
2571	Шинов Александр Александрович	1948		1986	
2572	Шипагин Александр Михайлович	1933		1986	орден Мужества
2573	Шипицин Юрий Васильевич	1957		1986	
2574	Шиптухин Сергей Никифорович	1953	2002	1988	
2575	Ширчиков Михаил Васильевич	1950		1986	
2576	Ширяев Владимир Кузьмич	1962		1987	
2577	Шишков Сергей Дмитриевич	1957		1988	медаль «За спасение погибавших»
2578	Шишов Юрий Иванович	1959		1986	
2579	Шишов Юрий Николаевич	1955		1987	
2580	Шкарбун Юрий Борисович	1956		1986	
2581	Шлыков Геннадий Михайлович	1954	2007	1987	
2582	Шмаков Сергей Валерьевич	1957		1987	
2583	Шмаков Алексей Алексеевич	1967	2005	1986	
2584	Шмелев Юрий Валентинович	1957		1986	
2585	Шмелев Владимир Петрович	1953	2005	1987	
2586	Шмелев Алексей Георгиевич	1940	1998	1986	
2587	Шморгуненко Анатолий Васильевич	1965		1988	
2588	Шнайдер Иван Яковлевич	1953		1987	
2589	Шовунов Анатолий Первеевич	1950		1988	медаль «За отвагу»
2590	Шомахмедов Александр Субханкулович	1963		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
2591	Шотов Николай Алексеевич	1949		1989	медаль «За спасение погибавших»
2592	Шпак Виктор Васильевич	1952		1988	медаль «За спасение погибавших»
2593	Шпак Александр Петрович	1948		1988	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
2594	Шпаковский Анатолий Михайлович	1951	1988	1986	

Красноярский край. Список участников ликвидации последствий аварии на ЧАЭС на 01.01.2011

№	Ф.И.О.	Год рождения	Год смерти	Год участия	Государственные награды
2595	Шрайнер Владимир Андреевич	1954		1988	
2596	Штерн Виктор Казимирович	1952		1988	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
2597	Шуворов Анатолий Васильевич		2003	1986	
2598	Шугай Владимир Яковлевич		1990	1986	
2599	Шукель Валерий Николаевич	1947		1987	
2600	Шульгин Сергей Викторович	1958		1987	
2601	Шуляев Юрий Афанасьевич	1949		1987	орден Мужества
2602	Шумаков Николай Витальевич	1942		1989	
2603	Шумар Виктор Кириллович	1951	1999	1987	
2604	Шумков Александр Кириллович		1999	1986	
2605	Шумов Сергей Николаевич	1952		1987	
2606	Шурупов Александр Алексеевич	1943	1990		
2607	Шутков Леонид Иванович	1957	умер	1987	
2608	Шутов Александр Валентинович	1966	2005	1986	
2609	Щекин Борис Петрович	1947		1987	
2610	Щелчков Николай Романович	1954		1987	
2611	Щенников Александр Иванович		1997	1986	
2612	Щепанский Владимир Адамович	1946		1986	медаль «За спасение погибавших»
2613	Щепелев Виктор Васильевич	1943	2002	1986	
2614	Щербаков Виктор Александрович	1959		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
2615	Щербаков Владимир Викторович	1951	1995	1987	
2616	Щербаков Евгений Дмитриевич	1957	1999	1988	
2617	Щербаков Михаил Владимирович	1958	1995	1986	
2618	Щербаков Петр Тимофеевич	1935	2007	1986	
2619	Щербина Владимир Николаевич	1949		1986	орден Мужества
2620	Щербина Валерий Дмитриевич	1945	2002	1986	
2621	Щербинин Николай Иванович	1928		1986	
2622	Щербников Сергей Анатольевич	1955		1987	
2623	Щукин Борис Александрович	1952		1986	
2624	Щукин Александр Николаевич	1950		1987	медаль «За отвагу»
2625	Щукин Степан Валентинович	1947		1987	орден Мужества
2626	Эйсак Валерий Владимирович	1944		1986	медаль «За спасение погибавших»
2627	Эйхнер Владимир Александрович	1963	2008	1987	
2628	Экиль Александр Константинович	1956		1986	
2629	Юдаков Юрий Андреевич	1950		1987	
2630	Юников Николай Николаевич	1949		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
2631	Юнkevичуте Андрей Петрович	1966		1986	
2632	Юркина Марина Петровна			1986	
2633	Юрченко Илья Григорьевич	1964		1986	
2634	Юсупов Сергей Каримович	1963		1986	орден Мужества
2635	Юсупов Гаяз Манимулович	1940	2002	1986	
2636	Юсупов Евгений Евгеньевич		1999	1986	
2637	Юхин Валерий Игоревич	1954	умер	1987	
2638	Юшко Михаил Иванович	1951		1987	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
2639	Юшко Геннадий Алексеевич	1951	2010	1987	орден Мужества
2640	Юшков Юрий Петрович	1951		1986	медаль «За спасение погибавших»
2641	Юшков Иван Яковлевич	1951	2002	1988	
2642	Яблонцев Андрей Павлович	1966		1986	медаль «За спасение погибавших»
2643	Ягодаров Геннадий Владимирович	1955		1988	
2644	Якимов Владимир Георгиевич	1952		1988	
2645	Якимчев Леонид Сергеевич	1941		1987	
2646	Яковенко Василий Павлович	1949		1988	орден Мужества
2647	Яковенко Николай Федорович	1953		1988	
2648	Яковин Александр Григорьевич	1956		1986	
2649	Яковлев Александр Викторович	1966		1986	
2650	Яковлев Петр Семенович	1948		1988	
2651	Яковлев Олег Юрьевич	1962	2006	1986	орден Мужества
2652	Яковлев Павел Витальевич	1962		1986	

«Спасибо вам, не подвели, не дрогнули...»

№	Ф.И.О.	Год рождения	Год смерти	Год участия	Государственные награды
2653	Яковлев Геннадий Иванович	1948	2006	1986	
2654	Яковлева Елена Борисовна	1968		1989	
2655	Яковский		умер	1986	
2656	Якубовский Олег Васильевич	1960		1986	
2657	Якунин Николай Филиппович	1953	2001	1986	
2658	Якупов Ахматулла Исмагилович	1949	2003	1988	
2659	Якухин Сергей Иванович	1954		1987	
2660	Якушев Юрий Ефимович	1950	1995	1989	
2661	Якушин Валерий Николаевич	1957		1986	медаль «За спасение погибавших»
2662	Ямбаев Александр Григорьевич	1952		1986	
2663	Ямщиков Леонид Иванович	1947		1986	орден Мужества
2664	Янганаев Рафаил Исмагилович	1930		1986	
2665	Янер Михаил Иосифович	1942	1998	1986	
2666	Янин Виктор Иванович	1959		1986	медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени
2667	Янченко Геннадий Данилович	1950		1986	орден Мужества
2668	Яо-Кун-Син Сергей Михайлович	1951		1987	
2669	Ярьско Валентина Дмитриевна	1941		1986	
2670	Ярославцев Владимир Николаевич	1947		1987	медаль «За отвагу»
2671	Ярош Владимир Александрович	1955		1986	
2672	Ярусов Анатолий Васильевич	1952		1986	
2673	Ярута Николай Николаевич	1948		1987	орден Мужества
2674	Ярушин Александр Федорович	1952		1988	
2675	Ярыгин Вячеслав Викторович	1958		1986	
2676	Ястребов Юрий Петрович	1945	2001	1986	
2677	Яхин Ядват Салаватович	1952		1987	
2678	Яцкевич Валентин Антонович			1986	
2679	Яцковский Леонид Юрьевич	1954		1987	
2680	Яшенькин Юрий Анатольевич	1962		1986	
2681	Яшин Владимир Константинович	1950	2003	1987	
2682	Яшин Владимир Николаевич	1951		1986	орден Мужества
2683	Яшков Валерий Михайлович	1956		1986	орден Мужества
2684	Бондарь Сергей Анатольевич	1960		1986	
2685	Борисов Анатолий Иванович	1956		1986	
2686	Буданов Анатолий Александрович	1946		1987	
2687	Гребнев Николай Михайлович	1937		1986	
2688	Депутатов Владимир Викторович	1951		1986	
2689	Дрозденко Сергей Иванович	1956		1986	
2700	Дульнев Геннадий Николаевич	1960		1988	
2701	Заверуха Евгений Николаевич	1956		1986	
2702	Зув Николай Иванович	1952		1986	
2703	Ивченко Наталья Иосифовна	1954		1986	
2704	Казак Алексей Анатольевич	1961		1986	
2705	Калинин Аркадий Германович	1956		1986	
2706	Кинстлер Петр Петрович	1953		1987	
2707	Коростелев Иван Ильич	1961		1988	
2708	Коцюба Владимир Петрови	1945		1987	
2709	Леонов Виктор Федорович		2001	1986	
2710	Лу Виктор Анатольевич	1958		1986	
2711	Макуха Олег Михайлович	1964		1988	
2712	Мамедов Магеррам Али Оглы	1956		1988	
2713	Перелыгин Михаил Юрьевич	1961		1986	
2714	Попов Михаил Николаевич	1954		1988	
2715	Рубайлова Екатерина Михайловна	1931		1986	
2716	Терников Евгений Михайлович	1951		1987	
2717	Ткачев Михаил Васильевич	1929		1988	
2718	Ткачева Валентина Ивановна	1923		1988	
2719	Яковлев Геннадий Михайлович	1948	2000	1986	

Красноярскому краевому Союзу «Чернобыль» 20 лет

10 декабря 1990 года была зарегистрирована общероссийская общественная организация Союз «Чернобыль» России. 12 мая 1991 года был введен в действие закон СССР «О социальной защите граждан, пострадавших вследствие Чернобыльской катастрофы». 15 мая 1991 года был принят закон РСФСР «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на ЧАЭС».

Это были базовые чернобыльские законы. Первые поправки в них были внесены 13 июня 1992 года. С каждой поправкой государство законодательно ущемляло социальное положение ликвидаторов, уменьшало либо снимало компенсации за вред здоровью, лишало медицинского и санитарно-курортного обслуживания. Чернобыльцы всей страны стали отстаивать свои права в суде.

В Красноярске первая общественная организация чернобыльцев возникла в Ленинском районе краевого центра. Инициатором ее создания был Анатолий Вениаминович Богданов.

21 декабря 1991 года начала свою работу краевая общественная организации — Красноярский союз «Чернобыль». Первым ее руководителем и делегатом первых съездов Союза «Чернобыль» СССР и РСФСР был Александр Владимирович Бевза, начальник СМУ «Сибхимстроя», начальник 2-го Красноярского района в второй вахты.

Александр Владимирович Бевза: «Я не жалею, что участвовал в ликвидации последствий аварии, но второй раз, конечно, уже не поеду. В сердце у каждого чернобыльца осталась боль, что страна со временем забыла про нас. Тогда, в 1986-м, врачи говорили, что Чернобыль заявит о себе через 5 лет, но у некоторых здоровье пошатнулось и раньше. Ушли из жизни люди, которые не смогли справиться ни со своей психикой, ни с отсутствием социальных программ. Долги нам Родина так и не отдала при всех нынешних финансовых возможностях. Выплаты и компенсации чернобыльцам — обидная тема».

Сегодня в нашем крае зарегистрированы 16 местных отделений краевого союза «Чернобыль».

Самые многочисленные и активные чернобыльские организации работают в Железногорске и Красноярске. Именно здесь проживает самое большое количество участников ликвидации аварии на ЧАЭС.

В 2002 году председателем правления городской и краевой организации Союз «Чернобыль» был избран Владимир Алексеевич Михайлов, принимавший участие в ликвидации аварии в качестве заместителя командира роты 2-го батальона 29-го полка химической и радиационной защиты.

Владимир Алексеевич Михайлов: «Наша задача — отслеживать исполнение закона о социальной защите граждан, пострадавших при катастрофе на Чернобыльской АЭС. Закон был издан еще в 1991 году, после того, как потребовалось регламентировать вопрос о защите ликвидаторов. С того времени он изменялся раз пятнадцать, и не всегда удачно.

Основа наших обращений адресована федеральным органам власти, которые обязаны, согласно закону, заботиться о нас. Краевая и муниципальная власти могут помочь нам только содействием.

Но суть нашей организации не в борьбе с государством. Нам важно показать, что Чернобыль — это не трагедия ликвидаторов, а настоящее мужество и титанический труд. Мы приобрели уникальный опыт ликвидации последствий радиационной катастрофы, и теперь важно не растерять его, не дать забыть о нем будущим поколениям, чтобы не допустить впрямь повторения подобного».

Каждая из чернобыльских организаций Красноярского края — это отдельная страница современной истории. Каждый из участников ликвидации — настоящий герой нашего времени. Одна книга не способна вместить все вехи чернобыльской истории. А значит, чернобыльская летопись Красноярья должна быть дописана. Мы не вправе забыть имена тех, кто своим здоровьем, своей жизнью, своей честью защитил всех нас от атомной беды.

1

2

3

4

1. Город Железногорск. Чернобыльцы «Сибхимстроя»
2. Памятная стела на проспекте Комсомольском
3. Александр Бевза у стелы «Жертвам Чернобыльской катастрофы» на площади Победы краевого центра
3. Открытие памятника героям Чернобыля в Минусинске

5. Вручение орденов ликвидаторам Зеленогорска. В нижнем ряду в центре — генерал Е. В. Рыгалов, 1997 г.
6. Члены Союза «Чернобыль» Енисейска. Слева направо: Вадим Бондарь, Юрий Петухов, Евгений Тополь, Владимир Петров, Владимир Самылин, Олег Болгов, Валерий Бродников, Сергей Марьясов, Георгий Ламбин, Юрий Ключ, Тагир Гасанов (слева внизу)
7. Председатель краевого союза чернобыльцев В. А. Михайлов в гостях у ликвидаторов г. Канска
8. Благоустройство аллеи памяти Героев Чернобыля на проспекте Комсомольском в Советском районе Красноярска

ИСТОЧНИКИ:

Официальный сайт Госкорпорации Росатом	http://www.rosatom.ru/
Официальный сайт ФГУП «Горно-химический комбинат»	http://www.sibghk.ru/
Официальный сайт ГСП «Чернобыльская АЭС»	http://www.chnpp.gov.ua/
Официальный сайт Института проблем безопасного развития ядерной энергетики Российской академии наук	http://www.ibrae.ac.ru/
Официальный сайт НИЦ «Курчатовский институт»	http://www.kiae.ru/
Официальный сайт Радиевого института им. В.Г. Хлопина	http://www.khlopin.ru/
Официальный сайт ООН	http://www.un.org/ru/
Сайт общероссийского союза общественных объединений «Союз «Чернобыль» России»	http://souzchernobyl.ru/
Сайт Красноярской краевой общественной организации инвалидов Союз «Чернобыль» и местного отделения ККО ОИ СЧ г. Красноярска	http://kraschern.ru/
Официальный сайт союза «Чернобыль» Украины	http://www.souzchernobyl.org
Официальный сайт института радиологии республики Беларусь	http://www.rir.by/ru/index.html

Сперанский В. К. Сибиряки с чернобыльской отметиной. — Красноярск: изд-во «Буква С», 2008 г.

Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений — М.: Ассоц. «Книга. Просвещение. Милосердие», 1995.

Рыжков Н. И. Перестройка история предательств. — М. 1992 г.

Хамьянов Л. П. «Москва — Чернобылю» — М., Воениздат, 1998 г.

Дмитрий Стацуря «Ещё раз о причинах Чернобыльской аварии» Журнал «Атомная стратегия» № 22, май 2006 г.

Журнал Наука и жизнь, 1989 г.

Доклад ООН «Гуманитарные последствия аварии на Чернобыльской АЭС: стратегия реабилитации», 2002 г.

Филиппов В. Чернобыльский «Крест» и подвиг/
«Красная Звезда», 26 апреля 2006 г. http://www.redstar.ru/2006/04/26_04/2_02.html

Всё о Чернобыле и его последствиях <http://renatar.livejournal.com/26922.html>

Еженедельник 2000 <http://2000.net.ua/2000/aspekty/44112>

Сборник «Долг и мужество» ФГУП ИСС Минатома России <http://www.iss.niit.ru/book-4/index.htm>

Медведев Г. «Чернобыльская тетрадь» <http://library.narod.ru/tetr/tetr1.htm>

Сайт «Pripyat.com» <http://pripyat.com/>

Журнал Вокруг света, апрель, 2006 <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/2649/>

Митюнин А. Атомный штрафбат. Национальные особенности ликвидации последствий радиационных аварий в СССР и России <http://nuclearno.ru/text.asp?9784>

В книге использованы фотографии из фондов МВЦ г. Железногорска, МВЦ г. Зеленогорска, МВЦ ПО ЭХЗ г. Зеленогорска, личных архивов ликвидаторов

Использованы фотографии «Припять с высоты птичьего полета» форума «Pripyat.com» <http://forum.pripyat.com/showpost.php?p=80128&postcount=53>

**АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ КНИГИ «ЧЕРНОБЫЛЬ. ТРУД И ПОДВИГ»
СЕРДЕЧНО БЛАГОДАРИТ ЗА ПОМОЩЬ
В ПОДГОТОВКЕ ЭТОГО ИЗДАНИЯ:**

Заместителя Губернатора Красноярского края — заместителя председателя
Правительства Красноярского края **Ольгу Анатольевну Карлову**

Заместителя Председателя Законодательного Собрания
Красноярского края **Алексея Михайловича Кleshko**

Генерального директора ФГУП «Горно-химический комбинат»
Петра Михайловича Гаврилова

Управление информационной политики Губернатора Красноярского края в лице
**Сергея Александровича Попова, Ольги Николаевны Полинской,
Юрия Викторовича Репина, Ольги Викторовны Щедрухиной.**

Красноярский краевой Союз «Чернобыль» — Владимира Алексеевича Михайлова, председателя правления; Александра Васильевича Лазунько, члена правления; Елену Александровну Лазунько, юрисконсульта; Любовь Павловну Попову, помощника председателя правления; Юрия Павловича Затева, председателя Ачинского местного отделения; Михайленко Сергея Алексеевича, председателя Дивногорского местного отделения; Евгения Тихоновича Жижина, председателя Емельяновского местного отделения; Евгения Ивановича Тополя, председателя Енисейского местного отделения; Владимира Константиновича Сперанского, председателя Железногорского местного отделения; Евгения Ивановича Обухова, председателя Зеленогорского местного отделения; Алексея Николаевича Буйских, председателя Канского местного отделения; Игоря Георгиевича Пасынкова, председателя Курагинского местного отделения; Владимира Тихоновича Ермошкина, председателя Минусинского местного отделения; Галину Владимировну Литвак, председателя Назаровского местного отделения; Сергея Ивановича Чурбакова, председателя Ужурского местного отделения; Михаила Иосифовича Свидрицкого, председателя Боготольского местного отделения; Алексея Александровича Лемещенко, председателя Шарыповского местного отделения.

Коллектив бывшего красноярского НПО «Сибцветметавтоматика»
в лице генерального директора Михаила Егоровича Царегородцева,
а также Ивана Прокопьевича Розманова, Виктора Михайловича Калининкова,
Владимира Адамовича Щепанского.

Коллектив Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края
и лично директора Татьяну Лукиничну Савельеву.

Коллектив МУК «Музейно-выставочный центр» МО ЗАТО г. Железногорск
(городской музей Железногорска) и лично директора музея Валентину Александровну Попову
и главного хранителя Галину Владимировну Харитонову.

Коллектив МУК «Музейно-выставочный центр» г. Зеленогорска
и лично директора Александра Николаевича Шавкуна
и заведующую музеем истории города Наталью Павловну Гаврилову.

Коллектив Музейно-выставочного центра ОАО «По «ЭХЗ» г. Зеленогорска
и лично специалиста группы МВЦ Анастасию Викторовну Кашникову, специалиста группы МВЦ
Любовь Александровну Соломатину, руководителя группы фондов Нину Григорьевну Волкову,
специалиста группы фондов Светлану Юрьевну Вялову.

Коллектив Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова
и лично директора Людмилу Николаевну Ермолаеву
и заведующую издательским отделом Веру Геннадьевну Чернышеву.

Главного редактора журнала «Синева» ОАО «Красмаш»
Галину Викторовну Яковлеву

Коллектив МУК БМК г. Сосновоборска

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступительное слово Губернатора Красноярского края	3
Вступительное слово генерального директора ФГУП «Горно-химический комбинат»	4
Вступительное слово председателя правления Красноярского краевого Союза «Чернобыль».	7
Чернобыль разный, но один на всех (от авторов)	8
Мне имя Чернобыль (история ЧАЭС)	10
Война закончилась не для всех (рождение атомной эпохи)	20
Дни испытаний (хроника катастрофы)	24
РБМК-1000.	52
Герои нашего времени. Вклад Красноярского края в ликвидацию последствий аварии на ЧАЭС	54
Первые дни (начало ликвидации)	56
Люди и машины (технический арсенал)	72
Укрытие для реактора (строительство объекта «Укрытие»)	86
Военные строители (УВСЧ Минсредмаша)	110

Личные воспоминания ликвидаторов	114
Дни, растянувшиеся на годы (1987 – 1990 гг.)	148
Личные воспоминания ликвидаторов	156
Причины и последствия (версии причин аварии)	188
Жизнь после катастрофы (дальнейшая судьба ЧАЭС)	198
Взгляд сквозь годы (Чернобыль – 2010)	206
Стратегия Госкорпорации (атомная отрасль после Чернобыля)	210
Реальные источники энергии (перспективы развития атомной энергетики)	218
Личные воспоминания ликвидаторов	224
Красноярский край. Список участников ликвидации последствий аварии на ЧАЭС на 01.01.2011 г.	248
Красноярскому краевому Союзу «Чернобыль» 20 лет	297
Источники	300
Оглавление	302

Чернобыль. Труд и подвиг.

Красноярским ликвидаторам Чернобыльской аварии посвящается.

Редакционный совет:

Карлова О. А., заместитель Губернатора края — заместитель председателя Правительства Красноярского края.

Клешко А. М., заместитель председателя Законодательного Собрания Красноярского края.

Гаврилов П. М., генеральный директор ФГУП «Горно-химический комбинат».

Михайлов В. А., председатель правления Красноярской краевой общественной организации инвалидов «Союз «Чернобыль».

Польнская О. Н., заместитель начальника управления информационной политики Губернатора края.

Репин Ю. В., начальник отдела управления информационной политики Губернатора края.

Щедрухина О. В., консультант организационно-методического отдела управления информационной политики Губернатора края.

Консультанты и авторы тестов:

Михайлов В. А., председатель правления Красноярского Союза «Чернобыль»; Сперанский В. К., председатель Железногорского отделения Союза «Чернобыль»; Русанов В. А., заместитель главного инженера ФГУП «Горно-химический комбинат»; Рыженков Б. В., заместитель начальника ОСО ФГУП «Горно-химический комбинат»; Царегородцев М. Е., бывший генеральный директор НПО «Сибцветметавтоматика»; Гурков В. И., доцент кафедры общей физики ИФП СФУ.

Издательская группа:

Директор издательства Щелканова Е. В.

Редактор-составитель Елинская Т. Н.

Исследователи и авторы очерков: Елинская Т. Н., Елисеенко А. Г., Мармышев А. В., Лебедева Ю. В.

Дизайн: Казанцев Д. Г.

3D иллюстрации: Калягин О. В.

Вёрстка: Гладкая Г. В.

Корректор Котова Р. С.

**Книга издана на средства ФГУП «Горно-химический комбинат»
(предприятие Государственной корпорации «Росатом»)**

Подписано в печать 30.03.11. Формат 60x90/8. Печать офсетная. Бумага мелованная

Усл. печ. л. 19. Тираж 3000. Заказ № 27015

Отпечатано: ООО «Поликор», 660049, г. Красноярск, ул. Дубровинского, 58, тел. (391) 227-77-81